

К.М. Базили

Сирия и Палестина под турецким правительством

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Институт стран Азии и Африки

Ассоциация «Мосты Культуры / Гишрей Тарбут»

Подготовка текста и предисловие И.М. Смилянская

Предисловие

Имя Константина Михайловича Базили, российского дипломата и соученика Н.В. Гоголя, было хорошо известно читающей публике 30–40-х годов XIX в. по имевшим успех сочинениям «Архипелаг и Греция в 1830 и 1831 годах» (СПб., 1834), «Очерки Константинополя» (СПб., 1835), «Бос фор и новые очерки Константинополя» (СПб., 1836) {Две последние работы были переизданы издательством «Индрик» в серии «Восточнохристианский мир»: Базили К.М. Очерки Константинополя. Босфор и новые очерки Константинополя. М., 2006.}. После переиздания в 1962 г. (М.: изд-во вост. лит.) и последующих переводов на арабский язык основного сочинения Базили – «Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях» {Один из переводов осуществлен в России: Базийли Кистантин. Сурийат ва

Фаластийн тахт ал-хукм ал-усмани. М.: Прогресс, 1989.} это имя получило признание современных востоковедов. К сожалению, в издании 1962 г. и осуществленных по нему переводах на арабский язык отсутствовали важные дополнения, приложенные К.М. Базили к своему сочинению, что вызвало потребность в полном переиздании этой оставившей заметный след в науке книге, которая за прошедшие десятилетия превратилась в библиографическую редкость.

Заимствуя материал из арабских рукописных хроник {Эти хроники были изданы в Ливане в XX в. Из тех, которые упоминает К.М. Базили, см.: аш-Шихаби, ал-эмир Хайдар Ахмед. Любнан фи ахд ал-умара аш-Шихабийин (Ливан в эпоху эмиров Шихабов). Ч. 1-4. Бейрут, 1969; Абдаллах ибн Трад ал-Бейрути. Мухтасар тарийх ал-асакифа (Краткая история епископов). Бейрут, 2002. Последнее сочинение академик А.Е. Крымский считал анонимным и издал его по принадлежащей ему рукописи частично в русском переводе, частично в русском пересказе под названием «История бейрутских епископов» в «Древностях Восточных» (т. III, вып. 1, М., 1907, с. 25-89).}, из бесед с участниками описываемых им событий или хранителями семейных исторических преданий и пользуясь собственными наблюдениями, К.М.Базили вместе с тем основательно изучил сочинения древних классиков, современных ему историков, записки европейских путешественников и агентов. Именно поэтому он сумел полно и обстоятельно – по тому времени – осветить историю Сирии XVI–XVIII вв., талантливо обрисовать события 30–40-х годов XIX в., сложных и бурных лет сирийской истории, и дать этим событиям анализ более глубокий, чем это сделал кто-либо из историков и публицистов того времени.

В результате книга «Сирия и Палестина...» до сих пор сохраняет свою научную ценность. Одновременно она представляет историографический интерес как одна из ранних работ в области русской арабистики.

О мастерском владении пером и глубоком проникновении Базили в избранные темы высоко отзывались уже современники. Соученик Базили И.Д. Халчинский, советник российского посольства в Стамбуле, замечал: «Вряд ли до того времени и после того являлись в нашей словесности книги равного достоинства о Востоке... Книги Константина Михайловича под обликом легкого рассказа заключают в себе наблюдения основательные, предчувствия, осуществленные последовавшими событиями и доказывающие верность взгляда и основательное знание Востока» {Халчинский И.Д. К.М. Базили // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. СПб., 1881. С. 331.}.

Базили принадлежали также многочисленные консульские донесения, составившие десятки объемистых томов, высоко оцененные Азиатским департаментом МИД и нашедшие отражение в его «Сирии и Палестине...». Важные же для истории экономические записки, т. е. экономическая информация, содержащаяся в донесениях, как и «Обзор Оттоманской армии» увидели свет лишь в 1991 г. и позволили читателям познакомиться с еще одной гранью творчества (равно как и служебных обязанностей) Константина Михайловича.

Для понимания того, как могли в России, «в стороне от академической арабистики», по словам акад. И.Ю. Крачковского, появиться подобные сочинения, нельзя пройти мимо

некоторых фактов биографии Базили, оказавших влияние на его мировоззрение, а также побудивших его заняться изучением истории Сирии.

А судьба Константина Михайловича Базили была сложной. Он родился в Стамбуле 3 февраля 1809 г. в богатой греческой семье, внесшей свой вклад в освободительное движение и культурное возрождение Греции {Там же. С. 326.}. Дед Константина Михайловича – Василий Базили, албанский грек, участвовал в антитурецком восстании 1772 г. (так сказано в его биографии, но, по-видимому, речь идет о восстании 1770 г. и совместных действиях сражавшихся против турок греков и русской Архипелагской экспедиции под командованием А.Г. Орлова). После поражения восстания Василий Базили скрывался в Венгрии, затем вернулся в Аргиро-Кастро и снова был вынужден бежать от преследований Али-паши Тепеленского (Янинского). Он дважды лишался своего состояния, и македонские поместья семьи Базили в конце концов перешли в руки потомков Али-паши. Во время вынужденной эмиграции три сына Василия Базили, среди них и отец Константина Михайловича, воспитывались в Вене, где и получили образование. Один из братьев посвятил себя науке и даже стал известен в нарождающейся в начале века греческой литературе. Михаил же Васильевич поселился в Стамбуле, женился на дочери греческого банкира, занялся предпринимательством и стал весьма влиятельным человеком среди фанариотских греков Стамбула. Его старший сын, брат Константина, находился на османской службе, будучи консульским представителем Порты в Триесте. Сам же Михаил Васильевич направлял за свой счет греческих юношей на обучение в Европу, подобно графу Иоаннису Каподистрии (1776-1831), министру иностранных дел России (1818-1822), а с 1827 г. президенту Греческой республики, с которым семья Базили имела дружеские связи. В распространении просвещения Михаил Васильевич видел путь к национальному возрождению Греции.

С началом греческого восстания 1821 г. новые потрясения обрушились на семью Базили. Обвиненный в сочувствии восставшим Михаил Васильевич был обречен на смертную казнь, однако один благоволивший ему {Предупреждение было сделано в духе времени: «Друг мой, ты нездоров, – сказал ему вельможа при якобы случайной встрече, – и тебе надо переменить воздух сегодня же». Этого намека было достаточно (Там же. С. 327).} турецкий сановник предупредил его об опасности, и он успел укрыться у российского посланника в Стамбуле Г.А. Строганова. Вместе с взрослым сыном, которому также угрожала казнь и который позже погиб в восстании, Михаил Васильевич переправился в Триест, а затем в Одессу, где жили родственники и куда с помощью того же барона Строганова после пережитых ужасов греческих погромов тайно бежала его жена с другими детьми, старшим из которых был Константин.

Семья была разорена. Константин Михайлович, получивший в доме отца хорошее классическое образование, в Одессе мог продолжать лишь занятия греческой литературой с «усердным этеристом» {Гитерии, или этерии (греч. *Hetairia* – «товарищество», «содружество») – греческие тайные общества. В XIX в. их целью было свержение османского гнета.} профессором Геннади. Только год спустя он был принят в числе шести сыновей других греческих беженцев пансионером графа Г.А. Кушелева-Безбородко в нежинскую Гимназию высших наук и лицей князя Безбородко. Гимназия, основанная в 1820 г., была одним из привилегированных учебных заведений России и предназначалась

для «образования детей бедных и неимущих дворян Малороссийского края и приуготовления юношества на службу государства» {См.: Степанов Н.Л. Н.В. Гоголь. Творческий путь. М., 1955. С. 17.}. Учебный курс в гимназии приближался к университетскому, образование давалось всестороннее, хотя в 1820-х годах здесь преобладало преподавание гуманитарных наук.

В судьбе одаренного ученика Константина Базили принял большое участие ее директор И.С. Орлай, заступивший место покончившего с собой В.Г. Кукольника, первого директора нежинской гимназии, отца будущего драматурга. Знаменитый Сперанский, которому во время посещения учебного заведения представили Базили, пророчил юноше судьбу Каподистрии и приглашал его по окончании гимназии поступать к нему на службу. Все это было позже, а поначалу юный Базили страдал от плохого знания русского языка и насмешек соучеников над его произношением. Однако после годового обета молчания, во время которого он общался по-французски лишь со старшеклассниками, Константин Михайлович поразил своих товарищей блестящим владением русским языком. В 1823 г. он сдал экзамены за два первых класса, затем из третьего был переведен в пятый и на следующий год снова сдал экзамены за два класса.

В середине 20-х годов в гимназии витал дух «декабристской эпохи». В ней преподавали высокообразованные педагоги, придерживавшиеся широких общественно-политических взглядов. Учащиеся читали Руссо, Монтескье, Вольтера, Канта, хранили запрещенные цензурой сочинения Пушкина и Рыльева. («Дело о вольнодумстве» в нежинской гимназии, нанесшее удар по этой традиции {См.: Машинский С.И. Гоголь в нежинской гимназии// Гоголь в школе. М., 1954; Стогнут А.С., Кононенко И.К. Новые страницы к «делу о вольнодумстве» в нежинской гимназии высших наук// Ученые записки Нежинского государственного педагогического института им. Н.В. Гоголя. Киев, 1954. С. 4-5.}, возникло уже после перевода И.С. Орлая в Одессу, где он возглавил Ришельевский лицей, и переезда туда Базили.) В первые годы своего существования гимназия собрала на редкость яркий состав учащихся. Среди соучеников-товарищей Базили были Н.В. Гоголь, Н.В. Кукольник, будущие поэт Е.П. Гребенка, поэт-переводчик В.И. Любич-Романович, профессор права П.Г. Редкин, литератор Н.Я. Прокопович, художник А.Н. Мокрицкий, дипломат И.Д. Халчинский и др. В стенах гимназии у Базили пробудился интерес к театру и обнаружили литературные наклонности. «Сверхклассные занятия наши не ограничивались театром (ученики гимназии устраивали спектакли для нежинского высшего света. – И. С.), – пи сал Базили в воспоминаниях о Гоголе. – В 1825, 26, 27 годах наш литературный кружок стал издавать свои журналы и альманахи, разумеется, рукописные. Вдвоем с Гоголем, лучшим мо им приятелем, хотя и не обходилось дело без ссор и без драки, потому что оба были запальчивы, издавали мы ежемесячный журнал страниц на пятьдесят и шестьдесят в желтой обертке с виньетками нашего изделия, со всеми притязаниями дельного литературного обозрения. В нем были отделы беллетристики, разборы современных лучших произведений русской литературы... По воскресеньям собирался кружок человек в 15–20 старшего возраста, и читались наши труды, и шли толки и споры...» {Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. Т. 1. М., 1892. С. 250-251.}.

«Сверхклассные занятия» юношей дополнялись еще одним делом: в гимназии составилось историческое общество под председательством старших из воспитанников гимназии – Редкина и Любич-Романовича. Его члены принялись писать полную всемирную историю и «на долю Базили достались египтяне, ассирияне, персы и греки – и он года в полтора написал тысячу или 1500 страниц сверх уроков по классам» {Халчинский И.Д. К.М. Базили. С. 329.}.

Так закладывались знания, воспитывались литературные навыки и вкусы у рано обретавших зрелость молодых людей того времени.

В 1827 г. по совету И.С. Орлая Константин Базили переезжает в Одессу и поступает в знаменитый Ришельевский лицей (будущий Новороссийский университет). Он живет у Орлая, зарабатывает на жизнь преподаванием греческой словесности в лицее и в Греческой коммерческой гимназии. В 1830 г. Базили заканчивает учебу в лицее, однако не сдает выпускных экзаменов и потому не получает соответствующего должностного звания (чиновника 12-го или 14-го класса). «Не имея достаточного состояния, чтобы по своим склонностям определиться на службу, он, не дождавшись публичного экзамена, отправился путешествовать на Восток». Цель его поездки – отыскать остатки состояния родителей {Поиски К.М. Базили увенчались успехом, и это заложило основы его будущего благосостояния.}, впрочем, в глубине души, по-видимому, зрела потребность уяснить свое предназначение. К этому времени положение на Ближнем Востоке изменилось: под давлением России и по условиям Адрианопольского мира 1829 г. Греция получила независимость, ее президентом был избран Каподистрия, российское посольство приобрело еще больший вес в Стамбуле.

В 1830 г., после девятилетнего отсутствия, Базили посетил город своего раннего детства, осуществил поездки в Смирну и по островам Эгейского моря (или Греческого архипелага). В Греции он был хорошо принят Иоаннисом Каподистрией, но остаться на греческой службе отказался и потому был представлен адмиралу Рикорду, командующему отрядом русского флота, крейсировавшего в Средиземном море.

Годы учения в нежинской гимназии и Ришельевском лицее приобщили Базили к русской культуре, ориентировали на русские культурные ценности. Он чувствовал себя россиянином. «Судьбы Востока и личная моя судьба дали мне новое отечество – Россию», – скажет позже Базили. Уже путевые записи, которые он вел с 1830 г., были по существу обращены к русскому читателю. Его политическая позиция по отношению к острой борьбе различных греческих сил за власть соответствовала русской правительственной политике: в составе морского отряда адмирала Рикорда, где Базили исполнял функции «секретаря по дипломатической части», а числился драгоманом, он участвовал в подавлении греческих антиправительственных движений.

С эскадрой Рикорда Константин Михайлович снова посетил Стамбул в 1833 г., вскоре после заключения Ункяр-Искелесийского договора и отбытия русской десантной армии с берегов Босфора. А в декабре того же года, получив самый низший чин – актуариуса, он был «определен в действительную службу в Азиатский департамент» МИД {Формулярный список коллежского асессора Конст. Базили. 1839// Архив внешней политики Российской

империи (АВПРИ). Ф. Личные дела МИД. Оп. 4641. Ед. хр. 27.} (в тот самый департамент, который в конце века будет возглавлять его сын Александр). Теперь жизнь Базили протекает в Петербурге; по-видимому, он добросовестно исполняет свои служебные обязанности, однако его интересы сосредоточиваются на литературной деятельности. Здесь, в северной столице, он и его гимназические приятели, не без успеха испытывавшие себя в разных сферах творчества, составляют окружение Гоголя. В атмосфере творчества, товарищеской поддержки {Известно, что Гоголь всегда интересовался литературной деятельностью Базили. См., например, его письмо к Н.Я. Прокоповичу от 25 января 1837 г. // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Т. 11. С. 85.} и доброжелательности Константин Михайлович завершает готовившиеся им к печати два тома «Архипелага и Греции в 1830 и 1831 годах». Книга выходит в свет в 1834 г., в первый же год пребывания Базили в Петербурге. В разделе критики журнала «Библиотека для чтения» О.И. Сенковский отнес «Архипелаг и Грецию» к лучшим сочинениям 1834 г. Вдохновленный успехом, Константин Михайлович издает на следующий год «Очерки Константинополя», еще через год – «Босфор и новые очерки Константинополя», публикуя при этом в журналах разные статьи.

В основе всех этих работ лежал путевой дневник Базили. Но жанр дневниковых записей лишь позволял ему определенным образом выстроить композицию своих сочинений, которые, несмотря на оговорки автора об относительной свободе импровизаций при изложении впечатлений, на самом деле имели серьезно продуманный план. Основу содержания «Архипелага и Греции» составляет история становления независимого греческого государства (сюжет, которого Базили едва ли не первый коснулся в мировой литературе).

Главная тема «Очерков Константинополя» – история преобразований Османской империи, осуществленных султаном Махмудом II. Кульминацией в этих сочинениях являются разделы, посвященные главным историческим персонажам тех лет – И. Каподистрии и султану Махмуду. Безусловно, наиболее ярко и талантливо описаны Константином Михайловичем те значительные события, свидетелем которых он стал или которые эмоционально пережил по рассказам близких ему людей: это трагическая гибель И. Каподистрии, человека, перед которым Базили преклонялся, казнь константинопольского патриарха Григория V, уничтожение янычарского корпуса и т. п.

Однако Базили основывался отнюдь не на одних своих впечатлениях. Он внимательно изучил широкий круг литературы: специальные исследования (прежде всего Мураджи д'Оссона {Полная картина Оттоманской империи в двух частях. Труды господина д'Оссона // Пер. на рус. яз. М. Веревкина. СПб., 1795.}), хроники, документы (часть которых приложена к «Архипелагу и Греции»), западноевропейские путешествия. Громкий успех «Архипелага и Греции» среди читающей публики принесли Базили, впрочем, не описания современных событий, происходивших в единоверческой Греции, а экскурсии в мифологию и историю Древней Греции, рассказы о посещенных автором памятных местах. Эти экскурсии много говорили уму и воображению русской публики того времени, образование которой органично включало античное классическое наследие. Базили, с детства его впитавший, с успехом удовлетворял запросы российского читателя того времени.

Имя, составленное на первом сочинении, позволило привлечь внимание читателей и на работы, посвященные Востоку. За античностью как бы следовал Восток. Впрочем, сложные перипетии русско-турецких отношений уже давно привлекали к восточному вопросу внимание российской публики. Однако востоковедческая подготовка Базили еще была недостаточна, и он был склонен акцентировать внимание на восточной экзотике. И все-таки природный ум, детство, проведенное в Стамбуле, сохранившиеся связи в османской среде – все это позволило Константину Михайловичу проникнуть достаточно глубоко в понимание существа общественного устройства Османской империи, достоверно обрисовать ее быт и народную культуру. С большой убедительностью он показал трагическую незащищенность личности в общественно-политической системе империи, а также корпоративную замкнутость этнорелигиозных общин, ее населяющих. Восприняв эти особенности как основные черты общественного строя империи, Базили будет в дальнейшем с большой проницательностью выявлять на материалах Сирии первые при знаки изменения социально-политических представлений и начавшихся османского населения.

«Босфор и новые очерки Константинополя», удостоенные монаршего пожалования бриллиантовым перстнем, на этот раз были критически встречены О.И. Сенковским. Отзыв на книгу, помещенный в «Библиотеке для чтения», одном из самых авторитетных журналов России, уязвил самолюбие автора и вызвал протест его друзей. Однако, думается, Осип Иванович был ближе к истине, хотя и выражал ее по обыкновению в язвительно-остроумной форме {«Новое сочинение г. Базили, – говорилось в рецензии, – без сомнения, написано приятно и отличается тою же занимательностью, как и два прежние. Но г. Базили подвергается опасности испытать судьбу тех путешественников, которые, побывав в одной земле, вечно и при всяком случае говорят о ней: его не станут слушать! (Не забудем, что сам Сенковский после двухлетнего пребывания в Стамбуле, Сирии и Египте опубликовал всего две, но блестящие, повести, основанные на воспоминаниях. – И. С.) После одного путешествия по Турции или, точнее, около Турции пять томов очерков без плана, без связи – полно! Это, наконец, наскучит. Очерки да очерки: весьма хорошо сделал бы автор, если бы перестал черкать и написал правильное сочинение о своем предмете, тем более что три четверти этих «Новых очерков» выписаны из разных сочинений о Турции: почти на каждой странице встречаются знакомые вам места, которые вы прежде читали. Если выписывать, так уж выписывать систематически, для составления полной и удовлетворительной картины. Это – наше мнение». (Библиотека для чтения. 1837. Т. 20. Ч. 1. Отд. VI. С. 20.)}

Базили созрел для более глубоких и аналитических занятий. Известную школу в этом отношении он прошел благодаря участию в важных для того времени энциклопедических изданиях – Энциклопедическом лексиконе Плюшара и Военном энциклопедическом лексиконе. В первом из них Базили редактировал отдел Греции (О.И. Сенковский – отдел Востока) и писал статьи о древней истории Рима, Греции и Востока. Работа в энциклопедиях дисциплинировала научные занятия Базили, учила его ценить точное и строгое изложение исторических фактов, способствовала изменению угла зрения, под которым он рассматривал исторические события. В его творчестве труд историка начинал преобладать над видением литератора, и этот процесс получил свое завершение при написании «Сирии и Палестины...» – уже собственно исторического сочинения, вместе с

тем не утеравшего достоинств литературного изложения, что придавало описанию событийной истории образность, а характеристикам исторических персонажей психологическую глубину.

Но от создания «Сирии и Палестины...» Константина Михайловича отделяло еще десять лет активной служебной деятельности.

В январе 1837 г. «за отличие по службе» Базили был пожалован в губернские секретари и направлен в «Комитет об устройстве Закавказского края». Литературные успехи, открывшие Базили двери высшего света (по воспоминаниям Халчинского, его «радушно принимали» Плетнев, Жуковский, Пушкин, Одоевский), поставили его и на Кавказе в особое положение: к месту службы он едет вместе с К.В. Нессельроде (некогда ведавшим иностранными делами России совместно с И. Каподистрией) и даже проводит несколько дней в саратовском имении министра иностранных дел.

Работа в кавказской комиссии позволила Базили познакомиться не только с вопросами административного устройства, но и с хозяйственной жизнью населения Кавказа – этого российского Востока, облегчив впоследствии понимание им экономических вопросов Сирии. Благополучно завершив свою службу на Кавказе, Базили получил очередное повышение в чине и был отозван с Кавказа. 24 декабря 1838 г. он был определен на «открывшуюся по случаю смерти консула Мостраса вакансию российского консула в Яффе» {Формулярный список...}.

До августа 1839 г. Константин Михайлович находился в Стамбуле, а затем, согласно инструкции российского посла А.П. Бутенева, направился в Александрию для представления генеральному консулу графу Медему, которому со времени египетской оккупации Сирии подчинялись российские консулы и консульские агенты этой страны. Во время пребывания Базили в Александрии по его проекту было принято решение преобразовать консульскую службу в Сирии, пере неся консульский пост из Яффы в Бейрут – реальный политический и торговый центр Сирии, постоянное местонахождение европейских консулов. Туда Константин Михайлович и прибыл 20 ноября 1839 г. в звании российского консула Бейрута и Палестины. В 1843 г. бейрутский консулат был преобразован в генеральное консульство, и Базили стал генеральным консулом, в чьем подчинении находилась российская консульская служба всей Сирии.

Перенесение консульского местопребывания в Бейрут (в Яффе было сохранено вице-консульство), в сущности, знаменовало наступление нового этапа российской политики в Сирии.

Консул Яффы Мострас, приступивший к обязанностям в 1820 г., в своей службе руководствовался инструкцией Д.В. Дашкова, вменявшей в его обязанности организацию паломничества российских подданных к святым местам (Яффа была тем пунктом, из которого традиционно европейские паломники направлялись в Иерусалим). Эта функция оставалась в обязанностях и Базили: ему рекомендовалось, в частности, выяснить возможности устройства в одном из монастырей пристанища для паломников. Однако в инструкции, полученной новым консулом, центральное место отводилось наставлениям

по вопросу «об интересах религии и восточной церкви, которые не перестают интересоваться императорский двор» {АВПРИ. Ф. Главный архив, 1820. Д. 4. Л. 50.}. Базили предписывалось: немедленно сообщать в Константинопольскую миссию о нарушениях привилегий православных и православной церкви в святых местах Палестины, как и Сирии в целом; доносить генеральному консулу Медему и послу в Стамбуле обо всем, что касалось проведения в жизнь различных фирманов, издаваемых Портой в результате официальных представлений императорской миссии в пользу православных и их духовенства, а также о спорах, возникавших между различными христианскими церквями в Сирии. Речь шла и об обязанности консула поддерживать перед официальными властями законные требования православного населения.

Иными словами, консулу предписывалось проводить политику, вытекавшую из права России покровительствовать православному населению Османской империи, полученного по условиям Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. Следует заметить, что новое направление российской политики в этом регионе во многом обуславливалось заметной активизацией в Сирии католической, униатской и протестантской религиозной пропаганды и политической деятельности французских, английских и американских агентов, в результате чего число православных в стране начало неуклонно сокращаться.

Российское посольство предполагало также, что на плечи консула Сирии могут лечь и другие обязанности, ввиду того что страна «в настоящих обстоятельствах с минуты на мину ту может стать театром серьезных событий». (Это предположение оправдалось, хотя свою дипломатическую миссию К.М. Базили пришлось выполнять не в период восстановления в Сирии османской власти, а чуть позже, во время острых внутриливанских конфликтов первой половины 1840-х годов.)

Надо сказать, что позиция Базили в сирийском вопросе и политика, проводимая им по согласованию с посольством, во многом определялись его глубоким пониманием причин друзско-маронитского конфликта в Горном Ливане и его способностью донести объективную информацию в посольство и министерство. Впрочем, на политическую линию России и ее генерального консула, как мы увидим, влияли привходящие обстоятельства, такие как дипломатические сделки, осуществлявшиеся европейскими державами вокруг сирийского вопроса.

Будучи внимательным наблюдателем, Базили пристально следит за брожением, охватившим народные массы Сирии на рубеже 30–40-х годов. В своем донесении в Стамбул в августе 1841 г. он сообщал: «Еще невозможно оценить характер моральной революции, мощно охватившей страну, ее старые, патриархальные институты пали в руинах... в стране, однако, нет еще сильного влияния или ясных принципов, которые могли бы занять место старых институтов» {АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 718. Л. 158.}. А спустя два месяца в Ливане уже лилась кровь. Как известно, друзско-маронитский конфликт был превращен в вопрос большой политики, который оживленно дебатировался в западноевропейской прессе и публицистике, между тем как дипломаты в Международной комиссии вырабатывали различные проекты преобразования административного устройства Горного Ливана.

Противопоставляя свою точку зрения относительно причин друзско-маронитского антагонизма «преобладающим в Европе ложным и пристрастным мнениям», Базили писал: «Религиозная вражда между двумя племенами была не поводом к войне, но ее последствием» {Базили К.М. Сирия и Палестина... Одесса, 1862. Ч. 2. С. 265.}. Спустя две недели после начала столкновений Базили доносил в Стамбул: «Сильные потрясения прошлого года, неумение, а может быть, даже коварство турецких властей, интриги французских агентов среди маронитов и их фанатического духовенства, перевес, данный Портой главе этого духовенства, суммы, посылаемые Францией и Австрией в виде милосердия, неспособность и упрямство принца гор (Бешир-Касима Шихаба. – И. С.) и надежда друзей на поддержку Англии – вот что повлекло за собой «гражданскую войну»» {АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 718. С. 184.}.

Постепенно, по мере того как разворачивались события, у Базили складывалось более ясное представление о причинах друзско-маронитских столкновений. Летом 1845 г. в одном из донесений он уже совершенно четко формулирует свою мысль: «Борьба между общинами и феодализмом, которой различия рас и религий в смешанных районах придали характер гражданской войны, охватила все население Ливана» {Там же. Д. 799. Л. 234.}. В сущности, этими представлениями он и руководствовался, составляя план урегулирования положения в Ливане, который в январе 1842 г. передал сераскеру (главнокомандующему) Мустафа-паше в ответ на конфиденциальную просьбу последнего.

По мнению Базили, надежным средством «успокоения страны» были «разоружение масс и отмена противозаконной власти шейхов и эмиров». Он полагал, что угнетенное население должно найти поддержку и защиту «от домогательств шейхов» у турецкого правительства, и считал возможным поставить во главе Ливана мусульманина-неливанца, а при нем создать советы представителей всех общин. Проект предусматривал ограничение власти мукатааджиев с разрешением им собирать «налог на неизменной основе» без злоупотреблений. Наконец, Базили выдвинул тезис: «Собственность крестьянина может быть продана только крестьянину, собственность шейха или эмира – шейху или эмиру, собственность монастыря или церкви – монастырю или церкви» {Там же. Д. 736. Л. 12.}. Таким образом, план Базили предусматривал создание централизованной системы управления, ограничение произвола феодалов, предотвращение дальнейшего обезземеливания крестьян и концентрации земли в руках феодалов и церкви.

Консул же Великобритании в это время настаивал на полной неприкосновенности привилегий ливанских феодалов. «Его предшествующее поведение, если только оно не обязано его личным чувствам, – сообщил Базили в Стамбул, – дает место для подозрений, более или менее обоснованных, о взглядах его правительства в отношении населения Сирии. Он является ревностным сторонником феодального принципа, и в качестве тори он видит свой религиозный долг в поддержке принципа, особенно потому, что этот принцип, приложенный к современному моральному и политическому состоянию Сирии, представляет много шансов для успеха иностранных влияний» {Там же. Л. 8.}.

Впрочем, предложения Базили об ограничении власти шейхов не отвечали и интересам турок. Последствием этого самостоятельного шага российского консула были жалобы английского и французского консулов своим послам в Стамбуле, в которых они обвинили Базили в поддержке Мустафа-паши вопреки интересам христиан. Базили получил выговор от посланника.

В 1844 г., когда друзско-маронитский конфликт вновь начал обостряться, Константин Михайлович направил посланнику в Стамбул новый проект, на этот раз согласованный с его французским и английским коллегами. Основным предложением проекта была замена власти мукатааджиев властью представительной и передача каймакамам функции мукатааджиев по сбору налогов. Излагая свои особые взгляды, Базили писал о том, что желательно было бы поставить во главе Ливана не двух каймакамов, ибо это лишь усилит друзско-маронитский антагонизм, а полно властного правителя, способного бороться с сепаратизмом феодалов. Таким образом, концепция Базили предвосхитила основные положения Органического статута 1861 г.: отмену власти мукатааджиев, ликвидацию друзского и маронитского каймакамамов и назначение одного губернатора с советом при нем, ведающим сбором налогов. Принятие статута Международной комиссией (Базили к тому времени уже не было в Ливане) и его реализация на долгие десятилетия предотвратили развитие конфликта.

Глубоким проникновением в существо друзско-маронитской проблемы Базили был обязан не только своему политическому мировоззрению (а он был противником крепостного права в России и феодальной власти в Ливане), но и серьезному изучению истории и социально-политического строя страны. К этим занятиям он приступил с первых же дней пребывания в Сирии, несмотря на загруженность текущей работой. Об объеме его ежедневной консульской работы можно судить по шутливому сообщению Гоголя в письме от 18 февраля 1848 г. из Иерусалима, куда его сопровождал Базили, в Бейрут Маргарите Александровне, жене Базили (ум. в ноябре 1848 г.), внучке бывшего владетельного князя Молдавии Ханжери: «Супруг Ваш здоров с головы до ног, но навьючен депешами, донесениями, от ношениями и всякими переписками» {Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. Т. 14. С. 55.}.

Первым результатом научных занятий Константина Михайловича была «Записка о внешней торговле Сирии», которую он препроводил 20 мая 1841 г. поверенному в делах Константинопольской миссии В.П. Титову, оговорившись, что в ней речь идет о состоянии сирийской торговли лишь в период египетского управления до принятия торгового договора, заключенного 4 (16) августа 1838 г. между Блистательной Портой и британским правительством. Исследование сирийской экономики позволило Базили в дальнейшем ориентироваться в изменениях экономической ситуации в стране, о чем по долгу службы он был обязан регулярно сообщать в императорскую миссию в Стамбуле.

Вряд ли кто-нибудь из преемников Базили на посту генерального консула, в том числе и К.Д. Петкович, автор книги «Ливан и ливанцы» (СПб., 1885), так обстоятельно разбирался в конкретных экономических вопросах. Здесь проявились наследственные склонности Константина Михайловича; согласно же намекам главы миссии в Иерусалиме игумена Порфирия Успенского, консул имел собственные коммерческие дела в Сирии. Позже, уже

в одесский период жизни, Базили проявил профессиональные знания банковского дела и был приглашен принять участие в выработке устава*~~с~~сонского земского банка, членом правления которого он стал.

Его теоретические экономические познания в 40-х годах, вероятно, ограничивались курсом политической экономии, пройденным в нежинской гимназии, в которой, по проекту В.Г. Кукольника, курс народного государственного хозяйства должен был быть включен в преподавание в предпоследнем классе (читался он как «основания государственного хозяйства по системе Адама Смита»){См.: Кукольник Н. Лицей князя Безбородко // Лицей князя Безбородко. СПб., 1859. С. 18; Лавровский Н. Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. С. 70.}.

Надо сказать, что классики западноевропейской политической экономии Адам Смит и Жан-Батист Сей в начале века стали известны русской читающей публике («Зато читал Адама Смита / И был глубокий эконо м») и были переведены на русский язык. Кроме того, на страницах русских журналов 1810–1840-х годов имела место оживленная полемика между фритредерами, выражавшими интересы торгового земледелия, и протекционистами, отражавшими заботы слабой промышленной буржуазии, нуждавшейся в защитных пошлинах и поощрительных мерах со стороны правительства. В числе первых были Н.И. Тургенев, О.И. Сенковский, профессора-экономисты И.В. Вернадский, Н. Бунге. Вторых представляли помощник Сперанского Н.С. Мордвинов и министр финансов Е.Ф. Канкрин. Эта полемика не могла пройти мимо внимания Базили. Он сам склонялся на сторону приверженцев свободной торговли, толкуя ее в духе физиократов; так, он видел источник богатства Сирии в ее земледелии и положительно оценивал растущий вывоз сельскохозяйственных продуктов. Но вместе с тем, обладая способностью к многостороннему анализу, он видел огромные потери Сирии от вывоза необработанного сырья и ввоза полуфабрикатов и готовых товаров из этого сырья, а также от гибели ткачества под воздействием конкуренции дешевых и низкосортных тканей западноевропейской фабричной промышленности. Поэтому он высказывался в пользу проведения турецким правительством протекционистских мер.

За «Запиской о внешней торговле Сирии» последовали «Статистические заметки о племенах Сирийских и о духовном их управлении», содержащиеся в качестве приложения в изданиях «Сирии и Палестины...» в XIX в. Заметки включали сведения о религиозном и этническом составе населения Сирии и подробную характеристику этнорелигиозных общин страны.

Направляя 16 декабря 1841 г. В.П. Титову свой «Опыт духовной статистики Сирии и Палестины» (так назывались в первом варианте «Статистические заметки»), Константин Михайлович писал: «Обширность предмета и разнообразие исследований, входящих в состав оного, внушили мне мысль разделить труд сей на две части, из коих в первой заключаются общие сведения о народах сего края и более подробное изложение о церкви православной и об унии; затем вторая часть будет посвящена исследованию о жителях прочих исповеданий и религий. С давнего времени приложил я все мое старание к собиранию точнейших сведений о сем предмете; но источники скудны, неверны или недоступны, особенно в отношении друзов, ансариев, измаилитов и некоторых других

племен». И добавлял, что при составлении почти всех статистических сведений о крае «необходимо довольствоваться приблизительным успехом» {АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Д. 718. Л. 205.}.

Труд был одобрен, и в уведомлении Константина Михайловича о присвоении ему очередного звания (коллежского асес сора) сообщалось, что вице-канцлер К.В. Нессельроде торопит его с окончанием «Духовной статистики» {Там же. Д. 736. Л. 341.}. В декабре 1842 г., после завершения Константином Михайловичем этой работы, Нессельроде поручил передать Базили «совершенную благодарность за скорое и отчетливое окончание достойного труда» {Там же. С. 373.}. Иными словами, МИД был заинтересован в накоплении соответствующей информации о стране.

Шесть лет спустя была готова «Сирия и Палестина...». 14 июня 1848 г. М.А. Базили писала из Москвы Гоголю: «Муж мой все еще в Петербурге, занимается своею книгою, заставляет переписывать и проч.» {Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. М., 1897. С. 770.}. Но книга не увидела свет ни в 1848 г. (по словам П.А. Вяземского, из-за «дипломатической нашей совестливости», т. е. ввиду запрета министерства {Вяземский П.А. Старая записная книжка. 1813–1852 // Полное собрание сочинений Вяземского. СПб., 1884. Т. 9. С. 280.}), ни в 1854 г., когда И.Я. Прокопович стал готовить к изданию рукопись, оставленную у него на хранение, и когда сам Базили по неизвестным мотивам приостановил публикацию. Она была издана только в начале 60-х годов, когда Базили оставил государственную службу.

Несмотря на то что Константин Михайлович пережил в Сирии тяжелое горе – смерть сына-первенца и жены, матери его четверых детей {Отвечая на сочувственное участие Гоголя, Константин Михайлович писал из Горного Ливана 25 июля 1849 г.: «Благодарю тебя, добрый друг мой Николай Васильевич, за твое участие – не скажу в навестившем меня горе, но в разрушении судьбы моей. Горе – доля наша. Много горя знавали мы и прежде. Ты знаешь, что я уже был испытан смертью первого моего сына. Горе наше нужно человеку для морального его воспитания. Оно делает нас добрее, терпеливее, снисходительнее. Но в положении моем горе – последняя вещь». (Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 772.)}, период его пребывания в стране (1839–1853) можно в известной мере считать для него счастливым временем. Как представитель России он, сын незащитных османских райя, пользуется почетом и влиянием в этой османской провинции. Более того, он в состоянии оказывать защиту и покровительство своим единоверцам и благодаря своему мужеству предотвращает кровавые столкновения. В своем письме от 21 ноября 1841 г. к В.П. Титову он пишет: «Город Захле спасен мною, и по совести могу сказать, и голос народа здесь свидетельствует, что моими действиями приостановлена теперь не сколько междоусобная война... по возвращению моем из Дамаска успел я подвинуть моих коллегов и заставить пашу действовать. И они, и паша, и наипаче горцы возымели теперь ко мне большую доверенность, и иногда слушаются моих советов и марониты, и друзья». Впрочем, в обстановке соперничества держав в борьбе за влияние подобный успех не был прочным.

Будучи человеком властным и способным к принятию самостоятельных решений, Базили иногда превышал свои полномочия. Испытывавший ревность к влиянию

генерального консула игумен Порфирий Успенский, глава первой русской духовной миссии в Палестине, не без торжества отмечал в своих дневниковых записях: «В Петербурге директор [Азиатского департамента] Сенявин говорил мне, что Базили берет на себя много лишнего, забывая, что он не министр, а второстепенный консул...» {Порфирий Успенский. Книга бытия моего. Т. 1. СПб., 1894. С. 186.}. Базили получал выговоры от начальства. Однако стоило игумену, этому «соглядатаю Востока», прибегнуть к до носу на Базили, как посольство взяло под защиту консула, и Порфирию Успенскому было недвусмысленно указано на то, что ему как лицу духовному надлежит заниматься делами церковными и не вмешиваться в круг обязанностей генерального консула {Там же. Т. 3. СПб., 1896. С. 138.}.

Дом Базили в Бейруте был культурным центром сирийской православной общины: Константин Михайлович способствовал восстановлению православной типографии, открытию при религиозных центрах едва ли не двух десятков православных школ; в его доме собирался небольшой круг образованных греков-ортодоксов и были сделаны попытки по примеру протестантских культурных обществ организовать просветительские чтения. Сам консул собирал арабские рукописи, о чем говорится в его переписке с Порфирием Успенским, отношения с которым со временем стали дружескими.

В гостеприимном доме российского консула останавливались П.А. Вяземский, совершавший вместе с женой паломничество в Святую Землю, и Н.В. Гоголь, который прибыл в Сирию в начале февраля 1848 г., посетил Иерусалим и выехал из Бейрута в Одессу вместе с семьей Базили в апреле.

В 1853 г., с началом Крымской войны, Базили спустил флаг над зданием бейрутского генерального консульства и выехал в Италию, а оттуда в Россию. Наступил новый период его дипломатической деятельности, которая осуществлялась уже на ином уровне. Базили получает ряд ответственных назначений: в 1855 г. он состоит при русском после в Вене князе А.М. Горчакове, участвуя в Венской конференции России, Австрии, Франции, Великобритании и Османской империи, организованной с целью выработки предварительных мирных условий, а в 1856 г. принимает участие в Парижском конгрессе, будучи прикомандирован к представителю России князю А.Ф. Орлову; наконец, в 1857 г. Базили назначается в Стамбул русским комиссаром в Международную комиссию по делам Молдавии и Валахии. В письмах к выпускнику лицея Безбородко поэту Н.В. Гербелю из Бухареста от 30 ноября 1857 г. и 31 января 1858 г. Константин Михайлович сетует на «едва выносимые занятия», на усталость от переездов из столицы в столицу и на то, что он «так завален делами» по комиссии, что решительно не имеет возможности заняться разбором своих воспоминаний и переписки. Он поговаривает об «отдыхе от служебных занятий» {Рукописный отдел ГПБ. Ф. Архив Гербеля.}.

При всей проницательности и трезвости Базили весьма эмоционально относится к проблемам международной политики, и ему присуще оценивать позиции держав в международных конфликтах в нравственных категориях. Союз Креста и Полу месяца, осуществившийся в Крымской войне, поверг его чуть ли не в депрессию. Теперь, приобщенный к большой политике, он издает ряд брошюр по восточному вопросу в

мировой политике. Однако этот период деятельности Базили еще ждет своего исследователя.

В 1858 г., достигнув звания действительного тайного советника, Базили добивается длительного служебного отпуска и больше на государственную службу не возвращается. Он поселяется в Одессе, издает «Сирию и Палестину...» и погружается в хозяйственную деятельность, обладая имениями в Одесском, Тираспольском и Елизаветградском уездах. После реформы 1861 г. – Базили был сторонником освобождения крестьян с наделением их землей – он обращается к общественной деятельности: в течение многих лет он – гласный в Одесской думе и активный участник ее комиссий, несколько лет состоит председателем съезда мировых судей Одессы, является членом земского банка. Его общественная и хозяйственная деятельность находит признание – он вице-президент известного Общества сельского хозяйства Южной России. Базили отдает время и средства на филантропические цели: становится товарищем председателя Одесского общества попечения больных и раненых воинов и учредителем Общества Красного Креста в Одессе.

Время от времени Константин Михайлович публикует статьи, откликаясь на злободневные внешнеполитические и внутренние вопросы {По поводу приобретения Англией острова Кипра // Одесский вестник. 1878, № 152, 153; L'Empire Ottoman, 1839–1877 // L'Angleterre et Russie dans la question d'Orient. Par un ancien diplomate. P., 1877; Question du Jour (janvier–février. 1878); Записка по еврейскому вопросу // Доклад Одесской уездной земской управы Одесскому уездному собранию очередной сессии 1881. Одесса, 1881.}.

Теперь его отличает умеренно консервативная позиция, которую он не без влияния славянофильских установок весьма логично обосновывает в брошюре «Беседа о конституции и о применении представительных начал в государственном управлении» (Одесса, 1881). Как человек широко и европейски образованный, долгие годы разделявший либеральные представления, он теоретически сторонник демократических форм правления: «Если бы предстояло нам решать в абстрактном смысле и с умозрительной точки зрения данный вопрос о выгодах и невыгодах того или другого начала, можно прийти к тому заключению, что чистая демократия должна служить идеалом человеческого стремления к свободе и равенству» (а законность это го стремления Базили не ставит под сомнение), но, по его мнению, «к гражданственности, к развитию, к величию и к свободе» можно прийти путем как «конституционализма», так и самодержавия, «смотря по тому, в какой степени соответствует то или другое начало историческим судьбам, внутренней и внешней обстановке, а главное – совокупности элементов данного организма». Российскому «организму» в силу особенностей его исторического развития присущи самодержавие и реформы сверху. А введение конституции и «представительных» (выборных) начал, по Базили, грозит «многомиллионному, многоплеменному и многоязычному народонаселению» потерей государственного единства и величия.

Опыт земской деятельности привел его к разочарованию в возможностях местного самоуправления. Конечно, утверждает он, «наше самоуправление и выборное начало – это

наша школа. Шалим мы, но и учимся вместе с тем». И он задает вопросы, обеспечены ли достойные общественные деятели «большинством голосов в решении предстоящих вопросов; обеспечены ли они на избирательных съездах сочувствием коноводов», и завершает свои рассуждения в пессимистическом тоне, что свойственно человеку, прошедшему большую и трудную политическую школу с крушением надежд и иллюзий.

В последние годы богатой событиями и встречами жизни Базили занимался разбором бумаг и дневников, которые вел с 1830 г. Он умер за этой работой утром 10 февраля 1884 г., и одесские газеты и журналы откликнулись на его смерть {Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 14. 1886. Ведомости Одесского городского общественного управления. 1884, № 13; Одесский вестник, 1884, № 34-36.}. К сожалению, о судьбе ценнейшего архива К.М. Базили нам ничего не известно.

«Если книга моя, – писал К.М. Базили в предисловии, – будет включена в разряд материалов, которых изучение полезно при исследовании вопроса о судьбах Востока, то труд мой не потерян» {См. наст. изд. С. 38}. Эти слова проливают свет на задачи, которые ставил перед собой Базили, приступая к работе над книгой. Принести практическую пользу в решении восточного вопроса – вот ради чего был предпринят им труд.

Базили не был ученым-историком, поэтому напрасно стали бы мы искать в его взглядах стройных и тем более оригинальных общеисторических концепций. Будучи широко образованным человеком, он заимствовал философско-исторические представления, распространенные в исторической науке того времени, при этом заимствовал не всегда последовательно, временами эклектически сочетая самые разные исторические направления. Можно полагать, что наиболее сильное влияние Базили испытал со стороны французских историков эпохи Реставрации, в частности их ведущего представителя Франсуа Гизо.

Вместе с тем он воспринял некоторые идеи западноевропейской и русской просветительской литературы. Он разделял основное положение исторической мысли начала XIX в. о том, что история есть процесс развития, подчиненный определенным закономерностям. Он писал о «великих законах», которые управляют человеческим обществом, и имеют общеисторическое значение. Поэтому развитие Сирии происходило, по его представлениям, теми же путями, какими развивалась Западная Европа.

Впрочем, он был непоследователен и вслед за М.П. Погодиным исключал развитие России и славянских народов из этого единого процесса. Иногда в его объяснение событий вторгаются элементы провиденциализма, подобно тому, как это можно встретить и у Погодина, и у Гизо.

Базили пытался придерживаться нового в историографии решения вопроса о, как бы мы сказали, субъекте истории. При анализе событий он не только стремился учитывать настроения народных масс, но и отводил народу активную роль. Это не исключало того, что он высоко ставил значение исторической личности, но оценивал ее деятельность с точки зрения исторической целесообразности. В связи с этим он полагал, что необходимые Турции реформы мог осуществить только единодержавный законный

правитель, движимый стремлением принести благосостояние государству. Таким он видел султана Махмуда II, но не Мухаммеда Али, руководившего, по его мнению, лишь честолюбивыми целями. Критическое отношение к египетскому правителю, объяснявшееся, по-видимому, и российской официальной политикой, не помешало Базили в конечном итоге достаточно объективно оценить положительные и отрицательные последствия деятельности египетских властей в Сирии.

И все-таки, думается, предметом своего исследования Базили избрал не столько деятельность правителей, сколько эволюцию в Сирии «гражданского общества». Возможно, в этом отношении он предвосхитил в России взгляды Т.Н. Грановского. И Базили, и Грановский испытали влияние представлений Гизо и Тьерри о классах и классовой борьбе. В ливанских событиях 1840-х годов Базили видел борьбу двух социальных групп – шейхов и «народа». Столкновения между феодалами и «народом» он считал «потрясениями», которым, как он пишет, «подвергаются обыкновенно народы, вскормленные феодальным началом». Но эти столкновения он видел преимущественно в сфере правовой и политической.

Известный интерес представляют взгляды Базили на государство – вопрос, которому в русской историографии уделялось большое внимание. Здесь у Базили своя точка зрения. По его мнению, государство не имело самодовлеющего значения. История государства не воплощала истории народа. Государственная власть могла соответствовать интересам общества и тогда способствовать его развитию. Если же она не соответствовала или препятствовала движению общества, то общество развивалось «вопреки умыслам власти», что приводило к гибели этого государства.

Османская государственная власть, полагал Базили, тормозила общественное развитие угнетенных народов империи, поэтому, «когда дело идет о Турции... бесстрашие налагает на вас обязанность строго отличать государственный интерес от интересов общественных». В таком государстве «подвластным племенам остается надежда внутреннего развития вопреки враждебным умыслам власти». И Базили убежден, что это развитие приведет к падению Османской империи. По-видимому, происхождение и сочувствие освободительному движению народов Османской империи привело его к более радикальным взглядам в отношении государства, чем те, которые разделяли его соотечественники – русские историки.

В духе этих взглядов Базили видит разрешение так называемого восточного вопроса. Ему принадлежат знаменательные слова: «Давно прошли для Азии те времена, когда европейский гений 30 тысячами войска и тремя сражениями решал судьбу этого пространного материка. Народы азиатские таят сами в себе зародыш и гений своих грядущих судеб» {Там же. С. 104.}. Иными словами, не в европейском завоевании, не в разделе Османской империи между европейскими государствами – решение судеб народов империи, а в их внутреннем развитии.

Внутреннее развитие народов империи, по мнению Базили, должно было привести к разрушению их «феодального общества» и возникновению нового «муниципального устройства». «Мы обзрели сирийские события в три последних века, – пишет он, – и

тщательно исследовали начало и развитие феодального общества горских племен... Мы усмотрели первые признаки муниципального направления народных масс и влияние правительственных преобразований... на направление это, равно подчиненное повсюду законам естественного развития гражданских обществ. Мы видели борьбу этих двух начал и едва ли не последние торжества феодального права в ливанском обществе, предшествующем в гражданственности другим племенам огромной арабской семьи» {Там же. С. 391.}. Таким образом, он полагает, что «феодальные порядки» в Ливане – стране, опередившей в своем общественном развитии другие арабские страны Азии, – переживают свои «последние торжества» и что развитие и победа «муниципального направления» – «закон естественного развития гражданских обществ». Победа «муниципального направления» (как понимал это Базили) еще не означала крушения феодального строя, но лишь установление в рамках феодального общества политических порядков, ускоряющих его разложение.

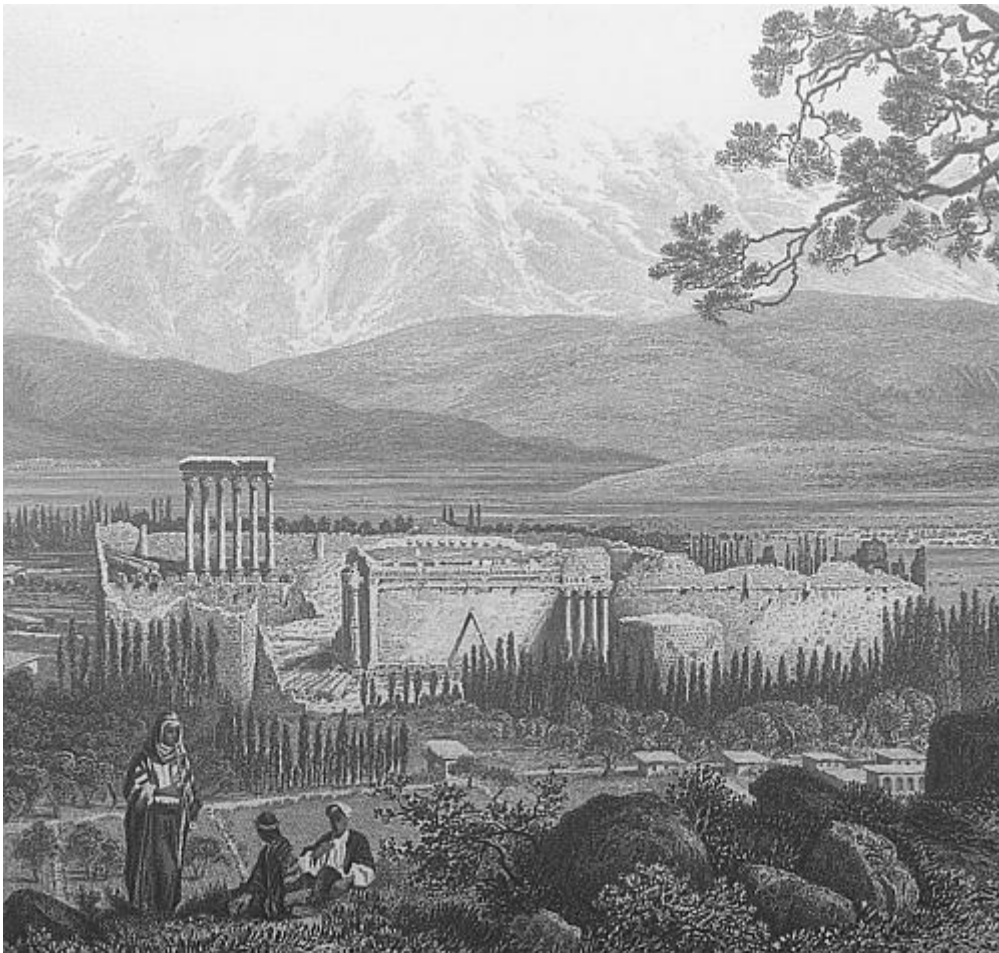
Базили утверждал, что вместе с разрушением «феодального» строя в странах, угнетенных турками, подтачивались и основания турецкого господства. «Уже с некоторых лет внутреннее развитие этих долговечных племен османского Востока поражает наблюдателя. Равно замечательно и то любопытное явление, что само правительство османское, при всех своих усилиях препятствовать развитию народностей, осуждено по принятому с 1839 г. политическому направлению благоприятствовать прогрессивному их развитию... Не менее того проповедь о праве стараниями самого государства, упорствующего в борьбе противу права подвластных племен, распространяется между этими племенами и развивает в массах чувство новое. Для стяжания права самым необходимым условием служит предварительное понятие о праве» {Там же. С. 399.}.

Этими словами Базили заканчивает книгу и предоставляет читателю возможность самому сделать уже подсказанный им вывод о победе «подвластных племен» в борьбе с турецкими угнетателями, подобно тому, как это совершили греки, которым «внутреннее развитие открывало новую эру самобытности». И как при этом не вспомнить слова И.Д. Халчинского о «предчувствиях» К.М. Базили, «осуществленных последующими событиями»!

И все-таки читатель должен помнить, что он имеет дело с книгой, возникшей на заре становления новой исторической науки со всеми ее слабостями и прежде всего – неразработанной и неустановившейся системой исторических понятий и терминов.

1991–2007 гг.

И.М. Смилянская

Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях

Книга эта писана в 1846 и 1847 гг. в уединенной обители Мар-Ильяс-Шувейр {Обитель Мар-Ильяс-Шувейр – небольшой православный монастырь Св. Ильи в селении Шувейр. – Прим. ред.}, на вершинах ливанских, где проводил я знойное сирийское лето, неподалеку от вечных снегов Саннинского хребта.

Пятнадцать лет прожил я в Сирии и Палестине, с 1839 по 1853 г. Это были лучшие годы моей жизни. Служебная деятельность оставила во мне воспоминания утешительные. В бытность мою в Бейруте, на Ливане и в Иерусалиме, равно и в поездки мои в Дамаск, в Антиливан и во внутренние округа представлялись случаи облегчать судьбу христиан, бороться противу тиранских властей, противу фанатизма мусульманского и укрощать феодальные насилия и бесчинства. Не раз посчастливилось мне быть примирителем между враждующими племенами и спасти села и города. Считаю себя вправе упоминать об этом, потому что заслуги агента Великой державы на Востоке должны быть приписаны не личности его, но званию, которым он облечен. Звание это сопряжено, правда, с тяжким трудом, с лишениями всякого рода, с опасностями. Но не унывает далекий труженик, когда исполнение долга к правительству, вверившему ему честь русского имени среди страдальческих племен, вперяющих взоры с надеждой и доверием к великой единой державе, дает ему случай нажать на старость запас благородных воспоминаний.

В иных случаях действовал я один, от имени русского правительства. Еще чаще действовал я заодно с моими собратами, агентами западных держав. Среди кровопролитий сирийских, в хаосе самой без нравственной администрации, какая может существовать в целом мире, бывшие лет десять сряду товарищи мои – великобританский генеральный консул полковник Розе (теперь главнокомандующий в Индии генерал сэра Гюг Розе) и французский генеральный консул г. Бурре (теперь посланник при афинском дворе) – усердно действовали заодно со мной, когда предстояло спасти христиан от насилий и угнетения, несмотря на постоянное соперничество Англии и Франции в этой многоиспытанной стороне османского Востока.

Гораздо прежде, чем предполагал, я решаюсь издать в свет мою книгу. Я выключил из нее всякий эпизод частной деятельности. Берегу для себя впечатления и воспоминания, дорогие сердцу моему, а передаю публике плод добросовестного исторического и практического изучения края, которого судьба вновь привлекает участие христианских народов. Не делаю никаких других изменений, ни дополнений в моей книге. С той поры, когда она писалась, прошло тринадцать с лишком лет. Отношения наши к Турции и мнение о ней изменились. Но старые суждения беспристрастного наблюдателя о Востоке, о его племенах, о его правительстве, о значении политических реформ, в нем совершаемых, вряд ли должны измениться. Говорю это, чтобы читатели мои не стали подозревать меня в притязании издавать новые мои впечатления за старые и факты за предчувствия. Рукопись моя была читана многими еще в 1848 г. Читал ее и князь П.А. Вяземский {П.А. Вяземский – поэт и литературный критик. В 1850 г. совершил путешествие на Восток, описанное им в «Старых записных книжках». В Бейруте останавливался в доме Базили. О книге Базили Вяземский писал: «Базили написал очень любопытное сочинение о Сирии. Он уже в Петербурге (вероятно, в 1848 г., во время поездки Базили в Петербург. – Ред.) читал мне несколько глав из него, а здесь прочитал другие. В статистическом, историческом и политическом отношении он очень хорошо знает этот край. Жаль, что в дипломатической нашей совестливости не позволяется ему напечатать это сочинение» («Полное собрание сочинений кн. П.А. Вяземского». Т. IX. СПб., 1884. С. 280).

Среди тех, кто читал рукопись Базили в 1846 г., был и Гоголь, которого ко времени написания предисловия не было уже в живых. Этим, вероятно, объясняется, почему Базили не сослался на его мнение. Весной 1848 г. Гоголь совершил поездку в Палестину в сопровождении Базили, в доме которого в Бейруте он жил. Оттуда в феврале того же года Гоголь сообщил В.А. Жуковскому: «Базили написал преудивительную вещь, которая покажет Европе Восток в его настоящем виде, под заглавием «Сирия и Палестина», знания бездна, интерес силен. Я не знаю никакой книги, которая бы так давала знать читателю существо края» (Н.В. Гоголь. Полное собрание сочинений. Т. XIV. М., 1952. С. 52 – 58). – Прим. ред.}, на свидетельство которого я считаю себя вправе сослаться, по литературной его славе.

Одесса.

Ноябрь 1861 г.

Предисловие автора к первому изданию

В июне 1839 г., в промежуток двух недель, скончался султан Махмуд, уничтожена его армия в Незибе, на рубеже Сирии, и весь османский флот перешел изменою в руки бунтовавшего вассала. Империя была на краю гибели. Лет за двенадцать пред тем три великие державы положили начало вступничеству в дела Востока Лондонским трактатом 1827 г. {Лондонский договор, подписанный 6 июля 1827 г. Россией, Англией и Францией, выражал намерение держав вести переговоры с Турцией с целью добиться примирения восставшей Греции и турецкого правительства на условиях предоставления Греции автономии в рамках Османской империи. В 1830 г. по настоянию России державы подписали Лондонский протокол, по которому Греция была признана независимым государством. – Прим. ред.} и Наваринским сражением. Уже с той поры османский колосс обнаруживал признаки наступавшего разрушения. В 1833 г. заступничеством одной России избавлялась столица султанов от египетского нашествия. В последовавший затем отдых Махмуд упорно продолжал дело преобразования, искореняя, с одной стороны, предрассудки своего народа, а с другой – укрепляя самодержавие и сосредоточивая в руках правительства власть, расхищенную пашами и феодальными мелочными тиранами. Бунты отдаленных пашей Скодры и Багдада были усмирены {Скодра – древнее название албанского города Шкодер (тур. Скутари), главного города турецкого вилайета того же названия; с 1760 г. стал центром полунезависимого государства, управлявшегося пашами из албанского рода Бушати, самостоятельность которых была ликвидирована в 1831 г. В Багдаде с начала XVIII в. до 1830 г. также правили фактически независимые от турецкого правительства паши. – Прим. ред.}, один египетский паша упорствовал в неповиновении и вслух Европы и ислама мечтал о независимости. Мстительный Махмуд тайком от Европы и во имя духовных прав главы ислама готовил решительный удар... В одно время не стало Махмуда, не стало войска и флота. Семнадцатилетний преемник из серальского затворничества вступал на престол, обступленный происками вельмож. Правительственная олигархия воспользовалась неопытностью державного юноши, чтобы гюльханейской пародией конституционного права освободить себя от произвола султанов и совратить государство с пути, предначертанного Махмудом для довершения великого подвига реформы обращением турецкого правительства в христианство.

Так-то в промежуток двенадцати лет проявлялся на Востоке третий внутренний кризис {Базили имеет в виду события между 1827 и 1840 гг.: греческий вопрос (1827), первый египетский кризис (1832 – 1833) и второй египетский кризис (1839 – 1840). – Прим. ред.}.

Великие державы для отвращения угрожавших переворотов и войны европейской вступались опять в дела Востока. Более года длились трудные переговоры, которых главным предметом была Сирия. В осень 1840 г. военные действия открывались в этой области при участии четырех великих держав вследствие отказа Франции от участия в общем деле.

Ни один из политических вопросов, возникших после Венского конгресса, не представил столько важности. По-видимому, дело состояло в том, кому владеть Сирией, султану ли непосредственно или вассалу его. Но вопрос этот вел к разрыву между

Францией и кабинетами, подписавшими трактат о вступничестве в дела Востока. Европа была в ожидании общего взрыва. Тревожным эхом отозвалась пальба от берегов Евфрата и от ущелий ливанских до берегов Рейна и в сердце пылкой Германии. Более миллиона войск было созвано под ружье в тех государствах, которым угрожала опасность войны. Вооружились флоты, израсходовались миллиарды; столица Франции опоясалась колоссальными укреплениями... И вот какой ценой было предоставлено турецкому правительству право посылать своих пашей и чиновников стамбульских канцелярий в Сирию и без всякой выгоды для государственных интересов Турции разрушать в этой злополучной области все добрые начинания египетского правления, не исключая и практической его веротерпимости.

Все-таки современники обязаны признательностью государственным людям этой эпохи, которые успели предохранить семью христианских народов от войны, войны, можно сказать, междоусобной, судя по ее предмету, по вопросу не о том, чтобы освободить колыбель их веры от ига неверных, но о том, кому владеть Сирией – Абдул Меджиду ли или Мухаммеду Али.

Последствия покажут, поняла ли Европа, как дорого обходится ее спокойствию и гражданственному ее развитию нынешнее состояние во сточного ее полуострова и лучших берегов Средиземного моря. Никто из самых упрямых оптимистов не станет уверять нас, что после трех восточных кризисов, современных нашему поколению, нескоро наступит и четвертый.

Пребывая в Сирии с 1839 г. и следя собственным глазом все происшествия с Незибского сражения и прилежно изучая край и его племена, я, признаюсь, не прежде мог постигнуть происходившее пред моими глазами, как по обзоре предшествовавших событий и исторических фактов. Хотя предания старины не имеют, по-видимому, прямой связи с тем, что совершается или совершилось на Востоке при нынешнем политическом направлении Османской империи, однако служат они пояснением многих загадочных явлений, и в них таится, может быть, решение той великой задачи восточных дел, над которой недоумевает и самый глубокомысленный политик.

Заметим, что эта страна, столь любопытная и по древним своим воспоминаниям, и по своим судьбам в новейшие времена, эта заветная колыбель иудейства, христианства и мухаммеданства {Базили придерживался терминологии, распространенной в XIX в. Под «мухаммеданами» (иногда он пишет «магометане») Базили подразумевал представителей всех мусульманских религиозных направлений и сект (суннитов, шиитов-мутуалиев, друзов, ансариев). Под «мусульманами» Базили имел в виду только суннитов. Однако нередко он употребляет это понятие в современном научном смысле.}, страна, в которой буря Средних веков Европы разрешилась рыцарскими подвигами и в которую опять устремлены взоры Запада то с политическими и коммерческими видами, то с религиозными чувствами, а всего чаще с утопиями, – Сирия была мало известна Европе до 1840 г. Да и теперь еще после всего, что написано и наговорено об этом крае, трудно иметь о нем правильное понятие.

Поверхностные сведения и ложные данные ведут к ложным заключениям; а ложные заключения в задачах политических производят омут в общественном мнении и ведут правительства к роковой трате крови и золота народных. В суждениях по таким делам первая обязанность добросовестного наблюдателя – освободить себя не только от предрассудков своей эпохи и своего воспитания, но даже от сочувствий народных и смотреть на факты с хладнокровием математика пред цифрами. Не ручаюсь в совершенном беспристрастии суждений моих и в верности моего взгляда. Но в изложении фактов исторических и современных, из которых читатель может извлечь собственное суждение, я вполне полагаюсь на верность моего рассказа.

С первых пор прибытия моего в Сирию я искал в книгах пособия для изучения края. Читал Страбона, Полибия и Флавия {Страбон (ок. 63 г. до н. э. – 20 г. н. э.) – древнегреческий историк и географ. Главный труд – «География» в 17 книгах. На русском языке см.: География в семнадцати книгах. М., 1879; Античная география. Книга для чтения. М., 1953. – Прим. ред.

Полибий (ок. 201 г. – ок. 120 г. до н. э.) – древнегреческий историк. Основной труд – «Всеобщая история» (в 40 книгах, из которых сохранились полностью лишь первые 5). На русском языке см.: Всеобщая история в 40 книгах. Т. 1 – 3. М., 1890 – 1899. – Прим. ред.

Иосиф Флавий (ок. 37 г. – ок. 95 г.) – еврейский историк и военачальник. На русском языке см.: Иудейская война. СПб., 1900; Иудейские древности. Т. 1 – 2. СПб., 1900; О древности иудейского народа. Против Аппиона. СПб., 1898. – Прим. ред.} и находил в них более верные сведения, чем в современных творениях. В ту пору путешествие Ламартина по Востоку читалось еще всеми {Alphonse de Lamartine. Voyage en Orient. Souvenirs, impressions, pensées et paysages pendant un voyage en Orient (1832-1833). Paris, 1835. – Отрицательную оценку труда Ламартина разделяли многие русские литераторы. П.А. Вяземский писал: «Чтобы определить и оценить Ламартина, довольно одного замечания; никто из путешествующих по Востоку не берет книги его с собою» (Полное собрание сочинений кн. П.А. Вяземского. Т. IX. С. 283). – Прим. ред.}. Литературная слава автора «Поэтических дум» и «Духовных мелодий» отражалась еще на этой книге. Мне напоминала эта книга другую эпоху моей жизни, первую молодость мою, когда я был так ошарашен личным знакомством с великим поэтом. Кто из людей моего поколения не знал наизусть гармонических его куплетов? Это было, помнится, в 1831 или 1832 г., когда я служил на флоте адмирала Рикорда. Мы угощали поэта на Навплийском рейде, и я благоговейно внимал светскому его красноречию и поэтическому разговору. Но в Сирии, перечитывая его книгу, я был поражен только невероятным простодушием поэта, который описывает не край, но те ощущения, на которые заблаговременно была настроена его душа, когда он знал Восток не наглядно, но по собственному вдохновению. Судя по всему, что слышал я о Ламартине в Сирии и в Константинополе, вполне разделяю мнение многих умных его соотечественников, что книга его о Востоке служит доказательством любопытного психологического явления, а именно: влияния воли и воображения на чувства. Ламартин не обманывает своего читателя; он видел все то, что описывает; но видел все это в идеальном мире, который ему сопутствовал на Востоке. Не менее того книга его наводнила Европу бреднями. Даже картинные описания, занимающие большую половину его книги, напыщены и однообразны, и вряд ли стоят они немногих эскизов

Шатобрианова «Itinéraire» {F. A. de Chateaubriand. Itinéraire de Paris à Jérusalem et de Jerusalem à Paris en allant par Grèce et revenant par l'Égypte, la Barbarie et l'Espagne, t. 1-3, Paris, 1811. Русск. пер.: Путевые заметки из Парижа в Иерусалим. Ч. 1-3. М., 1815-1816. – Шатобриан посетил Палестину в первой половине октября 1806 г. – Прим. ред.}.

Английское правительство издало в 1839 г. для парламента статистические документы, составленные доктором Боурингом {John Bowring. Report on the commercial statistics of Syria, presented to both houses of Parliament, 1838. London, 1840. – Боуринг находился в Сирии во второй половине 30-х годов XIX в. – Прим. ред.}. В них заключаются основательные сведения об армии египетской и о торговле: но о крае собственно и о его племенах Боуринг ничего не успел распознать. Предстоял вопрос о судьбе этих племен; но в расчетах английской политики племена играют незавидную роль потребителей и группируются по итогам производительности манчестерских фабрикантов.

В археологическом отношении замечательно путешествие Робинсона и Смита {Edward Robinson and Eli Smith. Biblical Researches in Palestine, Mount Sinai and Arabia Petraea in 1838. Vol. 1-3. London, 1841. – Прим. ред.}; впрочем, эти господа-методисты могли, кажется, сделать лучшее употребление из своей учености, чем опровергать историческими софизмами предания о местностях.

Что касается путешествий живописных и иных, оттененных поэтической кистью туристов, пробежавших страну в промежуток двух пароходов, вряд ли нужно о них упоминать.

Из старинных путешествий замечательна книга ученого датчанина Нибура {Carsten Niebuhr, Reisebeschreibung nach Arabien and anderen umliegenden Ländern. Vol. I – II. Copenhagen, 1774, 1778. – Нибур посетил Сирию, Палестину и Аравию в 60-х годах XVIII в. – Прим. ред.}. Среди физиологических наблюдений, составлявших главный предмет его многотрудного путешествия, встречаются любопытные и основательные сведения о племенах, принадлежащих арабскому миру.

Изо всего, что издано в Европе о сем крае, более замечательна книга Вольнея «Voyage en Egypte et en Syrté», писанная в 80-х годах [XVIII в.] {Constantine Françoise Volney. Voyage en Egypte et en Syrie pendant les années 1783, 1784 et 1785, vol. I – II, Paris, 1787. – Книга Вольнея выдержала во Франции несколько изданий (последнее – в 1959 г.), была переведена на русский язык с немецкого Н. Марковым и издана в Москве в 1791 – 1793 гг. в двух томах под заглавием «Путешествие Волнея в Сирию и Египет, бывшее в 1783, 1784 и 1785 годах». Перевод неточен. – Прим. ред.}. Верный и проницательный наблюдатель, Вольней, один среди всех своих предшественников и последователей, вник в политический быт сирийских племен и в последствия турецкого правления на их частный и общественный быт. Хотя, к сожалению, книга эта охлаждена отсутствием всякого религиозного чувства и слишком отзывается скептицизмом своей эпохи, однако служит она верной картиной Сирии того времени. Исторические ее эпизоды о походах Али-бека, о приключениях и замыслах Дахира эль-Омара можно почтить как бы предчувствием событий нам современных.

В самую пору прибытия моего в Сирию {Базили прибыл в Сирию в начале августа 1839 г., совершил поездку по стране и 2 декабря 1839 г. обосновался в Бейруте. – Прим. ред.} политические обстоятельства придавали новый интерес рассказу Вольнея. В поход 1840 г. среди военных действий английского флота, на котором находился я при взятии Бейрута {10 сентября 1840 г. были открыты военные действия англо-австро-турецким флотом и десантными войсками против армии Мухаммеда Али в Сирии (см. настоящее издание, главы 14 и 15). Опасаясь бомбардировки Бейрута с моря, Базили перебрался на английский корабль. В сентябре 1840 г. он уехал на о. Кипр.

Бейрут был взят 9 октября 1840 г., когда Базили уже был на Кипре (см. АВПР. Ф. «Посольство в Константинополе». Д. 701. Л. 69 – 17). – Прим. ред.}, затем в междоусобную войну ливанских племен в 1841 г., и в бунт друзов 1842 г., и в новые междоусобия 1845 г. я занялся изучением старых арабских летописей и прилежно собирал местные предания о походах египетских мамлюков в Сирию, о действиях Чесменского флота у этих берегов, о взятии Бейрута русскими, о чудовищном Джаззаре, о казнях, изменах и братоубийствах, на которых княжеский род Шихабов основал свое величие на Ливане, рушившееся при мне в 1841 г.

Приступая к повествованию происшествий, которых я был свидетелем, я счел необходимым изложить предварительно те события, которые показались мне наиболее занимательны в историческом отношении и поучительны для исследования нынешнего состояния края и его племен. Для полноты моего рассказа я включил во второй главе очерк событий, уже описанных Вольнеем. Главнейшим пособием служила мне после местных преданий арабская хроника Бустроса {О хронике Бустроса см.: А.Е. Крымский. Из бейрутской церковной летописи XVI – XVIII в. – «Древности восточные. Труды восточной комиссии импер. Моск. арх. общества». Т. III. Вып. I. М., 1907. – Прим. ред.}, переведенная для меня внуком автора, служащим при нашем генеральном консульстве.

Если книга моя будет включена в разряд материалов, которых изучение полезно при исследовании вопроса о судьбах Востока, то труд мой не потерян.

Ограничиваясь бытом племен сирийских и обзором правительства, которому племена эти подчинены, я тщательно избегал картинных описаний края, в котором полуденная природа проявляется в торжественнейшем своем блеске, где очерк гор, берегов, горизонта, обставленного то феодальным замком, то монастырем, то развалиной, то рядом верблюдов или кочевьем бедуинов, очаровывает живописца и переносит мысль путешественника к давно прошедшим векам. Воспоминания древности, следившие меня во всех моих путешествиях по Востоку, даже благоговейное чувство, наполняющее душу при посещении палестинских святынь, – все это тщательно устранено из моей книги.

В 30-х годах издавал я юношеские впечатления бытности моей в Греции и в Константинополе {Речь идет о пребывании Базили вместе с эскадрой адмирала Рикорда в 1830 – 1833 гг. в Константинополе и Греции. См. «Архипелаг и Греция в 1830 и 1831 гг.»; «Очерки Константинополя»; «Босфор и новые очерки Константинополя». – Прим. ред.}. Как ни благосклонно были приняты мои книги, однако опыт жизни, службы, учения и путешествия убедили меня, что в литературном мире не всякий писатель вправе

предлагать свету оттиски собственных впечатлений. При нынешних удобствах путешествия по Востоку предоставим каждому следить собственным глазом и постигать собственным чувством красоты природы; а память о былом сама воскреснет среди страны, с которой знакомы мы по первым впечатлениям духовного воспитания нашего, о которой не перестает вещать голос церкви. Святыни палестинские привлекли уже многих соотечественников наших всех званий, от вельможи столичного до кяхтинского обывателя, до отшельника соловецкого. С Евангелием в руках и при изустных пояснениях путеводаителя – монаха иерусалимского – благочестивый путник не нуждается в другом указателе, ни в другом источнике вдохновения, кроме собственного чувства.

Обитель пророка Ильи на горе Ливане.

Август 1847 г.

Глава 1

Элементы арабского политического общества в Сирии. – Феодалная система на Востоке. – Эмиры и шейхи. – Владетельные семейства. – Партии иемени и кейси. – Турецкое завоевание. – Откупная система управления и финансов. – Первый поход турок в Ливан. – Семейства Маанов и Шихабов. – Приключения Фахр эд-Дина. – Его владения, его влияние и замыслы. – Распределение пашалыков. – Преемники Фахр эд-Дина. – Борьба арабского элемента с турецким.

Десятивековое владычество западных народов, греков и римлян мало оставило по себе следов в моральном и гражданском быту Сирии. Во второй половине VII в. арабское завоевание быстро придало краю то внутреннее устройство, те политические нравы, которые и поныне сохраняются в нем, несмотря на последовавшие затем нашествия и завоевания. Для успешного водворения народного своего элемента арабы, по сказанию христианских летописей Сирии, отрезывали языки у матерей семейств, чтобы новое поколение не росло под влиянием звуков греческого языка, преобладавшего дотоле в городах. Завоевание, сопряженное с духовною проповедью, всегда и везде беспощадно. То же средство употребили в XV столетии турки во внутренности Малой Азии. Здесь и там не устоял эллинистический элемент, который почитался у завоевателей надежнейшей опорой религии; язык греческий совершенно искоренился, но христианство устояло.

Арабское завоевание ввело в Сирию то феодальное устройство, которое и поныне существует. Предводители племен, вышедших из полуострова под знаменами Абу Бекра и Омара на проповедь Корана, основали в Сирии отдельные княжества, которые платили дань халифам, но пользовались правом внутреннего управления по местному обычаю, подчиненного лишь духовному закону халифата. В организме азиатского государства льгота эта соответствует муниципальному праву, которое в древности предоставлялось народам, подвластным Риму. В Сирии водворялась, впрочем, и некоторая централизация посредством духовного закона, обработанного у мусульман именно в этот первый период развития их гражданственности, когда покорили они страну образованную, одаренную римским законодательством и которая в ту эпоху славилась своими училищами правоведения {При Юстиниане лучшей школой правоведения в империи почиталась

бейрутская.}. Но эта государственная централизация не имела притязаний административных, не нарушала местных прав и обычаев, не касалась внутреннего быта племен. Гористая местность благоприятствовала даже феодальному раздроблению обществ. В десятивековой период владычества Селевкидов, римлян и византийцев ни эллиническая цивилизация, ни римское законодательство не могли изгладить разнохарактерность племен, населявших Сирию. Этот двоякий внешний элемент превозмогал в городах, коих народонаселение было греческое по происхождению или делалось греческим по развитию в нем гражданственности. Сельские племена, как горцы, так и жители равнин, сохраняли свою народную физиономию, свои языки и обычаи и наследственное свое раздробление.

Арабское завоевание восстановило, можно сказать, арабскую народность, которая длилась в сей стране от веков ветхозаветных, и придало ей более единства. Новая религия с быстротою распространилась, и тот язык, на котором проповедовалась она, не замедлил вытеснить из употребления не только греческий язык, но и халдейский, и сирийский, и еврейский среди небольших обществ, пребывших верными своему закону. Иначе нельзя пояснить видимое и поныне разительное сходство общественных и семейных нравов края с библейскими его преданиями.

Коренное патриархальное управление кочевья аравийского послужило здесь основой феодального права, введенного завоевателями. От развития патриархального начала в совокупности с правом феодальным, необходимо примененным к оседлости, под влиянием быстрых успехов халифата в гражданственности образовалось нынешнее политическое общество Сирии; и посему-то феодальное право, ограниченное взаимностью покровительства и услуг, упрочилось в ней. Право это было в союзе с правительственным деспотизмом, который постоянно ему благоприятствовал до самой эпохи предпринятых Махмудом II преобразований в Османской империи.

В продолжение крестовых походов западные народы довершали в Сирии феодальное свое воспитание, и здесь впервые западное феодальное право облеклось законодательными уставами. Но в Сирии введенное арабами право, пребывая верным древнему своему началу, обрело сочувствие народов и правительств, не нарушая ни личной свободы, ни права собственности, тогда как на Западе массы народные обращались постепенно в рабство, а земля делалась собственностью баронов. Ни внутренние борения халифата, ни нашествия сельджуков, монголов, крестоносцев, мамлюков и османов не коснулись политического начала, введенного первыми халифами. В особенности замечательно, что те самые арабские семейства, которые первоначально были облечены владетельным правом, сохранили свои уделы, и, кроме крестоносцев, которые впрочем недолго устояли, ни один из завоевателей не попытался заменить семейства эти своими единоплеменниками.

Таким образом, арабская народность хотя и лишилась политической своей самобытности вместе с халифатом, сохранила, однако, до наших дней гражданский свой элемент, свое дворянство и тот особенный облик, который получила она в исходе VII в.

Дворянство сирийское, шейхи и эмиры {Шейх собственно значит старец, староста. Есть шейхи, которые совершенно соответствуют нашим сельским старостам. Есть также аристократические семейства шейхов, коим этот почетный титул наследственно присвоен вместе с политическими преимуществами, с ним сопряженными. В кочевых арабских племенах есть шейхи, наследственно управляющие сотнями тысяч семейств и выставляющие в поле целые армии всадников. Эмир собственно значит повелитель. Не должно смешивать эмиров арабских племен, у коих титул этот есть самый почетный и принадлежит немногим только семействам весьма древнего рода, с теми эмирами, потомками пророка, которые входят в состав турецкой черни. Звание шейхов и эмиров арабского феодализма можно во многих отношениях сравнить с баронами и герцогами (duces) Средних веков Европы.}, относят свое происхождение к самой глубокой древности. И ныне, как и во времена библейские, генеалогия благоговейно сохраняется в сем краю. Есть семейства, которые ведут свои родословные от времен Мухаммедовых.

При взятии Дамаска Абу Убейдой, полководцем Омаровым, пал мучеником священной войны, по выражению мусульман, эмир эль-Харес от племени бени-махзум из Хиджаза, родственник Мухаммеда по жене, которая принадлежала к владетельному племени бени-корейш. Сыну мученика пожалована в удел по повелению халифа Омара эль-Хаттаба богатая сирийская область Хауран. Там управляли его потомки около пяти веков при Аббасидах и в эпоху крестоносцев. От имени главного своего города Шихба приняли они фамильное прозвание Шихаб. В 568 г. хиджры [1172/73 г.] голод, свирепствовавший в Хаурани, принудил Шихабов выступить со своим племенем и 15-тысячным ополчением на завоевание соседней области Вади-т-Тим (Антиливан), где властвовал крестовый воин, именуемый в арабских летописях Контура, вероятно, граф Тирский (comte de Tyr). Шихабы разбили крестоносцев и в награду за представленные ими султану Нур эд-Дину 500 отрубленных голов неприятельских получили в удел Антиливан. Здесь основали они живописную свою столицу Хасбею на южном скате гор и выстроили тот великолепный замок, которого небольшая часть, сохранившаяся доселе {Имеются в виду остатки дворца Шихабов, сохранившиеся и до настоящего времени. – Прим. ред.}, представляет лучший во всей Сирии образец арабского зодчества.

В это время племена ливанские и долина Баальбекская (древняя Кили-Сирия) управлялись эмирами семейств Танух, Джемаль эд-Дин, Алам эд-Дин {Согласно генеалогическому древу, приведенному в книге ливанского историка Тануса эш-Шидийака, феодальные роды Джемаль эд-Дин и Алам эд-Дин были двумя ветвями рода эмиров Танух. См.: Танус эш-Шидийак. Китаб ахбар аль-айан фи Джебель Любнан. – Прим. ред.} и Маан, кои вели свои родословные от древних арабских племен Йемена и Хиджаза. Незадолго пред тем изгнанные из Египта последователи новой религии, порожденной оргиями египетского халифата, укрылись в ливанских горах и вместе с другими раскольниками мухаммеданства, бежавшими из Месопотамии, составили в Ливане независимое племя друзов. При самом начале политического своего существования племя это появляется разделенным на две партии – иемени и кейси {Разделение феодальных группировок на иемени и кейси восходит еще к периоду родоплеменных отношений, когда враждовали между собой племенные объединения. В XVII в. эта вражда приняла характер борьбы двух феодальных групп за власть и земельные владения; борьбу поддерживали и разжигали турецкие власти. – Прим. ред.}.

Куда ни распространились арабские племена в период преизбытка политической их жизни, от Атлантического океана до Инда, везде сберегли они, как бы заветным преданием древней родины, свою вековую семейную вражду между партиями иемени и кейси, от старинного соперничества между жителями Йемена и Хиджаза на Аравийском полуострове. Семейства Танух, Джемаль эд-Дин, Алам эд-Дин были иемени. Эмиры Маан почитались главами противной партии кейси. Они были обрадованы прибытием новых союзников в соседний Антиливан, ибо Шихабы, по своему происхождению из Хиджаза, принадлежали к партии кейси. Мааны из своих родословных открыли старинные связи и родство своего дома с предками Шихабов в Аравии. Родственные связи возобновились между двумя семействами, подкрепили политический союз, неразрывно существовавший около шести веков, среди борьбы двух партий народных, а затем узаконили переход к Шихабам наследия Маанов по прекращении рода последних [в конце XVII в.].

В XII и XIII вв. они заодно приняли деятельное участие в борьбе с крестоносцами, а по совершенном их изгнании продолжали составлять конфедерации с другими владетельными эмирами, вести мелочные войны и распространять свое влияние на другие области Сирии, признававшей тогда над собою власть султанов египетских. В оба нашествия монголов, при свирепом Хулагу, сыне Чингисхановом, и при Тимурленге {Хулагу (у Базили – Галаку) – внук Чингисхана; однако завоевание Антиливана было осуществлено войсками одного из преемников Хулагу. Это завоевание произошло в 1287 г.; тогда монгольские войска, вторгнувшись в долину Бекаа, истребили все население Антиливана. – Прим. ред.

В 1400 г., когда в Сирию вступили войска Тимура, все население Антиливана бежало в Ливан, но войска завоевателей миновали этот район. Подробно об этом см. Танус эш-Шидийак. Китаб ахбар аль-айан фи Джебель Любнан. – Прим. ред.}, Шихабы, коих антиливанское княжество по соседству Дамаска было покорено и разорено дикими завоевателями, искали убежища на горе Ливане, в неприступном округе Шуфе, где устояли эмиры Мааны.

Сулейман Великолепный

(1494-1566).

При завоевании Сирии турками (в 1516 г.) и по разбитии султаном Селимом хalebских эмиров и войска египетского эмиры Южного Ливана и Антиливана, между коими особенно славился Фахр эд-Дин Маан, основатель величия друзов, перешли на сторону победителя, помогли ему своим оружием и были им утверждены в своих наследственных уделах {Согласно документу, хранящемуся в Национальном архиве в Париже, в битве при Мердж-Дабик (1516) «присутствовали эмир Фахр эд-Дин Маан, эмир Майсур Шихаб и Джемаль эд-Дин эль-Иемени из семьи Танух, которые прибыли, чтобы оказать помощь Газали, губернатору Дамаска при султани Гури (мамлюкский султан Кансу эль-Гури. – Ред.). Когда султан-победитель вступил в Дамаск, эмир Фахр эд-Дин предстал перед ним, сопровождаемый Газали. Его красноречие восхитило Селима, который оказал ему почет и предоставил первенство перед всеми сирийскими эмирами и поручил ему согласовывать их разногласия» (Adel Ismail. Histoire du Liban du XVII-e siècle à nos jours, t. 1. Paris, 1955, p. 4). – Прим. ред.}. Владетели северных [отрогов] Ливана, эмиры Танух и Джемаль эд-Дин, по всегдашнему соперничеству со своими соседями пребывали верными египетскому правлению, а потому были принуждены спасаться бегством от турецкого нашествия. Затем округа Кесруан и Метен подчинились Фахр эд-Дину, а в Джубейле и в Баальбеке усилились и были признаны новым правительством два владетельных семейства – шейхи Бени Хамади и эмиры Харфуш, оба мутуалии из-за Евфрата.

Сирией стали управлять турецкие паши. Но, можно сказать, не многие только города сирийские и окрестности их пребывали под непосредственным турецким управлением.

Остальная страна, и в особенности гористые округа, оставалась во владении наследственных своих эмиров и шейхов, которые по-прежнему заключали конфедерации между собою, выступали в поход со своими ополчениями, вели друг с другом войну, не спрашиваясь у пашей или даже по навету пашей, по временам бунтовались, по временам бывали утверждаемы в своих правах непосредственно от дивана константинопольского, наперекор пашам и в предупреждение бунта пашей.

Финансовая система вполне соответствовала такому политическому началу. Паша обязывался вносить в Порту определенную сумму подати, коей был обложен его пашалык; взамен были ему сполна предоставлены доходы области, из коих он содержал свой двор и свое войско. Каждый из подведомственных ему округов был в свою очередь обложен суммой, соответственной или средствам того округа, или степени влияния пашы на его народонаселение и на его дворянство. Подать, вносимая в Порту от пашалыка, оставалась неизменной, но суммы, взимаемые пашами с областей, изменялись с обстоятельствами, со степенью большего или меньшего могущества или с капризами пашей. Непосредственное их действие, не ограниченное никаким законом, заменяло все многосложные постановления о податях и сборах.

Подать ежегодно взималась с народа в виде военной контрибуции. Паша заботился лишь о том, чтобы лица или семейства, кои на феодальном праве наследственно управляли округами, имели столько местного влияния и материальных средств, сколько было нужно для исправного взноса подати; а вместе с тем внимательно наблюдал, чтобы это влияние и эти средства не повели бы к отказу в уплате подати паше, к открытой с ним войне. Система простая, основанная на законах равновесия и сопротивления. Точно так же паша отягощал налогами подвластные ему округа по мере того, сколько могли они снести, не выходя из повиновения. Местный владелец в свою очередь взимал с народа от имени пашы в той же самой мере. Жалобы на этих владельцев пашам или на пашей в Порту были почти бесполезны и слишком опасны в такой стране, где жизнь подданного вполне предоставлена произволу местной власти. Единственный суд, единственное разбирательство между управляемыми и правителями, состоял в оружии и в бунте, коими решалась судьба тех или других.

Порта со своей стороны соблюдала то же правило относительно своих пашей; одних сменяла за слабость управления, когда они не были в состоянии исправно платить положенную сумму, других – за то, что успевали приобрести слишком большое влияние, особенно в отдаленных пашалыках, и грозили бунтом; иногда должна была открыто вести с ними войну или терпеть явное неповиновение их, которое по существующему издревле на Востоке обычаю и тогда даже, когда доходит до бунта, все-таки облачается формами рабского почитания. Иногда она тайно вооружала одного опасного вассала против другого, обещая каждому из них наследие соперника, чтобы обоих погубить своевременно.

Замечания эти необходимы для пояснения происшествий, коих Сирия служила театром до сего времени и которые отзываются на нынешнем состоянии края.

В силу такого политического и финансового управления племена отдавались на откуп, в буквальном значении сего слова, пашам, эмирам и шейхам. Права политические, коими были облечены паши, эмиры и шейхи, служили как бы в придачу и в обеспечение права денежных поборов {Речь идет об административном и судебном иммунитетах, которыми пользовались в своих владениях сирийские феодалы. – Прим. ред.}. Необходимым последствием этой системы было совершенное разращение владетельных домов. Козни и братоубийства в семействах аристократических вошли в общественные нравы; ими наполнены сирийские летописи; бывают подобные примеры и в наше время и никого не приводят в удивление. Эта система управления целые три века с половиной служила к упрочению феодального права и арабской народности, против коих так суетливо подвизается теперь турецкое правительство.

Эмиры ливанские не замедлили навлечь на себя гнев Порты {В 1584 г. севернее Тараблуса, в Джун-Аккаре, был атакован и разграблен турецкий караван, доставлявший в Константинополь дань из Египта (после поражения турецкого флота в битве при Лепанто в 1571 г. эту дань стали перевозить сухопутной дорогой). В грабеже были обвинены друзья, и Порты использовала инцидент в качестве предлога для расправы над жителями Ливана и эмиром Коркмасом, сыном Фахр эд-Дина I Маана, осуществлявшим самостоятельную политику. – Прим. ред.}. Паше египетскому было поручено казнить мятежных горцев. Без труда занял он горы своим войском, ибо эмиры Джемаль эд-Дина и потомки прежних владельцев Танух, верные наследственной вражде партии иемени преемникам Фахр эд-Дина, которые заодно с Шихабами придерживалась партии кейси, присоединились к туркам для свержения соперников. По удалении турок, которые взяли с горцев контрибуцию и внушили им более повиновения к пашам, Мааны не замедлили восстановить прежнее свое влияние, особенно при Фахр эд-Дине II {Эмир Фахр эд-Дин II родился в 1572 г.; в 1590 г. принял в управление наследственный феодал Маанов – область Шуф. Уже в два первые десятилетия своего правления ему удалось подчинить своей власти территорию от р. Нахр эль-Кельб до горы Кармель, присоединив к своим владениям Северную Палестину и прибрежные города Сайду и Бейрут. В 1608 г. Фахр эд-Дин заключил договор о торговле с великим герцогом тосканским Фердинандом I. Исследователи полагают, что договор имел тайные политические статьи, направленные против турецкого правительства. Готовясь к вооруженной борьбе с турками, эмир создал регулярную армию и укрепил крепости, расположенные на границах его владений. Зависимость Ливана от правительства султана в эти годы выражалась лишь в уплате небольшой дани. Самостоятельная внутренняя и внешняя политика Фахр ад-Дина II обеспокоила турецкое правительство, и летом 1613 г. Ахмед Хафиз-паша дамаский по приказу султана выступил против ливанского эмира. Все население страны поднялось против турок. Однако перевес оказался на стороне турецких войск. 13 сентября 1613 г. Фахр эд-Дин покинул Ливан. Турецкие войска опустошили Ливан. 1613 год вошел в историю Ливана как «год Хафиза».

В 1618 г. Фахр эд-Дин получил разрешение вернуться в Ливан. Время с 1618 по 1632 г. – период расцвета ливанского княжества. Фахр эд-Дин уделял внимание развитию торговли, сельского хозяйства, расширению внешнеполитических связей. См.: Ахмад эль-Хальди Любнан фи ахед, эль-Амир Фахр эд-Дин эль-Тани (Табаа Асад раскам уа Фуад Афрам эль-Бустани), Бейрут 1936 ; Paolo Carali (Bulus Qara\li). Fakhr ad-Din II principe del Libano, t. I –

II. Roma, 1936; Adel Ismail. Histoire du Liban, du XVII-e siècle à nos jours, t. 1. – Прим. ред.}, ввукe того, о котopом выше упомянуто. Наезды удалого эмира на соседние округа были наказаны Хафиз-пашой дамасским, который по повелению Порты с четырнадцатью другими пашами выступил в поход против него и при содействии его соперников опустошил Ливан {В 1613 г. – Прим. ред.}. Чтобы укрыться от гнева пашы, эмир отправился путешествовать в Италию и вверил правление младшему своему брату эмиру Юнесу. Этот наместник для смягчения пашей отправил к ним собственную мать с богатыми дарами и полумиллионом пиастров (пиастр тогда равнялся нашему серебряному рублю). Эмиры антиливанские, хотя сами постоянно пользовались покровительством Маанов и прибежали к ним то для защиты от крамолы турецкой, то для примирения со своими ближними, не приняли, однако, никакого участия в этой двукратной беде Маанов, быв единственно заняты собственными происками у пашей, брат противу брата, и стараясь единственно угодить своим капризным повелителям.

Таковыми происками удалось одному из братьев Шихабов, эмиру Ахмеду, вооружить Хафиз-пашу на другого брата – эмира Али, который управлял Антиливаном. Общая опала повела к союзу между Али и Юнесом. Турки были сперва разбиты союзными эмирами; затем, однако, отомстили они разорением Дейр эль-Камара, столицы Маанов {До 1613 г. центром владений Маанов был Бааклин, селение, основанное Маанами в 1120 г. В 1613 г. эмир Юнес по приказу отбывшего в Италию Фахр эд-Дина перенес резиденцию в Дейр эль-Камар (Танус эш-Шидийак. Китаб ахбар аль-айан фи Джебель Любнан, с. 260). – Прим. ред.}, и Хасбеи, столицы Шихабов, с множеством других городов на Ливане и на Антиливане. Опальные эмиры спасались тогда в Баниасе {Древний Панеас.}, у истоков Иордана. Едва успели турки покинуть Ливан, едва успели эмиры возвратиться восвояси, вскипело в горах кровавое междоусобие старых партий иемени и кейси. Целый год дрались с зверским остервенением. Утомленный эмир Юнес передал правление своему племяннику, молодому сыну Фахр эд-Дина. Вскоре затем Хафиз-паша дамасский, бич Ливана, был сменен; тогда возвратился из своего путешествия Фахр эд-Дин.

Около пяти лет провел он в Италии, где появление владетельного князя неизвестного еще племени друзов возбудило любопытство Европы. Флорентийский двор сделал ему лестный прием. Распространилось на Западе сказание, будто друзы – заблудшие в горах ливанских потомки крестоносцев. Самое имя друзов стали производить от какого-то графа Dreux. Фахр эд-Дин, вероятно, сам подтверждал эту басню, которая делала его предметом всеобщего участия и благосклонного внимания на Западе.

Б

ейрут. Гравюра XIX в.

По возвращении своем из Европы эмир не замедлил устроить вновь свои правительственные дела и придать новый блеск своему роду и племени. Бедствия, постигшие Ливан в его отсутствие, усугубили народное доверие к эмиру. Это самая блистательная эпоха друзей. Вся страна – от северных [отрогов] Ливана от высот Джиббет-Бшарра и Аккара, от верховьев Оронта по берегу моря до Кармея, с плодоносной долиной Баальбека, с приморскими городами Батруном (Вотрисом у древних греков), Джубейлем (древним Библосом), Бей рутом, Сайдой и Суrom (Виритом, Сидоном и Тиром), Аккой {Мы сохраняем этому городу арабское его нынешнее наименование Акка вместо общепринятого на Западе названия Акры, или Сен-Жан д'Акры, по воспоминаниям крестовых походов. Замечательно, что нынешнее арабское наименование Акки принадлежит самой глубокой древности и пережило данное этому городу греками имя Птолемаиды (см. Страбон, кн. XVI, § 25).} (Сен-Жан д'Акр, древняя Птолемаида), а на восток – до верховьев Иордана, до Сафед и Тиверии (Тивериады) – вся эта богатая и живописная страна, с воинственными своими племенами, признавала его власть. Эмиры антиливанские искали его покровительства; турецкие паши его боялись и оставляли в покое.

В

ид Иерусалима с крыши австрийской больницы. Художник Карл Вернер, 1864.

В это время Сирия была разделена собственно на три пашалыка: 1) Халебский, в коем заключались Эдесское и Антиохийское княжества крестоносцев, и берег Искендеруна, поблизости коего безвестно укрылась бедная деревушка Суэдия, у устьев Оронта, будто надгробный памятник знаменитой в древности Селевкии; 2) Тараблусский, вдоль берега от Латакии (древней Лаодикеи) до пределов Ливанского княжества; 3) Дамасский, коему были подведомы все юго-восточные страны до Евфрата и до Суэцкого перешейка. Палестина, входя в состав Дамасского пашалыка, составила особенный санджак под управлением двухбунчужного паши. Впоследствии прибережная ее полоса вступила в состав Сайдского пашалыка, учрежденного в следующем столетии из береговых округов от Сайды до египетской границы, а город Иерусалим, как один из четырех священных городов ислама, остался в ведении дамасского паши.

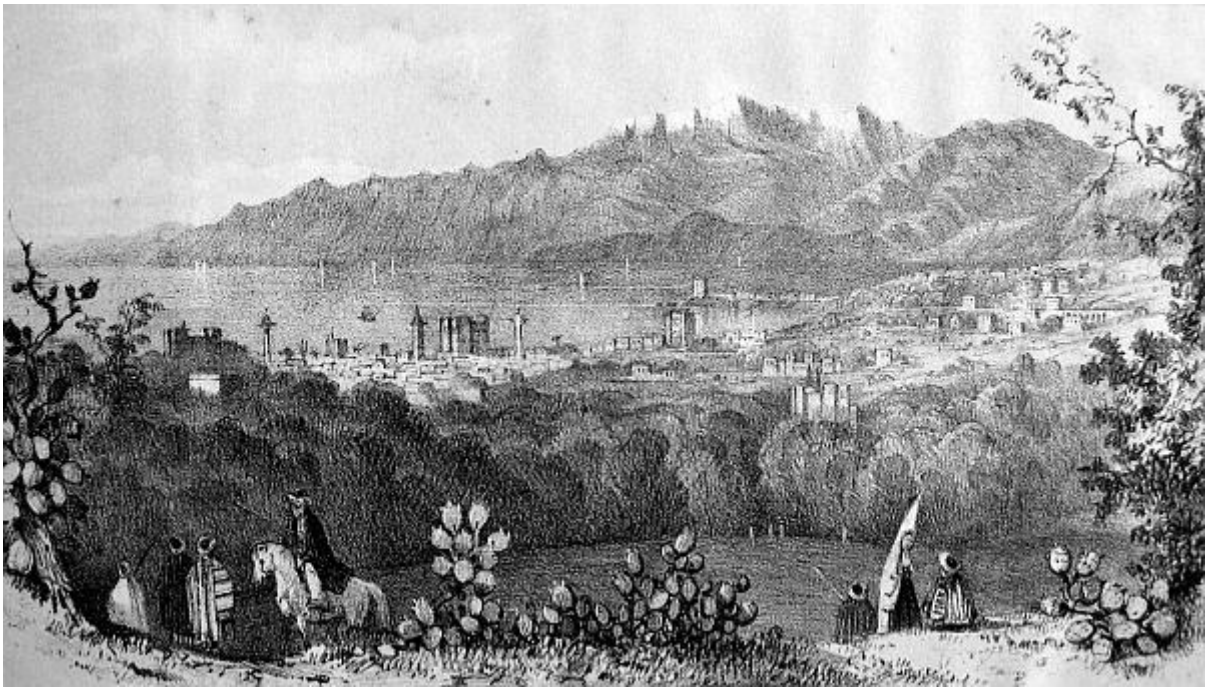
Только в северной части Сирии, в пашалыке Халебском, успело турецкое правительство водворить свои обычаи, свою военную систему, янычар и феодальных сипахи и тимариотов {Сипахи – владельцы крупных военных ленов, обязанные по указу султана являться в ополчение с вооруженными всадниками, число которых зависело от доходности лена. Тимариоты – владельцы небольших военных ленов, тимаров. – Прим. ред.}, коими были заменены арабские эмиры. В остальной Сирии туркам не удавалось преодолеть туземного элемента. Гора Кельбие, древний Кассион, была населена бедным и мирным племенем ансариев, о которых и поныне правительство не имеет другой заботы, как разве собирать с них ежегодно подати. Округа, прилежащие к северным [отрогам] Ливана, управлялись наследственно эмирами Сиффа, мусульманами; округа Джубейль и Баальбек – шейхами Хамади и эмирами Харфуш, мутуалиями. И племена эти, и владетельные семейства по собственному движению признавали над собой власть Фахр эд-Дина и домогались его покровительства от козней, поборов и насилий турецких пашей.

А

нтичные руины Баальбека. Литография А.Т. Франция, 1830 г.

Племя маронитов сосредоточивалось в гористом Кесруане под патриархальным управлением единоверных ему шейхов из домов Хазен и Хбейш. В живописном Метене обитали в совокупности православные арабы и друзы под управлением древних и могущественных шейхов Абу Лама родом из друзов. Оба эти округа были в непосредственном владении эмира ливанского, но сохраняли свои феодальные льготы. Затем Южный Ливан от Бейрута до Сайды, известный под общим именем Шуф, в разных округах коего были местные шейхи, почитался как бы наследственным уделом эмиров вместе с городами Бейрутом и Сайдой. Племена мутуалиев, занимавшие окрестности Сайды и городок Сур, равно и оседлые племена, смешанные с бедуинами в верховьях Иордана, за Иорданом, на горе Аджлун и в Хауране, не имея могущественных шейхов из туземцев, охотно подчинялись предприимчивому эмиру и находили в нем опору от притеснений, коими тяготели над Сирией паши, и расправу в возникающих между ними раздорах. Со всех этих племен, ему подвластных или состоявших под его покровительством, эмир собирал дань и поднимал ополчения, предоставляя, впрочем, каждому из них управляться наследственными своими шейхами и эмирами. Сим еще более упрочивалось и развивалось по всем направлениям феодальное устройство края, преимущественно укоренившееся при Фахр эд-Дине.

Б

ейрут и ливанские горы. Литография А. Т. Франция, 1830 г.

Фахр эд-Дин украсил свою столицу Бейрут и выстроил башни и замки; он укрепил порт для защиты торговли от мальтийских галер и сам содержал небольшую флотилию. Развалины Фахрэддинова дворца с садами, банями и зверинцем поныне свидетельствуют о великолепии эмира, который променял в Италии простые патриархальные обычаи своего края на роскошь двора Медичи. Но лучшим памятником Фахрэддинова управления остался в Бейруте живописный еловый лес, им насажденный для охранения садов и плантаций от набега морских песков. И ныне продолжается в Сирии эта упорная борьба земледелия с пустыней, аллегорически выраженная у древних египтян и у греков вечной войной Озириса с Тифоном. В трудолюбивом Египте Озирис при содействии божества Нила сразил враждебного Тифона, загнал его в Эфиопию и оплодотворил освобожденную от губительных его набегов почву. Но в Сирии при постоянной убыли народонаселения, политическом неустройстве края и беспечности правительства опустошительные набеги Тифона одолевают с каждым годом и более и более затесняют эту благословенную природой полосу, простирающуюся под роскошным покрывалом своих жатв промеж двойной пустыни песков и моря. Засуха великой пустыни съедает понемногу плодоносную почву с восточной стороны Сирии, а с береговой стороны море накапливает подвижные громады песков, переносимых, вероятно, ветрами из Ливийской пустыни в море и выбрасываемых волнами в Сирию {Явление это особенно поражает взоры в Суре и в Бейруте. Известно, что Сур, древний Тир, был некогда островом. Александр Македонский плотиной присоединил его к материку, чтобы дать приступ. Плотина эта пересекла течение вод вдоль берега, и от происшедшего таким образом накопления песков образовался со временем вместо узкой плотины широкий перешеек, на котором песок заметно нарастает при продолжительных юго-западных ветрах и уже поднялся выше нынешней крепостной стены; порой [песок] даже через нее втекает в город. Жители собираются тогда с лопатами и с корзинами, чтобы отстоять свой город от этого страшного приступа, завещанного македонским завоевателем опальному городу.

В Бейруте самое образование берега, выступающего мысом далеко в море, причиняет то же явление. Пески покрыли уже всю южную полосу этого мыса на огромное пространство и глубоко погребли множество садов и плантаций и даже дома в два этажа; местоположение еще помнят старики. В восьмилетний период моего пребывания в Бейруте пески эти подвинулись вперед на десять с лишком сажен среди богатейших плантаций. Ничто вернее не изобразит врожденной беспечности азиата и азиатских правительств, как это совершенное равнодушие, с которым всяк взирает на неминуемую опасность, не принимая никаких мер для охранения своих поместий. Паши турецкие, в непосредственном управлении коих состоит ныне Бейрут, отнятый Портой от города, нисколько не думают пособить беде, а единственное средство есть насаждение елового леса по примеру гениального горца Фахр эд-Дина.}

На Антиливане Шихабы, по наследственному в их роде обычаю, продолжали семейные крамолы. При Фахр эд-Дине благодаря влиянию его на все соседственные округа они стали обращаться со своими жалобами к нему, а уже не к паше дамасскому, который, по основному правилу политики османской, не преминул бы погубить одного из братьев другим и ослабить партию обоих. Фахр эд-Дин для примирения своих родственников разделил между ними Антиливан на два участка: одному из братьев он дал Хасбею, или Нижний Антиливан (Вади-т-Тим-Тахтани), а другому – Рашею, или Верхний Антиливан (Вади-т-Тим-Фокани). Разделение это и поныне еще существует между двумя отраслями Шихабов; но семейные козни и братоубийства и поныне еще продолжают в каждой из сих отраслей.

При общем мире, при мудром правлении быстро возросло благоденствие племен, подвластных Фахр эд-Дину, и влияние его усиливалось и распространялось по всей Сирии. Он был в дружеских сношениях с воинственными племенами Набулуса и Иудейских гор, с кочевьями пустыни, с друзьями Халебских гор, с ансариями. Как представитель туземного феодального элемента, он легко мог сделаться главой общей конфедерации воинственных племен Сирии и ниспровергнуть османское владычество, слишком поспешно привитое Селимом к древу арабской народности, еще исполненному в ту эпоху жизненных сил, хотя и подавленному гением завоевателя, которому в османских хрониках присвоено название Грозного (Яуз).

Дела Сирии стали внушать основательные опасения Порте. Обычными происками (в 1033 г. хиджры [1623/24 г.]) дамасский паша поднял на Фахр эд-Дина эмиров Харфуш и Сиффа и сам выступил с войском. Он был разбит наголову и попался в плен. Эмир оказал великие почести своему пленнику, успел заключить с ним выгодный мир и даже приобрести его дружбу. Но через пять лет Порта решила низложение могущественного вассала. При султানে Мураде великий везир Халиль-паша с армией вступил в Сирию чрез Халеб, а капудан-паша Джафар с флотом показался у берегов. Некоторые из вассалов Фахр эд-Дина передались туркам. Сын его эмир Али одержал бесполезные победы и погиб в сражении; другие искали спасения в бегстве, и сам эмир был осажден турками в своем неприступном замке на скалах ливанских. Голод принудил его искать другого убежища. Он укрылся со своим семейством в пещере, висящей над пропастями гористого Джебзина.

Ахмед Кючук-паша, который травил, как зверя, несчастного эмира по ущельям ливанским, открыл его следы и, видя, что не было возможности приступить к отверстию пещеры, прорыл ее сверху и таким образом взял эмира в плен и отвел его к великому везиру. Он был немедленно отправлен в Константинополь {В феврале 1635 г. – Прим. ред.}. Из его детей одни достались в плен туркам, другие были умерщвлены. Турки поставили тогда владетелем Ливана эмира Али Алам эд-Дина из партии иемени в надежде тем совершенно разрушить влияние кейсиев, сосредоточенное в доме Маанов. Но едва удалилось турецкое войско, эмир Мельхем Маан, племянник Фахр эд-Дина, спасшийся от плена турецкого, при содействии своих приверженцев без труда согнал с гор Алам эд-Дина. Это стоило жизни Фахр эд-Дину и всем членам его семейства, отведенным в Константинополь. Сперва они там были хорошо приняты и помилованы; но при известии о новых смутах на Ливане они были казнены {Фахр эд-Дин II был казнен 13 апреля 1635г. – Прим. ред.}, за исключением малолетнего эмира Хусейна, спасенного по ходатайству везира.

Впоследствии Порты заблагорассудила признать эмира Мельхема владетелем Ливана. Она достигла своей цели: нанесла семейству Маан роковой удар, от которого оно никогда уже не успело оправиться, и оставила преемнику ровно столько влияния, сколько нужно было, чтобы управлять краем и бороться с другими вассалами, даже с пашами, но не иметь решительного перевеса над ними.

При Мельхеме и при его детях Ахмеде и Коркмасе, которые вместе правили Ливаном, никогда не прекращались междоусобия и распри между партиями кейси и иемени как здесь, так и на Антиливане. Паши дамасские попеременно продавали то тем, то другим свое покровительство и надбавляли ежегодную подать. Впоследствии они даже успели совершенно изгнать из Ливана и Антиливана оба владетельные семейства Маанов и Шихабов, которые около десяти лет укрывались в пещерах Кесруана или скитались в горах Халебского пашалыка.

Иемени торжествовали. Среди этих тревог города Сайда, Сур и Бейрут были конфискованы Портой от Ливанского княжества, и первый из них сделался местопребыванием нового паши, поставленного Портой над прибрежными округами для ближайшего надзора за Ливаном {Сайдский пашалык был создан в 1660 г. – Прим. ред.}. Ряд знаменитых везиров Кепрюлю усиливал тогда правительственную власть во всей империи {Представители семьи Кепрюлю занимали пост великого везира (садр-азама) во второй половине XVII в. Они осуществили ряд мероприятий, направленных на укрепление государственного аппарата и армии, на урегулирование налоговой системы; боролись против сепаратизма пашей. – Прим. ред.}. Ахмед-паша дамаский сам принадлежал к этому семейству и успешно действовал в Сирии к упрочению турецкого владычества. Но смуты не прекращались на Ливане. Турки упорно преследовали род Фахр эд-Дина. Сайдскому паше удалось завлечь в свои сети эмира Коркмаса и изменнически его умертвить {В 1662 г. – Прим. ред.}. Брат его Ахмед спасся израненный и еще года два скрывался в Кесруане. Его соперники при всем покровительстве пашей не успевали ни любви ливанских племен приобрести, ни утвердить за собой власти. Кейси восстали массою и призвали своего эмира. Многочисленные ополчения двух враждебных партий встретились в равнине Бейрутской {Кейси и иемени сражались в эти годы дважды: в 1664

г. и в 1667 г.; Бейрутская битва имела место в 1667 г. – Прим. ред.}. Кровавопролитная битва, в которой иемени были разбиты и лишились своих вождей, доставила эмиру Ахмеду княжество Ливанское вопреки козням пашей. Его торжество отозвалось и на Антиливане, куда не замедлили водвориться вновь Шихабы.

При всех этих бедствиях, разрушавших мало-помалу здание, воздвигнутое Фахр эд-Дином, достойна примечания прочность местных элементов, на коих оно было основано. Оно находило надежнейшую опору в феодальном организме края, и как только стихала буря, едва эмир отдыхал от гонений, все окрестные племена охотно подчинялись его влиянию. Летописи ливанские упоминают о том, что в 1091 г. хиджры [1680 г.] владельцы Баальбека, эмиры Харфуш, являлись в Дейр эль-Камар для суда с Шихабами у эмира Ахмеда и по его решению соглашались платить дань Шихабам.

Несколько лет спустя паша тараблусский, желая наказать мутуалиев в Джубейле, поручил эмиру ливанскому идти на них войной. Турки, как и поныне, находили в народных и в семейных распрях, свойственных феодальному правлению, вернейшее средство для обуздания одних другими. При помощи мутуалиев они не один раз казнили друзей; была пора вооружить друзей на мутуалиев. Но мысль о конфедерации сирийских племен для противодействия козням турецким по примеру Фахр ад-Дина заставила эмира ливанского отклонить предложение пашы, коего войско было разбито мутуалиями {В 1693 г. -Прим. ред.}. В донесениях своих Порте паша приписал это интригам эмира и призвал опять на Маанов опалу дивана. Эмир опять бежал, и опять пашы поставили князем на Ливане эмира из дома Аламэдинова. Едва турецкое войско выступило из гор, кейси изгнали враждебную партию и призвали своего эмира {В 1694 г. -Прим. ред.}, а паша сайдский исходатайствовал ему прощение у Порты.

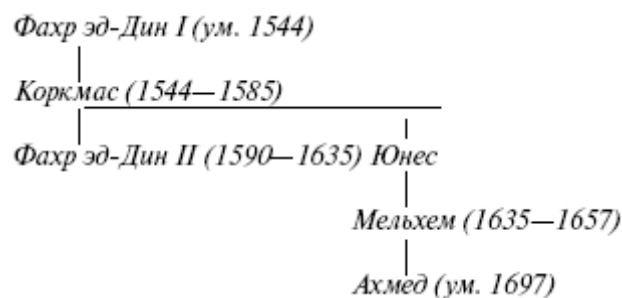
Таким образом, влияние турецкое попеременно колебалось в Сирии среди всех попыток к возрождению туземного элемента. Единственной опорой турок были феодальное раздробление сирийских племен и взаимные их ненависти. Правительство нуждалось в туземцах, способных обуздывать анархические навыки Сирии, и не могло помышлять о том, чтобы непосредственно управлять краем. Искусный наместник султана обращал подобных людей в орудие своей политики, казнил их и миловал по произволу. Как только возникал гений, способный и обуздать народные страсти, и устоять против насилий и козней турецких, Сирия очевидно стремилась к свержению турецкого владычества. Но была ли способна Сирия управиться сама собою, могла ли она обойтись без турок или, вернее сказать, без властелинов иноплеменных? Судьба Фахр эд-Дина в XVII столетии, а в XVIII – судьба Дахира эль-Омара заставляют в том сомневаться. Посреди всех этих кризисов в продолжение трехвекового владычества, которое можно по справедливости назвать вялой трехвековой борьбой дряхлого элемента арабского с турецким элементом, преждевременно истощенным в разливе, не соразмерном жизненным его силам, нельзя не заметить постепенного ослабления и разращения арабской народности в Сирии, равно и постоянных успехов турецкой системы в поборении народностей, системы, которая служит единственным залогом власти в этом политическом хаосе, именуемом турецкой империей.

Явление это длится до наших дней. Теми же средствами турки домогаются и теперь политического успеха в Сирии и в областях, населенных племенами славянскими, албанскими и греческими. Начиная с XVII столетия сношения их с Европой и пример Венеции и Австрии послужили к усовершенствованию и утончению тех коренных правил, которыми искони руководствуется Турция в отношении к подвластным племенам. По мере ослабления империи система эта делается более и более необходимым, роковым условием ее существования и принимает каждый раз внешний облик по соображению с обстоятельствами эпохи. Бытоописания Сирии служат лучшим руководством, чтобы постигнуть смысл современных нам реформ Османской империи.

Глава 2

Эпоха Шихабов на Ливане. – Эмиры Бешир и Хайдар. – Паша ливанский. – Айндарская битва и ее последствия. Начало партий езбекиев и джумблатов. – Эмиры Мельхем, Мансур и Ахмед. – Семейные козни. – Эмир Юсеф. – Начало влияния маронитов. – Ваххабиты в Аравии и мамлюки в Египте. – Политическое состояние этих стран. – Дахир эль-Омар, шейх галилейский. – Основание Акки. – Конфедерация племен. – Политика дивана. – Военные действия. – Первый поход мамлюков. – Измена беков. – Появление русского флота. – Двукратное взятие Бейрута русскими. – Ахмед Джаззар. – Смерть Али-бека. – Переговоры с Портой. – Второй поход мамлюков – Смерть Дахира. – Судьба его семейства. – Помыслы Дахира. – Успехи турецкого могущества в Сирии.

Со смертью эмира Ахмеда, в 1109 г. хиджры [1697 г.], дом Маанов пресекся {Проф. Филипп К. Хитти приводит следующее генеалогическое древо эмиров Маанов:

(Ph. Hitti. Lebanon in history. London, 1957).

– Прим. ред.}. Сын Ахмеда умер еще при жизни его, а дочь была в замужестве за сыном хасбейского владетельного эмира из дома Шихабов. Друзы, шейхи семи округов Шуфа, которым искони было присвоено право избирать владетельного эмира, составили сейм в Дейр эль-Камаре и избрали в ливанские князья эмира Бешира рашейского, племянника с материнской стороны последнего Маана. От брака, о коем выше упомянуто, был еще между антиливанскими Шихабами внук Ахмеда Маана двенадцатилетний эмир Хайдар, которому по прямой линии принадлежало наследство; но в азиатских племенах политическое наследство навсегда приноровлено к гражданским законам о наследии имуществом. Избирается достойнейший и способнейший {В Османской империи наследство престола принадлежит не сыну царствующего султана, но старшему в потомстве Османовом; а потому брат предшествует сыну или дядя – племяннику. Сему-то закону должно приписать братоубийства, коими наполнены серальские хроники. Впрочем, государственное право турок подчинено коренному правилу Востока касательно

личного достоинства и способностей преемника. В сообщении, сделанном от Порты европейским посольствам, по смерти султана Махмуда о воцарении сына его Абдул Меджида объяснено, что султан взошел на отцовский престол по праву наследства и достоинства. В духовном законе, на котором основана юриспруденция мусульман, необходимы для халифа, кроме прав законного наследства, пять условий: он должен быть мусульманином, свободным, мужчиной, разумным, совершеннолетним.}. Шейхи отрядили от себя депутацию к Рашею просить эмира Бешира править Ливаном. Таким образом, Шихабы приняли наследство Маанов и перенесли с собой на Ливан давнишние обычаи своего рода – семейные крамолы, братоубийства, посеяние раздора в подвластных для усиления своей власти, козни и искательства у пашей, набавку подати, торги и переторжки для ниспровержения соперников. Этим обеспечены вящие успехи турецкого могущества в Сирии, а Шихабы сами себя обрекли судьбе, настигшей их потомство в наше время.

При известии о смерти эмира Ахмеда сайдский паша отрядил своих людей в Дейр эль-Камар для описи его имущества и согласился на выбор шейхов с тем, чтобы преемник при поручительстве их обязался уплатить долги своего предместника. Порта, извещенная о прекращении строптивного рода Маанов, повелела быть преемником эмиру Хайдару, внуку последнего князя, а по малолетству его признавала Бешира в качестве опекуна и правителя. Это распоряжение приписывают ходатайству того эмира Хусейна, сына Фахрэддинова, который еще в детстве был схвачен турками, помилован по ходатайству великого везира от опалы, настигшей весь его род, и остался в службе султанской в Константинополе. Доселе неизвестно существует там его потомство.

Мы видели постоянные усилия Маанов к устройству конфедерации горских племен Сирии для обуздания пашей. Едва первый Шихаб вступил в Ливан, он сделал в угождение пашам опустошительный набег на племена мутуалиев, которые занимали южные отлогости Ливана, Сур и страну Сафедскую, схватил шейхов и представил их Арслан-паше, который в награду вверил ему управление Сафедской горы и округов, прилежащих к его владениям {В 1700 г.-Прим. ред.}.

Эмир отрядил от себя правителем в Сафед молодого племянника Мансура под руководством опытного шейха из туземцев Омара ибн Абу Зейдана {В 1706 г. после смерти эмира Мансура Бешир I утвердил Омара ибн Абу Зейдана во владении округом Сафед. – Прим. ред.}, отца знаменитого Дахира, о котором будем иметь случай говорить впоследствии. Затем эмир воспользовался раздором Каплан-паши Тараблусского с мутуалиями Джубейля и Батруна, чтобы принять под свое ведение и эти округа. Таким образом, первому из Шихабов посчастливилось искательством у пашей распространить свои владения почти до тех границ, коих достиг Фахр эд-Дин влиянием своим на самые племена. Мы не замедлим увидеть пагубные последствия политики Шихабов, клонившейся только к вящему вмешательству пашей во внутренние дела Ливана.

Уже десять лет властвовал эмир Бешир и не думал передать правление законному наследнику. Однажды на пути в Сафед он посетил родственников своих в Хасбее и пировал с ними; а по прибытии на место скоропостижно скончался от яда, данного ему в семейном пиру племянником Хайдаром, который достиг двадцатидвухлетнего возраста и

скучал на Антиливане. По отравлении дяди он поспешил в Дейр эль-Камар, был хорошо принят шейхами и вступил в управление {В 1707 г. – Прим. ред.}.

При этом эмире Сафед и южные округа отложились от Ливанского княжества. Дахир, сын Омара, был назначен правителем Сафеда от сайдского пашы {Около 1707 г. – Прим. ред.} и, сохраняя дружеские сношения с эмиром ливанским, начал распространять свое влияние на окружающие племена. Замечательнейшим происшествием этого времени была последняя борьба двух партий иемени и кейси на Ливане. Один из вассалов эмира, шейх Махмуд Абу Хармуш из партии иемени, взбунтовался и убедил слабоумного пашу сайдского ввести непосредственное турецкое управление в Ливанские горы. Паша представил о том Порте, а Порты, которая редко имеет другие сведения об областях и племенах далеких пашалыков, кроме списков о налогах, поверила паше и назначила шейха Махмуда двухбунчужным пашой на Ливане {В 1710 г. – Прим. ред.}. Эмир спасался в Кесруане. Новый паша, не доверяя шейхам, вызвал из Дамаска потомство эмиров Алам эд-Динов {Эмиры семьи Алам эд-Дин оставались в Дамаске с 1694 г., со времени, когда были разгромлены эмиром Ахмедом и феодальной группировкой кейси. – Прим. ред.}. Маронитские шейхи Кесруана Хазены и Хбейши враждовали тогда, как и поныне, между собой. Эмир Хайдар укрылся в Газире у Хбейшей; Хазены сделали о том донос паше, коего войско разорило этот город, а эмир был принужден укрыться на целый год в ущельях снежного Саннина, в неприступной пещере, названной в народе пещерой Ангела Смерти.

Паша ливанский торжествовал и, женившись на девице из дома Аламэдинова, стал уничтожать шейхов. Когда неудовольствие созрело и сделалось общим, шейхи вызвали эмира Хайдара из пещеры Ангела Смерти и встретили его в Метене с огромным ополчением кейсиев. Махмуд-паша созвал своих иемениев и спустился в Метен. Паши сайдский и дамасский поспешили расположиться лагерем, первый – на равнине Бейрутской, второй – в Коб-Ильясе, на восточном скате Ливана, над Баальбекской долиной (Бекаа) для наблюдения за кризисом, который угрожал Ливану. Впрочем, прямого участия в борьбе двух партий они не принимали; их дело было подстрекать к междоусобиям, поддерживать то одну, то другую сторону, никогда не допуская ни искреннего их примирения, ни совершенного уничтожения побежденных.

Ливанский паша занял высоты Айндарские и ждал, чтобы другие паши вступили в ущелья окрестных гор, дабы таким образом ударить на неприятеля со всех сторон и совершенно его истребить. Он был предупрежден эмиром Хайдаром, который ночью атаковал позицию пашы и разбил его {Битва при Айн-Даре произошла в 1711 г. – Прим. ред.}. Три эмира из дома Аламэдинова пали в этом кровопролитном сражении; остальные четыре и Махмуд-паша сами попались в плен. Победитель отрубил головы пленным эмирам и тем прекратил род Аламэдинов, последних эмиров иемениев. Паше отрубил он язык и пальцы, ибо местный обычай не допускает ни в каком случае казнить смертью шейхов ливанских, каков был Махмуд-паша. Паши турецкие, быв только зрителями войны, не замедлили потом признать победителя владельцем ливанским.

Айндарская битва положила конец партии иемени на Ливане. Шихабы упрочились, они стали помышлять о централизации власти среди олигархии шейхов и стали укрощать

феодалные права. Впрочем, торжество партии, которой они были главами, имело также свои неудобства для эмиров, усердно перенявших правила турецкой политики на Ливане. Они почувствовали необходимость раздвоить своих приверженцев, чтобы в свою очередь, подобно пашам, усилить свое влияние, карая и милуя попеременно то тех, то других. В этом скрывается начало существующих доселе на Ливане между друзьями двух партий – езбеки и джумблаты, при постоянной борьбе которых преемники эмира Хайдара успели, несмотря на свои семейные крамолы и на свое раболепство у пашей, ввести мало-помалу деспотическое правление между горскими племенами {Вольней ошибочно принял партии езбеки и джумблатов за те же древние партии кейси и иемени, о коих часто упомянуто. Иемени совершенно уничтожились на Ливане после Айндарской битвы. Они существуют еще по фамильным преданиям на Антиливане, в Хауране, в горах Халебских и в Палестине, но в уничижении. Нынешние ливанские партии произошли от умышленного раздробления кейси. }.

Эмир Хайдар награждал почестями и уделами своих приверженцев. Шейх Каплан эль-Кади, укрывавшийся с ним в пещере Ангела Смерти, получил в удел богатый округ Джебзин, а так как с его смертью род его пресекся, то все его уделы по распоряжению эмира были переданы в древний род Джумблатов, которые вели свое происхождение от курдов Эйюбие и которые сделались впоследствии надежнейшей опорой Шихабов на Ливане. У эмиров Арслан была отнята половина наследственного их удела в наказание за приверженность их к Махмуд-паше, и [она] составила особенный удел для шейхов Тальхук, бывших дотоле вассалами у Арсланов. Шейхи Абу Лама правили округом Метен со званием мукаддам (воевод). Эмир Хайдар пожаловал их потомственно в эмиры, присовокупил к их владениям живописный округ эль-Ката, прилегающий к Кесруану, и вступил с ними в родство, чего не мог он сделать, пока они не были эмирами. Заметим здесь, что ливанское дворянство, как и все племена арабские, строго соблюдает правило вступать в родство только с равными себе. Эмир никогда не выдаст своей дочери за шейха, и нет примера, чтобы шейх женился на девице из низшего сословия. В случае затруднения отыскать невесту между равными эти аристократы выписывают себе невольницу из Константинополя или из Каира, вступают с ней в законный брак (горские нравы не допускают наложниц) и тем предохраняют свой род от свойства унижительного. Даже в простом народе соблюдается правило брать жену из своего поколения и рода {Речь идет о широко распространенном у арабов ортокузенном браке (нахва). Эта форма брака, известная у древних евреев, преобладала у арабов уже в VI – VII вв. и сохраняется в племенах до настоящего времени. Попытка выяснить происхождение нахва содержится в статье: А. И. Першиц. Из истории патриархальных форм брака (нахва – ортокузенный брак у арабов). – «Краткие сообщения Института этнографии». Вып. XXIV. М., 1955. – Прим. ред. }, чему мы находим следы еще в библейских нравах. Кстати, можем еще сделать одно любопытное сближение в судьбах владетельных домов ливанских: подобно тому как эмиры Мааны для политических своих видов вступали в родственный союз с Шихабами в XI столетии и тем открыли Шихабам путь к завладению Ливаном, так и Шихабы, вступив в родство с Абу Лама, были в свою очередь заменены нынешним каймакамом (наместником) ливанским, эмиром из рода Абу Лама.

Чтобы более обласкать аристократию ливанскую и утаить властолюбивые свои замыслы, эмир ввел обычай именовать шейхов в своих грамотах дражайшими братьями,

что и поныне строго соблюдается. Нет в мире народа щекотливее арабов в этикете; шейх ливанский, который в лохмотьях, в своей дымной избе утешается и гордится благородством своего происхождения, простит измену и насилие, но ввек не простит того, что он называет обидой его чести, если в разговоре или в переписке упустите хоть один из титулов, подобающих его званию.

В 114[4] г. хиджры (1731 г.) эмир Хайдар, устроивши внутреннее управление Ливана, передал власть сыну своему Мельхему, а в следующем году скончался. Первой заботой молодого эмира было наказать соседних шейхов мугуалиев, которые по кончине его отца в знак веселья окрасили хвосты своих кобыл в красную краску. Затем не один раз, по следам отца, он делался орудием турецкой политики противу своих соседей. В награду за подобные услуги Саад эд-Дин эль-Адем-паша пожаловал ему город Бейрут {В 1749 г. – Прим. ред.}, который со времени опалы Фахр эд-Дина был отнят пашами у эмиров.

Ни один из владетельных князей Ливана не пользовался дотоле такой благосклонностью пашей. Шихабы, гости на Ливане и чуждые народных сочувствий, постоянно искали опоры у пашей турецких и тем внушали страх подвластным племенам. Народные чувства к Мельхему обнаружались по случаю болезни, приключившейся ему от занозы кактусовым шипом в руке. Разнесся слух, что жизнь эмира в крайней опасности, и ливанцы стали пировать. Испуганный этим эмир отказался, по примеру своего отца, от правления в пользу своих братьев Мансура и Ахмеда {В 1754 г. – Прим. ред.} и сам переселился со своим семейством в Бейрут. Впоследствии он раскаялся и затеял всевозможные козни, чтобы свергнуть братьев. Впрочем, убедившись в том, что ему не было надежды взять вновь узды правления, он призвал к себе одного из своих племянников, эмира Касема, вступил в заговор с ним и отправил его в Константинополь в качестве претендента с доносами на братьев.

Эмир Мельхем скончался посреди этих происков, но зароненное им в своей родне зерно раздора принесло свои плоды. В страшную чуму, опустошавшую Ливанские горы и всю Сирию несколько лет сряду, Шихабы то воевали между собой, то преследовали друг друга пронырствами у пашей в Сайде и в Дамаске. Шейх Абд эс-Салам Амад, глава езбекиев, успел, наконец, их примирить. Эмир Касем женился на дочери эмира Мансура, и от этого брака родился знаменитый в наше время эмир Бешир {Эмир Бешир II родился в 1768 г. – Прим. ред.}.

Едва избавились владетельные князья от претендента, они сами стали воевать между собой. Джумблаты приняли сторону Мансура; езбеки стояли за Ахмеда; первые одолели: Мансур свергнул своего брата и остался один правителем. Это было в 1177 г. хиджры [1763/64 г.]. Шихабы размножились на Ливане, и семейные их споры не давали отдыха несчастным жителям этих гор. Двенадцатилетний эмир Юсеф, сын Мельхема, обнаруживал редкие способности, которые еще успешнее развивались под руководством его воспитателя и опекуна Саада эль-Хури, родом маронита. Здесь, как и в остальной Сирии, христиане становились мало-помалу людьми доверенными при эмирах и при пашах, входили в домашние их дела и в управление. До того времени марониты не имели никакого политического значения на Ливане, состоя в зависимости у друзей. Европе были известны они только по своим нищим шейхам, которые от времени до времени

отправлялись на Запад с громким титулом князей ливанских для сбора подаяний. Воспитатель эмира Юсефа Саад эль-Хури составляет эпоху в бытоописаниях маронитов. Он придал своему племени новое развитие, последствием коего было со временем обращение Шихабов, потомков Мухаммеда, в христианскую веру и приобретенный затем маронитами перевес политический над племенем друзов.

В междоусобие двух дядей эмир Юсеф принял сторону Ахмеда. Эмир Мансур по низложению Ахмеда конфисковал все имение племянника. Опальный юноша при содействии опекуна успел составить свою партию на Ливане и приобрел дружбу Джумблатов. Но корыстная благосклонность сайдского паши к Мансуру не позволяла сопернику вступить открыто в борьбу с ним. Эмир Юсеф обратился с просьбами и дарами к паше дамасскому Осману Садыку и по его ходатайству был пожалован от паши тараблюсского в правители Джубейльского округа, который по-прежнему зависел от сего паши, хотя почти всегда состоял в управлении ливанского князя, платившего за этот округ откупную подать в казну тараблюсскую.

В Джубейле масса народонаселения была из христиан, шейхи мутуалии Бени Хамади с давних времен притеснениями и буйством навлекли на себя ненависть народа. Эмир Юсеф их унял; тем он обеспечил себе хороший доход и приобрел общую привязанность христиан и в своем округе, и по всему Ливану. Шейх Али Джумблат, которого вассалы были большей частью христиане, оказывал большое к нему расположение. Эмир Мансур, предчувствуя грозу в народных сочувствиях к племяннику и в сношениях его с Джумблатами, поднял езбекиев противу Джумблатов. Шейх Али со своей стороны, чтобы выдержать напор, поднял на владетельного князя младшего его брата эмира Юнеса, занял с ним Дейр эль-Камар {В 1764 г. – Прим. ред.}, и около года продолжались смуты, пока, наконец, шейхи примирили эмиров. Хасбейские Шихабы в это время резались также брат с братом.

Прервем на время однообразный наш рассказ, чтобы заняться происшествиями, коих Сирия делалась тогда театром при знаменитом Дахире эль-Омаре, шейхе галилейском, и при Али-беке египетском, которые замыслили новые судьбы для этой части Востока во второй половине [XVIII в.]. Но предварительно мы должны бросить беглый взгляд на Аравию и на Египет; с этого времени судьбы Сирии связаны с происшествиями, ознаменовавшими эти соседственные края.

Секта ваххабитов опустошала тогда Аравийский полуостров. В первой половине XVIII в. появился там законоучитель Мухаммед ибн Абд эль-Ваххаб, который предпринял реформу ислама. Подобно реформаторам Запада, он отверг предания и догмат о халифе яко наместнике пророка, а самого пророка признавал только вдохновенным свыше законоучителем. Новое учение ограничивалось одним чистым деизмом, отвергая все обряды, кроме молитвы, все законы, кроме тех, коими воспрещается порок, и кроме закона Мухаммедова о милостыне. Реформатор воспламенил воображение племен арабских, всегда готовых, как и во времена Мухаммеда, проповедовать мечом свое учение. Но реформатор, подобно германским своим предшественникам, не имел сам военных доблестей. Честолюбивый эмир Ибн Сауд замыслил повести новую секту по стопам великого преобразователя Востока {Мухаммед ибн Сауд; годы правления – 1747 –

1785, эмир Недждийского княжества с центром в Дарайе, признал учение Мухаммеда ибн Абд эль-Ваххаба (1703 – 1787) и сделал ваххабизм официальной религией княжества, под знаменем которой вел войны за присоединение аравийских территорий к своим владениям. – Прим. ред.}. Весь Аравийский полуостров закипел войной; племена кочевые, равно и эмиры Йемена, и имам Маската, и шериф Мекки приняли участие в этой борьбе, одни – за новое, другие – за старое учение, и целый век Аравия обогрелась кровью и пламенем, как Германия в XVI в. Святителища мусульман в Мекке и Медине, гроб детей Али в Кербеле, поблизости Багдада, эта заветная святыня персиян, – все было осквернено и ограблено дикими реформаторами {Вот опись того, что ваххабиты захватили в одном гробе Хусейна в Кербеле. Это было в апреле 1801 г.; здесь мы не следуем хронологическому порядку; известно, что смуты ваххабитов продолжались почти до наших времен.

Кругом гроба найдено двадцать сабель, осыпанных драгоценными камнями.

Одна жемчужина с голубиное яйцо.

Множество ваз, лампад и всякой посуды из серебра и золота.

Листовое золото, коим были обиты стены.

Много дорогих персидских ковров.

Пятьсот медных, золотом накладенных листов, изготовленных для обшивки купола. Товаров персидских и индийских в лавках без счета. (Это было в самый день праздника жертвоприношений, когда в Кербеле стекается множество народа на ярмарку.)

Четыре тысячи шалей кашмирских.

Две тысячи сабель.

Две тысячи пятьсот ружей.

Много невольниц, черных и абиссинок.

Около 6 тыс. испанских дублонов (в 21 руб. серебром).

750 тыс. червонцев голландских и венецианских.

160 тыс. червонцев турецких (в 5 руб. серебром).

60 тыс. туманов персидских (в 3 руб. серебром).

250 тыс. талеров.

4 тыс. рупиэ (в 2 руб.).

Множество рубинов, изумрудов, жемчуга, всяких драгоценностей.

Грабеж: продолжался только восемь часов; уверяют, что арабы, умертвив в суматохе сторожа, который заведовал тайниками в храме, не успели дознаться этих тайников, где хранилось еще много сокровищ.}

Караванам мусульманских поклонников был закрыт путь в Мекку. Паши турецкие, которые охраняли в некоторых пунктах полуострова тень владычества стамбульских халифов, разбежались или были изгнаны. Смуты фанатического полуострова отозвались в племенах, скитавшихся по Сирийской и по Египетской пустыням. Бедуины ругались и над пашами, и над властью султана. Уже в 1757 г. (1170 г. хиджры) караван 60 тыс. мусульманских поклонников был атакован бедуинами на пути из Дамаска в Мекку. Махмаль, этот священный покров, ежегодно отправляемый халифом для Каабы, сделался добычей бедуинов вместе с несметными богатствами. Известно, что караван служит также торговым сообщением между Сирией и Аравией. Поклонники погибли частью от копья бедуинов, частью от голода и от жажды в пустыне. Сама валиде-султанша, мать Османа III, была с караваном и со страха померла {Несчастье это было приписано интригам сераля. Кизляр-ага, начальник евнухов, сменил способного Эсад-пашу дамаского (из рода эль-Адем), чтобы дать его место одному из своих любимцев. Бедуины не уважили любимца. Еще хранится в Сирии предание о богатствах, расхищенных бедуинами в этом случае. Оно оригинально: бедуины нашли в своей добыче множество жемчуга, который по неведению был ими принят за рис. Стали варить из него пилав, но не было возможности его жевать; в недоумении обратились бедуины к дамаским купцам, посещающим обыкновенно лагери бедуинов для торговых дел. Купцы предложили выменять этот бесполезный рис на другой, из которого можно сварить отличную кашу, а по возвращении в Дамаск разделили между собой свою находку. Арабская хроника, в которую внесено это обстоятельство со множеством других гиперболических сказаний, присовокупляет, что с того времени потомство этих купцов в Дамаске именуется Дженауи, «жемчужниками».}. Несчастье это едва не произвело бунт в Константинополе при самом воцарении Мустафы III. В сирийских и в арабских племенах оно породило впечатление, весьма невыгодное для турецкого правительства, и ослабило мысль о всемогуществе султанов, над коим безнаказанно издевались наездники пустыни и свирепые племена Хиджаза и Йемена.

В Египте бушевали мамлюки. Эта богатейшая область халифата, классическая страна фараонов и Птолемеев, уже несколько столетий представляла миру странное зрелище пяти или шести миллионов потомства древних египтян (коптов) или арабов-завоевателей, подчиненных скопищу невольников, вывозимых ежегодно купцами из Кавказа и продаваемых на рынках Константинополя, Дамаска и Каира. Но из этих невольников вербовалось храбрейшее в мире ополчение, захватившее в свои руки Египет как добычу, с правами и с нравами рыцарства, которому гербом и грамотой служила купчая крепость невольничьего рынка.

Халифы Фатимиды положили основание ополчению мамлюков для стражи своего дворца в Каире. Внутренние борения ислама, раздвоенного в ту эпоху на два халифата по берегам Тигра и Нила, заставили владельцев египетских искать своих телохранителей среди храбрых племен Кавказа, откуда искони вывозились невольники к разным азиатским дворам. Наконец, слабое потомство Салах эд-Дина и Эйюбидов было заменено

на египетском престоле мамлюками, умертвившими последнего из халифов Эйюбидов (Малик эль-Ашраф Муса).

Черкесская династия мамлюков царствовала в Египте и в Сирии до османского завоевания. Когда сирийские эмиры один за другим изменяли своему султану Кансу эль-Гури {Кансу эль-Гури, мамлюкский султан (1500 – 1516), погиб в сражении с турецкими войсками Селима I при Мердж-Дабике 24 августа 1516 г. Его заместники: правитель Халеба Хаир-бек и правитель Дамаска Газали-бек, перешли на сторону султана Селима II. На сторону турок перешел и Фахр эд-Дин I Маан. – Прим. ред.} при нашествии Селима, одни мамлюки оставались верны и гибли с ним в Мердж-Дабикской долине, по соседству Халеба (1516), где решилась судьба этих стран. Между тем как завоеватель довершал покорение Сирии, мамлюки в Каире избирали из своей среды в преемники погибшему султану Туман-бека и готовились защищаться, приписывая успехи осман не храбрости их, но действию артиллерии, которую они, подобно последним рыцарям Запада, презрительно называли оружием слабых.

В сражениях у границы египетской, в Газе и под Каиром, мамлюки сделали чудеса храбрости. Но измена двух беков предала Египет туркам. 25 тыс. мамлюков пало под Каиром {Сражение под Каиром произошло 22 января 1517 г. – Прим. ред.}, несколько тысяч других были умерщвлены Селимом при взятии столицы, а когда уже не было никакой надежды спастись от османской сабли, остальные долго еще боролись вместе со своим несчастным султаном {Султан Тума был повешен турками в апреле 1517 г. – Прим. ред.}, который заключил черкесское владычество на берегах Нила трогательной элегией, писанной среди отчаянной борьбы на вечном камне пирамид {Следующий эпизод египетской войны Селима, заимствуемый нами из османской истории Гаммера, служит живейшей картиной нравов мамлюков и рыцарства восточного. В каирском сражении султан Туманбек с двумя мамлюками Алам -беем и Курд-беем поклялись умертвить Селима. Они ворвались к тому месту, где развевалось знамя османское. Великий везир Синан-паша, которого они приняли за султана, пал их жертвой. По взятии Каира и по умерщвлении свирепым победителем пленных мамлюков Курд-бей, получив от Селима священный залог амнистии, предстал к нему добровольно. Султан принял его, окруженный всем своим величием. «Знаменитый витязь, – сказал ему Селим, – что случилось ныне с твоей доблестью?» «Она со мной», – отвечал мамлюк. Султан с гневом спросил: «Как он дерзнул посягнуть на его жизнь?» Курд-бей стал говорить о правоте своего дела и превозносить храбрость мамлюков. Он рассказал, что некий магрибин (западный африканец) при султана Эшрефе в первый раз доставил в Египет из Венеции огнестрельное оружие, что и султан, и беки с презрением отвергли это изобретение, не свойственное храбрым последователям пророка, завещавшего своему народу лишь лук да саблю, что магрибин предсказал тогда погибель Египетского царства от ядер и от пуль, и вот сбылось пророчество, ибо судьбой так было предопределено, ибо всякому началу есть конец и жизнь царства измерена. Султан, избалованный счастьем, оскорбился философией мамлюка. «Я не пленником предстал пред тебя и не боюсь твоего гнева, – сказал Курд-бей, – вот тот Коран, что ты прислал мне в залог твоего слова». Затем негодование его излилось на бывшего тут Хаир-бека; он стал советовать султану казнить этого изменщика, чтобы не идти с ним в ад. «Я хотел тебя миловать, – вскричал Селим, выведенный из терпенья, – и возвеличить тебя между моими беками, но кто предстает пред султана без

страха, тому нет милосердия!» «Да сохранит меня Аллах, чтобы я принадлежал к твоим», – отвечал бесстрашный Курд-бей. Султан в исступлении позвал палачей. Под их саблей мамлюк сказал еще Хаир-беку: «Изменник, представь кровавую мою голову жене твоей да будешь награжден изменой в твоём гареме».}.

Два бека из мамлюков, те самые, коих измена доставила Селиму Египет, были назначены правителями завоеванных областей: Газали-бек в Сирии, Хаирбек в Египте. В Сирии были туземные эмиры со своими семейными враждами; были горские воинственные племена со своим буйным дворянством, которое так охотно становилось орудием турецкой политики в завоеванном крае.

Для Египта, населенного племенем хлебопашцев и не имеющего другого туземного дворянства, кроме каирских шейхов, наследственно занятых толкованием Корана и тонкостями мусульманской юриспруденции, было необходимо набирать извне войско и дворянство для деспотического управления краем. При новом правительстве мамлюки не замедлили сделаться опять настоящими владельцами Египта, ограничив власть пашей в командовании каирской цитадели, куда султаны наряжали для гарнизона семь полков янычарских. Вся разница состояла в том, что сабля мамлюков содержала Египет уже не под властью невольника, выбранного из их среды, как было прежде, но под призраком наместника султанского, который другого влияния не мог иметь в этом далеком пашалыке, как разве ссорить мамлюков между собой и вооружать их друг на друга.

Мамлюки сохранили под турецким правлением древнее свое устройство. Число их простиралось от 10 до 25 тыс. Они состояли под начальством двадцати четырех беков, из коих каждый управлял одним округом Египта (санджаком) на праве феодальном и имел свою милицию. В милиции первое место занимали мамлюки чистой черкесской крови, покупкой приобретенные беком. По смерти каждого бека его милиция, или, по здешнему выражению, его дом, избирала преемника не из детей его, но из своей среды, т. е. из покупных невольников. Достоинно примечания, что ни в Египте, ни в Сирии мамлюки потомства не оставили. Преизбыток жизни племен кавказских проливался на берега Нила несколько веков сряду романтическими и рыцарскими подвигами; но эта свежая ветвь северных гор не могла по законам природы быть привита к жгучему климату Африки. Дети мамлюков от египтянок ли, от абиссинских ли невольниц, или от единоплеменных черкешенок, рожденные на берегах Нила, почти никогда не жили {В Сирии одно только семейство беков ведет свой род от мамлюков, и то в гористом Набулусе, которого климат мог благоприятствовать детям Кавказа. В путешествии моем по Египту я видел двух или трех престарелых мамлюков, спасшихся от побиения всей их милиции Мухаммедом Али-пашой. Когда я справлялся о том, что случилось с детьми мамлюков, туземцы мне объяснили, что дети их всегда умирали в колыбели.}. Это единственное в мире явление пяти по малой мере миллионов молодых и бодрых воинов, которые в продолжение восьми веков гарцуют в той же стране, а затем проходят как тень, не оставя по себе потомства. Сему-то обстоятельству должно без сомнения приписать самое политическое устройство мамлюков и права семейные, предоставленные беками своим невольникам.

При таком управлении Египта смуты никогда не прекращались. Во второй половине [XVIII] столетия победы русских на Буге, на Днестре и за Дунаем и появление

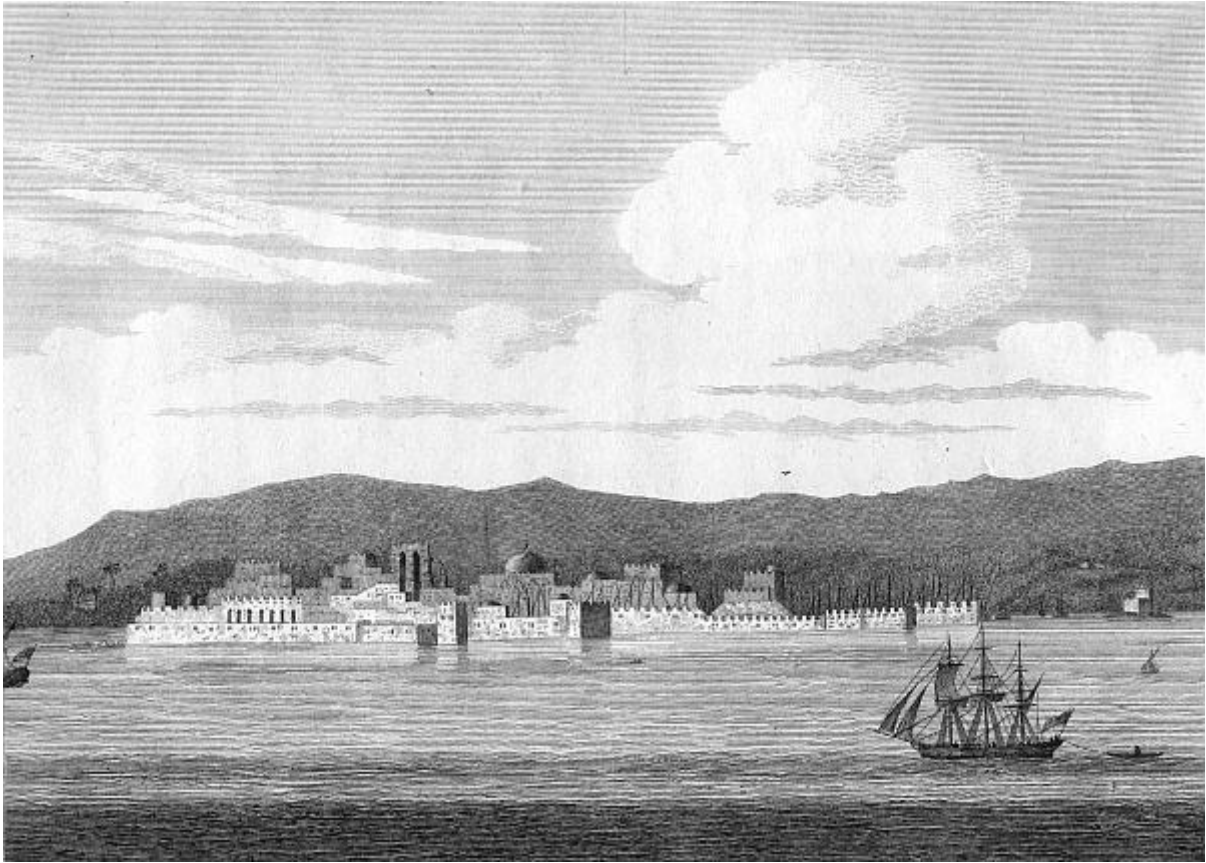
Чесменского флота в Архипелаге потрясли до основания Османскую империю и едва не подали повод к совершенному отторжению Египта, Сирии и Аравии от власти султанов и к возрождению независимой черкесской династии на берегах Нила. Али-бек, отделившись силой или изменой от своих соперников, которые успели заключить пашу в крепость и содержали его там под стражей, был тогда главой сильнейшего дома мамлюков с званием эмира, или предводителя войск, и старосты каирского шейх эль-бияд. Головы враждебных беков, отправленные им по согласию с Гамзи-пашой в Стамбул при донесении об их измене и буйстве, доставили ему благосклонность дивана (1180 г. хиджры) [1766/67 г.].

Усилившись в Египте, умножив число собственных своих мамлюков, коим были вверены все должности по управлению и большая часть санджаков, он не замедлил обнаружить свои обширные замыслы. По поводу ссоры с шерифом Мекки, куда он прежде водил караван египетских поклонников в качестве эмир хаджи {Эмир хаджи – звание, которым был облечен предводитель каравана мусульманских паломников. Такие караваны ежегодно следовали в период хаджа в Мекку из Египта и Сирии.}, он отрядил своего мамлюка Мухаммед-бека Абу Дахаба {Абу Дахаб – отец золота; это прозвище было ему дано по тому поводу, что при пожаловании его санджаком он роздал мамлюкам своего господина не серебряные монеты, как был обычай, но золотые. Арабы имеют обыкновение давать подобные прозвища по моральным и материальным свойствам каждого. Кто отличается носом, бородой или горбом, того называют отцом носа, бороды, горба. Последний из Шихабов на Ливане, эмир Бешир аль-Касем, был прозван в народе отцом муки, Абу Тхын, потому что он завел мельницы в своих поместьях.} с войском в Аравию, свергнул шерифа и поставил другого на его место. Затем он выгнал пашу, посланного Портой в Египет, поставил своих офицеров в янычарах, которые содержали гарнизон в цитадели, стал чеканить монету со своим именем и захватил в свои руки все права верховной власти, кроме поминания своего имени в мечетях {В 1768 г. – Прим. ред.}. Со времени экспедиции в Аравию его гарнизон занимал Джидду на Красном море, и вся страна Йемен признавала его власть. Он искал только случая вступить в дела Сирии, чтобы покорить и эту область, которая во все времена почиталась передовым постом для владетелей Египта. При внутреннем неустройстве края случай не замедлил представиться.

Шейх Дахир эль-Омар из благородного дома Абу Зейдан усиливался постепенно в Галилее. По смерти отца его, поставленного шейхом в Сафед от ливанских эмиров, как мы выше упоминали, Дахир остался в первые годы [XVIII] столетия в том возрасте, в котором дети арабов разбирают по складам Коран и учатся верховой езде. Ему надлежало отстоять отцовское наследство от происков дядей и от козней пашей. Приняв так рано первые уроки опыта, Дахир при переменном счастье боролся с внутренними и внешними недругами, выдерживал упорные осады дамасского паши в своем сафедском замке {Об этом упоминается в современном путешествии Покока.}, губил одного за другим своих соперников, приобретал доверие окружающих племен, заключал с ними союзы и в продолжение сорока или пятидесяти лет терпеливо готовил элементы того бурного политического поприща, на котором появляется он во второй половине [XVIII] столетия, уже стар, но с наезднической бодростью своей юности и долголетним опытом, изучивши науку правления.

Около 1750 г. он занял Акку. Акка, последний оплот крестоносцев, так постыдно окончивших за ее стенами свое владычество в Сирии, разрушенная до основания в 1291 г. султаном египетским Халилем, была в это время бедной арабской деревушкой, без укреплений, без гавани. Богатая равнина, опоясывающая ее обширный залив от Белого мыса (Накура) {Базили допускает неточность: Белый мыс (по-арабски Рас эль-Абьяд) и Рас эн-Накура (у Базили – Раз эль-Нахора) – два мыса; Рас эль-Абьяд расположен несколько севернее Рас эн-Накура. – Прим. ред.} до Кармеля, представляла вид болотистой пустыни, ибо поселянин научился под владычеством мамлюков и пашей укрываться в горы и там с трудом отыскивал лохмотья плодородной почвы среди неприступных скал, защищавших его от хищных бедуинов и от сборщиков податей, не менее хищных. Для шейха эта ничтожная деревушка, уступленная ему за деньги сайдским пашой, представляла двойную выгоду – военного пункта на сирийском берегу и сообщения с морем для торговых его видов. Личные связи Дахира с племенами бедуинов заиорданских доставили безопасность краю; а так как он, по турецкой системе, взял на откуп все казенные доходы занятых им округов, то ни один наездник не мог от имени пашей грабить жителей под предлогом сбора подати.

Дахир с успехом занялся гражданским устройством области. Спокойствие и правосудие привлекли земледельцев. Даже из Кипра, где свирепствовал Кьор-паша, переселились туда греки, которыми насажены сады и плантации, покрывающие доселе равнину Акки. Земледелие процвело на этой благословенной почве, а вслед за ним процвела и торговля, нашедшая готовый приют в Акке. Дахир отличался веротерпимостью, его подозревали в тайных сношениях с мальтийскими галерами и уверяли, будто бы они нарочно заходили в Акку, чтобы там сбывать свои призы. Достоверно то, что бедуины, ограбившие караван в 1757 г., свободно продавали в Акке свою нечестивую добычу и сама Порта посредством Дахира получила обратно от грабителей захваченный ими махмаль. Доходы шейха умножились и долго доставляли ему возможность покупать если не благосклонность, то по крайней мере терпимость со стороны сайдского паши, который сквозь пальцы смотрел на его предприятия. Дахир между тем укреплял свой город замком, рвом и бастионами как с моря, так и с береговой стороны. Таким образом готовилась тогда твердыня, долженствовавшая спасти Сирию от нашествия французов.

А

кка. Гравюра Е.Д. Кларке, 1812.

Возраставшее благоденствие Дахира и золото, кстати отправленное им в столицу, доставили ему возможность освободиться от скучной опеки пашей и сделаться непосредственным вассалом Порты, которая укрепила за ним округа Акки, Сафед, Тиверии и всю Галилею. Между тем буйные племена мутуалиев, занимавших Сур и южные [отроги] Ливана, не могли ужиться ни с пашами, ни с ливанскими своими соседями. Ими управлял тогда могущественный шейх Насиф Нассар, который мог выставить в поле несколько тысяч отличной кавалерии, владел богатыми землями и множеством замков. Дахир заключил тесный союз с мутуалиями и условился с пашой платить за них подать. Таким образом распространился круг его действий. По стопам Фахр эд-Дина он стремился к великой цели – общей конфедерации арабских племен. Связи его с племенами пустыни, куда прилегали его владения, всего более могли способствовать к основанию государства независимого.

Т

иверия. Рисунок Н.Г. Чернецова, 1842-1843 гг.

Порта по инстинкту предугадывала эти смелые помыслы. В подобных случаях опыт научает ее показывать вид благосклонности, пока наступит урочная кара, застигающая рано ли, поздно ли таинственными путями восточной политики всех непокорных вассалов. Притом в Стамбуле времена были трудные: то бунтовались янычары, то надо было бороться с северным соседом. Дахиру, как и другим вассалам, Порта давала время развивать благоденствие страны, ими управляемой, облегчать племена от угнетения пашей, строить крепости и набирать богатства, которые в свое время должны были поступить в казну султана, как идут в море воды Нила после разлития, оплодотворяющего почву.

Порта терпеливо наблюдала, а ее агенты действовали впотьмах. Сыновья шейха были нрава буйного и скучали в повиновении у старика. Они то дрались между собой, то бунтовались противу отца и ждали с нетерпением его смерти, чтобы разделить между собой его власть и богатства. В таких-то обстоятельствах находился Дахир, когда пашой дамасским был назначен Осман с полномочиями во всей Южной Сирии; пашалыки Сайдский и Тараблусский вверялись его детям. Это новое распоряжение встревожило шейха, и в самом деле Осман-паше было поручено его погубить. Удостоверившись в этом от лазутчиков, которых содержал он и в столице, и в штабе пашей, старик поспешно помирился со своими сыновьями и тотчас отрядил старшего из них, знаменитого своими подвигами Али, с которым еще накануне перестреливалось войско старика. Али с пятьюстами наездниками внезапно напал на лагерь паши близ Набулуса. Едва сам Осман-паша успел спастись от арабских наездников, которые поживились добычей.

Так открылись неприятельские действия между шейхом галилейским и турками. Ливанские племена, испытавшие всевозможные бедствия от вмешательства пашей во внутренние их дела, сочувствовали храброму шейху и готовы были с ним действовать заодно. Этого было достаточно, чтобы вся Сирия тогда же отпала от турецкого

владычества; но семейные распри Шихабов дали судьбам этих племен другое направление: эмир Мансур, правитель Ливана, был в дружеских сношениях с Дахиром; эмир Юсеф, который давно готовился свергнуть своего дядю, взял открыто сторону пашей, а потому владетельный князь, опутанный в сети, давно расставленные молодым племянником, видел себя осужденным на бездействие. Дахиру оставалось или быть жертвой мщения пашей, или продолжать войну. Ему нужны были союзники. В борьбе пашей с вассалами нейтралитет племен не может существовать в Сирии. Дахиру не было страшно войско пашы, но он знал, что если горцы не будут заодно с ним, то не замедлят идти на него.

При взаимных отношениях эмиров ливанских нельзя было ждать оттуда пособия. Зато вся Палестина, вся южная сторона Дамасского пашалыка были утомлены от притеснений пашей. Сообразив это, Дахир обратился тогда к Али-беку египетскому, которого обширные замыслы были ему известны, и пригласил его в Сирию с обещанием покорить ему весь этот край. Али-бек охотно принял это предложение и тотчас отрядил в распоряжение Дахира своих мамлюков под начальством Исмаил-бека с 10 тыс. войска, которое заняло Газу и Рамлу в Палестине. Паша в эту пору собирал подати в Палестине; узнав о походе египтян, он отступил в Дамаск, где стал готовиться к обычному походу в Мекку с караваном поклонников, предав свой пашалык воле божьей. Дахир отправил своего сына Али навстречу к мамлюкам и торжественно повел их в Акку, занявши все прибрежные пункты. Оттуда с 20 тыс. союзного войска выступил навстречу к Осман-паше и перешел за Иордан.

ид на Акку с моря.

Мусульманская совесть мамлюков не позволяла им атаковать пашу во время отправления им благочестивой должности предводителя каравана, эмир хаджи. Они послали к нему вызов, предлагая выступить с одним своим войском и испытать счастье, но Осман-паша не принял вызова; он отвечал, что ведет поклонников в Мекку, а кто дерзнет его атаковать, будет в ответе пред халифом и пред Аллахом. Исмаил-бек отказался тогда от всякого дальнейшего действия и не согласился даже на предложение Дахира занять Дамаск. Настоящей причиной его отказа была его зависть к шейху и к его детям. Тем более досадовал он, находясь под начальством у них, что египетские мамлюки привыкали с детства презирать арабов и почитать их стадом невольников. Дахир жаловался Али-беку. В начале следующего года Али-бек отрядил в Сирию своего верного Мухаммед-бека Абу Дахаба с 40-тысячным корпусом. К нему присоединился 20-

тысячный корпус Исмаил-бека и Дахира, и вся эта армия приступила к Дамаску. Паша, незадолго перед тем возвратившийся из Мекки, и сыновья его, которые управляли Сайдским и Тараблусским пашалыками, встретили союзное войско под самым Дамаском. Они были разбиты наголову, и столица Сирии сдалась победителям {Эти события имели место в 1771 г. – Прим. ред.}. Народу была объявлена милость, аман, от имени Али-бека. Осман-паша обвинен в нечестии за сделанные им притеснения народу и за его поведение в Мекке, а о султани и о власти султанской не упомянуто ни слова. Эмир Мансур ливанский послал дары Мухаммед-беку и охотно признал над собой его власть. Таким образом, Палестина и вся Южная Сирия без труда покорились и тогда, как и в наше время, египтянам. Дахир эль-Омар действовал открыто своим оружием в пользу завоевателя; точно так мы увидим впоследствии эмира Бешира действующим изменою в пользу Ибрахим-паши. Разность в том, что подвиг Али-бека был слишком непрочен, потому что он не имел подобно Мухаммеду Али сына, которому бы мог вверить свои войска. Исмаил-бек успел внушить Мухаммед-беку свою ненависть к старому шейху и в особенности к его детям. Главным поводом к этим неудовольствиям и враждам было то, что шейхи, в патриархальной простоте своих арабских нравов, не соблюдали рабского этикета египтян, садились запросто на диване у беков, не поджавши ног, закуривали свои кальяны, не дожидаясь приказа. Тогда-то беки стали помышлять о том, что «вести войну противу халифа – это ересь в исламе и что, сверх того, гнев султана рано ли, поздно ли достигнет бунтовщиков. Правда, султан был тогда занят войной с русскими {Речь идет о русско-турецкой войне 1768 – 1774 гг. – Прим. ред.}, но как только война эта окончится, наказание Али-бека неминуемо, тем более что его обвиняли в сношениях с Россией. По поводу кальянов и развязности шейхов эти мысли более и более тревожили совесть египетских полководцев. В таком расположении застал их прибывший тогда из Стамбула сурра эмини, султанский чиновник, идущий ежегодно с дарами халифа в Мекку. Хитрый эфенди убедил беков отступить немедленно со своим войском в Египет и обещал ходатайствовать за них у дивана. Этим достигалась двоякая цель: Сирия избавлялась от опасных гостей, а измена опутывала Али-бека в самом Египте.

К общему удивлению, в одну ночь победоносное войско мамлюков тайком выступило из Дамаска и бросилось стремглав в Египет. Дахир, видя все свои планы разрушенными от измены беков, с досадой отступил в свои владения. Паша дамасский во время занятия его столицы египтянами удалился в Хомс и там набирал войско. Эмир Юсеф с милицией Джубейля был готов к нему присоединиться. Так как дядя принял сторону Дахира и египтян, то по правилам политики Шихабов племяннику надлежало вооружиться за пашу. Отступление беков Осман приписал страху, наведенному на них молвой о его приготовлениях, и с торжеством победителя возвратился в свой город и обласкал молодого эмира за усердие.

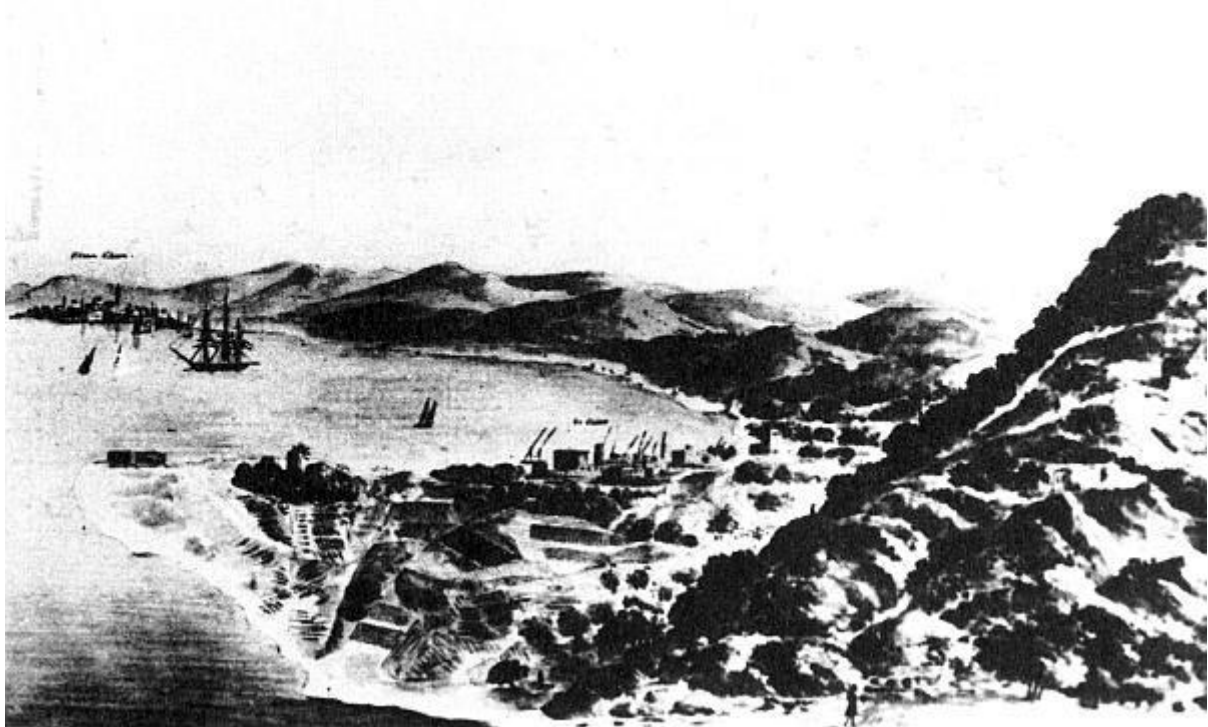
Тогда эмир Мансур, положившийся на Дахира и на египтян, увидел, что ему не было возможности удержать за собой власть при таком сопернике, каков был его племянник. Он сам предложил Юсефу свое место. Юсеф отказывался сперва, чтобы лучше распознать чувства и расположение умов на Ливане. Наконец чрез посредство хасбейских родственников и при общем согласии шейхов предложение эмира Мансура было принято, и Юсеф получил от покровителя своего, паши дамасского, кафтан (халат), коим подтверждался правителем Ливана (хакимом). Мансур по своем отречении удалился в

Бейрут и долго еще интриговал втайне противу племянника, пока, наконец, шейхи, которые всего более терпели от козней своих эмиров, успели их примирить, женивши эмира Юсефа на дочери Мансура.

Между тем Али-бек, который уже почитал Сирию своей добычей, был поражен возвращением своих мамлюков. Беки в оправдание своего бегства стали клеветать на Дахира, будто шейх расставил им сети, чтобы погубить их со всем войском. Дахир отправил к Али-беку младшего сына своего Османа для объяснения дела, обвинял беков в измене и предлагал голову сына в залог своей верности. Мухаммед-бек видел, что гроза собиралась над его головой, щедростью и ласками он успел привязать к себе мамлюков и войско и тогда, сбросив личину, отложился от Али-бека и пошел в Верхний Египет, в Саид. Али-бек, не подозревая, что измена со всех сторон его опутывала, послал противу него другого своего полководца, Исмаил-бека с войском.

Оба изменника соединились в Верхнем Египте и стали спускаться к Каиру. Али-беку ничего более не оставалось, как бежать с верными своими мамлюками и искать пристанища у сирийского своего союзника Дахира {В апреле 1772 г. – Прим. ред.}, который радушно его принял, оставаясь верным и в несчастье и готовый еще раз испытать судьбу.

Судьба не переставала благоприятствовать старому шейху и по бегстве египтян. Он партизаном налетел на лагерь Османа, расположенный у озера Хула, за Антиливаном, рассеял и затоптал в болота его курдов своей кавалерией, овладел его пушками и всем багажом. Сам паша едва спасся вплавь через озеро на плечах двух негров. Это известие навело страх на Дервиш-пашу сайдского, сына Османова. Мутуалии по соседству готовились атаковать его в Сайде. Он оставил свой город и искал убежища на горах у эмира Юсефа, а эмир послал от себя для содержания гарнизона в Сайде шейха Али Джумблата с милицией акалов {Акалы составляют особенный класс шейхов, посвященных в таинства веры друзов. Масса народа этого племени вовсе не заботится о религии, составляющей исключительную принадлежность акалов.}.

Г

ора Кармель, Хайфа и Акка. Рисунок гуашью Абуино, XVIII в.

В те годы наш флот громил Турцию в Средиземном море {Базили имеет в виду события русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг., когда Екатерина II направила русскую эскадру под командованием А.Г. Орлова из Балтийского в Средиземное море для операций против турецкого флота и для поддержки антитурецкого движения греков и славян. После поражения турецкого флота в битве при Чесме 26 июня 1770 г. русская эскадра осуществляла полный контроль над восточной частью Средиземного моря. Основная база русского флота находилась на о-ве Паросе в порту Ауза, откуда русские суда блокировали средиземноморские владения Турции и уничтожали остатки турецкого флота. – Прим. ред.}. Али-бек вместе с Дахиром пригласили русские корабли к сирийскому берегу {Приближенный Али-бека Лузиньян обстоятельно описывает переговоры, которые велись между Али-беком и командующим российской эскадрой А.Г. Орловым.

Вероятно, в начале 1771 г. Али-бек направил письмо А.Г. Орлову через Якова Армянина, в котором выражал желание заключить союз с императрицей России о совместной борьбе против султана. Он предлагал Орлову, со своей стороны, помощь продовольствием и деньгами. Орлов ответил, что готов оказать помощь Али-беку и что пересылает его письмо императрице.

Вторично Али-бек послал Якова Армянина с письмом к Орлову в начале 1772 г., после того как бежал из Египта в Палестину. В этом письме он обращался за помощью. Наконец, в мае и октябре 1772 г. Али-бек снова направил своих гонцов к Орлову с просьбами о помощи (см. «История о возмущении Али-бея против Оттоманской Порты». М., 1789). – Прим. ред.}, донося о происходившем здесь. Сирийский берег, кроме военных операций, предоставлял флоту великие удобства для снабжения провиантом. Корабли

показались сперва у Хайфы, у подошвы Кармеля, насупротив Акки, а потом стали поддерживать действия армии Али-бека и Дахира {Поддержка русским флотом военных действий Дахира относится к 1772 – 1773 гг. – Прим. ред.}.

У них было выставлено до 10 тыс. войска, в том числе 700 отборных мамлюков и 1000 человек африканской пехоты, магрибин Али-бека; остальная их сила состояла в сэфедских наездниках Дахирэ, в мутуалиях союзного шейха Насифа Нассара. Осман-паша, по обычной тактике турок, вооружил друзей противу мутуалиев. Эмир Юсеф, по его навету, с 20 тыс. горцев сделал опустошительный набег на страну мутуалиев, сжег деревни, истребил плантации. Напрасно великодушный шейх Али, сын Дахира, убеждал ливанского эмира отстать от турок и предлагал ему честь начальства над конфедерацией горцев, чтобы всем избавиться от козни пашей. Приверженцы дяди его Мансура, желая погубить Юсефа, подстрекали его продолжать военные действия, чтобы более и более сделать его ненавистным народу, а вместе с тем приглашали мутуалиев атаковать эмира. В самом деле пятьсот остервененных мутуалиев налетели на ополчение эмира в Набатии, повыше Сайды. Друзы, которые неохотно делали эту экспедицию в угоду пашам, не устояли нисколько. Они были рассеяны по направлению своих гор, мутуалии долго их преследовали и сделали большое кровопролитие. Эмир со стыдом возвратился в Дейр эль-Камар. Полторы тысячи вдов, «как стаи воронов», по выражению арабской хроники, наполняли воздух воплями и проклятьями на вершинах Ливанских. Акалы, занимавшие Сайду, отступили со страха при известии о поражении эмира, и вслед за тем Дахир занял эту столицу пашалыка {Эти события имели место осенью 1771 г. – Прим. ред.} и назначил муселимом от себя одного из своих офицеров, храброго африканца Денгизли.

Порта не знала, куда деваться; все царствование Мустафы III было ознаменовано несчастиями; янычары бунтовались в столице; русский штык проламывал северные оплоты империи, флоты погибали, Греция бунтовалась; Египет, Аравия и половина Сирии не признавали власти дивана.

Осман-паша дамаский скончался, и его место заступил другой Осман-паша с титулом сераскира всей Аравийской стороны и с поручением восстановить мир в Сирии во что бы то ни стало оружием ли или переговорами с Дахиром. Но чтобы вести переговоры, надо было прежде всего занять Сайду. Сераскир поручил это эмиру Юсефу, дав ему свое войско и полевую и осадную артиллерию. Турки и горцы обложили Сайду {Весной 1772 г. – Прим. ред.}, но Дахир с союзниками поспели туда. Осадное войско построилось в боевом порядке вдоль берега, по северной стороне города. С обеих сторон дрались с большим упорством и даже с некоторой тактикой. Турецкая артиллерия привела сперва в расстройство мутуалиев, но мамлюки наскочили на нее со своими кривыми саблями и отбили пушки. Поспел и русский фрегат с канонирскими лодками и залпами с моря смял войско пашы. Друзы первые обратились в бегство без оглядки, а потом, заняв свои ущелья и горные тропинки, стали грабить отряды союзной им турецкой пехоты и кавалерии, которые с трудом пробирались в Дамаск.

На другое утро русский флот показался пред Бейрутом и, чтобы наказать эмира, бомбардировал город, бывший тогда уделом Шихабов. Русские сделали десант и отступили не прежде, как взяв контрибуцию с эмира, который спустился в местечко

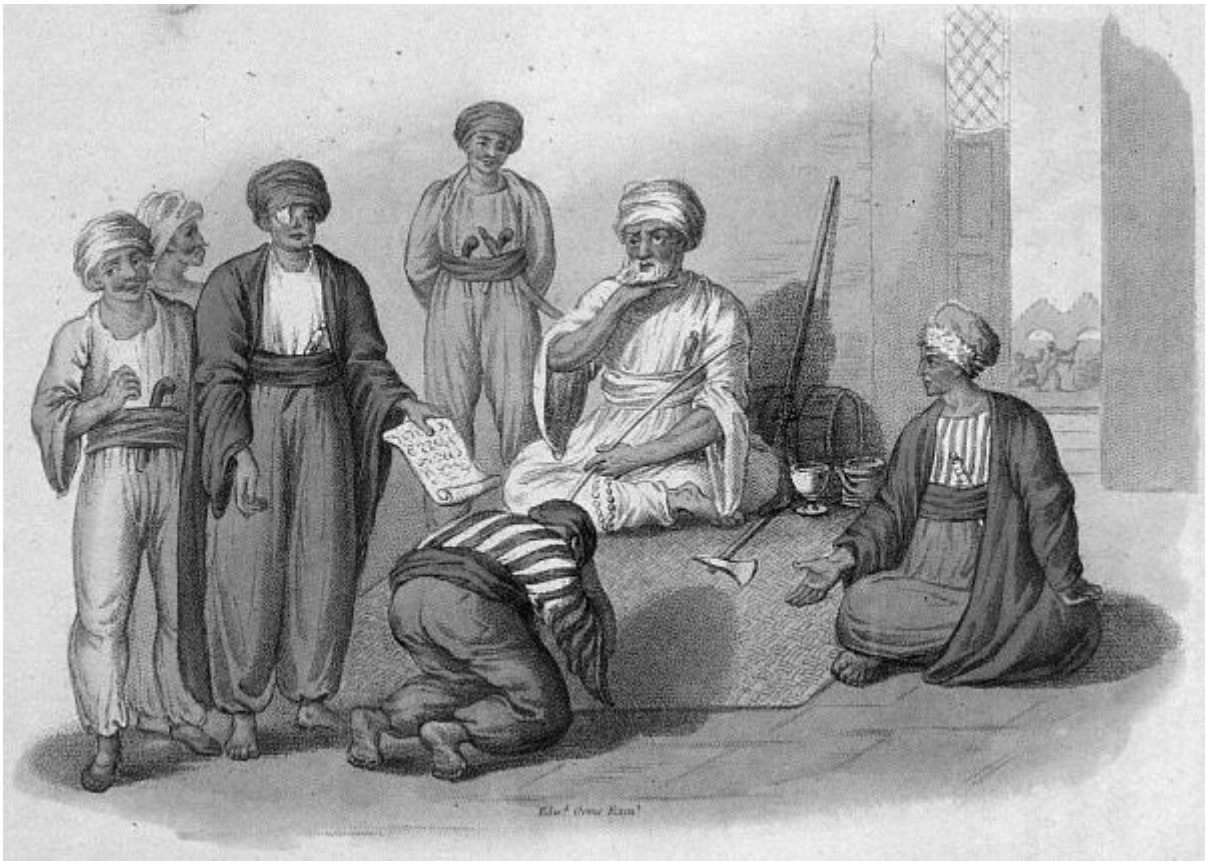
Хадет, у подошвы гор, в пяти верстах от Бейрута, и оттуда вел переговоры с флотом {Первая посылка русских судов под командой генерал-лейтенанта Ризо к берегам Сирии была осуществлена в апреле – июне 1772 г. в ответ на призыв Али-бека о помощи.

Эскадра Ризо, состоявшая из Юсудов, 18 мая 1772 г. прибыла к Дамиекте. Однако к этому времени Али-бек бежал в Сирию. Тогда Ризо отдал распоряжение отплыть к ее берегам. Возле Хайфы Ризо был встречен посланником Али-бека, который просил Ризо оказать помощь с моря осажденной объединенными войсками турок и эмира Юсефа Сайде. 27 мая, не доходя до Сайды, русские суда встретили турецкий фрегат и обратили его в бегство. Затем русские корабли направились к Сайде; им было поручено «выгнать из-под крепости стоявшие там одиннадцать судов с десантом и артиллерией и потом стрелять по турецкому лагерю».

Русские суда заставили турецкие корабли покинуть гавань и обстреляли турецкий лагерь, который был одновременно атакован с суши войсками Дахира. В результате турки отступили с большими потерями.

После этой операции русская эскадра направилась к Бейруту, чтобы настигнуть ушедшие из-под Сайды турецкие корабли. В Бейруте они были встречены сильным огнем из крепости. 6 июня к Бейруту подошел весь отряд Ризо, 17 июня началась бомбардировка Бейрута. После первых выстрелов из крепости выслали парламентаря. Ризо потребовал годовую контрибуцию, платимую городом султану. Так как ответа не последовало, осада продолжалась. 12 июня крепость сдалась. Эмир Юсуф, действовавший совместно с турками, согласился на контрибуцию. 17 июля русский отряд снялся с якоря и 19 июля 1772 г. возвратился в Аузу (даты по старому стилю). – Прим. ред.}

Все прибрежные города Сирии на юг от Сайды были во власти Дахира. Удачное предприятие русского флота на Бейрут указало дамасскому паше всю важность этого пункта, с потерей которого сделались бы весьма затруднительны сообщения Дамасского пашалыка с морем. Эмир Юсеф, чтобы отомстить своему дяде Мансуру, который после отречения своего жил в Бейруте как бы в своем уделе и, хотя примиренный с племянником, не переставал, однако, благоприятствовать втайне Дахиру и мутуалиям, предложил паше назначить туда гарнизон с надежным комендантом для защиты города от русских. Паша нарядил в Бейрут Ахмед-бея Джаззара с тремястами отборных магрибинов {Магриб – по-арабски – запад. Магрибинами называются все африканские племена на запад от Египта. Паши вербовали из них отличную кавалерию.}.

А

Ахмед Джаззар заседает в суде. Рисунок Спилсбери, 1799.

Скажем здесь несколько слов об этом человеке, который кровавым метеором появляется на горизонте Сирии и делается известным потом Европе защитой Акки против Наполеона. Некоторые черты биографии подобных людей лучше изображают современную им эпоху и политические нравы Турции, чем самые происшествия, коих характерические подробности ускользают от исторического рассказа. Джаззар, как впоследствии Али-паша Тепеленский {Али-паша Тепелени (Тепеделенли, 1741 – 1822) – крупный феодал, с 1788 г. правитель Янины, Эпира и части Фессалии. В 1820 г., опираясь на помощь греков, восстал против турецкого султана, но потерпел поражение. – Прим. ред.}, как в наше время Мухаммед Али египетский, служат олицетворениями своих эпох и своего народа, последними образцами того класса людей, которые создали некогда величие османского племени и затем приготовили его упадок. Подобные характеры уже не проявляются при нынешнем направлении нравов в Турции. Иссякли ли жизненные соки мощного дерева, на коем они так грозно нарастали, или те случайности, среди коих они обнаруживались, уже несбыточны в наше время?

Ахмед Джаззар был родом босняк; в шестнадцать лет от роду за насилие своей невестки он спасся бегством от мщения родных в Константинополь и, не зная, что делать с собой, продал сам себя купцам, которые торговали кавказскими невольниками. Таким образом он поступил в мамлюки к одному из египетских беков. Его господин был убит бедуинами. Ахмед набрал шайку подобных себе повес и стал умерщвлять всех бедуинов, которые попадались ему в руки. Однажды хитростью он завлек в засаду более семидесяти человек и в том числе несколько шейхов и перерезал их до последнего. При каждом убийстве он восклицал: «Еще одна жертва за кровь моего господина Абдалла-бея». Эти подвиги были

совершенно во вкусе мамлюков и доставили молодому Ахмеду великую славу в Египте и прозвище Джаззара, т. е. резника, или мясника. Он представил Али-беку, который в это время захватил верховную власть в Египте, головы четырех ненавистных ему шейхов из бедуинов. Али-бек принял удальца в свою службу и его кинжалом отделялся от своих недругов и особенно от опасных друзей или доверенных служителей, которых нескромность могла ему повредить. В награду за эти услуги он пожаловал его в беки. Али-бек был в союзе с Салих-беком, который помог ему истребить соперников и сделаться властелином Египта. Но наступила пора отделаться и от этого союзника. Али-бек поручил это щекотливое дело Джаззару. Тот уклонился от предложения, сказав, что в пребывание свое в Верхнем Египте вместе с Салих-беком они побратались {У греков, у албанцев, у сербов, как и у черкесов и у других восточных племен, существует обычай этих братаний. Христиане соблюдают при этом некоторые церковные обряды. Мусульмане меняются рубахами и саблями. Такое произвольное родство столь же свято, как и родство кровное. В народе, особенно у мусульман, оно вряд ли не святее кровного родства. Безродные мамлюки заменяли им свое сиротство.} и потому не мог теперь ему вредить. Али-бек, боясь измены, стал похвалить Джаззара за его верность дружбе и уверять, что это предложение для того только было им сделано, чтобы его испытать. Джаззар не совсем ему поверил и счел нужным предостеречь Салих-бека. На другой день Али-бек успел уверить Салих-бека, будто в самом деле этим предложением он хотел только испытать верность своего клеветы, и при этом дознал он, что Джаззар не скрыл дела от Салиха. Судьба обоих была решена.

Мухаммед-бек Абу Дахаб, о котором мы уже имели случай говорить, вызвался отделаться разом от обоих. Он пригласил их на прогулку по ту сторону Нила в пустыне пирамид. Там затеял он ссору с Салих-беком, который, ничего не подозревая, не взял с собой своих мамлюков. Салих был убит. Джаззар издали все видел, но, когда подоспел, было поздно, чтобы спасти брата. Абу Дахаб не посмел напасть из Джаззара, пока на нем было оружие. Он дружески его принял, уселись на ковры, закурили трубки. Абу Дахаб стал рассказывать о ссоре, которая подала повод к убийству; он обнажил свою саблю, чтобы обтереть кровь, стал хвалиться своим булатом и хотел сличить с саблей Джаззара, чтобы таким образом его обезоружить. Джаззар хладнокровно отвечал, что он сделал обет не вынимать сабли из ножен без того, чтобы не отрубить чьей-нибудь головы, а с тем встал, сел на коня и поскакал в Каир. Оттуда, переодетый магрибином, скрытно отплыл в Константинополь, чтобы спастись от Али-бека.

В Константинополе Джаззар соскучился; не видя возможности пробить себе дорогу в толпе искателей столичных и открыть другое поприще по своему вкусу, он отправился в Дамаск. После Египта Сирия была в те времена обетованным краем для людей такого характера. Дамасский паша охотно принял его в свою службу. В сражении под Сайдой Джаззар отличился своим остервенением и приобрел новую славу. Когда стали рассуждать о защите Бейрута против русского флота, выбор пал на Джаззара и был тем приятнее для эмира Юсефа, что он прежде еще имел случай с ним сдружиться и дать ему гостеприимство в Дейр эль-Камаре {В 1770 г. – Прим. ред.}. Когда Джаззар гостил у эмира и даже некоторым образом был в его службе, Мухаммед-бек Абу Дахаб предлагал эмиру 100 тыс. талеров за его голову, но эмир не согласился изменить долгу гостеприимства. Далее увидим, как отблагодарил Джаззар своего покровителя.

Как только он [Джаззар] занял Бейрут, стал укреплять город стеной и обновлять замки, поврежденные русскими. Для этого он наложил контрибуцию на жителей и разломал дворцы эмиров, чтобы употребить материалы для укреплений. Горцам запретил показываться в городе, а магрибины его делали набеги на все окрестности и беспощадно резали и грабили горцев. Со всех сторон злодеи и бродяги сбегались к Джаззару, и шайка его со дня на день умножалась и становилась опасной для Ливана. Эмир понял свою ошибку, но поздно. Жалобы его паше оставались без внимания, ибо Джаззар предлагал со своей стороны, чтобы Бейрут остался в непосредственном ведении пашей.

Измена Джаззара заставила эмира помириться с Дахиром. Уже давно друзья того желали: семейные козни эмиров служили поводом к войнам с соседями и к вящему вмешательству пашей в дела Ливана. Эмир сошелся с шейхом у Сура, в Рас эль-Айне, у того натурального артезианского колодезя, который, неизвестно почему, назван у всех путешественников Соломоновым источником. Там они заключили оборонительный союз противу пашей и особенный договор, в силу коего они обратились к русскому адмиралу с просьбой освободить Бейрут от Джаззара. Это было в 1772 г. {С 1772 г. до падения власти шейха Дахира в 1775 г. эмир Юсеф не выплачивал дани в казну Порты. – Прим. ред.} Отряд русского флота под начальством капитана Кожухова показался опять на Бейрутском рейде {Весной 1773 г. – Прим. ред.}, и между тем как соединенные милиции мугуалиев и друзов обступали город с сухопутной стороны, фрегаты и мелкие суда громили его с моря. Осада продолжалась четыре месяца. Джаззар отчаянно защищался со своей шайкой. Береговые батареи были разрушены, и замки заняты десантом; но брать город приступом не было средства. Все внутренние здания на сводах необыкновенно прочных, по самому свойству камня, даже улицы кривые и узкие покрыты сводами, под коими гарнизон укрывался в безопасности от ядер и от бомб. Бреши были сделаны, но туземная милиция никак не соглашалась идти на приступ даже вслед за русским десантным отрядом; а одним десантом нельзя было думать о приступе. Наконец осажденным пришлось кормиться падалью и собаками. Джаззар сдался на капитуляцию, сел на русскую галеру, которая перевезла его в Сайду к Дахиру. Эмиру ливанскому он не доверял, но к галилейскому шейху он имел полное доверие. Вскоре опять встретимся с Джаззаром...

Наш [русского флота] отряд сделал значительные призы у сирийских берегов, а так как по предварительному договору с сирийскими своими союзниками он отказался от добычи бейрутской, кроме военных трофеев, то горцы выдали на долю отряда деньгами 300 тыс. пиастров. Эмир Юсеф ливанский просился даже со всем своим народом в подданство России, но с тем, разумеется, чтобы Россия освободила Ливан от турок {История военных действий русского флота у берегов Сирии в 1773 г. следующая. С 20 июля 1772 г. по 9 марта 1773 г. между Турцией и Россией продолжалось перемирие. В апреле 1773 г. главнокомандующий русским флотом А.Г. Орлов уехал в Ливорно, и командование эскадрой перешло к адмиралу Спиридову. Когда Али-бек весной 1773 г. вновь обратился к главнокомандующему русской эскадры с просьбой о помощи, адмирал Спиридов отдал приказ капитан-лейтенанту Кожухову следовать к египетским и сирийским берегам и помочь Али-беку и его союзникам. Одновременно премьер-майор граф И. Войнович был направлен в Сирию. К 12 июня в Суре Войнович был встречен находившимся в Сирии с 1772 г. гвардии поручиком Баумгартеном, который после смерти Али-бека вел от имени

А.Г. Орлова переговоры с Дахиром и заключил с ним «трактаты о дружелюбии с великой Россией». Шейх Дахир обратился к Войновичу через Ахмеда Денгизли с просьбой помочь друзьям освободить Бейрут от Джаззара. Войнович направил два судна вместе с арабскими кораблями Дахира для блокады Бейрута.

15 июня в Акку пришла эскадра капитана Кожухова. 23 июня обе русские эскадры объединились в Сайде. Два дня спустя эскадра прибыла к Бейруту, и между ее командованием с одной стороны, посланником Дахира Денгизли и эмиром Юсуфом – с другой был подписан договор о совместных действиях. Дружеские шейхи и эмиры и шейх Дахир признавали покровительство России и обязались воевать с Турцией, пока Россия будет в состоянии войны с ней.

Русский десант состоял из 787 человек регулярных отрядов (главным образом морских канониров) под командой гвардии поручика Баумгартена и иррегулярных частей (из албанцев, греков, славян) под командой майора Дуси и поручика И. Войновича. Несмотря на то что русская артиллерия разрушила в нескольких местах стену крепости, войска эмира Юсефа отказались идти на штурм города. Превосходство сил противника не позволяло русским частям осуществить наступление. Было решено ожидать подкреплений от Дахира из Акки, а десанту вернуться на корабли. Эмир Юсеф продолжал блокировать в горах неприятеля.

16 и 24 августа вновь был высажен русский десант, который блокировал город с суши. Тем временем Дахир совместно с друзьями разбил хalebского пашу, направлявшегося на помощь Бейруту, и собирался осадить город.

22 сентября Джаззар согласился покинуть Бейрут и выехать на русском корабле в Сайду. 29 сентября были подписаны следующие условия сдачи Бейрута: город переходил в руки эмира Юсефа и гарнизон Джаззара поступал в распоряжение Дахира.

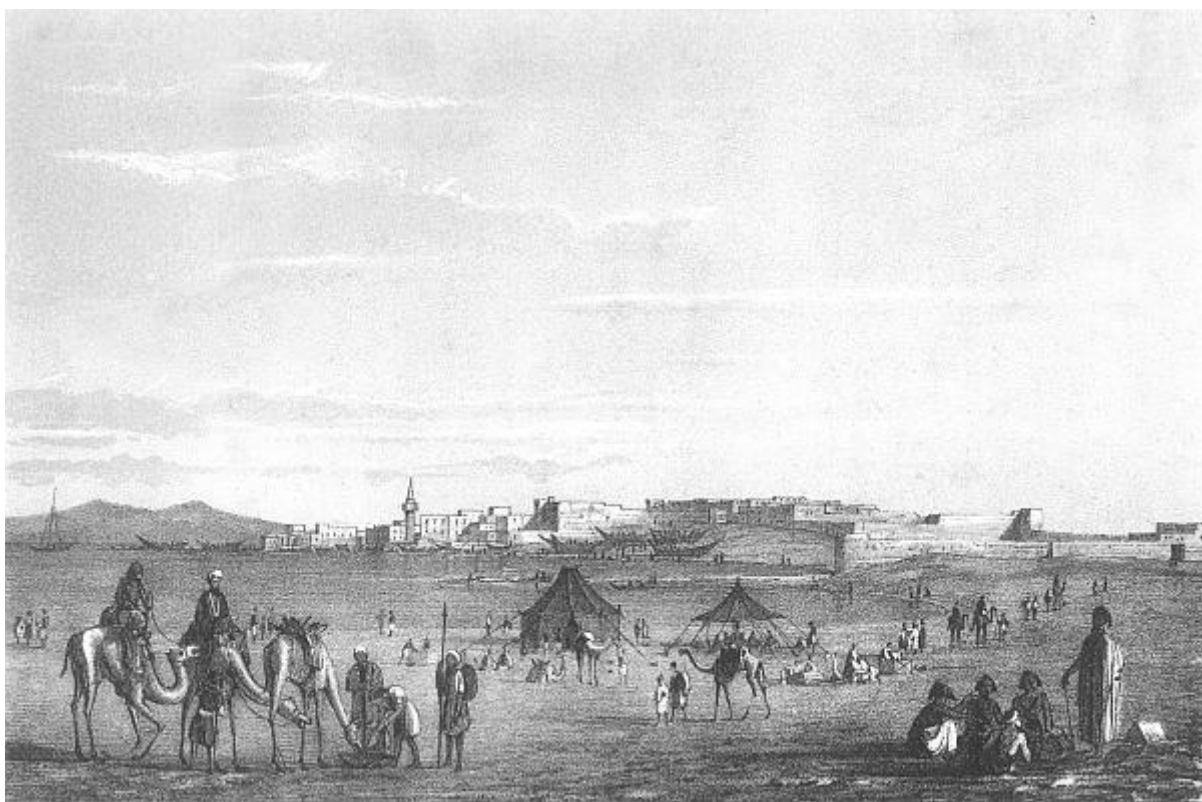
Русские войска вступили в город и на следующий день передали его друзьям.

Русские суда оставались у берегов Сирии до января 1774 г. и в начале февраля вернулись на свою базу на о-ве Парос (даты по старому стилю. – Прим. ред.)

19 июля суда подошли к Бейруту и начали его обстрел, чтобы отвлечь внимание от высадки десанта.}. Как бы то ни было, во все продолжение военных действий русский офицер командовал в Бейруте и оставил по себе хорошую память. Народное предание называет офицера этого Степаном {Это, вероятно, Баумгартен, который был облечен полномочиями со стороны адмирала для устройства дел с горцами.}.

Дахир с Али-беком поспешили в Палестину {Здесь Базили допустил нарушение хронологической последовательности в изложении событий: военные действия в Палестине и отъезд Али-бека в Египет предшествовали осаде Бейрута. – Прим. ред.}, которой племена признавали над собой власть шейха. Там они, обеспеченные с тыла союзом с друзьями, стали готовить экспедицию в Египет. В Яффе и в Набулусе происки дамасского пашы производили волнение в народе. Яффа бунтовалась. Али-бек обложил

город со своей кавалерией, без пехоты, без осадной артиллерии. Мамлюки восемь месяцев томились под его стенами. В весну 1773 г. Яффа сдалась {Осаду Яффы отрядами Али-бека подробно описал русский офицер Сергей Плещеев, участник военных действий русского флота в Средиземном море, в книге «Дневные записки путешествия из архипелагского, России принадлежащего острова Пароса в Сирию... в исходе 1772 лета». СПб., 1773. – Прим. ред.}. Али-бек стал оттуда вести переговоры с египетскими беками и грозить им нашествием вместе со своими сирийскими союзниками. Мухаммед-бек, боясь его мщения и видя, что он имел много приверженцев между мамлюками и беками, согласился с другими написать к нему покорные письма с предложением возвратиться и править опять Египтом. Али-бек вдался в обман; не слушая Дахира, который советовал ему повременить, умножить свои силы и ждать обещанного пособия от русского флота, он с небольшим только отрядом пустился в обратный путь. Беки с Абу Дахабом встретили его у границы в эль-Арише и оказали ему всякие почести. Но на пути через Суэцкую пустыню люди Мухаммед-бека затеяли ссору с мамлюками Али-бека, стали рубиться, не слушая приказа своего господина, и всех перерезали. Сам Али-бек, который, не подозревая измены, наскочил, чтобы унять своих, был в суматохе ранен. Беки или показывали вид отчаяния, или в самом деле скорбели; но все заодно лобызали руки своего повелителя и гостя. По прибытии в Каир они окружили его заботами, а между тем рана его была отравлена. Так кончилось бурное поприще Али-бека {В апреле 1773 г. – Прим. ред.}. Шейх галилейский искренно его оплакивал, он лишился в нем союзника, который, по всему судя, видел в престарелом Дахире и в храбрых его сыновьях только орудия для своего влияния в арабском мире и для своих грядущих помыслов.

уэцкая пустыня. Литография Ф. Арундале, XVIII в.

По смерти султана Мустафы III его преемник Абдул Хамид, истощая все свои усилия для окончания войны с Россией, предписал пашам своим в Сирии заключить во что бы то

ни стало мир с могущественным шейхом. Начались переговоры. Порты уступала в наследственное владение шейху всю Палестину, за исключением города Иерусалима, который по своим святыням долженствовал оставаться в ведении дамасского паши, равно и весь пашалык Сайды, т. е. древнюю Финикию. Но вместе с тем, как будто в уважение договора Расэльайнского, о коем мы упоминали выше, она [Порты] ставила Дахира под надзор и ведение эмира ливанского.

Это последнее распоряжение было отлично придумано в залог будущего раздора между двумя вассалами и в обеспечение влияния Порты на обоих. Был наряжен капиджи от дивана с милостивым фирманом и с обещанием всякой льготы, лишь бы шейх оставался покойным и платил весьма умеренную дань. Дахиру было под 90 лет, телом он был еще бодр и лихо наездничал, но духом он слабел. Ему польстили предложения Порты. Но сыновья его, которые сами уже были стары, видели в них одну только приманку и советовали отцу продолжать войну.

Недоверчивость, спутница старости, вкралась в характер Дахира. Он слушал только своего казначея, христианина Ибрахима Саббага, который управлял всеми его делами, копил миллионы для себя и для своего господина, монополиями забирал в свои руки всю торговлю и, пользуясь властью шейха, угнетал народ непомерными налогами. Переговоры с Портой длились; между тем по поводу грабежей, сделанных в Баальбекской долине братом эмира Юсефа, паша дамасский выступил с войском, чтобы наказать горцев, и был готов ворваться в ливанские ущелья. Его настиг Али, сын Дахира, у Коб-Ильяса, на восточной покатости Ливана, и разбил его наголову {По данным Шидийака, это было в 1773 г. – Прим. ред.}. На Ливане междоусобия не прекращались. Братья эмира привлекли в свою сторону недовольных шейхов ездекиев и с ними бунтовались. На Антиливане Шихабы не переставали также то убивать брат брата, то судиться между собой у эмира Юсефа и у шейха Дахира. Эти междоусобия горцев и ссоры Дахира с сыновьями обнадежили Порту дать другой оборот сирийскому делу.

В 1775 г. {В марте 1775 г. – Прим. ред.} Мухаммед-бек египетский с 60-тысячным войском вступил в Сирию, объявляя изменником Дахира от имени султана и готовя ему казнь. Шейх всегда опасался со стороны египетской границы после смерти Али-бека. Он укрепил по возможности Яффу как передовой оплот с этой стороны. По двухмесячной осаде Яффа была взята и ограблена мамлюками. Шейх отступил из Акки в Сайду в надежде пособия от друзей и мутуалиев. Но эмир ливанский думал только о своем спасении и отказался даже от свидания с Дахиром. В Галилее и в Набулусе народонаселения, утомленные в последние годы поборами Ибрахима Саббага и самоуправством детей Дахира, которые пред тем только вели войну с отцом и обирали поселян, не показывали никакого расположения, чтобы отстоять своего шейха. Дахир, оставленный всеми, укрылся со своими сокровищами в Сафедские горы и оттуда по приближении египтян перешел в Хауран к союзным бедуинам.

Мухаммед-беку все покорилось по занятии Акки. Шейхи мутуалиев явились к нему с дарами и покорностью. Эмир Юсеф послал бить ему челом и просить его милости (задана). Между тем завоеватель предавался всем жестокостям. Народонаселение Яффы своей кровью отплатило за оказанное ему сопротивление. К счастью, недолго

продолжались его свирепства. Внезапная болезнь освободила край от исступленного злодея {Абу Дахабумер в июне 1775 г. – Прим. ред.}. Сказывают, что он пред смертью был терзаем страшным видением. Народ, как христиане, так и мухаммедане приписывают ему мучения мстительным призракам умерщвленных монахов при разрушении монастыря на горе Кармеле.

По своей ли воле египетский бек предпринял этот поход или был он уполномочен от Порты для наказания Дахира, это неизвестно. Но известно то, что бек замышлял покорить еще Дамаск, Халев и отложиться от Порты, которая так удачно умеет всегда отделяться от одного врага другим. Как бы то ни было, чиновник Порты, о котором мы упоминали, был еще при Дахире и продолжал с ним переговоры в самую эпоху появления Мухаммедбека под Аккою.

По смерти своего бека мамлюки взяли с собой его тело и стремглав бросились в Египет, покинув на пути свою богатую добычу. Сирийские племена отдохнули, а Дахир возвратился в Акку.

В следующем году {В 1775 г. – Прим. ред.} Порта отправила капудан-пашу Хасана, чтобы окончательно устроить дела с Дахиром. Капудан-паша требовал недоимок податей за шесть лет. Дахир стал совещаться с сыновьями и со старшинами: платить ли дань и покориться или открыть войну. «И кто поручится, – стали говорить в совете, – что нас оставят в покое, когда мы все уплатим? Порта, очевидно, хочет нашей гибели; она действует без чести и без совести. Капиджи был еще здесь с нами и толковал нам фирманы, писанные по-турецки, когда наехали мамлюки, очевидно, по приказу турок. Нет, да сохранит Аллах детей Аравии от всех этих турецких обещаний и ласк, и от фирманов, и от аманов. Уж если здесь нам не устоять пред флотом, так лучше возвратиться в наши Сафедские горы, и пускай пожалуют туда паши». «Как я ни стар, – заметил со своей стороны Дахир, – но люблю думать и о будущем. Сей день наш, а завтрашний день чей, того никто не ведает. Лучше нам заплатить то, чего от нас требуют, и побережь наши головы, пока судьба позволит».

Туецкий флотоводец Хасан-

паша. Французская гравюра XVIII в.

Магрибин Денгизли, который командовал гарнизоном, поддержал это мнение. «Недолго устоять нам, – сказал он, – народа не поднимем, ибо кто восстанет на падишаха, будет казнен и на этом свете, и на том. Сабля султана длинна и настигнет нас и в горах. Я берусь сотней тысяч талеров уладить дело с капудан-пашой». Но Ибрахим Саббаг, министр финансов, поспешил открыть свои сундуки. «Нет денег у нас, – сказал он, – объяви паше, что у шейха лишь огонь да сабля острая». С этим разошлись. Денгизли изменил шейху, он приказал своим артиллеристам-магрибинам заклепать пушки в береговых бастионах и дал знать о том капудан-паше. Флот открыл огонь по городу. Дахир, видя измену магрибинов, готовился выступить из города; он мешкал еще, чтобы спасти свою любимую жену. Тогда один из магрибинов с батареи посадил ему пулю в грудь {В августе 1775 г. – Прим. ред.}.

Так кончилось поприще 90-летнего шейха, которому не достало только достойных сотрудников, чтобы основать в [XVIII] столетии новое Арабское царство на Востоке. Голову его представили паше, который отправил кровавый трофей в Стамбул. Уверяют, что до 40 млн. пиастров (около 40 млн. руб. серебром по тогдашнему курсу) было найдено в сундуках шейха, кроме драгоценностей всякого рода. Один кинжал, подаренный ему Али-беком, был оценен в 200 тыс. пиастров. Хранитель всех этих сокровищ бежал из Акки; его выдали паше, который долго его пытал, чтобы дознаться, не было ли еще других скрытых сокровищ, и, наконец, повесил на рее, чтобы утаить от Порты точный счет описанного в казну богатства. Предатель Денгизли был ласково принят; вскоре затем и он был учтиво отравлен чашкой кофе из тех же соображений.

Сыновья Дахира спаслись у мугуалиев. Хасан-паша объявил им прощение и зазвал к себе с обещанием поставить их на место отца. Они явились, за исключением храброго Али, который не доверял туркам. Но когда паша с суровым видом стал укорять их в возмутительстве, младший из них, Саид, не утерпел, чтобы не высказать своих жалоб на вероломство пашей. Он тотчас был предан казни; другие отправлены в Константинополь и назначены впоследствии пашами: один – в Джидде, другой – в Море.

Из всех детей Дахира в Сирии остался один Али, и [он] еще несколько лет не терял надежды возратить своему дому и племени прежний блеск. Его воинственный вид, рыцарский благородный нрав, испытанная храбрость и отменное красноречие, которое так высоко ценится во всех арабских племенах, доставили ему много союзников в Палестине и в стране заиорданской. Между тем угнетения Джаззаровы, о коих будем далее говорить, заставляли поселян вздыхать о старом шейхе и оказывать сочувствие к судьбам Али, который деятельно продолжал войну, хотя и потерял в ней двух сыновей своих. Али предлагал ливанскому эмиру возобновить старые договоры, соединиться и изгнать Джаззара. Но эмир Юсеф был занят в это время междоусобной войной с братьями. То же происходило и между Шихабами антиливанскими. Шейх Али, оставшись один, без союзников, взбунтовал горцев набулусских. Паша Акки согласился с дамасским, чтобы его погубить изменой. Один из офицеров паши затеял ссору со своими товарищами, нашумел, отстреливался целый день и, принужденный спасаться бегством от гнева своего господина, искал покровительства в горах у сына Дахира вместе со своей свитой. Все это была комедия; шейх, не подозревая ничего, принял у себя гостей, которые, улучив время, напали по условленному знаку на доверчивого шейха, убили его и успели спастись бегством.

Со смертью Али сходит с политического поприща в Сирии род Абу Зейданов, которые после Маанов были представителями и поборниками арабской народности. С этого времени народность арабская укрылась за Иордан, в пустыню, между бедуинами, которые до наших дней, храня предания о свободе, завещанной племени Исмаила, сына рабы, чуждаются турецкого владычества. С этого времени, несмотря на всеобщее расслабление Османской империи, турецкое владычество более упрочилось в Сирии. Ежечасные борьбы и кровопролития, коими еще наполнены сирийские хроники, можно почесть более личным делом пашей с племенами и естественным последствием феодального образования горских племен, чем вспышками арабского элемента противу насилия османского. Внимательное изучение происшествий, ознаменовавших Сирию с этой эпохи

и до наших дней, послужит ответом на все суетные теории о небывалом и несбыточном возрождении арабского племени Мухаммедом Али египетским или его родом и о возможности основать Арабское государство из Сирии и Египта.

Правда, масса народа в этих двух областях сохраняет свои предания, и нравы, и язык, и почти все свои народные стихии; а это тем более вводит в заблуждение путешественника, что турки в самом деле живут гостями здесь и сами чуждаются связей с туземцами. Но не менее того мы должны заметить, что в арабских племенах, как и во всех племенах Азии, масса народа чужда политической жизни, коей сила сосредоточена исключительно в дворянстве. В этом отношении мы видим, что в Египте давно уже не существует и тени арабского дворянства, ибо нельзя назвать дворянством шейхов, коптеющих над толкованием Корана в мечетях Каира. Мухаммед Али успел заменить иноземных беспотомственных мамлюков своим родом и своими любимцами; а арабам строжайше закрыто всякое гражданское и военное поприще. Сирия сохранила своих шейхов и эмиров, но их безнравственность, неспособность и несчастья сделали это феодальное дворянство только язвой для народа или орудием в руках самых бесчеловечных пашей.

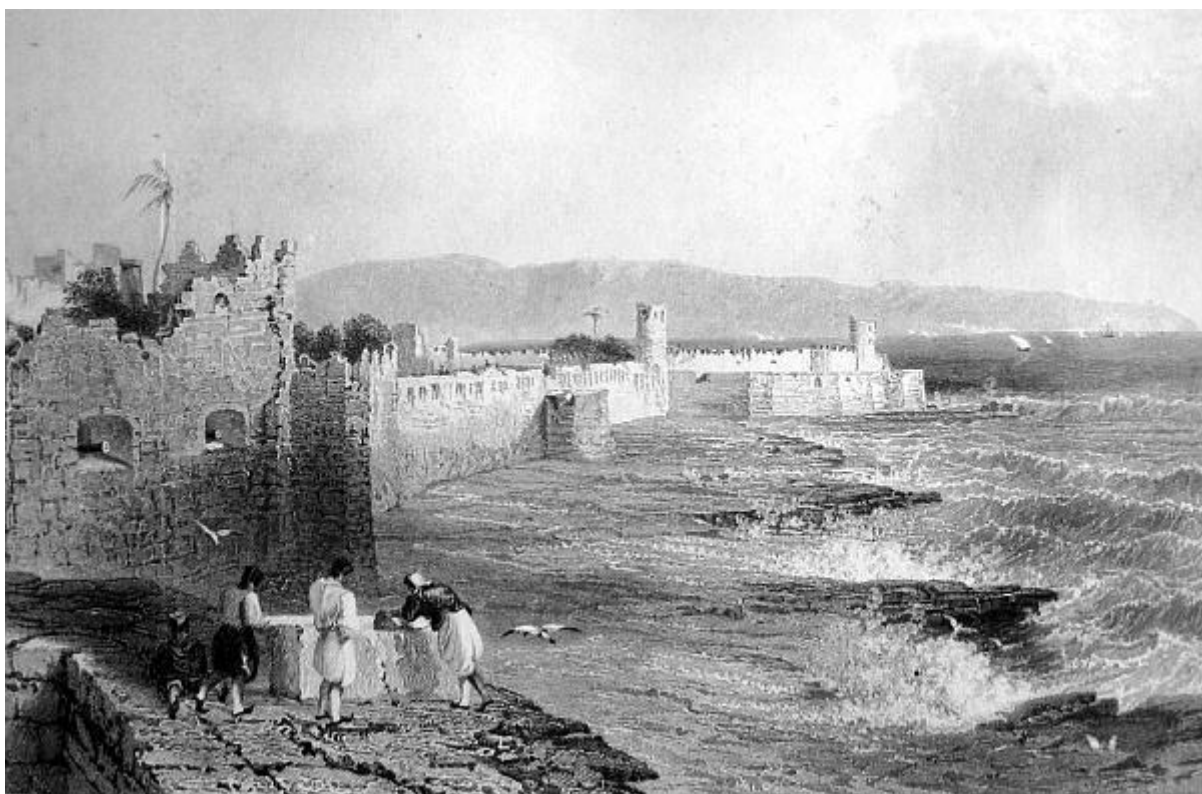
Гениальные усилия Фахр эд-Дина и смелые помыслы Дахира – эти два метеора в судьбах Сирии – повели только к какой-то политической реакции. После каждого из этих двух представителей арабской народности влияние турецкое более и более усиливалось, и при всем неистовстве, при безумии, можно сказать, пашей Порта упрочивала свое влияние морально и материально, так что в наше время, вслед за египетским владычеством, послужившим для воспитания сирийских племен и для приуготовления их к новым формам турецкого правления, Порта удобнее могла ввести в Сирию систему централизации, чем в другие области, где преобладает элемент османский.

Глава 3

Джаззар-паша, его козни, его войска. – Междоусобия эмира Юсефа с братьями. – Братоубийства. – Поход Джаззара на мутуалиев. – Судьбы сего племени. – Любовные интриги в гареме Джаззара и бунты мамлюков. – Отречение эмира ливанского. – Избрание эмира Бешира. – Подать с Ливана. – Восстание горцев. – Казнь эмира Юсефа. – Бегство Бешира. – Месть Джаззара. – Абу Накиды. – Утверждение власти эмира. – Поход французов. – Манифест султанский. – Чувства народные. – Взятие Яффы французами. – Осада Акки. – Мутуалии в лагере Бонапарта. – Расположение умов на Ливане. – Принужденное бездействие горцев. – Фаворская битва. – Впечатление, произведенное походом французов. – Несбыточные замыслы, приписанные Бонапарту. – Контраст Египта с Сирией.

Возвратимся к нашему рассказу, которого героем становится надолго знакомый уже читателю Джаззар. По взятии Бейрута русскими он сдался Дахиру и оставался в Акке на праве гостеприимства. Мучимый жаждой власти и приключений, он вскоре затем бежал в Константинополь. Там, неизвестно какими путями, достиг звания пашы в Карахисаре. Оттуда, при известии об успехе экспедиции капудан-паши противу Дахира, Порта поспешила назначить Джаззара пашой Сайды {В 1776 г. – Прим. ред.} и вверить его управлению Ливан, мутуалиев и всю страну, бывшую во власти шейха.

Появление Джаззара навело страх на эмира ливанского. Правда, Джаззар был ему обязан жизнью, был им облагодетельствован, но в турках долг признательности служит только к усилению итога тайной мести. Эмир Юсеф предстал с дарами к капудан-паше, похвалился своей долгой борьбой с наказанным бунтовщиком Дахиром, умолчал о своем союзе с ним, успел войти в милость к паше и даже получить обещание покровительства его противу чаемых гонений от Джаззара. Капудан-паша по приглашению эмира был у него в горах в Дейр эль-Камаре. Эмиры ливанские всегда любят щеголять пред столичными гостями теми горными тропинками, по коим путешественник со страхом пробирается в их селения, будто в орлиные гнезда. Во всяком другом народе такие дороги послужили бы вернейшим оплотом противу внешнего врага. Но турки давно уже постигли, что ливанские скалы и ущелья всегда доступны их войску благодаря семейным враждам эмиров. Моряк Хасан-паша возымел, впрочем, весьма выгодное мнение о могуществе эмира, оказал ему много почестей и в награду усердия его к Порте пожаловал на несколько лет льготу от податей.

К

репостная стена Акки. Гравюра В.Г. Бартлетта, 1820-е гг.

По отплытии флота Джаззар-паша, который недаром гостил у эмира и хорошо проведаль все козни ливанские, послал требовать податей и сверх того приличного подарка себе. В то же время он изгнал Шихабов из Бейрута и конфисковал их дома и все их имущество в этой древней столице Фахрэддинов {В 1776 г. – Прим. ред.}, которая с того времени состоит и поныне в непосредственном управлении пашей. Ни льготы, дарованные капудан-пашой, ни повторительные его предписания Джаззару в пользу эмира не спасли горцев от непомерных налогов. Эмир, принужденный отплачиваться Джаззару, чтобы приобрести его благосклонность, насильственно взимал с народа огромные суммы. Народ роптал на своего эмира, а соперники были готовы воспользоваться первым случаем, чтобы его свергнуть. Таким образом Джаззар достиг двойной цели: обирал горцев и породил

между ними вражду и козни, которые служили вернейшей порукой и усиления власти паши на Ливане, и умножения налогов.

Джаззар, не полагаясь на арабов, занял свой пашалык с ополчением из бродяг и головорезов, каких только мог набрать со всех концов Турции. Босняки, албанцы, магрибины и вольные привилегированные ватаги делиев {Отрядами делиев называли особые корпуса кавалерии, несшие гарнизонную службу в провинции. Отряды набирались преимущественно из местных жителей, подчинялись провинциальным правителям и получали плату только во время войны. – Прим. ред.} притекли отовсюду под его знамена и вели жизнь разгульную. К этим ватагам, которые так живо напоминают доселе на Востоке пестрые войска Валленштейнова лагеря, присоединились впоследствии остатки левендиев {Левендии – пехотинцы частей, несших охрану судов и подчинявшихся капудан-паше – командующему турецким флотом. – Прим. ред.}, этой буйной флотской милиции, которой уничтожение султаном Абдул Хамидом было в [XVIII] веке предисловием великого преобразования, совершенного в наши дни сыном его Махмудом.

Городу Сайде, который искони был столицей пашалыка, Джаззар предпочел Акку, потому что местоположение Акки на мысе, между морем и пространными гладкими полями, представляло большие удобства для укреплений. Таким образом, крепость, заложенная последним поборником арабской народности в Сирии, обратилась в гнездо, из коего самый свирепый из турецких пашей держал эту страну в своих когтях и с лишком тридцать лет беспощадно терзал свою добычу.

Во второй год своего управления Джаззар под предлогом сбора 100 тыс. пиастров пени с эмира за то, что горцы имели близ Сайды схватку с его войском, отрядил в Дейр эль-Камар 400 человек своих сорванцов. Оттоле они несколько месяцев сряду грабили и сквернили безнаказанно весь Шуф, Метен и Кесруан – самые неприступные округа Ливана. Атаман этой милиции, курд Мустафа-ага, видя, как легко управляться с арабами, и имея перед глазами пример своего паши, замыслил свергнуть самого Джаззара и заступить его место. В таких-то руках была в ту пору судьба племен, подвластных Порте. Этот Мустафа легко мог бы сделаться властелином Сирии, а Порта не замедлила бы его признать своим наместником, лишь бы вносил он сумму, коей был обложен пашалык. Но Джаззар, своевременно извещенный об измене, успел переманить к себе войско курда Мустафы, а тот бежал к своим курдам.

Эмир, без сомнения, еще прежде мог бы освободить край от такого гостя, но в это время его два родных брата эмир Саад эд-Дин и эмир Эфенди поднимали недовольных шейхов и готовились его самого свергнуть. Хитрый эмир, чтобы вернее погубить своих братьев и сделать их ненавистными народу, сам добровольно отказался от власти в пользу претендентов. Им предстояло еще получить согласие Джаззара, а для этого было неизбежно набавить подати. Юсеф удалился в Кесруан к маронитам. Едва братья его приняли правление, вскипел бунт по навету Юсефа, который таким образом вторично получил княжество, впрочем не без того, чтобы при этих переменах не была набавлена подать в пользу Джаззара.

Для насыщения паши изобретательный ум Саад эль-Хури, министра Юсефова, стал вымышлять новую финансовую систему для Ливана. Здесь, как и во всех других азиатских странах, знали в старину только прямой налог, платимый с плантаций шелковичных и масличных, единственных продуктов Ливана; даже подушного оклада (харадж) не было на христианах ливанских, ибо они не были завоеваны мечом султанов, а покорились с сохранением своих прав. Эмир наложил сперва подать на семя червей шелковичных, потом оклад подушный, потом сбор с рогатого скота, с мельниц и т. п.

Не прошло трех лет, народный ропот на эти нововведения внушил братьям эмира мысль о его свержении. Заговор открылся, эмир успел схватить одного из своих братьев и собственной рукой в своем дворце в присутствии шейхов и народа отрубил ему голову, чтобы не сквернить рукой палача благородной крови Шихабов. Незадолго до того такие же братоубийства происходили на Антиливане в тамошнем поколении Шихабов: владетельный князь эмир Мухаммед отрубил голову одному из своих братьев и выколол глаза другому, чтобы отделаться от соперников.

Смуты продолжались на Ливане. Эмир едва успевал покупать огромными суммами покровительство паши и происками поддерживать борьбу двух партий – езбекиев и джумблатов – для ослабления тех и других перед собой. Джаззар со своей стороны успешно ронял новое семя раздора между эмирами Ливана и Антиливана за обладание округом Мардж-Айюн. Джаззар пожаловал этот округ в удел эмиру антиливанскому и недолго спустя поручал эмиру Юсефу выгнать оттуда своих родственников и взять в свое владение их удел. Этими смутами воспользовался брат эмира, чтобы заключить союз со своим хасбейским дядей Исмаилом и приобрести покровительство Джаззара; Юсеф спасся бегством. Место его заступил его брат в товариществе с дядей; но когда Джаззар увидел, что они не были в состоянии уплатить обещанной суммы, опять приласкал беглого эмира (хотя его брат предлагал 500 тыс. пиастров за его голову) и вместе со своим войском отправил его в горы.

Юсеф обязался уплатить миллион пиастров Джаззару. Он стал обирать всех приверженцев своего брата, которому предосторожности ради в сем случае выколол глаза, а дядю Исмаила заключил в тюрьму и вскоре потом отравил ядом во избежание соблазна. Магрибинам Джаззара поручено было терзать шейхов, принявших участие в кознях противу Юсефа. Современная арабская хроника упоминает, что эти африканцы забавлялись тем, чтобы морить голодом несчастных, потом резать куски их тела, жарить и предлагать им в пищу.

Горские племена мутуалиев между Сайдой и Аккой берегли себя дотоле от Джаззара и управлялись весьма спокойно своими шейхами, которые вносили за них подати. Джаззар питал к ним старую месть за их союз с Дахиром. В 1785 г., умноживши свое войско до 15 тыс. из новых бродяг, которых его слава отовсюду привлекала в Сирию, он сделал нашествие на страну мутуалиев. Племена эти храбро защищались под предводительством своего шейха Насифа Нассара, сподвижника Дахирова. Старый воин пал в сражении, а ватаги Джаззаровы ворвались в горы, завладели замками и около двух лет терзали несчастных жителей. Шейхи мутуалиев, которые в разные эпохи оказывали у себя гостеприимство опальным Шихабам, пришли искать покровительства у эмира Юсефа. Он

был тогда в разрыве с Джаззаром; впоследствии, при заключении мира с пашой, по его требованию они были изменнически выданы. Это попрание святых прав гостеприимства произвело в умах народных еще более впечатления, чем братоубийство, коим были обогрены руки эмира.

Другое племя мутуалиев занимало Баальбекскую долину. Оно было управляемо эмирами Харфуш. По примеру Шихабов Харфуши не переставали преследовать брат брата и судиться то у пашей дамасских, то у Шихабов, зазывая то тех, то других в свою страну. Наконец, в 1786 г. Дервиш-паша дамасский изгнал оттуда эмиров и назначил от себя муселима. Мы упоминали уже о том, что эмир Юсеф, быв правителем Джубейля, ослабил мутуалиев Хамади, которые владели тем округом. Таким образом все племя мутуалиев в Сирии пришло в упадок с тех пор, и хотя потомки эмиров Харфуш появляются и поныне от времени до времени правителями Баальбека, но это только от имени пашей, а феодальных прав и сопряженного с ними влияния они давно лишились. Так одно за другим сходят с политической сцены Сирии племена и семейства, уступая место непосредственному действию правительственной власти, принимающей наследство самых безнравственных преданий.

В залог уплаты миллиона пиастров Джаззару эмир Юсеф оставил в Акке своего воспитателя Саада эль-Хури, который был до сего времени душой всей его политики. По смерти этого заложника эмир оставался должным еще 300 тыс. Джаззару. Сын Саада эль-Хури, который наследовал влияние отца при эмире, стал доказывать, что теми тремястами тысячами гораздо выгоднее вести три года войну с Джаззаром. В самом деле, паша находился тогда в затруднительных обстоятельствах. Политические заботы слишком отвлекали его внимание от домашних дел; его мамлюки воспользовались этим, чтобы завести любовные интриги в его гареме. Джаззар проведал о том; в исступлении, с саблей в руках он бросился в гарем и стал рубить евнухов и невольниц и даже своих жен, которые были беременны; затем он готовился излить свое мщение на мамлюков; мамлюки бежали. Другие два мамлюка Джаззаровы – Сулейман и Селим, пожалованные султаном в паши по ходатайству Джаззара, служили его наместниками в областях. Мамлюки прибегли к ним, провозглашая их своими начальниками; взбунтовались и осадили пашу в Акке. При нем оставалось 500 или 600 человек гарнизона. Он придумал хитрость: поденщики и обыватели были наряжены в одну ночь солдатами и с множеством деревянных болванов по промежуткам были расставлены на бастионах. Наутро осаждающие были объаты ужасом, подумав, что паша колдовством зазвал к себе отряды дьявольские; они разбежались.

Этим временем бунтовался эмир; но когда все утихло, эмир потерял всякую надежду на милосердие паши, тем более что враждебная ему партия джумблатов стала одолевать на Ливане и что сам он был окружен изменой. Решившись отказаться от правления, он пригласил шейхов к выбору преемника. Выбор пал на молодого эмира Бешира, племянника Юсуфова, отличавшегося смелым предприимчивым нравом и ранними способностями. Джаззар подтвердил выбор обычным пожалованием кафтана и, призвавши к себе молодого Бешира, дал ему отряд своих албанцев и магрибинов с повелением совершенно согнать с гор Юсефа или схватить его и представить в Акку {В 1788 г. -Прим. ред.}.

Бешир при самом своем избрании обещал опальному дяде всякое покровительство; по вскоре он удостоверился, что собственная власть его не могла упрочиться, пока эмир Юсеф оставался в горах. В самом деле, не в первый раз он отказывался от правления, и среди непрерывных волнений Ливана он мог улучшить время, чтобы поступить с племянником, как прежде с братьями. Не замедлила вспыхнуть злая война между дядей и племянником. Победенный Юсеф бежал в Хауран. Питая мщение и зная характер Джаззара, он, несмотря на опалу, представился вдруг в Акку к паше с узлом кругом шеи в знак готовности быть повешенным. Без всяких предисловий предложил он Джаззару 600 тыс. пиастров ежегодной подати с Ливана, если опять будет назначен правителем. Лет за двадцать до того подать, коей было обложено Ливанское княжество, не превышала суммы 150 тыс. пиастров. Мы видели, каким образом Шихабы, преследуя брат брата, набавляли подать сверх чрезвычайных взносов. Джаззару предложение Юсефа показалось приятным. Притом ему было выгодно в залог повиновения нового правителя иметь под рукой готового кандидата.

Эмир Бешир проведал о происходивших в Акке торгах, он сам поспешил туда на переторжки и предложил паше на первый год вдвое против Юсефа, но уже с тем, чтобы на сей раз повесить и дядю, и его советника Гандура. Джаззар согласился. Эмир Юсеф и Гандур были повешены {В 1790 г. – Прим. ред.}.

Так кончилось поприще братоубийцы Юсефа, который более всех своих предшественников ввел пашей во внутренние дела Ливана и более всех содействовал к политическому развращению своего народа. Междоусобия никогда не прекращались под его правлением, и вернейшей пружиной его влияния были раздоры, хитро посеянные им и его министрами Саадом и Гандуром и поныне еще существующие между ливанскими шейхами. Эмир Бешир прошел под трупом повешенного дяди, чтобы по стопам его и теми же средствами и теми же злодействами поддержать свою власть до наших дней и завещать Ливану по своем изгнании еще долгий период борений и кровопролитий.

Жестокости молодого эмира произвели общий бунт на Ливане во второй же год его правления (1790). Никто при нем не оставался, кроме телохранителей Джаззаровых, наряженные к эмиру в пособие для сбора обещанной суммы. Когда же Джаззар готовился идти в Мекку с караваном, он в это время был облечен пашальком Дамасским и званием эмир хаджи, его телохранители были им отозваны, а эмир бежал с гор в Сайду, к туркам. Шейхи избрали на его место двух эмиров из его родственников – Хайдара и Каадана.

Паша по возвращении из Мекки пособил своими войсками эмиру Беширу. Около двух лет длилась война; но горцы стояли заодно, и Ливан был недоступен и эмиру, и войскам Джаззаровым. Затем, однако, паша беспощадно отомстил горцам. В 1793 г. был неурожай во всей Сирии; с моря поспели корабли с хлебом в Бейрут, но паша запретил вывоз хлеба в горы, а там целые деревни помирали с голоду. Тогда-то Джаззар рассчитался с горцами за все недоимки. Для восстановления своей власти он хотел назначить опять правителем своего любимца, однако сжалился над воплем горцев, напуганных хладнокровным жестокосердием эмира Бешира в недолгий период его правления. Паша для успокоения злополучного народа, испытанного голодом и распродавшего все свое добро для уплаты податей и контрибуции, повелел Беширу удалиться из гор. Эмир пошел к племенам

ансариев на север от Ливана. Но и оттуда он успел привлечь на свою сторону шейхов Джумблатов и возжечь новую междоусобную войну на Ливане, пока, наконец, Джаззар, наскучив тем, что доходы с Ливана не слишком исправно поступали в его казну, назначил опять господарем Бешира (в 1795 г.), предоставляя ему самому отделаться от соперников.

В этой борьбе эмир одолел при содействии Джаззара, между тем как паши дамаский и тараблусский покровительствовали противной партии. Казнями и убийствами эмир утвердил, наконец, свое владычество в горах, а конфискациями и пенями ослабил шейхов и насытил ненасытного Джаззара. В эту эпоху могущественное семейство друзей Абу Накид подверглось опале. Все его члены были умерщвлены, за исключением двух малолетних детей, укрытых матерью в Дамаске. Искони семейство это славилось своими злодеяниями, а когда впоследствии увидим новый ряд ужасов, ознаменовавших в наше время возвращение шейхов Абу Накидов, спасшихся в детских летах от ножа эмира, то поневоле станем верить, подобно жителям этих гор, что природные склонности к добру или к злу переходят с кровью из поколения в поколение.

Заботы другого рода отвлекли от ливанских дел внимание Джаззара. Бонапарт по быстром завоевании Египта предпринял свой чудный поход в Сирию (1799 г.) {Поход Бонапарта в Сирию начался в феврале 1799 г. (эль-Ариш был взят 20 февраля). – Прим. ред.}. Султанским хатти шерифом {Хатти шериф собственно значит священная грамота; так называются те из султанских повелений (фирманов), на коих приложена собственноручная надпись султана, каковы манифесты по делам политическим и решения по делам особенной важности.} все правоверные призывались к защите древней колыбели ислама от нашествия гяуров. В этом манифесте объявлялось народу, что французы, отрекшись от всякой веры, поправ все, что было священного в религии и в государственных постановлениях их отечества, шли войной на ислам с тем, чтобы истребить всех правоверных, за исключением жен и детей, а жен и детей осквернить безбожеством. Объявлялось также о союзе Порты с Англией противу общего врага.

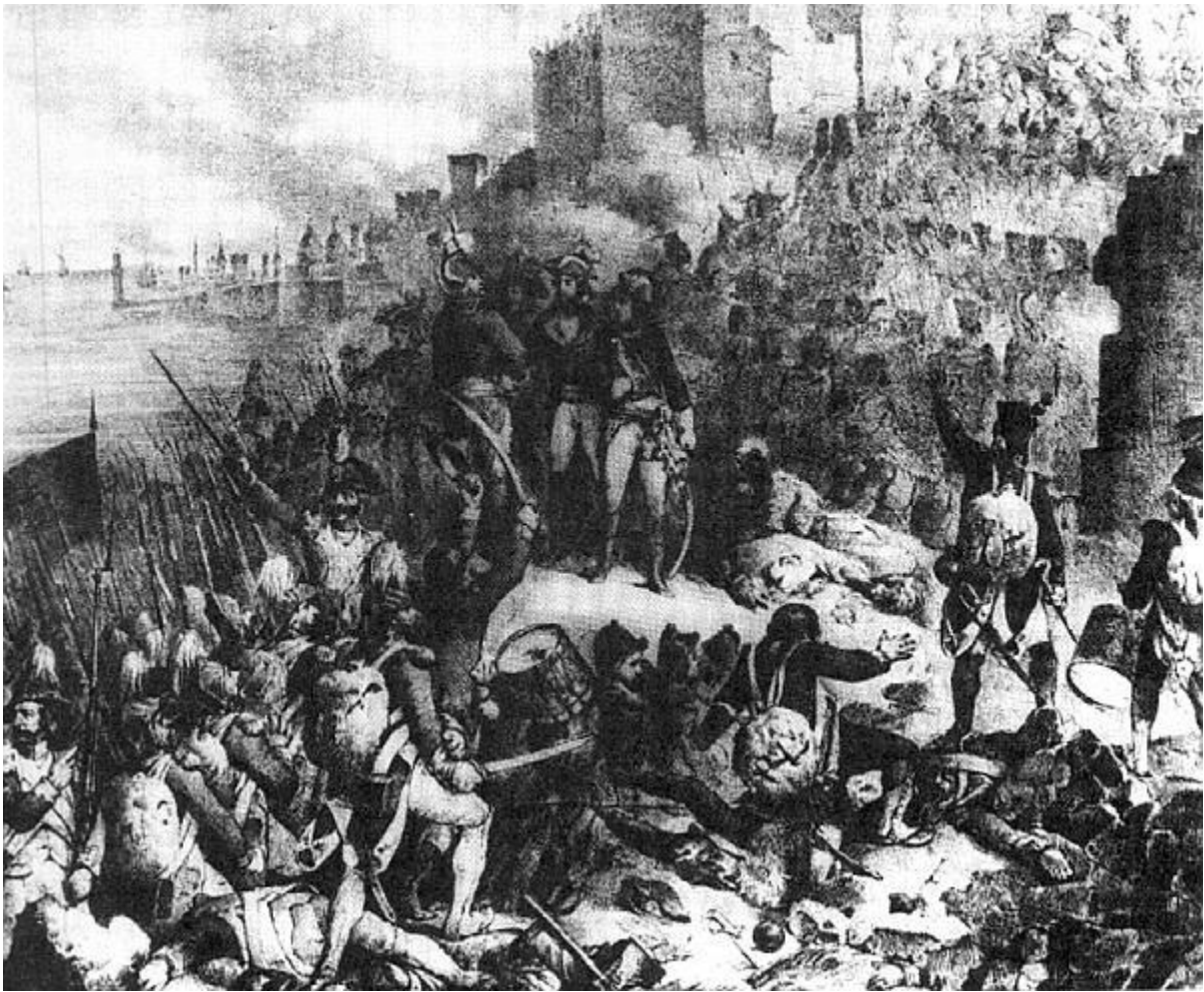
Можно было ожидать, что воинственные племена Сирии встрепенутся на сей торжественный призыв к чувству народному и религиозному и ополчатся массами, как и во времена крестовых походов, о коих хранится здесь живое воспоминание. Но вспомним, что народ в Египте был утомлен чудовищным игом мамлюков, вся Аравия и вся великая пустыня кипели войной ваххабитов, а в Сирии паши турецкие около века уже бесчинствовали, грабили произвольно жителей равнины и изнуряли междоусобиями горцев. Все это делало народ равнодушным к призыву падишаха. Бонапарт между тем отвечал на проклятия, коими громил его нацию халиф Востока, умной веротерпимостью в Египте. Чтобы омыться от всякого пятна крестовых воспоминаний и убедить мусульман в том, что он не имел враждебных видов на их религию, сам принимал в Каире наружный вид мухаммеданина и исполнял обряды исламизма. Порта обманулась в своих ожиданиях, война с французами не была войной народной, все ее бремя должны были нести сама Порта и ее паши.

А каково готовились к обороне эти наместники султана? Джаззар проискал и золотом своим в столице уже дважды бывал облечен Дамасским пашалыком {Первый раз Джаззар был назначен пашой в Дамаск в 1780 г., второй раз – около 1790 г. – Прим. ред.};

незадолго до нашествия французов, быв изгнан из Дамаска восстанием народным, он теперь в самую критическую эпоху не переставал ссориться и даже вести войну с дамасским пашой, то призывал к бунту подвластные ему племена, то грабил дамасские и тараблюсские округа, то занимал горы Набулусские, подведомые дамасскому паше, и не позволял ему собирать оттуда подати. Между тем он хвалился у Порты, что он один в состоянии выгнать французов из Египта, и уже вперед просил себе в награду Дамасский пашалык. Все же приготовления его к войне состояли в том, чтобы укрепить Яффу, насильственно вооружить ее жителей и вместе с гарнизоном насчитать там тысяч десять плохого войска; окончить и кое-как исправить начатые Дахиром укрепления Акки, созвать в этот город своих отчаянных босняков, албанцев, курдов, магрибинов, которых ватаги периодически опустошали пашалык, и отложить до времени гонения на эмира Бешира, которого место было уже сторговано сыновьями повешенного им эмира Юсефа.

Яффа, перед которой останавливались по несколько недель или месяцев обычные нашествия из Египта, была взята штурмом в третий день по появлении французского войска у ее стен {7 марта 1799 г. – Прим. ред.}. Племена Палестинских гор и воинственного Набулуса, которые могли бы если не сражаться в поле с французами, то по крайней мере беспокоить их фланги, остались равнодушными зрителями их шествия вдоль берега до Акки. Бонапарт не занял Иерусалима, потому что в Сирии он искал только военных позиций. В этом отношении Иерусалим представлял ту невыгоду, что в случае восстания горцев легко могла быть отрезана обратная дорога в Египет.

Акка была обложена. Английский коммодор Сидней Смит {Вильям Сидней Смит (1764 – 1840) – английский адмирал. Начал службу во флоте в 1777 г.; в 1790 г., будучи на шведской службе, участвовал в русско-шведской войне; с 1793 г. принимал участие в военных действиях английского флота против Франции; с 1798 г. служил под командой адмирала Нельсона и был послан в 1799 г. в Акку для организации ее обороны. В январе 1800 г. участвовал в заключении перемирия в эль-Арише. – Прим. ред.} пособлял Джаззару с моря и наряжал в крепость своих артиллеристов в подмогу к плохим артиллеристам Джаззара, который за своими стенами упорно отстреливался от осадных работ французов и слышать не хотел о переговорах. Окрестные племена с бесстрастным любопытством глядели на войну или даже благоприятствовали французам, если не по сочувствию к ним, то по ненависти к Джаззару. Мутуалии сафедские, которые всех более испытали неистовства тирана, явились даже в лагерь французов под начальством шейха Салиха, одного из внуков Дахира, известного более по своему поэтическому таланту, чем по воинственным доблестям. Другие шейхи, более способные, не спаслись от преследований Джаззара. Без шейхов племена сирийские, по своему внутреннему устройству, не могут двигаться, а потому племя мутуалиев при всей своей готовности присоединиться к кому бы то ни было, чтобы избавиться от своего тирана, было как бы разбито параличом и не могло оказать значительного пособия французам.

Французы во главе с Наполеоном вторгаются в Акку. Литография Мота, XVIII в.

Джаззар звал к себе горцев ливанских с эмиром Беширом, но эмир медлил явиться, а отвечал, что в горах у него совершенное безначалие, – это отчасти было справедливо, – что интриги сыновей эмира Юсефа не давали ему отдыха, что народ не платил податей, а о походе и слышать не хотел. Бонапарт со своей стороны писал красноречивые грамоты к горцам и к эмиру, зазывая их к себе с обещанием освободить Сирию от ее тирана. Молодой полковник Себастиани {Впоследствии маршал, Франсуа Бастьен де Себастиани (1772 – 1851) – французский дипломат, военный и государственный деятель. Играл заметную роль в осуществлении восточной политики Наполеона: ездил со специальной миссией в Стамбул в 1801 г., в Сирию и Египет – в 1802 г.; был послом в Турции в 1806 – 1808 гг.; способствовал вовлечению Турции в войну с Россией 1806 – 1812 гг.; при Луи-Филиппе – министр иностранных дел. – Прим ред.} поднес эмиру ружье в подарок от генерала и вел безуспешно с ним переговоры. Эмир не решался действовать. Он ждал, чем кончится осада Акки, чтобы потом предложить победителю свои услуги. В одном из своих писем Бонапарт упрекал эмира в том, что он медлил ответом. Письмо это было перехвачено Джаззаром и заставило его хвалить эмира за верность; но горцы не решались идти на помощь к осажденному. Между тем беглые из Египта мамлюки с толпой, наскоро набранной дамасским пашой, спускались по Антиливанской долине, чтобы атаковать осаждавших. Это был тот 20-тысячный корпус, если только можно назвать корпусом подобный сброд, который был разбит французами в равнине Эдрелонской, в виду Фавора, именем коего названа эта битва в поэтической реляции Бонапарта {Битва

произошла 16 апреля 1799 г. Бонапарт сообщил об этой битве в своих отчетах Директории («Correspondance de Napoleon 1-er, publiée par ordre de l'Empereur Napoléon III», t. V, Paris, 1860, pp. 542 – 543).}.

Наполеон посещает чумной госпиталь в Яффе. Художник А. – Ж. Гро, 1804 г.

Эмир ливанский снабжал провизией турок, а в то же время доставлял французам в лагерь ливанское вино. Впрочем, нельзя поставить в вину эмиру Беширу его двуличие и нерешимость. Правда, его влияние упрочилось с того времени, как он, истребивши дом Абу Накидов, заключил тесный союз с Джумблатами в лице даровитого шейха Бешира, главы Джумблатова дома. Но дух партий, дух раздора, вражды семейной, измены и корысти успели уже в один век управления Шихабов бросить столь глубокие корни в утробу племен ливанских, что всякое политическое влияние на судьбы Сирии было ими утрачено. Их жизнь истощалась в кознях и междоусобиях. Политика пашей, благоприятствовавших этому направлению ливанских племен, оправдывалась опытом, осуждая на бездействие горские племена в такую минуту, когда от них зависела судьба Сирии. В самом деле, если бы племена ливанские, подобно мутуалиям, могли единодушно действовать в эпоху осады Акки в пользу французов, Бонапарт в несколько недель

завладел бы всем краем до Халеба, и упорная защита Акки не имела бы решительного результата.

Религиозное чувство было совершенно непричастно тогдашним делам Сирии. Марониты, усердные католики, искони сочувствовали французам, но в эту эпоху духовенство маронитское и духовенство римское, поселенное на Ливане, успели заблаговременно изобразить Бонапартово войско самыми отвратительными красками и учили детей арабской грамоте по переводу составленных римскими миссионерами описаний французской революции. Притом же марониты хотя представляли несравненное большинство горского народонаселения, однако при феодальном образовании Ливана никакого политического значения еще не имели, состоя под управлением шейхов и эмиров – друзов или мусульман. Друзы ненавидели французов и готовились в случае взятия ими Акки отступить в гористый Хауран и в лабиринт Леджи {О Ледже будет подробнее говорено в главе 8 этой книги.} к своим единоверцам.

Эмир Бешир хотя и верил еще в это время в Мухаммеда, однако он был готов заключить союз даже с поклонниками огня и с иезидами, поклонниками дьявола, чтобы только избавиться от Джаззара; но он хорошо постиг, что если бы только он объявил себя за французов, то сыновья эмира Юсефа тотчас подняли бы на него народ, и открылась бы на Ливане новая междоусобная война, которой первым результатом, при влиянии соседственных пашей Дамаска и Тараблуса, было бы свержение и казнь эмира.

А
кка. Гравюра В.Г. Бартлетта. 1820-е гг.

По семидесятидневной бесполезной осаде Акки {Осада продолжалась от 18 марта до 20 мая 1799 г. – Прим. ред.} Бонапарт отступил в Египет, сопутствуемый чумой и завещавши Сирии только поэтическое воспоминание о своем чудесном появлении, об этих стройных

рядах солдат, которые под звуки барабана шли чинно на бой, будто подвижные стены, заштитившиеся штыками; об этих живописных эволюциях военной тактики, еще не виданной в Азии или забытой со времен македонской фаланги и римских когорт, об этих живых замках, именуемых каре, неподвижно ожидавших бешеной атаки азиатских наездников в чистом поле под Аккой и в Галилее, о дисциплине солдат, непостижимой для азиата, привыкшего видеть в своих войсках толпу патентованных грабителей; а всего более о том, что съестные припасы, доставляемые жителями в лагерь, покупались на наличные деньги – дело, не слыханное в Азии.

И в самом деле, единственным плодом сирийского похода было впечатление, произведенное в этой стороне Востока преимуществами европейских войск перед азиатскими. Россия успела уже за Кавказом и за Дунаем убедить в этой истине своих соседей. Англичане подвизались в том же смысле на берегах Инда, а французы избрали своим поприщем Египет и Сирию, но ненадолго. Акка по своей защите прославилась в Европе крепостью неприступной, хотя в эту эпоху едва ли можно было назвать ее крепостью. Да и теперь, после колоссальных работ Абдаллах-паши и Ибрахима, она не выдержит правильной осады. Бонапарт не мог ею овладеть, во-первых, по неимению осадной артиллерии, а главное, потому что английский флот защищал ее с моря.

В Европе привыкли думать, что неудача Бонапарта пред Аккой спасла Турцию и всю Азию от западных завоевателей. Стали приписывать Бонапарту колоссальные проекты о преобразовании Востока, о каком-то походе в Индию по следам македонского героя, о проповедании новой религии между бедуинами. Мы не поверим, чтобы положительный ум Наполеона мог забавляться подобными мечтами {Предположение Базили, что Наполеон не имел завоевательных планов относительно Индии, не является обоснованным. Известно, что в 1797 г., предлагая правительству Директории захват Египта, Бонапарт одной из целей похода считал возможность использовать Египет для развертывания операций против Индии, чтобы тем самым нанести сокрушительный удар Англии. В письме к Директории Бонапарт писал: «Чтобы по-настоящему уничтожить Англию, нужно захватить Египет».

В последующие годы Наполеон снова несколько раз возвращался к планам захвата Индии.

В 1800 г. он предложил Павлу I проект совместной сухопутной экспедиции в Индию. Смерть Павла I прервала все приготовления. В 1804г. Бонапарт предполагал отправить в Индию морским путем 30-тысячное войско. И наконец, в 1807 г., в четвертый раз вернувшись к проекту похода в Индию, Наполеон послал в Персию миссию во главе с генерал-адъютантом Тарданом для сбора сведений о путях, ведущих в Индию, о состоянии персидской армии и о возможности ее использования в предстоящей экспедиции.

После Тильзитского свидания и заключения мира с Россией Наполеон в письме от 2 февраля 1808 г. предложил Александру I план покорения Индии русско-французским корпусом.

Однако сирийский поход Наполеона в 1799 г. не был непосредственно связан с планами похода в Индию и вызывался соображениями не допустить турецкие войска к границам Египта с тем, чтобы предотвратить активизацию освободительной борьбы египтян против Франции, и стремлением дать бой турецкой армии в Сирии, используя при этом поддержку сирийских феодалов. – Прим. ред. } Давно прошли для Азии те времена, когда европейский гений 30 тысячами войска и тремя сражениями решал судьбу этого пространного материка. Народы азиатские таят сами в себе зародыш и гений своих грядущих судеб. Луч науки, истекший некогда с Востока на Запад и ныне отражаемый Западом на Восток, силен направить гражданское развитие обновляющегося Востока; но попытки меркантильных завоеваний, попытки внезапных политических переворотов при всем наружном блеске вряд ли благоприятны успеху науки и гражданственности, успеху медлительному, но прочному под знаменами мудрой Минервы, не буйного Марса.

Что касается до религиозного преобразования арабского мира и до превращения миллиона бедуинов в миллион завоевателей, по слову нового пророка и по следам Мухаммедовым, если это и сбыточно при нынешнем состоянии арабских кочевых племен и курдов Турции и Персии, но не иноземному гению суждено совершить подобный переворот. Ни в одном кочевье бедуинском пришлец иноземный не возбудит к себе сочувствия; в них язык и красноречие играют роль несравненно более важную, чем в палатах и в журналах Западной Европы, и ни одному гению, вскормленному Западом, не будут доступны эти два великие деятеля судеб народных на Востоке. Правда, Наполеон, вместо того чтобы опровергнуть приписываемые ему замыслы, старался даже придать им более веса, но это нетрудно пояснить желанием его содержать в тревоге англичан за индийское их царство и в то же время окружать себя чем-то чудесным в глазах своего народа и воспламенять воображения на Западе искрой, искусно почерпнутой им на Востоке, в классической стране вымысла.

Самый поход в Сирию вернее можно приписать этим соображениям и эффекту, которого можно было ожидать на Западе от поэтических бюллетеней Фаворской горы, чем надежде Бонапарта завоевать Сирию. Пример легкого покорения Египта не мог ввести его в заблуждение касательно Сирии. В Египте стоило разбить и рассеять ненавистных народу гостей-мамлюков, а потом владельцу Каира и судоходного Нила, Нила-моря, по выражению арабов, беспрекословно принадлежала эта богатая страна, опоясанная пустыней с двух сторон и примыкающая на юг к царствам, откуда давно уже не идут завоеватели, а только тянутся караваны со слоновой костью, с золотым песком, с гуммием и амброй и невольниками. С моря защита ограничивается Дамиейтой, Рашитом (Розеттой), Абукиром и Александрией; остальной же берег недоступен.

Но Сирия, коей судьбы искони сопряжены с судьбами Египта, представляет разительный контраст со своей соседкой. Здесь, можно сказать, сама природа и образование почвы во всегдашнем союзе с природными наклонностями и с политическим образованием племен противу каждого прочного владычества. Сирия всегда отдавалась бесстрастной добычей первому завоевателю, который бы шел на нее с севера ли или с юга, из-за Евфрата ли или с моря. Мы видели, что одни мамлюки попытались остановить торжественный поход Селима, которому равнодушно покорялись туземные племена. Мы видели, с каким успехом войска Али-бека и потом Мухаммед-бека совершали свои

походы, не находя нигде сопротивления со стороны воинственных сирийских племен. Таков был и поход французов. Не племена сирийские, а стены Акки и паша турецкий остановили дальнейшие их успехи. Впрочем, если Акка спасла Сирию, то, может быть, ей же обязан своей судьбой на Западе и сам Бонапарт тем, что он, испытавши здесь неудачу, успел своевременно отступить в Египет.

Куда повел бы завоевателя дальнейший поход? Для завоевания Сирии не было достаточно выиграть два-три сражения. Звезда молодого героя могла провести за ним лучезарную бразду побед по этой стране, изрытой стопами завоевателей всех веков; но во все века чем легче доставалась завоевателю эта неверная добыча, тем труднее было ее сохранить, а извлечь из нее элементы новых сил для дальнейших предприятий – этого никому не посчастливилось. Египетские мамлюки и турецкие султаны тем только сохранили под своей властью Сирию, что ни те, ни другие не требовали от нее повиновения, довольствовались умеренной податью, мало заботились об утверждении своей власти в этой области, терпеливо смотрели на ее бунты, потворствовали междоусобиям ее племен и привыкали даже к восстаниям собственных своих наместников, заражаемых духом сирийских племен.

Глава 4

Гнев Джаззара. – Сношения эмира Бешира с англичанами. – Поход великого везира. – Новые междоусобия на Ливане. – Бегство эмира. – Политическое состояние Сирии. – Проект Порты. – Возвращение эмира. – Примирение горцев и война с Джаззаром. – Его смерть и память о ней. – Меры, принятые Портой для завладения Аккой. – Война между пашами. – Ссоры комиссаров Порты за сокровища Джаззаровы. – Банкир-еврей сдает Акку Сулейман-паше. – Усиление эмира ливанского. – Казни. – Дела Дамасского пашалыка. – Дерзости бедуинов. – Гендж Юсеф. – Поход эмира на Дамаск. – Абу Набут в Палестине. – Начало величия эмира Бешира. – Обращение Шихабов в христианство. – Политические и религиозные соображения. – Мнение Европы об эмире Бешире.

Джаззар торжествовал. Жестокая опала настигла мутуалиев, которые доверились французам, их шейхи пришли искать убежища на Ливане, но эмир объявил, что над ним висела также мстительная сабля Джаззара. В самом деле, паша назначал правителями Ливана двух сыновей эмира Юсефа и поручал им отплатить эмиру за поносную смерть их отца. Этим Джаззар домогался двоякой цели: отомстить эмиру за его бездействие в осаду Акки и усугубить в будущем влияние свое на Ливане при умножении поборов и налогов, ибо всегда он мог вооружить одного из братьев на другого и продолжать с ними ту же жестокую игру, которая при их отце наполняла его казну добычей горцев.

Между тем коммодор Сидней Смит, спаситель Акки, имел случай узнать об эмире ливанском, о его способностях, о причинах его бездействия в осаду Акки и понял, что лучшим оплотом Сирии против вторичного нашествия французов могли бы послужить племена ливанские. Он навестил эмира в горах в Айн-Анубе (в 4 часах от Бейрута) {В июне 1799 г. – Прим. ред.}, обменялся с ним подарками по восточному обычаю и поручил

ему раненого своего племянника для поправления его здоровья в горах. Узнав об опасениях его со стороны Джаззара, коммодор поспешил в Акку, чтобы ходатайствовать за него у паши. Но Джаззар с гордостью отверг всякое ходатайство, посмеялся над доводами коммодора и объявил эмира изменником. Обиженный коммодор жаловался своему посольству на неблагодарного пашу. Между тем великий везир Хаджи Юсуф Диа-паша со 100-тысячной армией спускался в Сирию. Ему были переданы Портой депеши английского коммодора, а эмир со своей стороны приносил жалобу на Джаззара, свидетельствуя о своей верности и доставляя в знак усердия значительное количество провианта для армии.

Отложив разбирательство дела до изгнания французов из Египта, везир наградил эмира ливанского великолепным кафтаном и в силу полномочия, коим он был облечен от султана для устройства Сирии, пожаловал эмира наследственным владетельным князем горы Ливанской (Джебель-Друз {В XVII в. Джебель Любнан (Ливанские горы) именовался Джебель-Друз по религиозной принадлежности основной массы населения.}) и Антиливанской (Вади-т-Тим), Баальбека и долины Бекаа (Кили-Сирии), округа Джубейля и страны мутуалиев (Бияд-Бшари); притом он утверждал за ним все древние права Маанов и ставил его в прямую зависимость от Порты с тем, чтобы паши принимали только определенную поземельную подать за округа, ему вверенные, и вовсе не входили в его дела.

Эти великие милости остались мертвой буквой в повелениях великого везира. Везир был гостем в Сирии, а Джаззар – хозяином в Акке. Не рассчитав этого обстоятельства, эмир Бешир доставил Диа-паше годичную подать с Ливана, много породистых коней в подарок и около 10 тыс. четвертей хлеба для армии. Джаззар хладнокровно на все смотрел из-за аккских стен; везиру ни подарков, ни провианта, ни податей не доставил, а ждал только, чтобы столичный гость со своей армией вышел из Сирии. Везир был еще в Газе и готовился к походу в Египет, а Джаззар посылал в горы со своим войском сыновей эмира Юсефа, удержав у себя заложником младшего их брата {Этот младший сын Юсефа, эмир Селим, ослепленный впоследствии своим двоюродным братом эмиром Беширом при опале, наступившей все потомство Юсефа, скончался на Ливане в 1845 г. От него-то сообщены мне многие обстоятельства сего рассказа.}.

Ливанские племена с радостью приняли новых князей в надежде избавиться от поборов, которыми обременил их эмир Бешир, чтобы заслужить милость великого везира. Паши дамасский и тараблусский по наказу Диа-паши поспешили отправить войско в помощь к эмиру и обнародовали строгие предписания горцам, чтобы не выходить из повиновения. Но все это, равно как и сделанный эмиром к горцам призыв для изгнания Джаззаровых полчищ, осталось без действия. Заблаговременно посеянные Джаззаром раздоры между антиливанскими князьями открывали ему со всех сторон легкий доступ в Ливан. Наследственная безнравственность эмиров антиливанских не переставала обуревать округа Хасбею и Рашею в угодность Джаззару. Там братоубийства между Шихабами были столь обычным делом, что матери эмиров клятвенно обязывали своих детей не пребывать никогда в одном месте, во-первых, для того чтобы не предаваться искушению братоубийства, во-вторых, чтобы в случае нападения родственников не всем погибнуть вместе, а оставить мстителя по себе.

Эмир Бешир с 500 друзьями шейха Бешира Джумבלата бежал в Джубейль. Двоюродные его братья за ним погнались. Они налагали контрибуцию на народ, вторично взимали подати, а войска, данные им пашой, жгли и грабили деревни. Горцы покаялись в измене своему эмиру, но поздно. Эмир скитался по северным округам, переходя с места на место потаенными тропинками, пока, наконец, получил приглашение от коммодора Сиднея Смита с нарочно отправленным к нему кораблем в Тараблюс идти морем в Газу к великому везиру. Эмир Бешир, вверивши свое семейство преданным ему шейхам-мусульманам Бени Рад, которые владели округами Даннийя, Хосн и Сафита, и поручивши своих немногих приверженцев покровительству дамасского паши, сел на английский корабль в декабре {1799 г. – Прим. ред.}, был занесен бурей до Барбарийских берегов и после трехнедельного плавания достиг эль-Ариша, границы египетской.

Везир принял его ласково и предложил ему 10 тыс. своего войска, чтобы вопреки Джаззару занять Ливан. Эмир отклонил это предложение, зная, что ему было невозможно удержаться в горах при помощи 10 тыс. грабителей, а довольствовался обещанием везира по окончании дел в Египте освободить Ливан и всю Сирию от чудовищного Джаззара. Джаззар этим временем брал контрибуции с городов и селений, взимал подати с [жителей] Набулусских гор, подлежащих дамасскому паше, осаждал крепость Саннур, куда укрылись набулусские шейхи, бунтовал антиливанских эмиров против дамасского паши, с которым был в разладе, подстрекал тараблюсских мусульман к возмущениям, готовя таким образом пути в этом пашалыке другому бродяге Мустафе Берберу, который по следам Джаззара и теми же средствами успел впоследствии завоевать Тараблюсский пашалык и заставить Порту терпеливо сносить его дерзости. Странное зрелище: вся Сирия была в долгой хаотической тревоге, и с каждым годом возникали новые бродяги, которые захватывали власть и под наружным видом повиновения пашам и Порте были в существе независимы. Одни только племена ливанские, среди своих неприступных скал, при феодальном своем устройстве, с каждым годом более и более делались игрищем пашей благодаря семейным враждам своих эмиров.

Экспедиция Юсуфа Диа-паши в Египет открылась неудачами. Джаззар, чтобы ослабить еще более влияние Порты на Сирию и самому остаться полномощным властелином, успел подкупить и капудан-пашу, и многих вельмож столичных для тайного противодействия всякому успеху великого везира; а между тем повсюду, где замечал готовые горючие вещества в этом просторном сирийском костре мятежей, кидал искру и усердно раздувал пламя. По окончании египетской кампании везир, не смея атаковать Джаззара, готового выдержать вторую осаду, довольствовался тем, что отнял у него южную сторону его пашалыка, санджак Газы, назначив туда пашой из туземцев Мухаммеда Абу Марака. Порты со своей стороны видя, что ее влияние слабело в Сирии, и не смея приступить к Джаззару, главному виновнику зла, думала поддержать свою власть размножением пашей. В Хаме и в Хомсе, по меже великой пустыни, были назначены паши. Туземный шейх Денш изгнал их оттуда. Юсуф-паша, из знаменитого рода эль-Адема, не мог также завладеть пожалованным ему пашалыком Тараблюским.

Караван мусульманских поклонников каждый год терпел обиды от бедуинов, которые пользовались религиозными смутами Аравийского полуострова, чтобы в свою очередь бушевать в Сирийской пустыне. С одной стороны, Порты не щадила усилий, ухищрений и

пожертвований всякого рода, чтобы обеспечить для правоверных исполнение священных поклоннических обетов, а с другой – Джаззар преследовал своими кознями дамасского пашу, которому было вверено это важное дело, и при каждой его неудаче, при возрастающем ропоте правоверных во всей империи возобновлял он свои верноподданнические и благочестивые предложения, подкрепляемые подарками министрам, и ручался открыть правоверным путь в Мекку, лишь бы только Дамасский пашалык был присоединен к его владениям.

В диване стали рассуждать о принятии решительных мер для правительственного устройства Сирии, для обуздания пашей и туземных вассалов, для облегчения участи народов и внушения им доверенности к правительству. Было положено назначить великого везира Юсуфа Диа-пашу полномочным начальником всей страны, от Тавра до Персидского залива и до Красного моря, и сосредоточить в его руках все управление двенадцати пашалыков, оставя при нем значительную часть армии.

Таким образом, Порта по двухвековом опыте сознавалась в необходимости вторичного завоевания областей, почти бесспорно покоренных Селимом. Дела Европы и открывшаяся затем война с Россией воспрепятствовали исполнению этой великой государственной меры. Но каким залогом Порта могла обеспечить если не успех гражданского подвига великого везира, то, по крайней мере, верность своего наместника после успеха? С самого основания турецкой империи кто из пашей не бунтовался, когда его средства позволяли сделать это безнаказанно?

Эмир Бешир долго странствовал на английском флоте. Убедившись, наконец, в том, что ни обещания великого везира, ни ходатайство англичан, ни фирманы султанские не возвратят ему утраченного княжества, он решился испытать еще раз свою судьбу при помощи людских страстей и общего неудовольствия горцев противу его соперников. Он высадился в Тараблусе, поселился в северных отраслях [отрогах] Ливана, подведомых дамасскому паше, стал наблюдать за ходом дел в горах и приводить в действие знакомые ему пружины. Сыновья Юсефовы, эмир Саад эд-Дин и эмир Хусейн, под руководством своего министра Беза, родом маронита, были заняты систематическим грабежом горцев для уплаты сумм, обещанных Джаззару. Стали взимать ежемесячно подати, и при каждом сборе наряжались разорительные экспедиции войсками, данными от паши в пособие эмирам. При всем том было еще много недоимок, а паша гневался. Эмир Бешир улучил время, чтобы, с одной стороны, напомнить о себе горцам, а с другой – ходатайствовать у паши. Паша, предвидя, что поставленные им эмиры недолго устоят противу происков соперника, стал требовать с угрозами немедленной уплаты недоимок.

Новые притеснения, к которым эмиры были принуждены прибегнуть, вывели из терпения горцев. Стали открыто требовать прежнего правителя. Депутация от народа была отправлена к Беширу с просьбой принять вновь управление и с клятвенным обещанием, что горцы не признают над собой другого господина и готовы отстоять эмира от всех преследований Джаззара.

Эмир был принят с восторгом горцами, усталыми от междоусобий и поборов {В 1800 г. – Прим. ред.}. Народные сочувствия придали вид триумфального шествия походу его в

Шуф. Там соперники его успели занять Дейр эль-Камар 2 тыс. Джаззаровых албанцев. Шейхи один за другим приставали к эмиру Беширу. Джурджос Без, который управлял под именем Юсефовых сыновей, боясь, чтобы его не блокировали в горах, сдал Дейр эль-Камар эмиру, спустился со своими албанцами в Бейрутскую равнину и оттоле, усиливши свое войско до 6 тыс. всяким сбродом, продолжал еще два года войну с эмиром, жег деревни у подошв Ливана и несколько раз доводил до последней крайности эмира, который, не находя обещанной подпоры у горцев, сражался часто один со своими слугами, чтобы не дать доступа в горы ватагам Джаззара. Джурджос Без, потерявши надежду возвратить своим питомцам отцовское наследие, вступил опять в переговоры с Беширом на том основании, чтобы округ Джубейль был отдан в удел сыновьям Юсефа.

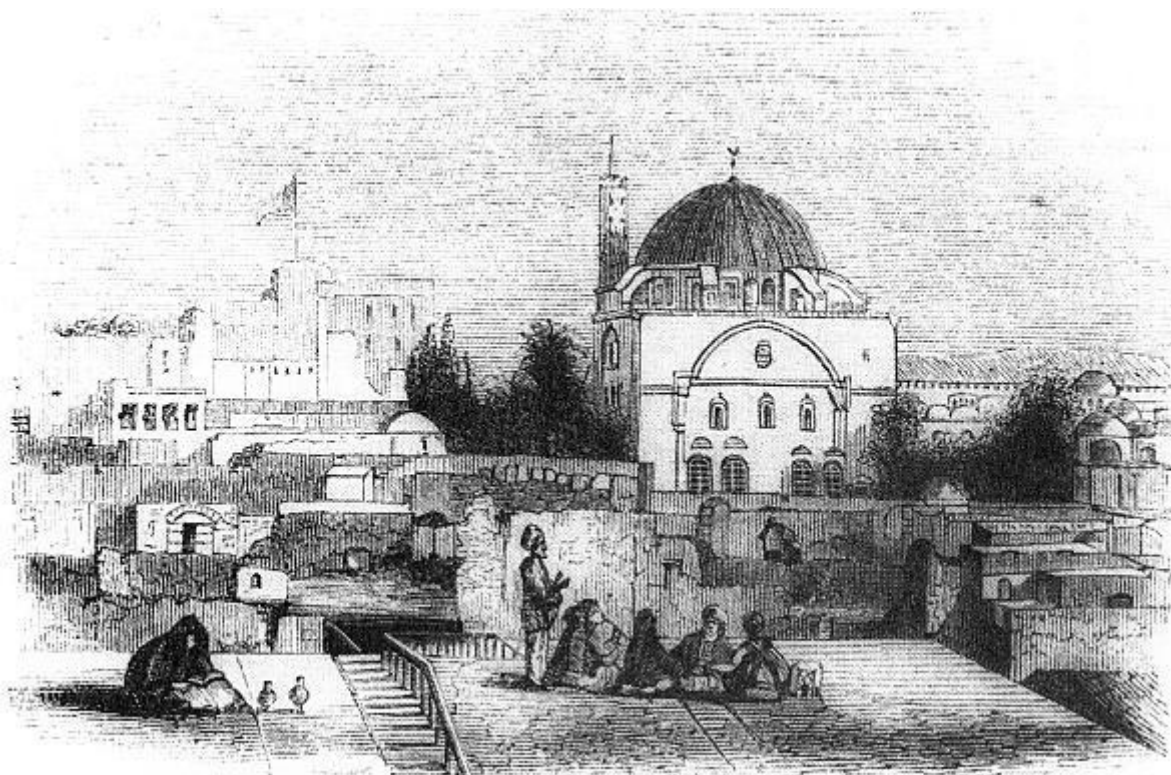
Обе договаривающиеся стороны хорошо ведали, что Джаззар не простит им, если они примирятся. Чтобы усыпить Джаззара, Без доложил ему, будто эмир Бешир разбит им наголову, будто горцы просят пощады, будто он с небольшим отрядом вступил в горы, а опальный эмир будет отослан в Акку в цепях. С этим известием он отпустил албанскую милицию и тотчас заключил оборонительный союз с эмиром Беширом. Так кончились долгие междоусобия эмира с двоюродными братьями; но горцам не было еще суждено отдохнуть.

Джаззар гневался, зная, что Ливан ему недоступен, пока его племена в мире между собой. Еще года три он не переставал сеять раздоры на Ливане, оказывая свое покровительство эмирам Сулейману и Аббасу, родственникам и соперникам Бешира. Масса народонаселения в этот раз отстояла своего князя, пока паша, видя, что при этих проделках не поступало в его казну ни одного пиастра подати с Ливана, согласился, наконец, по ходатайству своего банкира из евреев Хаима, признать эмира Бешира князем ливанским под условием взноса 400 тыс. пиастров за недоимки прошлых лет и полумиллиона ежегодной подати (1803 г.).

За год до своей смерти Джаззар успел опять исходатайствовать у Порты Дамасский пашалык, поручась в безопасности каравана {В 1803 г. -Прим. ред.}. Караван он вверил Сулейман-паше, тому самому, который за несколько лет перед тем подвергся опале по случаю любовного заговора невольниц Джаззаровых с мамлюками, а потом, поскитавшись несколько лет в кочевьях бедуинов, успел опять войти в милость к Джаззару и получить начальство над его войсками в разных экспедициях. Жителям Дамаска, которые в первый и во второй раз его управления жаловались на него в Порту или закрывали ему ворота своего города, он отомстил огромными гонениями и собрал контрибуцию со всей области весьма простым средством: с каждого мусулмана, начальника округа или участка, он требовал известной суммы в положенный срок, предоставляя ему или платить из своего кармана, или взыскать по своему усмотрению с жителей. С бедуинов, которые пасли свои стада в пашалыке, было трудно добыть денег. Джаззар забрал у них разом 100 тыс. голов лошадей, верблюдов, рогатого скота и насильно заставил городских жителей раскупать этот скот, а хозяевам предложил выкупить свою собственность по взаимному согласию с приобретателями.

Аккский пашалык давно уже ознакомился с финансовой системой своего паши. Вся торговля была в его руках. В старину торговля пользовалась полной свободой в Турции;

но в [XVIII] столетии и правительство османское, и паши в областях стали вводить монополию на некоторые продукты. Шейх Дахир эль-Омар почерпал в монополиях средства для своих великих замыслов. Джаззар при помощи своего банкира Хаима, которому шутя однажды отрубил нос и ухо, распространил систему своего предшественника не только на все продукты, но даже на все дела по управлению. Так, например, он отдал на откуп градские думы (диван-машвара), предоставляя откупщику назначать там членов и секретарей, которые раскупали должности по условленным ценам. Даже чудовищное право взимания контрибуции с городов однажды или дважды в год отдавалось на откуп. Откупщик выбирал по своему усмотрению горожан и купцов или их детей и терзал их, доколе не уплачивалась требуемая с каждого сумма. В Бейруте помнят еще, как целые семейства бросались в море, чтобы избавиться от своих мучителей... При таких подробностях, которые покажутся преувеличенными тому только, кто незнаком с турками не в столице, но в областях османских, излишним кажется входить в рассуждения. Они всего лучше пояснят нынешнее моральное и материальное состояние Сирии.

Мечеть Джаззара в Акке. По рисунку Д. Вилсона, 1843.

Никто здесь не проклинает памяти Ахмеда Джаззара. В народе сохранилась слава о его могуществе, о его богатствах, о смелом и упорном его нраве. Самые его причуды, его кровавые потехи, кары, которым подвергались целые области, все это сильно поразило воображение азиатов. Удивление и страх, посеянный Джаззаром, предостерегли память тирана от укоризны народной. Азиат искони покоряется могуществу, в чьих бы оно ни было руках. В жестокостях своего властелина он видит неминуемые приговоры судьбы, на которые он роптать не привык. Красивая мечеть, построенная Джаззаром в Акке, с гостиним двором, с великолепным фонтаном призывает на близлежащую могилу раба божия Ахмеда благословение правоверных.

Он скончался в апреле 1804 г. Мы видели, каким образом боснийский беглец, бродяга Ахмед, успел собственным гением сделаться знаменитым пашой Джаззаром, или – по переводу – пашой-резником. Если Джаззар служит выражением тогдашнего политического образования края, то и обстоятельства, последовавшие за его кончиной, послужат к тому, чтобы вернее оценить отношения самой Порты к этой области и степень ее влияния на судьбы Сирии.

За двенадцать лет перед тем Порта, удостоверившись, что открытой силой нельзя было отделаться от этого вассала, поручала Халиль-паше, отставленному под видом немилости от Тараблусского пашалыка, погубить его изменой. Но Джаззар недаром содержал своих шпионов в столице и сыпал золото самим членам Верховного совета. Уведомленный вовремя, он отравил ядом Халиль-пашу и захватил все его имущество. С того времени Порта была принуждена довольствоваться уверениями его в преданности и в верности престолу, при явном небрежении всех ее фирманов, и тем количеством подати, сколько причудливому паше угодно было платить в султанскую казну. Как только дошла в столицу весть о болезни Джаззара, было поведено Ибрахим-паше халебскому тайно готовиться завладеть Аккским пашалыком тотчас по смерти Джаззара и описать в казну все его сокровища. Ибрахим был снабжен надлежащими фирманами, но он опоздал. Как только Джаззар испустил дух, его начальник штаба (кеая), боясь мщения войск, ненавидевших его, скрыл смерть своего господина дня два или три и, вызвав из тюрьмы какого-то Исмаил-пашу, бывшего в службе Джаззара и подпадавшего опале, провозгласил его пашой будто по завещанию Джаззара.

Заговор удался. Новый властелин, едва освобожденный от оков, был признан войском и мамлюками, которые в каждом пашалыке играли в ту пору роль янычар стамбульских и евнухов серальских. Исмаил выдал им выслуженного жалованья около 700 мешков (до 3 млн руб. серебром) и, не заботясь о том, что скажут в столице, издал повеления от своего имени во все округа, подвластные его предшественнику.

Хитрый эмир Бешир отвечал новому паше, что он готов признать его власть, как только будет предъявлен султанский фирман; а между тем, уведомленный о том, что паша халебский уже вступал в Дамаск по повелению Порты и готовился атаковать похитителя, посылая подарки и тому и другому, и торговался и с тем и с другим в ожидании, чем все это окончится.

Сулейман-паша, начальник Джаззарова войска, возвратившись из Мекки, присоединился к Ибрахиму. Исмаил заперся в Акке и готовился к обороне. Поспел и флот из столицы под начальством капудан-паши, поспел и комиссар, нарочно наряженный для описи казны Джаззаровой. Акка была осаждена. Капудан-паша должен был с моря поддерживать осаду. Впрочем, каждый из представителей Порты действовал по своему усмотрению, имея в виду прежде всего свои выгоды. Капудан-паша, вместо того чтобы атаковать бунтовщика с моря, вошел в переговоры и, нагрузивши на флот часть сокровищ Джаззаровых для султана и для себя самого, обещался исходатайствовать Исмаилу прощение и подтверждение в пашалыке.

Ибрахим и Сулейман, видя это, сняли бесполезную осаду, а комиссар Порты Рагиб-эфенди, озлобленный на капудан-пашу, который воспользовался взятками, принадлежавшими комиссару, и поссорившись с Ибрахимом, заключил свои условия с Сулейманом, чтобы доставить ему наследие Джаззара. Он поспешно отправился в столицу и возвратился оттуда с фирманом в руках на имя своего кандидата. Между тем похититель, ободренный обещаниями капудан-паши, вышел с войском в поход, чтобы покорить свой пашалык и собрать подати. Сулейман ожидал его в Назарете, он успел склонить на свою сторону племена мутуалиев и горцев набулусских. Эмир ливанский получил предписание от Порты содействовать Сулейману. Похититель Исмаил со своей ватагой дрался храбро, но был разбит, выдан победителю изменой своих телохранителей, отправлен в Константинополь, и голова его выставлена у ворот серальских.

Однако ж Сулейману еще не был открыт доступ в Акку. Разбитые войска Исмаила заперлись в крепости и требовали уплаты жалованья, выслуженного под знаменами бунтовщика. Еврей Хаим, банкир Джаззара, устроил дело своим посредничеством и принял в крепость пашу, поручившись за него в уплате требуемых сумм. Так-то, через руки безносого еврея, переходили от одного паши к другому судьбы пространных областей под шатким скипетром султанов.

Несметные сокровища всякого рода остались после Джаззара. Не говоря уже о том, сколько было расхищено во все эти обуревания, сколько было роздано войскам и сколько досталось его преемнику Сулейман-паше и комиссару Рагибу, прибывшему из столицы на вожденный пир, более 10 млн руб. серебром было отправлено в столицу. В существе Порты не могла жаловаться на бунты своих пашей. После каждого бунтовщика плоды его грабительств периодически поступали в султанскую казну, насытивши сперва вельмож и чрезвычайных комиссаров дивана. Чем продолжительнее, чем ненаказаннее был бунт, тем богаче наступала жатва. Что же касается вопля народного, он не мог доходить до султана, особенно с далеких областей; а если бы и дошел, то по основным понятиям турецкого правосудия казнь грабителя служит достаточным удовлетворением ограбленному, а имущество его принадлежит казне.

Когда Сулейман-паша, Рагиб-эфенди и банкир Хаим, бывший при Джаззаре первым министром на том основании, что при управлении, которого первым и главным атрибутом служат поборы, первую и главную роль должен играть банкир, когда они втроем стали разбирать счета Джаззара, то ими найдены облигации и расписки разных правителей ливанских или претендентов на невероятную сумму 40 тыс. мешков, что по изменившемуся курсу пиастра составит от 15 до 18 млн руб. серебром. Эту сумму стали они требовать от эмира Бешира. Эмир отвечал, что Джаззар, выручая деньги по облигациям, никогда не возвращал самих облигаций и что почти все эти суммы были давно уплачены. Наконец, после долгих переговоров он внес 150 тыс. руб. серебром сверх обыкновенного налога и был подтвержден в своем княжестве вопреки козням родственников.

Под управлением Сулейман-паши народ отдохнул несколько от страшных испытаний эпохи Джаззара. Новый паша оказал постоянное благорасположение к эмиру ливанскому, который удачно воспользовался тем для утверждения владычества своего постепенным

укрощением вассалов, привыкших к своеволию под его предшественниками. Двоюродные братья эмира, сыновья Юсефовы, уже не внушали ему никакого опасения, они спокойно управляли Джубейлем под ведением тараблюсского паши, а наставник их Джурджос Без, верный договору, которым заключилась последняя междоусобная война, сделался усердным союзником Бешира и несколько лет сряду, особенно в междуцарствие пашей, оказывал ему великие услуги своим умом и саблей. Младший его брат заступил его место при эмирах джубейльских.

Влияние двух Безов и привязанность к ним единоверных маронитов беспокоили эмира, который мыслил только о самовластии. Чтобы вернее погубить своего союзника и первого министра, он предоставил ему полную власть в исполнении разных мер, клонившихся к устройству лучшего порядка, но долженствовавших возбудить неудовольствие шейхов, а сам в своем кругу искусно распускал слухи, будто все эти меры были придуманы Безом и братом его. Когда неудовольствие шейхов созрело, эмир поручил своему брату Хасану составить заговор с врагами Безов, и в то время, когда Хасан с заговорщиками занимали Джубейль, низлагали сыновей Юсефа, умерщвляли младшего Беза, эмир душил в тюрьме старшего брата и затем по обычаю Шихабов ослеплял своих двоюродных братьев раскаленным железом и резал у них языки. Тогда-то влияние эмира усилилось, и «левой его наполнился мир», по выражению арабов. Округ Джубейль вошел опять в состав Ливанского княжества. Эмир Касем, сын Бешира, был назначен туда правителем с утверждения Мустафы Бербера, который в это время завладел Тараблюсским пашалыком.

В Дамаске Порта сменяла одного пашу другим за их неспособность повести караван в Мекку. Каждый год новые несчастья приключались каравану Ваххабиты, которых войско простиралось в это время до 300 тыс. всадников, под начальством предприимчивого Сауда и его сыновей заняли Мекку, сменили шерифа, потомка Мухаммедова, который по инвеституре от халифа управлял священными городами Аравии, не признавали власти султана и проповедовали свою суровую секту, простирая наезды до восточных округов Сирии. Паша дамасский за огромные суммы покупал у этих раскольников позволение посетить Мекку, подвергаясь при этом самым унижительным условиям. Так, например, ваххабиты требовали, и не без причины, чтобы в караване не было ни мальчиков, ни вообще безбородых, а между тем караваны часто гибли в пустыне по невозможности сбросить провизию от хищных наездников. Уже вместо тех караванов, которые в первой половине прошлого столетия простирались от 70 и до 100 тыс. человек и оживляли Сирию и Аравию меновой торговлей, едва 150 или 200 человек, исполненных фанатической веры в предопределение, пускались теперь в путь, исполненный опасностей. Ропот возрастал во всей империи.

Порта, не зная, как пособить беде, назначила пашой дамасским простого делибаши, начальника сотни наездников Гендж Юсефа, который отличился в службе у пашей дамасских своими подвигами противу ваххабитов. Гендж Юсеф ваххабитов не укротил, но оказал великую услугу истреблением буйной партии янычар дамасских и покорением племен ансариев и исмаилитов, которых успел обложить податью, уняв их дикую независимость и разрушивши их замки. Бунты и междоусобия пашей были во все это время нормальным злом Сирии. Уже Мустафа Бербер, случайно назначенный комендантом цитадели тараблюсской, овладел всей областью, брал с народа подати по

произволу и не признавал над собой ничьей власти. Паша дамаский пошел на него с огромным войском, осадил крепость и заставил Мустафу бежать к аккскому паше. Порта в свою очередь досадовала на слишком большое усиление дамасского паши, в приемах которого проглядывал характер Джаззара. Чтобы испытать его расположение, ему было поведено идти со своим войском и казной на войну с Россией {Имеется в виду русско-турецкая война 1806 – 1812 гг., закончившаяся Бухарестским мирным договором. – Прим. ред.}. Паша отвечал, что ему надлежало прежде всего защищать свои области противу ваххабитов. Тогда было поручено Сулейману, на верность и на тихий нрав которого Порта вполне полагалась, погубить своего соседа и занять его пашалык. Сулейман вызвал эмира Бешира. Эмир с 15 тыс. горцев обложил Дамаск и требовал от жителей выдачи опального паши, под угрозой спустить с Ливана 50 тыс. горцев и отдать им город на разграбление. Гендж Юсеф недолго устоял: опасаясь собственных войск, которые в предчувствии его падения стали грабить его имущество, он забрал свою казну и бежал в Антакью (Антиохию), откуда поплыл в Египет. Он был дружески принят Мухаммедом Али и скоропостижно умер, чтобы оставить египетскому паше свои богатства (1815 г.).

Сулейман-паша занял Дамаский пашалык и назначил опять Бербера в Тараблус. Прибрежная часть Палестины уже за несколько лет перед тем была занята буйным Мехмет-беем Абу Набутом {Отцом булавы или палицы, так был он прозван по той булаве, которую всегда держал в руках ко страху всех и которой сам терзал и убивал виновных.}, одним из мелких тиранов, которыми изобиловала Турция. Он укрепил Яффу, имеющую отличное военное местоположение, построил набережную с батареями по уровню вод и оставил в этом городе много страшных воспоминаний и два красивых фонтана. Сулейман-паша незадолго до своей кончины с разрешения Порты выслал на него войско и заставил его спасаться бегством в Египет (1819 г.). Мухаммед Али исходатайствовал ему помилование султана и пашалык Салоникский. С того времени вся прибрежная Палестина вошла в состав Аккского пашалыка.

Сулейман постоянно жаловал эмира Бешира, оказывал ему много почестей и присоединил к его княжеству плодородную долину Килисийскую, именуемую теперь Бекаа, откуда снабжается хлебом Ливан. Это приобретение всего более послужило к возвеличению эмира и его семейства, сделавшись источником его обогащения.

В то время когда двенадцатилетний сирота Бешир ходил искать службы у своего дяди, владетельного эмира Юсефа, все его добро состояло в одном вороном жеребце, которого порода доселе тщательно сохраняется в заводе у эмира, в одной сабле и в одном выюке домашних пожитков. Он поселился в скромном домике в деревушке Бейт эд-Дин {Бейт эд-Дин, или Птеддин, по мнению одних, значит «между двумя пригорками», и это согласно с живописным местоположением нынешнего дворца; по другому словопроизводству значит «дом веры».}, поблизости Дейр эль-Камара. Теперь, сделавшись властелином гор, поправши своих соперников и усиливши свое влияние более всех предшественников, он обратил скромный приют своей юности в великолепный дворец с мраморными фонтанами, с легкими колоннадами, со всеми прелестями и со всеми причудами арабского зодчества. С двадцати верст расстояния он провел туда горные потоки {На строительстве водопровода и дворца использовался принудительный труд ливанских крестьян. Строительство водопровода продолжалось четыре года (1808 – 1812), а дворца – около 20

лет (с 1810 г.). В настоящее время дворец Бешира II в Бейт-эд-Дине охраняется как исторический памятник. – Прим. ред.}. Вода, которая в здешних климатах проливает жизнь и прозябание и в песок, и в скалу, покрыла садами и плантациями окрестные пригорки. Сотни арабских кобылиц благороднейших пород Сирийской пустыни и Хиджаза наполняли его конюшни, и более тысячи отборных всадников, телохранителей эмира, составляли гарнизон дворца и были готовы по первому слову скакать по всем направлениям для исполнения приказов центральной власти, которая заменяла мало-помалу при этом даровитом князе феодальные самоуправства вассалов и облегчала участь поселян. Она основывалась не на буйном содействии шейхов, но на признательности народной. Возрастающее благоденствие на Ливане и правосудие Сулейман-паши, который заменил умеренным постоянным налогом грабительство Джаззарово, позволяли эмиру, не притесняя народа, собирать значительные суммы, которыми поддерживался блеск его дворца и водворялась кругом его роскошь, эта могучая пружина политического влияния во всем азиатском мире. С другой стороны, эмир отнимал удел у провинившихся вассалов и жаловал ими своих сыновей.

К этой цветущей эпохе должно отнести обращение владетельного дома Шихабов в христианство. Было ли это обращение следствием убеждения или расчетом политическим, на это трудно отвечать утвердительно. В самом деле мусульманский княжеский дом, заброшенный среди христиан и друзей ливанских, принужденный часто бороться противу пашей и не обретающий опоры среди вековой анархии, кроме местных элементов, не мог долго пребывать верным своей отцовской вере. Семейные предания о родстве с арабийским пророком не были достаточным залогом преданности далекого потомства мухаммеданскому закону. Ливан был населен одними друзьями и христианами; одно из этих племен долженствовало рано ли, поздно ли принять в свои недра владетельный дом, отчужденный от мечети и от мусульманских законоучителей. Друзья приходят постепенно в упадок со времен Фахрэддиновых, сама их религия, причудливая смесь разноязычных догматов, порожденная безумием египетского халифа, религия без основной мысли, без чувства, равно чуждая и светлых эмблем язычества, и благоговейных преданий и упований иудейства, и чистых восторгов христианских, и могучих порывов ислама, осуждена только влачить бессильную борьбу против успехов разума, а недоступная тайна, которой она себя окружила, не защитит ее от неминуемого закона, под коим склонилась и мудрая Изида.

Между ливанскими христианами марониты были и древнее, и многочисленнее. Имея феодальное дворянство своего исповедания в Кесруане, они представляли значительные элементы политического развития. Притом деятельное и способное духовенство Рима давно уже поселилось между ними, обучало юношество и руководило умами народными, вкореняя в этой стороне разившееся на Западе влияние духовной власти. Внутреннее устройство племени этого искони было основано на совокупном элементе теократии и феодализма. Мы уже видели, что при эмире Юсефе все управление находилось в руках маронитов Саада эль-Хури и сына его Гандура; то же влияние возымели впоследствии братья Безы, марониты. Впрочем, обращение князей ливанских в христианство не могло быть ни торжественным, ни повсеместным. Будучи основано на веротерпимости, коренной привилегии горского племени, и на охлаждении Шихабов к отцовской вере, оно не менее того было обязано окружать себя тайной в государстве, где отступление от

господствующей веры наказывается смертью {Закон этот простирался и на муртадов, т. е. на христиан, обращенных в мусульманство, а впоследствии желающих возвратиться в церковь. В 1844 г. по ходатайству представителей великих держав в Константинополе он был смягчен, Порта обещалась не казнить смертью муртадов, не обязываясь, впрочем, дозволить беспрекословно это возвращение к христианству. Свобода совести в прямом значении этого слова, не в том значении, как ее понимают, по несчастью, западные миссионеры в Турции, – первое условие искренней привязанности к своей вере. Однако ж в Турции вряд ли это смягчение закона обратится со временем в пользу христианства. В этой стране, где вероотступничество сопряжено с великими преимуществами, примеры безнаказанных возвращений могут послужить к ослаблению в массах чувства религиозного.}.

Сказывают, что один из Шихабов, эмир Али, при эмире Юсефе первый принял тайно христианство. Маронитское духовенство объясняет это подобно сказанию наших летописей об обращении Св. Владимира после богословских толкований с евреями, мусульманами и христианами. Но сами внуки эмира Али сказывали мне, что обращение их деда было делом жены его из племени друзов, которая, любя страстно своего мужа, и ревнуя, и боясь, чтобы он по праву мусульманина, наскучивши ею, не взял еще других жен, сама по чувству обратилась в веру, обеспечивающую святыне права супружеские, и при помощи даровитого патриарха маронитского успела впоследствии обратить и мужа своего.

Это сказание тем правдоподобнее, что ни один из Шихабов не заглядывал во всемирную историю, чтобы из нее почерпнуть мысль, основанную на великих законах, коими управляются человеческие общества и в силу коих во всех странах и во все века святой подвиг обращения государей и народов в христианство и искупление древнего грехопадения женщины было Провидением предоставлено женскому полу, обретающему в сей религии те высокие преимущества, без которых и в просвещенной Греции, и в благоустроенном Риме, и в идеальной республике Платона права половины человеческого рода мало отличались от грубого уничтожения, в коем поныне попираются они на Востоке.

Эмир Бешир первый из владетельных князей Ливана принял внутренне христианскую веру. Его примеру последовали почти все его родственники на Ливане. Впрочем, до самого своего падения он скрывал свою религию, и даже в эпоху египетского правления, отличавшегося умной веротерпимостью в Сирии, он тщательно соблюдал наружные обряды ислама, творил намазы в мечетях, когда ему случалось гостить у пашей, клялся Мухаммедом пред мусульманами и даже во дворце своем в Бейт эд-Дине, окруженный христианами, строго содержал пост рамадана, отказывался и от стакана воды в летний жар, и от трубки, которая в остальное время почти постоянно дымилась в его устах. В его дворце была красивая часовня, где ежедневно католический священник служил обедню, но это было под благовидным предлогом: жена его была черкешенка, обращенная в христианство.

Г. Ламартин, посетивший эмира в 1832 г., называет религию его загадкой и уверяет, что он не имел никакого внутреннего убеждения, будучи другом с друзьями, христианином с христианами, мусульманином с мусульманами. В этом, как и во многом, ошибся г.

Ламартин, не вникнув в положение эмира и упустив из виду те политические обстоятельства, которые предписывали эмиру скрывать свою религию. Христианином он был по убеждению и доказал это тем, что в продолжение 15-летней болезни первой своей жены он воздержался и от второго брака, и от невольниц, которых у себя воспитывал в христианском законе, готовя их в невесты своим сыновьям и внукам. По смерти же жены своей он сам обвенчался с одной из этих невольниц. Внешние обряды ислама он соблюдал по необходимости, но никогда ни он, ни предшественники его не выдавали себя за друзей, как полагает г. Ламартин. Что же касается до казней, измен и жестокостей, которыми он утвердил свою власть и которые не совсем соглашаются с духом христианства, то известно, до какой степени католическое духовенство снисходительно в этом отношении, особенно когда дело идет о мерах политических, и как легко покупать отпущение всяких грехов и выписывать индульгенции из Рима. Таким образом и согласно со здешними понятиями о вере эмир мог быть искренним и усердным католиком и в то же время пребывать верным кровавой стезе, по которой с остервенением шел род его искони {В двух номерах парижского журнала «Revue d'Orientation» (ноябрь и декабрь 1845 г.) заключается биография эмира Бешира, начертанная пером сентиментально-фанатическим. Смешны усилия автора, чтобы омыть своего героя от упрека в религиозном двуличии. Когда все помнят в Сирии жизнь и дела знаменитого эмира, автор уверяет, будто случайно, как-то однажды эмир нашелся принужденным последовать за Сулейман-пашой в мечеть, а там охранял себя от искуса заклинаниями и христианскими молитвами. Что же касается до деяний нехристианских, каковы убийство дяди и благодетеля, ослепление братьев и т. п., то все это или умолчено, или приписывается друзьям, будто здешние христиане уже неспособны к таким злодействам, будто эмир Бешир, основатель самовластия на Ливане, мог быть игрушкой окружавших его шейхов.}. Впрочем, если крещение детей Шихабова дома могло быть покрыто тайной, то обряды погребения представляли большие неудобства. Обыкновенно призывали сперва в дом католическое духовенство для совершения всех христианских обрядов над умершими, а потом являлись имамы для мухаммеданских омовений, и они-то выносили тело на кладбище. С другой стороны, во избежание толков в народе относительно вероисповедания членов его семейства, было всем им строжайше запрещено от эмира показываться в городах, подведомых пашам. Этими мерами предусмотрительный эмир отклонял грозу, которая висела над головой потомка Мухаммедова, изменившего исламу. Увидим впоследствии, как гроза эта разразилась над его преемником за открытое сознание в христианстве.

Вслед за Шихабами эмиры-друзы Абу Лама, бывшие в родственных связях с ними, владельцы богатого округа Метен, прилегающего к маронитскому Кесруану и населенного по большей части христианами, приняли также христианскую веру по маронитскому исповеданию. Впрочем, все эти эмиры – Шихабы и Абу Лама, рожденные в христианстве или принявшие крещение за 20 или за 40 лет, сохраняют и доселе многое от своих прежних религий. При крещении дается им христианское имя Юсеф (Иосиф), Сулейман (Соломон) и проч., но этих имен они не употребляют, а носят имена вовсе не христианские, каковы Мухаммед, Ахмед, Мурад, Али, Хайдар и т. п. Притом они, не испрашивая разрешения Папы, как в том обязаны другие католики, женятся по своему произволу, как и в прежних религиях, на ближайших своих родственницах, кроме двух первых степеней, а это потому, что по понятиям своим о дворянстве они не могут искать невесты вне своего рода, разве между покупных невольниц {Мы уже имели случай

заметить, как строго сохраняет ливанское дворянство свою породу (по выражению и по понятиям арабов), чуждаясь родства с людьми низшего звания. Даже имена разделены между дворянством и низшим классом. Никогда эмир или шейх не даст своему сыну имен Георгия, Ивана, Хабиба (Любима), Бутроса (Петра) и т. п., употребляемых в народе. Дворянству присвоены имена Халиль, Мансур, Бешир, Юсеф, Юнее (Иона), Кейс, Хайдар, Мельхем и проч., которые, впрочем, встречаются и в народе. Кстати об именах, заметим здесь, что в Сирии христиане всех исповеданий носят имена, которые мы привыкли почитать Мухаммеданскими и которых нет в календарях, каковы Абдаллах (Раб божий), Селим (по-гречески Харитон), Эсад (Лев), Эмин (Верный) и проч.}. Римская церковь, торжествуя драгоценным приобретением и ласкаясь выгодами в будущем ради политических и прозелитических своих видов на эту сторону Востока, расчетливо допускает все эти вольности и довольствуется тем, что новообращенные эмиры отказались от многоженства и от свободы развода. Сказывают, что некоторые из эмиров изъявили желание принять христианство православное, но строгость правил греческой церкви и неизменное соблюдение соборных установлений о браках были единственной тому препоной.

Обращение эмиров в христианство имело для Сирии важные политические последствия, которых пределы трудно еще определить. Племя маронитов, бывшее дотеле в совершенном унижении, не только получило при новой своей аристократии политический перевес над всеми другими племенами Сирии, кроме мусульман, но еще привлекло к себе беспокойное участие Запада, и сочувствиями своими сблизилось с Европой. Общественное мнение Запада уже прочит маронитам какую-то самостоятельность, слишком загадочную для всякого беспристрастного наблюдателя племен восточных. Как бы то ни было, обращение эмиров открыло новую эру политической жизни для маронитов. По мере того как обращались эмиры в христианство, круг действия католического духовенства на Ливане значительно распространялся и средства его деятельности умножались и усиливались. Но при этом политическом перевороте стали проглядывать признаки той борьбы, которая в наши дни двоекратно облила Ливан пламенем и кровью, уже не под знаменами двух враждебных партий аристократических, но борьбы собственно народной между племенами разных вероисповеданий.

В религиозном отношении обращение эмиров еще не прочно, несмотря на усердие новоосвященных и в особенности их жен и детей, на их ханжество, можно сказать. По низложению эмира Бешира и по удалении его семейства в Константинополь и в Малую Азию, почти все его дети и внуки, даже те, которые родились в христианстве, сделались опять мухаммеданами в 1845 и 1846 гг.

Антиливанские Шихабы, несмотря на отпадение от мусульманства ливанской отрасли их дома, продолжали прежние свои сношения с ней, признавали над собой влияние и, можно сказать, даже покровительство ливанского князя и, верные своим семейным преданиям, не переставали среди домашних козней обгагрять руки то братской, то отцовской кровью. На самом Ливане один из ново крещеных Шихабов, эмир Хасан, умертвил своего отца и дядю, и сам эмир Бешир выколол глаза еще кое-каким родственникам.

В продолжение 15 лет правления Сулейман-паши эмир упрочил свою власть на Ливане и вместе с тем доставил мир и благоустройство горским племенам. Народ, приписывающий обыкновенно и беды свои, и благоденствие ближайшим их виновникам, привык видеть в эмире своего избавителя от долгих страданий прежней эпохи, а влияние эмира и почести, коими окружал его паша, и богатства, накопленные им в столь необыкновенно продолжительный период мира, те страшные опалы, которым подвергались по его слову целые семейства могущественных его вассалов, его строгий бесстрастный вид и быстрая его проницательность – все это внушило народу самое высокое понятие о гении эмира Бешира. Живое воспоминание этих впечатлений породило в наше время убеждение в том, что без старого эмира Бешира невозможно упрочить правление на Ливане. Убеждение это нашло сильных поборников в самой Европе. Панегиристы эмира упустили из виду одно обстоятельство: не оспаривая правительственных его способностей, заметим, что два периода мирного его правления – с 1804 по 1819 г. и с 1832 по 1840 г. – соответствуют эпохе Сулейман-паши аккского и владычеству египетскому.

Мы видели уже, какими волнениями ознаменовано на Ливане правление эмира Бешира под Джаззаром; то же повторится под преемником Сулейман-паши. Следственно, мы вправе почитать пашей более, чем эмира, виновниками добра и зла, которые чрез руки ливанского князя навели горы в разные периоды 50-летнего его правления.

Глава 5

Банкир-еврей доставляет Абдаллаху Аккский пашалык. – Характер молодого паши. – Казнь банкира. – Волнение на Ливане. – Покушение Абдаллаха на Дамасский пашалык и на Иерусалим. – Поборы с Святогробского монастыря. – Каффары с поклонников. – Две экспедиции противу Акки. – Бегство эмира ливанского. – Посредничество Мухаммеда Али. – Опала Джумблатов и Арсланов на Ливане. – Поход Абдаллаха в Набулус. – Шампанское и разводы. – Внутреннее состояние империи после войны с Россией и гражданский подвиг Махмуда, его судьба, его чувства к египетскому паше. – Виды Мухаммеда Али на Сирию. – Ссора его с Абдаллахом. – Поход Ибрахима. – Расчеты Османской Порты. – Осада Акки. – Успехи египтян в Сирии. – Веротерпимость. – Дела монастыря Святогробского. – Первая экспедиция турок противу египтян. – Манифест султанский. – Взятие Акки Ибрахимом. – Отличительная черта восточного бунта.

Сулейман-паша становился стар. Пашалык достался ему будто по наследству от его предшественника и господина Джаззар-паши. Пример этот внушал честолюбивые надежды его приближенным. По обычаю всех великих вассалов Порты, Сулейман был окружен своими мамлюками, из которых избирал любимцев и сановников своих. Подобно Джаззару, он исходатайствовал у Порты звание двухбунчужного паши своему любимому мамлюку Али, который служил при нем начальником штаба (кеая). Этот Али скончался, оставя в наследство сыну своему Абдаллах-бею благорасположение Сулеймана. Когда Сулейман приближался к гробу, молодой Абдаллах составил партию между мамлюками, чтобы завладеть пашалыком, а для вернейшего достижения этой цели заключил союз с банкиром Хаимом, который достался в наследство Сулейман-паше от Джаззара с одним

глазом, с отрубленным ухом и без носа и в этом виде продолжал править финансами с редким талантом, без угнетений, без насильственных поборов, принаравливаясь к наклонностям нового своего господина и довольствуясь монополиями продуктов, обогащавшими и казну паши, и карман расчетливого еврея. В случае назначения комиссаров для описи казны Сулеймановой пришлось бы ему оплачиваться столичным гостям не только остальным ухом и глазом, но, что еще хуже, и своими сокровищами. Поэтому он стал усердно содействовать молодому претенденту, не предвидя судьбы, которую готовил ему этот претендент. Еврей привел в действие знакомые ему пружины в столице, и несколько месяцев спустя по смерти Сулеймана {Сулейман-паша умер в 1818 г. – Прим. ред.} поспело из Константинополя назначение Абдаллах-бея трехбунчужным пашой Акки.

В эту эпоху половина пашалыков доставалась удачным похитителям, а другая половина раскупалась в столице банкирами из армян и евреев в пользу искателей, которые в свою очередь обязывались отплачивать этим банкирам потом и кровью народонаселения. Теперь, благодаря преобразованиям правительственной и финансовой системы, а может быть, и истомлению племени турецкого, вывелся из Турции тот смелый класс бродяг, которые умели в старину брать области саблей; но другое средство, финансовое, хотя измененное в форме, все-таки сохраняет свое всемогущество.

Молодой Абдаллах в ожидании обещанного Хаимом султанского фирмана проводил дни и ночи в молитве и в духовных упражнениях с дервишами, чтобы приемами святоши искупить в глазах правоверного народа недостаток лет, бороды и подобающей его стяжаниям степенности. Когда же он достиг своей цели, нрав этого баловня судьбы не замедлил обнаружиться. Одаренный пылким воображением и нервами раздражительными, этот худощавый и бледный юноша, со своим орлиным взглядом, с хриплым голосом, с лицом смуглым и запятнанным оспой, со страстным характером, в котором отражалось двоякое его происхождение – от отца невольника-черкеса и от матери-аравитянки, избрал образцом своим в управлении не благодетеля своего Сулеймана, но чудовищного Джаззара. Он был обязан пашалыком и сокровищами Сулеймана банкиру Хаиму, который при всей своей тонкости и опытности не рассчитал, что услуги такого рода сопряжены в Турции с великой опасностью. Абдаллах-паша еще два-три года руководствовался талантами своего банкира для накопления доходов не только монополиями, но даже насильственной продажей своих продуктов по определенным ценам; потом, разгневанный на него за то, что его родственники служили при ненавистном ему паше дамасском, повелел душить старого еврея и забрать в свою казну его миллионы.

С эмиром ливанским Абдаллах-паша был в дружеской связи при Сулеймане и менялся с ним подарками по арабскому обычаю. Когда эмир просил своего подтверждения от нового паши, ему было поведено представить значительную сумму в подарок сверх обыкновенного налога. Эмир выступил в поход, чтобы собрать с горцев контрибуцию для дележа с пашой. Северные христианские округа Кесруан, Джубейль и Джиббет-Бшарра взбунтовались. Эмир был атакован тысячами вооруженных поселян {События имели место в 1820 г. Это было первое в Сирии в XIX в. известное в исторической литературе крестьянское антифеодальное восстание. Базили описывает лишь заключительный этап

восстания. Ему предшествовали следующие события. После требования Абдаллах-пашой новых взносов, сопровождаемого посылкой вооруженных отрядов к подножию Ливанских гор, эмир Бешир направил в Северный Ливан сборщиков налогов. Крестьяне муката Метена и Кесруана отказались платить какие-либо дополнительные налоги. Сборщикам налогов было оказано вооруженное сопротивление.

Эмир Бешир, не встретив поддержки со стороны Абдаллах-паши и части враждебно настроенных феодалов, вынужден был покинуть Ливан. Назначенные на место Бешира два его родственника также не смогли собрать положенных для уплаты Абдаллаху податей. Тогда паша вернул эмира Бешира. На этот раз все феодальные группировки Ливана, напуганные движением, объединились вокруг Бешира. Эмир Бешир сам выступил в поход за сбором контрибуции с Северного Ливана. Дальнейшие события изложены Базили. – Прим. ред.} в своем лагере близ Джубейля; его милиция была разбита, при нем оставалось не более 300 человек служителей, и многие из них пали жертвами народного негодования. Сам эмир отчаянно защищался и был обречен гибели, если бы не подоспел шейх Бешир Джумблат, давнишний и верный его союзник, с 3 тыс. своих друзей. Поселяне были разбиты наголову. Эмир вместе с шейхом быстро понеслись до северных высот Ливана, коих повиновение было всегда сомнительно; потоками крови усмирили бунт, казнили всех тех, чье влияние или богатства внушали подозрение; не пощадили и духовенства и с торжеством и добычей возвратились в Дейр эль-Камар. Экспедиция эта, ознаменовавшая первые дни Абдаллаха на Ливане, внушила горцам трепет и упрочила власть эмира.

Абдаллах не мог оставаться покойным. Его пашалык занимал лучшую и богатейшую часть Сирии. Хотя Дамаск ненадолго был оставлен Портой Сулейман-паше в награду за свержение бунтовщика Гендж Юсефа, однако Тараблусский пашалык, простиравшийся на север до Искендерунского залива, и Палестина до египетской границы, словом, весь берег, в коем сосредоточивается земледелие и торговля Сирии, вместе с Набулусской горой и с Галилеей, были с того времени присоединены к владениям аккского паши.

Абдаллах домогался Дамаска и Иерусалима, оставленного в ведении дамасского паши по уважению мусульманской святыни Омаровой мечети. Не мечеть Омара льстила Абдаллаху, а святыни христианские – этот золотой рудник для турецких пашей. С одного греческого монастыря дамасский паша взимал тысячу мешков (около 120 тыс. руб. серебром) в год за право владения святыми местами.

В 1808 г. древний храм Гроба Господня сгорел и был затем возобновлен духовенством из народных пожертвований. С того времени число поклонников возрастало, а паши сверх поборов с монастыря взимали с поклонников так называемые каффары. Эти каффары, или пошлины с лиц и с имуществ при переходе известных местностей, существовали первоначально в Турции под предлогом покровительства путешественников и купцов в опасных переходах. В виде каффара взималась также с поклонников небольшая плата, по постановлению завоевателя Салах эд-Дина, при входе их в храм. С каждым годом каффары размножались; требовались положенные платы при высадке поклонников с корабля в Яффе, при переезде их чрез Рамлу, чрез ущелье Иудейских гор, каждый раз, когда они ходили молиться в храм, при отправлении в Иордан и пр. В эту эпоху, по

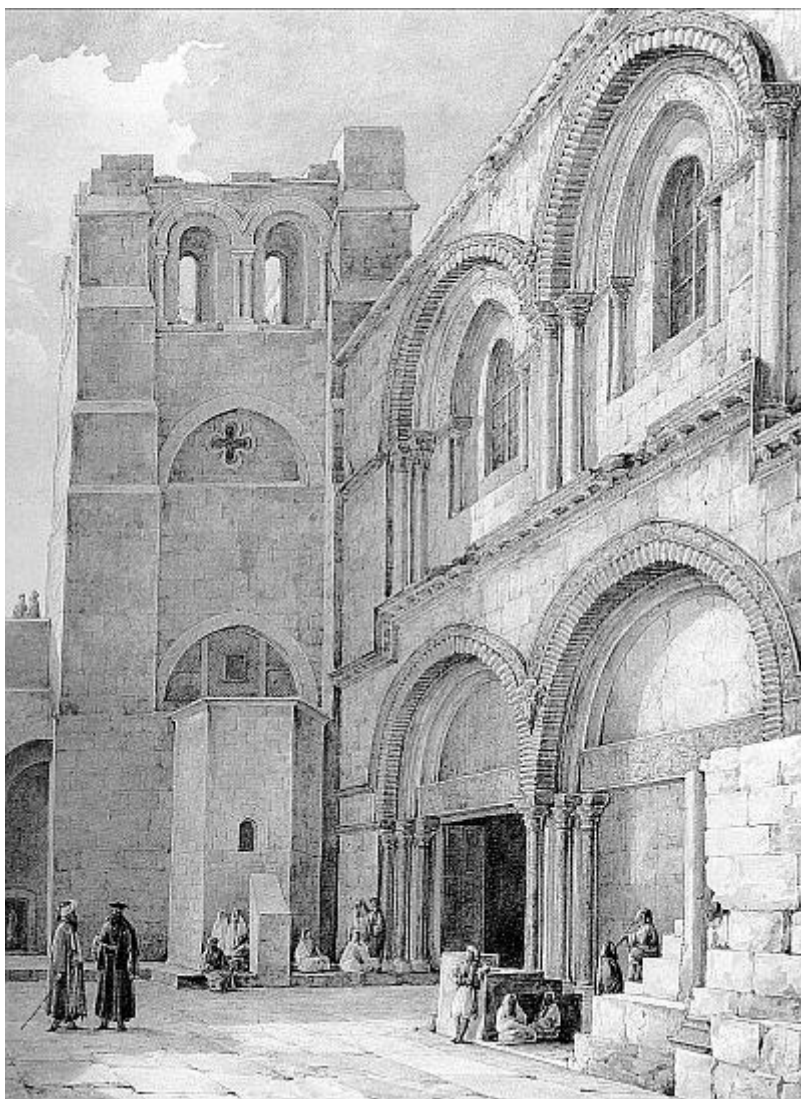
поводу греческой народной войны {Речь идет о национально-освободительном восстании греческого народа против турецкого ига, начавшемся выступлением из Южной России через Валахию в Грецию отряда греческих патриотов во главе с кн. А. Ипсиланти и восстанием в Морее.

Султанское правительство оказалось не в состоянии подавить восстание своими силами и обратилось за помощью к египетскому паше Мухаммеду Али, обещав ему в награду Сирию и Крит (Кандию). В 1824 – 1827 гг. египетским войскам и флоту под командованием сына Мухаммеда Али – Ибрахима удалось разгромить основные силы восставших. Боясь усиления влияния России, поддерживавшей в 1826 г. восставших, Англия и Франция предприняли вместе с нею ряд дипломатических действий (Петербургский протокол Англии и России 1826 г. и англо-франко-русское соглашение от 6 июля 1827 г. в Лондоне требовали от Турции автономии для Греции). В октябре 1827 г. англо-франко-русская эскадра уничтожила в Наваринской бухте египетско-турецкий флот, и Ибрахиму пришлось покинуть Грецию. В 1828 г. Россия объявила войну Турции, окончившуюся полным разгромом турецкой армии и заключением 14 сентября 1829 г. Адрианопольского мирного договора, по которому за Грецией признавалось право внутренней автономии. С Турцией она была связана лишь выплатой султану 11/2 млн пиастров в год; по Лондонскому протоколу 1830 г. Греция была объявлена независимой. – Прим. ред.}, расчетливый Абдаллах мог предвидеть, что ни собственноручная грамота халифа Омара эль-Хаттаба, на которой основаны все коренные привилегии монастырей, ни льготы султанские, ни хатти шерифы не спасут от алчности пашей сокровищ иерусалимской святыни. Кроме владения Иерусалимом дамаскому паше было присвоено право вести ежегодно караван поклонников в Мекку. При ваххабитах это было слишком опасно, но уже за несколько лет пред тем могучая рука Мухаммеда Али египетского истребила ваххабитов и очистила правозверным дорогу в Мекку.

По всем этим соображениям Абдаллах искал только предлога к ссоре со своим дамасским соседом, чтобы завладеть его областью. Назначенный в то время от Порты в Дамаск Дервиш-паша, бывший прежде великим везиром при Махмуде, успел вникнуть в систему султана, который для успеха замысленных преобразований хотел прежде всего унять фанатизм своего народа. Дервиш-паша, уроженец морейский, знал по опыту, что угнетения, терпимые подвластными племенами, служили источником величайших зол для империи, питая дух буйства во владетельном племени. Он любил христиан, оказывал им всякое покровительство, окружал почестями и ласками престарелого патриарха Антиохийского Серафима.

Когда дошло в Дамаск известие о восстании греков, фанатическая чернь этого города была готова предаться всем неистовствам противу трепетного христианского народонаселения, а кади, муфтий и другие члены Совета предложили паше улучшить обстоятельства, чтобы, по примеру столичному, повесить патриарха {Весной 1821 г., когда стало известно о выступлении Александра Ипсиланти, турецкие власти обвинили православное население и духовенство Константинополя в сочувствии греческому освободительному движению. Турецкие власти повесили константинопольского патриарха и спровоцировали христианские погромы. – Прим. ред.} и взять контрибуцию с христиан. Дервиш-паша отвергнул это предложение и обуздал чернь благоразумной

строгостью. И чернь, и почетные лица вознегодовали. Абдаллах-паша со своей стороны являлся фанатиком до неистовства: гнал христиан, сажал в тюрьму архиереев и приматов во всех городах своего пашалыка, требовал непомерных контрибуций, для уплаты коих христиане были доведены до того, что даже церковное серебро обращали в слитки. Близ Акки на Кармеле были два древнейших монастыря, греческий и латинский. Абдаллах ограбил и разрушил обе эти обители под предлогом, что христиане намеревались обратить их в крепости {Не исключена возможность, что обвинения сирийских христиан в намерении превратить монастыри в крепости и использовать их в борьбе с турками имели под собой почву. Во время греческого восстания влиятельные дамасские христиане-торговцы подверглись репрессиям за связи с греческими повстанцами, а в 1826 г. подобные обвинения были предъявлены бейрутским христианам, после того как тринадцать греческих судов подвигли к Бейруту и высадили десант с целью поднять восстание среди городского населения. Можно полагать, что антитурецкое восстание, вспыхнувшее в Вифлееме в 1823 г. и перебросившееся затем в Иерусалим, возникло под влиянием освободительной войны в Греции. – Прим. ред.}.

Храм Гроба Господня в Иерусалиме. Рисунок Н.Г. Чернецова, 1843 г.

Подобными мерами казна Абдаллаха обогащалась, и молва о нем привлекала к нему чернь дамасскую. Тогда обнародовал он поддельный фирман о пожаловании ему

Дамасского пашалыка и повелел эмиру ливанскому приступить к Дамаску в надежде взбунтовать жителей против паши. Эмир с 10-тысячной милицией христиан и друзей спустился с гор и бодро атаковал заветный город мусульман в надежде легкого успеха {В 1821 г. – Прим. ред.}. Там войска не было; Дервиш-паша, подозревая, что Абдаллах сам пойдет на него из Акки, занял границу своим войском. Атака эмира застала его врасплох, а жители были расположены принять Абдаллаха. Дервиш-паша со своим гаремом и с немногими албанцами заперся в плохой цитадели дамасской, расположенной среди базаров и бедестанов {Бедестан – каменное здание на базаре, в котором располагались лавки-мастерские ювелиров, оружейников и других ремесленников. – Прим. ред.}, и грозил пушками своими истребить этот богатый квартал, если жители не отстоят своего города. Столь решительная угроза понудила жителей к обороне противу горцев. Между тем подоспело и войско. Эмир бежал, оставя даже свой багаж и готовые котлы с пилавом, в который бросил сперва яд.

Известие о проделках Абдаллаха возбудило негодование султана, который наказывал в это время бунт Али-паши Янинского и был встревожен восстанием греков на Дунае и в Морее. Султан Махмуд любил Абдаллаха за его поэтический талант, за изящные арабские оды, которыми молодой вассал льстил страсти повелителя правоверных к поэзии, и за другой талант, столь же высоко ценимый на Востоке, за красивый почерк, образцом коего Абдаллах представил султану, лучшему каллиграфу своей империи, своеручную копию Корана. Султан с трудом поверил бунту паши – поэта и каллиграфа, воспитанника и любимца степенного Сулеймана. Было поручено Дервиш-паше дамасскому, вместе с пашами хalebским и аданским, наказать дерзкого юношу. Абдаллах за своими стенами, недоступными милициям пашей и плохой их артиллерии, несколько месяцев сряду издевался над ними, а с моря был снабжаем всем нужным. Но он боялся появления флота султанского и потому вступал в переговоры с Портой, спросил прощения и обещался уплатить все расходы экспедиции, наряженной противу него.<

> Порта не могла быть слишком взыскательна в деле столь обычном, каково было восстание далекого вассала. Осадное войско отступило, опала была снята с преступного паши; но не прошло и года, Абдаллах, видя, что война с греками поглощала все усилия дивана, стал опять выходить из повиновения. Он отправил в столицу годичную подать с пашалыка и подослал разбойников, бывших в его службе, которые напали на его же людей, отряженных с казной, умертвили их и возвратили паше его мешки с золотом. Абдаллах, будто ни в чем не участвовал, стал жаловаться на дамасского пашу, уверяя, что разбойники, ограбившие казну, были из его областей; но обман обнаружился, и Порта нарядила вторичную экспедицию противу Акки.

Дервиш-паша дамасский с шестью другими пашами и 50 тыс. войска вторично обложил неприступное гнездо Абдаллаха. Бунтовщик сносился в это время с греческими корсарами, посылал полмиллиона пиастров в Грецию, чтобы ему доставили оттуда солдат и военные снаряды, и уже не боялся появления султанского флота, напуганного греческими брандерами. Осада бесполезно длилась. Порта всего более опасалась, чтобы вероломный паша не сдал своей крепости грекам.

В столь критических обстоятельствах Мухаммед Али египетский предложил свое посредничество. Утвердивши свое владычество в Египте, извлекая из недр этой богатой страны неведомые дотоле элементы могущества и колоссальных предприятий, Мухаммед Али, по следам предшественника своего Али-бека, устремлял уже в это время жадный взор на Сирию и ждал только случая, чтобы наложить руку на эту легкую добычу, истомленную междоусобиями пашей. Он испрашивал сперва у Порты Дамасский пашалык, ручаясь в усмирении аккского пашы и всех буйных похитителей, которые попеременно проявлялись в Сирии. Но Порта, которая нехотя признала Мухаммеда Али пашой египетским, предпочитала иметь дело с мелочными похитителями, чем с вассалом, которого звезда уже грозным метеором сияла над Нилом.

Мухаммед Али.

Когда домогательства его были отвергнуты, Мухаммед Али ограничился ходатайством в пользу опального соседа. Ему хорошо был известен непостоянный нрав Абдаллаха. Для своих дальнейших помыслов он не мог желать в Сирии лучшего властелина. В это время эмир ливанский, подпавший опале вместе с Абдаллахом, бежал в Египет {В июле 1822 г. – Прим. ред.}. Он был ласково принят Мухаммедом Али, который умел ценить его способности, его влияние на горах и предвидел, что со временем эмир мог своим умом, как Абдаллах своим безумием, содействовать к исполнению видов его на Сирию.

И паша аккский, и эмир ливанский были помилованы Портой по ходатайству Мухаммеда Али, и тем кончилась вторичная бесполезная экспедиция противу Акки.

Мухаммед Али, прикрывая свои замыслы личиной усердия к Порте и благорасположения к соседу, предложил даже свою казну аккскому паше для уплаты сумм, истребованных Портой. Заносчивый и беспечный нрав Абдаллаха ручался в том, что он не возвратит этого займа, а паша египетский того только и желал, чтобы заблаговременно улучшить себе законный предлог вмешательства в дела Сирии. Эмир возвратился из Египта с чувствами преданности к Мухаммеду Али, с удивлением его гению и с высоким понятием о его могуществе. Может статья, тогда уже был заключен между ними заговор, который еще десять лет созрел, благоприятствуемый обстоятельствами.

В политическую систему эмира входило правило – после каждого кризиса наносить новый удар своим врагам, чтобы сосредоточивать постепенно власть в своих руках, а по законам деспотической его централизации врагами его были все те, кто имел влияние на горах. Мы видели, как он изменой погубил при помощи Джумблатов оказавшего ему большие услуги Джурджоса Беза. Теперь наступала очередь шейха Бешира Джумблата, которому, можно сказать, эмир был всем обязан.

Уже давно предшественники эмира успели раздвоить друзов на партии езбекиев и джумблатов, чтобы при взаимной их борьбе удобнее обуздывать и тех, и других. В союзе с шейхом Беширом, главой джумблатов, эмир погубил Абу Накидов и Амадов из партии езбекиев; затем подал он руку его врагам для беспощадной кары могучего шейха. Предлогом разрыва послужило то, что по бегстве эмира в Египет шейх Бешир, желая по патриотическому своему чувству охранить горы от непосредственного вмешательства пашей и их армии и предупредить ссоры и междоусобия искателей княжества, поддержал всем своим влиянием одного из родственников эмира Бешира, по имени Аббаса, и исходатайствовал ему инвеституру, отдавши в заложники туркам собственного сына. По возвращении эмира все охотно ему покорились. Шейх был вправе ожидать признательности от старого своего союзника за то, что его влиянием мир не был нарушен в горах; но это влияние, которым так легко был поставлен новый правитель в его отсутствие, не могло быть приятно эмиру Беширу. Он наложил на шейха огромную пеню (1500 мешков), а затем стал оскорблять его самолюбие, окруживши себя езбекскими. Шейх, подозревая черные замыслы озлобленного эмира, удалился в Аккар к своим союзникам – мусульманам. Его партия, обширные его уделы, христианское народонаселение, искони привязанное к его дому, подняли знамя бунта и призвали его среди себя для низложения неблагодарного эмира.

Эмир со своей стороны вооружил езбекиев, зазвал в горы войско Абдаллаха, разбил Джумблатов и обратил в груды развалин древний великолепный их замок в Мухтаре. Шейх Башир бежал в Хауран к единоплеменным друзьям. На пути настигли его люди дамасского пашы и обманом завлекли его в Дамаск. Оттуда он был отправлен в Акку к Абдаллаху, который, сжалясь над ним, хотел примирить его с эмиром. Но по ходатайству эмира Мухаммед Али египетский настоятельно требовал его казни. Шейха удушили в тюрьме. Дети его были сосланы; обширные уделы Джумблатов были пожалованы сыновьям эмира, и их имущество конфисковано. Семейство эмиров Арслан, приверженцев Джумблатовых, разделило их участь. Мать эмиров, которая своим умом приобрела в горах влияние, несовместное с общественными правами женщины в Азии,

была изрублена палачами эмира Бешира; ее дети бежали и двадцать лет скитались в изгнании.

В наше время все эти изгнанники – Арсланы, Джумблаты, Амады Абу Накиды возвратились на Ливан тотчас по падении эмира Бешира, чтобы отомстить его преемнику и всему роду Шихабов за претерпенные ими гонения и взволновать весь край войной, которая издали показалась Европе заговором друзей с мусульманами противу религии христиан или спором между христианами и друзьями за политический перевес на Ливане.

В опалу Джумблатов и Арсланов эмир успел также ослепить кое-кого из своих родственников и отрезать им языки, по старому семейному обычаю Шихабова дома, когда в родне являлись люди со способностями и с честолюбием. После этого кризиса он уже беспрекословно царствовал на Ливане, пресмыкался перед капризами пашей, но уже не опасался ни восстания народного, ни соперников.

Тараблусский пашалык был отнят у Абдаллаха после дерзкого его покушения на Дамаск. Подобно Акке, Тараблусская крепость переходила в это время из рук одного похитителя к другому, а вместе с ней и вся область. После Мустафы Бербера она досталась Али-бею аккарскому, клевету Абдаллаха. По представлению Дервиш-паши дамасского этот новый похититель был осыпан ласками и милостями дивана, пожалован в паши в Малую Азию и тогда только уступил наместнику Порты свои владения. Искони паши Дамаска и Тараблуса не платили подати султану, а были только обложены повинностью: первый – проводить караван в Мекку, второй – выставлять провизию на пути (джирде) к возврату поклонников. Акка со времени Дахира была в постоянном бунте, можно сказать.

Таким образом, весь этот край от самого его завоевания Селимом в цветущие времена империи и до наших дней, когда завоевание это было возобновлено среди расслабления Турции и среди самых критических обстоятельств, вся эта прелестная область, столь щедро одаренная природой, со своим просторным берегом, со своим местоположением, столь выгодным для торговли, со своим бодрым народонаселением, со своей древней промышленностью, никогда не доставляла султанам ни доходов, ни войск, а была им более в тягость по своим непрерывным волнениям, по порочному устройству управления.

Абдаллах скучал в покое. Боясь заводить новые ссоры с другими пашами, он воспользовался правом, предоставленным каждому паше, вести войну противу вверенных ему народонаселений. Набулусцы владели в своих горах крепким замком Саннур, который устоял перед Джаззаром, когда он казнил горцев, и был тщетно осажден Сулейман-пашой. Абдаллах послал туда более 20 тыс. своего войска, обложил Саннур со всех сторон и голодом принудил гарнизон сдаться {В 1829 г. – Прим. ред.}. Этот подвиг он воспел арабскими стихами и поставил себя наряду с величайшими полководцами древних и новых веков.

В это время Мухаммед Али устраивал свои регулярные войска. Абдаллах, который почитал себя ничем не хуже гениального своего соседа, задумал также образовать

регулярное войско. Мода марша под барабан распространялась тогда на Востоке и привлекала в классическую страну приключений офицеров, отставленных от службы в западных государствах или бежавших за политические грехи после революционной лихорадки, пробежавшей Пиренейский и Апеннинский полуостровы в 20-х годах. Один из них, офицер сардинской службы г. Бозио, совершивший под знаменами Наполеона русский поход, был в это время заброшен судьбой в Акку. Паша принял его в свою службу в качестве врача (в те времена шляпа на голове служила медицинским дипломом на Востоке) и, узнавши о его походах и похождениях, предложил ему сформировать из его мамлюков регулярный батальон.

В Египте и в Константинополе реформа военной системы упорно совершалась двумя преобразователями, которым было предоставлено придать новый вид политическому зданию Востока. В Акке она была забавой избалованного паши, который со своего дивана следил с улыбкой эволюции мамлюков, так точно как в своем гареме пляски невольниц. Впрочем, так как г. Бозио сверх военных своих талантов был и медиком паши, то ему посчастливилось шампанским излечить от мусульманского ханжества и от припадков фанатизма пашу, который в первые годы своего владычества отказывался даже от трубки и проводил дни и ночи с дервишами.

В то время когда Абдаллах упивался шампанским и глазел на разводы, повелитель правоверных истощал свои усилия в войне с Россией {Имеется в виду русско-турецкая война 1828 – 1829 гг., закончившаяся Адрианопольским мирным договором. – Прим. ред.}. Северные орлы из Европы и из Азии грозно налетали на столицу, но ни Сирия, ни Египет не слушали призыва султанского к защите изнемогавшего ислама. Египетский паша находил предлог бездействия в Морейской экспедиции, предпринятой по повелению Порты, и в потере своего флота, который был сожжен в Наварине за упрямство турецкого адмирала. Паши сирийские извинялись только необходимостью содержать в повиновении буйные племена этого края, и Порты должна была довольствоваться суетными уверениями их в преданности.

По заключении Адрианопольского мира султан Махмуд направил всю свою деятельность к довершению преобразований своих постепенным введением законной власти в провинциях, обузданием буйных вассалов одного за другим. Уже можно было предвидеть, что он не замедлил бы заменить полномочных пашей старого времени, каковы были владетели Египта и Акки, пашами, облеченными ограниченной властью губернаторов. Беспутство нерегулярных войск указало прежде всего на необходимость изменения пагубной военной системы империи; а как только успех упрочил власть султана в столице и в правительстве и доставил ему собственные послушные элементы деятельности, эти элементы должны были послужить к завоеванию не новых, не далеких стран, но собственной империи, расхищенной пашами.

В этом отношении Махмуд вполне заслуживает принятого им громкого прозвища Гази, победоносца. И, без сомнения, одержанные им победы над фанатизмом своего народа и над буйством этих тиранов, которые именем его терзали народонаселение областей, обращая в пустыню края, благословенные природой, и истощая в своих бунтах и в своих оргиях жизненные силы империи, были и прочнее, и благороднее завоеваний, столь

быстро совершенных его предками и несоизмеренных с основной силой государства, беспутно раскинутого ими по трем частям света. Сама судьба указывала султану прямое попрание его деятельности и высокое его предназначение; он был постоянно несчастен в борьбе с внешними врагами и с народами подвластными, которым внутреннее развитие открывало новую эру самобытности; но при неудачах его усилий против греков и сербов, при тяжком мире Бухарестском, когда Россия уже в борьбе с целой Европой могла еще торжественно подписывать мир с султаном; под громом наваринским, под вторжением русских войск в самое сердце империи Махмуд не переставал торжествовать над вассалами и над буйством своего народа, постоянно стремясь к великому подвигу единовластия.

Абдаллах-паша, причудливо подражая своему султану в формировании регулярного войска, нисколько не постигал важности вводимых султаном коренных преобразований правительственной системы и не предчувствовал ожидавшей его и всех его сверстников судьбы. Но паша египетский не мог спокойным оком глядеть на развивавшуюся постепенно систему Махмуда. Победитель мамлюков, англичан и ваххабитов, завоеватель Сеннара, Кордофана, Нубии и Дарфура мог ли свыкнуться с мыслью о том, чтобы сойти с высокого звания владетельного полномочного князя в разряд простого султанского наместника, когда наступит и его очередь по уничтожению одного за другим всех могучих вассалов империи? Султан, неизменно следуя великой своей мысли, еще не касался египетского паши. Правда, в старину были поведены неудачные попытки против него; но в это время Мухаммед Али был в великой милости, его ласкали на основании коренного закона восточной политики: «ласкай врага, пока настанет время его погубить». В награду за Морейскую экспедицию Мухаммеду Али была пожалована Кандия [Крит]. Сын его Ибрахим со времени истребления ваххабитов был пашой Джидды на Красном море и покровителем заветных городов Мекки и Медины. Но Кандия и Аравия были более почетным бременем, чем владением прибыльным. Мы уже упоминали о видах Мухаммеда Али на Сирию. Наступила пора или привести в исполнение давно замысленные планы, от которых зависело будущее величие владетеля Египта и упрочение приобретенных им преимуществ, или ждать, чтобы уровень, наводимый султаном на всю империю, коснулся Египта с сирийской границы.

Обстоятельства были благоприятны. В Дамаске господствовала анархия {В феврале 1831 г. после обнародования султанского фирмана о сборе чрезвычайного налога в Дамаске вспыхнуло восстание: население отказалось платить налог. Ядро повстанцев составляли жители Майдана, пригорода, населенного беднотой. – Прим. ред.}; новый паша дамаский Селим, при самом своем вступлении в должность, приказал сделать опись лавкам и фабрикам, чтобы обложить город легкой податью. Рабочий класс взбунтовался. Паша имел при себе до 2 тыс. войска; вместо того чтобы выступить в поле, созвать войска с округов и привести чернь в повиновение, он заперся в цитадели, не рассчитавши, что там не было жизненных припасов. Чернь сожгла дворец и осадила пашу. Почетные жители Дамаска, боясь всенародной опалы или анархии, присоединились к черни и направили ее действия. Они писали к Абдаллаху, прося у него советов. Аккский паша, всегда готовый раздуть кругом себя пламя бунта, лаконически им отвечал, что всего прежде надо было отделаться от своего паши. Селим хотел вступить в переговоры; его не слушали. После шестинедельного заключения в цитадели он сделал позднюю вылазку. Остервеневшая

чернь растерзала его и всю его свиту и его семейство и разнесла по всем кварталам части его тела.

В таком-то состоянии был тогда Дамасский пашалык. Набулусские горцы не могли простить Абдаллаху разрушение их крепости Саннура. Эмир ливанский был утомлен причудами Абдаллаха, а от египетского паши ждал покровительства. Шейхи палестинские были всегда готовы к восстанию на чей бы то ни было призыв. В Халебе партия янычар, подавленная Джелаль эд-Дин-пашой, дышала мщением. Христиане во всей Сирии, от Иерусалима до Халеба, были истомлены от гонений, от поборов, от обид, нанесенных всем исповеданиям по поводу греческой войны, а веротерпимость, поведенная Махмудом после Адрианопольского мира, еще не успела проникнуть в эту далекую анархическую область.

Мухаммед Али внимательно наблюдал постепенное разрушение законной власти в Сирии, но честолюбивые его замыслы были обширнее и основательнее дерзновенных предприятий пашей, которые так часто поднимали в Турции знамя бунта. В борьбе, которая казалась ему необходимым условием политического его существования, он не полагался на одни свои материальные силы, пекся о мнении народном и предостерегал себя от укоризны ислама в бунте противу гражданского и духовного своего повелителя. Ему был необходим законный предлог к споре, а с таким соседом, каков был Абдаллах, найти предлог было нетрудно.

С того времени, как правительственный и военный деспотизм Мухаммеда Али заменил в Египте анархический деспотизм мамлюков систематическим понуждением феллахов к земледелию и к военной службе, многие семейства поселян стали бежать в Сирию от работ и рекрутства. Мухаммед Али обратился к Абдаллах-паше с требованием о выдаче беглецов и об уплате суммы, заимствованной для утишения гнева султанского после двоекратного его бунта. Абдаллах надменно отказал законным требованиям Мухаммеда Али, а относительно выдачи переселенцев египетских он ссылался на свободу, предоставленную мусульманам, переходить из одной области в другую. Он предлагал Мухаммеду Али подвергнуть всякое притязание суду общего их государя. Мухаммед Али знал, что Абдаллах тогда только повиновался султану, когда это было согласно с его видами и прихотями; однако же он жаловался в Константинополь. Ему отвечали, что «феллахи арабские – подданные султана, не рабы пашей и вольны переселяться с места на место». Правило это неоспоримо, но согласно ли оно с основным постановлением, в силу которого каждая область обложена, так сказать, гуртом постоянной суммой налога, а не по изменяющейся пропорции своих производительных сил?

Среди этих переговоров Мухаммед Али с необыкновенной деятельностью готовил сухопутную и морскую экспедиции в Сирию. В народе носился слух, будто это было с ведома и согласия Порты. В исходе октября 1831 г. {14 ноября 1831 г. египетские войска покинули Каир. – Прим. ред.} 9 тыс. отлично сформированной регулярной кавалерии, две батареи полевой артиллерии и тысяча бедуинов перешли Суэцкую пустыню. Эта экспедиция была под начальством Кючук Ибрахим-паши, племянника Мухаммеда Али. Флот из 7 фрегатов и 33 других военных судов и транспортов с 7 тыс. десантного войска и с осадной артиллерией поплыл к сирийскому берегу. На нем был Ибрахим-паша,

главнокомандующий армией; штаб составляли офицеры, испытанные в походах Аравийском и Морейском.

Палестина приняла египтян как избавителей. Газа и Яффа охотно открыли им свои ворота, гарнизоны аккского паши разбежались или вступили в службу египетскую. Сухопутная экспедиция без всякого сопротивления прошла все пространство до Хайфы, города, лежащего у подошвы Кармеля насупротив Акки, от которой он отделен только шириной небольшого залива. Там сухопутная экспедиция сошлась с флотом и приняла десантное войско. К тому же пункту были направлены транспорты из Египта с провиантом и снарядами для осады, ибо, как это хорошо предвидел Мухаммед Али, все сопротивление Абдаллаха должно было сосредоточиться в Акке. Ибрахим-паша еще в Яффе высадился на берег и принял на пути в Хайфу уверение горских племен Иудеи и Набулуса в их повиновении и в готовности служить под его знаменами. В половине ноября осадное войско подступило к Акке, и через несколько дней флот, при благоприятном ветре, открыт огонь по городу.

египтяне у стен Акки. Рисунок Д. Робертса, 1839.

Абдаллах-паша решился на самую упорную защиту. Неудача французов под Аккой внушала ему бодрость. Кроме того, уже более 30 лет и Джаззар, и Сулейман, и сам он не переставали укреплять Акку новыми бастионами, огромной артиллерией (до 400 орудий), казематами, рвом и цитаделью и строить в ней водоемы, магазины и казармы. В руках пашей крепость эта служила залогом повиновения областей, вынужденного благорасположения Порты, ненаказанности бунта. Гарнизон составляли 3 тыс. отборных албанцев, делиев, мамлюков и курдов – телохранителей паши. Что касается до

регулярного войска, оно было забавой только для Абдаллаха, и в этих обстоятельствах он уже отказывался от всякой забавы.

Первоначальные ошибки египтян при самом открытии осадных работ, неопытность войска в новом для него деле осады, зимние проливные дожди и удалые вылазки албанцев длили эту осаду более, чем того ждал Ибрахим. Он звал к себе эмира ливанского в лагерь и хотел воспользоваться чувствами, обнаруженными в племенах сирийских, чтобы быстрее распространить свое владычество на весь край и принять меры предосторожности, прежде чем успеет помощь от турецкого правительства к осажденной крепости.

При самом появлении египтян в Сирии Абдаллах прибегнул к Порте с просьбой о пособии. Эмир Бешир, который с высоты своих гор наблюдал за происшествиями, чтобы приноровить к ним и свои действия, знал об отправлении Абдаллахом гонца в столицу. Когда он получил приглашение Ибрахима, он мешкал ответом в ожидании известий из Стамбула. Гонец был захвачен подставленными эмиром людьми близ Бейрута на возвратном пути в Акку; депеши прочитаны. Порта ничего не отвечала на просьбы Абдаллаха, его поверенный в столице писал даже, что по неблагоприятному к нему дивану нельзя было ожидать скорой помощи. Это известие заставило эмира принять сторону египтян; а уже Ибрахим в грозном письме клялся головой своего отца разорить все его княжество, если он не явится в лагерь без дальнейших замедлений. Поддерживая угрозы действием, Ибрахим отрядил войска в прибрежные города Сур, Сайду, Бейрут и Тараблус. Все охотно покорялось полководцу, которого решительные действия, бодрое войско, дисциплина, быстрые движения, ласковые и правосудные речи к жителям наполнили славой о нем всю Сирию. Подмоги всякого рода доставлялись в лагерь из Египта. Молодой внук Мухаммеда Али Аббас-паша поспел с сильным отрядом регулярной конницы и бедуинов, этих казачьих ополчений Востока. Покорение горских племен Палестины представило Ибрахиму удобный случай для занятия гарнизоном Иерусалима. Монастыри иерусалимские, привыкшие к систематическому ежегодному грабительству от пашей дамасских, судей и всех эфендиев иерусалимских, боялись, что египтяне предадут город грабежу и осквернят святыни. Каким восторгом были они объаты, когда при самом вступлении египетского гарнизона в город был обнародован следующий приказ Ибрахима на имя муллы (главного судьи), шейха Омаровой мечети, муфтия, наиба и всех властей:

«В Иерусалиме есть храмы, монастыри и поклонения, к коим приходят все христианские и еврейские народы разных исповеданий из стран самых далеких. Сии поклонники бывали доселе обременяемы огромными налогами в исполнении обетов и обязанностей их веры. Желая искоренить подобное злоупотребление, повелеваем всем муселимам Сайдского эйалета {Аккский пашалык в официальном слогe носит имя прежней столицы Сайды. Ныне Бейрут служит местопребыванием паши, но вся область по-прежнему именуется Сайда-эйалет. Заметим, что Ибрахим до самого взятия Акки ограничивал свои правительственные распоряжения областью Абдаллаха, тщательно стараясь представить народу свою войну делом между ним и Абдаллахом и отстранить вид восстания против султанской власти.} и санджаков Иерусалимского и Набулусского уничтожить подобные налоги на всех путях без изъятия. В монастырях и церквах иерусалимских пребывают

монахи и молельщики для чтения Евангелия и для духовных обрядов своих исповеданий. Правосудие требует, чтобы они были освобождены от всех налогов, которыми произвольно их облагали местные власти. А посему повелеваем, чтобы все налоги, взимаемые с монастырей и храмов всех христианских народов, пребывающих в Иерусалиме, как-то: греков, франков, армян, коптов и других, равно и налоги старые и новые, платимые народом еврейским, были навсегда уничтожены. Под каким бы предлогом или названием ни существовали эти налоги, подарка ли обычного и добровольного, или в казну пашей, или в пользу кадиев, муселимов, дивана и т. п., все они строго воспрещаются. Каффар, требуемый от христиан при входе их в Камаму (храм Гроба Господня) или при отправлении их в Шария (в Иордан), равномерно уничтожается. Как только будет прочитан нами сей буюрульды (приказ), вы должны поспешить его исполнением от слова до слова и немедленно прекратить все выше поименованные взыскания или другие, основанные на обычае, и всякое требование с монастырей и храмов иерусалимских, принадлежащих разным народам {В официальном турецком слогe под именем народов должно разуметь обыкновенно вероисповедания.} христианским и еврейским, равно и каффары, яко противные закону. По объявлении сего, кто востребует с вышепомянутых храмов, монастырей и поклонников малейшей дани, будет строго наказан; для выполнения чего выдан нами сей буюрульды из дивана (совета) нашей главной квартиры».

Ἐγένετο δὲ τὸ αἶνον φῶς ἐπάνω τοῦ αἵματος τοῦ κυρίου καὶ τὴν ἡμέραν τοῦ αἵματος σαββάτου, τὸ τε εἶναι καὶ ὅλας ἡγουμέναις διαταρμεναῖς εἰς τὸν ναόν, καὶ ὅλοι οὐ προσκύνουσι σκηνῆτος κοσμοῦ καὶ τοῦ πᾶν. ἔρχονται λοιποὶ ὅτε πορτάρης τοῦ αἵματος τοῦ κυρίου, καὶ τοῦ ἱεροῦ κρόκου, καὶ οἱ οἱ τὴν θύραν τοῦ αἵματος κρόκου καὶ ἀπερχοῦνται, ἡμεῖς δὲ οὐκ ἐπινοοῦμεν πα

Греческий проскинитарий.

1749.

Подобные речи в устах мусульманского паши, в устах смелого завоевателя, который едва занял Сирию и уже помышлял об искоренении вековых злоупотреблений, составляли новую эру для христиан на Востоке. И в самом деле была пора избавить христианство от постыдных налогов и уничтожений, которыми паши, горские шейхи, судьи мусульманские и даже иерусалимская правоверная чернь по своему произволу и без ведома правительства угнетали духовенство иерусалимское.

Мы уже упоминали, что обычный ежегодный взнос дамасскому паше от греческого монастыря состоял в 1 тыс. мешков {С 1820 по 1830 г. курс турецкой монеты чрезвычайно понизился от порчи металла. В это время 1000 мешков, т. е. 500тыс. пиастров, соответствовали около 100 тыс. руб. серебром.}; сверх того на свиту паши, и на подарки, и на провизии, когда паша сам приезжал в Иерусалим, расходовалось еще до 500 мешков. Мулле иерусалимскому в его приезд вносили около 200 мешков, и редкий мулла не находил случая в обыкновенный годичный срок своего пребывания в Иерусалиме забрать еще столько или вдвое. Столько же обходились и его катибы (секретари) и члены мехкеме, столько же и муселим иерусалимский со своей свитой. Около 500 мешков в год было необходимо дарить разным мусульманским семействам для того только, чтобы они не преследовали православного монастыря. К этим постоянным, почти законным взносам, ибо долгое злоупотребление имело силу закона, можно отнести и сумму каффаров,

которая круглым числом доходила до 500 пиастров с каждого поклонника. Оставалась еще важная и самая разорительная статья – джереме, или пени, произвольно налагаемые пашами, муллами, муселимами в собственную их пользу при всяком удобном случае: подрались ли два поклонника и произошла от этого суматоха между двумя исповеданиями, передвинули ли черепицу в монастырском здании, чтобы исправить кровлю от течи, починили ли окно, разбитое ветром, – требовалось от монастыря тысяч 10, 50 или 100 пиастров на том основании, что починка храмов в Османской империи подлежала ведомству и одобрению местных судилищ.

Иногда и без всякого повода, а разве под предлогом, будто паша подозревал греческое духовенство в тайном сношении с морейскими греками, или по случаю известия о сожжении турецкого флота идриотами, или о гонениях на христиан в столице паша требовал 500 или 1 тыс. мешков и давал епископам святогорским несколько дней или несколько часов сроку, чтобы представить сумму или – быть повешенными. В таких-то обстоятельствах не удивительно, что греческий монастырь обратил в слитки около 2 тыс. пудов своего серебра и до 40 пудов золота, в том числе лампы и сосуды, подаренные еще греческими императорами, и вошел сверх того в долги на 30 тыс. мешков. В эпоху египетского нашествия бедствия его доходили до крайности. Монастырь предлагал по 25 и 30 процентов в год, но уже никто денег не давал. Заимодавцы – мусульмане, армяне и евреи – требовали, чтобы здания монастырские и даже св. поклонения были распроданы на уплату долгов.

В эти години тяжких испытаний, когда архиереи и все духовенство иерусалимское терпели поругание, одевались в лохмотья и питались круглый год хлебом и маслинами, дабы только не погасли фимиам и лампада в заветных поклонениях, дабы только святыня, вверенная их страже, не перешла в руки иноплеменных, нельзя не благоговеть перед святой доблестью, которая почерпалась избранными старцами в неиссякаемом источнике вдохновений, у колыбели нашей веры и которую можно сравнить лишь с подвигами мучеников первых веков христианства.

Ибрахим-паша сдержал свое слово: буюрульды его был не мертвой буквой, как бывали для сирийских племен повеления Порты, но торжественным и искренним обетом веротерпимости, которому он пребыл верен во все время египетского правления в Сирии. Не только судебные и исполнительные власти в Иерусалиме покорились беспрекословно твердой его воле, но самые шейхи Иудейских гор, не обузданные дотоле никакой властью и для которых поклонники Святой земли составляли огромную статью дохода, были принуждены оказывать им безвозмездное покровительство, отвечая своей головой за их безопасность и неприкосновенность. Ибрахим-паша объявил впоследствии для обуздания хищных арабов, что будет отрублена та рука, которая возьмет деньги с поклонников в горах Иудейских. Арабы, придерживаясь буквального смысла приказа, стали понуждать поклонников бросать деньги наземь и по удалении их забирали уже не с них, а с земли. Ибрахим, извещенный об этом, не замедлил растолковать арабам свою волю в прямом ее смысле, отрубил две-три руки, и уже никто не посмел нарушить его закона.

Ущелье Иудейских гор на пути из Яффы в Иерусалим искони занято племенем шейхов Абу Гош, которые под благовидным предлогом стеречь эти опасные местности от

разбойников сами грабили поклонников, взыскивая с них каффары и подарки. Ибрахим-паша назначил жалованье шейху взамен этого дохода, и с того времени Абу Гош стал уже не грозой, но покровителем поклонников. Эти благоразумные меры открыли путь поклонникам в Палестину, и уже во второй и в третий год египетского правления число греков и армян, отправлявшихся со всех турецких областей в Иерусалим, простиралось до 10 тыс. человек. Ими обогащались Яффа и горские жители, служившие погонщиками, и жители Иерусалима, где поклонники проводили зиму, и монастыри. Со временем самое народонаселение Палестины убедилось в том, что выгоднее привлекать великое число благочестивых гостей терпимостью и безопасностью, чем грабить полсотню несчастных, которые в прежние годы решались совершать столь опасный путь.

У

щелье Абу Гош. Гравюра XIX в.

Во всех отношениях веротерпимость Ибрахима была основана на верном политическом расчете: с одной стороны, приказ, данный им из лагеря под Аккой, был как бы заблаговременной лаской и ценой привязанности к нему многочисленного христианского народонаселения Ливанских гор, в котором он надеялся обрести верную подпору для честолюбивых своих видов; с другой – опыт научил Ибрахима в Египте и в Аравии, что первым условием подчиненности мусульман законной власти и успеха преобразований правительственной и военной системы было укрощение религиозного фанатизма, на котором паши турецкие, каков был Абдаллах, так ошибочно пытались основать свое влияние.

Беспристрастное сравнение эпохи египетского владычества с прежними правительствами Сирии и даже с эпохой водворения султанской власти в 1840 г. служит к подкреплению этой истины, в которой и доселе еще не убедились наместники Порты. В сем отношении веротерпимость Ибрахима была едва ли не важнейшей и прочнейшей мерой гражданских его преобразований и основой его влияния на мусульманские племена Сирии.

Религиозное чувство искони служит пружиной правительственной власти на Востоке. В Сирии, в этой классической почве откровения, догмата, ереси и фанатизма, запечатлевших в ней свои неизгладимые бразды и свои предания, без сомнения более чем где-либо правительственная власть обязана вникать в смысл религиозного направления и им руководствоваться. Под правительством мусульманским несравненное большинство

мусульманского народонаселения служит достаточной порукой политического его перевеса, а мечтанья Запада о восстановлении в Палестине царства Иудейского, вопреки грозным пророчествам, или самостоятельного царства христианского, вопреки элементам края и вопреки кровавому двухвековому опыту крестоносцев, обнаруживают только совершенное неведение статистики этого края, о котором уже пятнадцать лет столько пишут и говорят.

Ибрахим-паша, со здравым смыслом восточного человека, легко постиг, что от христиан сирийских правительство может только ожидать сочувствия и содействия на обуздание племен мусульманских, которые в оргиях своего фанатизма почерпали сугубую дерзость на борьбу с законной властью. Опыт вполне оправдал расчет Ибрахима.

Возвратимся к осажденной Акке. Наше отступление извинительно тем, что осада безуспешно длилась всю зиму. Абдаллах отвечал на все предложения о сдаче, даже и по открытии пролома, что он в последней крайности был намерен взорвать крепость, но не сдать ее. Между тем эмир ливанский явился в лагерь и был удержан в залог содействия горцев, которых отряд под начальством сына его эмира Халили присоединился к войску египетскому. Мухаммед Али отправлял в лагерь гонца за гонцом с повелениями сыну взять крепость во что бы то ни стало, ибо с ключами Акки в руках он мог предписать свой закон дивану константинопольскому. Диван, со своей стороны, верный старинному правилу турецкой политики: «губить одного врага другим», не без тайного удовольствия глядел сперва на схватку паши египетского с Абдаллахом. Он мог рассчитывать, что по взаимном их истощении они оба или по крайней мере один из них склонит надменную выю под закон Стамбула.

Но этот расчет был обманчив. Когда дошло известие в столицу об упорной осаде Акки, о сочувствии, обнаруженном сирийскими племенами к Ибрахиму, о правительственных мерах, которыми этот полководец проявлялся уже не залетным гостем, но завоевателем, пекущимся о прочности своего подвига, Порты призадумалась. Не изменяя флегматическим своим приемам, она стала выказывать только удивление и неудовольствие. Был наряжен комиссаром к Мухаммеду Али Насиф-эфенди с увещаниями прекратить эти «непристойные действия» (обыкновенная фраза канцелярского слога турок), а обратиться к Порте со своими жалобами на соседа. Порты обязывалась приказать Абдаллаху, чтобы он вперед не вмешивался в дела Египта, а муфтий именем религии увещевал Мухаммеда Али оставить Сирию в покое для безопасного шествия каравана в Мекку.

Мухаммед Али, чтобы отложить объяснения с комиссаром Порты, продерживал его целый месяц в карантине, ожидая с часу на час известия о взятии Акки, а между тем подсылал в Сирию по почте на верблюдах целые батальоны взамен ущерба, причиняемого в войске холерой; усиливал свою сирийскую армию до 40 тыс. и на депеши Порты и муфтия отвечал всеподданнической просьбой об уступке ему Аккского и Дамасского пашалыков, исчисляя оказанные им услуги усмирением Египта, истреблением ваххабитов, устройством дел мусульманских святынь в Аравии, Морейским походом и своевременным взносом подати, при всех пожертвованиях своего патриотизма.

Тогда только Порта решилась действовать; обычные ее замедления будто умышленно давали время Ибрахиму овладеть Аккой. Новоназначенный в Халеб Мехмет-паша был облечен званием сераскира (воеводы) аравийского с повелением собирать войска, а пашам и муселимам Кайсери, Коньи, Марата, Сиваса и других малоазийских областей было приказано поспешить под его знамена со своими ополчениями. Регулярного войска в этой экспедиции вовсе не было; Порта надеялась обыкновенными скопищами бродяг старой военной системы рассеять Ибрахимовы полки. В половину луны реджеба (в начале декабря) {1831 г. – Прим. ред.}, в пору отхода меккского каравана из Константинополя, правоверные поклонники пустились в путь в уверенности, что дорога будет им расчищена султанским войском {Заметим, что караван должен прибыть в Мекку к празднеству жертвоприношений курбан-байраму, совершаемых в 10-й день луны зу-ль-када; так как Мухаммеданский год состоит из 12 лунных месяцев, или 354 дней, то месяцы мусульманские и, следовательно, эпоха отправления каравана не соответствуют нашим месяцам, как годы хиджры не соответствуют нашему летосчислению. Эпоха описываемых нами событий 1831 г. отвечает 1247 г. хиджры, а в исходе нынешнего 1861 г. мухаммедане считают 127[8] г. хиджры.}. Были назначены паши в Дамаск и Тараблус для принятия мер, присвоенных этим должностям относительно шествия и возвратного пути каравана. Но правоверным поклонникам не было суждено в сем году исполнить свой набожный обет. Дамаск служит сходным местом, где устраиваются все приготовления для перехода каравана через Сирийскую и Аравийскую пустыни. Преемник Селима Али-паша был принят в Дамаске с видом пасмурной покорности. Его приняли потому, что он вступал туда без войска, с малочисленной свитой. Порта откладывала кару, которой было осуждено преступное народонаселение, а жители со своей стороны видели в паше заложника для ненаказанности бунта. При таком взаимном расположении наместника Порты и фанатического города, под впечатлением военных действий, которыми кипела Сирия, поклонники, напрасно прождав несколько недель, отправились обратно из города, поименованного преддверием Мекки.

Плохие малоазийские милиции стекались к Халебу и бесчинствами своими служили только к усугублению неудовольствия в народонаселении, которое ожидало Ибрахима как избавителя. Тараблус был уже занят египетским гарнизоном под управлением того самого Мустафы Бербера, который за несколько лет пред тем был изгнан Абдаллахом, но возвратился теперь в Сирию с египтянами и усердно служил Мухаммеду Али. Паша тараблусский разбил египетский гарнизон и уже готовился занять город, когда из-под Акки с быстротой налетел сам Ибрахим и одним страхом своего имени заставил и отряд султанский, и пашу бросить артиллерию и обозы и бежать в Хаму, куда опускалась армия из Халеба.

Порта не теряла надежды склонить к покорности египетского вассала; переговоры длились, наступала весна, Акка отчаянно защищалась, и когда предлагали Абдаллаху сдаться на капитуляцию, он сам спускался в брешь и насмешливо объявлял парламентарам Ибрахимовым, что он благодаря Аллаху здоров, что крепость также здорова, хоть на ней оборвано наружное платье, что всего только пять месяцев длилась осада, а город снабжен провиантом, водой и снарядами на пять лет и что к истечению этого времени он готов вступить в переговоры о сдаче или о мире. Если вспомним, что Абдаллах, кроме опасностей осады, должен был остерегаться измены отчаянных

сорванцов, которые составляли собственный его гарнизон, что он имел пред глазами пример Али-паши Янинского, которого голова была продана телохранителями, ограбившими его казну; что все народонаселение было на стороне Ибрахима и что от Порты он не ждал уже ни пособия, ни даже помилования, то надо сознаться, что храбрость не была чужда причудам этого человека.

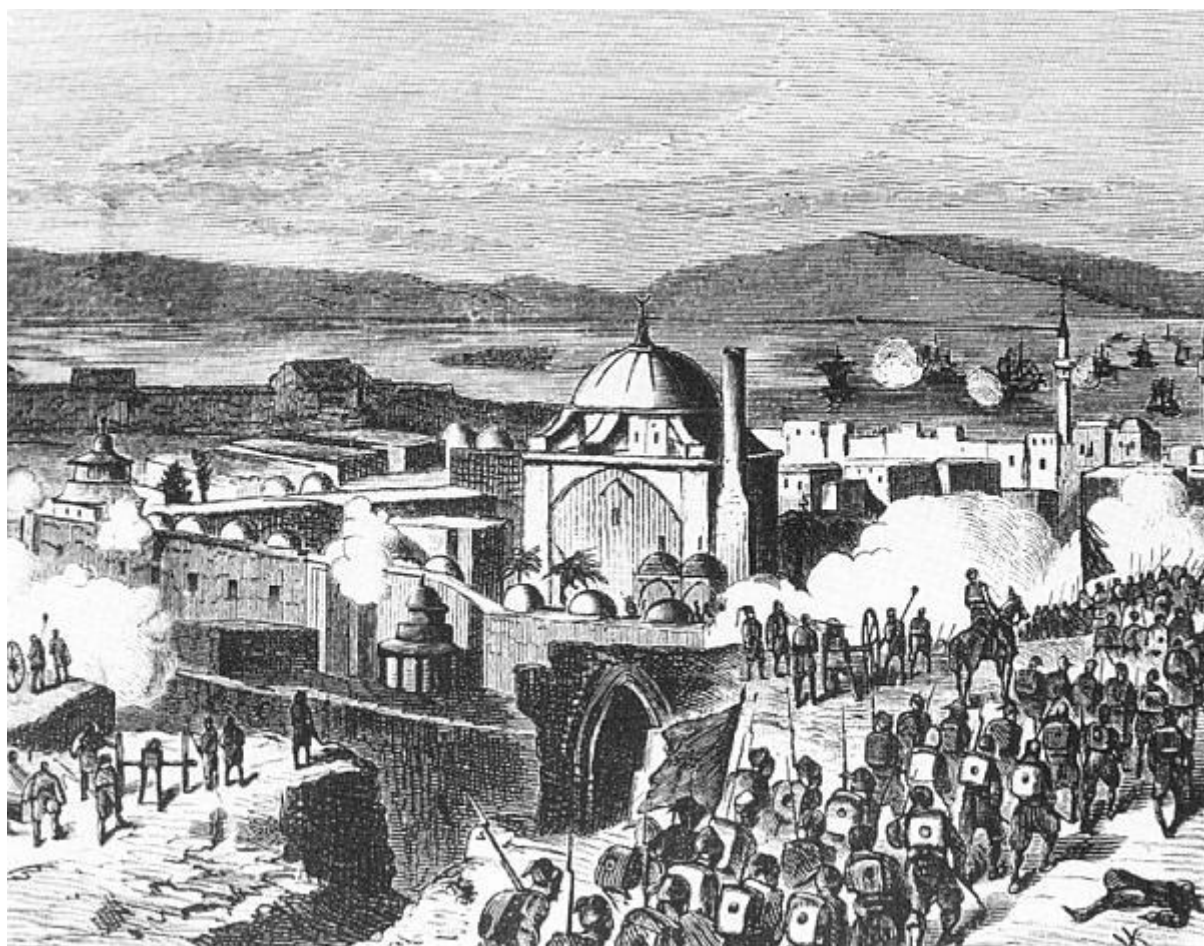
В весну 1832 г. гнев Махмуда разбудил Порту от ее усыпления. Был призван в столицу Хусейн, бывший ага-паша, знаменитый истребитель янычар, фанатически преданный своему султану. Он уже несколько лет унывал в немилости по проискам своего соперника Хозрефа, любимца Махмудова, который управлял военным министерством с титулом сераскира. Махмуд обласкал своего старого и верного ага-пашу {Ага-пашой именовался в старой военной иерархии Турецкой империи главнокомандующий корпусом янычар. Об истреблении янычар Хусейном, их главнокомандующим, подробности изложены в книге моей «Очерки Константинополя».}, украсил его новым титулом сердари-экрема, или фельдмаршала азийского, облек неограниченной властью и в красноречивом хатти шерифе, исчислив вины Мухаммеда Али и Ибрахима, при юридическом мнении всех высших законоучителей духовной иерархии, властью халифа налагал на них анафему за измену законному государю и жаловал вверенные им области, Египет, Джидду и Кандию, своему фельдмаршалу, с поручением завоевать эти области, а всего прежде очистить Сирию.

Это воззвание султана произвело некоторое действие в тех только местностях Сирии, которые уже несколько времени пребывали под египетским управлением. В Тараблусе и на Ливане открылись заговоры, но были подавлены твердостью Ибрахима, который из-под Акки полетел в Дейр эль-Камар и поддержал власть эмира ссылкой его противников. Но ни в Халебе, ни в Дамаске слово султана не нашло отголоска в чувстве народном. Здесь открывается странное и печальное явление, которое столь характеристически должно продлиться до самого падения египетского владычества в Сирии: чем долее народонаселение пребывает под властью похитителя, тем усерднее и искреннее вздыхает оно по законному государю; между тем в областях малоазийских, под наместниками султана, оно простирает свои объятья к Египту и ждет оттуда избавителей.

Припишем ли это непостоянству человека, всегда недовольного своей судьбой, или неурядице турецкой в Анатолии и строгостям Ибрахима в Сирии, или, что вероятнее, тяжкому первоначальному труду и здесь, и там эпохи преобразований, спасительных по своим последствиям, неизбежных, когда преисполнилась мера злоупотреблений старой системы, но лишь усиленно приноровленных к местному элементу и всегда ненавистных азиатцу?

50-тысячный корпус, в том числе 30 тыс. регулярного войска и гвардии со 160 орудиями, спускался из Константинополя к Сирии и достигал с фельдмаршалом хребта Таврийского в мае. Флот выплывал из Дарданелл под начальством Халиль-паши, чтобы с моря поддерживать военные операции. 10 тыс. нерегулярного войска под начальством Осман-паши Халебского сосредоточивались у Хомса, в четырех переходах от Дамаска. Еще в апреле Ибрахим-паша занял отличную военную позицию Баальбека, где сходятся дороги от Тараблуса и Дамаска в Хомс, наблюдал за турецкой армией и прикрывал фланг

главной квартиры осадного войска. По взятии этих предостерегательных мер он 16 мая {1832 г. – Прим. ред.} сделал третью попытку приступа к осажденной крепости. Абдаллах еще защищался, но действие подкопов и осадных батарей в продолжение семи месяцев обратило уже бастионы в груды развалин. Ибрахим с саблей в руках понуждал своих египтян идти в пролом, где албанцы засели среди камней и метко отстреливались. Египтяне отступили от убийственной ружейной стрельбы; гарнизон, ободренный, сделал еще вылазку Но Ибрахим бросился сам в огонь и стал беспощадно рубить своих солдат, опрокинутых за брешь, пока отчаянными усилиями повел их сам внутрь крепости. Почетные жители вышли просить пощады у победителя. Абдаллах, к которому Ибрахим-паша послал белый платок в знак безопасности, представился к нему в полночь, был принят ласково и на вопрос победителя, зачем бесполезным упорством проливать кровь мусульманскую, отвечал со вздохом: «А разве знал я, что мой отец султан меня покинул, тогда как твой светлейший отец не переставал подсылать к тебе войско?» Довольно странный упрек противу султана в устах паши, который дважды бунтовался!

торжение египтян в Акку. 1832.

На вопрос Ибрахима о его казне, которая принадлежала победителю, пленный паша отвечал, что все его сокровища были розданы гарнизону. Полагают, впрочем, что в Акке, хотя одну только ночь продолжался грабеж, египетское войско нашло много добычи {Левантинец Катафаго успел в эту ночь и в следующие два-три дня нажить огромную сумму, покупая за ничто дублоны и другие монеты, незнакомые египетскому солдату, который принимал их за жетоны или игрушки.}. Осада эта стоила жизни 4 тыс.

египтян, а по взятии крепости еще более 2 тыс. погибло в ней от лихорадок, последствия осады.

Абдаллах-паша был отправлен в Египет морем. Мухаммеду Али едва не причинилась болезнь от радости при известии о взятии Акки. Он с почестями принял своего пленника, который показался тем малодушнее в несчастье, чем дерзновеннее был прежде за стенами крепости. Впоследствии он переехал в Константинополь, где и поныне в неизвестности живет пенсией от султана.

Из Акки Ибрахим-паша поспешил в Дамаск. Он перешел Иордан между озером Хула и Галилейским морем чрез Джиср эль-Якуб – Яковов мост {Имя это дано мосту на Иордане от строителя его араба Якуба. Иные путешественники, которые везде встречают библейские предания, вообразили, что в этом месте перешел через Иордан Иаков, сын Исаака, когда бежал от гнева Исава.}. Здесь Иордан служит границей между пашалыками Акки и Дамаска: первый был совершенно покорен, второй ждал победителя. Али-паша дамасский потерял всякую надежду понудить жителей к обороне против бунтовщика, отлученного халифом, и вооружить во имя религии, как то ему было поведено, 30 тыс. войска из жителей священного града ислама.

Османское правительство уже два века так часто, так неразборчиво прибегало к этим воззваниям, так небережливо питало в народе фанатические порывы, что эта пружина, на которой было некогда воздвигнуто величие Османова племени, хотя и сохраняла еще свою могучую упругость, однако не повиновалась более тому направлению, какое придавала ей рука духовного и политического главы ислама. Али-паша приличия только ради выставил против египтян несколько легких отрядов, которые отступили при первом их появлении, и, между тем как сам он ретировался в Хомс, Ибрахим вступал в город и находил радушный прием в народонаселении, над коим висела гроза султанского гнева {Египетские войска заняли Дамаск 13 июня 1832 г. – Прим. ред.}. Ибрахим дрался с пашами, брал крепости, постановлял новые власти, но никому не позволял сомневаться в верноподданнической его преданности законному государю. Этот особенный вид бунта искони известен и возможен только на Востоке: паши бунтуются не против султана, которого духовные и политические права, яко наместника пророка, пребывают неприкосновенны, но против правительства, поставленного султаном; а так как противоположности часто бывают смежны исходно, то в этом отношении деспотизм восточный встречается с радикализмом Запада. В пятницу, в час торжественной молитвы мусульман, которая заключается воззванием имама в мечети за здравие и долголетие султана, имам подошел к Ибрахиму с вопросом, на чье имя произнести молитву. Ибрахим, оскорбленный тем, что могли подвергнуть сомнению его верность султану и как бы принять его за раскольника, приказал публично высечь имама по пятам. После столь торжественного акта своей верности султану Ибрахим поспешил разбить его армию в Хомсе и в Белене.

Глава 6

Умышленная лень и расчеты Порты. – Основные причины ослабления Османской империи. – Прибытие сердари-экрема в Сирию. – Сражения под Хомсом

и в Белене. – Бездействие флотов. – Поход египтян в Малую Азию. – Чувства народонаселений. – Вступничество России в дела Востока. – Расположение других держав. – Сражение под Коньей. – Прибытие русского флота и войска в Босфор. – Переговоры. – Притязания и промахи французского кабинета. – Кютахийский договор. – Чувство султана к мухаммеданам и период веротерпимости. – Ункяр-Искелесский трактат и основная его мысль.

Когда с высот Тавра сердари-экрем спускался к сирийскому берегу, первая весть, полученная им на пути, была о взятии Акки. Можно было подумать, что турецкая лень среди событий критических дала египтянам овладеть крепостью, которая почиталась оплотом Сирии после троекратной ее осады Наполеоном и турецкими пашами при Джаззаре и при Абдаллахе. Но то была не лень, а расчет. Порта желала падения Акки. Наученная вековым опытом и верная своим преданиям, она предпочитала в борьбе с вассалами извилистые пути мерам прямым и решительным. Она помнила, что торжество Джаззара над французами за стенами Акки послужило лишь к продлителью на тридцать с лишком лет постоянного бунта аккских пашей. И нет сомнения в том, что Абдаллах принял бы сердари-экрема Хусейна точно так, как Джаззар принимал верховного везира Юсуфа Диа-пашу. Порта видела в Ибрахиме орудие для наказания Абдаллаха. Она лишь ошиблась в расчете средств этого орудия и в расчете последствий взятия им Акки. Падение прославленной крепости всего более послужило к упрочению власти Ибрахима над сирийскими племенами и в то же время вселило бодрость и воинственный дух в рекрутах, из которых была по большей части составлена египетская армия.

Так-то открывалась в 1832 г. новая восточная драма, которой развязка потревожила всю Европу в 1840 г. Державы, которые заблагорассудили принять деятельное участие в развязке, вправе ли винить турок за то, что они умышленно допустили взятие Акки? Мы заметили, что расчеты дивана были ошибочны; не менее того были они логическим последствием тех политических начал, на которых основана Османская империя.

Полномочие, которым облакались наместники султана в областях, вместо того чтобы послужить жизненным цементом для связи великолепных обломков, из которых сабля Мухаммеда, Селима и Сулеймана воздвигла этот колосс, послужило к упрочению не государственного единства, но какой-то хаотической конфедерации вооруженных деспотов. Эти наместники беспрекословно признавали власть своего владыки как духовного главы империи, но тогда только подчинялись его правительству, когда это согласовалось с их выгодами или когда не имели средств вести с ним войну. После удачного преобразования военной системы Махмуд с упорством и с верой в свою звезду предпринял подвиг более трудный. Ему предстояло бороться уже не против предрассудков своего народа, не против буйства янычар, но против того политического начала, которое по необходимости четыре с лишком века служило основой султанской власти, против того полномочия, которым были облечены его наместники в областях.

Судьбы кочевого племени каспийских пастухов, которое среди тревоги нашествия миллионов монголов появляется в истории Востока избранным народом бога войны, поражают ум наблюдателя. Воинские его подвиги в ту пору, когда это малочисленное племя созидало свое политическое величие, достойны лучших страниц истории Древнего

Рима. Но Рим умел обласкать покоренные народы, предоставив им свое гражданское право или льготы муниципальные, и в то же время перенимал от побежденных науку и религию и тем сроднялся с ними.

По потере своей политической самобытности покоренные народы последовательно привыкали видеть в Риме уже не бич мира, но центр политического их существования и источник гражданственности. Рим усыновлял покоренные племена и привязывал их к своим судьбам узами гражданства. Даже тогда, когда империя подпала военному деспотизму, области не отпадали сами собой. Ни бесчинства преторианцев, ни междоусобия императоров не послужили сигналом к бунтам. Империя рушилась не от восстания префектов или народов, но от натиска миллионов внешних врагов. Османские завоеватели, установивши незыблемым условием гражданского права веру в Мухаммеда, провели непреступную грань между победителями и побежденными. По взятии Константинополя поспешно заразились они всеми пороками политической дряхлости, но по гордости завоевателей отвергли и гражданский закон, и науку правления, чуждую их наследственному инстинкту. В первый период своего владычества в Константинополе султаны величались титулом кесарей римских, но вовсе не следовали стезе, проведенной кесарями в течение четырнадцати веков, и той системе, благодаря которой империя, ослабевшая в борьбе с внешними врагами, находила опору в сочувствиях подвластных народов.

Султаны и владетельное их племя остались гостями среди покоренных племен и их бичом, а по малочисленности собственного племени прибегли к удобному, но роковому феодальному устройству своего правительства, несмотря на то что в их племени и политическом устройстве их гражданского общества не было дворянства, первого элемента феодальной власти. Под наружным блеском правительственного деспотизма господствовала по всему пространству империи совершенная анархия, и право, как государственное, так и частное, другой опоры не могло иметь, кроме материальной силы. Удалой бродяга делался самовластным повелителем области, душил народ, но извлекал из него элементы могущества, которыми отстаивал свое право против султанов, именем коих узаконялось всякое похищение власти и все ее неистовства. Еще в ту пору, когда Западная Европа верила в слепое повиновение пашей и в их готовность быть удушенными, как только посылались им от султана фирман и снурок, султаны видели себя осужденными в самую блистательную эпоху турецкого могущества периодически возобновлять завоевание наследства, завещанного им предками.

Легко постигнуть смысл правительственной реформы, предпринятой Махмудом. Она усилила власть султанов. Но спасет ли она государство? Приверженцы Турции видят в ней спасительный перелом внутреннего недуга. Но эти последовательные политические кризисы, которыми сопровождается доселе она, более и более принимают характер смертельного недуга, от которого не спасет ни усиление власти султанской, ни торжество над янычарами и над пашами, ни льготы, жалуемые подвластным племенам, ни сочувствия внешнего мира.

Вряд ли размышления эти можно почесть неуместными пред открытием военных действий уже не между двумя вассалами, но между торжествующим вассалом и законным его повелителем.

Сердари-экрем поставил свою главную квартиру на лихорадочном берегу Искендерунского залива и ждал флота и транспортов с провиантом. После шестинедельного тщетного ожидания злокачественный климат этого берега заставил его перейти в Антакью (Антиохию). Отселе отрядил он дивизионного генерала Мехмет-пашу, который слыл знатоком европейской тактики, с 10 тыс. регулярного войска и 10 пушками в город Хаму и приказал ему принять начальство над пашами, расположенными передовым отрядом в Хомсе, и укрепиться в первом из этих городов.

В эту эпоху старая турецкая дисциплина, в силу которой главнокомандующий сек по пятам своих генералов, уже распалась, а новая дисциплина плохо еще водворилась. Мехмет-паша, исполненный самонадеянности, не послушался осторожных предписаний сердари-экрема и, ничего не проведая о движениях неприятеля, не подозревая, что Ибрахим уже выступал из Дамаска, спустился в Хомс со своим отрядом и располагался занять эту позицию, чтобы скорее пожать лавры победы над бунтовщиком.

Ибрахим между тем подвигался на север вдоль Оронта, этой реки, называемой у арабов эль-Ахи (Строптивной), по причине ее течения с юга на север, в противность всех рек Южной Азии, текущих с севера на юг. Сам Ибрахим шел на завоевание с юга на север, в противность обычному ходу завоевателей с севера на юг. В двух переходах от Дамаска, в эль-Кусейре, присоединилась к нему дивизия, которая во время осады стояла передовым постом в Тараблусе и Баальбеке. 26 июня, за два часа до захождения солнца, египетское войско неожиданно в боевом порядке подступало к Хомсу. Турки отдыхали за городом от усталости с дороги, без палаток и без провианта, а паши на берегу Оронта закуривали свои кальяны.

Такова была первая встреча египетских войск с султанскими. С обеих сторон было до 10 тыс. регулярного войска и столько же иррегулярного. Турецкие полки недолго устояли противу натиска египетской пехоты, и сам Мехмет-паша отчаянной храбростью не мог искупить свою оплошность. К ночи дело было решено, а наутро Хомс занят Ибрахимом. Турки потеряли половину своей артиллерии, 2 тыс. убитыми и 3 тыс. пленными.

Эта легкая победа довершала впечатление, произведенное на сирийские племена взятием Акки, и обеспечивала Ибрахиму покорность края. Остатки турецкой дивизии в своем побеге более претерпели от своих нерегулярных сподвижников, чем от победителей. Низамы, именуемые в торжественном слоге Востока мансурие (победоносцами), были осмеяны и ограблены в этом общем побеге нерегулярными наездниками башибузуками. Они сбрасывали с себя мундиры и ранцы, которые навлекли на них поругания и обиды. Можно ли было ожидать более пагубных результатов от первого появления в Сирии этого любимого создания Махмуда, плода десятилетних упорных усилий, на котором основывались надежды грядущих судеб империи? Толпа бегущих заразила паническим страхом все отряды, расставленные на пути для обеспечения сообщений с главной квартирой. Поток грозил разломать и главную

квартиру. Для удержания его фельдмаршал прискакал сам к мосту Джиср эль-Хаидид {Железный мост, [названный] по бывшим некогда железным воротам с обеих его сторон, где взимались каффары с проходящих.} на Оронте и там своей рукой стал рубить бегущих. Он поспешил реформировать кое-как свою армию и подвинулся к Халебу, чтобы закрыть этот город от Ибрахима. Но вскоре убедился он во враждебном расположении жителей халебских.

Подобно Дамаску, Халеб славился в исламе своим буйством. Фанатическое его народонаселение разделяется на две партии – енчарие и эмирие {Это разделение распространялось на мусульманскую феодальную верхушку Халеба. Обе группировки различались не только по своему происхождению, но и по источникам дохода. «Эмирие были всегда враждебны христианам, – писал К.М. Базили в 1850 г. в донесении к послу, – енкерие покровительствовали последним и были вместе с ними заинтересованы в торговле и промышленности, тогда как материальная заинтересованность их соперников концентрировалась в эксплуатации сельского хозяйства, земельной собственности, вакфов, ильтизамов и спахиликов» (АВПР. Ф. «Посольство в Константинополе». Д. 892. Л. 245). – Прим. ред.}, коих взаимная вражда служила единственной опорой правительственного влияния. Среди вековой повсеместной анархии Халеб постепенно принимал вид анархической республики. В ту пору обе партии – и потомки Мухаммеда, именуемые эмирами, и потомки янычар, учрежденных в эпоху завоеваний и никогда не служивших правительству, – были равно недовольны стамбульскими преобразованиями и упрекали своего султана в ереси.

Когда Ибрахим занял Дамаск, явилась к нему депутация от жителей халебских с просьбой освободить их город от пашей. Османский фельдмаршал, проведав о расположении города и опасаясь бунта, отказался от защиты Халеба и поспешил занять горные проходы Тавра, древние Врата Сирийские, чтобы прикрыть Малую Азию от вторжения египтян. Искендерунские лихорадки значительно обессилили его войско. Вслед за лихорадками показалась и холера. От повальных болезней турецкий солдат не унывает, но поражение под Хомсом лишало его той бодрости, без которой турецкое войско, в чалме ли оно или в ранцах, осуждено поражению.

Чтобы сохранить сообщение с морем, Хусейн-паша занял высоты Белена между Антиохийским озером и Искендерунским заливом. Между тем Ибрахим, подвигаясь к Халебу, находил везде радушный прием, поставлял новые власти и забирал встречаемые на пути обозы турецкой армии. Три недели спустя после хомского дела он атаковал Беленское ущелье. Войска его дрались здесь храбро и с верой в своего предводителя и в победу. Сочувствия народонаселений, утомленных бесчинствами турецкой армии после хомского дела, внушали новую бодрость египтянам. Маневры Ибрахима были хорошо приноровлены к местностям. Египтяне небольшими отрядами последовательно опрокидывали турок с занимаемых ими высот, а артиллерия очищала пред ними ущелья. Беленское дело едва ли не лучший стратегический подвиг Ибрахима {Беленская битва произошла 29 июля 1832 г. – Прим. ред.}.

Отселе турки безостановочно перебежали остальные [отроги] Тавра, и сердари-экрем довершил роковые ошибки сирийской экспедиции тем, что по сдаче неприятелю

Врат Сирийских в Белене до того потерял голову, что не озаботился о защите Врат Киликийских в Колек-Богазе. В этом ущелье, которое на десять с лишком верст пролегает едва проходимыми тропинками, среди страшных скал и пропастей, один батальон и две пушки были достаточны, чтобы совершенно замкнуть путь в Малую Азию. Фельдмаршал расставил кое-где плохие нерегулярные отряды под начальством какого-то Садык-паши, а сам с остатками разбитой армии поспешно ретировался вовнутрь Малой Азии, по дороге в Конью (древний Икониум).

Курды и туркмены, кочующие в Карамании, были бичом для побежденных, а Ибрахиму служили они проводниками. Слух о выступлении его из Аданы, где египетский авангард едва не захватил самого сердари-экрема, мгновенно очистил перед ним ущелье Колек-Богаз, откуда нашествие египетское врвалось в самое сердце империи.

Заметим еще, что в Искендеруне египетское войско нашло огромные запасы, которые при всей медленности турецкой армии в походе из столицы в Сирию едва успели морем пред самым ее бегством. Фельдмаршалу было тогда предложено бросить в море все эти запасы, чтобы не достались они Ибрахиму, а без запасов Ибрахим не мог бы его преследовать. Но Хусейн в своем полуевропейском костюме пребывал верным патриархальному духу Азии. «Истреблять щедрые дары, коими аллах утоляет голод своего создания, – тяжкий грех, – отвечал он, – довольно то, что мы ведем войну с правоверными, морить их голодом не нужно».

Оба виновника сирийских бедствий Хусейн и Мехмет были без гнева приняты султаном, которого деды казнили как измену несчастья или ошибки своих полководцев. Когда народонаселения охотно передавались бунтовщику, верность войска и пашей, которые храбро дрались за своего государя, выкупали все их ошибки. Впрочем, Махмуд понял, что гений знаменитого ага-паши истощился в потоках крови янычарской и что одна преданность своему государю при беспощадной суровости к мятежникам не заменяет талантов в полководце. С того времени Хусейн занимает пашалык Виддинский и копит миллионы торговлей и монополиями.

Флот под начальством Халиль-паши не принял никакого участия в военных действиях. После Беленского сражения он встретился с египетским флотом в Кипрском море. Несколько недель сряду оба адмирала крейсировали в виду друг друга, как бы условившись избегать сражения. Затем Халиль-паша спустился в Мармарисскую бухту, у Карийского берега, насупротив Родоса. Египетский флот стал его там блокировать, пока буря согнала египтян в Кандию, в Судский залив, на зимовку. Тогда Халиль-паша поплыл обратно в столицу {В те годы я служил на эскадре адмирала Рикорда в Средиземном море. Сирийские дела привлекали уже внимание кабинетов. Россия предвидела необходимость вступничества своего. В конце сентября мы посетили с адмиралом Суду и Кандию, где я в первый раз видел египетские регулярные войска. Кандия была вверена паше египетскому в награду за опустошения, сделанные им в Пелопоннесе, и за потерю его флота в Наварине. Страшно было смотреть на тогдашнее состояние Кандии. В проезд наш через живописные деревни злополучного острова не встречалась ни одна живая душа. Лондонская конференция присудила султану Кандию, которой христианское народонаселение с таким остервенением дралось противу турок во все продолжение

греческой войны. В продолжение войны турки спасались в Малую Азию или запирались в трех крепостях, где их гарнизон выдерживал натиск христианского народонаселения. По окончании войны, когда Греция была осуждена отозвать свое войско из Кандии и сдать остров туркам, христианское народонаселение спасалось в Грецию. В тех деревнях, которые не были сожжены, дома оставались в ту пору (года два спустя по бегстве жителей) еще не ограбленными, потому что и грабить было некому.

Из Кандии поплыли мы отыскивать турецкий флот. У Родоса встретили мы флот египетский из 13 судов, в том числе 3 линейных корабля и 5 фрегатов. Фрегаты были выкрашены двухдечными кораблями, а к 80-пушечным кораблям была прибавлена третья белая полоса для эффекта. Турецкий флот нашли мы в Мармарисской бухте, которая едва ли не лучший порт Средиземного моря по безопасности, по простору, по удобству защиты обоих его проходов. Турецкий флот состоял из 32 судов, в том числе двенадцати линейных кораблей. Флаг и вымпел великого адмирала развевались на 132-пушечном «Мухмудие». Халиль-паша, командуя флотом вчетверо сильнее египетского по числу и калибру орудий, закрыл, однако ж, цепями оба прохода бухты, боясь атаки. Он со всегдашней своей любезностью угощал нас в великолепной платановой роще на берегу залива и уверял нашего адмирала, что он ждал только султанского приказа на истребление египетского флота. Но он имел основательные причины уклоняться от сражения: экипажи были составлены не из матросов, а из всякого сброда; офицеры не имели никакой опытности в морском деле (теории от турок требовать не станем), а все милости султана не могли внушить капудан-паше морского гения. Халиль, дитя Кавказа, этого рассадника пашей, был в детстве невольником своего соотечественника Хозрефа, который определил его в регулярное войско офицером, сохраняя, однако ж, над ним свои права. В Морейской экспедиции Ибрахим-паша полюбил его за ловкость и телесную силу. В кампаниях 1828 и 1829 гг. противу России личная его храбрость и покровительство Хозрефа возвели его в звание пашы. По заключении мира султан, желая показать Европе образчик перерожденных турок, назначил его послом в Петербург, где в самом деле он понравился двору и обществу, стараясь перенимать тон и манеры европейского человека. Когда по шестимесячном пребывании в России возвратился он в Стамбул, султан был в восторге от него за его развязность, за благородные военные приемы, за его рассказы о русской армии, о величии русского двора. Рука султанши – дочери Махмуда и звание генерал-адмирала (капудан-паши) возвели кавказского невольника на высочайшую степень почестей и величия при османском дворе. И после реформы, как и в старину, султаны вверяют свой флот любимцу, который никогда не служил в море.

Египетским флотом командовал Осман Нур эд-Дин-паша, который заблаговременно получил воспитание в Европе и имел при себе нескольких хороших офицеров-французов. Оба адмирала были лишены своего сана и впали в немилость. Халиля укоряли в доброжелательстве к египетскому паше за то, что он предохранил султанский флот от истребления и советовал заключить мир с Мухаммедом Али. Ибрахим, со своей стороны, был озлоблен на египетского адмирала за то, что он не атаковал турецкого флота. Оба адмирала были вправе после Беленского дела ожидать переговоров между Портой и Египтом, вместо того чтобы продолжать бесполезные кровопролития.

Но в ту пору у Мухаммеда Али кружилась голова от успехов, которые превосходили все его ожидания. Ибрахим в своих донесениях уверял старика, что после хомского и беленского дел он не побоится встречи со 100-тысячной турецкой армией. У Махмуда нрав был уже закален в борьбе с вассалами; он приходил в злость, но не в уныние после двухкратного поражения, которое по справедливости приписывалось ошибкам генералов. Мухаммед Али не ходатайствовал о мире, а со стороны законного государя открытия [переговоров] о мире были бы сопряжены с уничтожением.

Бунты Боснии и Албании были усмирены. Известно, что Мухаммед Али заблаговременно раздувал пламя бунтов в европейской Турции, чтобы отвлечь внимание Порты от Сирии. Целых два года лучшие полки низама под начальством верховного везира Мехмета Решида, лучшего из турецких полководцев, были заняты войной в Румелии против буйных ее племен {Речь идет о восстаниях, вспыхнувших в 1831 г. в Албании под руководством Мустафа-паши и в Боснии во главе с Хусейном. – Прим. ред.}. Султан отозвал оттуда свою армию. Кроме двадцати батальонов и двадцати эскадронов, довершивших свое образование в этой трудной школе, усмиренные племена охотно шли под знамена верховного везира, умевшего своей храбростью и своим умом внушить им доверие к себе. Около 30 тыс. албанцев и босняков под предводительством своих удалых беев перешли в Азию. На этих-то сынов Румелии, вскормленных войной в анархической их родине, полагался преимущественно верховный везир для наказания феллахов нильских, построенных в регулярные батальоны, но всегда презираемых турками.

Остатки разбитой армии Хусейна стекались вторично в Конью, куда равномерно шла навстречу Ибрахиму румелийская армия. Сам султан с необыкновенной деятельностью ускорил приготовления к походу, одушевлял дарами и ласковой речью ревность своих офицеров, делал смотры, лично заботился о солдате. В ожидании верховного везира его начальник штаба Эмин Реуф-паша формировал армию в Конье. Ему было приказано избегать сражения и в случае надобности отступить.

Мухаммед Али между тем насильственными мерами набирал рекрутов для своей сирийской армии и снабжал Ибрахима с моря артиллерией и всем нужным для продолжения кампании среди зимы. Около двух месяцев оставался Ибрахим в Аданском пашалыке. Он успел привлечь в свою службу нерегулярную конницу из туземцев. Мы уже заметили, что дорога в Малую Азию была пред ним открыта. Ибрахим разослал туда своих агентов с поручением поддерживать в грубых племенах этого края дух негодования на правительственные реформы султана и изображать победителя ваххабитов орудием аллаха для спасения ислама.

В октябре он перешел с армией ущелье Тавра, направляясь к Конье. Народонаселение на пути охотно покорялось ему. Строгая дисциплина египетского войска и правосудие Ибрахима к жителям, утомленным от безначалия турецкой армии, распространяли по всей Малой Азии великую славу о нем и обеспечивали ему народное сочувствие.

Буйный дух и феодальное самоуправство малоазийских дербеев незадолго пред тем были обузданы Махмудом, но первые попытки преобразования всегда тягостны для народа. Власть наследственных дербеев переходила по распоряжению правительства в

руки безнравственных чиновников. Правительственная власть усиливалась, но не менее того народу приходилось жалеть о прежних своих притеснителях, и неудовольствие на реформу более и более распространялось, и всюду ждали Ибрахима как избавителя.

Накануне прибытия Ибрахима в Конью отступил оттуда Эмин Реуф-паша с главной квартирой в Ак-Чаир. Верховный везир не замедлил принять начальство над армией, которая простиралась до 55 тыс. при 90 орудиях и была во всех отношениях несравненно лучше той, которая так напрасно погибла в Сирии. Резерв из 20 тыс. отборного войска, в том числе гвардии султанской, был расположен лагерем на азиатском берегу, неподалеку от столицы, или стоял гарнизоном в самой столице.

Итак, судьба империи вверялась армии верховного везира. В случае его поражения 20-тысячный резерв не спас бы Константинополя. Мы видели, какие чувства проявлялись в племенах малоазийских. Дух янычарства таился еще в самой столице и порой выражался пожаром, по старому навыку. Все полицейские строгости Хозреф-паши, облеченного полномочием военного генерал-губернатора и любимца этой эпохи, не унимали сплетен кофейных домов. Махмуд хорошо понимал, что если и в третий раз фортуна благоприятствовала Ибрахиму на поле сражения, он мог идти беспрепятственно на Константинополь, а приближение его произвело бы восстание в самой столице.

Итак, борьба счастливого вассала с законным его государем обращалась уже в важный политический вопрос о существовании самой империи под царственной ее династией. Мухаммед Али и Ибрахим были не из числа тех пашей, которые свергали с престола султана, чтобы пасть ниц пред его родным братом и наследником, как это действительно случилось в 1808 г., когда Мустафа Байрактар воцарил самого Махмуда. Европейские державы могли тогда спокойно ждать решения внутреннего кризиса Турции, но в нынешних обстоятельствах кризис восточный принимал объемы важного политического вопроса для самой Европы, потому что предстояла, очевидно, перемена династии и ряд таких последствий, которые могли бы породить европейскую войну.

Географическое положение России, желание кабинета нашего обеспечить в соседнем нам государстве внутренний мир и законную власть ради промышленного развития всего берега Черного моря, которому вековой исплинский труд наших государей создал новые судьбы, наконец, самые отношения наши к Турции после Адрианопольского мира и желание упрочить этот купленный победами мир на надежнейших основах сочувствия правительства и народа турецкого и их доверия к могущественному северному соседу – все это обязывало Россию предупредить бедствия, коими угрожала Востоку и самой Европе туча, скопившаяся с юга в центре Малой Азии.

В течение первых трех лет после Адрианопольского мира восточная политическая система России принесла свои плоды. Османский кабинет, испытавши силу оружия России, удостоверился, наконец, в откровенности и в прямоте русского слова и в охранительном направлении русского двора. Едва возродившаяся Греция, недовольная предписанными ей границами, и христианские племена, подвластные Турции, с глубоким прискорбием смотрели на охранительное направление России относительно Османской империи. Но по справедливости могли ли они ожидать улучшения своей судьбы от

падения царственной династии? Если бы даже распалась Османская империя, были ли христианские племена в состоянии стяжать существование самобытное без содействия Европы, а вооруженное вмешательство Европы при тех расположениях, какие были уже выказаны некоторыми из великих держав, угрожало лишь усугублением зол страдальческому Востоку, который всего более нуждался тогда в отдыхе.

Султан Махмуд, вверяя судьбу свою случайностям одного сражения, обратился в то же время к России, прося ее заступничества, на тот случай, если будет проиграна и эта последняя решительная ставка. По взятии Ибрахимом Акки, когда бунт Мухаммеда Али принимал уже грозный оборот, русский кабинет заблаговременно указывал другим державам необходимость унять победителя. Достаточно было тогда появления английского и французского флотов у берегов Сирии или Египта и одной угрозы для укрощения его замыслов.

Но западные державы беззаботно смотрели тогда на происшествия Востока. Затем, когда гроза висела уже над столицей и когда входил в Босфор черноморский фрегат «Штандарт», на котором был отправлен генерал Муравьев {Муравьев Николай Николаевич (1794 – 1866) – дипломат и военный деятель. В 1819 г. ездил в Бухару и Хиву для исследования путей и установления дипломатических отношений с ханствами, участвовал в русско-персидской войне 1826 – 1828 гг. и в русско-турецкой войне 1828 – 1829 гг.; в 1833 г. командовал русским отрядом, направленным султану для помощи против Мухаммеда Али. – Прим. ред.} с великодушным ответом государя императора на просьбу султана и с предложением морального и материального содействия России, западные державы опомнились и стали с завистью смотреть на бескорыстное вступничество России. Франция в особенности, которая еще недавно так опрометчиво и так неудачно пыталась вооружить Турцию против России по случаю польской войны, теперь настоятельно требовала то ласками, то угрозами, чтобы устройство дела было вверено исключительному ее посредничеству. Явное ее потворство египетскому паше внушало султану мало доверия к державе, которая при всяком случае хвалилась в Константинополе древним союзом с Османской Портой. Незадолго пред тем ее министр иностранных дел в публичной речи в палате депутатов называл Турцию трупом за то, что она не послушалась внушений французского посла, не поднялась войной на Россию в 1831 г.

Меж тем Ибрахим ждал в Конье верховного везира. На север от города по большой дороге, ведущей в Константинополь, он ежедневными маневрами приучал свои войска к местностям выбранного им поля сражения. 9 декабря Решид Мехмет проиграл это роковое сражение под Коньей. Уже победа была в его руках, он удачными маневрами обхватывал египетскую армию, отрезавши ее от города, и положение Ибрахима становилось критическим потому особенно, что нерегулярные его ополчения были готовы передаться туркам. Но в это время густой туман покрыл поле сражения; везир наскочил среди не узнанного им египетского отряда и был взят в плен. «Кто вы?» – спросил египетский генерал, к которому его представили. «Офицер», – отвечал Решид Мехмет-паша. «Не вы ли верховный везир?» – спросил египтянин. «За несколько минут пред этим я был верховным везиром», – сказал с унынием пленник. Египтяне поспешили воздать ему великие почести; весть разнеслась между сражающимися; генерального штаба у турок не

было; все распоряжения, как и план битвы, были в руках главнокомандующего; с лишением его все перепуталось; румелийские милиции, в которых преимущественно состояла сила турецкой армии, не признавали над собой власти других пашей; узнав о плене того, кому они служили лично, можно сказать, их беки прекратили огонь и стали сходить с поля. Таким образом, турецкая армия, упустив из рук несомненную победу, обратилась в бегство.

Восточные народы привыкли видеть в победителе избранника судьбы, избранника божия. Победа, одержанная Ибрахимом в сердце империи над самим главой правительства, доставшимся ему в плен, над войском, в котором и старая, и новая военная система Турции были выставлены во цвете регулярных и иррегулярных сил, глубоко поразила воображение племен малоазийских. Одно за другим приносили они свою покорность победителю. И кризис этот совершался под стенами Коньи, заветной колыбели величия первых султанов, откуда молодое племя Османа, исполненное жизни и силы, вышло некогда вслед лучезарной звезды побед на свой исполинский подвиг.

Султан при первом известии о поражении последней своей армии обратился к нашему посланнику А.П. Бутеневу {Бутенев Аполлинарий Петрович (1787 – 1866) – дипломат, начал службу в Министерстве иностранных дел в 1804 г. В 1816 г. был назначен секретарем российского посольства в Константинополе, где находился до 1821 г.; участвовал в русско-турецкой войне 1828 – 1829 гг. в качестве управляющего походной канцелярией Нессельроде. После заключения Адрианопольского мирного договора был назначен поверенным в делах посольства, а с 1830 г. – послом в Константинополе. С 1843 по 1856 г. – посланник в Риме. В 1856 г. Бутенев был назначен членом Государственного совета и вновь направлен посланником в Константинополь, где оставался до 1858 г. – Прим. ред.} с требованием обещанного ему вспомогательного войска и флота для прикрытия угрожаемой его столицы. В то же время Халиль-паша, который слыл приверженцем Мухаммеда Али, был отправлен в Египет для открытия переговоров. Согласно желаним султана, генерал Муравьев поспешил также в Египет, чтобы твердостью и искренностью русской речи рассеять туман, наведенный успехом оружия на ум Мухаммеда Али, и подкрепить предложения Порты, которая уступала ему всю Южную Сирию. Полковник генерального штаба Дюгамель {Дюгамель Александр Осипович (1801 – 1880) – военный и государственный деятель. В 1827 г. был назначен вторым секретарем военного отделения российского посольства в Константинополе, участвовал в русско-турецкой войне 1828 – 1829 гг. В 1832 г. был прикомандирован в качестве уполномоченного от военного министерства к генералу Муравьеву и направлен в Константинополь, откуда был послан 5 января 1833 г. в Конью с поручением предложить Ибрахим-паше остановить продвижение египетских войск. С 1833 г. – генеральный консул в Александрии, активный проводник русской политики при дворе Мухаммеда Али, где оставался до 1837 г. С 1837 по 1841 г. – посол в Тегеране; в 1843 г. был направлен с особым поручением в Молдавию и Валахию. Дальнейшая его служба не была связана с восточными делами. О пребывании Дюгамеля в Османской империи см. «Автобиография А. О. Дюгамеля» // «Русский архив». 1855. Ч. II – IV. – Прим. ред.} был в то же время наряжен от нашей миссии в лагерь Ибрахим-паши с советом остановиться и ждать результата мирных переговоров между Портой и отцом его.

Французское посольство, со своей стороны, упорствуя в притязании окончить все это дело своим посредничеством, ручалось Порте, что Ибрахим не подвинется вперед, и настойчиво и с угрозами требовало, чтобы вспомогательные силы русских не были призваны в Константинополь. Порта знала, что в то же время французский генеральный консул в Александрии г. Мимо не переставал ободрять Мухаммеда Али от имени своего правительства.

Среди этого дипломатического треволнения и вопреки самонадеянным уверениям французского поверенного в делах при Османской Порте Ибрахим выступил из Коньи. Надеялся ли он приближением своим к столице причинить там бунт и свергнуть султана, или хотел он только подкрепить притязания своего отца и вынудить согласие Порты на все, что он ни предпишет ей, – этого мы не знаем. Под предлогом, что в Конье не находил он продовольствия для своей армии, он шел прямо на Константинополь, но, не изменяя приличиям верноподданнических своих чувств к султану, он простирал эту азиатскую комедию до того, что поставил самого себя и всю свою армию под нарицательную команду своего пленника – верховного везира, главы правительства; на его имя писались все донесения, у него испрашивал он разрешения идти в Бурсу, неподалеку от Мраморного моря. На все советы русского комиссара, на настояние французского посольства он лаконически отвечал, что долг его – повиноваться отцу, который приказывал ему из Египта идти вперед.

Константинополь. XIX в.

Мухаммед Али меж тем, как только получил известие о победе, готовился со своим флотом идти прямо в Константинополь и явиться туда с моря в одно время с сыном, который шел вперед, встречая всюду в Малой Азии радушный прием.

Генерал Муравьев прибыл в Египет несколькими днями прежде Халиль-паши и успел унять буйного старика и расположить его к переговорам, объявивши ему, что в Константинополе найдет он морские и сухопутные силы России. И действительно, 8 февраля 1833 г. первый отряд Черноморского флота из четырех кораблей, четырех фрегатов и двух корветов под начальством контр-адмирала Кумани входил в Босфор. Известие об этом остановило Ибрахима в Кютахье, в 250 верстах от Босфора.

Новый французский посол адмирал Руссен прибыл в Константинополь. Он начал грозить прерванием сношений с Портой, если она не откажется от внешнего пособия, и обязывался именем своего правительства заставить Ибрахима переступить назад за ущелье Тавра, а Мухаммеда Али – принять условия, предложенные Халиль-пашой. Притязание это было довольно странно: в угоду послу надлежало выпроводить обратно русский флот, призванный султаном, и предпочесть дипломатическое ходатайство вооруженному заступничеству, когда дело шло о спасении империи от неминуемой гибели, когда бунт был готов вспыхнуть в столице, если бы Ибрахиму вздумалось направить по дороге в Константинополь свой авангард. Впрочем, ни Ибрахим, ни отец его не слушали самоуверенных предписаний посла. В течение марта и апреля еще два отряда Черноморского флота вошли в Босфор с 12 тыс. десантного войска, которое расположилось лагерем на азиатском берегу Босфора в долине Ункяр-Искелеси, насупротив французского посольства.

Генерал Муравьев, возвратившийся из Египта по открытии переговоров между Мухаммедом Али и Халиль-пашой, принял начальство над десантным войском, а вице-адмирал Лазарев – над флотом. Лишь в мае прибыл генерал-адъютант граф Орлов с полномочиями чрезвычайного посла и главнокомандующего морскими и сухопутными силами.

В Турции каждый раз, когда мусульманское народонаселение, которому исключительно присвоена политическая жизнь, по какому бы то ни было поводу приходит в волнение, гроза разрешается обыкновенно на безоружных и промышленных христиан. И в Румелии, и в Малой Азии правоверная чернь была в ту пору преисполнена фанатической злобы на христиан после греческой войны. Не менее того негодовала она на своего султана за правительственные нововведения, за усилия его унять анархические навыки, которыми янычарство заразило всю империю. Именем Ибрахима раздувалось пламя народных страстей, и во многих округах ждали с часу на час сигнала к истреблению христиан. Правительственная власть распадалась сама собой, моральное состояние края было таково, что в Смирне, например, в этом втором городе империи, неведомо откуда явился какой-то бродяга Мехмет-ага и от имени Ибрахима, не имея, впрочем, с собой никакого письменного документа, ни одного солдата, успел в двое суток составить заговор с некоторыми туземцами-мусульманами, а на третий день, без одного выстрела, сменил муселима и принял власть в свои руки. Город в 150 тыс. народонаселения охотно ему

покорился, одни европейские консулы протестовали, пока бродяга, ограбив, что мог, исчез.

Очевидно, что в таких обстоятельствах решительные меры, принятые Россией, спасли не только султана и его династию от честолюбивых покушений египетского паши, но и все христианское народонаселение столицы, Малой Азии и Румелии от неистовства правоверной черни. Вместе с тем положены границы семейной ссоре мусульман, а без быстрого появления русских сил в Константинополе неминуемо принимала она размеры тех вопросов, которые только всеобщей войной могут быть разрешены.

Переговоры длились между Портой и Мухаммедом Али. Принужденный отказаться от своих видов на самый Константинополь, где он мечтал возвести на османский престол свою династию и придать новую жизнь одряхлевшему государству, египетский паша домогался занять по крайней мере как можно более областей и округов под свое управление. Порта решилась уже уступить ему всю Сирию. И в самом деле, собственные ее пользы требовали этого пожертвования. Предстояло довершить и упрочить предпринятые правительственные преобразования в тех областях, откуда султаны извлекали элементы своего могущества, войско и казну; а Сирия, как мы уже видели, была постоянным бременем для Порты даже в ту эпоху, когда султаны и их правительства вовсе не заботились о внутренних делах пашалыков. В настоящий кризис и после выраженного сирийскими племенами сочувствия к Ибрахиму область эта под управлением пашей послужила бы орудием Мухаммеда Али для обуревания империи по произволу.

Сверх Сирии паша требовал Урфы и некоторых других округов по Евфрату, на север от Халеба, всего же настойчивее домогался он Аданского пашалыка под предлогом, что строевые леса этой области были ему необходимы для флота. А в самом деле обладание Аданским пашалыком казалось ему надежнейшим обеспечением Сирии, служа по двойным своим вратам как бы ключом этой области со стороны Малой Азии. Наконец, Порта, принужденная уступить Сирию, решилась отдать в руки своего вассала и ключи этой области, хотя и знала, что те же ключи открывали путь из Сирии во внутренность Малой Азии. Договор был подписан в Кютахье, в главной квартире египтян, 13 числа мусульманского месяца зу-ль-када (27 марта) {Дата неверна. Кютахийский договор был подписан 4 мая 1833 г.

Базили, видимо, намеренно искажает факты для того, чтобы, придав законный характер вмешательству России в турецкие дела, обелить русскую политику. В действительности события складывались следующим образом.

Потерпев поражение в борьбе с Мухаммедом Али, султан обратился за помощью к Англии и Франции. Однако его обращение было безрезультатным.

Лишь Россия, не желая падения слабого султанского правительства и замены его сильной властью Мухаммеда Али, активно вмешалась в турецко-египетский конфликт. В Константинополь был послан генерал-лейтенант Н.Н. Муравьев. Целью его миссии было

заявить Порте, что русское правительство готово оказать Турции помощь по первому ее требованию и наставить Мухаммеда Али прекратить военные действия.

Однако турецкое правительство отказалось принять помощь России, но оставило за собой право воспользоваться ею в дальнейшем. Для переговоров с Мухаммедом Али в Александрию Порты послала Халиль-пашу. Тем временем 20 января 1833 г. армия Ибрахима выступила из Коньи и двигалась по направлению к Бурсе. 2 февраля она дошла до Кютахьи, здесь ее застал приказ Мухаммеда Али остановиться (это был результат поездки Муравьева в Александрию). Порты, узнав о продвижении армии Ибрахима, вновь просила содействия у французского представителя, но, не получив от него твердых гарантий прекращения наступления египтян, 2 февраля 1833 г. обратилась к русскому послу Бутеневу с просьбой о присылке черноморской эскадры и сухопутного корпуса в 25 – 30 тыс. человек.

Появление русской эскадры в Босфоре вызвало большую тревогу среди европейских дипломатов. Под давлением французского и английского представителей султанское правительство приняло условия, продиктованные ей Мухаммедом Али: Мухаммеду Али передавалась в управление вся Сирия вместе с Аданским пашалыком. – Прим. ред.}

1 апреля 1833 г. в султанском манифесте (тевджихат), коим ежегодно подтверждаются или сменяются наместники султана, показались опять имена Мухаммеда Али и Ибрахима, выключенные за год пред тем. К прежним их владениям – Египту, Кандии, Джидде – присовокуплялись теперь пашалыки Сайдский (Акка), Дамасский, Тараблусский и Халебский и санджаки Газы и Набулуса. Аданский пашалык был затем пожалован Ибрахиму на праве мухасилыка, т. е. праве собирать подати на счет правительства.

Тогда лишь Ибрахим стал отступать со своим войском за Тавр. Известие о переходе его арьергарда в границы уступленных ему владений было получено в Константинополе в последних числах июня. Прежде 1 июля наш флот и наше войско оставили спасенную ими столицу Османской империи.

Не один раз султан Махмуд лично командовал маневрами Ункяр-Искелесского лагеря, делал смотры, восхищался бодрым видом, дисциплиной и красотой строя наших полков. Впечатление, произведенное в султана, в правительстве, в войске и в народе османском кратковременным пребыванием русского войска и флота в Константинополе, послужило как бы торжественным подтверждением благорасположения российского двора к соседственной державе после Адрианопольского мира. Открывалась новая эра для миллионов восточных христиан по чувству признательности их государя к единой им державе. И в самом деле, шестилетний период с 1833 г. до смерти Махмуда был периодом практической веротерпимости турецкого правительства.

В этом периоде не издавалось никаких писанных уставов о веротерпимости, о равенстве подданных всех исповеданий, не провозглашалось никаких торжественных обетов к подвластным племенам; правительство османское не хвалилось еще новыми филантропическими началами, не бросало пыли в глаза доверчивой Европе теми приемами, которые ознаменовали следующее царствование и о которых будем иметь

случай говорить. Но личная твердая и искренняя воля самодержавного Махмуда вводила в правительство новые начала веротерпимости и сурово укрощала фанатизм правоверного народа. Высокий ум преобразователя постигал, что владетельное племя уже выполнило подвиг, предназначенный ему судьбой, и что Коран, коим была во время оно создана Османская империя, не может придать новую жизнь распадавшемуся царству. Он не унывал, а полагался на подвластные ему христианские племена.

Среди горьких испытаний этой эпохи, когда по первому призыву бунтовщика отторгались от законного государя одно за другим малоазийские племена, спасенные Махмудом от тиранства дербеев, когда мусульманское народонаселение столицы, спасенное им от наглого бесчинства янычар, было готово к измене, в эту эпоху еще более, чем в борьбе с янычарами и дербеями, Махмуд разлюбил свой правоверный народ. Нет никакого сомнения в том, что он хорошо постигал последствия тех льгот, которые по деспотической своей воле, не совещаясь с ненавистными ему улемами и без всяких законодательных форм и фраз, даровал он христианам. Он предвидел, что замышленное им равенство между христианами и мусульманами разломает до основы общественное и политическое здание его предместников, что христианское народонаселение европейской Турции по численному своему превосходству над мусульманами и еще более по преимуществам ума и трудолюбия возьмет перевес по всем степеням правительственной иерархии, от сельской управы до государственного совета, как только будет ему предоставлено политическое равенство; что мусульмане не подчинятся новому порядку вещей, несовместному с фанатизмом и с наследственной гордостью потомства завоевателей, что они восстанут бунтом на правительство, что правительство легко их растопчет в европейской Турции своими христианскими ополчениями; что азиатская Турция, где преобладает мухаммеданский элемент, отпадает от султанской власти; что султану предстанет необходимость избрать одно из двух: или самому принять христианство, восстановить византийский престол на прочном основании религиозного союза с подданными и завоевать Малую Азию своим христианским оружием, или перейти в Азию и фанатизмом ее народа воссоздать мусульманское царство на коренных его началах. Сомнения нет в том, что практический ум Махмуда все это предвидел и не боялся крайних последствий предначертанного плана. В Коран он не верил, как ни один из просвещенных мусульман в него не верит, а турок он глубоко презирал {Чувства Махмуда к туркам достаточно выказываются по следующим двум случаям этой эпохи: когда устраивался дворец в Долма-бахче, султан хотел туда определить отборных своих садовников. Он выстроил в один ряд всех своих садовников (числом их было 300), сделал смотр и стал вызывать поодиночке человек двадцать, чьи физиономии были благовиднее. Когда султан пожелал знать их по имени, оказалось, что все они были христиане: «Я так и догадывался», – сказал султан громогласно. Потом, обратись к своей свите, прибавил: «Взгляните на остальных – настоящие у роды; бьюсь об заклад, что ни одного грека нет между ними, это туркошаки». Этим именем отличаются турки чисто азиатского происхождения, без примеси греческой, славянской или албанской крови.

Несколько времени спустя султан сидел в Ялдыз-киоске. Поодаль проезжал наш посланник А.П. Бутенев с супругой верхом в сопровождении одного ливрейного. Султан приказал своему адъютанту Иззет-бею узнать, кто этот господин. Иззет-бей доложил. «А знаешь ли ты, что значит русский посланник?» – спросил султан. – «Нет, государь». –

«Я тебе поясню: это государственный человек той державы, которая столько раз наказала и меня, и моих предков за бесчинства янычар и пашей, которые храбро душили безоружных райя, а пред русским батальоном устоять не могли. Смотрите же, представитель такой державы, человек, облеченный всей доверенностью своего государя, прогуливается верхом с супругой да с одним слугой (ялныз, мадамасы иле, ее бир ушаг илэ). А последний из моих слуг, какой-нибудь шараб-эмини (инспектор питья) тянет за собой по улицам хвост из десяти слуг. С вами ничего не сделаешь. Ей-богу, жаль (чарэ йок, валлах язык)».

Иным читателям покажется довольно странной мысль, что Махмуд мог бы довершить реформу обращением правительства и двора в христианскую веру. Не стану доказывать, что реформа в том смысле, как направлял ее Махмуд, повела бы необходимо к обращению в христианство самого султана. Независимо от всяких логических умозаключений, мое убеждение основано на факте. От лица, весьма приближенного к султану Махмуду, были мне сообщены в 1845 г. весьма любопытные и совершенно достоверные подробности о том, как султан еще в 1830 г. предчувствовал, что наступит пора принять религию большинства своих подданных. Даже дружелюбные внушения извне были тогда ему сделаны в этом смысле. Рассказывать подробности эти еще не время.

[Базили намекает на заявление, которое сделал Николай I в 1830 г. на торжественном приеме Халиль-паши, присланного Махмудом II в Петербург для обмена ратификационными грамотами. Николай I просил передать Махмуду II дружеский совет покинуть мусульманское исповедание и принять православие. Вероятно, слухи о намерении Махмуда II принять христианство, доверчиво воспринятые Базили, распускались Портой в начале 30-х годов с определенными политическими расчетами. — Прим. ред.].

Что касается совершенного безверия Махмуда и всех просвещенных мухаммедан, я думаю, что это не новость для тех из моих читателей, кто знаком с Востоком. Не только нынешнее поколение образованных турок ни во что не верует, пребывая в самом грубом материализме, но гораздо прежде того брожения, которое сопровождает всякую реформу, религия образованных мухаммедан ограничивалась деизмом.}

Возвратимся к нашему рассказу. Мухаммед Али, принужденный довольствоваться жребием вассала и расширением пределов вверенных ему областей, удерживал, однако ж, за собой хребет Тавра, будто в залог и в угрозу новых покушений на потрясенную им империю. Зато султан со своей стороны в обеспечение своего спокойствия заключал Ункяр-Искелесский договор с Россией. Россия обязывалась моральным и материальным своим содействием защитить Османскую империю в случае новых нападений. Договоры должны быть основаны на взаимности, иначе та держава, которая приобретает право защиты, становится покровительствующей. Россия не могла ожидать от Турции ни материального, ни морального содействия. Посему-то особенной секретной статьей пояснялось, что Турция освобождалась от подобной обязанности к России, а взамен обещанной защиты долженствовала только закрыть Дарданеллы военным судам всех наций.

Договором этим облекалось впервые в дипломатическую форму правило, постоянно существовавшее и которое затем вошло в международное европейское право по общему согласию великих держав в 1841 г., когда исходил срок Ункяр-Искелесского трактата. Итак, вопрос о праве был разрешен Европой согласно тому началу, которое положено было Россией. Не менее того общественное мнение во Франции и в Англии возопило противу притязания России закрыть военным флотам пролив, который никогда не был им открыт. Обе западные державы протестовали. И трактат, и протесты никаких практических результатов не имели. Дело по существу своему пребыло отвлеченным.

Общественное мнение Запада упускало из виду исторические факты, совершенно поясняющие самое направление, которому следовал русский кабинет в новом договоре с Портой. При греческих императорах мореходные республики Италии вели деятельную торговлю в Черном море. Турки по завоевании Константинополя закрыли море это европейской торговле. Три с лишком века было оно частной собственностью Турции. Торговое мореплавание под турецким флагом ограничивалось грузами продуктов, забираемых насилуем и без платы с Дунайских княжеств для прокормления столицы, да грузами кавказских невольников и невольниц. Ни один европейский флаг не мог показаться там, где за тысячу с лишком лет до Рождества Христова свободно плавали корабли Древней Греции.

Когда Россия завоевала северный берег Черного моря, она Кючук-Кайнарджийским трактатом заставила Турцию отречься от своей завистливой монополии и открыла всемирной торговле поприще новой деятельности. Заботясь о безопасности своих беззащитных берегов и охраняя своим флотом торговлю всех народов в этом внутреннем море, она без сомнения не могла довольствоваться тем обеспечением, что султаны по праву, основанному на обычае, не впускали в Черное море военных флотов, а потому обратила право это в обязанность султанов на основании здравой политической теории. Но в существе могла ли она полагаться на договор, подписанный турецким правительством по делу собственной ее безопасности? Могла ли она полагаться на прочность этого договора, тогда как Западная Европа так завистливо смотрела на законно преобладающее ее влияние на Востоке, влияние чисто охранительное? Естественным последствием расслабления Османской империи есть периодический перевес влияния то одной, то другой из великих держав. После Адрианопольского мира и особенно в описываемую нами эпоху перевес по необходимости принадлежал России, но без сомнения не навсегда, даже ненадолго, какова бы ни была мера оказанных благодеяний, какова бы ни была умеренность ее действий. Вот почему Ункяр-Искелесский трактат ограничивался восьмилетним сроком, и в то же время приступала Россия к усилению материальных средств своей защиты в Черном море.

Глава 7

Обзор последствий Кютахийского договора. – Влияние преобразований в Сирии и Малой Азии. – Поход турок в Курдистан. – Чувства народные по обеим сторонам Тавра. – Разочарование арабов. – Ложное мнение о возрождении арабской народности. – Замыслы и возгласы Мухаммеда Али. – Новое правительственное

устройство Сирии. – Преобразование финансовой системы. – Подушный оклад. – Приходы и расходы египетского паши в Сирии. – Карантины, полиция, почта.

Нас отвлекли от Сирии те великие события, которых последствием было семилетнее владычество египетского паши над этой страной. Ибрахим-паша, выступая своевременно из Анатолии, обеспечил за собой ту неоцененную выгоду, что народонаселения этого края видели в нем только освободителя от притеснений местных властей и мстителя правоверного народа за еретические нововведения султанш, но не успели довольно ознакомиться с приемами египетского правления, не успели даже разглядеть, что вся сила Ибрахима была основана на системе преобразований еще более резких, более тягостных для народа и противных фанатическим предрассудкам ислама, чем преобразования Махмуда. В самом деле, целью султана было облегчить участь племен, раздираемых дробным деспотизмом вассалов, и заменить феодальные бесчинства наследственных беев или полномочных пашей систематическим устройством единой власти по всему пространству империи. Паша египетский стремился лишь к тому, чтобы извлечь из подвластных ему племен как можно более средств к совершению самых честолюбивых замыслов, основывая свои политические расчеты не на любви народной, но на развитии материального своего могущества.

Сирия, которая так охотно предалась Ибрахиму, была осуждена тяжким опытом искупить вину своего отпадения от законного государя. В этот край, совершенно противоположный Египту и по географическому образованию, и по преданиям, и по духу жителей, Мухаммед Али насилем стал вводить египетскую правительственную и финансовую систему. Он укротил вековые анархические наклонности сирийских племен, уравновесил бремя налогов, предоставленных дотоле произволу пашей и местных владельцев. Но в то же время для обеспечения своей власти он был обязан заменить регулярным войском буйные ополчения, в которых состояла дотоле вся военная сила края, и подчинить строевой службе и рекрутскому набору племена, привыкшие к вольным наездам старинных ополчений.

Эти важные преобразования поручил Мухаммед Али сыну своему – покорителю Сирии. Но чем легче было завоевание края, тем тягостнее оказалось затем и для завоевателя, и для страны внутреннее устройство завоеванного края. При первых попытках Ибрахима к преобразованиям сирийские племена стали вздыхать о прежнем правлении турецких пашей, о своей разгульной жизни. Таким-то образом по обеим сторонам Тавра яснее выразились те народные чувства, о которых мы имели уже случай упомянуть. Малоазийские племена, склонив выю под преобразованиями султана, устремляли взоры на Сирию и на Ибрахима, полагая, что любимые предания анархической старины укрылись по ту сторону гор. Племена Сирии в свою очередь проклинали судьбу, бунтовались противу похитителя и вспоминали священные права законного государя.

Между тем ни Мухаммед Али, ни султан Махмуд не могли в глубине души одобрять устройство дел 1833 г. Первый не довольно стяжал по мере своего честолюбия и не терял надежды при первой европейской войне улучшить минуту для довершения своих замыслов. Султан, со своей стороны, упитанный той мыслью, которая наполнила все его царствование, мыслью об уничтожении своих могущественных вассалов, не мог без

глубокой скорби видеть, что его подвиг был не совершен, что вместо покорения Египта он нашелся принужденным уступить и Сирию и как бы раздвоить свою империю после стольких усилий о водворении в ней единодержавия. При таком расположении умов в Константинополе и в Александрии и при таком направлении чувств и желаний в массе народонаселений по обеим сторонам Тавра, естественным образом Сирия делалась как бы передовым постом султана против Мухаммеда Али, а Мухаммед Али обретал в привязанности к нему малоазийских народонаселений сильное орудие противу замыслов Махмуда.

Усмирительню Румелии Решиду Мехмету, которому судьба так жестоко изменила под Коньей, была впоследствии вверена Анатолия, с поручением ввести в этот край новое гражданское устройство и новую военную систему. Религиозный фанатизм, грубые навыки старины представляли здесь подвигу преобразования столько же препон, сколько представили за несколько лет пред тем гению Махмуда и его верховного везира фанатизм народности, живость характера и независимый дух племен румелийских, во нраве, как и в физиономии которых так живо отражается двоякий элемент эллинического и славянского их происхождения.

В весну 1834 г. главная квартира верховного везира была учреждена в Сивасе, на север от Тавра, и предпринято новое правительственное устройство малоазийских областей. Первым условием успеха было введение рекрутских наборов, которыми еще более раздражались народонаселения. Мухаммед Али, пользуясь мнением о нем малоазийских племен, всячески противодействовал. Его происками бунтовались многочисленные кочевья курдов во внутренних хребтах Малой Азии и вдоль персидской границы. Решид Мехмет предпринимал трудный поход в эту дикую страну, поход, довершенный по смерти его Хафиз-пашой {Карательная экспедиция против восставших друзов была предпринята в 1833 г. турецкими войсками под командованием Решид-паши (с 1836 г. ее возглавил Хафиз-паша). Курды, успешно используя партизанские приемы ведения войны, наносили турецким войскам большой ущерб. Только в 1847 г. турецкому правительству удалось временно сломить курдское освободительное движение. – Прим. ред.}. Если турецкое правительство с своей стороны не участвовало в непрерывных восстаниях сирийских племен против египетской власти, несомненно то, что именем султана призываем был народ к оружию противу паши, которого положение относительно Порты с 1833 по 1840 г. не переставало в глазах народа быть враждебным, хотя и облекалось формами подчиненности. По всем этим признакам можно было предчувствовать, что устройство дел 1833 г. было временной мерой, вынужденной теми обстоятельствами, в которых находилась тогда империя. Оно не могло быть прочным политическим актом.

В Европе между тем, и преимущественно во Франции, общее мнение видело в Мухаммеде Али уже не пашу турецкого, но представителя арабского мира, восстановителя политического существования арабских племен. На этой гипотезе основывались теории весьма привлекательные. Три обширные области Турецкой империи, населенные арабским племенем и говорящие арабским языком, нашлись совокупно под управлением человека способного и предприимчивого, после долгих обуреваний, вытерпленных ими в кровавых спорах пашей с эмирами в Сирии, в исступлении сектаторов Аравийского полуострова, в оргиях мамлюков египетских. Новый

правитель равно воспользовался и деспотическими своими правами, и усталостью племен, и справедливым их негодованием к тиранам, подпавшим беспощадному его правосудию, и богатствами, которые неведомо дотеле лежали в недрах почвы, так беззаботно затоптанной мамлюками. Он образовал войско, создал флот, призвал к берегам Нила тактику и промышленность Запада, накопил миллионы и устроил правительственную власть, которая до него была расхищена тысячами мелочных деспотов.

Между тем все акты правительственной его системы, все направление его способностей, как и самая война его противу султана, обнаруживали в нем пашу турецкого, а не поборника арабской народности. Арабов он чуждается и питает к ним закоснелое презрение старинного турка к их племени и всю недоверчивость вооруженного гостя среди народа враждебного. Неслыханными насильствами забрал он в строевую службу всех статных феллахов Египта. По истощении Египта он нарядил за рекрутами экспедицию в Сеннар, где старший сын его Исмаил-паша в 1821 г. своими жестокостями привел в отчаяние несчастных негров и был жертвой их бунта. Затем наездами в Нубию и Абиссинию Мухаммед Али захватил сколько мог черных невольников, которыми испещрен фронт египетской армии. Во флот наряжал он народонаселение нильского берега и безжалостно исторгал от семейств детей десятилетних для работ в арсенале и на заводах. Таким образом он составил огромную армию и красивый флот, далеко не соразмерные нормальным средствам края, безусловно им управляемого.

В этом оптимисты увидели благородный призыв к военной славе арабского племени, давно отлученного от наследия побед. Но панегиристы западные упустили из виду именно то обстоятельство, которым можно обозначить степень участия, допущенного арабскому племени в стяжании военной славы и в военном труде: в египетской службе только чин поручика (мулазим) доступен арабам, и потому, что он им доступен, обречен презрению турок, исключительно пользующихся производством во все высшие чины и в армии, и во флоте. Мы имели случай заметить, что арабы храбро дрались под знаменами Ибрахима, бросались в пролом Акки, брали на штыки высоты Беленские; но заметим, что позади каждого отряда во всех этих сражениях следовали пушки, заряженные картечью, и не один раз картечь сгоняла в строй бежавших от неприятельского огня арабов. Притом же регулярные египетские войска получили первоначальное свое воспитание в Морейской экспедиции, в стране, объятай огнем народной и религиозной войны, противу неприятеля, который не давал пощады ни одному мусульманину. Таким образом инстинкт самосохранения научил египетского солдата испытать все выгоды строевой службы и дисциплины. Собственные слова Мухаммеда Али лучше всего выражают его отношения к арабскому племени: когда Ибрахим ходатайствовал о производстве в высший чин нескольких поручиков – природных арабов, отличившихся в Сирийском походе, старый паша отвечал ему: «Вспомни, мой сын, что наших (турок) не наберется и десяти тысяч посреди этих миллионов арабов».

И в самом деле, для арабского племени военный деспотизм 10 тыс. мамлюков был заменен 10 тыс. османлы, привлеченных в Египет судьбой Мухаммеда Али из его родины. Замечательное явление: в то время, когда уже иссякал для Египта источник кавказской крови, когда успехи русского оружия укрощали этот постыдный торг невольниками Кавказа, из которых вербовалось несколько веков владетельное племя Египта, Мухаммед

Али истреблял последних мамлюков и заменял их храброю дружину своими румелиотами. Если буйство мамлюков и безначалие, в котором страдал Египет под своими двадцатью четырьмя беками, были заменены правлением благоустроенным и единовластием паши, зато арабское племя искупило впоследствии это благодеяние потоками крови и пота в военной службе и в полевых работах, которым оно было безусловно подчинено, ради величия своего владельца. С этим мощным и послушным орудием в руках Мухаммед Али обратил Египет в рудник богатства и славы для себя, для своего семейства, для своих сподвижников.

Для народа преобразования ограничились тем, что вместо беспутных грабежей мамлюков наступил систематический строгий грабеж монополиями и налогами, вместо кровавых междоусобий мамлюков, от которых народ терпел, хотя в них не принимал деятельного участия, настали далекие походы и сражения, где потоками лилась арабская кровь; вместо прихотливых фантазий {Этим греческим словом называют арабы свои празднества, гуляния, музыку и пляски и народные увеселения, которыми восхищаются в особенности жители Каира.}, которым так страстно предан житель нильского берега, настала пора вынужденного, рабского труда. Если Мухаммед Али в продолжение сорокапятилетнего владычества своего над арабскими племенами пребыл верен своему турецкому происхождению, чуждаясь туземцев и их нравов, и их языка, не допуская их до своей особы, зато и арабские племена никогда сочувствиями своими не усыновили своего владетельного гостя, видя в нем то только, чем он был всегда для них, – пашу турецкого, а не воскресителя арабской народности, как его провозглашает общественное мнение на Западе.

Путешественники и писатели, распространяющие это мнение, указывают на войско, на флот, на арсенал и на фабрики, будто из войска, из флота, из арсенала и из фабрик можно воссоздать народность порабощенного племени. Когда случайностями обычных на Востоке переворотов Сирия и Аравия подпали власти египетского паши, путешественники и писатели западные усмотрели в этих приобретениях будто законное, Провидением присужденное наследие и почли Мухаммеда Али избранным вождем великого подвига, грядущим основателем нового арабского царства. Они упустили из виду собственную его народность, а в наследственной ненависти арабских племен к туркам видели залог отпадения этих племен от турецкой империи.

Действительно, арабы вовсе не сочувствуют завоевателям, обратившим колыбель величия ислама – древний халифат с его священными преданиями – в провинцию своей боевой империи. Чтобы вернее оценить политическую важность этой арабской народности, о которой столько наговорили в эти годы, вспомним, что племя арабское, древнейшее и одно из многочисленнейших в мире, никогда не могло составить одного народа, одного государства. В блистательную его эпоху только пламенное слово Корана могло сковать в одну массу племена, искони разрозненные по самому образованию почвы Аравийского полуострова, этого архипелага оазисов по морю песков, на котором, будто флоты, блуждают караваны пастухов и воинов. Вместе с охлаждением фанатизма ослабли и узы духовного и гражданского союза этих племен, а в наше время взаимные их ненависти едва ли не сильнее общей их нелюбви к туркам. По крайней мере эти местные наследственные распри одного племени с другим, жителя Хиджаза с жителем Йемена,

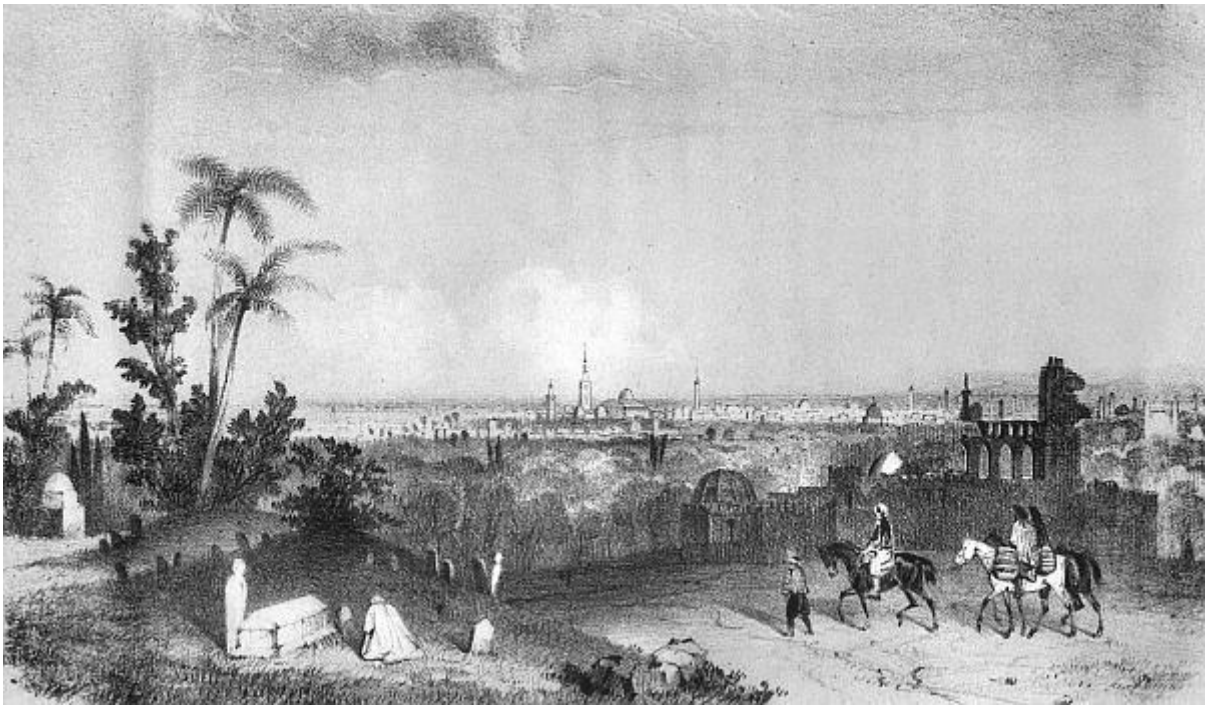
сирийца с египтянином, кочевья заиорданского с поселянином береговой Сирии, горца ливанского с горцем набулусским, эти ненависти, преимущественно вскормленные в Сирии феодальным управлением эмиров и различием вероисповеданий, очевидно служат залогом турецкого владычества над всеми этими племенами и влияния пашей турецких, кто бы они ни были – слуги ли Порты, или вооруженные бунтующие вассалы, каков паша египетский. В течение семи веков, от Сельджукидов – поныне, единственными попытками к политическому возрождению арабского элемента были, по мнению нашему, подвиги Фахр эд-Дина и Дахир эль-Омара, равно и недавнее духовно-политическое волнение арабских племен под учением Абд эль-Ваххаба. Но самые эти попытки послужили только, как мы уже видели, к усилению турецкого влияния. Весьма вероятно, что надолго еще арабские племена осуждены опеке турецкой.

Мухаммед Али хорошо постиг собственное свое положение и видел, как непрочны основания могущества, чуждого народности, этого единственного надежного условия всякой власти. По самому сознанию своей слабости, при наружном блеске армии, флота, завоеваний, торговли и промышленности, при всем упоении честолюбия, при всех порывах его безмерной предприимчивости он не покусился на основание державы независимой из подвластных ему племен арабских. Он мог бы в 1833 г., если бы Османская империя была тогда предоставлена своей судьбе, взволновать всю Турцию, свергнуть султана и возвести новую династию на османский престол; но пока законная власть существовала в столице империи центром гражданской жизни османского племени, победоносному вассалу, переступившему обратно за Тавр в арабский мир, не было дозволено разорвать те слабые узы подданства, которыми он своевольно играл пред внешним светом и на которых единственно было основано политическое его влияние относительно племен арабских.

Кто поближе следил дипломатические приемы Мухаммеда Али во всех его переговорах и с Портой, и с европейскими державами, мог убедиться, что все его возгласы о независимости, все гиперболические исчисления его военных сил, все его угрозы о новой войне с султаном, угрозы, как бы направленные на европейский мир, – все это клонилось единственно к тому, чтобы стяжать наследственные права в своем семействе. Что же касается до странного предложения, сделанного им в 1834 г. Австрии, Англии и Франции, под предлогом обеспечения независимости и целостности Османской империи начать с того, чтобы отделить от нее арабские области, а потом объявить войну России, то хитрый паша, обманутый толками западных журналов, которым еще верил в ту эпоху, думал, что кабинеты великих держав причастны страстям журналистов и готовы восстать хором на Россию для уничтожения Ункяр-Искелесского договора. В таком случае паша ласкал себя надеждой среди шума войны европейской довершить вероятные последствия битвы под Коньей, предупрежденные нашим войском и флотом, взволновать Османскую империю и похитить престол. Он навлек на себя строгие или насмешливые отзывы кабинетов, даже того, который во всяком случае потакал ему. Затем он уже не возобновлял своей попытки.

Рассмотрим правительственную систему египетского паши в Сирии в семилетний период его владычества.

Все гражданское управление четырех сирийских пашалыков – Халеба, Дамаска, Тараблуса и Сайды – вместе с пашалыком Аданским было сосредоточено в руках Шериф-паши, облеченного ограниченной властью гражданского губернатора и имевшего пребывание свое в Дамаске. Под его непосредственным начальством состояли муселимы в каждом из городов и округов; впрочем, назначение и смена их зависели от Мухаммеда Али или от Ибрахим-паши, который в пребывание свое в Сирии был облечен от своего отца полномочиями военного и гражданского генерал-губернатора, но только в крайних случаях принимал какие-либо важные меры, не спросясь у отца. В Халебе и в Акке по важности этих городов муселимы имели звание мудиров и заведовали многими окрестными округами. В Бейруте, по торговой важности того города и по центральному его положению, был муселимом флотский капитан, который имел надзор над делами мореплавания и портов по всему берегу Сирии. Шейхи или старосты деревень были в непосредственной зависимости от муселимов. Все это клонилось к сосредоточению и единству правительственной власти. Армия оставалась на военном положении; отношения военных властей к гражданским были основаны на правилах европейской военной системы. Градская и земская полиция только при нарушении общественного порядка требовали содействия военной команды. В каждом городе были учреждены меджлисы, градские думы, из почетнейших граждан – мусульман и христиан – под председательством муселима, который был обязан подвергать их совещанию все важные дела по управлению, а в делах хозяйственных не мог сам собой делать ни малейшего распоряжения без ведома и содействия градской думы. Этим же думам была мало-помалу присвоена власть судебная в делах спорных и преимущественно в делах коммерческих. Что касается до судилищ собственно, мехкеме, основанных на духовном законодательстве мусульман, то они и доселе остаются во всей Османской империи недоступными никакому преобразованию. Под египетским правлением муллы, главные судьи Дамаска и Иерусалима, назначались ежегодно властью султана, и от них зависело назначение в юридическом их округе кадиев и наибов, которые вносили при этом известную плату муллам. Дела уголовные решались обыкновенно правительственной властью по предварительном судебном разбирательстве в духовном ли судилище, или в градской думе, смотря по направлению, какое давала им правительственная власть; затем представлялись на подтверждение гражданского губернатора, или Ибрахим-паши, или самого Мухаммеда Али, судя по важности дела. В разбирательстве и в наказании преступлений политических Ибрахим-паша удержал за собой неограниченную власть прежних пашей и по их примеру произвольно – без суда, без следствия казнил людей, обличенных или подозреваемых в возмутительстве или враждебных египетскому владычеству.

Д

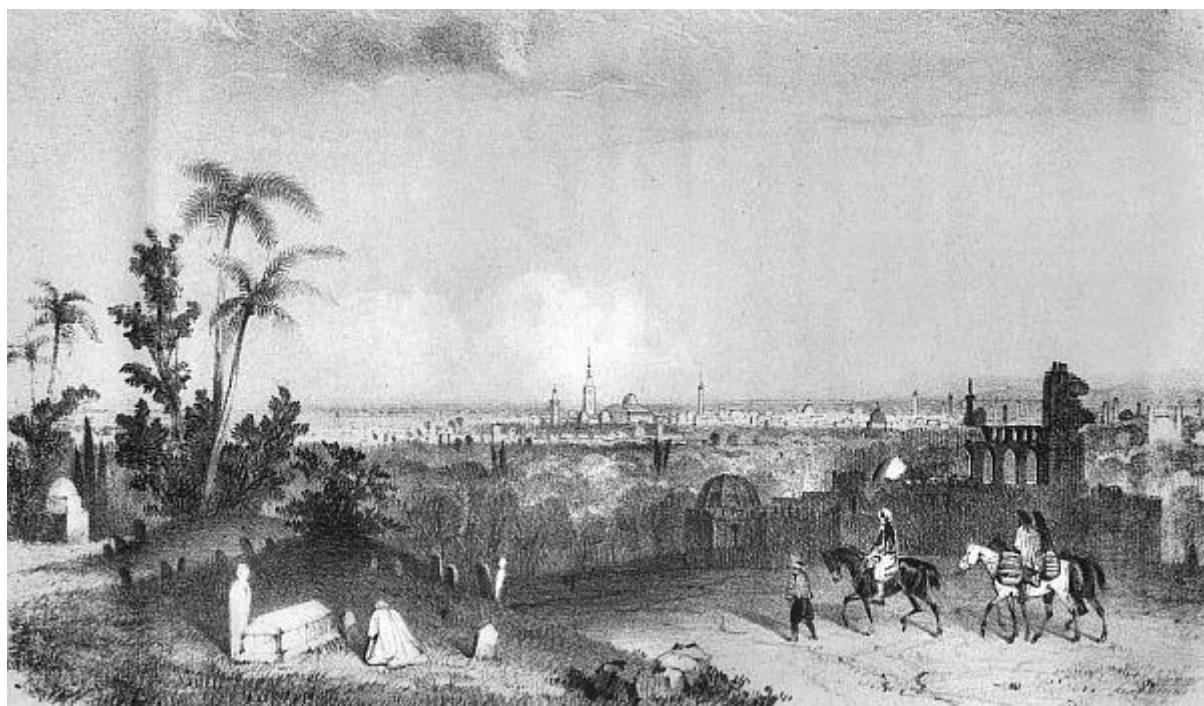
дамаск. Литография А.Т. Франция, 1830 г.

Хозяйственная часть, которая при прежних пашах не имела никакого устройства, быв предоставлена их усмотрению, капризу или степени их влияния, получила под новым управлением образование прочное и правильное. Вместе с гражданским губернатором был назначен в Дамаск особый директор по финансовому управлению униат Хана Бахри с титулом бея, родом из Хомса, давно бывший в службе Мухаммеда Али. Он вывел с собой из Египта бухгалтеров-коптов, которые наследственно владеют особенной способностью для счетных дел. При каждой градской думе был определен письмоводитель для доходов и расходов по управлению. Таким образом были подведены под общую систему все налоги и все казенные статьи доходов, принадлежавшие прежде местным властям. С другой стороны, всем должностям, которые прежде вверялись от пашей не только без жалованья, но даже за известную плату с правом пользоваться доходами, присвоенными каждой должности, или, вернее сказать, с правом грабить народ насилием ли или лихоимством, было назначено жалованье и воспрещены лихоимство и подарки. Самые налоги были приведены в систему и в ясность. При прежнем управлении доходы состояли 1) в мире, или поземельной подати; 2) в поголовной подати с христиан и евреев (харадж); 3) в откупных статьях (ильтизам), к которым можно причислить много казенных полей, равно и таможни по внутренней и по внешней торговле и сборы с ремесел; 4) в монополиях, налагаемых здесь, как и во всей Турции, на некоторые продукты или на некоторые отрасли торговли по произволу пашей; 5) и главное, в произвольных поборах и пенях, какие, судя по обстоятельствам, взимал паша с лиц или с сословий, или с городов, или с округов.

Эта последняя категория, которая преимущественно обогащала пашей, была совершенно уничтожена Мухаммедом Али и заменена новой поголовной податью фирде, которой равно подлежали все исповедания, все сословия, кроме духовенства и служащих. Для столь важного нововведения была сделана по всей Сирии перепись народонаселения мужского пола от 16 до 60 лет, и по числу его положен налог по 5 руб. серебром с души.

Затем предоставлено городским и сельским обществам под круговой порукой вносить сполна сумму, сколько по числу жителей причиталось, и делать между собой раскладку, сообразно со средствами каждого. Самые достаточные платили по 500, а самые бедные – по 15 пиастров.

Налог этот глубоко оскорбил религиозную гордость мусульман, с которых в первый раз взималась поголовная подать наравне с райями. Правда, они были обеспечены от произвольных поборов, и тот, который в минуту каприза прежних пашей откупал свою голову сотнями тысяч, ни в каком случае не был обязан под новым правлением внести более 500 пиастров (около 30 руб. серебром). Но азиат, искони привыкший к деспотическим распоряжениям правительственной власти, мог в своем фатализме приписывать судьбе разорительные капризы прежних пашей и безропотно им покоряться; он почитал обидным для себя постановление, систематически объемлющее все классы по мере средств каждого, основанное на вечной истине равенства прав подданных разных исповеданий пред законом. С другой стороны, произвольные взимания пашей падали обыкновенно на людей богатых и редко – на низшие сословия; новый налог обнимал все сословия, и тем самым вместо страха, коим были всегда преследуемы под прежней системой люди богатые, при новом налоге неудовольствие проникало в массы.

дамаск. Литография А.Т. Франция, 1830 г.

Д

Как бы то ни было, прекращение поборов и пеней произвело то благое действие, что люди богатые, которые прежде тщательно скрывали свое состояние и жили нищенски, чтобы не обратить на себя внимания пашей, стали пускать в оборот свои капиталы, предались торговым спекуляциям и придали новую жизнь промышленности. Сему-то обстоятельству, равно и безопасности сообщений должно преимущественно приписать торговые успехи Сирии под египетским правлением.

Когда Сирия поступила во власть Мухаммеда Али, промышленность сего края, которая цвела несколько веков сряду и снабжала Европу богатыми шелковыми тканями и даже простым холстом {Грузы простого холста вывозились из Сирии во Францию и оттуда посылались в колонии на рубашки неграм.}, была слишком изнурена от политических зол и получила еще новый удар от постепенного вторжения в базары Востока дешевых изделий машин и паров Западной Европы. С другой стороны, земледелие, не находя защиты и безопасности в плодородных равнинах, привыкло искать убежища в горах. Производительные силы края слабели, и народонаселение заметно убывало. По всем этим обстоятельствам Мухаммед Али не только не ввел в Сирию своей египетской системы монополии всех продуктов, но даже предоставил полную льготу торговле и заменил умеренными налогами запретительные распоряжения прежней власти.

Некоторые из откупных статей были равномерно уничтожены, таможи поступили в прямое заведование казны. Поземельная подать мира и поголовная подать с христиан – харадж, основанные на коренных законах империи, остались в прежнем виде с той только разницей, что они поступали уже в казну, а не к местным правителям.

Ибрахим-паша к воинским своим дарованиям присоединяет большие способности по хозяйству, любит посвящать свои досуги занятиям этого рода и свои капиталы – спекуляциям торговым и промышленным. Огромное его состояние нажито не грабежом, не присвоением чужой собственности. Вид одичалых полей антиохийских внушил Ибрахиму мысль основать там большую мызу, которая служила бы образцом земледелия и скотоводства для сирийских племен и привлекала бы к полевым работам полукочевых туркмен, пригоняющих туда свой скот с хребта Таврийского. Даже некоторые кочевья бедуинов, приласканные льготами, стали поселяться вдоль плодородной земли населенной Сирии, на рубеже своей пустыни. Была дарована девятилетняя льгота от поземельной подати за обработку новых полей. Горцы стали спускаться с Ливана, с каменистых округов Аккара и Даннийя и поселяться в плодородных, но одичалых равнинах. Около 15 тыс. федданов {Не должно смешивать феддан сирийский с египетским: феддан, постоянная мера земли в Египте, равняется одной трети с небольшим нашей десятины. В Сирии феддан изменяется судя по качеству почвы и по количеству посева. Для посева одного феддана потребно пшеницы около восьми четвертей (десятипудовых). Один работник с парой быков обрабатывает феддан этот в сорок два дня. По этому расчету видно, что в одном Дамасском пашалыке земледелие выиграло около 700тыс. рабочих дней.} земли было возделано вдоль пустыни между Дамаском и Халобом. В Хауране, где пшеница родится обыкновенно сам-сорок, а кукуруза сам-двести, обрабатывалось дотоле не более 2 тыс. федданов. В два года египетского правления стали там возделывать около 7 тыс. федданов {Все эти успехи земледелия рушились с падением египетского правления в Сирии. В Хауране обрабатывается теперь не более 2 тыс. федданов. В антиохийской мызе Ибрахима считалось более 12 тыс. рогатого скота и верблюдов; все это расхищено в 1840 г. Между Халобом и Дамаском нет уже и следов поселений, основанных заботами Ибрахима. В одном Дамасском пашалыке 70 деревень опустело, и казна лишилась около полумиллиона рублей одной поземельной подати.}. Когда саранча опустошала поля между Халобом и Хэмой, жители, привыкшие только к грабительствам прежних пашей и к бесчинствам войск, с удивлением увидели Ибрахима, выступающим в поход с четырьмя пехотными полками против саранчи. Всю весну

провел фельдмаршал в этой полезной экспедиции. Он назначил и поселянам, и солдатам плату за каждую мерку убитой саранчи и тем спас жатву поселян и доходы правительства.

Для ремонта своей кавалерии он прибегнул к способу весьма экономическому, основанному на нравах и обычаях арабских племен. У арабов почти никогда породистая жеребая кобыла не принадлежит одному хозяину сполна, но двум, трем, десятерым, иногда и целому кочевью в совокупности. На этом основании можно за небольшую плату купить ту долю, с которой сопряжено так называемое право мундштука, и ею пользоваться сполна, делясь только доходом от приплода с товарищами во владении, по расчету паев.

Система эта с первого взгляда покажется самой запутанной, но имеет целый устав подробных, точных правил, основанных на обычае и имеющих силу закона во всем арабском мире. Она заменяет взаимное застрахование имущества в племенах, лишенных поземельной собственности, и предохраняет бедуина от разорения в случае падежа дорогой кобылы, которая составляет главное богатство в кочевье. Вместо того чтобы содержать конные заводы или покупать ремонт дорогой ценой, Ибрахим приобрел у поселян или взял в счет недоимок половины нескольких тысяч кобыл, которые оставались у прежних владельцев, и получал ежегодно от приплода значительное количество жеребцов для своей кавалерии за самую умеренную плату.

При этом устройстве правительственной и хозяйственной системы доходы Сирии составили около 70 млн пиастров (4 млн руб. серебром). Не более четверти этой суммы расходовалось на гражданское управление. Но содержание огромной армии, политические тревоги края, опасность со стороны султана, строение крепостей и казарм поглощали весь остальной доход, и сверх того требовалось еще от 30 до 40 млн пиастров ежегодно из египетской казны Мухаммеда Али на покрытие расходов, причиненных ему обладанием Сирии.

К важнейшим гражданским нововведениям египетского правления в Сирии должно отнести учреждение карантинных и почтовых.

Египет искони почитается отечеством чумы и постоянным ее гнездом. Новейшие ученые изыскания по этому предмету не позволяют нам выражать никакого положительного о том мнения. Мухаммеду Али принадлежит первая мысль карантинной системы на Востоке. На Востоке все преобразования были ценой упорной борьбы деспотизма с народными предрассудками, политическими или религиозными. Мухаммед Али, заблаговременно истребивши мамлюков, этих янычар Египта, мог действовать здесь несравненно решительнее султана, которого самодержавие вместо опоры находило чаще препону в присвоенных ему правах духовного главы ислама пред духовной иерархией империи. Между тем как Мухаммед Али в своем далеком пашалыке самоуправно и безотчетно вводил самые смелые новизны, султан был обязан богословскими тонкостями оправдывать и освящать всякое действие, всякую меру, от которых зависела участь империи и царственной династии среди политических кризисов. В эпоху первых преобразований Махмуда одна попытка к введению карантинных произвела бы общий бунт в империи или, по крайней мере, навлекла бы на султана упрек в отступлении от

основных законов ислама и набросила бы пятно ереси на все его гражданские подвиги. Правительство должно было заботиться более о впечатлениях своего народа, чем о толках внешнего мира. В Европе могли упрекать султана и его народ в закоренелом ослеплении, с которым Восток осуждает себя постоянным опустошением чумной заразы. Но там забывали ученые и богословские возгласы Парижского факультета и Сорбонны противу прививания натуральной оспы, когда леди Монтегю советовала западному миру воспользоваться этим великим открытием, которое искони было знакомо восточным народам. Это было не далее как в первой половине ученого и предприимчивого XVIII в. Когда впоследствии новое открытие доставило человечеству более удобное средство предосторожности от оспы, сколько усилий потребовалось со стороны правительств, чтобы распространить прививание коровьей оспы!

Карантинное оцепление Сирии послужило преимущественно полицейской мерой для отделения этой области от остальной Турции. Под предлогом карантинных предосторожностей товары и пассажиры не иначе могли проникнуть в Сирию, как под надзором местных властей, даже тогда, когда остальная Турция была свободна от заразы и когда зараза свирепствовала в самой Сирии. Европейские медики в службе Мухаммеда Али оправдывали эту меру той произвольной гипотезой, что местная зараза усугубляет свою силу примесью внешней заразы, и уверяли, будто не из Египта и Сирии чума распространялась на север, но, напротив, она эндемически таилась в Константинополе и в Эрзуруме, откуда проникала на юг. Всякий раз, когда обстоятельства края того требовали, местные власти под предлогом опасности от чумы прекращали сообщения с Турцией, откуда гроза султанского гнева на Мухаммеда Али обнадеживала племена сирийские в последовательных их восстаниях.

Учреждение почты в Сирии должно равномерно отнести к системе военной защиты края и внутренней централизации правительственной власти. Сообщениям частных лиц и торговле египетское правление доставило безопасность, так что купцы и путешественники, которые прежде должны были ожидать надежного каравана или брать с собой конвой для переезда из города в город, могли теперь объезжать свободно всю Сирию. Купцы по примеру правительства учредили также свои почты от Халеба до Иерусалима. Почты правительства служили только для взаимного сообщения гражданских и военных начальств, а частных писем не принимали. В стране, где армия постоянно оставалась на военном положении то для укрощения бунтов, то для сбора оружия, то для рекрутских наборов, быстрота и верность сообщений были необходимым условием бдительности со стороны правительства. Почты эти были отлично устроены как по всем внутренним направлениям, так и по Суэцкой пустыне для сообщений с Египтом. По Сирии гонцы скакали от станции до станции на породистых жеребцах, а пустыню переезжали на верблюдах, приученных к невероятно быстрой рыси, которых арабы называют хеджинами {Никакая лошадь не перегонит этих верблюдов на долгой скачке. Лошадь опередит хеджина на 20 первых верстах, затем неминуемо отстанет, особенно если она сперва понеслась в галоп. Хеджин уже после первых 15 или 20 верст несется во всю рысью может идти полной рысью более 80 верст. Хорошо выезженный хеджин ценится весьма дорого. Ошибочно полагают в Европе, что хеджины составляют особенную породу; они те же верблюды, но избираются обыкновенно малорослые, здоровые и сколько возможно тощие.}.

С некоторых лет турецкое правительство учредило в Сирии, как и по всему пространству империи, регулярные почты для сообщений правительства и частных лиц, взамен прежних татар, или гонцов, которые в чрезвычайных случаях наряжались с повелениями Порты или с докладами пашей.

Глава 8

Рекрутство в Сирии. – Бунты Иудеи и Самарии. – Отобрание оружия. – Бунты друзов и война в Ледже. – Подвиги Шибли Ариана. – Покорение друзов. – Влияние рекрутских наборов. – Льготы, дарованные христианам. – Благие и вредные последствия веротерпимости. – Соблазнительное вольнодумство Ибрахима. – Усиление египетской армии в Сирии. – Укрепление Акки и Колек-Богазы. – Исторический предрассудок об Акке.

Преобразования, очевидно клонившиеся к гражданскому устройству края и к пользам его жителей столько же, как и к выгодам правительства, не могли совершиться в этой анархической стране без мер насильственных. Уже с первого года египетского владычества они порождали ропот в народе, предпочитающем даже злоупотребление, освященное обычаем старины, всякому нововведению. Между тем правительство, принужденное содержать в Сирии огромную армию, предписывало рекрутские наборы со всего мухаммеданского народонаселения. При этом ненавистном для азиатов нововведении те самые племена, которые так обрадовались знаменам Ибрахима, при первом их появлении прибегли к оружию. Иудейские горы запылали бунтом. Два египетских батальона были побиты камнями в ущельях. Самого Ибрахима осадили возмущившиеся феллахи в Иерусалиме. Известие об этом встревожило Мухаммеда Али, который с флотом и с десантным войском поспешил в Яффу, чтобы выручить сына.

Наконец бунт был укрощен силой и коварством, и наступила пора беспощадных казней. То же вскоре затем повторилось и в Самарии, в горах Набулусских {Восстание, охватившее почти всю Палестину, вспыхнуло весной 1834 г. после объявления египетскими властями решения собрать там оружие и рекрутов. Повстанцы перебили египетские гарнизоны в Набулусе и Хевроне, осадили египетские части в Иерусалиме. Блокада Иерусалима была снята только после обещания отмены рекрутской повинности. Однако египетское правительство не выполнило свое обещание.

В 1834г. восстания против египетского правления имели место в северо-восточных районах Ливана среди мутуалиев и в районе Ансарийских гор. – Прим. ред.}. Все эти горские племена были обезоружены после отчаянного сопротивления, а затем по произволу победителя представили несколько тысяч рекрутов, которые обыкновенно направлялись в Египет взамен рекрутов, высылаемых оттуда в сирийскую армию. Таким образом, предупреждались побеги и там, и здесь, но тем еще ненавистнее становилась эта мера для сирийских жителей, питающих любовь к родине, свойственную всем горским племенам.

Упорствуя в своей системе, которая сверх отличных рекрутов доставляла еще ту неоцененную выгоду, что горцы сирийские слабели и делались покорнее, по мере того как

цвет народонаселения был отбираем в строевую службу, египетское правление отказалось от всякой надежды на сочувствие сирийских племен и решилось действовать на них одним страхом. В предупреждение новых возмущений было поведено всюду отбирать оружие у горцев, у жителей равнин и в горах. Правительство составляло по своим соображениям сметы о количестве оружия, которое находилось в каждом племени, в каждом городе и округе. Количество это требовалось безусловно, без всякого снисхождения ни на просьбы, ни на поручительства. Предоставлялось жителям купить или какими бы то ни было средствами достать требуемое количество оружия, а за неявку подвергались они жесточайшим телесным наказаниям и каторжной работе в Акке.

Отобрание оружия и рекрутские наборы – это были два постоянных страшилища в Сирии во все время египетского владычества. Племена, разрозненные по своим преданиям, по взаимным наследственным враждам, по самому образованию почвы и по влиянию действий правительства, бунтовались одно за другим, дрались с отчаянием, но никогда не могли действовать заодно. Вслед за каждым восстанием правительство усугубляло свои строгости и вселяло новый страх. Из всех этих восстаний самое упорное и самое кровопролитное было восстание друзов в исходе 1837 г. Друзы Ливана и Антиливана должны были рекрутской повинностью искупить честь сомнительного своего верования в Мухаммеда.

Уже в 1833 г., в первую попытку рекрутского набора, около 2 тыс. друзов были захвачены силой или обманом и много оружия было отобрано в залог нового набора. Друзам хаурашским была дарована пятилетняя льгота от этой повинности по малочисленности их, по запустению прекрасной их страны, которая могла бы служить житницей Сирии и кочевых племен пустыни при надлежащем возделывании. Даже оружие не было у них отобрано, без оружия они были бы предоставлены произволу хищных соседей-бедуинов.

С 1837 годом исходил льготный срок. Правительство требовало от хауранских друзов 72 рекрутов. Их престарелый шейх Антеш был призван в Дамаск. Вотще ходатайствовал он от имени народа о продлении льготы. Униат Бахри-бей, о влиянии которого мы уже упоминали, по видам мелочной корысти убедил пашу остаться непреклонным, а свита паши нагло оскорбила старого Антеша. Шейх замыслил дорого отомстить египтянам обиду, нанесенную его бороде. Он объявил свою готовность содействовать правительству для набора рекрутов, но требовал для этого как можно более военной команды. Четыреста человек нерегулярной конницы были наряжены с ним в Хауран, их радушно там приняли и угостили, а на первом ночлеге перерезали всех. Спасся один начальник отряда, который, услышавши во сне стоны умирающих, успел убежать в окно и дать известие в Дамаск о происшедшем. Затем друзы хауранские стали стекаться в недоступный округ Леджа.

На луговом Хауране, в обширной равнине, опоясанной Антиливанским хребтом, северными отраслями заиорданской горы Аджлун и гористым Хаураном, есть плоская возвышенность, отвесная со всех сторон и представляющая фигуру неправильного полигона, которого периметр в полтораста верст протяжения, будто крепостная стена сажен в десять вышиной, вертикально врезается в почву. Местами встречаются узкие проломы, откуда можно проникнуть вовнутрь заколдованного округа. Базальт, из

которого составлена вся эта масса, являет свежие следы вулканического своего образования, будто недавно еще остыло действие подземного огня, ее породившего. При охлаждении своем она растреснулась по всем направлениям бесчисленными рвами и щелинами, взаимно пересекающимися и образующими точно улицы старинного германского города промеж ромбоидов и трапеций и каменистых отвесных зданий самых фантастических форм.

Этот лабиринт утесов и ущелий, таинственных подземных ходов и недостижимых пещер, эти колоссальные обломки потухшего вулкана, скудно напыленные кое-где растительной землей и поросшие побочным прозябением, очевидно, служили искони, в цветущий век Сирии, заветным убежищем вольного ли племени, спасавшегося от владычества Селевкидов и римлян, или шаек разбойничьих, как и поныне обретающих здесь недоступное гнездо от всяких преследований. Он имеет свою древнюю систему внутренней защиты. На плоских вершинах утесов, заслоняющих отовсюду горизонт, построены по направлению продольных щелин ряды башен, вышиной в пять или шесть сажен, имеющих форму усеченных конусов, с террасы которых можно наблюдать вдоль внутренних проходов и мгновенно сообщать известия сигналами по всему округу. Местами построены шанцы по протяжению самых рвов и щелин на несколько верст длины. Воды нет по всему этому пространству, за исключением одного источника, под скалой Агир в южной стороне округа, а вдоль восточной стороны, неподалеку от базальтической ограды, течет в дождливые месяцы зимы поток Вади Лов, откуда в ту пору наполняются пруды, тщательно иссеченные в камне за оградой скал.

Округ этот именуется Леджа, в нем жителей нет, нет даже диких зверей в его пещерах, разве ящерица ползает по раскаленному базальту, разве орел совет гнездо на недоступном утесе, чтобы издали приносить пищу своим птенцам; ибо базальтическая Леджа такой же мертвый округ, как и Мертвое море с его тяжелым асфальтическим раствором – оба отверженцы всякой жизни, порожденные, вероятно, в одну эпоху, в тот же возраст мироздания и теми же деятелями. Только порой заходят в Леджу небольшие кочевья бедуинов и пасут своих коз в диком прозябении, которым зимние дожди скудно наделяют подошву скал и внутренние ущелья. Порой укрываются сюда друзья соседнего Хаурана от мщения ли врага или от преследований правительства за разбой, за бунты, за неуплату податей. Им одним, по особенным приметам на скалах, известны потаенные пути этого лабиринта.

Сюда-то стали сходиться друзья по умерщвлении наездников египетских в Хауране. Шейх Антеш первый поднял знамя бунта, к нему присоединились два других шейха, недовольные египетским правлением, бедуин Яйа Хамдан и молодой шейх Шибли Ариан из племени антиливанских друзей.

Шериф-паша дамасский выслал сперва два пехотных полка для усмирения бунта. Войско, не встречая нигде неприятеля, проникло в ущелье. Здесь не было никакой возможности соблюдать предостерегательные меры в движении колонн. Неприятель мог следовать параллельно с ними в тридцати саженях расстояния на протяжении многих верст, и ни по каким признакам нельзя было о том подозревать. Порой одинокий друг показывался на краю отвесной скалы или на вершине башни, озирая глубину ущелья, и

вскоре исчезал. Когда же таким образом египтяне были вовлечены далеко вовнутрь извилистых ущелий, друзы невидимками с окрестных высот стали побивать камнями неосторожных гостей и открыли убийственный огонь из-за шанцев.

Человек сорок спаслись из 4 тыс. египтян и дали весть в Дамаск о совершенной гибели отряда. Ибрахим выступил сам в поход с 20-тысячным корпусом. Война эта была самая упорная и самая кровопролитная, какую только видел этот край. Число друзов, засевших в Ледже из Хаурана, Антиливана и Ливана, едва ли простиралось до 2500 человек, но все окрестные племена вострепнулись, и только присутствие армии, постепенно усиленной до 35 тыс., удерживало их в сомнительном повиновении. Ибрахим дважды проникал сам в ущелья по разным направлениям вдруг с сильными колоннами. Одна из его колонн была совершенно истреблена. Несколько солдат, оглушенных от ран, были оставлены замертво на скалах. От них узнал Ибрахим, каким образом друзы терзали пленных и рвали в куски одного из египетских генералов, Исмаил-пашу, захваченного живьем среди побиения отряда.

Война длилась. По повелению Мухаммеда Али Мустафа-паша, губернатор Кандии, поспел в Сирию в подмогу Ибрахиму с двумя пехотными полками и 3 тыс. албанцев. Одни албанцы, воспитанные в партизанской войне в Румелии, были способны бороться с друзами, но одолеть их внутри Леджи не могли. Ибрахим решился обложить этот округ со всех сторон и выморить бунтовщиков голодом. И это не удавалось. Легкие отряды друзов, одетых в мундиры побитых ими египтян, ходили строем, обманывали всю бдительность армии и захватывали ее провиант. Ибрахим прибегнул тогда к другому средству: в одной из своих экспедиций внутри опасного округа он камнями и пороховыми взрывами затоптал единственный источник живой воды во всем округе, а затем, подвинувшись под прикрытием сильной артиллерии к берегу водоемов, завалил их трупами людей и лошадей. Это было в жаркую летнюю пору (1838 г.). Вода, которой были наполнены водоемы еще от зимы, пришла в гниение, но друзы, отстреливаясь с другого берега, продолжали утолять свою жажду и не заботились о вкусе. Ибрахим нашел средство отравить воду, бросивши несколько кувшинов самого сильного меркуриального яду (*sublimé corrosif*).

Друзы были объаты ужасом, когда увидели внезапную смерть тех, которые еще продолжали пить из прудов. Жажда заставила друзов выступить из Леджи. Храбрый Шибли Ариан с тысячью друзов бросился в свой родной Антиливан и продолжал партизанскую войну у подошвы горы Джебель Шейх. Он был разбит и принужден укрыться опять в Леджу. Рыцарские подвиги этого шейха во все продолжение войны, смелость и быстрота его движений делали его страшилищем египтян, которые приписывали ему сверхъестественные средства. Сам Ибрахим был проникнут удивлением. Чтобы рассеять суеверные слухи, которые носились о нем в оробевшей войске, и в то же время чтобы внушить шейху доверенность к Ибрахиму, приказом по армии было запрещено всякое покушение на жизнь храброго врага, а обещалась великая награда тому, кто представит его живым.

Этим Ибрахим достиг своей цели. Друзы изнемогали. Приласканный шейх явился однажды в египетский лагерь сам, неузнанный, никем не примеченный, без всяких

условий и представился Ибрахиму, требуя награды, обещанной тому, кто его представит. Ибрахим щедро одарил его и принял в свою службу, не в строевую, которой ужасались друзья, но начальником партии нерегулярных всадников.

Этим кончились кровопролития. Друзы покорились; но Ибрахим, наученный опытом, как опасны жестокие меры противу горцев, довольствовался небольшим числом рекрутов, будто в залог повиновения этого племени. Хауранская война продолжалась восемь месяцев, в ней погибли 15 тыс. регулярного войска, один паша, четыре бригадных генерала {В египетской службе титул паши присвоен генерал-лейтенантам, в турецкой – всем генералам без различия.}, шестнадцать полковых и батальонных командиров. Такими-то жертвованиями искупались нововведения египетского правления в Сирии.

Городское народонаселение не могло ни защититься, ни укрыться от насильственных рекрутских наборов. Правда, религиозные понятия мусульман о неприкосновенности гаремов обеспечивали верное убежище среди жен всем тем, кому угрожала опасность быть захваченным в рекруты. Ибрахим уважил гаремы, но не уважил мечетей. По временам он позволял богатым родителям вместо детей представить других, которые за значительную сумму отдавали себя в рекруты. Порой он возвращал осиротелым семьям одного из братьев, если два или три брата бывали вместе захвачены, но никакие просьбы, никакие денежные пожертвования не были уважаемы. Зато ничем египетское правление не внушило более страха в народе и более ненависти ко всем преобразованиям, благодетельным для края во многих отношениях, но искупаемым слишком тяжелой и безусловной повинностью крови. Притом же Сирия, узкая полоса населенной земли между пустыней и морем, прорезанная по всем направлениям горными хребтами, представляет великие удобства для побега, особенно туземцам, знакомым с тайными проходами и тропинками. Не только рекруты бежали, но тысячи людей заблаговременно спасались от рекрутства в пустыню к бедуинам, в Диярбакыр, в Анатолию, на остров Кипр. Между тем правительство, чтобы заставить жителей и общества наблюдать одних за другими, ввело в систему налогов круговую поруку, взыскивая подати и недоимки бежавших с общества, к которому они были приписаны, и раскладывая налоги опустевшей деревни на целый округ. Бегство множества сирийских жителей под египетским правлением тем более выказывает ненависть народа к этому правлению, что арабское оседлое племя несравненно более турецкого привязано к родной почве. Между тем как житель Румелии беспокойно спускается со своих гор, чтобы оружием или промышленностью искать фортуны по всем концам знакомого ему мира, редко найдете сирийца вне его пределов. Даже в столице империи, куда стекается ежегодно по давнему навыку много народа из далеких областей, почти не найдете сирийцев, за исключением небольшого числа халебских купцов.

Более 100 тыс. сирийских жителей бежали от строгостей египетского правления. Эта убыль народонаселения была несравненно чувствительнее для земледелия и промышленности, чем самое рекрутство. При всех своих строгостях Ибрахим в продолжение пяти лет (1833 – 1838) забрал в Сирии не более 35 тыс. рекрутов. Повинность эта лежала на одном мухаммеданском народонаселении, которое в совокупности составляет около 900 тыс. душ обоего пола. Итак, наборы, сделанные Ибрахимом, представляют в общности ежегодную пропорцию 7:900. Как ни тягостна для

народа эта пропорция, особенно когда спасалась бегством половина тех людей, которым по их возрасту угрожало рекрутство, она становилась еще тягостнее по всегдашней тревоге, в которой находились жители от неизвестности эпохи наборов, от насилий и от отсутствия всякого правила или системы при наборах. Местные начальства, военные и гражданские, получали секретное повеление представить столько-то способных рекрутов. Им предоставлялось улучшить минуту и средства, чтобы уловить в базарах, или в мечетях, или среди полевых работ требуемое число людей. По пятницам, когда народ собирался в мечети, отряды войск обступали мечеть и выпускали оттуда одних стариков и малолетних, забравши всех людей, годных в строевую службу.

Во всяком движении войск жители привыкли видеть угрозу нового набора; деревни пустели, базары закрывались, все пребывало в трепетном ожидании. Мухаммедане завидовали участи христиан и евреев, для которых отчуждение от службы под знаменами правоверных вместо унижения становилось дорогим преимуществом. Несчастные мусульмане, жители городов, были до того унижены в самом религиозном их чувстве, что люди благородного звания записывались в кавасы, в служители, в конюхи у европейских консулов, даже у их агентов и драгоманов из подданных султана, из презренных райев, чтобы, в силу трактатов, обеспечивающих неприкосновенность людей в службе консульских домов, избегнуть строевой службы.

В этом отношении по крайней мере беспощадная строгость Ибрахима была спасительна для христиан. Она всего более укротила грубый фанатизм мусульман, упитанный вековой анархией Сирии и переходящий из поколения в поколение со времени кровавых споров за Святую землю с крестоносцами Запада. Ибрахим заблаговременно постиг, что религиозный фанатизм сирийских мусульман, заменяя в них, как и во всех азиатских племенах, чувство народности, развивает анархические их наклонности. Мы видели предписание, данное Ибрахимом из-под Акки всем властям Палестины в пользу поклонников и святых христианских. Предписание это было программой политики Ибрахима относительно сирийских христиан, программой, основанной не только на правосудии, но и на общественной пользе и на хозяйственном расчете. Льготы, дарованные христианам, придали новую жизнь земледелию, торговле и промышленности в период египетского владычества. Дотоле христианское народонаселение служило игрищем турецких пашей, их фанатизма и их корысти. На христиан они изливали свой гнев, когда бушевали мухаммеданские племена. Их облагали пенями, когда нуждались в деньгах. Презрением к ним или гонениями на них старались паши заслужить любовь и доверие своих мусульман. Усердие к исламу всегда выражается ненавистью к другим вероисповеданиям. Христианское народонаселение отдохнуло и оправилось несколько от вековых своих испытаний в кратковременный период египетского владычества.

Дело неслыханное в Османской империи: христианам была предоставлена свобода везде обновлять свои храмы и монастыри и даже строить новые, не покупая ни свидетельства мусульманского суда (илам) в необходимости починок и построек, ни соизволения местных властей, ни содействия лиц, управляющих умами правоверной черни. В святых палестинских, принадлежащих совокупно двум или трем исповеданиям, это право починок и построек подвержено законным ограничениям мусульманского духовного судопроизводства для обеспечения прав, присвоенных каждому из вероисповеданий. Но

когда уже эти тяжбы между самими христианами, проистекающие от смежности поклонений, или от совокупности, или от противоположности прав, слишком неопределимых по самому существу своему, когда эти неизбежные тяжбы получали законное решение в мехеме, каждое из вероисповеданий продолжало пользоваться предоставленным ему правом, не покупая уже соизволения пашей на исполнение духовного приговора мухаммеданского суда, как это водилось прежде.

Уничжение христиан, основанное на коренных законах турецкой империи, простирается до того, что ни в каком случае не может быть принято свидетельство христианина противу мухаммеданина, даже епископа или примата-христианина противу последнего бродяги-мусульманина {Это постановлено халифом Омаром II Столь чудовищный закон существует и доселе во всей силе, несмотря на все преобразования Махмуда и на уверения нынешнего правительства Турции, будто подданные всех исповеданий пользуются равными правами.}. Ученые-юристы, которых решения служат авторитетом в мухаммеданском судопроизводстве, логическими доводами из Корана постановили целый ряд оскорблений, преследующих христианина в частной семейной жизни. Ему запрещено ездить на коне, носить одежду яркого цвета и проч., и проч. Каприз правоверной черни во всякой местности добавил еще какое-нибудь оскорбление, которое обратилось в обычай и имеет силу закона. В Тараблусе, например, не позволяется христианам нести на руках тела умерших. Они [христиане] должны вынуть тело на осла и терпеть на дороге к кладбищу поругания правоверной черни.

Ибрахим не был вправе коснуться духовного закона империи; по крайней мере облегчил он участь христиан воспрещением тех оскорблений, которые не постановлены законом. Гражданским властям было приказано избегать по возможности разбирательства в мехеме спорных дел между христианами и мухаммеданами и соблюдать правосудие к подданным без различия вероисповеданий. Воспрещение ярких цветов платья и езды на коне, без сомнения, не столь обидно для народа, как закон о свидетельстве. Но подобные воспрещения служат выражением постоянной обиды, пятном отвержения на целом народе и тем самым питают в мусульманах обычную их спесь. Ибрахим приказал христианам надеть белые чалмы и любое платье и разъезжать верхом в самом Дамаске, в этом святом граде ислама, где ежегодное стечение поклонников, идущих в Мекку, возжигает периодически фанатизм в правоверной черни, в толпе нагих дервишей и изорванных сеидов, потомков Мухаммедовых, этого многочисленного и пестрого народонаселения базаров дамасских. В таком нововведении толпа видела осквернение заветных прав святого града Дамаска, преддверия Каабы и сада райского {Шам-эш-Шериф, Баб-эль-Каабе, Бустан-аль-Дженне – обыкновенные эпитеты этого города, которому только в истории и в литературе восточной дается древнее имя Дамаск, сохраненное в Священном Писании. В обыкновенном языке арабы и турки именуют Дамаск Шамом, или Шам-эш-Шериф, а всей Сирии дается название края Дамасского – Берие-эш-Шам.}. Но первый дервиш, который в исступлении гнева бросил грязь и проклятия на голову христианина, одетую в белую чалму, получил по повелению Ибрахима сто ударов плетью по пятам, и чернь утихла. Улемы и законники дамасские, оскорбленные не менее черни белой чалмой христиан, осмелились спросить у Ибрахима, каким образом отличать теперь правоверного от гяура, чтобы не согрешить по неведению заветным приветствием «алейкум селям» («мир с вами»), которое по закону не подобает гяурам. Ибрахим, который мало заботился

об этих богословских тонкостях, но основательнее улемов знал историю ислама, отвечал наотрез, что первые халифы, проповедники закона, сами надевали простую черную чалму вместо тех причудливых и разноцветных зданий, коими красятся теперь головы толкователей закона, и что мусульманина подобает узнавать только в мечети, христианина в церкви, а вне мечети, вне церкви в его глазах нет различия между ними.

И улемы, и чернь, и все сословия были принуждены покориться непреклонной воле Ибрахима, которого снисходительность к христианам усугубляла общее негодование мусульман на рекрутство и на налоги. С другой стороны, мусульмане со злобой видели, что в службе египетской почести и власть были доступны христианам. Правда, и при Джаззаре, и при Абдаллахе, и при других пашах бывали саррафы (банкиры), уполномоченные от своих повелителей для управления всеми их делами, но влияние этих саррафов было только влиянием раба, пресмыкавшегося во прахе пред своим властелином, осужденного переносить самые грубые оскорбления от последних его слуг и действовать только впотьмах.

Теперь же при Шериф-паше дамасском первым лицом [после него] был христианин, возвеличенный титулом бея и независимо от паши управлявший хозяйственной частью по всем сирийским пашалыкам. Новое устройство хозяйственной части, перемена системы налогов, строгая отчетливость и взыскание казенных доходов – все это становилось еще более ненавистным именно оттого, что орудием служил христианин, презренный райя, родом сириец.

Веротерпимость, эта лучшая и бескорыстнейшая черта египетского правления в Сирии, раздражала массу мусульманского народонаселения. Но заметим, что самая веротерпимость Ибрахима помрачалась отъявленным, циническим безверием. И сам он, и Шериф-паша, и, по их примеру, все почти высшие сановники египетские, питая в душе глубокое презрение ко всему арабскому племени и попирая его предрассудки, попирали в то же время коренные законы ислама. Ибрахим публично в Дамаске и во всех городах Сирии упивался шампанским. И здесь, как и в Константинополе, суждено, кажется, вспрыскивать веселой пеной шампанского все эти начинания нового политического быта. К этой страсти присоединял Ибрахим другие пороки турецких пашей, и его оргии не укрывались от народа... Редко показывался он в мечети, в часы молитвы он не творил законных омовений, предписанного пророком поста (рамадана) он не соблюдал; его окружающие детски хвалились своим вольнодумством, в войске не было имамов; безотчетно перенимая французскую военную систему, Мухаммед Али упускал из виду различие элементов и чувства народного между французскими и арабскими племенами. Вместо того чтобы ограничиться мудрым укрощением фанатизма народного, паша бесполезно оскорбил самое религиозное чувство народа. Многим европейским путешественникам было позволено в Иерусалиме посетить Омарову мечеть, которая почитается вторым святилищем в исламе после храма Мекки. Ничто не могло произвести более соблазна в фанатическом народонаселении Иерусалима. Старые служители Омаровой мечети рыдали над этим осквернением, не слыханным дотоле в мусульманском мире, и каждый раз при посещении мечети иностранцами местные власти должны были окружать себя и посетителей военной командой, чтобы предупредить порывы фанатизма в зрителях.

Если Мухаммед Али и Ибрахим этими мерами имели в виду укрощение фанатизма сирийских мусульман, если они надеялись ослабить в народе религиозное чувство, основу политического влияния султана, и тем упрочить свое владычество, то они очевидно ошиблись в своем расчете и достигли результата совершенно противоположного. Они призвали на свою голову народную анафему и еще более воспламенили в сирийских племенах оскорбленное религиозное чувство и преданность султану. При огромной армии, которой постоянно была занята Сирия, при страшных казнях, настигших Набулус, Иудею и Хауран, при неусыпной деятельности гражданских и военных властей эти расположения проявлялись в народе одним ропотом и унынием; но тем более ожесточалась народная ненависть, выжидая только минуты общего взрыва. Таким образом Ибрахим, который в походе своем в Сирию был предшествуем славой победителя богохульной секты ваххабитов, поборника святых мест ислама от осквернений раскольнических, коего имя покрывалось благословениями богомоллов на открытом им пути из Дамаска в Мекку, успел в немногие годы пребывания своего в Сирии прослыть в народе гяуром, еретиком и бунтовщиком против законного государя и духовного главы ислама. Обиженное религиозное чувство служило отголоском политических страстей, вскормленных вековой анархией. В сочувствии своего унижения племена сирийские не могли ласкать себя утопиями об арабской самобытности, которыми еще воспламенялись в то время западные мечтатели. Никогда с таким остервенением племена эти не боролись против прежних своих пашей. Изнемогая в борьбе, они устремляли взоры к своему законному государю, ибо они видели себя беспрекословно осужденными опеке турецкой и ограничивали свои желания только тем, чтобы опека эта была снисходительнее и небрежнее.

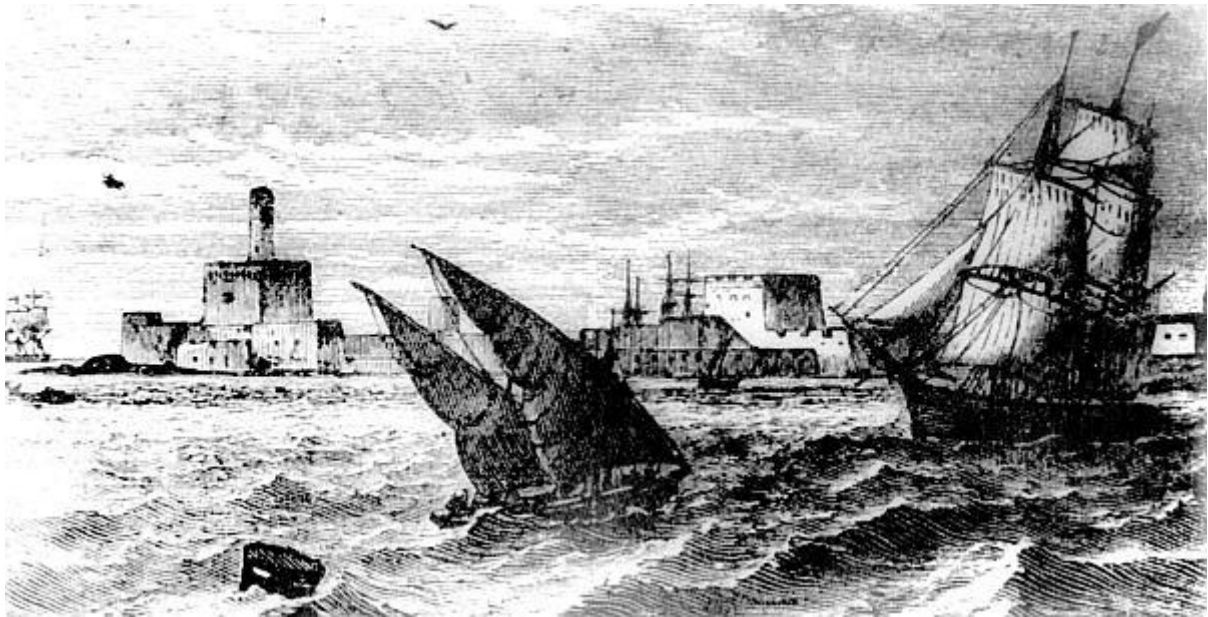
Мечеть Омара на Храмовой горе в Иерусалиме. Гравюра В.Г. Бартлетта, 1820-е гг.

Этим достаточно поясняется замеченное уже нами любопытное явление контраста народных мнений на севере и на юге от Таврийского хребта и странного сочувствия

малоазийских племен к Мухаммеду Али, а племен сирийских – к султану во весь период египетского владычества в Сирии. Это послужит равномерно к пояснению другого явления, еще более удивительного – этого быстрого разрушения египетской власти при 70-тысячной армии Ибрахима в 1840 г., после победы под Незибом, среди внутреннего кризиса Османской империи, предвещавшего, по-видимому, новые торжества египетскому паше.

С первых годов завоевания Сирии Мухаммед Али мог удостовериться в том, что завоевание это только материальной силой могло упрочиться за ним. Вместо сочувствия народного, лучшей поруки в прочности каждого завоевания, он навлек на себя только ненависть покоренных племен. Каждое его усилие к развитию военной системы было сопряжено с новыми притеснениями; ему оставалось действовать страхом, обычным средством восточных владык, и поражать воображения, когда сердца были недоступны ласке. Сирия была покорена 20-тысячной армией, можно даже сказать, что только сопротивление Абдаллаха за стенами Акки и ошибки осаждавших и необходимость разрушить чары, которыми владетель аккской твердыни оковывал народные умы в Сирии, продлили завоевание края и потребовали столь значительных сил и времени. Без Акки нет сомнения в том, что Ибрахим с 10-тысячным войском торжественно бы понесся до ущелий Тавра, прежде чем Порта успела бы выслать на него войско. Между тем после легких своих побед, когда Порта не была уже в состоянии бороться, когда султанским манифестом было освящено в глазах народа право, добытое саблей, Мухаммед Али, вместо того чтобы отозвать войска свои из Сирии, вместо того чтобы дать своему сыну отдохнуть под лаврами, видел себя осужденным каждый год усиливать свою сирийскую армию и держать Ибрахима неусыпным стражем над покоренным краем. Ибрахим кровными трудами и лихорадочной деятельностью целых восемь лет оплачивал легкие торжества первой своей кампании, а Мухаммед Али вместо барышей, которых он домогался распространением своих владений, тратил ежегодно значительную часть египетских доходов, чтобы только не выпустить из рук своей разорительной добычи.

Кроме армии, постоянно занятой усмирением мятежей и рекрутскими наборами, Мухаммед Али был принужден в обеспечение от вторжения турок укрепить ущелья Тавра. Ущелья эти были окопаны бастионами, двести пятьдесят орудий большого калибра послужили к довершению чудных работ, которыми сама природа укрепила ущелья Колек-Богаза и Гяур-Дага. Все это производилось прочно, поспешно и не щадя миллионов, под руководством европейских инженеров. С другой стороны, Акка, по своему местоположению и по народным о ней поверьям, служила залогом покорности сирийских племен. В Европе почли эту крепость ключом Сирии с моря. Мнение это основано, кажется, более на историческом предрассудке и на народном поверии, чем на топографическом изучении местностей.

В

ид Акки с моря. Гравюра XIX в.

Без сомнения, Акка представляет большие удобства для укреплений, город лежит на возвышении у взморья, а кругом простирается гладкое поле, между тем как почти все другие города сирийского берега стиснуты соседними возвышениями, затрудняющими систему фортификации. Зато Акка по самому своему местоположению между морем и заливом, на краю мыса, с двух сторон доступна атаке с моря. Глубина допускает даже стопушечные корабли свободно подходить на ружейный выстрел, и уже одно это обстоятельство осуждает крепость, ибо флот, располагая произвольным числом орудий против известного пункта и подвергаясь только ограниченному действию береговых батарей, как бы они ни были сильны, может их разломать. К тому же сирийский берег по всему своему протяжению доступен с моря, хотя бы и устояла Акка. Палестина представляет много удобных пунктов и для высадки войска, и для сообщений с внутренними округами; Сур и Сайда открывают путь в сердце Сирии, в самый Дамаск; затем Бейрут, бухта Джуния, приморский замок римской постройки, Джубейль и город Тараблус дают доступ в Ливан. На севере Латакия, Искендерун и Суэдия открывают сообщение с Халебом. По этим соображениям мы вправе, кажется, назвать предрассудком военную важность Акки; и примечания достойно, что предрассудок этот длится от Средних веков и поныне. Крестоносцы истратили лучшую свою кровь под стенами этого города, а по падении Иерусалима еще целый век оставались в Акке бессильными зрителями разрушения одного за другим основанных ими царств. В наше время Акка опять прославилась предприятиями Дахира и неудачей французской армии, а затем крепость эта переходила от одного паши к другому, будто залогом повиновения сирийских племен.

Ибрахим, который слишком высоко ценил семимесячную осаду, обратил в свою пользу народный предрассудок, сделавши из этой крепости главный военный пункт Сирии и оплот египетского владычества. Около 50 млн пиастров (до 3 млн руб. серебром) было израсходовано на сооружение бастионов и казематов, на постройку казарм, пороховых магазинов, цистерн и проч. Работы не прекращались во все время египетского владычества; Акка была вооружена 230 пушками. Впрочем, все эти работы имели тот

основной порок, что они были последовательно принорованы без общего плана к старым работам Дахира, Джаззара и Абдаллаха. В этой крепости было равномерно [также] главное депо полевой артиллерии и всех потребностей для армии сирийской. Происшествия 1840 г. доказали, как ошибочны были расчеты Ибрахима и его отца и как напрасны [были] все эти огромные расходы на укрепление Акки и ущелий Тавра.

Глава 9

Укрощение феодальных прав в Сирии. – Преследование дворянства. – Сила местных элементов. – Величие эмира Бешира и система его управления. – Начало льгот ливанских. – Взаимные отношения паши и эмира.

Если нововведения египетские возбудили вопль народонаселения, то еще более ненавистным было для сирийского дворянства общее направление системы, клонившейся к ограничению его преимуществ, к укрощению его старинных бесчинств. Хотя никакого постановления об этом предмете не было обнародовано, однако по всем отношениям можно почесть главнейшим и основным преобразованием внутреннего устройства Сирии укрощение феодальных прав, беспрекословно существовавших и укоренявшихся под прежними пашами, но уже несовместных с новым правительственным устройством края и с введенным в управление единством. Приведение в ясность системы податей, непосредственный взнос их в казну, присутствие армии, всегда готовой поддерживать гражданские власти и содержать народ в повиновении, избавляли правительство от пагубного содействия этого класса людей, которого наследственное влияние было необходимым орудием в руках прежних пашей. Шейхи и эмиры, наследственно управлявшие округами, содержали в своей службе ватаги наездников как для угнетения народа по воле пашей, так и для сопротивления пашам в случае попытки с их стороны к укрощению буйства вассалов. Тогда во всем внутреннем устройстве власти проявлялось необходимое развитие основных отношений пашей к самой Порте, и коренное зло этих отношений между властями более и более проникало в политические нравы края.

Паша требовал от своих вассалов тех же условий, каких требовала от него самого Порта: исправного взноса условленной подати и содержания края в повиновении, не входя в разбирательство средств, какими взималась подать и обеспечивалось повиновение народа. С другой стороны, паша употреблял в отношении к своим вассалам те же средства, какие употребляла Порта для содержания в повиновении пашей и для взимания государственных доходов. Порта наказывала строптивного пашу другим пашой или назначала ему преемника с поручением идти войной на соперника и завладеть пашальком. Паша в свою очередь обуздывал строптивных вассалов одного другим и всего чаще, как мы уже видели тому много примеров в делах ливанских и антиливанских, избирал в том же семействе другого претендента, поддерживал его своим влиянием и своим войском, пока удавалось одним братом погубить другого, племянником – дядю и т. д. Пути и средства тайной мести, кинжал и яд, ласка и измена были те же между Портой и ее наместниками, между пашами и их вассалами.

Таким образом, основная система управления областями проявляется тем безнравственнее, тем чудовищнее, чем далее будем вникать в ее развитие, распространяя

семейные вражды, братоубийства, козни, образуя класс удалых людей, готовых и способных на самые дерзкие покушения, класс, из которого вербовалось, можно сказать, сословие пашей и которому предоставлялось по всему пространству империи править народом. По мере изнеможения султанов среди окружающих их сплетен более и более усиливалась власть местных правителей, облеченных всем деспотическим полномочием султанов.

Взглянем еще раз на состояние Сирии в эпоху вторжения египтян: прибрежная Палестина едва была освобождена от Мехмет-бея Абу Набута, который, очевидно, домогался роли Джаззара и замышлял сделать из Яффы свое гнездо. Семейство шейхов Абу Гошей занимало Иудейские ущелья. Шейхи Амр владели южными ущельями Палестинских гор и крепостью Халиль Рахманом (древним Хевроном). Шейхи Самхан были главами конфедерации небольших племен, занимавших северные отрасли Иудейских гор. Набулус и вся Самария пребывали в открытом бунте, как только ее шейхи из семейств Джерар, Токаи, Беркауи и Абд эль-Хади забывали свои внутренние вражды или отлагали на время расчет семейной мести. В низменной Галилее бродили заиорданские бедуины, сгоняя земледелие с плодородных долин в горы. Абдаллах-паша сам безнаказанно бунтовал за стенами Акки, вел войну с горцами Набулуса и проискалами своими подстрекал к бунту жителей Дамаска. В Дамаске народонаселение умерщвляло своего пашу. Ливан был еще в смуте от междоусобий эмира Бешира с Джумבלатами. Тараблусский пашалык сомнительно повиновался преемникам бунтовщиков Мустафы Бербера и Али-бея. От Дамаска до Халеба, по всему побережью пустыни, хлестали волны неугомонных бедуинов. Искендерун и Паяс признавали наследственный деспотизм семейства Кючук Али. Какой-то ага владел Антиохией. Племена ансариев не платили податей. В Джиср эш-Шогур, в Рихе и в других местностях Халебского пашалыка, в Белене, в ущельях Тавра – везде буйствовали наследственные беки или бродяги, которые, удальством захвативши однажды власть в свои руки, затем или торговались с пашами, или воевали с ними.

В несколько месяцев египетское правление успело укротить одного за другим этих мелочных владельцев, представителей феодальной аристократии, и подчинить их владения общей правительственной системе. Очевидно, Ибрахим-паша стремился к тому, чтобы разрушить в Сирии аристократию шейхов и эмиров, как его отец разрушил олигархию мамлюков в Египте; но не один раз также не бывал принужден уступать силе навыка племен или местностям и поддерживать феодальные права, при законных ограничениях, облакая властью людей, выбранных из туземного дворянства. Таким образом, могучие семейства Джерары, Токаны и Беркауи были обречены казням и ссылке по усмирении набулусского бунта, а для управления горцами Набулуса Ибрахим назначил шейхов Абд эль-Хади, в верности и преданности которых ручалось старое их соперничество с низложенными шейхами.<

> На этом же основании несколько новых аристократических семейств возникли при египетском правлении. Они не были облечены всеми правами прежней аристократии, но их влияние усиливалось, опираясь на центральную власть, тогда когда их предшественники должны были с ней бороться и остерегаться преследований и измены со стороны пашей. Обстоятельство это подтверждает сделанное нами замечание о том, что

феодалное образование сирийских племен было не случайным последствием завоевания или анархии, но, можно сказать, коренным законом физического образования края и духа его жителей. В Египте вместе с мамлюками совершенно пала и вся их чудовищная система управления, основанная на праве сабли и на слабости султанов. В Сирии феодальная система не могла быть искоренена, но при благоустроенном и сильном правительстве она была принуждена отказаться от своих бесчинств и служить опорой и законным орудием власти.

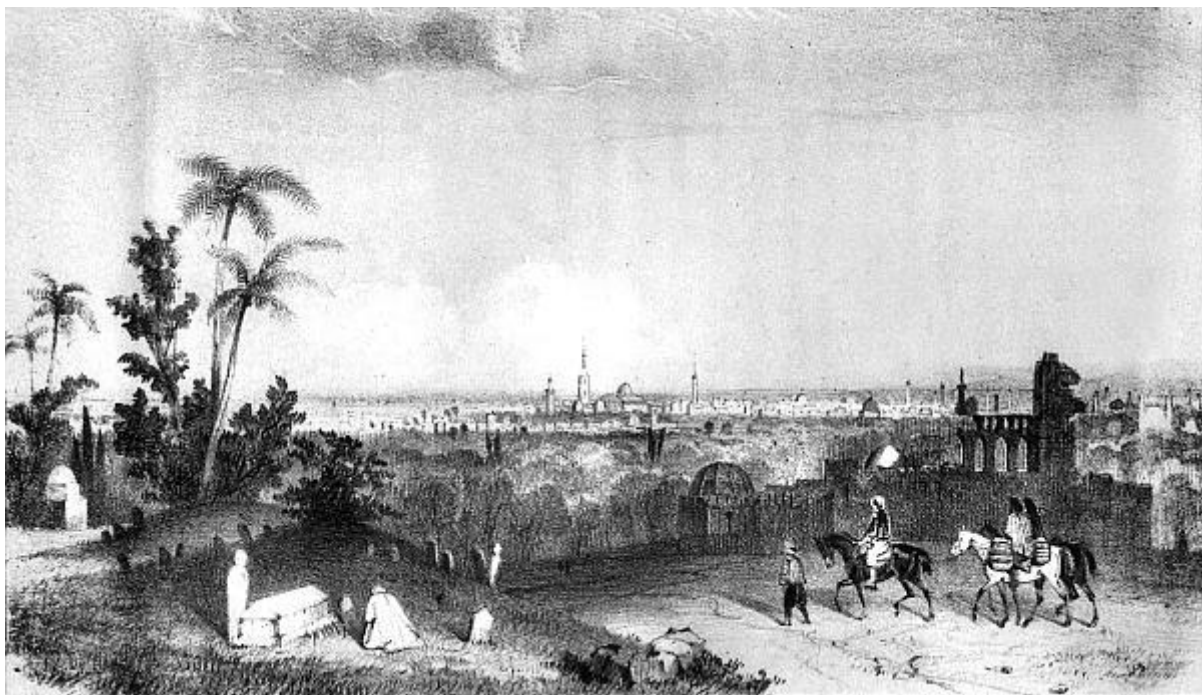
При таком направлении правительственного устройства Сирии на Ливане происходило весьма любопытное явление. Мы обозрели уже различные периоды этого постоянного обуревания, которое со времен Фахр эд-Дина сделалось нормальным состоянием ливанских племен; мы следили также за семейными спорами, которыми наполнена вся хроника Шихабов, среди анархического хаоса, истомившего Сирию под турецкими пашами. Случилось, что в эпоху египетского правления, когда так усиленно разрушалось готическое здание старины, когда феодальное дворянство уступало свое влияние центральной власти, Ливаном правил вассал даровитый, честолюбивый и в то же время любимец египетского паши, издавна ему преданный. Влияние его на массы народные упрочилось сорокалетним его управлением и троекратным усмирением мятежей и безначалия; влияние его на дворянство было обеспечено всеобщим страхом после казней, настигших мятеж, и беспощадной опалой родственников и соперников. Огромные богатства были им нажиты конфискацией имений всех опальных шейхов, и много уделов, упраздненных при этих опалах, были в распоряжении эмира и служили наградами преданности и покорности членов его семейства или шейхов, возвеличенных взамен тех, которые были казнены или томились в изгнании.

При таких внутренних и внешних обстоятельствах дела Ливана принужденно приняли самый благоприятный оборот. Новая финансовая система и приведение в известность всех налогов и доходных статей отстранили старинные произвольные поборы, которыми паши обременяли местных владельцев. Подать с ливанских племен вместе с новым подушным окладом фирде, о котором мы уже упоминали, была определена в 6500 мешков (около 190 тыс. руб. серебром), а все косвенные налоги и доходные статьи, бывшие в остальной Сирии в прямом заведывании казны или же на откупе, были на Ливане вполне предоставлены эмиру. Эмир по своему усмотрению собирал и прямой налог без всякого вмешательства или контроля со стороны правительства. В известные эпохи он был обязан вносить в казну подать ливанскую, а мог в свою очередь взимать с народа несравненно более, по мере своего влияния.

Сумма прямых и косвенных налогов вместе с доходом имений, приобретенных эмиром покупкой или насилием, простиралась по крайней мере до 25 тыс. мешков. За уплатой казенной подати оставалась еще в пользу эмира огромная сумма на содержание его двора и стражи, на постройки в Бейт эд-Дине, и кроме того, по обычаю всех азиатских владельцев, эмир ежегодно откладывал на сбережение.

Богатая долина Антиливанская была в эпоху турецкого завоевания отдана в удел дамасским сипахи, обязанным выступать в поход на собственном иждивении по требованию правительства. При постоянных смутах этого края военная повинность

сипахи сама собой уничтожилась, а доходами пользовались ленивые эфенди Дамаска, никогда не выступавшие в поход противу неприятеля, а занятые разве кознями противу своих пашей. Ливанские эмиры неоднократно занимали плодородную долину Антиливанскую и пользовались доходами с семидесяти ее деревень. Египетское правление не заботилось о сипахи, которые, отрекшись от военной повинности, не имели никакого права на сопряженные с ней доходы; оно допустило ливанского эмира укрепить за собой эту старинную феодальную льготу, сделать соседнюю долину житницей Ливана и дарить в ней поместьями своих родственников и любимцев. Округ Джубейль, состоявший дотоле в зависимости Тараблусского пашалыка, вошел окончательно в состав владений ливанских.

П

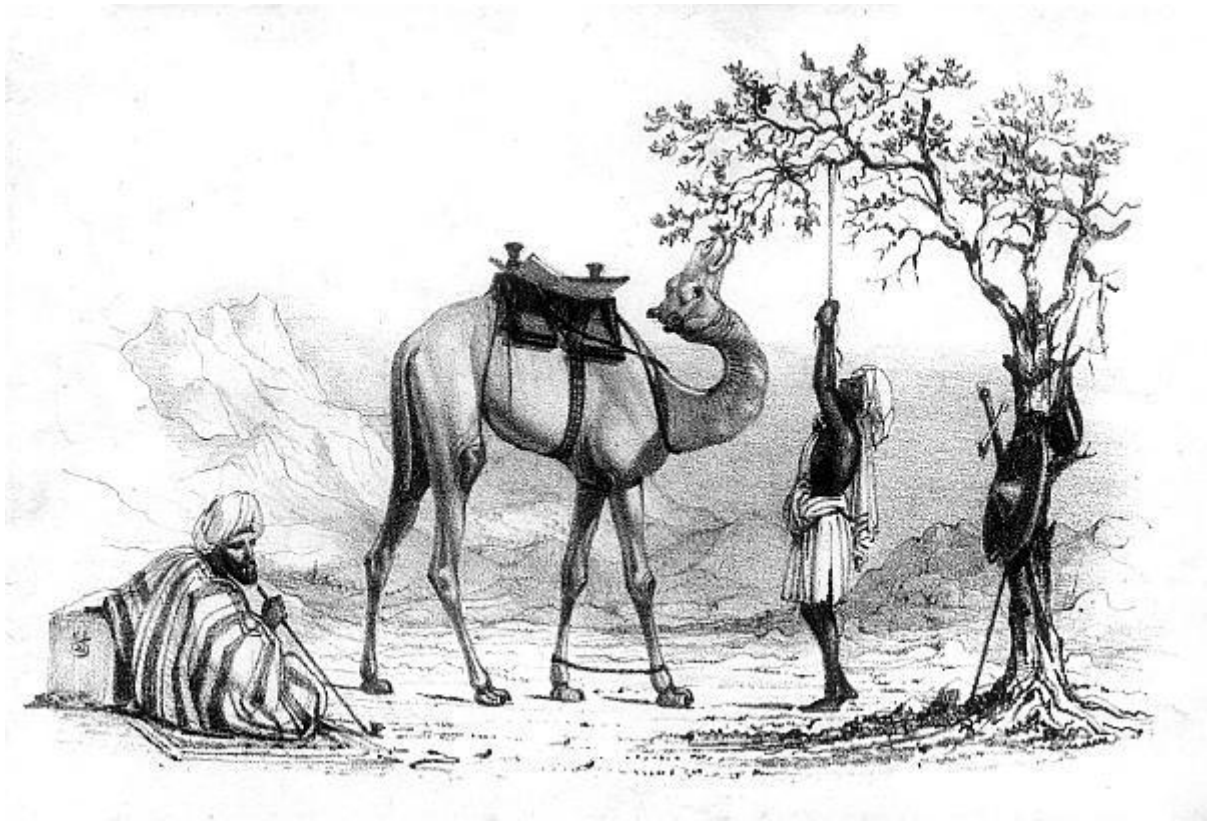
ользуясь этими благоприятными обстоятельствами, эмир по примеру египетского паши стал в свою очередь обуздывать феодальные права своих вассалов и сосредоточивать власть в своих руках. Ливанские владения стали мало-помалу принимать формы удельного княжества, состоявшего на особых правах, и это происходило под влиянием тех же обстоятельств, которые подрывали удельную систему во всей Сирии и подчиняли ее законным ограничениям. Почитая эмира Бешира надежнейшей опорой своей власти в Сирии, Мухаммед Али поддерживал его своим влиянием, вместо того чтобы по примеру прежних пашей и по основным правилам восточной политики поднимать на него соперников и раздорами горцев усиливать собственное влияние в горах. Все это мы должны приписать не столько личному благорасположению Мухаммеда Али к эмиру, сколько внешним политическим обстоятельствам, отношениям египетского паши к Порте с 1832 по 1840 г., непрочности Кютахийского договора, последовательным бунтам сирийских племен, очевидному стремлению султана к изгнанию египтян из Сирии при первом удобном случае.

Таким-то образом получили свое развитие те преимущества, которые впоследствии, при содействии пяти великих держав, были обеспечены ливанским племенам. Но никакого сомнения нет в том, что если бы Мухаммед Али владел Сирией на основании более

прочном, то всего прежде права эмира ливанского были бы ограничены и племена горские подчинились бы общему гражданскому устройству Сирии. Все предшественники эмира Бешира со времени низложения Фахр эд-Дина и до завоевания края египтянами правили Ливаном в качестве наместников пашей турецких, по их произволу бывали свергаемы и казнимы и торговались с ними о подати при получении инвеституры. Ливан был управляем на том же основании, как остальные горные округа во всей Османской империи, в коих феодальные навыки племен и неверность сообщений заставляли пашей, вместо того чтобы назначать правителей из своих чиновников, вверять управление туземному дворянству и тем обеспечивать повиновение племен и казенные доходы. Никакими особенными льготами не пользовались горцы ливанские ни по основному праву, как княжества Дунайские, ни по султанским грамотам, как острова Архипелага.

Эмир Бешир искусно воспользовался благоприятными для него обстоятельствами под египетским правлением, обуздал мелочных тиранов, шейхов и эмиров, привязал народные массы к своему деспотизму, распространил по всем округам ливанским непосредственную свою власть и нажил богатства и славу. Совершенная безопасность водворилась в горах, и период этот ознаменован редким благоденствием и развитием торговли и промышленности. После запретительной системы и произвольной монополии прежних пашей свобода, дарованная торговле египетским правлением, придала новую жизнь поморским городам. Сайда, Бейрут и Тараблус сделались вольными рынками для горцев, которые обменивали здесь свой шелк и деревянное масло на хлеб и на продукты европейской промышленности. Производительность усилилась по крайней мере одной третью на Ливане, а потребление заморских произведений удвоилось. Веротерпимость египетских властей возвысила христианские племена Ливана и в собственных их глазах, и в мнении соседственных племен. Семейства эмиров Шихаб и Абу Лама, о крещении которых мы уже имели случай говорить, стали открыто исповедовать христианскую веру.

Во всех действиях правительственной и частной жизни хитрая политика эмира клонилась к тому, чтобы постепенно укреплять свою власть на Ливане, содержать вассалов и родственников своих в почтительном повиновении, поддерживать в народе страх периодическими зрелищами казней, а главное, придавать такой оборот и такой вид всем делам по управлению, чтобы более и более распространять мнение о том, что один он в состоянии содержать в повиновении племена ливанские, но в то же время слыть в глазах своего народа его заступником от притеснений египетских властей. Все строгие меры, все эти умножившиеся в его время и для его обогащения прямые и косвенные налоги приписывал он воле паши, представлял себя покорным исполнителем, а в своем кругу, вслух своих горцев, не упускал случая роптать от имени своего народа.

Если, с одной стороны, благосклонность паши к эмиру была основана единственно на политическом расчете, зато и преданность эмира к Мухаммеду Али не менее того была личиной собственных его видов. Эмир не мог не предчувствовать, что с изменением обстоятельств властолюбивый паша не преминул бы разрушить это здание, которое с его ведома так тщательно воздвигалось на горах, наперекор общей системе политического устройства Сирии. Лет восемь сряду эти два старика, паша и эмир, хитрили таким образом друг пред другом; первый ждал только решения великой задачи о своих правах на Сирию, чтобы низвергнуть своего любимца, второй стремился лишь к тому, чтобы внушать своему народу недоверие к паше, его покровителю, и путать дела, чтобы оставаться лицом необходимым и утвердить на более прочном основании права свои и своего рода на Ливане.

Планы обоих в одно время созревали, и оба хорошо понимали друг друга; но оба продолжали по-прежнему обмениваться ласковыми речами и уверениями в преданности. Ибрахим-паша, во всем слепо покоряясь политике своего отца, не мог, однако, по вспыльчивому своему нраву терпеливо сносить проделки эмира, который умышленно угнетал свой народ, чтобы направлять общее негодование на пашу, а себя самого выставлять ходатаем и покровителем угнетенных. Однажды по поводу ропота народного на непомерные налоги Ибрахим стал упрекать эмира в сребролюбии и в том, что он не сообразовался с волей старого паши и по своему произволу облагал подвластные ему племена. «Светлейший паша, – отвечал ему эмир, – я принужден так действовать общего покоя нашего ради; жители наших гор имеют те же привычки, что и мулы ливанские, и с ними надо поступать как с мулами». «Как это?» – спросил Ибрахим. – «Не заметили ли вы, светлейший владыко (саадет-афендина), в ваших походах, что ливанские мулы тогда только идут спокойно от ночлега до ночлега, когда они навьючены ровно 80 батманами

(13 пуд.) по местному обычаю? Убавьте вьюк, они во всю дорогу шалят и вьюки сбрасывают, и брыкают, и сами себя вдвое утомляют». Ответ был кстати, и Ибрахим расхохотался. Теория эмира была, по несчастью, оправдана и принужденным благодеянием горцев под его правлением, и последовавшим затем кризисом.

Приступим теперь к изложению политических обстоятельств, породивших этот поворот.

Глава 10

Состояние дел в начале 1839 г. – Расположения Махмуда. – Обратный взгляд на переговоры султана с пашой. – Безуспешное ходатайство Франции. – Невестка Мухаммеда Али в столице. – Перемена министерства. – Сарим-эфенди в Египте. – Военные приготовления султана. – Новые возгласы Мухаммеда Али о независимости и ответ европейских кабинетов. – Поездка пашы к верховьям Нила. – Его нота генеральным консулам. – Приближение османской армии к сирийской границе. – Борьба Махмуда с министерством. – Советы любимцев. – Скрытность султана. – Обширный план вторжения в Сирию. – Самонадеянность сераскира Хафиз-паши.

1839 год наступал под грозными знаменами для египетского владычества в Сирии. Правда, мятежи были утишены; гражданское устройство края усовершенствовано; торговля процветала, внутренние сообщения до того обезопасены, что пешеход один, без конвоя, шел от Халеба до Газы с векселями и пачками денег для купцов; повеления не только Мухаммеда Али, но и дамасского его наместника и окружных муселимов внушали несравненно более страха, чем султанские фирманы в последний период владычества турецкого в Сирии; горские племена склоняли выю под ненавистный закон рекрутства, все сословия были обезоружены, а если у кого и хранилось ружье или ятаган, то они, верно, ржавели, будто заветные клады, где-нибудь под скалой, в сокровенном ущелье гор или в утробе земли; ропот народный выражался только глухими стонами от одного конца Сирии до другого, а дерзновенные роптатели и всяк, кто посмел бы хотя впотьмах подстрекать народ к сопротивлению или рассеивать слухи неприязненные, подвергался беспощадной опале. В Дамаске и Тараблусе, в этих двух городах, где сходство природы, благоуханное прозябение и обилие вод будто поддерживают моральное и физическое сродство в жителях, Ибрахим напугал воображения зрелищем кровавой казни почетных мусульман за их происки и ропот. Около 40 тыс. регулярного войска занимали Сирию. Укрепления Колек-Богазы и Акки достраивались грозными сторожами внутренней и внешней безопасности не края, но правительства, обнявшего свою изнеможенную добычу в железные рукавицы и тщательно следившего за всяким ее трепетанием.

А между тем гроза собиралась на севере. Сирийские народонаселения чутким ухом подслушивали далекие ее отголоски, едва смея предаваться утешительной надежде освобождения от ига, спасительного во всех отношениях, но тяжкого для страны, привыкшей к жизни разгульной и буйной.

Мы говорили уже о расположении султана Махмуда к египетскому паше. Обида, нанесенная в 1833 г. султанскому величеству в глазах всего правоверного народа и Европы, была тем чувствительнее для честолюбивой его души, что судьба, часто ему изменявшая в борьбе с внешними врагами, была постоянно благоприятна той великой мысли, которая ознаменовала царствование Махмуда, – восстановлению единой державы в империи, истощенной своим феодальным устройством, несмотря на осеняющий ее призрак восточного деспотизма, и которая, видимо, клонилась к раздроблению по следам ее западной соседки – империи Германской.

Все строптивые вассалы принесли один за другим свою покорность или свою преступную голову к вратам серальским. Народонаселения стали более или менее вкушать первые плоды преобразований и отдыхать под скипетром законного государя от военного деспотизма бунчуков. Сам султан, освобожденный исполнением от опеки янычар и от дерзких предприятий наместников своих в областях, мог, наконец, царствовать и самодержавно повелевать в своей империи. Он был вправе ждать от своих преемников славного прозвания восстановителя османского колосса не в смысле завоевателя, но в смысле более почетном – преобразователя.

Что же, великий подвиг Махмуда оставался несовершенным: Мухаммед Али не только продолжал с успехом свой постоянный бунт, держа в руках три обширные области, колыбель ислама, но, кроме того, он грозным метеором носился над всей империей, и его пример и его успехи служили как бы продлителем ненавистной старины, разрушению которой султан посвящал всю свою деятельность.

После Кютахийского договора Махмуд с успехом продолжал формирование своей армии и занимался устройством разных отраслей по внутреннему управлению империи. Та же непреклонная воля, которой ознаменованы кровавые начинания его подвига, проявлялась во всем направлении гения, осужденного беспощадно разрушать кругом себя, бороться с предрассудками своего народа и с накопленным в два века злом, прежде чем воссоздать из обломков стройное здание, им замышленное. Преобразования правительственные были удачно совершаемы в столице, а успехи султанского оружия в Румелии и в Анатолии очищали им дорогу в области. Хафиз-паша, фельдмаршал Востока, довершал покорение курдов и подчинял рекрутскому набору горские племена, не признававшие дотоле никакой власти. Затем он оставался в Анатолии и прилежно устраивал свою армию при содействии прусских офицеров генерального штаба, вызванных Портой для руководства уже не полков в строевой службе, но генералов, еще не посвященных в науку европейской стратегии.

С осени 1838 г. главная квартира Хафиз-паши была в Малатье (древней Милитене), и только жестокость зимы заставила сераскира отложить до весны переход в Самсат (древний Самосат), ниже по Евфрату, спускаясь к сирийской границе. Диярбакыр, Урфа, Харпут и Мараш – вся страна на север от Халебского пашалыка – кипели приготовлением к войне. Было очевидно, что войско султанское, отрезанное от северо-западной границы Сирии гранитным ее стражем Тавром и укрепленными ущельями, готовилось проникнуть в Сирию с северо-восточной стороны вдоль Евфрата. В константинопольском арсенале с великой деятельностью продолжались во всю зиму приготовления флота. Капитан

английской службы Вокер (Walker) {Вокер Болдуин (1802 – 1876) – английский адмирал. С разрешения адмиралтейства был принят в 1838 г. в турецкий флот. В 1845 г. вернулся в Англию. – Прим. ред.} был назначен в качестве советника (мустешар) при капудан-паше для надежнейшего устройства этой части.

Бросим теперь обратный взор на дипломатические сношения Египта с Константинополем после Кютахийского договора. Мы упоминали уже о странном предложении, которое дерзнул сделать египетский паша Австрии, Англии и Франции в 1834 г. относительно признания его независимости и вступления с ним в союз. После поучительных ответов, данных его честолюбию европейскими кабинетами, Мухаммед Али, несмотря на раболепную лесть окруживших его советников, турок и европейцев, понял, однако ж, что эти планы несбыточны. По крайней мере он не терял надежды признания наследственных прав в его семействе на области, бывшие в его управлении.

Долженствуя бороться с тяжкими неудобствами обладания неверного, основанного только на успехе оружия, видя постоянно направленный взор Махмуда на Сирию, Мухаммед Али старался уловить всякий случай к новым переговорам в надежде исходатайствовать права наследственные в своем роде и тем упрочить собственное свое положение в глазах народа, волнуемого мыслью о султанине, и довершить кютахийское торжество. С каждым годом он выдумывал новые предлоги, чтобы не платить условленной подати, которой были обложены его пашалыки. Вместо подати посылал он богатые дары своему государю по поводу бракосочетания его дочерей, будто издеваясь над его бессилием и чтобы дать ему почувствовать неудобства, притекающие для него самого от неопределительности и неправильности взаимных их отношений. Султан отвечал суровым словом на дерзновенные учтивости своего вассала и требовал подати вместо подарков. Между тем французское посольство усердно ходатайствовало у Порты о даровании Мухаммеду Али наследственных прав. Порта охотно соглашалась уступить Мухаммеду Али в потомственное владение Египет на праве полномочного наместника, обложенного известной суммой подати и подчиненного общим внутренним законам империи и ее трактатам с другими державами; но она требовала обратно Сирию, Аравию и Кандию. Ходатайство Франции распространялось и на Сирию и основывалось на том доводе, что область эта в руках Мухаммеда Али была бы прибыльнее для Порты, чем в непосредственном ее управлении. Доводы эти показывались обидными для самолюбия султана, как и самое ходатайство дружественной державы, на котором, очевидно, основывались упрямые притязания египетского паши.

Кроме этой внешней пружины, Мухаммед Али не упускал из виду внутренних, потаенных пружин старинной турецкой политики, чтобы завлечь в свою сторону лиц, окружавших султана, и через них действовать на его ум. В 1836 г. он отправил в Константинополь свою невестку Зехра-ханум, вдову умертвленного в Сеннаре Исмаил-паши, к ее отцу Ариф-бею, одному из первостатейных улемов {Сословие законников и ученых.}. Под предлогом свидания с отцом он поручал невестке по гаремным стезям Стамбула, где женщины при всем своем унижении имеют, однако ж, то же влияние, как и в других столицах, действовать на умы в диване и серале в пользу старого свекра.

Зехра нашла почетный и ласковый прием в Константинополе и продлила свое там пребывание. Между тем в проезд через Каир муллы, назначенного в Мекку, Мухаммед Али окружил его почестями и ласками, со слезами говорил с ним о роковой для правоверного народа ссоре с султаном и, зная его связи с разными вельможами, убедил его пригласить в Египет Ахмеда Февзи-пашу, главного командира гвардии и любимца этой эпохи, чтобы поговорить о делах и сообщить ему нечто важное. Письмо муллы было представлено султану. Махмуд охотно отпускал своего любимца, который в настоящий фазис своего странного поприща усердно ходатайствовал о дружелюбном разделе с Египтом и слыл приверженцем Мухаммеда Али.

Но тогда же случилась одна из обычных в Турции неожиданных перемен министерства. Знаменитый Пертев-паша в заговоре с Халиль-пашой и с Ахмедом Февзи-пашой свергли старого сераскира Хозрефа, который столько лет уже пользовался всей доверенностью султана. Халиль был пожалован в сераскиры, Ахмед Февзи – в капудан-паши, а Пертев стал душой нового министерства. Исполненный гения и фанатизма старого мусульманина, ревностно преданный престолу и умея ценить таланты вернее, чем султан Махмуд, Пертев смело представил, что для переговоров с человеком столь хитрым, каков был Мухаммед Али, нужно было отправить не вельможу, не любимца, которого полномочия могут иногда переступить за грань правительственных инструкций, но человека делового. Султан убедился, и на место капудан-паши был отправлен в Египет с дарами к паше и с портретом султана бей-ликчи Сарим-эфенди, помощник министра иностранных дел.

В начале 1837 г. открылись конференции в Каире; Мухаммед Али, видя готовность султана к переговорам, не сделал от себя никакого предложения, а объявил, что он доволен своей судьбой, но во всяком случае готов слушать предложения Порты. Обманутый в своем ожидании Сарим видел себя принужденным объяснить свои предложения, вместо того чтобы войти в разбирательство притязаний паши. Прежде всего он посоветовал Мухаммеду Али отправиться самому в Константинополь и войти в объяснения непосредственно с Портой и с султаном или по крайней мере отправить туда надежную особу с полномочием от себя. Паша ловко отклонил и то и другое под предлогом, что его присутствие необходимо в Египте и что никому не мог он вверить окончательное решение дела, от которого зависела вся судьба его и его потомства.

Каир. Гравюра В.Г. Бартлетта, 1820-е гг.

Но в самом деле он слишком знал по опыту расположение к нему султана и вельмож, предания тайных мщений стамбульских были еще слишком свежи, чтобы ввериться султанскому слову. С другой стороны, ему было несравненно выгоднее вести переговоры в Египте с полномочным султана, чем следить издалека ход дела и списываться с Константинополем. Принужденный объяснить, Сарим предложил паше в потомственное владение Египет и Аравию. В ответ на это Мухаммед Али представил ему итог доходов и расходов по управлению Аравийского полуострова, чтобы доказать, сколь великий ущерб приносила ему эта страна, которой управление почитал он не преимуществом для себя, но тягостным бременем усердия ради к престолу и к вере.

Его довод был, по-видимому, неопровержим; Аравия дотоле поглощала только казну и войска египетские; но не менее того паша мог со временем извлечь из нее великие выгоды торговые и политические. Наконец, Сарим высказал и последнее свое предложение, которое состояло в том, чтобы присовокупить к Египту всю Южную Сирию, обширный пашалык Акки (Сайда-эйалет) и Тараблусский пашалык, не выражая, впрочем, условия о потомственном ли или пожизненном владении этой частью Сирии. Мухаммед Али, очевидно, хотел только проведать расположение султана и Порты и в этом отношении достиг своей цели. Когда же все высказал Сарим, хитрый паша стал доказывать, что ему

необходима вся Сирия, и наотрез отвечал, что он ничего не уступит, а разве может удовлетворить Порту набавлением подати и даже предоставлял вполне произволу султана определить сумму добавочной подати.

Тем заключились переговоры; Сарим отплыл обратно в Константинополь, а паша, желая действовать на воображение народа в Египте и в Сирии и на общественное мнение Европы, перепутал все дело будто из недоразумения и торжественно объявил генеральным консулам великих держав, что султан предлагал ему Сирию в потомственное обладание.

По возвращении Сарима в Константинополь Порты официально писала Мухаммеду Али в смысле последнего предложения ее посланца об уступке Аккского и Тараблусского пашалыков в пожизненное владение с правом потомственного обладания на Египет и Аравию, извещая, что султану угодно было подтвердить это распоряжение. Грамота великого везира была исполнена ласковых выражений. В ответ на это Мухаммед Али возобновил с новой настойчивостью свои домогательства на наследственное обладание всех пашалыков, ему вверенных, и отклонил предложения Порты, предпочитая продлить еще неизвестность своей судьбы.

Махмуд, обманутый в своем ожидании и убедившись в невозможности миролюбного раздела с честолюбивым вассалом, стал помышлять только о средствах к его наказанию и удвоил свои усилия для устройства армии Хафиз-паши. Мухаммед Али, со своей стороны, перестал уплачивать подать, и на представления об этом консулов великих держав он хладнокровно отвечал, что, ввиду военных приготовлений Порты, посылать деньги в Константинополь значило бы давать врагу в руки оружие и что, все-таки пребывая верным и покорным своему государю, он не мог действовать вопреки инстинкту самосохранения.

В эту пору Сирия кипела Хауранской войной. По утишении всех мятежей Мухаммед Али, упоенный своим счастьем и не надеясь уже ни на что от произвольного согласия своего государя, обратился вновь к европейским державам со старинной своей мечтой о независимости, но уже в новом виде, по соображению с настоящими расположениями кабинетов. В 1834 г. паша, обманутый журнальными толками, задумал бросить факел войны между великими державами, вооружить Австрию, Англию и Францию против России и в этой общей суматохе привести в исполнение свои честолюбивые планы. Убежденный затем в безумии своего покушения, он стал забавлять своего государя хитрыми переговорами. Теперь он видел твердую волю великих держав сохранить мир и предупредить всякий взрыв на Востоке. Основывая свои расчеты на этом, он вообразил, что угрозой нарушения мира он достигнет своей цели и вынудит у европейских кабинетов устройство дел на Востоке к его удовлетворению. Он объявил генеральным консулам Австрии, Англии, Франции и России твердое свое намерение провозгласить свою независимость и поддержать ее оружием. Это было весной 1838 г. Заметим эпохи, ибо всякая из них соответствует какому-либо успеху оружия паши в Сирии. В 1834 г. честолюбивый вассал говорил о независимости по усмирении Набулусского бунта. Теперь, едва окончена кровопролитная война Хауранская, Мухаммед Али заговорил опять о независимости.

Ответ европейских кабинетов и этот раз был еще строже и выразительнее, чем в 1831 г. В случае посягательства паши на нарушение мира на Востоке, Австрия и Франция грозили своим гневом; Россия и Англия гораздо решительнее объявили свое намерение содействовать султану для его [паши] наказания. Старый паша не терял, по крайней мере, надежды ходатайством о несбыточной независимости достигнуть главной своей цели – прав наследственного обладания, обеспеченных или, по крайней мере, признанных европейскими державами. В ответ на грозное объявление кабинетов он смиренно, но решительно представил это притязание, опираясь на заслуги, оказанные им Порте, странам, им управляемым, торговле европейской и человечеству. Что же касается до границ просимого им наследственного удела, он с особенным искусством избегал в объяснениях своих пред державами решительного отзыва о том, довольствовался ли он Египтом или, кроме этого пашалыка, требовал еще Сирию и Аравию и остров Кандию, вверенный его управлению.

К осени 1838 г. он объявил намерение свое посетить Верхний Египет и проникнуть оттуда в Сеннар и в отдаленные верховья Нила, в округ Фазоглу под 10° широты, на открытие золотых рудников. Пред своим отъездом он в знак умеренности и покорности доставил в Константинополь часть недоплаченной подати и вместе с тем сообщил генеральным консулам России, Австрии, Франции и Англии следующую ноту, выражающую крайнее его решение:

«Я представил уже четырем Великим державам все доводы, обозначающие положение мое и мои желанья. Смею надеяться, что Его Величество N. N. не лишит меня своего благорасположения, возымеет со временем лучшее мнение обо мне и не воспротивится исполнению моих желаний, ибо желанья мои сообразны и с европейской политикой, и с грядущим спокойствием Востока. Мне семьдесят лет; да будет позволено мне устроить пред смертью судьбу моего семейства. Ходатайствую о даровании мне прав наследственных и буду вполне удовлетворен этим, если достигну моей цели ходатайством и переговорами. Войну открывать я не намерен, и доказательство тому – отправление мое в Сеннар; но не дам связать себе руки, чтобы сделаться жертвой; прежде погибну, чем оставить на произвол судьбы мое семейство и мой народ. Если же не достигну этой цели моим ходатайством, если доводы мои не будут приняты во внимание великими державами, если не будет обеспечена грядущая участь Египта, наконец, если я буду предоставлен своей судьбе, то я сам изберу по своему крайнему разумению средства для устройства моих дел. В таком случае и если буду принужден прибегнуть к оружию, то, кроме наследственных прав, я провозглашу свою независимость. Ведаю, мне не устоять противу соединенных усилий четырех держав, могу погибнуть; но увеличит ли это славу Великих держав?.. Если же жребий войны будет мне благоприятен, предоставляю им судить о последствиях. Александрия, 5 сентября 1838 г.»

О новых переговорах с султаном уже не помышлял Мухаммед Али, и, несмотря на известие о деятельных приготовлениях малоазийской армии и о вооружении флота, беззаботно поплыл бодрый старец вверх по Нилу на совершение трудного пути более 4 тыс. верст туда и обратно по стране дикой, чрез пороги и чрез пустыни, то на ладье, то на верблюде, под знойным солнцем, под проливным дождем тропиков, в надежде отыскать золотое руно... А уже в это время доходы Египта простирались до 23 млн руб. серебром;

Нильская долина была обращена в мызу; три или четыре миллиона ее народонаселения – в работников, которых кровь и пот тратил насильственно и невоздержанно честолюбивый паша в жгучей Аравии и в буйной Сирии на сооружение здания, несоразмерного с моральными и материальными его средствами, здания шаткого, призрака, которому издалека общественное мнение Запада давало громкое имя царства Арабского, судя по внешним его формам, грозным и правильным. Видя невозможность прикрыть доходами Египта непомерные расходы по Аравийскому полуострову и по Сирии, где его армии ждали по восьми и по девяти месяцев сряду уплаты выслуженного жалованья, предчувствуя наступавший политический кризис и необходимость еще умножить свои военные силы, Мухаммед Али пошел искать золота в утробе Лунных гор.

Меж тем как престарелый паша проводил всю зиму на совершение своего чудного похода в эту африканскую Колхиду современной мифологии, Ибрахим продолжал военные приготовления в Сирии. Ведая по опыту Хауранской войны все опасности народных возмущений в стране, где бунт был готов со всех сторон восстать стоголовой гидрой, он в этот раз был ласковее и мягче с народонаселениями, довольствовался вместо рекрутов нерегулярным отрядом друзов под начальством удалого Шибли Ариана и прощал многим городам рекрутские их недоимки. В марте 1839 г. Мухаммед Али возвратился с пустыми руками из своего похода в Фазоглу, чтобы заняться делами более положительными. Он также стал вооружать свой флот и поставлять рекрутов в египетскую армию.

В Константинополе военные приготовления становились деятельнее с наступлением весны и уже внушали опасение кабинетам великих держав, истощившим все усилия с 1833 г. для сохранения мира на тревожном Востоке. Посольства внимательно следили за воинственными наклонностями султана и его любимцев. Дотоле Порты пребывала в миролюбивом расположении, и не один раз ее представления обуздывали порывы гневного султана, в коем ненависть к египетскому вассалу делалась господствующей страстью и поглощала всю деятельность его ума, все способности пылкой его души. По многим признакам можно было подозревать, несмотря на миролюбивые заверения министерства, что султан стал уже лично направлять свои планы мимо своего министерства и без его ведома. Он сам непосредственно сносился со своим фельдмаршалом.

Хафиз-паша, храброе дитя Кавказа, страстно преданный своему султану, осыпанный милостями и ласками, горел нетерпением совершить великий подвиг, к которому стремилась душа Махмуда, наказать строптивого вассала, омыть стыд, покрывший османское оружие в 1832 г., и исполнить завет своего предшественника Решида Мехмета, сошедшего в гроб с мщением в душе. Хафиз был уверен в своем торжестве; армия его довершила свое военное воспитание в трудных походах против курдов, постоянные победы внушали бодрость солдату, и никогда, можно сказать, со времени учреждения регулярных войск на Востоке Турция не выставила армии, столь хорошо устроенной во всех отношениях. Хафиз секретными донесениями заверял султана в несомненной победе и ходатайствовал только о приказе открыть военные действия, ручаясь в одно лето изгнать египтян из Сирии. Таковы были чувства и надежды главнокомандующего армией. С другой стороны, генерал-адмирал и любимец султана Ахмед Февзи-паша, слышавший за

несколько лет пред тем приверженцем Мухаммеда Али и мирного с ним раздела, стал теперь ревностным проповедником войны. Лыстя самой пламенной страсти своего государя, этот малодушный вельможа, продливший среди преобразований Махмудовых предания и уроки серальской политики, помышлял лишь о том, чтобы усилить свое влияние над мыслями султана и погубить одного за другим своих соперников. Знаменитый Пертев, употребивший его в 1836 г. орудием для низложения Хозрефа, был в свою очередь свержен с министерства, его казнь изменнически была выпрошена у Махмуда среди вакхических оргий сераля, а так как любимцы не могли обойтись без делового и опытного человека для руководства советом и министерством, то в этот промежуток престарелый, но еще бодрый Хозреф, способнейший и надежнейший из всех турецких вельмож, завладел опять влиянием если не на ум султана, то по крайней мере на Порту. Несмотря на тридцатилетнюю свою вражду к Мухаммеду Али, он проповедовал в это время мир и не один раз со смелостью старого верного слуги умолял своего государя не доверять судеб империи слепому случаю войны, не прерывать спасительных для государства гражданских преобразований и улучшать постепенно военное устройство. Этим было вернее, по мнению Хозрефа, достигнуть желаемой цели – покорения Сирии и Египта и наказания Мухаммеда Али, чем новым походом, которого случайности могли быть роковыми для армии, стоившей стольких трудов и усилий.

Всего более Хозреф отклонял войну тем доводом, что в настоящую эпоху, каковы бы ни были ее последствия, она не полюбилась бы народу от одного конца империи до другого, не говоря уже о том, что европейские державы взирали с неудовольствием на все эти тревожения Востока. Махмуд ценил еще заслуги старейшего из своих пашей и его великий ум; но в этом колебании между миролюбивыми советами Хозрефа и нетерпеливым порывом к задуманной мести султан позволял своим окружающим насмехаться над зловещим стариком, а потом, заверяя министерство в твердом своем намерении сохранить мир, списывался через мабеин (собственную канцелярию) с главнокомандующим армией, позволял ему спускаться из Малатьи к югу в Самсат и задумывал планы грядущей кампании в тайной беседе с капудан-пашой, завистником и тени влияния Хозрефа. Хозреф председательствовал в совете; там обрабатывались разные отрасли гражданских преобразований империи. Совет разделял мнения своего председателя и еще более, чем министерство, желал сохранения мира. Махмуд при всех своих деспотических наклонностях не хотел, однако, действовать вопреки мнению совета и министерства.

Между тем в военное министерство поступали донесения главнокомандующего о постепенном его приближении к сирийской границе вдоль Евфрата, по обоим берегам реки. Ответственность этих движений, секретно предписанных султаном, Хафиз-паша брал на себя, оправдываясь то необходимостью искать воздуха более здорового для войска, слишком претерпевшего от суровости прошедшей зимы и от повальных болезней, то недостатком пажитей для своей кавалерии. Хозреф не терял еще надежды предупредить разрыв. По его предложению Порты решила отрядить в лагерь особенного комиссара для осмотра войск. Добросовестный доклад комиссара мог укротить воинственные порывы Махмуда. Но в угодность султану выбор пал на Таяр-пашу, которому заблаговременно был продиктован из мабеина будущий доклад его о состоянии армии. В то же время султан секретно поручал полковнику Омар-бею {Ныне Омар-паша;

он стал известным Европе тем, что в промежуток времени от падения Шихабов до введения нынешней системы управления на Ливане был правителем ливанским и усмирил в 1842 г. бунт друзов. Впоследствии отличился в Румелийской экспедиции (1844 г.), а в 1847г. усмирил бунт курдов и Бедер Хан-бея.}, австрийскому ренегату, осмотреть резервные дивизии в Анкаре и в Конье. Уже авангард Хафиз-паши был в Бире (иначе Биреджик) на левом берегу Евфрата, в тридцати верстах от сирийской границы и трех переходах от Халеба. В апреле авангард перешел за Евфрат, между тем как главный корпус сосредоточивался в Самсате, и приготовил на правом берегу реки укрепленный лагерь. В начале мая прибыл туда сам главнокомандующий и подвинул к этому пункту свой корпус. Здесь по обоим берегам Евфрата была еще граница турецкая, но переход реки имел грозное значение, и уже рушились и последние надежды приверженцев мира. Комиссар Порты, от кого ожидали в столице точных сведений, чтобы решиться на мир или на войну, ускорил, может быть, по секретным наставлениям султана, результаты вверенного ему поручения.

Египетские войска сосредоточивались в Халебе. Ибрахим-паша, начальник штаба Сулейман-паша, военный министр Мухаммеда Али Ахмед Менекли-паша одни за другим туда поспешили готовиться к походу.

Весть о приближении султанских войск потревожила всю Сирию. Ненависть к египетскому правлению стала обнаруживаться в мусульманской черни фанатической преданностью к султану. В Дамаске, в Тараблусе, в Халебе, в Набулусе и во всей Палестине ждали только первого известия о вторжении султанской армии и о поражении Ибрахима, чтобы восстать народными массами с его тылу. Но в то же время кровавые угрозы глухо преследовали повсюду христианское народонаселение, на которое чернь готовилась излить первую свою ярость. Из Дамаска, горнила мусульманского ханжества, готовилась искра первой вспышки, и христианское его народонаселение обречено было выкупить потоками своей крови восьмилетнюю льготу веротерпимости под египетским правлением. Ибрахим хорошо понимал эти расположения сирийских племен. Он предписал эмиру ливанскому стать лагерем со своими горцами по соседству Дамаска, чтобы содержать и страхе буйную его чернь.

10 мая османская армия подвинулась еще вперед до Незиба {Древняя Нисивия, о которой часто упоминается в войнах греческих императоров с халифами. Здесь Иоанн Цимисхий одержал победу над персами, и отсюда он вывез мощи Св. Иакова. Заметим здесь, что Цимисхий в этот поход завоевал Сирию в семь месяцев, с обычной быстротой всех завоевателей этого края, но и он недолго удержал ее за собой.}, в двенадцати верстах от сирийской границы, и стала там укрепляться лагерем. Война делалась неизбежной; но и та и другая стороны силились избегать наступательных действий, ибо и той и другой стороне была повторительно объявлена воля европейских держав о сохранении мира: Мухаммеду Али – со строгими угрозами, султану – с подобающим приличием.

Теперь стали раскрываться планы Махмуда, зрело и основательно им обдуманые. Ему хорошо было известно моральное состояние Сирии. Появление султанских знамен у сирийской границы было призывом к восстанию народонаселений, утомленных от египетского владычества. При первом народном восстании султанская армия имела бы

законный предлог вступить в край для восстановления мира, для разбирательства жалоб и вопля народного на султанского наместника, а египетскому войску, стесненному со всех сторон бунтом народным и армией султана, не оставалось другого спасения, как бежать стремглав в Египет, пока еще общий бунт не пресек бы обратного пути. С другой стороны, близость султанских знамен могла подействовать на дух самого войска египетского, привязанного одним только страхом к игу дисциплины, видевшего в Мухаммеде Али и в его сыне счастливых похитителей, чуждого всякого сочувствия к ним и осужденного даже победами своими ковать себе цепи более и более тяжкие.

Моральное состояние войска египетского также хорошо было известно султану, как и расположение сирийских племен. Сомнения не было в том, что в несколько недель наблюдательной стоянки Хафиз-паша привлек бы на свою сторону больше половины этого войска. В таком случае султан и зачинщиком войны не был, и избегал случайностей сражения. Утвердительно можно сказать, что войско Хафиз-паши было наблюдательным корпусом и что его присутствие было достаточно для исполнения мысли султана. Но могли ли долго оставаться в таких обстоятельствах две армии одна пред другой, ограничиваясь взаимным наблюдением? Хафиз сделал свой лагерь неприступным со стороны сирийской границы. Ему оставалось ждать несомненного морального эффекта своей позиции, и так как армия Ибрахима по необходимости сосредоточивалась в Халебе, то первая вспышка народной войны в Харуане, в горах Набулусских, в северных отраслях Ливана, где всего более кипело неудовольствие на египетское владычество, могла бы обнять всю Сирию и передать ее без боя власти законного государя.

Уже заблаговременно предусмотрительность Махмуда обеспечила решительный успех при наступлении благоприятной минуты: Али-паша багдадский, который еще недавно усмирил бунт своего предшественника Дауда, был готов с бедуинами ворваться в Сирию через Евфратскую пустыню; Индже Мехмет-паша мосульский выступал из Месопотамии со своими милициями, чтобы поддерживать операции главной армии; курд Сулейман-паша марашский вел воинственные ватаги курдов, к которым присоединились бы соплеменные им кочевья курдов внутри Сирии; наконец, Хаджи Али-паша и Иззет Мехмет-паша командовали двумя резервными дивизиями в Конье и в Анкаре, первый – угрожая ворваться в ущелья Колек-Богаза, второй – для поддержания действующей армии. Если присовокупить к этому обширному плану, так тщательно заготовленному Махмудом, предположенное появление флота у сирийских берегов и десанта в Тараблусе, по соседству мятежного Аккара, то армия Ибрахима была бы задавлена обступавшим со всех сторон потоком и успех был несомнителен.

Нетерпеливый Хафиз, едва укрепившись лагерем в Незибе, стал призывать к бунту ближайшие сирийские округа, стиснутые между двумя армиями, и при первом случае занял округ Орул и город Айнтаб за чертой сирийской границы. Этим преждевременно открылись неприятельские действия. Тогда же встрепенулись горские племена южных отраслей Тавра и стали спускаться партиями с Курд-Дага и Гяур-Дага на ближайшие округа египетских владений. В ливанских округах Аккаре и Даннийе народ волновался и умерщвлял египетских сборщиков податей и даже своего муселима.

Вся Сирия была готова восстать, но ошибки султанского полководца поставили еще раз империю на край гибели. Произошли небольшие стычки между бедуинами племени ханеди, бывшими в службе Ибрахима, и нерегулярной конницей Хафиза. Ибрахим письменно требовал у него объяснений, укоряя в нарушении мира и слагая с себя ответственность могущих воспоследовать бедствий. Хафиз в своем ответе, испещренном цветами восточного красноречия, оправдывался случайностями войсковых движений, обвинял в свою очередь отряды египетского войска в грабительстве поселян и, основываясь на письменных уверениях Ибрахима в повиновении султану и в желании сохранить мир, советовал ему действовать согласно со своими словами и с долгом верноподданного и мусульманина.

Все это было отголоском дипломатических объяснений этой эпохи. И султан, и Мухаммед Али, тщательно укрывая от Европы свои замыслы, обвиняли друг друга в нарушении мира. Кто же в самом деле был его нарушителем, вопреки дружелюбному ходатайству или строгому слову великих держав? Европейские кабинеты старались всячески сохранить на Востоке мир во избежание новых политических волнений, которые рано ли, поздно ли могли нарушить самый мир Европы, а потому могли быть взыскательны противу зачинщика. Но кто был зачинщиком? Ужели зачинщиком войны должно почтить всегда того, кто выпалит первую пушку? Султан Махмуд мог ли сносить равнодушно уничтожение вынужденного Кютахийского договора, и сам Мухаммед Али пребывал ли верным своему договору? Не он ли просил содействия иностранных держав своим замыслам независимости? Одного этого довольно для оправдания задуманной султаном мести; и не говоря уже о неуплате условленной подати, о своевольной смене духовных сановников в Мекке и Медине, которых назначение принадлежит к неотъемлемым правам духовного главы ислама, все поведение Мухаммеда Али к государю и к государству обнаруживало в нем преступное посягательство на гражданские и духовные права Османова дома.

Упрекали султана и его министров в двуличии пред европейскими кабинетами, но могли Махмуд положиться на доброжелательство европейских кабинетов или, по крайней мере, на их единомыслие, когда Франция, выставя себя усердной союзницей султана, не переставала с 1833 г. поддерживать притязания Мухаммеда Али и тем внушать новую дерзость надменному вассалу?

Мог ли он [Махмуд] ввериться советам держав, из которых каждая имела особенное свое воззрение на дела Востока и домогалась в них или новых для себя выгод, или гирь для политического равновесия Европы по частным своим видам? Одна Россия великодушно, безвозмездно поспела к нему на помощь в критическую минуту; но какие чувства обнаружили тогда западные ее соперницы? Махмуд был вправе желать, чтобы дело это, от которого зависела судьба империи и престола, дело собственно восточное, было разрешено домашним судом между государем и вассалом, без всякого вмешательства европейских держав. Когда же самые снисходительные его предложения были отвергнуты ненасытным пашой, когда вассал этот с каждым годом становился дерзновеннее и опаснее, было предпочтительнее для султана прибегнуть к оружию и принять в глазах своего народа достойную законных его прав наступательную позицию, чем ждать нового похода египетской армии под самую столицу.

При всем этом опыт прошедшего предписывал строгую осторожность в исполнении задуманного плана. За полтора года пред тем в эпоху хауранской войны, когда египетское владычество было так сильно потрясено во всей Сирии, появления султанской армии было достаточно, чтобы довершить грозный кризис. Те же элементы народных неудовольствий не переставали тревожить край; было нужно дать им созреть и при новом кризисе разрушить египетское владычество в Сирии. Вместо того чтобы призывать к бунту небольшие племена, в тылу коих стояла египетская армия, Хафиз-паша должен был выждать восстания внутренних округов и в условное время предстать со знаменами законного государя спасителем угнетенного народа, судьей непокорных пашей.

Глава 11

Постановление совета о войне. – Отплытие флота. – Последние выезды султана. – Его болезнь. – Призрак брата. – Смерть Махмуда. – Воцарение Абдул Меджида. – Состояние умов в столице. – Хозреф и Халиль. – Открытие военных действий. – Предварительные приказания Мухаммеда Али. – Распоряжения Ибрахима и Сулеймана. – Прусские офицеры в османском лагере и имамы в военном совете. – Фланговое движение и ночная атака. – Незибское сражение. – Причины умеренности Ибрахима после победы. – Измена капудан-паши.

Оставим обе армии у северной границы Сирии и взглянем на происходившее в это время в Константинополе и в Александрии.

Возвращение Таяр-паши и Омар-бея в столицу положило конец колебаниям Порты между тайным желанием султана и опасениями приверженцев мира. По докладу комиссаров, отличное устройство армии Хафиза, опыт, приобретенный в походе курдистанском, общий энтузиазм за султана – все ручалось в несомненном успехе. В исходе мая {7 июня 1839 г. – Прим. ред.}, в то время, когда Хафиз занимал Незиб, в Константинополе в общем совете министров и всех верховных сановников гражданской и духовной иерархии ислама в присутствии падишаха было решено извлечь карательный меч из ножен царского долготерпения. На основании коренных законов Османской империи шейхуль-ислам издал фетву юридическое мнение о законности этой войны. Впрочем, во избежание докучных объяснений с европейскими посольствами совет решил не обнародовать этого акта, который мог почесться не объявлением войны, но домашней мерой, наказанием виновного наместника Порты. В два последующие дня турецкий флот, стоявший на якоре в проливе пред дворцом Бешик-Таш, торжественно спустился в Мраморное море, взявши 6 тыс. десантного войска. О назначении флота также никакого сообщения не было сделано европейским посольствам, но уже молва разглашала решение турецкого кабинета, и столица была в беспокойном ожидании, флоту приказано оставаться на якоре в Дарданеллах и там оканчивать внутренние починки кораблей в ожидании дальнейших повелений.

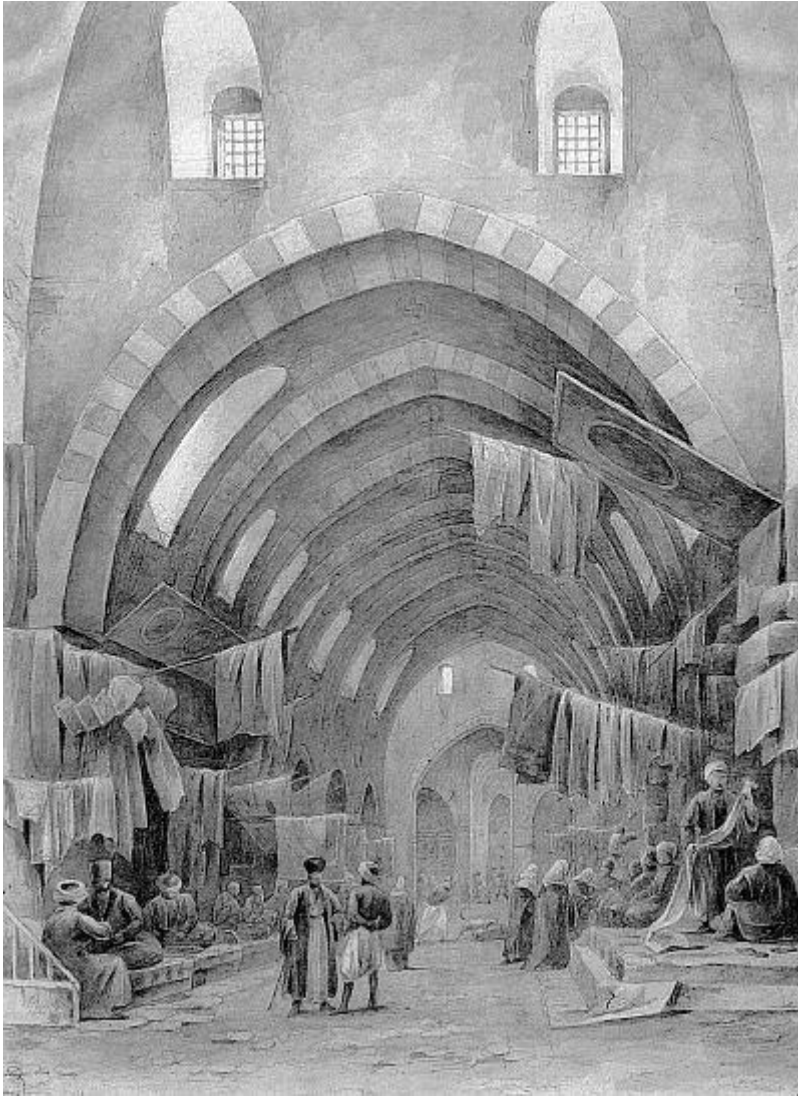
Султан лично осмотрел свой флот, над преобразованием которого по европейской системе он трудился несколько лет сряду и который был вверен первому любимцу этой эпохи – Февзи Ахмеду. Пред самым отплытием второй дивизии под начальством капудан-паши султан Махмуд, сопутствуемый первоклассными своими вельможами, навестил

адмиральский корабль, 140-пушечный «Махмудие», недавно перестроенный с необыкновенным великолепием и щегольством. Около часу султан объяснялся секретно со своим адмиралом и давал ему последние свои приказания.

Уже с некоторого времени проявлялись в султани болезненные признаки. В этот день все были поражены его расслаблением, бледностью его лица и тусклостью взора. Он едва мог подняться по трапу на палубу корабля, и нужно было поддерживать его шаткую походку уже не этикета восточного ради. Однако по объяснении с любимцем, который на палубе пал ниц перед своим повелителем и со слезами прощался при восклицаниях экипажей, расставленных по реям, при громе пушек со всей эскадры взор Махмуда просиял, будто надежда скорого мщения возвращала ему пламя жизни, уже безвозвратно осужденной. Отправляясь в эту достопримечательную эпоху в Сирию, я провел несколько недель в Константинополе и не один раз имел случай видеть султана Махмуда. Еще в начале мая, в воскресный день, в прогулке на Пресных водах Золотого Рога, где султан показался в черном, не в парадном, катере в сопровождении двух своих сыновей и старого Хозрефа, лицо его было нарумянено, чтобы скрыть от народа болезненный его вид. В последний раз в тот день преобразователь Востока наслаждался в открытом мраморном киоске в виду многочисленного европейского общества старинным турецким зрелищем пляски мальчиков...

Затем в посещение флота признаки недуга становились явственнее, хотя султан продолжал румянить лицо. Может быть, сам он не хотел верить в болезнь. Одаренный от природы крепким телосложением, этим наследием Османова племени, он почти никогда не бывал болен и счастливо переносил утомительные труды кабинетные, которым посвящал около восьми часов в сутки, усталость смотров и маневров и ночные вакхические оргии, после которых впадал он обыкновенно в летаргический сон.

Преобразователь полюбил шампанское в пору первых своих попыток к нововведениям, затем шампанское стало ему приторно, как старинные шербеты; он много лет сряду упивался ромом и, наконец, стал пить перегнаный винный спирт. Обычная таинственность восточной жизни укрывала от народа серальские оргии и их последствия. Сказывали в высшем кругу, что периодическое опьянение оживляло новой деятельностью усталый гений Махмуда. И в самом деле, он не переставал вникать во все подробности по управлению, самодержавно направлял дела политические, общее устройство империи, новые отношения пашей к Порте, внутреннее образование министерств, все отрасли военной администрации, словом, все эти новые любимые создания, которыми было ознаменовано его царствование. В то же время он лично надзирал за воспитанием своих сыновей и удовлетворял неизменной своей страсти к постройкам и перестройкам, посвящая еще много времени и денег своим архитектурным фантазиям.

Константинополь. Рисунок

Н.Г. Чернецова, 1842-1843 гг.

В последние годы любимым занятием Махмуда было дело о Сирии. Он непосредственно заведовал ходом этого дела сам, мимо министров. Все его помышления были направлены к тому, чтобы смирить кичливого похитителя и исполнить строгий приговор единодержавия над последним из непокорных вассалов. Уже приступал он к исполнению обширного плана, на который так пламенно тратил Махмуд последние усилия своего гения, как вдруг ему изменил истощенный его темперамент, еще прежде чем поспела ему изменить судьба.

С появлением весны стали обнаруживаться первые признаки болезненного состояния султана. Он отказался от крепких напитков, но не решался прибегнуть к медицинским пособиям. Его мучили бессонница, лишение аппетита, упорный кашель, геморроидальные потери крови, общее раздражение организма. В этом страдальческом состоянии он провел апрель и май. С деспотической волей укрывал он от приближенных, может быть от самого себя, разрушение своего здоровья, удваивал деятельность свою в занятиях и утомлял расслабленное тело чрезмерными упражнениями. При совершенном расстройстве нервов ум его сохранял всю свою силу под влиянием неизменной мысли о приготовлениях к походу в Сирию.

Когда же все эти распоряжения были приведены к концу, когда было отдано войску повеление вступить в поход, а флот отплыл из Константинополя, тогда только будто лопнула пружина, которая поддерживала всю эту лихорадочную деятельность умственных и телесных способностей. 2 июня султан слег, и в тот же день консилиум придворных медиков, в том числе вызванный из Вены за несколько времени пред тем ученый доктор Нейер, объявили состояние его безнадежным.

По предложению медиков, султан согласился переехать в свой загородный киоск, в Чамлиджу, на горе Булгурлу, которая славится своим воздухом {Наш посланник А.П. Бутенев жил тогда со своим семейством в Кадыкее на азиатском берегу Босфора, неподалеку от Булгурлу. В одной из наших прогулок с посланником верхом, в сопровождении дам, мы проехали неподалеку от киоска, и я видел в последний раз бледное, исхудавшее лицо Махмуда, который меланхолически сидел у окна и любовался волшебными видами, раскинутыми кругом горы. Узнавши посланника, к которому он всегда питал особенную благосклонность, султан выслал к нему с приветствием своих камергеров, осведомляясь с любезностью восточного этикета о здоровье его и его семейства. Много любопытных подробностей и резких анекдотов, перемешанных сплетнями этой эпохи, заключается в книге «Deux années de l'histoire d'Orient par Mess. Cadahéne et Barrault». Включенный мною здесь рассказ о последних днях Махмуда послужит дополнением к подробностям, изложенным мною в «Очерках Константинополя», о восшествии его на престол и о первых его попытках на поприще преобразований.}. С каждым днем болезнь усиливалась. Консилиумы возобновлялись под руководством министра медицины хакимбаши Абдаллах-эфенди, долго бывшего любимцем Махмудовым. Все влияние умного и ловкого Абдаллаха на ум умиравшего монарха едва могло убедить его в необходимости подчинить упрямую свою волю предписаниям факультета. Двор и министерство старались скрыть от народа состояние султана; но молва о его болезни произвела глубокое уныние в столице, всегда угрожаемой новой вспышкой янычарских мятежей. На всех лицах заметно было беспокойство. В эту критическую минуту и мусульмане, и христиане ценили заслуги преобразователя, который доставил, наконец, своему народу внутреннюю безопасность и человеколюбивое управление, искупивши тяжким гражданским трудом кровавые опалы, настигшие греков в 1821 г., турок в 1826 г. {Имеется в виду ликвидация Махмудом II 1826 г. янычарского корпуса в Стамбуле и провинциях, последовавшая после создания обученного по-европейски регулярного войска. Эта реформа была составной частью централизаторской политики Махмуда II. – Прим. ред.}

Султанша Эсма, любимая сестра Махмуда, послала к нему своего доктора – англичанина Милинджена. Новый медик удивил придворных проницательностью своего взгляда, диагностически определив болезнь султана, угадавши самые потаенные ее симптомы, а приписал он болезнь невоздержности от крепких напитков. В науке болезнь эта носит страшное название *delirium tremens*. В самом деле, порой проявлялись в больном признаки опьянения, порой умственные его способности прояснялись, и он настоятельно требовал, чтобы ему были подносимы все доклады Порты, и занимался отправлением дел со своими секретарями. В пятницу, чувствуя себя лучше и желая рассеять уныние, произведенное в народе его болезнью, он в коляске поехал в мечеть в Скутари, вопреки просьбам своих приближенных, которые боялись действия жгучего полуденного солнца на больного

султана. Там, творя свои преклонения, он впал в обморок. Доктор Милинджен, призванный вновь, не усумнился объявить сановникам, окружавшим султана, и двум его зятям, Халиль-паше и Саид-паше, что падишаху оставалось немного дней жизни и что все усилия медицины могли лишь продлить несколько урочную минуту и облегчить последние его страдания. Для сего он предложил опиум в сильных приемах. Европейская наука прибегала к эликсиру Востока, чтобы побороть в преобразователе ислама роковые последствия проклятых пророком напитков. В самом деле, первые приемы опиума произвели эффект чудесный. Султан, пробудившись от сна, будто ожил и чувствовал себя в полном здравии. Радостная весть пронеслась по городу, и три дня сряду продолжались иллюминации и фейерверки.

Этим двор желал только выиграть время и сделать нужные распоряжения для сохранения безопасности в столице при перемене царствования. В такие минуты и во дворе, и в правительстве, и в народе невольно обращались все взоры на старого Хозрефа, которого ум, опыт и деятельность, влияние на умы народные, доверенность к нему народа могли отстранить угрожавшие престолу потрясения. Он был призван в Чамлиджу от имени матери наследника {Титул султанши принадлежит только матери султана, его сестрам и дочерям; до вступления сына на престол мать наследника не пользуется никакими почетными отличиями. Известно, что султан законной жены иметь не может.} и неотлучно там оставался вместе с зятями султана. Приемы опиума, постепенно усиленные, поддерживали еще несколько дней угасавшую жизнь Махмуда, но его действие более и более ослабевало в борьбе с недугом. Видения стали тревожить помраченный ум царственного страдальца. В бреду предсмертном он видел тень своего брата Мустафы, удушенного по его повелению за тридцать один год пред тем...

Наконец в утро на 19 июня жизнь нечувствительно погасла в султанине после летаргической агонии. Заблаговременно были приняты деятельным Хозрефом все нужные меры для воцарения 17-летнего Абдул Меджида. Молодой султан среди слез, пролитых над телом нежно любимого отца, тотчас назначил Хозрефа великим везиром и Халиль-пашу военным министром, вверяя этим двум лицам свою судьбу и судьбу империи. Вместе с ними отправился он в старый дворец султанов, в Топ-Капы, чтобы принять поклоны всех высших сановников. Усиленные патрули обходили город. К вечеру того же дня предавали земле тело усопшего среди нелицемерных рыданий всего народонаселения столицы.

Юность Абдул Меджида внушала великие опасения и вельможам, и народу. В Хозрефе, облеченном званием великого везира, давно упраздненным при Махмуде, и полномочиями наместника султана, еще незнакомого с наукой правления, все видели надежную подпору нового царствования, которое не могло избрать лучшего руководителя. Искусно была распушена в народе молва о предсмертных будто распоряжениях Махмуда, о советах, данных им сыну, назначить Хозрефа везиром и вверить войско испытанному и преданному Халилю. Призывали тень умершего на скрепление акта, которым открывалось царствование его сына. Также и несколько недель спустя, в эпоху обряда опоясания сабли, чем заменяется в потомстве завоевателя коронавание, распускали в народе слух о прибытии в столицу виддинского паши, грозного Хусейна, которого имя, врезанное кровавыми чертами янычарских казней в

народной памяти, служило пугалищем столичной черни. Между тем один за другим исчезали неведомо кое-какие роптатели, тайная полиция без шума избирала свои жертвы, по ночам бросали в море удушенных, а молва народная умножала число этих жертв к вящему страху всех злоумышленников. Изобретательный ум Хозрефа, эта деятельность, которая будто усиливалась с годами в хромом нарумяненном старике, спасли столицу и царство от новых бедствий.

Еще 16 июня, за три дня до кончины Махмуда, были поспешно отправлены от Порты по внушению Хозрефа гонцы с повелениями сераскиру Хафиз-паше прекратить военные действия, а адмиралу, стоявшему в Дарданеллах, возвратиться немедленно с флотом в столицу. Но уже было поздно.

По взятии турецкой армией Айнтаба Ибрахим просил у своего отца новых инструкций. Неприятельские действия были открыты; но зная, что дела Востока принимали иной оборот после решительных объявлений, сделанных Мухаммеду Али от имени великих держав, Ибрахим не мог действовать в 1839 г. подобно тому, как он действовал в 1832 г. С другой стороны, ему другого спасения не оставалось, кроме решительной битвы. Кругом его, за ним почва сирийская загоралась бунтом; с каждым днем положение его становилось опаснее, и самое его войско могло заразиться духом неповиновения и покинуть его знамена.

Мухаммед Али, вникнув в положение армии и сына, обрадовался тому, что Хафиз-паша брал на себя ответственность открытия неприятельских действий. 28 мая, в тот самый день, когда капудан-паша выступал с флотом из Константинополя, Мухаммед Али, не сообщивши консулам великих держав своего решения, подобно тому как и султан не сообщал посольствам постановлений совета об открытии кампании, предписывал своему сыну атаковать турецкую армию и по ее разбитии занять Малатью, Харпут, Урфу и Диярбакыр, не переходя ущелий Колек-Богазы. Если, с одной стороны, крайность заставляла старого пашу прибегнуть к оружию, чтобы предупредить общее восстание Сирии и гибель сына и армии, зато угроза Ункяр-Искелесского трактата и страх вторичного появления русских сил в Константинополе удерживали его от вторичного похода в Малую Азию по направлению к столице. Занятие округов, прилежащих к северо-восточным границам Сирии, не могло иметь важных политических последствий.

Сообщения между действующей армией и Египтом производились в эту критическую эпоху с невероятной быстротой. В пять дней поспело приказание Мухаммеда Али из Александрии к Ибрахиму, стоявшему на бивуаках у самой границы, обозначенной речкой Саджуром, одним из притоков Евфрата. Ибрахим тотчас с легкими отрядами подвинулся вперед, за черту турецкой границы, и за ним последовала вся армия под начальством Сулейман-паши. В Мезаре, в десяти верстах от Незиба, были передовые посты турецкой армии, они легко были опрокинуты и укрылись в укрепленный лагерь Хафиза. На другой день Ибрахим с Сулейманом и генеральным штабом под прикрытием бедуинов, уланов и конной артиллерии приблизился к Незибу на рекогносцировку неприятельской позиции. Сераскир выслал отряды нерегулярной конницы башибузуков и артиллерию; произошла небольшая перестрелка, турецкие наездники с обычными визгами гарцевали в поле, но не

помешали египтянам подробно снять позицию укрепленного лагеря. Семь сильных редутов прикрывали его фронт.

Ибрахим был готов повести свои колонны в атаку, его отклонил от столь дерзкого покушения начальник штаба Сулейман-паша, родом француз Сев (Sèves {Сев Октав Жозеф де (1788 – 1860) – французский офицер, служил в морской пехоте, в кавалерии; в 1816г. поступил на египетскую службу в качестве инструктора армии Мухаммеда Али. – Прим. ред.}), капитан Наполеоновой службы, которому обязан Мухаммед Али формированием своего регулярного войска и который сам между тем практически изучал стратегию в своих походах в Морее и в Сирии. По его совету египтяне отступили на другой день. Турецкое войско приписывало их отступление страху; но прусские офицеры, прикомандированные к Хафиз-паше, легко угадали намерение Ибрахима сделать фланговое движение и повести свою атаку с тыла. Таким образом, турецкий лагерь лишился всех выгод выбранного им и тщательно укрепленного местоположения. Они предупредили о том Хафиза, предлагая ему немедленно ретироваться в первый укрепленный его лагерь в Биреджике, на берегу Евфрата, и опереться на реку, которая закрывала его тыл. Но Хафиз боялся упрека в бегстве пред неприятелем. Имамы, которые вдохновенными бреднями внушали бодрость войску, были призваны на совещание. Они объявили сераскиру, что по свидетельству османских хроник «победоносные» войска султанов («львы ислама», по точному выражению турецкого исторического слога) шли всегда вперед и не уклонялись от битвы, что их дело правое, что Аллах сразит бунтующего отступника и т. п.

Судьба османской армии была решена: ее сила состояла в бездействии, грозном для Ибрахима при туче, которая отовсюду накоплялась на горизонте Сирии. Ни в каком случае не следует испытывать материальные силы, когда неминуемые последствия морального влияния обеспечивают успех блистательный.

Если Хафиз виновен в том, что, видя обходное движение египетской армии, не перешел тотчас в биреджикский лагерь, по крайней мере это объясняется его опасением, чтобы не оробели его войска, не говоря уже о том, что он лишился бы большей части своего обоза. Гораздо непростительнее его беспечность в продолжение двухдневного маневра неприятельской армии кругом укрепленного его лагеря. Прусские офицеры умоляли его занять дефиле и мост, чрез которые египтяне должны были пройти. Тогда от него зависело бы выбрать время атаки и поле сражения, но вместо того он дал неприятелю спокойно исполнить самый дерзновенный маневр растянутыми колоннами в виду огромной армии по местностям, прорезанным глубокими рвами, речками и пригорками, где легко можно было смять его войско, утомленное трудными переходами.

Чтобы предупредить турок и занять мост и дефиле, египтяне в первый день сделали переход в 55 верст в виду неприятеля. Часа за два до захождения солнца турецкая легкая артиллерия заняла холм в большом расстоянии от дороги и оттуда безвредно стреляла. К ночи, прошедши дефиле, египтяне расположились на бивуаках в долине у речки, верстах в семи от турецкого лагеря, на месте совершенно открытом. Тогда только четыре турецкие батареи прокрались во мраке на близкую возвышенность и оттуда стали громить египтян из гаубиц. Сделалась суматоха в египетском войске. Мы имели уже случай заметить, что

по стратегической системе Ибрахима позади колонн в сражениях шли пушки и картечью сгоняли в строй бегущих. Артиллерия была верна и преданна.

В эту ночь, как только турецкие батареи открыли свой огонь, египетские пушкари бросились к своим орудиям и по собственному движению, не дожидаясь приказа, стали тотчас отвечать и тем спасли армию, которой половина ожидала только случая, чтобы перебежать к неприятелю. Уже два батальона со всеми обер-офицерами искали дороги в турецкий лагерь; бедуины их настигли и воротили к Ибрахиму, который охотно поверил словам беглецов, будто они в суматохе и впотьмах заблудились. Впрочем, несколько сот солдат Ибрахимовых успели пробраться к туркам. Уверяют, что сераскир думал сделать общую атаку в ту ночь, и все ручалось в успехе, но имамы ему представили, что правоверные воины должны идти на битву при дневном свете, а не во мраке ночи, будто тати. Таким образом, Хафиз выждал атаку, уступивши неприятелю все выгоды своей позиции и принужденный сам обратить наизнанку свой боевой порядок и оставить в тылу те редуты, коими прикрывался его фронт.

На другой день египтяне продолжали отдыхать под солнцем и чистили свои ружья. Одни только генералы имели палатки в этой раскаленной стоянке, где термометр показывал в тени 30 градусов по Реомюру. Во все это время войску отпускалось по полпорции сухаря и ничего более. Наконец, в третий день, 12 июня, была роздана последняя полпорция и объявлено солдатам, что чрез несколько часов всякого продовольствия будет найдено в изобилии в турецком лагере. Затем египетская армия, продолжая свое фланговое движение, спускалась в самое поле, выбранное ею для атаки неприятеля с тылу.

Турки успели поставить несколько плохих редутов пред новым своим фронтом. Ибрахим повел сперва свои колонны перпендикулярно к турецкой линии, в надежде, что турки выступят в чистое поле. Видя намерение их принять сражение в своих линиях, он стал маневрировать параллельно и вдруг велел занять возвышение над левым крылом неприятельской армии, откуда артиллерия могла обстреливать все поле. Тогда только Хафиз-паша понял стратегическую важность этого пункта и поспешил предупредить египтян. Этим открылось сражение.

Никогда со времени введения европейской тактики на Востоке не встречались в поле лучшие армии. С обеих сторон силы были равные; в султанском войске считалось 57 батальонов (11 гвардейских, 17 линейных и 29 батальонов регулярной милиции – редифов), 50 эскадронов конницы (18 гвардейских, 12 линейных и 20 эскадронов нерегулярных сипахи и башибузуков) – всего около 33 тыс. пехоты и 5 тыс. кавалерии, при 140 орудиях и 3 тыс. канониров. Египетская армия состояла из 14 пехотных полков в 3 батальона, из 32 эскадронов регулярной кавалерии, около 3 тыс. бедуинов и башибузуков и 4 артиллерийских полков с 130 орудиями – всего около 40 тыс. войска.

Много преимуществ моральных и материальных было на стороне турок. Турецкий солдат был здоровее телосложением, лучше одет и кормлен, несравненно воинственнее по природе, чем египетские и сирийские рекруты, несравненно бодрее и смелее, и, кроме того, он был более предан своим знаменам и оживлен религиозным чувством. Турецкая

армия несколько недель уже отдыхала в лагере и совершенно оправилась от усталости похода, от недугов, истомивших ее в продолжение зимы и весны. Счастливые походы против курдов удостоверили наконец турецкое войско в преимуществах новой тактики и возвысили в его глазах собственное достоинство. В первый раз регулярное турецкое войско было одушевлено той смелой самонадеянностью, которая в старину породила чудеса храбрости в янычарских ополчениях.

Все эти важные преимущества с избытком вознаграждались в египетском войске дисциплиной солдата и личными достоинствами двух полководцев – Ибрахима и Сулеймана. Половина египетских низамов и все без исключения сирийские рекруты были одним только страхом привязаны к своим знаменам. Они могли вспоминать победы, которыми ознаменован поход 1832 г.; но какую же льготу доставили солдату кровные его труды? Семь лет без усталости он был осужден бороться со своими одноплеменниками в Сирии и в Аравии и слушать проклятия своих единоземцев. Ни религиозное чувство, ни искра военного энтузиазма не одушевляли этих невольнических масс, прикованных цепью дисциплины к судьбе честолюбца, окруженного страхом и славой. В физическом отношении также египетское войско было слабее турецкого, но вместе с тем оно было более знакомо с трудами и с лишениями и было закалено тропическим солнцем своего климата; а в день сражения под Незибом термометр поднимался в тени до 30 градусов по Реомюру.

Самые преимущества, которыми могла гордиться турецкая армия, делались ей пагубными: в ней слишком много заботились о материальном благе солдата. По мере развития своей военной системы Махмуд не щадил никаких пожертвований, чтобы внушить своему народу сочувствие к строевой службе {Во время первого учреждения регулярного войска в 1826 г. солдат обходился в общности ежегодно 500 пиастров, что по тогдашнему курсу составит около 40 руб. серебром. Тринадцать лет спустя солдат обходился в год 80 руб. серебром.}. В турецком войске завелась мало-помалу такая роскошь, особенно в пище и лагерной стоянке, какой нет, может быть, ни в одном европейском государстве. Стали беречь солдат, будто детей, от солнца, от холода, от сырости, их кормили постоянно мясом, зеленью и рисом и боялись утомить их маневрами и разводами в летние жары. Моральное воспитание солдата отзывалось той же системой баловства. Чтобы облагородить службу под ружьем и предупредить злоупотребления власти, смягчили наказания без всякой соразмерности со степенью народного образования и с понятиями восточных народов о правах начальников. Вне фронта офицеры до майорского чина обходились с рядовыми как с равными, а пред своими полковниками и генералами пресмыкались со всем уничижением старинных форм турецкого этикета. Все это потому, что новые постановления и обычаи вводились высшими начальниками, которые охотно соглашались облагородить рядового сближением его с офицерами, но между тем старались сберечь самим себе лестное наследие старинных преданий {В 1842 г. в моем присутствии у сераскира Мустафа-паши австрийский ренегат Омар-паша, только что произведенный в генерал-майоры, пал ниц пред Мустафой и целовал его ногу. Незадолго пред тем этот целователь ног обедал у меня вместе со многими английскими офицерами и по званию своему занимал первое место.}.

В египетском войске дисциплина была значительно усилена во весь тревожный период владычества Мухаммеда Али в Сирии. Солдат привык переносить все труды, был трезв, не унывал от лишений и слепо повиновался своим начальникам. Ибрахим был самовластным начальником своего войска. От него зависела вся судьба офицеров, которых нелицемерная преданность усугублялась надеждой производства, особенно тем, что все чины от подполковника и выше получали огромное содержание. Наконец, Ибрахим умел ценить стратегическое превосходство своего начальника штаба Сулейман-паши, вполне доверялся его планам, точно исполнял его указания во всех эволюциях и в самом сражении и даже, при всей своей азиатской гордости, терпеливо сносил запальчивый его нрав.

В турецком лагере было много пашей, иные из них отличались даже европейским воспитанием; были и прусские офицеры генерального штаба; но Хафиз прусских офицеров не слушался, а в пашах, бывших под его начальством, он не без причины видел завистников, желавших только погубить его.

При таком образовании обеих армий и после предварительных ошибок турецкого генерала нельзя было усомниться в успехе Ибрахима. Как только была занята артиллерией возвышенность над левым крылом турецкой армии, он направил весь натиск своего правого крыла на левое турецкое, уклоняя свой центр и свое левое крыло. Он решился повести быструю кавалерийскую атаку в тыл левого турецкого крыла, обхватить его еще раз внутри его редутов, отрезать таким образом от лагеря и одним решительным ударом окончить дело. Сулейман с ним согласился, но с тем, чтобы атака поведена была эскадронами попеременно чрез эскадрон в больших интервалах, дабы не подвергнуть целой массы кавалерии, которой колонны имели по 15 лошадей в глубину, действию турецких ядер и картечи. Ибрахим не послушался или не понял. С турецкой самонадеянностью он повел в атаку всю свою кавалерию массой. Маневр не удался; она была опрокинута несколькими залпами, и в то же время в правом крыле не стало зарядов. 16 батальонов правого крыла стали в беспорядке отступать. Усилия Ибрахима, чтобы удержать бежавших, и пример офицеров, которые один за другим гибли в неприятельском огне, были напрасны. Сулейман-паша в этот критический момент, громогласно проклиная и ругая Ибрахима, прибегнул к обычному средству для удержания солдат в линиях: он направил на них свою артиллерию и картечью заставил их выдержать неприятельский огонь. Между тем поспели и выюки со снарядами {Эпизод этот умолчан во всех реляциях Незибского сражения. Все реляции основаны на письме Сулейман-паши, напечатанном во французских журналах, а Сулейман-паша по своим отношениям к Ибрахиму не мог выставлять свету грубую его ошибку и необдуманый маневр, которым едва не проиграно сражение. Притом же подробности общей суматохи, причиненной отступлением кавалерии, не служат к чести египетских генералов и слишком выказывают расположение войска, которого изнанку надо было для видов Мухаммеда Али укрывать от взора Европы во что бы то ни стало. Когда, например, снаряды были истощены в пехоте после одного часу действия, что, впрочем, довольно странно, отчего бы да бросилась пехота в штыки, как разве оттого, что генералы боялись, что она передастся неприятелю. Решительно можно сказать, что Незибское сражение выиграно одной артиллерией.}. Стоило Хафиз-паше сделать своевременно быструю кавалерийскую атаку или двинуть пехоту в штыки, все правое крыло египтян было бы совершенно опрокинута. Он дал им время оправиться

и возобновить артиллерийскую атаку картечью на расстоянии ста саженей. Вскоре нерегулярная его конница, которая в минуту суматохи египтян выступила, чтобы погнаться за ними, быв встречена картечью и ружейным огнем, бросилась бежать назад и привела в расстройство ряды. Тогда центр и левое крыло египтян, не принимавшие дотоле никакого участия в сражении, подвинулись вперед. Через полчаса турецкая армия была совершенно опрокинута, Хафиз-паша сделал чудеса храбрости, чтобы поправить свои ошибки. Не один раз он бросался сам в огонь, чтобы повлечь за собой расстроенные свои линии, и своеручно рубил бегущих, сгоняя их в строй. Но сражение было потеряно.

Весь лагерь, все обозы, вся артиллерия, 10 тыс. пленных, 12 тыс. ружей, часть войсковой казны, даже брильянтовые знаки сераскира и инструкции, данные султаном при открытии кампании, достались победителям. Убитых и раненых считалось до 7 тыс., с обеих сторон почти поровну.

Ибрахим расположился в самом лагере турецком, отдохнул в великолепной палатке Хафиз-паши, а на другой день занял еще укрепленный лагерь в Биреджике, в котором найдено 40 орудий большого калибра. Остатки турецкой армии разбежались по ближним горам. Завербованные ею курды пробрались в свои горы, а низамы румелийские и малоазийские искали спасения со своими генералами у резервных дивизий в Малатье и в Анкаре. Такова была участь этой армии, которая, по торжественным уверениям самонадеянного Хафиза, в две кампании должна была проникнуть в Египет. Припишем ли стратегическим погрешностям турецкого генерала или случайностям войны потерю Незибского сражения? Народы недаром называли сражения судом божьим. В поражении турецкой армии под Незибом мы невольно видим перст божий, охранивший от великих бедствий все христианское народонаселение Сирии и Палестины. Судя по расположениям мусульманских племен этой страны, о чем упоминали мы в предыдущей главе, нет сомнения в том, что торжество турок было бы сигналом неслыханных неистовств разъяренной черни, и, прежде чем успела бы армия Хафиза проникнуть внутрь Сирии и обуздать народные страсти, христиане были бы истреблены в Халебе, в Дамаске и в других городах, а святые поклонения Иерусалима были бы преданы грабежу.

Ибрахим, наказавши огромной пенею жителей Айнтаба и других местностей, передававшихся туркам, расположился в Марате. Дорога в Стамбул была пред ним открыта, но он не подвинулся вперед, не возобновил попытки 1832 г., не призвал даже к бунту малоазийских племен, единственно страха ради Ункяр-Искелесского трактата. Он занялся утишением мятежей, вспыхнувших в его тылу, в северных округах Сирии. Мятежи доказывали, что сила султанской армии состояла в наблюдательном бездействии. Если бы Хафиз умел уклониться от сражения еще недели две или три, Сирия досталась бы ему без боя.

Кстати, можно упомянуть здесь еще об одном обстоятельстве, которое послужило впоследствии к самым неосновательным толкам и притязаниям Франции, будто по ее ходатайству предупрежден вторичный поход Ибрахима в Малую Азию. Еще в мае, когда европейские кабинеты были встревожены признаками наступавшего на Востоке кризиса, французский министр иностранных дел, председатель Совета маршал Сульт отрядил двух своих адъютантов, гг. Калье и Фольца, в Александрию и в Константинополь с советом и

Порте, и Мухаммеду Али предупредить или прекратить военные действия и во всяком случае ввериться посредничеству Европы. Капитан Калье прибыл в Александрию, когда уже Мухаммедом Али было дано Ибрахиму повеление атаковать султанскую армию. Мы упоминали, что в том самом повелении было положительно предписано не переходить Тавра. Однако ж хитрый паша, привыкший бросать дипломатам пыль в глаза баснословным преувеличением своих сил, средств и влияния и небывалыми замыслами, в которые он сам никогда не верил, скрыл в этот раз от французского посланца смысл данного им Ибрахиму предписания и стал хвалиться, будто его войско займет Малую Азию, куда звала его любовь народная, и пойдет безостановочно в Константинополь во что бы то ни стало. Француз убедительно ходатайствовал об умеренности в победе. Все это имело эффект театральный. Старый актер согласился, наконец, из уважения к слову французского правительства написать сыну, чтобы он не открывал военных действий (а курьер с приказанием немедленной атаки был отправлен в лагерь за 18 дней пред тем, и старый паша был уверен в том, что уже дело кончено) и чтобы в случае одержания победы остановиться там, где его застанет податель письма, адъютант французского министра, и ни в каком случае не переходить Тавра. Затем под предлогом неимения парохода для переезда в Сирию французского посланца он продержал его еще четыре дня в Александрии, чтобы дать время Ибрахиму подвинуться достаточно вперед согласно со смыслом первоначального предписания, и между тем в глазах мирного ходатая готовил свой флот к выступлению в поход. Капитан Калье застал Ибрахима 17 июня на пути из Айнтаба в Мараш, в трех переходах от последнего из этих городов. Здесь в лагере повторилась та же комедия, которую сыграл Мухаммед Али в Александрии: Ибрахим, который всегда и во всем слепо повиновался отцу, объявил сперва, будто он вопреки его предписаниям идет прямо в Конью, а там бог весть... Наконец и он из уважения к слову французского правительства согласился исполнить приказание своего отца. Все-таки он не остановился там, где его застал французский посланец, а подвинулся еще вперед до Марата, согласно с первоначальным планом кампании. Однако ж французское правительство не усомнилось изъявить свое удовольствие за столь сомнительный залог умеренности и послушания, а потом приписало своему посредничеству бездействие Ибрахима и выставило себя поборником мира на Востоке и спасителем Османской империи от дальнейших последствий Незибского сражения {Нельзя не удивляться тому, что французские писатели, подробно излагая все обстоятельства этих переговоров и упоминая о первоначальном предписании Мухаммеда Али Ибрахиму не переступать за Тавр, все-таки приписывают посредничеству своего правительства умеренность египтян после победы. Книга «Deux années de l'histoire d'Orient (1839 – 1840) par Cadahène et Barrault» особенно отличается притязаниями творения политического, и потому самые сплетни, которыми она изобилует, писаны слогом высокопарным. Сличите IV ее главу, в конце которой целиком включено письмо Мухаммеда Али к Ибрахиму от 28 мая, с главами V и VI. Другой французский писатель Louis Blanc, которого книга «Histoire de dix ans» наделала много шума в Европе, хотя он во всем и всегда радикально осуждает все последовательные министерства Франции с 1830 по 1840 г., однако в этом случае, основываясь на возгласах Кадальвена и Барро, уверяет, будто одно появление французского офицера в египетском лагере приостановило Ибрахима на пути в Константинополь и тем предупредило европейскую войну. С таким-то детским, можно сказать, самохвальством пишется в наш век современная история людьми, которые

называют себя очевидцами, и так-то поясняются односторонними и пристрастными теориями дела, происходящие перед нашими глазами. }.

В этом дипломатическом эпизоде замечательно еще одно обстоятельство: французское правительство по собственному движению советовало тогда Мухаммеду Али ввериться посредничеству Европы; затем увидим, что и с другими державами заодно Франция торжественно повторила тот же совет и в Константинополе, и в Александрии; затем еще увидим, что она, отказываясь от совокупного направления других кабинетов, когда предстояло сдержать слово, данное Османской империи, усиленно советовала и Порте, и Мухаммеду Али устроить дело между собою мимо посредничества Европы. Так-то противоречия и непостоянство кабинета, волнуемого влиянием внутренних партий государства и народных предубеждений относительно внешней политики, произвели кризис 1840 г. и приготовили горючие вещества, которые едва не объяли общим пламенем Европу по случаю спора между турецким султаном и его пашой.

Займемся приключениями Османского флота. Мы уже упоминали, что еще при жизни Махмуда было дано повеление от Порты о возвращении флота в столицу. Эта мера, основанная на желании Хозрефа предупредить новую войну с Египтом, была тем важнее в тех обстоятельствах, что в столице не было достаточно войска на случай мятежей при воцарении сына умиравшего султана. По смерти Махмуда Февзи-паша получил фирман от Абдул Меджида о подтверждении его в звании капудан-паши и повторительное предписание Порты немедленно возвратиться с флотом в столицу.

Дни приходили за днями, но флот не являлся. Осветившись флагами, провозгласив громом своих орудий воцарение нового падишаха и фирман, подтверждающий его в командовании флотом, он тщательно скрыл от флота повторительные предписания правительства о возвращении в столицу, а 22 июня он со всем флотом выступил из Дарданелл в море. Там у Тенедоса крейсировал французский флот под начальством контр-адмирала Лаланда с поручением предупредить неприятельские действия между флотами султана и Мухаммеда Али. Вернейшее средство к достижению этой цели было бы моральное сопротивление французского флота к выходу в море османских сил. Капудан-паша, тая задуманную измену в душе, вошел в сношения с французским адмиралом, имел с ним продолжительные секретные объяснения и затем свободно поплыл в Александрию сдать флот бунтующему паше. Вспомним, что капудан-паша Февзи в угоду господствовавшей страсти своего государя усердно подстрекал к войне при жизни Махмуда ради корыстных видов, играя судьбами царства.

Глава 12

Тревога в столице и торжество Мухаммеда Али. – Мирные предложения верховного везира. – Притязания паши. – Его посягательство на права верховной власти. – Язвительная переписка. – Нота 15 (27) июля. – Уныние Мухаммеда Али. – Переговоры между великими державами. – Разногласие кабинетов. – Флоты в Дарданеллах. – Новое посольство невестки Мухаммеда Али. – Отступление французского кабинета от июльской ноты. – Замыслы Тьера. – Новые преобразования Османской империи и значение их. – Политическая исповедь

Гюльханейского манифеста. – Обеты веротерпимости. – Услуга, нехотя оказанная России австрийским кабинетом. – Попытка новых переговоров. – Военные приготовления в Египте и жалобы в Константинополе.

В самый день восшествия своего на престол молодой султан, в котором уже можно было угадывать тихий нрав и миролюбивые наклонности, изъявил желание о прекращении войны с египетским пашой. Порта не замедлила сообщить посольствам великих держав об отданных в том смысле повелениях фельдмаршалу и капудан-паше и о решении совета послать в Египет Акиф-эфенди для переговоров с пашой. В пятый день нового царствования, когда столица и правительство были еще под впечатлением страха, каким обыкновенно сопровождается воцарение султанов, Порта получила секретное известие о разбитии армии под Незибом. Верность капудан-паши, который медлил явиться, становилась с часу на час сомнительнее. В таких обстоятельствах деятельный Хозреф поспешил отправить Акифа с нарочным пароходом и, извещая Мухаммеда Али о своем производстве в верховные везиры, объявлял ему милость султанскую с предложением наследственного обладания Египтом. Затем, именем старой их дружбы и любви к исламу, он заклинал его предать забвению прошедшее и быть верным государю и государству.

Если французский адмирал не воспрепятствовал флоту выступить из Дарданелл и передаться Мухаммеду Али, зато по крайней мере он не замедлил сообщить о том в Константинополь. Правительство было оглушено этими известиями, которые удар за ударом его поражали вслед за смертью Махмуда, будто предвещая неминуемое разрушение шаткого престола. Приписывая измену Февзи Ахмеда тем опасениям, какие не без причины чувствовал виновник роковой войны с Египтом, предпринятой вопреки советам Хозрефа, Порта решилась его успокоить всякими ласками. Был в тот же день отправлен с нарочным пароходом советник адмиралтейства Мушин-эфенди с милостивым хатти шерифом к капудан-паше и с приглашением возвратиться немедленно в столицу. Мушин застиг флот у Родоса. Там изменник ожидал ответа Мухаммеда Али, к которому был отправлен корвет с предложениями о сдаче флота. Февзи Ахмед с обыкновенным церемониалом принял султанский фирман от посланца Порты, арестовал тотчас посланца, чтобы скрыть от флота смысл стамбульских повелений, провозгласил громом своих орудий милостивый манифест султана, объявил о заключении мира с Египтом и продолжал свое плавание к африканскому берегу. Весьма небольшое число его приверженцев было вовлечено капудан-пашой в преступный его замысел; флот, ничего не подозревая, повиновался изменнику.

По всем владениям Мухаммеда Али Незибская победа была возвещена трехдневными салютами. В Сирии гром пушек служил похоронным звоном тех надежд, которыми вострепнулись племена этого края от Халеба до Газы при известии о приближении султанской армии к границе. Мухаммед Али прикидывался печальным среди своего торжества; он уверял, что только необходимость рассеять в подвластных племенах неблагоприятные слухи о судьбе его армии заставила его праздновать победу, купленную ценой взаимного кровопролития правоверных. Затем, четыре дня спустя, получено в Александрии известие о смерти Махмуда. Один из тайных агентов Мухаммеда Али в столице зафрахтовал во время болезни султана легкое греческое судно и, как только проведал, что султан испустил дыхание, послал о том известие к паше. Парусное судно в

семь дней поспело в Александрию. Казалось, самые ветры Средиземного моря в заговоре с судьбой усердно служили Мухаммеду Али в ту пору. Старый паша не посовестился дать шкиперу 4 тыс. талеров мюжде (вознаграждения) за добрую весть по восточному обычаю и начал вновь пальбу и салюты под предлогом празднования восшествия на престол Абдул Меджида.

На другой день опять известие, которое едва не свело с ума старика: поспел корвет с предложениями изменника капудан-паши. Мухаммед Али, видимо встревоженный от радости, отправил тотчас пароход с приглашением Февзи-паше привести флот в Александрию. Он не видел уже пределов своему честолюбию. Его приближенные опасались, чтобы от радости и непомерных усилий воображения не приключалась ему болезнь. Османская империя оставалась без армии, без флота, при семнадцатилетнем султани. Торжествующий старик с огромными силами морскими и сухопутными легко мог предписать ей свой закон. Он мечтал садиться на соединенный флот Стамбула и Александрии и поплыть в столицу под предлогом охранения престола и царства от угрожавших бед. Нет сомнения в том, что если бы Османская империя была тогда предоставлена своей судьбе, если бы Мухаммед Али не страшился России, которая по своему положению имела особенные причины предостерегать Восток от новых потрясений и в то же время владела надежными и быстрыми средствами для укрощения честолюбивых посягательств старого паши, нет сомнения в том, что Мухаммед Али не замедлил бы явиться в беззащитную столицу и ниспровергнуть правительство, оглушенное последовательными бедами. Повторительно сделанные ему объявления от имени великих держав и еще недавно слышанное им строгое слово России по случаю приготовлений на борьбу с султаном удерживали Мухаммеда Али в пределах подчиненности духовному и гражданскому единодержавию Османской империи. По крайней мере он надеялся среди критических обстоятельств империи привести в исполнение любимой свой помысел о потомственном обладании всей страны, занятой его оружием.

В таком-то расположении ума застало Мухаммеда Али письма верховного везира с объявлением султанской милости. Паша всего прежде велел в третий раз палить из пушек, чтобы вслух подвластных племен провозгласить подтверждение за ним и за Ибрахимом вверенных им пашалыков. Что же касается до предложения Порты, которая, со свойственной ей настойчивостью, тая собственные опасения под личиной спокойствия, объявляла Мухаммеду Али те же условия, которые были им уже отвергнуты в 1837 г., то мог ли паша добровольно ограничиться теперь потомственным обладанием Египта?

Флот едва показывался на горизонте, а уже консулы великих держав объявляли Мухаммеду Али, что он должен немедленно его возвратить законному владельцу под опасением прослыть участником в гнусной измене капудан-паши и помрачить тем свою славу. На это Мухаммед Али отвечал, что он нисколько не предполагал присвоить себе флот, но удержит у себя в залог условий, которые будут им представлены Порте.

Каковы же были эти условия? Кроме потомственного обладания Сирией, Таврийскими округами, Аравией, Кандией и Египтом, он требовал смены верховного везира. Без сомнения, Мухаммед Али имел старые причины ненависти к Хозрефу, но в это время он

хорошо ведал, что еще при жизни Махмуда под опасением немилости Хозреф не убоился ходатайствовать о мире с Египтом и что первым актом его по принятии в руки полномочий от нового султана было мирное слово Египту. В глазах Мухаммеда Али виной Хозрефа были его способности, его влияние, верность его престолу, словом, услуга, оказанная им правительству, которое стояло на краю гибели по смерти Махмуда, по потере флота и армии.

Разрушение правительства османского в этом кризисе призвало бы, вероятно, к новым блистательнейшим судьбам счастливого выходца Румелии, создавшего свое могущество на берегах Нила. Запретительное слово Европы не допускало его опрокинуть шаткое царство султанов; но в случае падения султанского правительства под гнетом неумолимой судьбы ужели решилась бы Европа воспрепятствовать гениальному вассалу, наделенному 200 тыс. войска, огромным флотом, народными сочувствиями в Румелии и Анатолии, основать новое царство из обломков османского колосса?

Целью европейских кабинетов было предохранить Восток от потрясений и Европу от войны. Кто же мог представить вернейшие поруки к достижению этой цели, кто владел готовыми элементами для внутреннего устройства восточных племен, как не тот, кому две анархические области – Египет и Сирия – были обязаны правительственным порядком? И эта блистательная судьба, которой мог польститься старый паша, разрушалась, будто призрак, другим восьмидесятилетним стариком, который ворожил на берегах Босфора и заклинал враждебный гений, навестивший царство со смертью султана.

Если Мухаммед Али не дерзал явиться сам в Босфор вооруженным гостем, по крайней мере не терял он надежды издали предписать свой закон правительству и султану. Он облакал свои требования обычными фразами патриотизма и преданности престолу и обещал по смене Хозрефа и по утверждении за ним потомственных прав идти в столицу покорным вассалом и подвергнуть к стопам молодого султана свое войско и свою старую опытность для управления государством. В официальном ответе на письмо Хозрефа он ограничивался отстранением предложения о наследственном обладании Египтом и уверением, что Ибрахиму приказано не подвигаться вперед; но в частных письмах к самому Хозрефу, к матери и к тетке султана, к шейх уль-исламу, к другим вельможам он настоятельно требовал удаления верховного везира. В то же время отправлял он своих комиссаров в Румелию и в Анатолию с циркуляром к пашам, в котором он изливал свою желчь на Хозрефа, обвинял его в государственной измене, приписывал ему все несчастья империи и преимущественно ссору Махмуда с вернейшим из слуг империи, ссору, породившую такие бедствия. Надеясь даже на невоздержность, омрачившую великие качества умершего падишаха, он уверял, будто Хозреф умышленно внушал все пороки султану, а теперь замыслил гибель ислама. Затем он оправдывал измену капудан-паши, уверял, будто флот единодушно выразил желание ввериться надежному слуге империи Мухаммеду Али, убоившись, чтобы верховный везир не передал кораблей неверным. Наконец, именем патриотизма и религии он приглашал всех пашей содействовать к низложению верховного везира.

Таким образом, Мухаммед Али, тридцатилетним трудом стяжавший славу начинателя основных преобразований на Востоке, теперь на старости лет, на краю гроба, обращался к

преданиям анархической старины. По примеру янычар, которые в старину требовали смены везира и министров, и он в этом случае не ограничивался уже притязаниями выгод своих и своего дома, но посягал на права верховной власти, требуя низложения главы правительства. В то же время он дерзко нарушал духовные права султана. Назначение приставов к Каабе и ко гробу Мухаммеда, по каноническому праву мухаммедан, принадлежит верховной власти халифа. Никогда светские власти, даже в самые анархические периоды Аравийского полуострова, не посмели вступить в дела этих приставов. Под предлогом, будто Осман-паша, назначенный в звание шейх эль-харима в Мекке, и Шериф-бей, пристав Мухаммедовой гробницы в Медине, были в тайных сношениях с враждебными ему бедуинами Джуддейды и действовали по наущениям паши багдадского, Мухаммед Али отрешил их от должности, содержал их под стражей и требовал, чтобы султан на место их назначил евнухов, как это водилось в старину. При этом одна из дивизий, занимавших Аравийский полуостров, приближалась к Персидскому заливу, угрожая Басре. Ибрахим оставался со своей армией в Марате, вне сирийских пределов. Если, боясь России, не подвигался он вперед, не менее того он служил пугалищем беззащитной столице и грозил возмутить Малую Азию.

Порта была принуждена довольствоваться суетными уверениями Мухаммеда Али в умеренности и сносить всякие обиды. В это время она помышляла только об освобождении флота. Хозреф-паша пригласил секретными письмами четырех пашей, бывших на флоте под начальством Февзи Ахмеда, схватить изменника и отвести флот в столицу. Верность экипажей и офицеров и негодование, выраженное ими, когда по прибытии в Александрию была обнаружена измена капудан-паши, ручались в успехе. Но письма Хозрефа, отправленные на французском почт-пароходе, достались чрез французского генерального консула в руки старому паше и послужили только к вящему его раздражению. Он с новой настойчивостью требовал от самого Хозрефа, чтобы он удалился от правления. Хозреф, со своей стороны, извинялся, говоря, что это от него не зависело, что он на старости лет думал только об отдыхе, но что Аллаху было угодно возвеличить его в исламе; что ему на роду было написано служить на старости лет государю и отечеству в качестве верховного везира, что противиться судьбам божьим грешно и т. п.

Эта язвительная переписка между двумя старейшими вельможами Турецкой империи, эти брани и насмешки, которыми они взаимно оскорбляли свои седые бороды вслух Европы и ислама, представляли комическую сторону восточного дела, жалкий и в то же время смешной эпизод той драмы, которая деятельно и суетливо разыгрывалась на восточных берегах Средиземного моря {В эту эпоху, среди великих треволнений Востока, я посетил Египет и в первый раз видел Мухаммеда Али. Выехавши из Константинополя, когда жизнь царственного страдальца поддерживалась одними приемами опиума, я видел его флот в Дарданеллах. За Дарданеллами встретил я французскую дивизию контр-адмирала Лаланда, который крейсировал, чтобы не выпускать в море турецких кораблей. Продолжая плавание мое в Египет на французских почт-пароходах, я был должен выдержать 13-дневный карантин в Сире. Там получил я известия сперва о смерти Махмуда, затем о Незибском сражении. По прибытии моем в Египет первый предмет, поразивший мои взоры на рейде, был 140-пушечный корабль «Махмудие», которого размеры будто росли на низменном горизонте египетских берегов и на котором развевался

флаг и брейд-вымпел капудан-паши. Долго не верил я своим глазам и не знал, чему приписать появление султанского флота пред Александрией, когда султана уже не стало, когда не стало и армии. Было ли это последнее, посмертное торжество Махмуда, был ли разбит египетский флот? В таком случае можно было бы ожидать с часу на час, что флот открыл бы огонь по городу; но катера мирно плавали, и вскоре распознал я египетские корабли между османскими. Ни мне, ни одному из спутников моих не представилась мысль об измене турецкого адмирала. Загадка была объяснена береговым лоцманом, который к нам явился, чтобы провести пароход по фарватеру в Александрийский залив. В эту эпоху звезда Мухаммеда Али была в своем зените. Но старый баловень судьбы, видимо, изнемогал от напряжения умственных сил, от порывов воображения, которыми так неводержно окрылялись честолюбивые замыслы, долго таившиеся в душе румелийского выходца. Было бы кстати присовокупить сюда биографию Мухаммеда Али, она послужила бы вернейшим характерическим очерком современной Турции.

Признаюсь, столько уже наговорено об этом замечательном человеке во всех путешествиях, во всех политических современных творениях, издано столько биографий Мухаммеда Али, что я считаю себя вправе отказать старому паше в этой обычной дани писателей всех народов, посетивших Египет или занявшихся издали делами Востока в последнее двадцатилетие. Ограничиваюсь одной чертой, почерпнутой из моего разговора с ним, чертой, которая достаточно выражает внутреннее его расположение и страсти, его волновавшие в ту пору. Паша, извещенный от нашего генерального консула графа А. Медема о моем прибытии, назначил мне свидание в одном из садов александрийских, где он имел обыкновение давать аудиенции. Мы застали его в кругу известных его любимцев; Тоситцы (греческого генерального консула), банкиров Зизиния и Бригса и многих придворных. Паша сидел на диване, пред бассейном живой воды, под роскошными листьями банановых кустов. Его адмирал, старик Мутуш-паша, один из сподвижников удалой его юности, почтительно стоя пред ним, широким веером из страусовых перьев освежал воздух и разгонял комаров и мух от светлейшей его особы. Аретин-бей, впоследствии министр иностранных дел, служил переводчиком. В это время Мухаммед Али не носил уже чалмы, но еще не принял нового турецкого костюма. Простой фес с синей кистью, висячей позади, покрывал его голову, шея была открыта по-старинному, синяя *censored*ная куртка, вышитая шелковыми снурками, турецкого покроя и широкие шалвары того же цвета со стиблетами, из-под коих показывались ноги в красных башмаках, сабля на красной перевязи, янтарные четки в руках довершали его костюм, введенный им в армию, во флот, во дворец и в гражданское управление, с различием для чинов в шитье и в цвете мундира и в золотом или алмазном знаке на груди. Физиономия Мухаммеда Али выражает более степенности и спокойствия, чем того предприимчивого духа, которым ознаменовано его поприще. Будь на нем белая чалма и в боку трубка вместо сабли, вы бы его приняли за одного из тех торгашей-старожилов, которыми красятся еще порой стамбульские базары, будто последними представителями османской народности, среди тревожных преобразований нашего времени. К довершению сходства замечу еще, что Мухаммед Али не привстал для своих друзей-гяуров. Не припишу этого фанатизму старого турка и тому грубому чувству народной гордости, которое в старину вменяло в грех правоверному народу подобную учтивость к европейцу какого бы то ни было звания; но в эту пору Мухаммед Али старался по мере сил и средств играть при случае роль царскую и изучал приемы константинопольского двора. После обычных приветствий паша предложил мне осмотреть прежде всего арсенал, это любимое его

создание, верфи, фабрики, дворцы и сады. «Что касается классических древностей Помпеевой колонны, катакомб и прочего, – присовокупил он, – то до меня, лет за 30 с лишком пред сим, кроме этих древностей нечего было смотреть в Александрии». По этому поводу стал он рассказывать, в каком состоянии застал он город в 1807 г., в эпоху десанта англичан, и напоминал бывшим тут старожилам, что в целом городе один только дом оставался неразрушенным, а в том доме были только два жилых покоя, один наверху, где сам он поместился по изгнании англичан, другой внизу, где поместил он своего коня. Паша долго еще хвалился всем, что он сделал для своего города, и не без причины, потому что по всей справедливости можно его назвать основателем новой Александрии. Зная, сколько любит он напоминать о своем происхождении из Каваллы, родного города Александра Македонского, я заметил паше, что изо всего созданного македонским гением в покоренном им мире одна Александрия осталась достойным его памятником и что Промыслом предоставлено было, будто по праву наследства, одному из земляков македонского героя возобновить этот великолепный памятник. Мое замечание чрезвычайно польстило самолюбию пашы, он охотно стал нам рассказывать о родном своем городе Кавалле, о свежих его источниках, о его воздухе, который питает живость нрава в удалых его жителях, и о своем желании навестить еще когда-либо родной уголок. В этом желании, выраженном с искренним чувством, которого нельзя было ждать от честолюбивого владельца Египта, проглядывала народность румелийских племен, непреоборимая в этих предприимчивых выходцах Албании и Македонии ни бедственными испытаниями, ни даже удачами на чужбине. Паша стал затем задумчивее и молчаливее и вдруг спросил: «Решили ли европейские мудрецы, в чем состоит истинное счастье для человека? Много пишут, еще более говорят, как управляться народными массами и как доставить им наилучший образ правления; но упускают из виду индивидуальное благополучие человека вне всяких политических условий, а, кажется, оно имеет значительный вес в общественном благоустройстве». Я вовсе не был расположен входить в подробные прения с почтенным пашой, который уже полвека усердно заботился о своей славе, о своем могуществе, а не входил, кажется, нисколько в разбирательство о благосостоянии миллионов феллахов, с которых вовсе не философски высасывались пот и кровь для удовлетворения честолюбивых его видов. Иные из присутствующих тут стали излагать свои платонические теории о совершенном блаженстве на земле. Паша с улыбкой слушал. По поводу мнения, что блаженство для человека состоит в совершенном исполнении его желаний, Мухаммед Али весьма основательно заметил: «Положим, что ты с вечера уснул в полном наслаждении по осуществлении всех твоих желаний, а поутру, когда проснешься и нечего будет желать, не о чем помышлять, не к чему стремиться – что за жизнь? Нет, не в этом счастье, по крайней мере для меня!»

Это замечание, почерпнутое старым пашой не в книгах, ибо до сорока лет он вовсе грамоты не знал, а после того ему было не до философских чтений, но подслушанное в собственных испытаниях ненасытной его души, когда, казалось, в самом деле исполнялись его дерзновенные помыслы, когда его торжества превосходили все его надежды, достаточно обозначает характер этого замечательного мужа. }

Под впечатлением, произведенным последовательными бедствиями Османской империи, кабинеты великих держав обменялись взаимными уверениями в твердом намерении сохранить общими усилиями неприкосновенность и независимость империи

под царственной ее династией и содействовать правосудному решению восточного дела согласно с общим желанием о сохранении мира в Европе. Спокойствие столицы при воцарении преемника Махмудова после обычных волнений и кровопролитий, которыми сопровождалось в другие эпохи восшествие султанов на престол, было благонадежным признаком. При таком выражении народных чувств в буйной некогда столице Востока мудрость европейских кабинетов могла отстранить бедствия, которыми этот великий кризис грозил племенам Османской империи. По внушению австрийского кабинета представители пяти великих держав в Константинополе подали 15 (27) июля ноту, которой извещали Порту о единомыслии кабинетов относительно восточного дела и просили не принимать никаких решительных мер без их содействия {В демарше участвовали Англия, Франция, Россия, Австрия и Пруссия. Инициатива этого дипломатического шага принадлежала Меттерниху, преследовавшему цель не допустить одностороннего вмешательства России в конфликт и заставить Францию действовать совместно с державами. – Прим. ред. }.

Порта с удовольствием приняла это посредничество. На ее стороне было право, и, как только предстояло решить трудный ее процесс не судом материальной силы, но под влиянием правосудия держав, она со спокойствием могла ожидать их приговора.

Зато Мухаммед Али, которому было объявлено содержание ноты 15 (27) июля, впал в уныние, светлые призраки будущности рушились пред ним. В тот же день переменял он тон своих притязаний и самый слог переписки с верховным везиром. Вместо недавних обвинений и браней он стал заклинять Хозрефа именем старой дружбы приступить к миролюбивой сделке мимо всякого внешнего вмешательства.

Европа совокупным заступничеством оправдывала в 1839 г. бескорыстный, человеколюбивый подвиг России, которая одна в 1833 г. даровала мир встревоженному Востоку. Но вряд ли податели знаменитой ноты и сама Порта, которая в своем недоумении обрадовалась ей и прицепилась к ней, как утопающий к доске, вряд ли постигали они всю важность этого акта и тяжких обязательств, которые им налагались на кабинеты. В 1833 г. решительная мера российского двора и быстрое появление в Константинополе нашего флота и войска восстановили мир на Востоке и отстранили опасности, угрожавшие Европе. Но в 1839 г. достижение этой цели пятью державами было подчинено предварительному согласию их видов. Уже проглядывали первые признаки раздора между кабинетами Англии и Франции. Каждый из них имел особенное свое воззрение на дела Востока.

С некоторых лет Англия с беспокойством смотрела на возраставшую силу Мухаммеда Али, владетеля Египта и Сирии, куда пролегают оба ближайшие ее пути в Индию. Она подозревала проекты его на Красное море и на острова Персидского залива. Она домогалась уничтожения паши и изгнания его из Сирии. С другой стороны, Франция по всегдашнему соперничеству с расчетливой соседкой и по народному сочувствию к Мухаммеду Али, окруженному французами и льстившему их самолюбию, оказывала к паше чрезмерное благоволение, далеко не совместное с ее отношениями к султану, и безотчетно уважала его притязания.

Когда Англия предложила, чтобы ее флот вместе с французским принудили Мухаммеда Али сдать султанский флот, Франция и слышать не хотела о насильственных мерах. И в самом деле, общественное мнение во Франции было в таком заблуждении под влиянием журнальных толков о египетском паше, что министерство, опасаясь раздражения народных умов, не могло предписать насильственных мер против Египта. Оно предложило Англии, чтобы соединенные их флоты перед Александрией объявили волю кабинетов о сдаче флота. Англия заметила, что одно объявление, одна угроза, не поддержанная действием в случае отказа, внушили бы новую дерзость паше и что голословная угроза не подобала достоинству великих держав. Между тем оба флота стояли пред Дарданеллами и настоятельно требовали входа в столицу для ее защиты, по примеру того, как наш Черноморский флот входил туда в 1833 г. Но обстоятельства были совершенно иные: Ибрахим не был в нескольких переходах от Босфора, Ункяр-Искелесский трактат удерживал его в почтительном расстоянии, и никакая опасность не угрожала османской столице. Первым плодом торжественного обязательства великих держав о независимости и неприкосновенности Османской империи было бы теперь нарушение основного старинного правила о закрытии проливов, ведущих в беззащитную ее столицу, и нарушение дипломатических обязательств Порты к российскому двору.

Западные кабинеты в этом домогательстве только могли согласоваться между собой, а оно не оправдывалось ничем, разве суетным удовлетворением народных самолюбий. Россия решительно отказала их притязаниям, а Порты требовала удаления англо-французского флота от Дарданелл, весьма кстати заметивши, что союзные корабли лучшей услуги не могли ей оказать, как разве принуждением Мухаммеда Али выпустить собственный ее флот из Александрии.

Между тем Мухаммед Али, впавший сперва в уныние при сделанном ему объявлении о посредничестве Европы, радовался теперь несогласию между посредниками. Он не делал никаких уступок. В осень он стал опять грозить походом в Малую Азию и оскорблял турецких комендантов Месопотамии и Диярбакыра, которым было строго предписано от Порты избегать всякой ссоры с египетскими войсками, а в случае их появления отступить. Мухаммед Али надеялся вынудить от разногласия держав те условия, каких не удалось ему исходатайствовать у побежденного и безоружного султана.

После бесполезных споров о средствах, какими надлежало восстановить мир на Востоке, великие державы вступили между собой в переговоры об условиях, какие надлежало предначертать для примирения султана с его вассалом. Франция, безотчетно основывая свои предложения на притязаниях паши, ходатайствовала в его пользу о потомственном обладании Египтом и Сирией и о пожизненном управлении Аданой, Кандией и Аравийским полуостровом. Порты для скорейшего окончания спора была расположена присовокупить к сделанному ею первоначально предложению о потомственном обладании Египтом пожизненное управление частью Сирии.

Было очевидно, что с того времени, как великие державы предложили султану свое посредничество для окончания спора с Египтом, они были морально обязаны обеспечить султану условия более выгодные, чем те, что мог прежде предписывать торжествующий паша. Во всяком случае постановления кабинетов должны были по необходимости

основываться на добровольном согласии Порты, во-первых, потому что, принявши за правило независимость и законные права султана, нельзя было принужденно ему предписывать такие уступки, которые ему казались несовместными с его законными правами; во-вторых, можно было опасаться, что в случае несогласия обеих спорящих сторон на постановления посредников, предстала бы необходимость прибегнуть к насильственным средствам против обеих и возобновить мудреную задачу бельгийского дела... {Имеются в виду дипломатические переговоры, которые возникли в Европе в начале 30-х годов XIX в. после бельгийской революции, приведшей к отделению Бельгии от Голландии. – Прим. ред.}

Мухаммед Али хорошо постигал это и потому приводил в действие все пружины, явные и тайные, чтобы достигнуть непосредственного устройства с Портой. Патриотически зывал он в письмах своих к Хозрефу о посягательстве неверных на независимость ислама; убеждал его предать забвению все личности, которые делали обоих «посмешищем всех журналов» и производили большой соблазн в правоверном народе; предлагал даже избрать между улемами-законоучителями почтенных мужей для разбора спорного между ними дела, вторично отправлял посланницей в Стамбул свою невестку Зехра-ханум, чтобы там расположить в его пользу министерство и поднять за него гаремы; обещал набавить сколько угодно подати и т. п., лишь бы отстранить вмешательство европейских держав от домашнего спора мусульман.

Но Порта не отказывалась от выгод своего положения. Она чувствовала неудобство внешнего посредничества и помнила, что протоколом трех из пяти великих держав еще недавно была признана независимость Греции. Но она помнила также надменные речи Мухаммеда Али накануне июльской ноты; была уже связана своим словом, боялась непосредственными переговорами оскорбить самолюбие своих союзников и пуще перепутать свое положение. Предложения Мухаммеда Али становились умереннее или дерзновеннее, смотря по приметам согласия или разногласия между державами. Он был уверен, что чем решительнее выкажет намерение отразить всякое насилие, тем труднее будет для кабинетов согласиться между собой и действовать заодно. Франция гласно отказывалась от всяких насильственных мер против упрямого паши и осуждала планы других держав. Когда министерство Тьера заменило кабинет графа Моле, была даже речь занять иные пункты на берегу Сирии и Малой Азии, подобно тому как за восемь лет пред тем была занята Анкона. Этим посягательством на независимое государство и нарушением торжественных обязательств своих пред другими державами нисколько не распутывала Франция восточного дела. Но министерство Тьера имело в виду европейскую сторону дела этого или, попросту сказать, опасалось раздражения умов во Франции, искало удовлетворения собственного самолюбия и не предвидело последствий опрометчивых своих действий.

Потеря войска и флота не были еще самым великим бедствием для Турции. Заступничество держав, при всех своих невыгодах, служило ей достаточным обеспечением. Но величайшим для нее бедствием была потеря того султана, чей ум, чья твердая воля поддерживали изнемогшее государство и если по недостатку материальных средств не могли наказать бунтующего вассала, по крайней мере, укрощали злой умысел

той случайной олигархии, которой султаны принуждены вверять правительственную власть.

С первых дней нового царствования сплетни сераля и борьба министерских влияний превозмогли добрые природные наклонности Абдул Меджида. Обстоятельства придавали особенный вес министру иностранных дел Решид-паше, недавно возвратившемуся из Лондона. По его внушению и под благовидным предлогом развития системы Махмудовой в новом и торжественном виде министры успели ограничить права верховной власти конституционной пародией, известной под именем Гюльханейского хатти шерифа.

Мы имели уже случай вникнуть в смысл и в направление предпринятой Махмудом реформы {См. конец главы 6.}. С ведома его она, очевидно, клонилась к коренному изменению государственного права Турции. Махмуд бодро шел по проложенной стезе, с убеждением, что христианский элемент возымеет законный перевес. Он сохранял деспотические формы как надежнейшее средство к направлению предстоящим кризисом. В руках государя, одаренного твердой волей, права самодержавия служили к укрощению правительственного своеволия столько же, как и народного фанатизма. Махмуд последовательными распоряжениями и еще более личным своим примером и действием укрощал самоуправство и готовил элементы гражданского порядка, основанного на равенстве подданных пред законом и на ответственности лиц, облеченных властью. Он не провозглашал никаких теорий, не делал торжественных обетов, не связывал себя никакими обязательствами, не издавал законов, которых исполнение несбыточно в Турции. Он ограничивался практической реформой и не любил бредней.

Теперь наступили времена другие. С изменением внешних форм изменилось существенное направление предпринятого Махмудом государственного преобразования. Обманутый своими министрами молодой преемник Махмуда осудил самого себя совершенному бессилию, предоставил бездарным, корыстным, неверным временщикам судьбу государства и династии и вместо воссоздания империи по следам отца ускорил ее разрушение.

22 октября 1839 г. были созваны в один из дворов старого сераля, у Гюльхане (беседки роз), все вельможи, все высшие сановники, военные и гражданские, улемы, духовные главы подвластных народов, представители всех сословий. Дипломатический корпус также был приглашен на это торжество в свидетели обязательств, добровольно налагаемых султаном на себя самого. Султан восседал в открытом киоске в виду пестрого собрания. Риза-паша, министр двора, принял из рук его хатти шериф и передал Решид-паше, которому поручено было прочесть во всеуслышание.

Султан обещал своему народу коренное преобразование государственного права и искоренение тех зол, которые от давности и от насилия вошли в законную силу. Воспрещал продажу должностей и льгот, равно и лихоимство, которое под именем рюшфета составляет почетное преимущество власти и восходит даже до престола. Он отрекался от права произвольных казней и опал, равно и от права конфискации имущества и от всяких произвольных наборов и налогов. Всем подданным без изъятия даровалась безопасность жизни, чести, имущества. Воспрещалось употребление яда, кинжала и

пытках. Предписывалось судить виновных публично и никого без суда не казнить. Уничтожались монополии продуктов и отдача казенных налогов и доходных статей в откупное содержание (ильтизам). Предписывалась правильная раскладка податей и повинностей, по соразмерности со средствами каждого. Указывая на вековые язвы империи и приписывая им упадок торговли и промышленности, обеднение народа и ослабление государства, указывая в то же время на преимущества географического положения края, на богатство его почвы, на способности народонаселения, султан обещал в немногие годы силой своего хатти шерифа достигнуть вожделенного благосостояния, а для этой цели предписывал он правительству составить новые законы и издать новые постановления, основанные на новых началах, указанных в хатти шерифе, и на коренных началах духовного закона, которым оправдывались даруемые султаном льготы. Эти льготы, эти права даровались волей султана всем подданным без различия исповедания, то есть провозглашалась уже не веротерпимость, но решительное равенство между христианами и мусульманами. «В залог сих обетов наших, – присовокуплял султан в своем манифесте, – мы присягнем именем Аллаха пред санджак шерифом, священным знаменем пророка в точном их соблюдении и примем в том присягу улемов и высоких сановников наших».

Затем была прочитана публичная молитва; все присутствовавшие произнесли «аминь»; были принесены многочисленные жертвы, и сам султан с хатти шерифом в руках вошел в тот покой, где хранится санджак шериф, присягнул, возложивши руку на эту заветную святыню ислама, и присягнули за ним все вельможи, все министры и все представители высшей духовной иерархии ислама.

Трудно было придумать формы более торжественные и более обязательные для освящения нового порядка вещей. Если бы судьба народов и царств зависела от фразеологии и от торжественности обрядов, Гюльханейский акт открыл бы новую эру благосостояния для Турции, как это было обещано султаном. Акт этот положил начало преобладающей теперь в турецком правительстве системе торжественных обязательств. С той поры виновники народных бедствий набрасывают покрывало человеколюбивых и либеральных теорий и цветы красноречия на чудовищную вещественность фактов.

Редактор манифеста Решид-паша недаром пробыл столько лет зрителем конституционного права в Париже и в Лондоне. Он хорошо постиг, какое приложение может иметь оно в Турции. Единственным практическим последствием этой конституционной пародии было усиление министерской власти в ущерб власти монаршей, которая обращалась в орудие того из министров, чьи способности, чье пронырство могли завладеть пружиной управления и влияниями, обступающими султана. Султан клятвенно отказался от права произвольных казней и опал, от права конфискации имущества. Кто же, как не министры и вельможи, был подвержен султанской опале? Право конфискации служило в Турции к обузданию непомерного корыстолюбия пашей и вельмож. По истреблении наследственных дербеев султаном Махмудом нет в Турции другой аристократии, кроме служебной, между турками решительно нет других богатств, кроме тех, какие всяк по мере средств наживает в службе {Базили упускает из виду турецких купцов и помещиков, владения которых не были связаны с выполнением военной или государственной службы (военно-ленная система была отменена еще при Махмуде II).

Отмена конфискаций (иными словами, обеспечение права собственности) отвечала интересам в первую очередь купцов и помещиков, связанных с торговлей, поэтому в тех условиях это постановление Гюльханейского хатти шерифа было прогрессивным. – Прим. ред.}.

По старому государственному праву, состояние, нажитое в казенной службе, могло быть по произволу султана описано в казну, и даже султан почитался законным наследником лиц служебных. При таком порядке вещей служебные лица старались не навлекать на себя подозрения в чрезмерном обогащении. Гюльханейская присяга султана освободила временщиков власти от постоянно висевшей над их головой угрозы. Теперь могут они спокойно наслаждаться добром, нажитым всякими беззакониями. Правда, власть министров подчинялась теперь законным ограничениям, но на министров было возложено составление новых законов, которыми надлежало осуществить прекрасные теории султанского манифеста, а кроме указанного нами ограничения султанской власти остальное пребыло и пребудет теорией. Изменились формы, полицейская власть лишилась права смертной казни, которое было предоставлено прежде ее произволу, пытка воспрещена. Но в существе правосудие не улучшилось нисколько. Оно лишилось быстроты своих действий, которая составляла в прежнем порядке вещей единственное практическое его преимущество в Турции. Самоуправство власти стало проявляться не в прежнем грубом виде, с кинжалом и с виселицей, но в коварных преследованиях, которые с той поры заменили для народа судебную пытку прежней эпохи.

Убеждение человека в своей силе как-то облагораживает его; бессилие власти, взросшей в навыке самоуправления, развращает общество, непроникнутое святостью закона. Когда для спасения государства предстоит необходимость коренного переворота в мыслях, в чувствах, в нравах и законах, единственное к тому средство – власть деспотическая, каково бы ни было ее проявление, монархическое ли или республиканское; а министры Абдул Меджида, помышляя только о своих личных выгодах, о безопасности своих особ и нажитых богатств, воспользовались в эту пору слабостью своего государя, чтобы публичным актом ограничить единственную в империи власть, которая могла стремиться к добру. Гюльханейский манифест походил на покрывало, сшитое из лохмотьев, сквозь которое проглядывало сознательное расслабление власти в лице верховного ее представителя. В то же время централизационное направление манифеста ограничивало круг действия всех областных администраций в пользу министерства, осужденного в свою очередь борьбе потаенных влияний внутренних и внешних и обыкновенным переворотам.

Первые попытки к осуществлению предписанных положительных реформ вполне выказали бессилие правительства. Чудовищная система ильтизамов, или откупного содержания сборов и податей, о которой мы имели уже случай говорить, была торжественно уничтожена хатти шерифом. Откупщики таможен, десятины с полей и других казенных сборов грабили народ, но исправно вносили условленные суммы в казну. Чиновники, которые их заменили, не менее их стали грабить народ, но в то же время грабили казну, не чувствуя прежнего страха безотчетных опал и конфискаций и зная, что для наказания их были необходимы судебные улики. Казна лишилась вернейших своих доходов именно в такую пору, когда государственный расход значительно усилился внесением в бюджет огромных жалований, которыми по смыслу хатти шерифа были

наделены министры, губернаторы и вся администрация. После такой неудачной попытки правительство по необходимости обратилось к прежней системе ильтизамов, которая именно с этой поры распространилась и усилилась вопреки хатти шерифу.

Содержанием от казны заменялись по смыслу хатти шерифа доходы, присвоенные разным должностям, а жалованья, особенно высшим сановникам, назначены такие огромные, каких не производит ни одно из европейских государств. Министры, например, и первоклассные паши, управляющие областью в 300 тыс. или 400 тыс. народонаселения, стали получать по 120 тыс. руб. серебром в год взамен доходов, которыми пользовались они прежде. Главнейшие из этих доходов всегда были продажа должностей по управлению, взятки (рюшфет) и пени, налагаемые от времени до времени по усмотрению местных властей на города и на округа. Эти доходные статьи уничтожались хатти шерифом, но из них только пени были действительно уничтожены. Продажа должностей и взятки существуют во всей своей силе по всему пространству империи, особенно в столице, но в новом, более утонченном виде. Взятка и подарок (рюшфет и пешкеш), эти вековые преимущества власти, вкоренились в административные нравы края от сельского старосты до верховного везира, вкоренились в самое понятие народа о власти. Одной разве беспощадной строгостью можно было приступить к их уничтожению, а новые человеколюбивые формы, предписанные хатти шерифом, воспрещали строгость.

Давно замечено, что в турецком народе найдете людей с честными правилами во всех сословиях, кроме сословия людей, состоящих в государственной службе. Аксиома эта подтверждается и тем, что как только почетный гражданин, например, или купец, или ремесленник, известный хорошей нравственностью, делается правителем округа или просто членом городского совета (меджлис), он может по-прежнему быть благонадежным лицом в частных своих делах и оборотах, но по делам вверенной ему должности он без зазрения совести грабит и народ, и казну. При таком направлении целого общества откуда могли бы министры, если бы даже помышляли они об уничтожении обычая, прибыльного для всех служебных лиц, избрать орудия для осуществления теорий, изложенных в хатти шерифе? Правительственные должности остались по-прежнему исключительным достоянием турок.

Что касается дарованного христианам равенства с мусульманами пред законом, право это, несовместное с существованием мусульманского правительства среди преобладающего христианского элемента, послужило только программой новой системы преследований и гонений. Оно раздражило и правительственные, и судебные места противу христиан по всему пространству империи. Хатти шериф повелевал, чтобы новые узаконения проистекали из духовного закона, на котором основано мухаммеданское гражданское общество. Закон этот осуждает христиан рабству. При таком противоречии практическое приложение отвлеченной идеи о равенстве было несбыточно. Как согласить идею равенства с воспрещением свидетельства христианина пред судом? А воспрещение это сохранит всю свою силу в Турции. Правда, оно постановлено не Кораном и не первыми четырьмя халифами, которых законы имеют обязательную силу наравне с Кораном. Закон, воспрещающий свидетельство христиан, издан гораздо позже, при дамасском халифе Омаре II, следовательно, Абдул Меджид, яко халиф, мог бы в свою очередь отменить столь чудовищный закон, не впадая в ересь. Если же боялся он

раздражать сословие законоучителей, включившее чудовищный закон Омара II в свое каноническое право, султан мог бы приказать, по примеру Мухаммеда Али и Ибрахима, чтобы гражданские и уголовные дела между христианами и мухаммеданами подлежали ведению муниципальных советов, без всякого вмешательства в эти советы муфтиев и кадиев, обязанных основывать свои юридические мнения на каноническом праве. Ибрахим-паша с успехом употребил средство это в Сирии, где даже преобладает мухаммеданский элемент. В европейской Турции такое постановление не встретило бы никакого сопротивления.

Но министры Абдул Меджида ограничились фразеологией и отвлеченностями. Правительство, составленное из привилегированного турецкого племени, могло ли помышлять об улучшении участи несравненного большинства подданных султана, когда было очевидно, что равенство повело бы к перевесу христианского элемента и к свержению правительственной олигархии, для упрочения которой был придуман манифест? Султан с умом и с твердой волей, каков был Махмуд, мог смело основать грядущее величие своей империи и своей династии на торжестве христианского элемента и мог к тому стремиться. Сын его по внушению своих министров упомянул в своем манифесте о христианах, чтобы довершить очарование конституционной пародии пред кабинетами и пред общественным мнением Европы. Автор хатти шерифа Решид вполне успел в этом, и с той поры обеспечил он себе самое деятельное сочувствие английского кабинета.

Комиссары разосланы были по всей империи для провозглашения новых теорий, которые известны теперь в Турции под именем танзимат хайрие. Кямиль-паша был назначен комиссаром в Египет. Порта приступала к исполнению гражданской меры или, вернее сказать, придуманного обряда мимо всякой заботы о враждебных своих отношениях к египетскому паше. Она обращалась к нему точно так, как бы он был в должном повиновении; не было речи ни о Незибском сражении, ни о флоте. Паша со своей стороны принимал вид верного, почтительного слуги и в ответ на везиральное письмо воссылал мольбы к Аллаху о многолетии султана и уверял, что в управляемых им областях уже давно соблюдались правила, предписанные в новом манифесте.

По мере того как Порта уклонялась от непосредственных с ним переговоров, он внимательнее подслушивал разногласие мнений между кабинетами, которых представители подписали в Константинополе, по внушению князя Меттерниха, достопамятную пятисрочную ноту 15 (27) июля о единомыслии их относительно восточного дела при настоянии, чтобы Порта ничего не решала без их содействия. Разногласие кабинетов становилось со дня на день явственнее, и на нем-то основывал Мухаммед Али свои надежды.

Дело путалось. Нотой 15 (27) июля Нестор европейских дипломатов домогался отстранить посредничество России, основанное на Ункяр-Искелесском трактате, и в то же время принудить Францию, несмотря на ее сочувствие к Мухаммеду Али, действовать заодно с другими державами. России он нехотя оказал существенную услугу. Мы имели уже случай говорить о значении Ункяр-Искелесского трактата относительно государственного интереса России {См. главу 6.}. При том направлении, какое принимали

дела Турции по смерти Махмуда и при очевидной опасности европейской войны, могла ли желать Россия одиночного вмешательства своего в решение восточного дела в угоду Турции по смыслу трактата, которого восьмилетний срок почти исходил в эту пору? Но с другой стороны, положение Франции становилось крайне затруднительным по принятому коллективной нотой обязательству согласия с другими державами, тогда как общественное мнение со дня на день сильнее выражалось против охранительного направления других кабинетов.

Оставалось еще одно средство: предварительное решение дела между Портой и Египтом без посредничества держав, которые удерживали за собой право признания и подтверждения условий. Для достижения этой цели кабинеты посоветовали Порте вступить опять в переговоры с пашой. Порта предложила Мухаммеду Али потомственное обладание Египтом и Палестиной до Акки, не включая этой крепости в его границы, или потомственное обладание Египтом и пожизненное управление всей Южной Сирией вместе с Аккой. На это предложение он отвечал упорным требованием всей Сирии до Халеба в потомственное владение, а уступал Порте Аравию, которая столько лет разоряла его казну и губила его войско.

В подкрепление этих притязаний он стал готовиться к войне, уверяя, что может отстоять Сирию противу всех. Он отозвал войска свои из Аравийского полуострова, усилил сирийскую армию, вооружил работников арсенала и фабрик, выписал из Англии огромную артиллерию для Акки, завербовал несколько тысяч албанцев в самих областях султана и образовал народное ополчение из горожан египетских для внутренней защиты края. Во всех этих действиях он старался себя выказать пред подвластными народами, а особенно пред войском за поборника ислама противу измены министров и противу злого умысла европейских кабинетов на независимость Османского царства. Порой сбрасывал всякую личину покорности, возвращал изменнику Февзи-паше, разжалованному султанским фирманом, командование флотом, одевал турецкие экипажи в египетский мундир. Порою принимал опять вид покорного и верного слуги султана и приказом по флоту и армии предписывал не иначе говорить о нем, как с подобающим благоговением.

Проходило время, переговоры принимали тон колкий; Порта прицеплялась к июльской ноте и горько жаловалась на медленность обещанного содействия.

Глава 13

Открытие конференций в Лондоне. – Умысел эмира ливанского и чувства сирийских племен. – Бунт горцев. – Потомок Готфрида Бульонского и пародия крестовых походов. – Посланец Мухаммеда Али в столице и поход ливанский. – Появление английского флота в Бейруте. – Последнее торжество Мухаммеда Али и эмира ливанского. – Трактат 3 (15) июля. – Вторичное появление английского флота. – Неудачи commodора Непира. – План защиты сирийского берега. – Прибытие адмирала Стопфорда и союзной экспедиции.

Весной 1840 г. открылись конференции в Лондоне между уполномоченными России, Австрии, Англии, Франции и Пруссии. Были приглашены представители Порты. Они

возобновили жалобы своего правительства на медленность решения дела, излагая, сколь тягостно положение это и для правительства, и для народонаселений, утомленных неизвестностью о своей судьбе и бременем всегдашней готовности к войне.

Без сомнения, было нетрудно предписать Востоку приговор великих держав; но было трудно постановить приговор единогласный в деле международном, которое решается не большинством голосов. Франция упорствовала в своем пристрастии к паше.

Развязка гордиева узла была ускорена бунтом ливанских горцев в мае 1840 г. Мы видели уже загадочные отношения эмира Бешира к Мухаммеду Али, его опасения относительно феодальных прав своих и своего дома в случае окончательного укрепления Сирии за египетским пашой, его старание выставить себя защитником горцев от угнетений и внушать народу недоверие к египетской власти.

Мухаммед Али хорошо постигал расположения эмира; он продолжал по-прежнему оказывать к нему благоволение, но в то же время ласкал молодого шейха Наамана Джумבלата, который с султанским фирманом в руках домогался возвращения отцовского имени, конфискованного эмиром по умерщвлению его отца, знаменитого шейха Бешира Джумבלата {В главе 5 были подробно изложены обстоятельства смерти шейха Бешира.}.

Нааман предлагал паше набавить подать с Ливана, если ему будет позволено, по примеру отца, созвать шейхов и приступить к избранию другого эмира между членами семейства Шихабов, как это искони водилось на Ливане.

Старый эмир знал об этом, но он чувствовал себя слишком виновным пред Портой за принятое им участие в бунте безумного Абдаллаха и за постоянный союз с египетским пашой, чтобы желать восстановления султанской власти в Сирии. С другой стороны, правила, которыми руководствовалось в этом краю египетское правительство, и его стремление к ниспровержению всех феодальных властей слишком грозили предусмотрительному эмиру. В бесспорном обладании египтян он не без причины видел неминуемый приговор своего падения. Смерть Махмуда, сражение под Незибом, измена капудан-паши – это тройное торжество египетского паши показалось старому эмиру непреложным решением того долгого спора, под тенью которого росла в мире его власть на Ливане и обогащалась его казна. Он призадумался, стал пасмурным и желал новых внутренних тревог в Сирии, чтобы египтяне не могли обойтись без его содействия и уважили бы его древние права.

Обстоятельства, по-видимому, благоприятствовали ему в этой азартной игре, которой ставкой была будущность владетельного дома Шихабов. В январе Сирия была встревожена известием о военных приготовлениях Мухаммеда Али, который в этот период восточной драмы суетливо играл роль Дон Кихота в виду Европы. Когда в Бейруте узнали о составлении народного ополчения в Египте, город был объят точно таким страхом, будто неприятель был под стенами. Все прятались от угрозы нового рекрутского набора и в первый раз заговорили о проекте паши забрать рекрутов из христиан. Слух этот взволновал горцев. Соскучившись продолжительным благоденствием и миром, которым принужденно наслаждались уже несколько лет, они без всякой основательной причины

стали вопиать против египтян {Базили вступает в противоречие с сообщаемыми им самим фактами, ярко рисуящими систему угнетения Сирии египетскими властями, явившуюся причиной восстания. 11 июня 1840 г. он писал в секретном донесении А.П. Бутеневу: «Суверенностью можно сказать, что поводом к бунту были тяжкие налоги, повинности разного рода, введенные египетским правлением, а более всего опасение горцев подвергнуться рекрутскому набору» (АВПР. Ф. «Посольство в Константинополе». Д. 701. Л. 36). – Прим. ред.}.

В шести часах от Бейрута выкапывалась руда каменного угля на счет правительства. Уголь этот обходился дороже и был хуже того, который выписывался из Англии. Но Мухаммед Али сносил ущерб своей казны, лишь бы деньги оставались в краю и развивалась бы эта новая отрасль промышленности. Повинность выкапывания угля лежала на ближних округах; с других округов правительство требовало каменщиков для крепостных работ в Акке. За все это платила казна, но горцы со злобы стали сталкивать в пропасти своих мулов, чтобы не идти на перевоз угля. Эмир из своего Бейтэддинского дворца наблюдал за этими предзнаменованиями наступавшей грозы и коварными речами воспламенял народные страсти.

Во всю зиму вспышки бунта оказывались попеременно то между ансариями поблизости Антиохии, то в северных покатосях Ливана в округе Аккар, то в племенах мутуалиев в Баальбеке и по верховьям Касимии, между Сайдой и Суром, то в Хауране между остатками друзов, побежденных в Ледже, то в Хевроне, в горах Иудейских. Ибрахим оставался с главной квартирой в Марате, чтобы угрожать походом в Малую Азию в подкрепление притязаний отца. В Сирию наряжал он от времени до времени войско в подмогу гражданским властям для взыскания податей. Из Египта также ходили в Сирию полки для усиления Ибрахимовой армии. Огромные количества запасов и военных снарядов свозились морем в Акку и в Латакию.

Этой деятельностью, которая сильно действовала на воображение сирийских племен, едва успевал паша содержать их в подчиненности. Стоило эмиру поднять знамя бунта с ливанскими племенами, и вся Сирия последовала бы его примеру, и египетское владычество рушилось бы еще быстрее, чем оно основалось в этом краю. Но по замеченным уже нами причинам недоверия эмира к туркам он не желал такого переворота. Он помышлял только о продлении по возможности тех сомнений, которым он был обязан неприкосновенностью своей власти, и, почем знать, он мог по примеру Мухаммеда Али ласкать себя надеждой других грядущих переворотов, посреди коих Ливанское княжество с преобладающим в нем христианским элементом достигло бы политической самобытности.

В апреле 1840 г., в пору весенней жары, которая в этом климате приводит кровь в беспокойное волнение и воспаляет южного человека, признаки неудовольствия горцев становились дерзновеннее {Для недовольства имелись более основательные причины, чем «весенняя жара». Незадолго перед этим были взяты в армию ливанские христиане – ученики египетской медицинской школы. Эти послужило основой для распространения слухов о предстоящем наборе в армию христиан. Волнения усилились в связи с прибытием в Бейрут корабля с военным обмундированием, которое, как предполагали,

предназначалось для будущих ливанских рекрутов. В ответ на эти волнения Ибрахим-паша отдал приказ об изъятии оружия у ливанцев. – Прим. ред.}. За два года пред тем по повелению Мухаммеда Али было выдано эмиру ливанскому 15 тыс. ружей для ополчения горцев, призванных в подмогу египетской армии противу хауранских друзов. Паша требовал теперь обратно эти ружья для своего египетского ополчения. Может быть, это служило только предлогом к отобранию оружия от племен, на сочувствие которых он уже не мог полагаться. Когда повеление о том Ибрахима было предъявлено эмиру Беширу, эмир стал громогласно роптать, говоря, что он не смеет приступать к подобной мере, что горцы не стерпят этой обиды и прочее. Замечательно, что из помянутого числа ружей только половина была роздана, а другая – хранилась во дворце эмира. Его ответ Ибрахимом был сух, резок, исполнен жалоб от имени народа и опасений о восстании горцев. Письмо это, которое по своему содержанию должно было храниться в тайне, сделалось гласным по всему Ливану. Открылась чума в Дамаске. Губернатор Бейрута Махмуд-бей оцепил город. Карантинное оцепление служило в то же время угрозой горцам, которые в ту пору запасались в Бейруте хлебом.

19 мая вспыхнул бунт {1 июня возник уже третий очаг восстания. За месяц до этих событий население Дейр эль-Камара оказало вооруженное сопротивление сборщикам оружия и обратило в бегство солдат египетских гарнизонов, расположенных на границе с Ливаном в районе Сайды, а в начале мая вооруженные столкновения с египетскими отрядами имели место в Метене. – Прим. ред.} разбитием карантинного кордона и разграблением почт. В подобных случаях турецкие власти имеют обыкновение входить в переговоры с мятежниками и умирять их лаской, лживыми обещаниями, посеянием раздора. Египетские власти привыкли, напротив того, действовать в Сирии с твердостью, свойственной военному управлению. В Бейруте было не более полубатальона войска. Немедленно стали туда собираться разные отряды, и был запрещен вывоз хлеба в горы. Военное судно, стоявшее на рейде, привело в исполнение ту же меру по ближним поморским пунктам. Это послужило к усилению и распространению бунта. Чрез несколько дней поспел из Сайды начальник штаба Сулейман-паша, поспели и грозные повеления Ибрахима к эмиру Беширу. Но эмир пребывал в созерцательном бездействии, а секретные агенты, даже сыновья его раздували пламя под предлогом ходатайства за горцев. Пронесся слух, будто правительство требовало оружия для того только, чтобы приступить затем к рекрутскому набору.

Ибрахим клялся своей головой и головой своего отца, что они не имели намерения требовать рекрутов, но уже мятеж кипел по всему пространству христианских округов Ливана. Друзы, которые имели более основательные причины неудовольствия, ибо с них дважды были взяты рекруты, оставались, однако ж, спокойными {Базили ошибается, в восстании 1840 г. участвовали не только христиане, но и друзы, и мусульмане-сунниты, и мутуалии, о чем свидетельствуют подписи представителей всех этих исповеданий под договором о единстве в борьбе за свободу, заключенным в деревне Анталиус 8 июня 1840 г. – Прим. ред.}. Несколько тысяч горцев, половина с оружием, половина с лопатами и дубинами, приступили к Бейруту и пытались овладеть городом. Замки шумно отстреливались, не причиняя, впрочем, никакого вреда горцам, которые укрывались среди неровностей почвы. Заняв все окрестности, они умерщвляли солдат, встречаемых в поле, грабили все казенное имущество, но не касались частных лиц и оказывали особенное

уважение к требованиям консульств, в надежде на сочувствие великих держав, о нерасположении которых к Мухаммеду Али они ведали по слухам. В это время в прокламациях своих они клялись в верности султану, излагали свои жалобы на египтян и библейскими выражениями изображали Мухаммеда Али и Ибрахима достойными преемниками фараонов, угнетавших народ божий.

В Европе приписали этот ливанский бунт агентам Порты и влиянию англичан, которые были расположены действовать всеми средствами для изгнания египтян из Сирии. Это неосновательно. Заметим даже, что изо всех здешних европейцев одни французы, которых правительство так усердно стояло за Мухаммеда Али, оказывали деятельное сочувствие к мятежникам, доставляли им порох, направляли их действия и заседали в их совещаниях. Врожденное расположение ко всякому бунту превозмогало в этом случае обнаруженное Францией народное сочувствие к Мухаммеду Али. Самое консульство французское в противность направлению своего министерства раздувало мятеж в том предположении, что паша, не будучи в состоянии усмирить горцев военной силой, принужден будет прибегнуть к посредничеству Франции, и тем Франция приобретет новые права и сугубое влияние на племена ливанские, в которых преобладает католический элемент, эта основная пружина французской политики на Востоке. По поводу обиды, нанесенной одному французу египетским солдатом, консул прервал сношения с местными властями и спустил свой флаг. Горцы почли это объявлением войны.

Путешествовал в Сирии молодой француз граф Онфруа. Соскучившись бездействием в отечестве, где по политическим его мнениям всякое поприще было для него закрыто, одаренный более пылким воображением, чем здравым смыслом, он жаждал приключений. Мятеж горцев, дело самое обыкновенное в Турции, показался ему восстанием христиан. Притом же это было в Сирии, в колыбели нашей веры, в соседстве Иерусалима, на передовой сцене театра крестовых подвигов молодой Европы; а граф вел свой род от крестоносцев – сподвижников и родственников Готфрида Бульонского – и при случае мог похвалиться правом на наследие Иерусалимское. Не зная ни слова по-арабски, еще менее постигая смысл восточных дел и современной политики, не вникнув в дух сирийских племен, граф Онфруа предстал к мятежникам вдохновенным проповедником христианского подвига, вождем передового ополчения, по следам которого потекла бы Европа на новый ряд романтических подвигов, ознаменовавших XI и XII вв. Этот пламенный потомок крестоносцев имел при себе несколько тысяч франков на расходы предпринятого им путешествия ко святым местам. С верой в свое мечтательное предназначение он предложил горцам образовать милицию и вызвался быть их предводителем. Предложение было тем охотнее принято, что он платил по два пиастра в день (10 коп. серебром) из своей казны (чтобы не говорить прозаически из своего кармана), и так как из туземного дворянства ни один порядочный человек не соглашался открыто сделаться предводителем мятежа, то заморскому гостю посчастливилось набрать тысячи две или три человек под свои знамена.

На знаменах было изображение иерусалимских крестов. Пылкий вождь, имея в виду свою утопию крестовых походов, однажды среди красноречивой речи, в арабском переводе которой слушатели ничего не понимали, разорвал в куски свой плащ и убедил горцев нашить из лохмотьев *censored*ные кресты к своим платьям. Эта пародия

вдохновенных деяний Петра Пустынника и Св. Бернарда, деяний, принадлежащих другому веку и другой стране, была запечатлена клятвой умереть с оружием в руках или изгнать египтян из Сирии. Граф Онфруа принял сам титул главнокомандующего и назначил при себе начальником штаба, дежурными штаб-офицерами и адъютантами еще кое-кого из заветных европейцев {Базили переоценил влияние французских агентов на повстанцев. Весь инцидент с графом Онфруа имеет скорее анекдотический характер. У повстанцев были свои руководители, среди них – сын каменщика, управляющий именьями одного сирийского феодала Абу Самра Ганим, крестьянин Ахмед Захир, феодал шейх Франсис Хазен. – Прим. ред.}<

> Иезуитские миссионеры, еще недавно поселившиеся на Ливане и расположенные мутить в свою очередь всякие воды, проповедовали и распространяли бунт в надежде основать независимое католическое княжество на Ливане. По их внушению появлялись патетические прокламации, в которых горцы ставили себе в пример французов, сравнивали себя с Маккавеями, толковали о свободе, проповедовали народное собрание и указывали на греков, свергнувших при содействии божьем турецкое правительство. Сравнение этих порывов с первоначальными воззваниями горцев во имя законного их государя послужит мерилем направления всякого бунта.

Действия мятежников ограничивались шумными сборищами в окрестностях Бейрута {Во время восстания Базили не был так иронически настроен. Вот о чем он доносил А.П. Бутеневу 3 июля 1840 г. из Бейрута: «Много столкновений имело уже место между восставшими горцами и египетскими войсками. Эти последние были провоцируемы и оскорбляемы повсюду и постоянно побиваемы и отбрасываемы. Окрестности нашего города еще служат театром враждебных действий, и целые батальоны низамов были не один раз постыдно отбиты на наших глазах пятью десятками горцев» (АВПР. Ф. «Посольство в Константинополе». Д. 701. Л. 38). Беспokoйство египетского правительства, вызванное восстанием, и принятые им меры к подавлению его свидетельствуют о серьезном характере восстания. – Прим. ред.} и безвредной перестрелкой с гарнизоном. Они атаковали карантин, где хранилось много ружей египетских. 50 албанцев сделали оттуда вылазку. Албанцы без труда очистили все поле от горцев, которые грозили истребить египетскую армию. Это достаточно обозначало силу бунта. Но по его отголоску уже возмущались другие племена. Храбрый эмир Ханджар, из древнего рода Харфуш, поднял на ноги мутуалиев баальбекских, а шейх Худр с горцами округа Даннийя стал бушевать в окрестностях Тараблуса. В горах Хауранских собиралась гроза между друзьями. С разных местностей Иудеи и Самарии стекались недовольные в Керак за Иорданом, где было постоянное гнездо мятежа. Все народонаселения Сирии устремляли взоры на Ливан, чтобы в урочную минуту приняться за оружие. С другой стороны, около 20 тыс. бедуинов месопотамских, которые пред Незибским сражением были набраны мосульским пашой для вторжения в Сирию, готовились переправиться через Евфрат, а в Малатье стоял 15-тысячный турецкий корпус, бывший резерв Хафиза. Но в Сирии не было между мятежниками ни общего направления, ни единомыслия. Самозванный ливанский генералиссимус Онфруа в две недели истощил свою казну, а когда не стало денег, не стало и войска под его фантастическими знаменами.

Мухаммед Али между тем принимал деятельные меры к утишению мятежа и в то же время возобновлял попытки к вступлению в переговоры с Портой мимо великих держав. Ненавистный ему Хозреф был уже отрешен от должности верховного везира и впал в немилость. В новом министерстве преобладало влияние Решид-паши, министра иностранных дел. Почитая эту перемену благоприятной для своих видов, равно угрожаемый бунтом Сирии и враждебными расположениями английского двора, паша отправил в Константинополь с дарами к султану по случаю рождения султанши-дочери своего адъютанта Сами-бея, человека умного, ловкого, вкрадчивого, и поручил ему сделать предложение о сдаче флота и о разрешении, чтобы он был отведен в столицу молодым сыном Мухаммеда Али Саид-беем, капитаном египетского флота. По поводу этого верноподданнического предложения Сами-бей был уполномочен войти в секретные переговоры о миролюбивой сделке на основании возвращения Порте Аданы и набавки подати за Сирию, лишь бы европейские державы не вступались в это домашнее дело мусульман. Порта, со своей стороны, была слишком опытна в приемах своего вассала. Она ласково приняла посланца, но с хладнокровием заметила, что возвращение флота было делом второстепенным, пока не решался вопрос о Сирии. Она уклонилась от всяких переговоров под предлогом, что ей надлежало действовать по согласию со своими союзниками.

В июле Сами-бей возвратился безуспешно к Мухаммеду Али. Ливанский бунт мог положить конец разногласиям держав, и тем рушились бы и последние надежды. Паша обещал горцам не отбирать у них оружия, если они добровольно покорятся. В то же время направлялись отовсюду военные силы, чтобы обступить горы. Город Захла у восточной подошвы Ливана был занят одной бригадой регулярного войска; 3 тыс. албанцев морем прибыли в Бейрут из Аданского пашалыка, а затем поспели из Александрии 2 линейных корабля, 12 фрегатов и 8 других судов. Эскадра эта состояла пополам из судов турецких и египетских, и на ней была полубригада десантного войска с флота султанского. Этим Мухаммед Али хотел выказать горцам, возмущенным во имя султана, будто он с ним в союзе.

Рождение султанши торжественно праздновалось в Бейруте сряду дней семь посреди приготовлений к походу. Впрочем, чувства турецких экипажей достаточно обнаружались в продолжение плавания из Александрии в Бейрут: открылись заговоры, которых целью было поплыть к берегам султанских владений. По прибытии в Бейрут без шума ночью были утоплены несколько турецких офицеров.

И для военных действий, и для переговоров с мятежниками полномочия были вверены Сулейман-паше. Под начальством его состоял молодой Аббас-паша, внук Мухаммеда Али. Ибрахиму, которого имя наводило трепет на горцев, было поведено вовсе не принимать участия в этом деле. Мухаммед Али, зная упорный и беспощадный характер своего сына, не решался возобновить на Ливане борьбу хауранскую. Неудача и кровопролития в этом прибрежном пункте могли придать переговорам великих держав о Сирии весьма неблагоприятный оборот. При известии о бунте ливанском поспел в Бейрут английский фрегат. Но уже в три недели войска, собиравшиеся кругом возмущившихся гор, простирались до 30 тыс. Присутствие английского флота и пароходные сообщения англичан между Константинополем, Бейрутом и Мальтой внушали Сулейман-паше

великие опасения о флоте, стоявшем в Бейруте в ожидании экспедиции в горы. Он поспешил отправить назад эскадру по высадке десанта. В самом деле, едва отплыла она в Александрию, в Бейруте появилась английская дивизия под начальством коммодора Непира {Непир Чарльз (1786– 1860) – английский адмирал. В 1833 г. командовал флотом в гражданской войне в Португалии на стороне конституционалистов. В 1840 г. участвовал в военных действиях в Сирии. – Прим. ред.}, прославившегося своим удалством на Тахо в войне Дон Педру с Дон Мигелем. Если бы коммодор поспел несколькими днями ранее, он мог бы, несмотря на неравенство сил, захватить египетские корабли и дать ливанскому делу иной оборот. Это было в первых числах июля. Экспедиция готовилась проникнуть в горы, а коммодор пребыл бессильным зрителем военных операций и напрасно пытался внушить бодрость оробевшим мятежникам.

Коммодор Непир.

Эмир Бешир видел развивавшийся уже план Сулейман-паши и не сомневался в скором подавлении мятежа. Он поспешил отправить к нему своих сыновей с предложением услуг. И Сулейман-паша, и внук Мухаммеда Али хорошо постигали коварную политику старого эмира, но, отлагая мщение до обстоятельств более благоприятных, они охотно вошли в сношения с ним, чтобы одним ударом бесспорно смять возмутившиеся племена. Тогда представилось зрелище невероятное; на Ливане народные страсти были в полном разгаре; даже те горцы, которые не участвовали в бунте, готовились защитить свои неприступные вершины от нашествия войск тем упорнее, что войска эти пред выступлением в поход, в

пребывание свое в Бейруте, ознаменовали свой фанатизм всякими бесчинствами противу христиан.

Эмир Бешир успел в трое суток посеять раздоры между начальниками мятежа, внушить народу подозрение в измене предводителей и распространить повсюду искусственный панический страх, так что в день выступления войск все горные проходы были очищены сами собой и мятежники, не сделавши ни одного выстрела, бежали или являлись с повинной. В то же время наездники эмира показывались небольшими отрядами в тех самых округах, где наиболее кипел бунт, и требовали оружия и контрибуции в наказание за бунт. Эти объезды из двух или трех человек обезоруживали сотни горцев, потом немилосердно их наказывали плетью, доколе не сдавалось оружие и не уплачивалась контрибуция. Затем являлись албанцы или султанское десантное войско, которое, питая злобу к Мухаммеду Али, изливало ее на несчастных горцев. Деревни, церкви и монастыри были ограблены и преданы пламени. Замечательно, что египетское войско обходилось с жителями несравненно человеколюбивее, чем турки, – потому ли, что в самом деле дисциплина была строже соблюдаема в этом войске, или потому, что паши умышленно потворствовали бесчинствам турецкого солдата, чтобы разрушить чары, которыми сирийские племена были привязаны к своему законному государю. Мы заметили уже, что самый поход султанского войска противу народонаселения, восставшего во имя султана, служил к опровержению неприязненных слухов об отношениях счастливого паши к преемнику Махмудову.

В несколько дней горы беспрекословно покорились. Английский коммодор с досадой в сердце покинул сирийские берега, воздав дань удивления старому паше, который в несколько недель подвинул столь огромные силы и потушил пожар, грозивший разлиться по всей Сирии. Эмир Бешир, по основным правилам своей политики, умел извлекать новые выгоды себе из всякого политического кризиса. Под предлогом предупреждения новых мятежей и наказания виновников бунта он схватил всех тех, чье влияние не согласовалось с его видами, в том числе несколько эмиров – своих родственников, и отправил их в Египет. Оттуда были они сосланы в Сеннар и там под тропическим солнцем проводили жгучее лето 1840 г., вздыхая о своих свежих горах, о студеных источниках и снежных вершинах Ливана. Происшествия осени и зимы того же года извлекли из заточения этих изгнанников.

Вся Сирия ужаснулась при известии об усмирении ливанского бунта. Никогда египетское владычество не внушало такого страха, как в эту эпоху последнего своего торжества. Зато никогда сердца сирийцев не кипели такой враждой к торжествующему паше, никогда народные страсти не были сильнее взволнованы под покровом принужденного успокоения. Притом же сочувствие, обнаруженное бейрутскими консульствами и английскими кораблями к племенам ливанским, хотя и не воспрепятствовало успехам Мухаммеда Али, однако произвело большой моральный эффект, как признак нерасположения великих держав к бунтовавшему паше. Сирия, обманутая в 1839 г. после Незибского сражения в своих упованиях, стала с этого времени ждать своего освобождения от европейских держав. Пронесся слух, будто русский 50-тысячный корпус спускался чрез Эрзурум для изгнания египтян, при содействии английского флота с моря. Обнаружение подобных чувств во всей массе народонаселения

имело особенное значение, когда предстояло великим державам окончательно приступить к решению задачи восточных дел.

В сих-то обстоятельствах был подписан в Лондоне знаменитый трактат 3(15) июля [1840 г.] между Россией, Австрией, Англией, Пруссией и Османской Портой. Вопреки сопротивлению Франции было решено между другими державами унять силой Мухаммеда Али и положить законные пределы его непомерному честолюбию. Трактат был основан на обязательстве, принятом союзными державами за год пред тем нотой 15 (27) июля [1839 г.]. Если несогласия и недоразумения замедлили исполнение сделанных тогда Порте предложений, зато в силу трактата было положено действовать без всякого отлагательства. Эта быстрота действий была лучшей порукой в успехе самого предприятия и в предупреждении европейской войны, которой угрожало отчуждение Франции от общего дела.

На основании Лондонского трактата делалось Мухаммеду Али предложение от Порты о потомственном обладании Египтом и пожизненном управлении Южной Сирией (Палестиной) по черте от Белого мыса (Рас ан-Накура) на Средиземном море до Тивериадского озера, с тем чтобы предложение это, поддержанное агентами великих держав, было принято пашой в течение десяти дней и были бы в этот десятидневный срок отданы предписания его войску очистить остальную Сирию, Адану, Кандию и Аравию при немедленной сдаче султанского флота.

В случае несогласия паши на это предложение Порты ограничивалась уступкой Египта в потомственное владение и давала паше еще десятидневный срок на принятие этого условия, предоставляя себе в случае вторичного отказа паши действовать по своему усмотрению после предварительного совещания с союзниками. Так как во всяком случае Северная Сирия возвращалась Порте, то еще в продолжение переговоров с пашой и прежде исхода положенных сроков военные действия могли открыться у берегов ливанских и прекращались сообщения морем между Сирией и Египтом. Что же касается до обычной угрозы Мухаммеда Али походом Ибрахима в Малую Азию, то в случае исполнения этой угрозы союзные державы постановили между собой условия о занятии их флотами Босфора и Дарданелл для прикрытия османской столицы, а корпус русских войск был готов из Одессы и Севастополя переплыть Черное море и идти навстречу Ибрахиму.

Известие о Лондонском трактате было доставлено в Сирию английским коммодором Непиром, который 1 августа неожиданно явился пред Бейрутом с четырьмя линейными кораблями и одним фрегатом. Коммодор надеялся своим появлением, обнаружением воли великих держав и призывом к народонаселениям во имя султана возжечь новое пламя бунта на Ливане, бросить в робость египетские войска и привлечь к себе полубригаду десантного войска султана, которая участвовала в ливанском походе, как мы уже видели, а за свои бесчинства в горах была уже отозвана Сулейман-пашой и расположена лагерем близ Бейрута на берегу моря. Английские корабли стали на шпринг по обеим сторонам этого лагеря и объявили, что султанское войско поступило под их покровительство с воспрещением египетским генералам отдавать от этого пункта турецких солдат.

Угрозы, внушения, прокламации – все было употреблено в виду войска и народонаселения в предзнаменование скорого открытия военных действий. Но все было всуе. Нельзя в этом случае не упрекать Непира в слишком опрометчивом и хлопотливом усердии для скорейшего исполнения Лондонского трактата. Во-первых, он хотел действовать на племена, подвластные султану, и на войско султана, не имея при себе ни одного сановника Порты, не предъявляя даже султанского фирмана в оправдание и в узаконение своих речей и действий. Во-вторых, он наудачу призывал к восстанию племена, еще недавно наказанные за свой бунт и обезоруженные, упуская из виду, что 30 тыс. египетского войска занимали горы или были готовы туда вступить, и не имея никаких материальных средств, чтобы с моря оказать горцам малейшее содействие, малейшую защиту. Что касается до султанских войск, слова и поступки commodора послужили только к оправданию роли, которую в это время играл Мухаммед Али относительно экипажей изменнически задержанного им флота, – роли защитника ислама от злого умысла неверных. Хасан-паша, который командовал этим войском, с гордостью отверг заодно со своими офицерами услуги англичан и отказался от всяких сношений с ними.

Ни обещания, ни угрозы commodора не могли быть поддержаны. Через несколько дней турецкое войско пред его глазами покинуло прибрежный лагерь, и, так как египетские генералы не могли положиться на верность этого войска, оно было направлено чрез Ливанские горы в Баальбек. Но всего более повредила успеху commodора простая риторическая ошибка в употреблении эпитетов, свойственных гению арабского языка: в одной из прокламаций, которыми призывал он жителей к восстанию противу египтян, он обещался оказаться милосердным к городу Бейруту. В арабском неудачном переводе милосердие commodора было выражено одним из девяти эпитетов, исключительно присвоенных Аллаху. Притязание это показалось богохульным мусульманскому народонаселению, и при всей ненависти к египтянам оно с сугубым фанатизмом стало чуждаться христиан даже тогда, когда они сулили ему освобождение.

Во весь август безуспешно длились попытки commodора и оскорбительные его вызовы к египетским властям. Внук Мухаммеда Али был уже отозван в Египет при первом известии о происходившем в Бейруте. Сулейман-паша направлял всю свою деятельность к обузданию фанатических порывов мусульманской черни и даже войска египетского, озлобленного на христиан за восстание горцев и ныне оскорбленного в религиозном своем чувстве поведением англичан. К commodору успели еще два линейных корабля. Согласно со смыслом трактата сношения морем между Сирией и Египтом были прерваны, и транспорты, отправленные Мухаммедом Али к сирийской армии, делались призами.

При невозможности военных действий между флотом и армией commodор, досадуя на свое бездействие, пытался подкупить Сулейман-пашу и от имени султана сулил ему миллионы и пожизненно любой пашалык {Официальное предложение в этом духе было сделано английским консулом Муром 5 сентября 1840 г. – Прим. ред.}. Но старый наполеоновский офицер отверг все эти предложения. В предчувствии наступавшей борьбы в нем будто оживала пылкая ненависть к имени англичан с воспоминаниями удалой юности, проведенной во французских походах. Поступки commodора повредили успеху предприятия. Непир владеет, без сомнения, великими военными дарованиями; но

он не вникнул ни в положение края, ни в дух его жителей, ни в характер лиц; он не постиг тех политических соображений и видов человеколюбия, под знаменем которых были приняты решения лондонских конференций и вне которых был бы неминуемо помрачен и самый вождельный успех. Вместо спокойствия, подобающего предпрятию, основанному на решениях четырех великих держав, в его последовательных неудачных попытках выказывалась внутренняя его досада за то, что не ему, не ему одному было предоставлено решить великий вопрос восточного дела, подобно тому как он решал счастливой дерзостью на Тахо судьбы Португалии за несколько лет перед тем.

В ответ на угрозы коммодора Сулейман-паша сообщил консулам союзных держав упорный отказ старого паша от сделанных ему предложений и его решимость отстоять саблей то, что саблей было добыто, и отразить всякое покушение флота на береговые пункты Сирии. Исполняя волю своего повелителя, Сулейман-паша тогда же предчувствовал, что дела примут пагубный оборот.

Предпринятая система защиты была безумна, ибо нет никакой физической возможности даже самой многочисленной армией закрыть берег, везде доступный на протяжении 800 верст действиям неприятельского флота, могущего по своему произволу выбрать время и место для атаки. Притом во всяком азиатском войске всего более надо дорожить первым впечатлением и беречь солдата от испуга первой неудачи. Мнение Сулеймана состояло в том, чтобы очистить весь сирийский берег, за исключением одной Акки, а занять армией внутреннюю линию между Халобом, Хамой, Хомсом, Дамаском, Набулусом, Иерусалимом с передовыми наблюдательными постами в отличных военных позициях Баальбека и Антиохии. Главная ошибка Мухаммеда Али состояла, впрочем, не в стратегических соображениях, а в том, что он слишком полагался на влияние эмира Бешира между племенами ливанскими и верил в заступничество Франции, верил в журналы, в речи Тьера, ждал с часу на час пособия противу союзных держав и открытия европейской войны.

Его сирийская армия простиралась в это время до 75 тыс., она была всем снабжена на один год. Вместо того чтобы, согласно с мнением Сулейман-паша, побережь свое войско, избавиться от тяжелой заботы содержания в повиновении озлобленных горцев, завлечь во внутренность края неприятеля и тем лишить его всех выгод содействия с моря, продлить войну, в которой все материальные преимущества были на его стороне, дать почувствовать побережному народонаселению всю тягость театра военных действий при необходимости доставления припасов и подвод султанскому войску и тем охладить расположение народа к туркам, которые не замедлили бы своим поведением возбудить негодование сирийских племен и заставить их вздыхать о египтянах, – вместо столь очевидных выгод, к которым можно еще присовокупить вероятность скорых несогласий между английскими и турецкими офицерами, Мухаммед Али расположил свои войска по береговым пунктам от Тарсуса до Газы. Правое крыло этой непомерно обширной операционной черты опиралось на Антиохию, где сосредоточивались две бригады, левое крыло – на кавалерию, расположенную в равнинах между Аскалоном и Яффой. Нерегулярная кавалерия (башибузук) стерегла Таврийские округа от вторжения малоазийского войска султана. Три батальона, шесть эскадронов и артиллерийский полк занимали Акку, а центром военных операций был Бейрут, где сосредоточивались 12 тыс.

пехоты, 5 тыс. албанцев и до 4 тыс. ополчения горцев набулусских и друзов ливанского князя. Весь сирийский берег от Тарсуса до Хан-Юнеса, крайней оконечности Сирии в Суэцкой пустыне, был объявлен в осадном положении {26 августа 1840 г. – Прим. ред.}. Гражданские власти поставлены в зависимость военного начальства, и всякое политическое преступление подлежало военному суду. Караваны верблюдов тянулись из Египта через пустыню с военными снарядами и с зимней одеждой для войска.

Мухаммед Али в самом деле решился защищаться до последней крайности и ласкал еще себя надеждой успеха или, по крайней мере, условий, выгодных в случае продлития войны. Но он отказался, по крайней мере, от дерзновенного покушения нового похода в Малую Азию, чем он во все продолжение переговоров любил грозить, будто готовым в его руках факелом для возжжения европейской войны. Ибрахим уже отступил от Марата к центру военных операций, где до его прибытия власть сосредоточилась в руках начальника штаба Сулейман-паши.

В исходе августа Ибрахим устраивал свое войско в Баальбеке, куда был призван на совещание эмир Бешир. В то же время английский адмирал сэр Роберт Стопфорд {Стопфорд Роберт (1768 – 1847) – английский адмирал, прошедший длительную службу во флоте (с 1780г.), в 1837г. был назначен командующим английским флотом в Средиземном море; в 1841г. отозван в Англию. – Прим. ред.} и австрийский контр-адмирал барон Бандьера, которым было поручено появлением своим в Александрии поддержать предложение султана, по истечении положенных сроков сходились в сирийских водах с турецкой экспедицией, поспешно отправленной морем из Константинополя. Адмиралу Стопфорду было вверено главное начальство над всеми морскими и сухопутными силами сирийской экспедиции.

Силы эти состояли в 11 линейных кораблях, 6 фрегатах, 5 бригах и 5 пароходах английских {Линейные корабли: «Princess Charlotte» (под флагом адмирала Стопфорда) имело 104 пушки, «Ganges» – 48, «Powerful» (под брейд-вымпелом коммодора Непира) – 84, «Thunderer» – 84, «Bellerophon» – 80, «Implacable» – 74, «Hastings» – 72, «Edinburgh» – 72, «Belleisle» – 72, «Revenge» – 72; фрегаты: «Dido» – 18, «Carysfort» – 26, «Talbot» – 26, «Tyne» – 26, «Daphne» – 26, «Magicienne» – 24; бриги: «Haz.aré» – 18, «Wasp» – 16, «Zebra» – 16, «Scorpion» – 10, «Weazle» – 10; пароходы: «Gorgon» – 6, «Cyclops» – 6, «Rhadamanthus» – 4, «Hydra» – 4, «Pnoenix» – 4пушки.} с 2 батареями десантной артиллерии; в 2 фрегатах и 3 корветах австрийских, в 1 корабле, 1 фрегате и 2 мелких судах турецких, кое-как вооруженных в константинопольском арсенале после потери флота и вверенных начальству английского капитана Вокера (Walker), который вступил за год пред тем в турецкую службу советником адмиралтейства и был переименован теперь Явербеем с чином контр-адмирала. 5 тыс. десантного турецкого войска сопутствовали флоту на купеческих транспортах.

Силы эти покажутся, без сомнения, слишком несоразмерными с величием предприятия. Предстояло разбить и вытеснить из Сирии 70-тысячную армию и овладеть многими укреплениями. Но на стороне союзников была моральная сила воли четырех великих держав; были сочувствия сирийских племен. Уже неоднократно в предшествующем рассказе нашем имели мы случай изложить те внутренние элементы края, которые искони

постоянно благоприятствуют здесь успеху завоевания и служат в то же время препоной всякому успеху и упрочению власти.

Несмотря на все доводы Франции о недостатке средств к отторжению Сирии от египетской власти, кабинеты великих держав весьма основательно рассчитали нужные для этого материальные средства. Ибрахим-паша, который порой сравнивал себя с Александром Македонским и ставил себя превыше Бонапарта за то, что в две кампании с 20 тыс. войска завоевал Сирию и проник в сердце Малой Азии, дознал опытом непрочность своего подвига, когда с 70-тысячной армией не мог он отстоять свою добычу пред горстью союзных сил и пред разлитием потока народной ненависти.

Глава 14

Взаимные отношения великих держав. – Ошибки французского кабинета. – Возгласы и бессилие. – Вспышка народных страстей во Франции. – Угрозы Германии. – Приготовления к войне в Европе. – Обязательства, принятые союзными державами. – Объявление Мухаммеду Али их решений. – Нота генеральных консулов. – Отказ паши, его самохвальство, его жалобы в Порту и упование на Францию.

Прежде чем приступить к описанию четырехмесячной кампании, которая в исходе 1840 г. решила спорное дело между султаном и пашой египетским, бросим обратный взгляд на состояние Европы относительно этого вопроса и на переговоры, предшествовавшие открытию военных действий в Сирии.

Бельгийское дело сперва, затем четверной союз по поводу долгих волнений Пиренейского полуострова, а всего более, может быть, общая досада на преобладающее в Турции с 1829 г. влияние России значительно сблизили в течение одного десятилетия кабинеты Англии и Франции. Казалось, вековая народная ненависть, истощенная в буйный период наполеоновских войн, уступала, наконец, место чувству миролюбивому между двумя народами. Под министерством вигов в Англии, под влиянием Тьера, который слыл в это время страстным англофилом во Франции, при дружественных отношениях молодой королевы Виктории с опытным старцем, управлявшим Францией с 1830 г., – все благоприятствовало постепенному скреплению союза между двумя западными державами. Взаимные чувства народов и правительств были, можно сказать, запечатлены в залог грядущего мира торжественными похоронами бранных останков Наполеона, освобожденных в 1840 г. от посмертного плена. Все эти благие начинания с шумом рушились трактатом 3 (15) июля [1840 г.] и отстранением Франции от восточного дела по поводу ее разногласия с общими видами великих держав.

Было ли вправе жаловаться на это отстранение правительство, которого сомнения, нерешимости и внутренние опасения целый год длили неизвестность по делу, от которого очевидно зависело сохранение европейского мира? В противность торжественным обязательствам, им [французским правительством] принятым коллективной пятисрочной нотой в кризисе 1839 г., французский кабинет подчинял теперь правосудное решение дела угодности и согласию египетского паши. Кабинет Тьера, убедившись в невозможности

привлечь к своим видам другие державы и укрепить за Мухаммедом Али Сирию в потомственное владение, направлял все свои усилия к тому, чтобы мимо посредничества Европы, в противность ноте 15 (27) июля [1839 г.], примирить Порту с пашой и под влиянием критических обстоятельств, угнетавших Османскую империю в эту эпоху, узаконить притязания счастливого вассала. Не говоря уже о том, что подобное заключение вовсе не подобало достоинству и самолюбию великих держав, какие поруки представляло оно в будущем? После опыта семилетней постоянной тревоги, разрешившейся кризисом 1839 г., было ли благоразумно предоставить вопрос о войне и мире Европы ненасытному честолюбию египетского пашы и его сына, капризу 17-летнего султана и проискам гаремов и вельмож или первой вспышке народных страстей в Сирии и в Анатолии?..

Обязавшись обеспечить целость и неприкосновенность Османской империи, французское министерство произвольно поясняло теперь, что целость и неприкосновенность империи не только останутся ненарушаемыми, но даже будут упрочены отторжением навсегда обширной ее области в удовлетворение прихотей Мухаммеда Али. Основываясь на подобной гипотезе, оно называло Мухаммеда Али вернейшей опорой власти султанов, «стражей престола от всяких внутренних и внешних напастей». Ужели отказ египетского пашы от всякого участия в отчаянной борьбе султана против России, а затем кампания 1832 г. и возгласы его к Европе о независимости, и постоянные его угрозы новым походом в Малую Азию, и укрепления Колек-Богазы, и изменническое задержание флота в Александрии, и вероломные окружные письма к пашам, и янычарское притязание о свержении верховного везира, – ужели все эти враждебные посягательства вассала оправдывали произвольную гипотезу, на которой основывалось ходатайство французского двора в его пользу?

С другой стороны, Франция указывала на Дунайские княжества, одаренные особенными политическими правами, и даже на отторженное от Турции Греческое королевство. Но при этом упускалось из виду именно то самое, на чем были основаны и чем были оправданы великодушные заботы России о судьбе единоверных и единоплеменных народов, равно как и согласие Европы на независимость Греции, а именно – развитие внутреннего самобытного элемента народного, элемента христианского, сопряженного с политической жизнью племен и уже несовместного с фанатическим владычеством поблекшего полумесяца. Что же касается арабского народного элемента и политического его олицетворения в семье румелийского турка, мы уже имели случай заметить, что публицисты и путешественники, которых теории руководили народным мнением во Франции, верили в призрак.

При таком расположении умов после суетных сопротивлений Тюильрийского кабинета видам великих держав трактат 3 (15) июля показался оскорбительным народному самолюбию французов, взволновал страсти и привел в недоумение правительство, осужденное подчинять политические свои акты впечатлениям толпы. Журналы, всегда готовые раздувать пламя народных страстей, хором испустили жалобный вопль на всю Европу и преимущественно на Россию и на Англию, которые играли первенствующую роль в развязке восточного дела и которых единомыслие делало бессильными все возгласы. Вопль на Россию был уже десять лет сряду обычной нотой всех журнальных напевов Парижа; но Англия, эта десятилетняя подруга, великодушная наперсница

Июльской революции, вновь стала вероломным Альбионом классической эпохи войн революционных и Наполеоновых. Журналы требовали войны, но было очевидно, что ни Англии, ни России Франция не могла угрожать войной. Оглядываясь вокруг, она могла убедиться в том, что она союзников не имела. Чтобы принять участие в открывшейся на Востоке войне и искать там союзника в египетском вассале, надлежало прежде всего владеть морем... а состязаться в Средиземном море с Англией, когда Черноморский флот был готов к походу, а Балтийский оставался за плечами, было безумно.

По необходимости, воинственные порывы журналов обратились на соседнюю Германию. Заговорили о вожденной рейнской границе, о Бельгии, о завоеваниях в Европе, о революционном воззвании к народам, словом, о возобновлении борьбы, ознаменовавшей последние годы [XVIII] столетия. Эти возгласы нашли отголосок в политических прениях палат. Правительство, со своей стороны, вместо того чтобы благоразумным спокойствием умерить порыв народный, отвечало Лондонскому трактату королевскими приказами от 29 июля, которыми призывались к ружью до 140 тыс. конскриптов и открывались кредиты на усиление флота 10 тыс. матросов, 5 кораблями, 13 фрегатами и 10 большими пароходами.

Толки журналов при воинственных распоряжениях кабинета возбудили суровое внимание Европы. Германия от одного конца до другого встрепенулась как один человек и с негодованием вспомнила бедствия, испытанные ею в наполеоновский период, когда она служила поприщем французского честолюбия и полем европейских войн. На воинственные вызовы французов поэтическая Германия отвечала патриотическими песнями, отголоском пятнадцатого года. Куплеты заключались объявлением французам: «Нет, не пить вам наших рейнских вин, не обнимать вам наших белокурых дев», а конфедерация поставила на ноги миллион войска.

Франция, которая десять лет сряду вопияла против трактатов 1815 г., успокоивших народы после двадцатилетних тревожений, убедилась в том, что ей не было дано безнаказанно нанести руку ни на одно из государств, которых существование обеспечено трактатами. С другой стороны, чувства, обнаруженные в 1840 г. всеми германскими племенами, и общий энтузиазм при первом призыве правительств к защите угрожаемой родины доказали Франции, что в случае войны европейской сочувствия народов не будут на ее стороне и что на революционный призыв ее не встанут массы от Зунда до Мессины, от Немана до Савойи, как были в том уверены оракулы журналов и палат.

Союзные державы, споспешествуя сохранению европейского мира и желая отстранить всякое недоразумение относительно предстоявшего решения восточного дела, дали Европе новый залог своего бескорыстия. Едва были обменены ратификации трактата 3(15) июля, представители России, Австрии, Англии и Пруссии подписывали в Лондоне с османским послом протокол 5(17) сентября, которым торжественно обязывались не домогаться в исполнении трактата никакого исключительного влияния, никаких приобретений, никаких торговых преимуществ.

Перейдем к Востоку. На основании трактата были сделаны Мухаммеду Али в начале августа предложения Порты ее комиссаром Рифат-беем {Впоследствии министр

иностранных дел с титулом паши.}. Генеральным консулам союзных держав было поручено подкрепить предложения эти. В следующей ноте, поданной Мухаммеду Али от генеральных консулов, ясно и отчетливо изложена сущность дела.

«Конвенцией 3 (15) июля положение Мухаммеда Али совершенно изменилось; доселе он был в разрыве с Портой только; ныне, если отринет предлагаемые ему условия, он будет в открытой вражде со своим государем и с великими державами, подписавшими трактат. Вся политическая система Европы основана на верном исполнении трактатов. Так, несмотря на предстоявшие великие затруднения при решении вопросов о Греции, о Бельгии, об Испании, заключенные о них трактаты были совершенно исполнены, хотя не всех европейских государств виды относительно этих вопросов были одинаковы.

Нельзя ласкать еще себя суетной надеждой какого-либо изменения в постановлениях трактата. Сроки, назначенные для принятия положенных условий, отстраняют всякую о том мысль. Вникнем в последствия принятия или отказа помянутой конвенции.

Принятием положенных условий светлейший паша докажет Европе и потомству, что он был не только счастливым завоевателем, подобно многим другим предшественникам, которые не сумели вовремя остановиться и упрочить свой подвиг, но что он в то же время государственный муж и глубокомысленный политик. Что может быть завиднее славы основания нового владетельного дома, признанного законным государем и всей Европой? На краю славного поприща что может быть утешительнее собственного убеждения в том, что основанное мною перейдет к моим детям и никто у них его не отторгнет?

В наш век не обширные пределы, не материальная сила служат залогом благосостояния государств; государства обеспечены трактатами, на которых основаны их неприкосновенность, их права в политической системе Европы. Взглянем на карту; небольшие владения, убогие всякими средствами, обступлены могущественными державами; ни притеснения, ни неправосудия они не страшатся; вся Европа сторожит их честь, их безопасность. Ввиду таких порук могут ли еще Мухаммед Али или его преемники жалеть об утрате областей, которые доселе никакой пользы не принесли, которые поглотили не только собственные доходы, но сверх того и большую часть доходов Египта? Паша хорошо ведает, каких жертвований людьми и деньгами стоит ему занятие Сирии и Аравии.

Еще не все: вместо несчастных ссор между Османской Портой и его светлостью упрочится искренняя дружба и единство, основанные на тождестве политических выгод и веры. Мусульманский народ стяжает вновь свое древнее могущество и благосостояние. В случае внешней опасности Турция может опираться на Египет и Египет на Турцию для защиты общего отечества.

Грядущая судьба Мухаммеда Али и его семейства, благосостояние Египта и Турции, политические выгоды Османской империи, которой Мухаммед Али называет себя усерднейшим поборником, – все ему предписывает принять условия, несравненно более почетные и выгодные, чем приобретение области, многоценное и неверное. Ему предстоит еще блистательное поприще: обеспеченный в своих владениях, он может

посвятить всю свою деятельность упрочению и развитию тех прекрасных учреждений, которыми он одарил Египет. Богатые области Нубия, Судан и Сеннар представляют обширное поле успехам науки и гражданственности, Мухаммед Али заслужит тем прозвание восстановителя Египта, древней колыбели наук.

Взглянем теперь на последствия отказа его светлости: всего прежде предстоит употребление военной силы. Паша хорошо ведает, какими средствами владеют четыре великие державы, и не может ласкать себя мечтой сопротивления даже одной какой-либо из них.

Было бы роковым заблуждением в нынешних обстоятельствах возложить свои упования на чье-либо внешнее содействие. Кто может остановить решение четырех великих держав, кто им противостанет? Кто решится пожертвовать собственными выгодами, своей безопасностью из сочувствия к Мухаммеду Али? Да будет ли в том существенная польза? В могущей воспоследовать общей борьбе Мухаммед Али будет первой жертвой и неминуемо погибнет. Всякое заступничество извне вместо пользы ускорит только его падение.

Четыре великие державы подвинут достаточные силы, чтобы побороть всякое сопротивление в достижении постановленной цели. Паша навлечет на себя всю ответственность войны; он будет причиной появления европейских войск в Египте и в Азии. Мусульманские народы узнают в нем виновника зол войны, им предпринятой ради личных только видов. Мухаммед Али объявил, что он прольет много крови, прежде чем уступить. Европейские державы, напротив того, домогаются по возможности избежать кровопролития мусульман и христиан, служащих под знаменами блистательной Порты. Где нужно, предстанут достаточные силы, чтобы одним ударом рассеять всякое сопротивление.

Можно ли сомневаться в том, что Мухаммед Али падет, но падет ли со славою?.. Нет, ибо нет в том никакой славы, чтобы пасть по собственной ошибке, со слепой дерзостью вступая в борьбу безнадежную. И собственная слава, и мудрость равно предписывают уступить закону необходимости и силе обстоятельств. А когда Мухаммед Али падет, его имя перейдет ли в потомство? Нет, потому что его завоевания не потрясли мира подобно завоеваниям Чингисхана, Тимура, Александра и Наполеона. История просто скажет: под царствованием султана Махмуда правил Египтом даровитый и предприимчивый паша. Он с успехом вел войну противу своего государя. Молодой преемник Махмуда, при восшествии своем на престол, простер к нему руку с предложением мира и первых почестей в империи. Паша отверг эти предложения, тогда Европа его наказала. Имя его затерялось среди имен многих других пашей, которые бунтовались и были побеждены.

Отвергая предлагаемые условия, Мухаммед Али воображает, может быть, что державы не решатся прибегнуть к деятельным мерам для исполнения конвенции 3 (15) июля. Если и допустить это несбыточное предположение, надеется ли паша продлить тем нынешнее состояние дел (*status quo*)? Но какое государство может существовать, когда меч великих держав постоянно висит над ним, когда его торговля уничтожена и сообщения прерваны?

Мухаммед Али может пожертвовать выгодами своими и своего семейства ради честолюбия, ради видов преступных. Он может с огнем и мечом ворваться в Малую Азию, не щадя народа мусульманского, угрожая империи, и тем подать повод к призыву иноземных войск; но это покушение не пребудет безнаказанным. Если Ибрахим-паша подвинется вперед, обратный путь будет навсегда закрыт. В Анатолии его ожидает неизбежное поражение, может быть, могила; его погибель повлечет за собой гибель Мухаммеда Али и всего его семейства.

Европа с прискорбием прибегнет к войне, когда необходимость того потребует. Державы, заключившие Лондонский трактат, недоступны чувствам ненависти и мщения. Трактат основан на правосудии, на приличиях политических, на спокойствии в будущем; единственной его целью было упрочение Османской империи. Он предписывает Мухаммеду Али то самое, чего требуют собственные его выгоды, его честь; но вместе с тем, и всего прежде, он необходимо приноровлен к условиям общего европейского мира. Паша должен хорошо вникнуть в эту истину.

Итак, да покорится он закону необходимости, да примет с признательностью от рук своего молодого и великодушного государя и целой Европы славный дар – основание нового владетельного дома, под охранительной их эгидой.

Тем он передаст свое творение потомству, будет благословляем своими наследниками и внесет свое имя в скрижали истории.

Александрия, 7 (19) августа».

Таковы были внушения великих держав, но ни логические доводы, ни ясные политические соображения, основанные на опыте и на здравом смысле, не могли вразумить страстного старика. Он слепо возлагал свои упования на Францию, с часу на час ожидая известия о европейской войне. Когда французский кабинет спросил у него, как долго мог он устоять в Сирии противу союзников, паша отвечал, что он в состоянии продолжать войну по крайней мере пять лет. Было ли искренним это дерзновенное убеждение, или паша надеялся хвастливыми речами вернее вынудить содействие французского правительства? В таком случае, по крайней мере, он не был вправе обвинять потом Францию, он сам виновен в умышленном напыщении своих средств пред державой, искренне к нему расположенной. Между тем в обеспечение преданности эмира ливанского паша писал к нему, что Франция в самом непродолжительном времени высылает к нему 100 тыс. войска, 24 линейных корабля и 700 тыс. мешков (20 млн руб. серебром) для отражения союзников.

Докладом в Порту при первом известии о Лондонском трактате он горько жаловался, «что сделанные им предложения через Сами-бея были отвергнуты», – вспомним, что эти предложения были косвенны и условны, были только попыткой к переговорам и что никакой существенной уступки он не делал, – «что европейские державы посягали на независимость империи, что он, пребывая верным своему султану, денно и ночью молясь о сохранении его могущества, готов защищаться против врагов ислама; что он уповает на

Аллаха, благословением коего двенадцать с лишком столетий охраняется мусульманский народ от всяких напастей, и иншалла будет и ныне спасен от злого умысла неверных».

Эти правоверные и верноподданнические возгласы вслух ислама были направлены единственно к тому, чтобы воспламенить в народе фанатизм, омрачить пятном ереси союз Порты с христианскими державами и стяжать народное сочувствие. В то же время французское посольство в Константинополе истощало меру угроз, чтобы отклонить турецкое правительство от ратификации трактата. Попирая священные основы народного права и дипломатические приличия, посольство стремилось к тому, чтобы возбудить негодование в народе и свергнуть министерство, которое предпочло выгоды империи прихотям Франции.

В ожидании прибытия союзных сил к сирийскому берегу и открытия военных действий проходили сроки, трактатом предоставленные Мухаммеду Али. В одной из своих конференций с Рифат-беем и с генеральными консулами паша суетливо рассчитывал, что у него 200 тыс. войска, что нужно вдвое более для побороения его, что союзные державы не могут послать на него столько сил, что он бросится вперед очертя голову, «как старый турок, исполненный веры в предопределение», поднимет Анатолию, курдов, Дагестан, черкесские племена, что войнам не будет конца и в Азии, и в Европе, и т. п.

Без сомнения, и подозревать нельзя, чтобы Мухаммед Али сам верил в эти бредни, но, решившись однажды отвергнуть предложения союзных держав в ожидании европейской войны, он умышленно играл роль удалца, чтобы, с одной стороны, бросить в недоумение представителей великих держав, а с другой – распространить молву, благоприятную своим видам. В содействии Франции он был уверен. Французское министерство не давало ему в это время положительного обещания открыть войну, но французы, окружавшие Мухаммеда Али, убеждали его, что Франция будет вовлечена в войну силой обстоятельств и настроением народного чувства, раздраженного журналами. При всем том старый паша не выдержал до конца своей героической роли: в конференции 17 (29) августа, пред исходом второго срока, он был встревожен известием о решительных действиях commodора Непира пред Бейрутом и смиренно объявил, что он принимает предложение о потомственном обладании Египтом, предоставляя себе просить у своего государя как особенной милости управления Сирией. Ему отвечали, что всего прежде надлежало исполнить постановленное в трактате – сдать флот, очистить Сирию, а потом уже ходатайствовать о милости. Эта непреклонность бросила старого пашу в болезненное раздражение. «Не мучьте меня, оставьте меня», – кричал он генеральным консулам и не хотел слушать никаких советов, никаких представлений. В день исхода последнего срока нервы его были в таком расстройстве, что он слег и письменно объявил свой отказ, чтобы избежать новых объяснений.

С тем Рифат-бей возвратился в Константинополь, генеральные консулы были отозваны, и неприятельские действия открылись у сирийских берегов.

Глава 15

Открытие военных действий пред Бейрутом. – Вступление Ибрахима в горы. – Союзный лагерь в Джунии. – Коммодор Непир. – Народное чувство на Ливане. – Успехи союзников. – Занятие сирийского берега. – Дело бекфейское. – Отступление Ибрахима. – Вооружение горцев. – Падение эмира Бешира. – Ошибки союзников. – Взятие Акки. – Последовательное восстание сирийских племен. – Безначалие в Палестине. – Сосредоточение египетской армии в Дамаске. – Ее бедствия. – Выступление Ибрахима из Дамаска.

Вечеру 28 августа флаги, развевавшиеся над консульствами России, Австрии, Англии и Пруссии в Бейруте, были опущены. На другое утро до рассвета десантные войска сели на гребные суда, пароходы прибуksировали их сперва к мысу по южной стороне города. Как только египетские войска бросились к этому пункту, корабли открыли по ним [огонь] сво[их] батарей], а пароходы с десантом быстро понесли на север, в бухту Джунию, у подошвы Ливана, в 20 верстах от Бейрута, где была предусмотрена коммодором отличная позиция для высадки. Между тем часть кораблей вступила под паруса и заняла якорные места вдоль дороги, ведущей из Бейрута в Джунию, чтобы препятствовать движению войск к этому пункту. В один час приплыл туда десант, высадился с артиллерией под прикрытием пароходов и подоспевших вскоре затем кораблей, опрокинул стоявший тут пикет албанцев под начальством эмира Масуда, сына ливанского князя, и стал укрепляться на мысе, огибающем бухту, прежде чем Сулейман-паша, который наблюдал из Бейрута за ходом десанта, мог распознать движения неприятеля.

Во всяком случае не прежде, как на другой день, когда уже шанцы и батареи были изготовлены в союзном лагере, египетские войска могли бы идти к этому пункту не по взморью, под огнем кораблей, а по трудным внутренним ущельям Ливана. Но Сулейман-паше было поведено от Ибрахима отстоять до последней крайности Бейрут. Взятие этого города произвело бы в горах впечатление слишком предосудительное для египтян. Ибрахим, принявший уже главное начальство, устраивал еще запасные магазины в Баальбеке, затем перешел он с одной дивизией в город Захлу, у восточной подошвы Ливана, и оттуда медленно вступал сам в ущелья. Командуя 75-тысячной армией в Сирии, но принужденный раздроблять свои силы, занимать все пункты, где с часу на час мог вспыхнуть бунт, он шел будто ощупью в этот трудный поход и не успел своевременно явиться в Джунию, атаковать и опрокинуть в море горсть союзного войска, прежде чем укрепилось бы оно, прежде чем дух мятежа обуял бы горы. Нет сомнения в том, что, если бы он в течение первой недели повел лично быструю и сильную атаку, союзное войско было бы опрокинуто в море и успех Ибрахима продлил бы борьбу, которая по указанным уже нами обстоятельствам всего более зависела от впечатлений народных. Вместо того Ибрахим медлил, дал время союзникам укрепить свой лагерь, дал время туркам оправиться от морской болезни и стать твердой ногой на сирийской почве, которая семь лет сряду казалась им заколдованной под влиянием страшного Ибрахима.

Меж тем обезоруженные горцы ближних деревень, которые первые дни, страха египетского ради, не смели обращать взоров на союзный лагерь, стали осведомляться, что там было 20 тыс. ружей для раздачи сирийским жителям под знаменами законного их государя. Непростительная, непостижимая, можно сказать, медленность Ибрахима пособила успеху союзников превыше всякого чаяния. Горсть союзного войска, вверясь

сочувствию народному, смело вступала в ущелья. К ночи после десанта две роты бросились в местечко Зук, у подошвы той самой горы, где стоял египетский батальон с 600 албанцами, а на другой день аванпосты под начальством храброго Омар-бея углубились до Антуры, на расстояние 5 верст от лагеря, заняли крепкое здание католического монастыря и поставили батарею на возвышение, куда примыкали три ущелья, по которым египтяне могли атаковать побережье.

При первом движении египтян против десантного войска две их роты положили оружие или передались туркам. Но и самое турецкое войско так мало еще доверяло самому себе в ту пору, что посреди атаки капрал с 12 рядовыми покусился передаться неприятелю. С обеих сторон кампания открывалась выражением тех же чувств, которые от конийского дела и до Незиба не переставали волновать племена Сирии и Малой Азии. Близость флота и сочувствие края внушали в этот раз более решимости турецким офицерам, тогда как египтяне, не имея другой опоры, кроме собственного войска, тщательно избегали всего, что могло бы раздражить солдата. Посреди самого дела турецкие переметчики были расстреляны по приказанию Омар-бея, и вскоре затем успех первой встречи с неприятелем приободрил войско и внушил солдату привязанность и доверие к своим знаменам. Между тем горцы, спасавшиеся на острове Кипр от гнева эмира после весеннего бунта и возвратившиеся теперь с турецким десантом, бросились в северные ущелья, в Кесруан, возмутили селения и приступили к позиции Бзумар, занятой египтянами. Когда за ними был послан на рекогносцировку турецкий офицер с пикетом низамов, его приближение внушило такую смелость горцам, что, не дождавшись приказа, они атаковали египтян, вытеснили их и привели в лагерь 600 пленных.

Сухопутные силы союзников состояли в турецкой бригаде (5400 человек), в 2 тыс. англичан с флота и в одной австрийской роте. Турецким войском командовал бригадный генерал Селим-паша. Вскоре прибыл из Константинополя новоназначенный от Порты паша аккский и сайдский Иззет Мехмет с титулом сераскира сирийского. Адмиралу Стопфорду была предоставлена власть главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами сирийской экспедиции. По случаю болезни командира десантного отряда сэра Чарла Смита в этот период кампании место его заступил коммодор Непир, который направлял всеми действиями союзников в лагере.

Живость характера, расторопность, неукротимый и веселый нрав этого хромого, тучного, малорослого моряка, который до рассвета с тростью в руках, с пистолетом, торчавшим из кармана, взбирался по скалам на расстояние четырех и пяти верст от лагеря для осмотра передовых шкетов, представляли разительный контраст с обычной величавой ленью турецких военачальников. Шутливо-грубое его обхождение с турками было приноврено к тому, чтобы внушить бодрость войску, не привыкшему к тяжелым работам поспешного лагерного укрепления на раскаленной сирийской почве, в пору тропической жары.

За исключением селений, занятых союзным войском, горы несколько дней сряду безмолвствовали и ждали. Изредка тайком пробирались поселянин в союзный лагерь и на вопрос, отчего народонаселение толпой не спускалось туда, с трепетом говорил о присутствии Ибрахима в горах, о произнесенной им угрозе сжечь те селения, которых

жители заглянут в Джунию. В ненависти горцев к египетскому правлению, в их готовности восстать массой нельзя было усомниться; но их нерешимость и робость были достаточно оправдываемы слишком неудачными попытками коммодора пред Бейрутом до прибытия адмирала. Вместо того чтобы самим прийти в лагерь и составить народное ополчение под знаменами султана, горцы звали к себе союзное войско для изгнания египтян, расположенных в соседнем округе эль-Ката. Из лагеря стали подсылать оружие в ближайшие селения. Ибрахим сдержал грозное свое слово, обширное селение Бейт Шебаб было предано грабежу и пламени. Для внушения бодрости горцам было необходимо или распространить круг действия союзных сил, или разбить Ибрахима. Но Ибрахим пребывал в наблюдательном положении; пробраться в горы, им занятые, прежде чем восстали бы горцы, было безумно, а средства были слишком ограничены, чтобы распространяться в виду египетской армии.

Зато море и пароходы доставляли союзникам неоцененные преимущества. Адмирал Стопфорд приновил к местностям отличную систему последовательных атак, быстрых, неожиданных, и совершенно оправдал тем предчувствия Сулейман-паши, который был убежден в невозможности защиты просторного берега от атаки с моря на основании стратегического закона о невозможности даже при превосходстве сил препятствовать неприятелю переправиться через реку, когда он может по своему произволу выбрать место и улучшить минуту для наступательного действия.

Старинные замки и плохие батареи Бейрута были разрушены, не сделав ни одного выстрела в ответ кораблям, но гарнизон оставался во внутренней части города под прочными сводами, а улицы были прорезаны баррикадами и подкопами. Без большой потери войска нельзя было овладеть городом. Корабли продолжали медленно его громить, а между тем наряжались экспедиции к другим береговым пунктам Сирии.

Адмирал Стопфорд.

Замок римской постройки Джубейль (древний Библос) у подошв Ливана, в 50 верстах на север от Бейрута, не устоял против двухпудовых ядер парохода «Циклоп». Англичане с потерей 20 человек убитых и раненых опрокинули албанский гарнизон, который отстреливался из-за обрушенных стен, и сдали замок окрестным мугуалиям, искавшим только случая, чтобы отложиться от египтян. Другой прибрежный городок Батрун (древний Вотрис) был взят восставшими горцами при пособии кораблей. В Тараблусе египетский гарнизон устоял потому только, что расстояние крепости от берега затрудняло атаку с моря. Но гром пушек ободрял северные округа Ливана, которые все лето продолжали волноваться. В Сайду повел экспедицию сам коммодор. По открытии бреши с моря он взял город и цитадель приступом (14 сентября), несмотря на упорную защиту гарнизона. Молодой эрцгерцог Фридрих, служивший на австрийском флоте, сам повел колонну в брешь, припоминая обоим товарищам, что его предки под знаменем креста сражались с неверными на берегах сирийских. Сур, древний Тир, царь морей, знаменитый упорством своей защиты против македонского героя, не устоял ни одного часа пред кораблями и был занят английским поручиком... У подошвы Кармеля, на южном изгибе Аккского залива, в виду Акки, союзники водрузили султанское знамя в Хайфе. Таким образом, сирийский берег, за исключением немногих пунктов, признал власть султана, а внутренние племена стали спускаться к берегу, входили в сообщение с кораблями и охотно принимали от них оружие для распространения бунта.

Уже неоднократно были даны повеления ливанскому князю именем султана отложиться от египтян и содействовать изгнанию их. Лаской, убеждениями и обещанием признания всех его прав и дарования горцам всяческих льгот приглашали его в лагерь, но еще верил он в звезду Ибрахима и в обещание французов, которых агенты объезжали горы, утверждая, будто Франция уже объявила войну и с часу на час поспеют ее флот, войско, миллионы на помощь Ибрахиму. В эту эпоху влияние эмира в горах было всеильно, оно опиралось на свежей памяти народных опал после весеннего бунта. Шейхи-друзы, при всей своей ненависти к египтянам, смиренно повиновались князю, а феодальное устройство их племени ручалось в покорности народной массы. Они вместе с сыновьями и внуками эмира повели свои ополчения к знаменам Ибрахима. Но христианские племена, озлобленные на египтян, несмотря на то что они были обязаны своим благоденствием египетскому правлению, а может быть, именно потому, что этот период благоденствия споспешествовал преждевременному развитию в них незрелой политической жизни, были объаты по всему пространству гор стремлением к бунту.

В этом тревожном расположении горцев союзники видели признаки народной любви к султану. Направление весеннего ливанского бунта, равно и последовавшие за водворением султанской власти междоусобия и смуты в горах достаточно обнаруживают в самой готовности христиан ливанских вооружиться за султана не преданность их султану, но преизбыток анархических начал и расслабление коренного феодально-теократического устройства гор под вековым влиянием шихабов и пашей.

Французское правительство нарядило в ту пору к берегам Сирии генерала ордена лазаристов, чтобы влиянием духовенства действовать на массы. После неудачи дипломатической своей кампании за египетского пашу Франция наряжала на Восток не войско, не флоты, не казну, как того ждали обманутые ее возгласами паша и эмир, но духовного генерала, обращая дарованное ей трактатами право покровительства католической церкви в орудие своей политики противу султана. Но эта духовно-политическая миссия другого результата не имела, как разве то, что она укрепила старого эмира в верности египетскому паше. Что же касается народных масс, то католическое духовенство было принуждено сознаться в своей бессилии противу народного чувства.

Самые родственники эмира являлись один за другим в союзный лагерь. Двоюродному его брату эмиру Беширу эль-Касему был дан султанский фирман на княжество {Согласно Адель Исмаилу (Adel Ismail, Histoire du Liban du XVII-e siècle à nos jours, t. IV, Beyrouth, 1958, p. 105), этот фирман был провозглашен 3 сентября 1840 г. – Прим. ред.} вместо разжалованного за измену эмира Бешира.

Элементы разрушения отовсюду накоплялись над египетской армией. С распространением бунта умножились и побеги: ежедневно являлись в союзный лагерь сотни беглых сирийских рекрутов, привязанных одним страхом к знаменам Ибрахима, и сотни турецких низамов десантной флотской бригады, задержанной Мухаммедом Али. Измена обнаружилась даже между высшими египетскими офицерами.

По сожжении и разграблении Бейт Шебаба Ибрахим-паша оставался в наблюдательном положении на высотах Бекфеи, в 10 верстах от союзного лагеря, чтобы страхом своего

присутствия содержать в повиновении горы. Приближалась осенняя пора; он не думал уже о наступательных действиях, а только желал продлить борьбу несколько недель и ждал первой бури, которая разогнала бы флот от этих опасных берегов. Тогда он мог бы в свою очередь утомить союзное войско, беззащитное со стороны моря, и наказать бунт племен сирийских. И в самом деле, французское правительство требовало, чтобы он только 6 месяцев отстоял Сирию, а за последствия ручалось. Чтобы предупредить побег, внушить своему войску любовь и доверенность к себе и рассеять уныние египетского солдата, привыкшего почитать своего полководца непобедимым, Ибрахим вслух издевался над стамбульскими войсками и заставлял старых своих сподвижников рассказывать эпизоды кампании 1832 г., когда три армии были последовательно им уничтожены. Сам он вел бивуачную жизнь, спал на войлоке, обедал с артелью и, чтобы поддерживать в самом себе это напряженное состояние притворного веселья, пил безмерно...

Но уже союзники, ободренные успехом и чувствами народонаселения, вступали в горы и 28 сентября атаковали позицию Ибрахима. Их поддерживали многочисленные отряды вооруженных в лагере горцев, которые, хотя и не приняли деятельного участия в сражении, однако пособили союзникам тем, что они затрудняли движение египетской армии. Коммодор Непир с Селим-пашой лично повели атаку. Они расположили свое войско на высотах, противу самой позиции, занятой Ибрахимом, укрепились шанцами и поставили батарею горной артиллерии. Между тем другой отряд, под начальством полковника Омар-бея, и милиции горцев эмира Бешира эль-Касема по другому направлению вступали в ущелья, огибали позицию Ибрахима и готовились занять возвышения с его тылу. Незнание местностей не позволило турецким офицерам лучше сообразить свои движения в совокупности с горцами, иначе они могли здесь взять в плен самого Ибрахима.

Он не долго устоял; бывшая при нем милиция друзей разбежалась, его албанцы бесполезно занимали глубину ущелья, прорезавшего позиции обеих войск, а сам он с регулярным войском был подвержен всему огню турецкой артиллерии, тогда как самые местности не позволяли ему действовать артиллерией. Уныние овладело войском, обступленным отовсюду бунтом и ущельями непроходимыми, где с часу на час из-за кустарников, из-за скал могли возникнуть невидимые враги. Обходное движение турецкой колонны, которая уже начинала показываться на высотах с его тылу, заставило Ибрахима поспешно отступить, пока еще не были заняты кругом ущелья. К закату солнца пасмурно сел он на коня, им самим вскормленного, послушного его голосу, свободно следовавшего за ним повсюду в его походах, будто собака. Один со своим конюхом-негром спустился Ибрахим по тропинкам едва проходимым в округ Метен, куда еще не успел проникнуть бунт. Проезжая чрез одно селение, он остановился у источника утолить свою жажду. «Что нового у вас?» – спросил он у поселян. «Слышно, что Ибрахим-паша разбит и бежит», – отвечал ему с злой улыбкой горец, вероятно, его узнавший. Ибрахим, который столько лет привык действовать на воображение арабов одним страхом, не изменил своему характеру; он приказал конюху отрубить голову дерзкого горца и между тем хладнокровно пил из кувшина, поданного ему жертвой его гнева.

Покинутое им войско вполонину рассеялось, вполонину положило оружие. В то же время Сулейман-паша выступал из Бейрута {9 октября 1840 г. – Прим. ред.}, не сдержавши своего слова взорвать город. Десант с английских кораблей успел отрезать фитили с уготовленных подкопов. Турецкое войско опустилось туда вслед за бекфейским делом. Занятие Бейрута, куда была переведена главная квартира союзников из Джунии, положило конец нерешимостям горцев и страху египетского имени. Уже около 20 тыс. ружей было роздано из союзного лагеря. Новый эмир ливанский формировал народное ополчение, чтобы защитить горы от обратного вторжения египтян и содействовать союзному войску в наступательных его действиях. Ибрахим занимал еще всю внутреннюю Сирию и, несмотря на бедствия, его настигшие, повелевал еще огромной армией. Но было необходимо воспользоваться впечатлением первого успеха и действовать быстро и наступательно. Приближалась осень, а в эту пору содействие флота становилось сомнительным в случае принятия Ибрахимом наступательных действий противу береговых пунктов, по которым раздроблялись уже силы союзников. Состояние Европы и волнение умов во Франции, где правительство едва могло удерживать порыв народный, предписывали союзникам ускорить во что бы то ни стало решение восточного дела.

Вооружение народа входило в план сирийской экспедиции, предпринятой столь слабыми средствами именно на том основательном расчете, что племена Сирии ждали только призыва к восстанию. Мера эта входила равномерно в планы султана Махмуда в несчастную кампанию 1839 г. Но в такой стране, какова Сирия, и в такую эпоху, когда так буйно восставал анархический элемент по мере падения обуздавшей его власти, когда племена одно за другим под благовидным предлогом верноподданнического энтузиазма за своего султана готовились праздновать неистовые сатурналии своего освобождения от власти, им ненавистной, – была очевидна опасность призыва к бунту.

Феодальное устройство края доставляло союзникам верное средство для сбора народного ополчения на законном основании, согласно с духом и преданиями сирийских племен. Тем только были бы предупреждены последовавшие за изгнанием египтян кровопролития на Ливане и в Набулусе и общая неурядица при восстановлении турецких властей по всей Сирии. Вместо того чтобы верить каждому шейху под его ответственность число оружия, соразмерное с числом людей, сколько он мог выставить в поход, раздавались ружья из лагеря без разбора, даже без описи всякому, кто ни являлся. В то же время корабли, которые крейсировали для сообщения с жителями, наряжали на берег во всех благоприятных пунктах молодых офицеров для сдачи ящиков с ружьями встречным поселянам. Если бы можно было приписать эту роковую ошибку одним турецким пашам, мы бы не удивлялись: паши, особенно в первые годы занятия Сирии, кроме глупостей, ничего не делали; но удивительно то, что сами англичане, которые должны были предвидеть естественные последствия столь необдуманного вооружения масс, всего более тому способствовали. Когда Ибрахиму донесли об этом, он не скрыл своей радости. «Я оказал султану великую услугу, – заметил он, – отобраением оружия у сирийских племен; теперь его же именем обрекают бессилию власть его в этой стране».

Проехавши горы один со своим конюхом, среди двойной опасности скользких тропинок, висячих над пропастью, и народного возмущения, которое при его бегстве шло по его

пятам и могло его опередить, Ибрахим спустился в Захлу, по ту сторону Ливана. Тут поведено было сосредоточиваться всем отрядам египетским, выступавшим из гор и из береговой линии, и вскоре составилась в этом военном пункте, грозном для Ливана, 15-тысячный лагерь с 30 орудиями. Сильный гарнизон, занимавший дотолде Тараблус, получил приказание очистить город и цитадель и ретироваться по ту сторону гор в Баальбек (6 октября). Из Латакии и Искендеруна гарнизоны были также отозваны или опрокинуты атакой с моря. Таким образом, предчувствия Сулейман-паши оправдывались; по берегу нигде не могли устоять египтяне при самом открытии кампании, за исключением одной Акки, которая готовилась на самую упорную защиту.

Уже в продолжение этих первых четырех недель в союзном лагере считалось до 10 тыс. пленных и дезертиров египетских: флотская полубригада, о которой мы уже упоминали, почти в комплекте поступила вновь под знамена своего государя. Сирийские рекруты, бывшие в египетской армии, бежали, как только представлялся тому случай. По распоряжению Порты им было обещано из султанской казны недоплаченное жалованье, а должно заметить, что в этих критических обстоятельствах Мухаммед Али, предпринявший дело, несоразмерное со своими средствами, оставлял и армию свою, и гражданское управление по 10 и по 12 месяцев сряду без жалованья. Ибрахим видел себя осужденным среди самой войны оцеплять свои регулярные полки албанцами и бедуинами в предупреждение побегов. В это время силы его в Сирии были расположены следующим образом: 15-тысячный корпус стоял в Урфе, готовый исполнить угрозу Мухаммеда Али на Малую Азию; 7 тыс. занимали таврийские округа и защищали ущелья Колек-Богазы против султанской армии, бывшего резерва фельдмаршала Хафиза. В Антакье, куда отступили береговые гарнизоны, считалось до 7 тыс. Гарнизоны Халеба, Хамы и Хомса простирались до 6 тыс. Около 3 тыс. занимали Дамаск, в Акке было 4 тыс. гарнизона, и до 4 тыс. были расположены в Яффе, в Аскалоне, в Газе и в Иерусалиме.

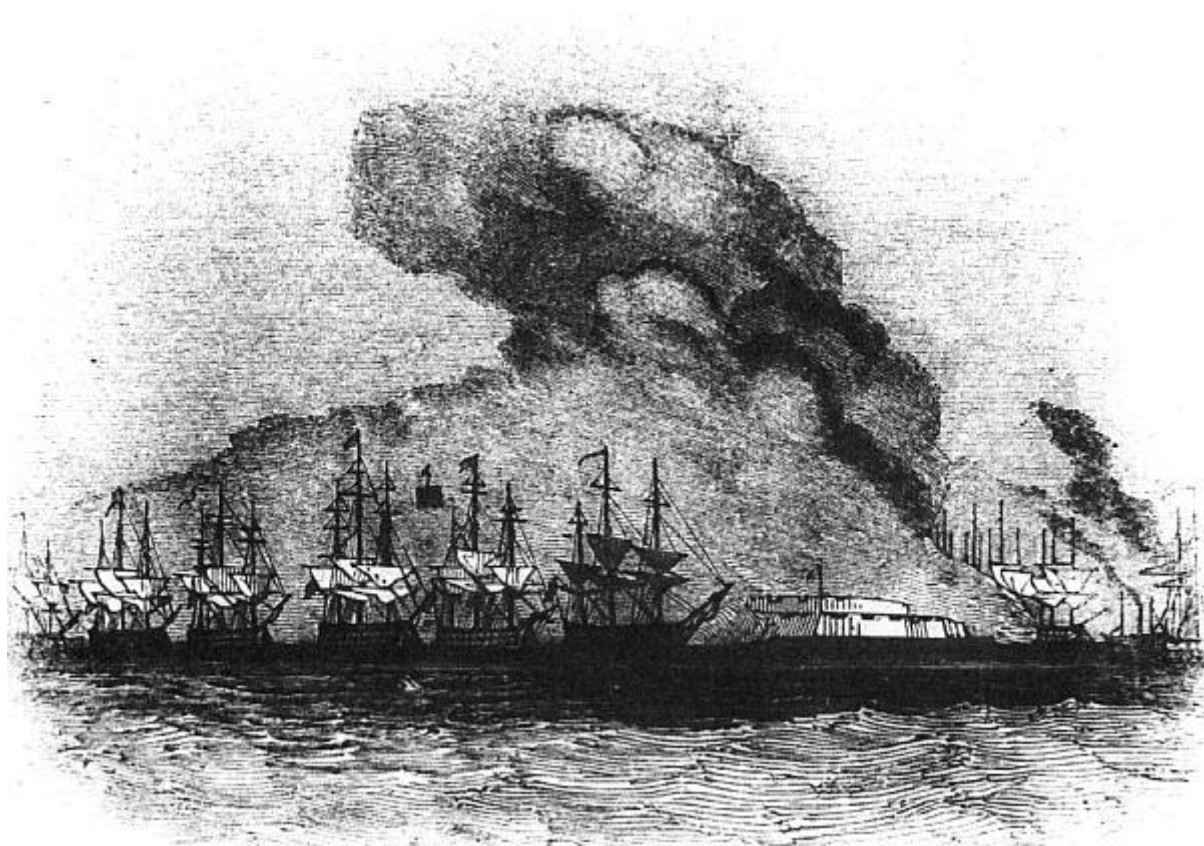
Мы упоминали уже о лагерях в Захле и в Баальбеке, о военнопленных и о дезертирах. Принужденный раздробить свою огромную армию в предупреждение бунтов, Ибрахим не отказывался еще от суетной угрозы похода в Малую Азию и не отзывал обратно передового корпуса, расположенного в Урфе. Это была важная стратегическая ошибка, ибо о походе в Малую Азию было безумно думать; с его тыла вся Сирия горела бунтом и войной, а впереди он неминуемо наткнулся бы на русский штык.

После бекфейского дела эмир Бешир понял, что все было потеряно для египтян. С семейством своим и с казной спустился он в Сайду, чтобы ходатайствовать о своем помиловании {12 октября 1840 г. – Прим. ред.}. Но уже было поздно; по распоряжению английского адмирала он был отвезен на Мальту, чтобы обеспечить новое управление Ливана от его происков и его влияния. Никто не усомнился в правосудии этой меры; эмир ливанский давно был изменником законному государю по союзу с бунтовавшим пашой; его возгласы, будто он был со своим семейством в руках Ибрахима, не заслуживали никакого внимания. Вернее то, что Ибрахим со своим войском в горах был во власти эмира. Но его низложение и изгнание были ли основаны на беспристрастном политическом расчете, на верном знании лиц, характеров, событий и влияний? Мы уже имели случай заметить взаимные отношения эмира и Мухаммеда Али. Между такими характерами сочувствие, преданность и благосклонность – все подчинено личной выгоде.

Стоило изучить обстоятельства последнего восстания горцев, чтобы оценить преданность эмира к паше. Если он усердно содействовал Ибрахиму против турок, то потому только, что он почитал Ибрахима непобедимым, особенно когда увидел, какими слабыми средствами союзники готовились оспаривать у него Сирию. К тому же он верил в возгласы французов, его обступавших; быв свидетелем Бонапартовой кампании в Сирии, он ждал новой французской экспедиции. Но с той минуты, как он убедился в ошибке своих расчетов и покинул знамена Ибрахима, можно было положиться на его усердие к новой власти и обратить его полувековое влияние и опытность в пользу введения султанского правительства в Сирии. Тем необходимее было оказать всякое снисхождение к эмиру, что уже проявлялись признаки безначалия и что англичане были в это время убеждены в совершенной неспособности новых турецких властей, в их неопытности, в их жалостной безнравственности. Правда, власть эмира в горах, проистекавшая от старинного устройства империи, была уже несовместна с новыми правилами, коими руководствовалась Порта. Но зачем несвоевременно и насильственно разрушать здание, которое само собой клонилось к падению? Судя по обнаружившемуся на Ливане народному духу при упадке египетского владычества, нет сомнения в том, что не прошло бы года, и все эти племена, которые впоследствии так горько жаловались на изгнание их старого эмира и так упорно требовали его возвращения, сами низложили бы его.

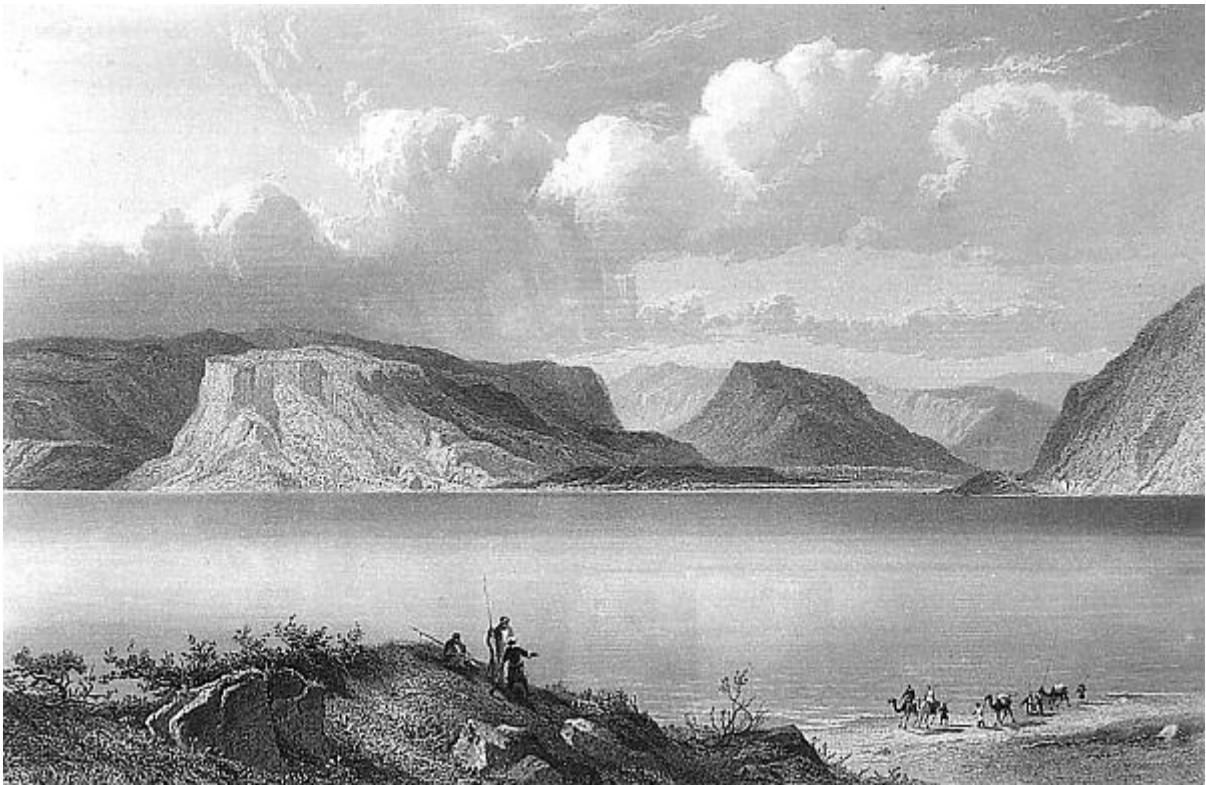
Таким образом, в самый блистательный период сирийского похода, среди последовательных успехов оружия союзников были положены исполнителями Лондонского трактата роковые начала всех тех зол, которые разразились впоследствии над Сирией, подали повод к новым нареканиям Франции противу цели и средств трактата, оправдали ее довод о неспособности турок управлять Сирией и принудили союзные державы вступить в дела этого края.

Между тем из внутренних округов спешили в союзный лагерь шейхи с депутациями от народа для изъявления своей покорности султану и своей готовности принять его знамена. Оставалось довершить подвиг флота взятием Акки для разрушения последнего морального оплота египетской власти в Сирии.

Морская атака Акки. Гравюра XIX в.

21 октября после полудня весь союзный флот под начальством адмирала Стопфорда явился перед эту крепость. На нем было 3 тыс. турецкого десантного войска Селим-паши. Между тем 2-тысячный отряд под начальством Омар-бея, спустившись из Сайды и Сура, занимал горные проходы Белого мыса на север от Акки вместе с милицией окрестных мутуалиев. Англо-австрийский флот расположился на якоре при благоприятном ветре согнутой линией вдоль береговых батарей. За неделю пред тем английский пароход успел измерить глубину вод, так что корабли могли подойти на расстояние 80 сажень от крепости. Отряд турецких судов контр-адмирала Вокера стал в интервалах еще ближе к крепости, на ружейный выстрел, имея под килем не более фута воды. Египтяне не ждали столь смелой атаки. Все их пушки были наведены на несравненно дальнейшее расстояние. В суматохе, когда корабли открыли огонь, они не успели поправить свою ошибку.

Г

алилейское море. Гравюра XIX в.

Х

еврон. Гравюра XIX в.

Акка была вооружена 229 орудиями, из сего числа только 100 или 105 – со стороны моря. Противу этих ста пушек, дурно наведенных, союзный флот сильный в 1000 орудий

действовал одним из своих бортов, т. е. 500 пушками, в том числе иными 96-фунтового калибра. Пальба производилась с невероятной быстротой и безостановочно, будто на учении, так что под конец не успевали обливаться водой пушки, раскаленные от действия. В продолжение трех часов было брошено в город 50 тыс. ядер и бомб, между тем как девять десятых выстрелов с крепости пролетали высоко над палубами кораблей, почти не причиняя им вреда. Пальба слышалась в Бейруте на расстоянии 130 верст по прямой линии. Посреди действия пороховой магазин, слишком неосторожно прикрытый от бомб, был взорван. Зрелище было ужасное, минут десять город, и берег, и флот были покрыты мраком, и пушки замолкли. Около тысячи человек гарнизона погибло от взрыва. Затем флот снова открыл огонь. Большая часть береговых батарей была уже разломана, и канониры приведены в робость. С захождением солнца крепость совершенно замолкла; корабли прекратили также свой огонь. В полночь причалила к ним шлюпка с известием, что комендант Махмуд-бей с 500 человек гарнизона и с казной выступили из города по направлению к Яффе. Наутро союзники заняли Акку, где найдено огромное количество запасов всякого рода, снарядов, оружия и весь парк султанской артиллерии, взятой Ибрахимом в Незибе. Крепость, которая со времени основания своего Дахиром, шейхом галилейским, прославилась рядом осад, в этот раз устояла только три часа противу правильной атаки, как то должно было предвидеть. Потеря гарнизона простиралась до 1700 человек. На флоте убитых и раненых было менее 100, а корабли никакого значительного повреждения не претерпели. Но на другой день по занятии города, где еще под грудами развалин и трупов тлел незаметно пожар взорванного порохового магазина, огонь был сообщен другому подземному магазину, и последовал новый взрыв, от которого погибли более 150 человек союзного войска.

При этом несчастье получил легкую рану генерал Чарл Смит, который по взятии Бейрута командовал сухопутной экспедицией и во всю кампанию не делал ничего, кроме пустых проектов. Турецкий сераскир Иззет Мехмет был также ранен еще при вступлении султанских войск в Бейрут. В сражении он не участвовал; в знак торжества он сделал из пистолета выстрел в воздух, пистолет, по-видимому, осекся, но когда он положил его обратно в чушки, пуля переломала ему кость. С того времени Иззет Мехмет слег. Природная его злоба, обузданная дотоле из учтивости к союзникам, пересилила все приличия под влиянием физических страданий и внутренней досады за то, что во всю экспедицию он носил звание сераскира, а власти никакой не имел.

Выбор обоих генералов, английского и турецкого, был самый неудачный во всех отношениях. Это наиболее обнаружилось, когда сухопутная экспедиция удалась от флота и адмирал Стопфорд не мог непосредственно направлять ее действия. Она блуждала в хаосе, без общего плана, даже без воли и без мысли единой, а сила обстоятельств была так велика, накопившаяся в продолжение семи лет в Сирии гроза разразилась с таким остервенением над египетской армией, что оружие султана было увенчано полным, хотя и незаслуженным, успехом.

И в самом деле, едва была взята Акка, тотчас без всякой даже попытки со стороны союзников воинственные племена набулусских горцев, вся Галилея до Иордана, вся страна мутуалиев и Антиливан низвергли египетские власти и поспешили принести свою покорность турецким пашам. Везде восстали шейхи, которых унизило или изгнало

египетское правление, и нашли массы народные готовыми на их призыв. Кроме оружия, розданного союзниками, досталось народу много ружей от бежавших или разбитых египетских отрядов, и всяк, у кого было укрыто оружие в пору египетских преследований, выгребал теперь свой клад. Шейх Саид Абд эль-Аль занял именем султана Назарет, Тиверию, Сафед и с милицией туземцев расположился на Иордане у моста Иаковова (Джиср эль-Якуб) на самом пути сообщений Ибрахима с Египтом. Шейхи Токан, бежавшие от египтян, которые благоприятствовали их соперникам Абд эль-Хади, легко подняли Набулус, и вскоре затем сами Абд эль-Хади изменили Ибрахиму, чтобы не лишиться местного своего влияния и средств продолжать наследственную борьбу с Токанами. Шейх Абд эр-Рахман Амр, давно обреченный смерти Ибрахимом, взбунтовал горцев Иудеи и занял с ними Хеврон.

Таково было непосредственное влияние падения аккской твердыни. Ибрахим убедился в невозможности долее оспаривать Сирию и стал уже думать о спасении своей армии. Немедленно были даны повеления всем отрядам и гарнизонам египетским, расположенным в Северной Сирии, сосредоточиваться в Дамаске для обратного похода в Египет. Все эти отряды стремглав туда бросились, объятые паническим страхом, будто неприятель гнался за ними по пятам. Поспешно были истребляемы военные депо, были заклепаны или опрокинуты в пропасть крепостные орудия Колек-Богаза, и в быстрых переходах, чтобы предупредить побег, офицеры своеручно рубили рядовых, кто от болезни или усталости отставал от колонн.

Бедуины, туркмены и курды, кочующие в этой стороне, поживились добычей египетской точно так, как за полтора года пред тем турецкой добычей после Незибского сражения. В это время шейхи северных отраслей Ливана просили у сераскира батальон регулярной пехоты и 6 орудий, чтобы со своей милицией проникнуть по долине, простирающейся от моря до Хомса между Ливаном и горами Ансарийскими, отрезать дорогу в Дамаск отрядам, опускавшимся к Ибрахиму, и заставить их положить оружие. Правда, отряды эти представляли в совокупности около 25 тыс. человек; но судя по страху, ими овладевшему, предложение шейхов было небезосновательно. Оно не состоялось по причине несогласий между генералом Смитом и Иззет Мехмет-пашой.

Между тем гарнизоны Яффы и Иерусалима, обступленные бунтом поселян и опасаясь восстания самих городов, спасались в Газу, куда успел уже укрыться комендант Акки Махмуд-бей. Бригадные генералы Ибрахим-бей и Исмаил-бей приняли начальство над этими остатками 9-тысячного корпуса, который при открытии войны занимал Палестину и которого теперь едва оставалась одна треть в Газе. Более 10 тыс. вооруженных поселян обступили этот город в надежде мщения и добычи. К счастью осажденных, с ними был отличный кавалерийский полк, так что они могли добывать запасы наездами на соседние деревни.

Яффа и Иерусалим едва не сделались добычей взволнованных поселян; вся Палестина была в совершенной анархии. Богатство монастырей иерусалимских во всяком политическом кризисе возбуждает алчность жителей окрестных гор. В Турции, когда исполнительная власть пашей и муселимов рушится, власть судебная, проистекающая от духовной власти султана, неоспоримо заступает ее место. Мулла, главный судья

иерусалимский, умными распоряжениями спас Святой град от неминуемой опасности. Яффа, на которую хлынул поток поселян тотчас по отступлении гарнизона, была спасена влиянием нашего вице-консула, к которому единодушно обратились жители, мусульмане и христиане, в ожидании султанских властей и войска. Турецкая армия, усиленная в это время до 12 тыс. отрядами, последовательно прибывшими морем из Константинополя, едва успевала занимать важные военные пункты, которые сами собой сдавались ей. Между тем по всей Палестине целый месяц бесчинствовали феллахи и, ограбивши все, что было найдено по отступлении египетских войск, стали грабить и резать друг друга и рассчитываться старыми долгами мести и крови, отложенными в эпоху египетского правления.

По мере того как египетские отряды ретировались из северных округов в Дамаск, турецкая 15-тысячная армия из Малой Азии чрез очищенные ущелья Тавра вступала в Сирию под предводительством Ахмеда Зекерия-паши, назначенного на смену Иззет Мехмету. Генерал Смит был также смещен за неспособность, а место его заступил генерал Митчел. Главное направление военных операций во всю кампанию было предоставлено англичанам, хотя по взятии обратно на флот десантного их войска не более 400 английских солдат участвовали в сухопутных экспедициях. Опыт прошедшего убедил Порту в том, что гораздо легче из старых милиций образовать батальоны, чем из пашей генералов, а было очевидно, что в такой кампании, которой целью было очистить от сильной неприятельской армии страну, прорезанную по всем направлениям горами и обтянутую с двух сторон пустыней и морем, успех более зависел от удачных маневров, чем от массы войска. Начальником штаба турецкой армии был назначен генерал Иохмус, гамбургский уроженец, служивший прежде в легионе волонтеров в Испании и принятый в турецкую службу с чином паши по ходатайству англичан. В половине ноября Ибрахим-паша отступил из Антиливанской долины в Дамаск и поспешил занять передовую позицию в Мезарибе на пути в Мекку. Он разбил скопище друзов и бедуинов хауранских, которые беспокоили его фланги, забрал у них провиант и верблюдов для похода и вел переговоры с бедуинами Великой пустыни для снабжения провиантом известных пунктов. Около месяца трудился он над реформированием своей армии, которая при всех претерпенных ею бедствиях простиралась еще до 60 тыс. солдат {Много было толков о действительных потерях Ибрахимовой армии пред отступлением ее из Сирии, равно как и в продолжение этой губительной ретирады. Положительно то, что по комиссариату в Дамаске состояло в это время 65 тыс. порций. Из этого числа надо вычесть около 6 или 7 тыс. на солдатских жен и детей, которые следовали за армией и получали порции и полпорции. Затем 3 тыс. человек были в Газе.}. Между тем как турецкие отряды, вступившие в Сирию вслед за новым сераскиром, и в особенности албанцы и башибузуки бесчинствовали на пути и грабили поселян, которые с восторгом встречали султанские знамена, Ибрахим, готовясь покинуть Сирию, усиливал дисциплину в своей армии и ласкал народ. Вместо того чтобы излить свой гнев на жителей дамасских, которых враждебные расположения были ему хорошо известны, он отечески предостерег их от всякой обиды со стороны солдат. Палаток не было, войска, которые не могли поместиться в казармах и в мечетях, поочередно стояли на бивуаках в окрестностях города, укрываясь кое-как под деревьями от проливных осенних дождей. В декабре наступил холод необычайный, пал снег, мерзло по ночам; солдаты, легко одетые, в плохой обуви, в изодранных плащах, изнемогали на бивуаках, но Ибрахим не решался поместить их по

частным домам: военный постой слишком несовместен с восточными нравами; он велел им проводить ночи на крытых улицах дамасских базаров. Ко всем этим бедствиям присовокупилась измена; уже много офицеров, благодетельствованных им и его отцом, передались туркам. В Дамаске он наказал измену. В пору вечерних его оргий несколько голов покатилося по его повелению на мраморном дворе занятого им дома. Сам Шериф-паша, бывший губернатором Сирии, возвеличенный и обогащенный Мухаммедом Али, был обличен в тайном сношении с турками. Ибрахим ограничился его арестованием.

После дневных забот Ибрахим проводил ночи в разврате и в буйстве, опьяненный вином и злобой. По распоряжениям Сулейман-паши зрелища эти тщательно укрывались от войска. Не один раз, когда под влиянием винных паров вспыхивала в сердце Ибрахима месть к сирийцам за их измену, он приказывал предать город грабежу, но Сулейман-паша укладывал его в постель и стерег по ночам из опасения, чтобы не повторились в его отсутствие те же приказания.

Армия была разделена на три колонны; первая выступила в начале декабря под начальством Сулейман-паши. Этот отряд служил собственно конвоем для солдатских жен и детей и для тяжелой артиллерии; войска считалось в нем не более 5 тыс. человек. Он направился прямо на юг, по пути в Мекку, до параллели Суэца, там поворотил на запад и достиг благополучно Египта, потерявши на пути только половину вьючного скота, часть артиллерии, несколько сот жен, детей и солдат, павших от усталости. Затем 17 декабря выступили другие две колонны – под предводительством дивизионного генерала Ахмеда Менекли-паши и самого Ибрахима. На площади простился Ибрахим с жителями Дамаска, наказав им оставаться в покое, ждать новых властей, не бушевать и не обижать христиан. «Не то, – прибавил он, садясь на коня и грозя им пальцем, – ворочусь с половины дороги и рассчитаюсь с ослушниками».

Глава 16

Замысел Порты об уничтожении Мухаммеда Али. – Опрометчивость ее действий. – Перемена политического направления Франции, ее декларация. – Игра Тьера и донесение французского адмирала. – Министерство Тизо. – Укрепление Парижа. – Испуг Мухаммеда Али. – Конвенция коммодора Непира. – Ее несообразности. – Смирение Мухаммеда Али. – Упрямство Порты и характеристический разговор верховного везира. – Милостивый фирман. – Уловки турок и окончательное решение египетского дела. – Конвенция о проливах. – Важность сего акта относительно России. – Дипломатический промах турок и ответ князя Меттерниха.

Целью Лондонского трактата было освобождение Сирии от Мухаммеда Али и водворение мира на Востоке. Мухаммед Али, кроме военных своих подвигов, ознаменованных отвагой и удачами, имел за собой великие гражданские заслуги и отличался среди преобразовательной суматохи Востока основным и прочным направлением своих предприятий. Если великие державы сочли нужным в 1840 г. положить правосудные пределы честолюбивым замыслам египетского паши, однако они вовсе не имели в виду уничтожить Мухаммеда Али. Не так разумел дело диван. Упорствуя в централизованной системе Махмуда, но не соображаясь несколько со

средствами своими и со степенью способностей своих для водворения централизации и единства по всему пространству империи, диван усмотрел в трактате 15 июля благоприятный случай для конечного разрушения здания, воздвигнутого румелийским выходцем в далеком Египте, вне политической сферы Стамбула. В эту сферу включалась теперь Сирия по приговору великих держав. Прежде чем открыть новый процесс о Египте, предстояло Порте оправдать произнесенный в ее пользу приговор, а оправдать приговор этот она могла введением хорошего управления в Сирии. Российский кабинет сомневался в том еще в 1839 г., когда представители великих держав в Константинополе вели переговоры с Портой об условиях миролюбного раздела с Мухаммедом Али. Дольше, восемь лет спустя, успела ли Порта рассеять те сомнения, которые показались тогда обидными ее самолюбию?

На второй отказ Мухаммеда Али по истечении двадцатидневного срока она отвечала фирманом о низложении его с Египетского пашалыка, и, приступая к завоеванию Сирии, она тогда же присовокупила к другим титулам сераскира Иззет Мехмета звание полномочного султанского наместника в Египте. В седьмом параграфе отдельного акта, включенного в трактат 3 (15) июля, было сказано, что, если по истечении двадцатидневного срока Мухаммед Али не согласится на предложение о наследственном обладании Египтом, султан может принять какие заблагорассудит меры «по соображению с собственными пользами и с советами своих союзников». Но мера, принятая Портой, не была основана ни на истинных пользах империи, ни на мнении союзников. Быть может, ее прихотям потакали мелочные страсти дипломата, который в ту пору руководил по-своему стамбульской политикой {Имеется в виду посол Англии в Константинополе Понсонби. – Прим. ред.}. Все кабинеты единодушно осудили эту меру, а Франция, деятельно готовясь к войне, объявила, что приведение в исполнение угрозы Порты против Мухаммеда Али будет для нее *casus belli*.

Как ни груба была ошибка Порты, она способствовала постепенной развязке дела, ибо Франция, отказавшись уже от своих притязаний в пользу Мухаммеда Али относительно Сирии, ограничивалась Египтом, а это вполне согласовалось с видами других держав. Решительной, громкой речью будто в удовлетворение народного самолюбия, обиженного трактатом Лондонским, французское правительство покрывало благоразумную умеренность политического своего направления {По поводу кабинетного объявления об обеспечении Францией политического существования Мухаммеда Али в палатах 1841 г. кричали кабинету Тьера: «Вы храбро проломались, господа, в открытые настежь ворота», ссылаясь на то, что союзные державы со своей стороны вовсе не имели в виду изгнать Мухаммеда Али из Египта.}. Еще более значения имела в том же смысле смена министерства, возникшего в мае 1840 г. среди весеннего волнения народных страстей, буйного министерства Тьера, прошумевшего все лето и павшего в октябре при отголоске пальбы сирийских берегов. Основывая свои расчеты на призраке материальной силы Мухаммеда Али, упуская из виду непрочность насильственного его владычества в Сирии, павшее министерство было убеждено в том, что борьба на Востоке продлится, что решения союзных держав встретят здесь препоны, и хотело улучшить эпоху, чтобы вступить в дело войной ли или переговорами. При самом открытии военных действий оно поспешило отозвать в Тулон флот, который уже полтора года парадировал в Османских водах.

Адмирал Лаланд желал морской войны и надеялся омыть стыд полувековых уничтожений французского флага пред английским. В докладе, писанном под впечатлением пальбы у сирийского берега, он просился туда, чтобы истребить английский флот, и ручался в успехе. «Если же, – присовокуплял он, – правительство упорствует в сохранении мира, то надлежит немедленно отозвать флот и тщательно избегать встречи французских кораблей с английскими под опасением, что с обеих сторон заряженные пушки сами собой станут палить».

Опасения французского адмирала были более основательны, чем уверенность в победе. В самом деле, народные ненависти этой эпохи угрожали возжечь войну вопреки воле правительств. Нельзя было сомневаться в том, что и король, и министерство видели необходимость мира под опасением навлечь на Францию ряд новых бедствий внутренних и внешних и подписать затем мирные трактаты унижительнее трактатов 1815 г., против которых так суетно вопияли в это время слепые страсти толпы. Но основные начала конституционного правления не позволяли руководствоваться одним здравым смыслом и государственным интересом. Тьер успел сыграть пред своим падением самую преступную конституционную игру: чтобы приласкаться к страстям народным, он выставлял себя партизаном войны в твердом убеждении, что мудрый король никогда не согласится на открытие войны. Тем он хотел обеспечить себе сочувствие толпы, сложить на короля и на своего преемника ответственность сохранения мира, стяжать журнальную славу патриота, сковать себе оружие оппозиционное в самом разгаре народных страстей и таким образом заготовить себе обратный путь к власти.

Степенный Гизо заменил пылкого Тьера и предпринял тяжкий труд распутывания всего, что было перепутано его предшественником. Между тем успешное решение восточного дела вне участия Франции и вопреки ей, твердость кабинетов и чувства, обнаруженные народами по поводу угроз на европейский мир, разрушили мечты 1830 г. и убедили Францию в том, что она уже не владела пещерой Эола, не располагала ураганами по своему произволу и что опыт прошедшего научил Европу остерегаться ее революционных призывов. Вместо того чтобы угрожать войной Европе, она стала помышлять о собственной защите. 600 млн франков были назначены палатами на сооружение укреплений кругом столицы, дважды взятой союзными войсками в 1814 и 1815 гг. Эта оборонительная мера, подкреплённая в прениях палат красноречием самого Тьера, поборника войны, много послужила к тому, чтобы успокоить брожение умов и рассеять призраки, ослеплявшие народное мнение.

По открытии военных действий у сирийского берега Мухаммед Али ласкал себя надеждой, что Ибрахим и Акка успеют продлить борьбу в Сирии, доколе перепутаются дела в Европе и вспыхнет общая война. С одной стороны, легкие успехи союзных сил и чувства, обнаруженные сирийскими племенами, а с другой – падение Тьера образумили упрямого старика и убедили его в том, что на нем одном лежало все бремя войны. О походе в Малую Азию нельзя было уже думать, когда ему самому предстояло защищаться в Египте и выручать сына из Сирии. Деятельно приступил он к укреплению Александрии с моря, равно и других береговых пунктов Египта. Он употребил на эти работы соединенные экипажи своего и султанского флотов, поставил на военную ногу кое-как сформированные им народные ополчения Каира и Александрии и готовил новую

экспедицию в Сирию. Посреди этих приготовлений адресовал он благодарственное письмо французскому королю за сделанную им декларацию о политическом существовании Мухаммеда Али, хвастливо ручался, что он силен отстоять всю Сирию, и ходатайствовал, чтобы посредничеством Франции были ему оставлены по крайней мере Аккский пашалык и остров Кандия. Все это письмо дышало преданностью Франции, готовностью последовать ее советам.

Немного дней спустя получено известие о падении Акки. В присутствии своего двора и многих иностранцев излил он свой гнев на французского генерального консула, горько обвиняя Францию во всех своих бедствиях и в своих ошибках. Четыре гонца были им отправлены в Сирию по разным дорогам с предписанием Ибрахиму выступать оттуда, не теряя ни одной минуты, пока еще обратный путь не был отрезан.

Уже с некоторого времени английские корабли содержали в блокаде Александрию, ограничиваясь, впрочем, воспрещением привоза военных снарядов и допуская торговле вывозить продукты Египта. После взятия Акки коммодор Непир, которого деятельность не находила уже пищи у сирийского берега, был отряжен в Египет на усиление блокады. Едва показался он пред Александрией, тотчас по собственному внушению вступил в переговоры с египетским правительством под предлогом ходатайства об освобождении ливанских шейхов, сосланных в Сеннар после весеннего восстания горцев. Чрез несколько дней коммодор заключил без всякого на то уполномочия ни со стороны правительства своего, ни даже от адмирала конвенцию, подписанную 15 (27) ноября им самим и Богосбеом, министром иностранных дел при Мухаммеде Али. В силу этой конвенции, основанной на совете, данном великими державами Порте о даровании Мухаммеду Али потомственных прав на Египет и об отмене неправильного фирмана о его низложении, паша обязывался, во-первых, вызвать немедленно свои войска из Сирии, во-вторых, сдать султанский флот, как только Порты признает его наследственным правителем Египта, но с тем, чтобы права его и его семейства были обеспечены великими державами. Коммодор обещал со своей стороны именем адмирала прекратить военные действия и дозволить переправу морем из Сирии в Египет Ибрахимовой армии.

Конвенция эта, неправильная по своим основаниям и по своей форме, была отвергнута английским правительством, а Османская Порты на нее протестовала. И в самом деле, коммодор Непир дал в этом случае новое доказательство своей опрометчивости в деле вне сферы воинственных его дарований. Трактат Лондонский основывался на торжественном обязательстве держав о сохранении целостности и независимости державных прав султана, а обеспечение прав египетского вассала европейскими государствами мимо султана, в силу подписанной Непиром конвенции, явно нарушало державные права султана. Сверх того, подобное нововведение в народное право могло повлечь за собой важные неудобства даже для европейских держав, налагая на них в будущем обязанность неусыпного бдения над внутренними делами Османской империи.

П

остоялый двор Хан Эль-Умдан. Английская гравюра, 1830-е гг.

Мухаммеду Али оставалось безусловно покориться своему законному государю и ждать от его милосердия и от дружелюбного ходатайства великих держав будущего устройства судьбы его и его семейства. Адмиралу Стопфорду было поручено от союзных кабинетов дать совет этот Мухаммеду Али. В исходе ноября паша принес, наконец, свою покорность письмом верховному везиру. Не предлагая никаких условий, не требуя ничего поручительства, ссылаясь только на сделанное ему Непиром объявление о ходатайстве в его пользу великих держав, Мухаммед Али смиренно объявил, что уже сын его выступал из Сирии, что флот султанский был готов к сдаче, кому повелено будет, для отведения в столицу, и просил помилования у своего государя. Замечательно, впрочем, что это письмо, выразившее действительную его покорность, не заключало и половины тех обычных фраз верноподданнической преданности, которыми, будто риторическими цветками, испещрялись прежние письма Мухаммеда Али для прикрытия приличиями восточного слога надменных его притязаний.

Если успехи оружия союзников принудили египетского вассала к покорности, зато, с другой стороны, были нужны все их дипломатические усилия, чтобы склонить Порту к принятию его покорности в смысле Лондонского трактата. Принужденная отказаться от любимой своей мечты о совершенном уничтожении египетского вассала, она еще несколько месяцев сряду ухищрялась, чтобы ограничить невольные свои уступки условиями самыми строгими и заготовить себе в будущем благовидные предлоги к достижению своей цели. Когда английский капитан Фаншаф представил в Порту вышепомянутое письмо Мухаммеда Али, верховный везир Реуф-паша отвечал ему обычным хладнокровным бакалум, этим великим рычагом дипломатических маневров Стамбула, и заметил, что принятие письма из рук капитана еще не значило, чтобы Порты принимала просьбу Мухаммеда Али. Капитан объявил затем, что паша обязывался

честным словом сдать флот, кому прикажет Порты, для отведения в столицу. Везир отвечал ему: «Флот наш, Александрия – наша сторона, флот воротится сюда, когда мы захотим; об этом не стоит говорить». Капитан, который хорошо знал, что в Сирии война еще продолжалась, заметил, наконец, что не худо ускорить заключение мира. Везир обиделся этим выражением и догматически присовокупил, что «мир заключается между двумя правительствами, а не между государем и возмущившимся подданным».

Таковы турки; может быть, справедливее сказать – таков человек. Давно ли европейские кабинеты силились ободрять правительство, трепетавшее при всяком ложном слухе о движениях Ибрахимовой армии, готовое пресмыкаться в прахе перед торжествовавшим вассалом?.. Едва улыбнулась ему судьба по мановению великих держав, едва берег Сирии был освобожден, и хотя вся внутренняя сторона была еще во власти Ибрахима, хотя 60-тысячная армия занимала еще Дамаск (это было в первых числах декабря) и легко могла опрокинуть среди случайностей войны 20-тысячную армию султана, а уже турецкое правительство замечталось, будто во времена своего всемогущества, и слышать не хотело о мире.

По настоянию представителей великих держав Порты согласилась принять покорность Мухаммеда Али и отправила в Египет Мазлум-бея с милостивым фирманом, а Явер-пашу (капитана Вокера) для принятия флота. Впрочем, упорствуя в своей системе, Порты пыталась еще продлить спор и умалчивала право потомственного обладания. Когда впоследствии строгое слово великих держав заставило ее выразиться, она долго еще торговалась об ограничении дарованных прав. Уже флот был отведен в Константинополь {Изменник Февзи-паша оставлен по повелению Порты в Египте. Через три года он был отравлен ядом в противность клятвенных обещаний Гюльханейского шерифа об уничтожении секретных казней. Изменник давно уже по суровому обращению с ним Мухаммеда Али, искренно примиренного с Портой, понял, что судьба его была решена, и уверяют, что, когда слуга подал ему яд в шербете, он отведал, узнал по вкусу и спросил, доволен ли прием, чтобы недолго мучиться.}, Кандия сдана, Сирия и Аравийский полуостров очищены от войск египетских и поступили под султанскую власть, а переговорам конца не было. Порты, упуская из виду, что самые существенные государственные пользы предписывали ей окончить этот домашний спор мусульман и тем хоть отчасти отстранить неудобства вмешательства европейских держав в ее внутренние политические вопросы, продолжила над собой своими неправильными притязаниями суд европейских держав и возбудила правосудные их сочувствия в пользу Мухаммеда Али.

И в самом деле, мог ли он согласиться на требования Порты, чтобы каждый раз по ее усмотрению и выбору был назначаем египетский преемник между членами его семейства и чтобы в султанскую казну поступала не определенная подать, но четвертая часть со всех доходов Египта, которых сбор и итоги Порты хотела проверять на месте своими чиновниками? Мухаммед Али решительно отказывался от принятия условий, под влиянием которых Египет становился театром грядущих интриг дивана, а его семейство их жертвой. Он стал вновь формировать свою армию и укрепляться в Александрии, готовясь на сей раз к отчаянной обороне.

Подробности переговоров, в которых важную роль играли личные страсти иных османских министров и европейских дипломатов, чужды предмета нашего. Упомянем вкратце окончательные решения Порты, одобренные в мае 1841 г. представителями великих держав.

Мухаммеду Али уступалось право потомственного управления Египтом, Нубией, Дарфуром, Кордофаном и Сеннаром в качестве полномочного наместника султана, с воспрещением продолжать наезды в эти последние области для вывоза невольников и с воспрещением обращать этих невольников в евнухов.

Право наследования определялось по первородству в прямой мужской линии, старшему в роде, с совершенным отстранением женской линии в случае прекращения первой.

Паша египетский уравнивался по иерархии с другими везирами империи, и ему присваивались те же почетные титулы и тот же нишан (алмазный знак).

Правила Гюльханейского хатти шерифа распространялись на Египет; что же касается до других узаконений, то предоставлялось паше приноровить их к своим областям по мере возможности.

Все трактаты Османской империи с другими государствами имели обязательную силу в Египте. Заметим здесь, что условие это относилось преимущественно к новой торговой конвенции, которой уничтожались по всей империи монополии и откупы. Конвенция эта, внушенная Англией в 1838 г., была преимущественно направлена против египетского паши по тому обстоятельству, что его доходы основывались на системе бесчисленных монополий.

Подать в казну султанскую определялась в 80 тыс. мешков (около 2150 тыс. руб. серебром). Паше предоставлялось право чеканить монету на имя султана.

18 тыс. регулярного войска составляли в мирное время сухопутную силу Египта, а при постройке военных судов надлежало испрашивать позволения у султана. Силы эти почитались в службе султана, и не позволялось никакого различия во флагах и в отличительных знаках чинов. Производство до чина полковника предоставлялось паше.

Так заключился на Востоке между султаном и его вассалом под влиянием союзных держав долгий спор, взволновавший все умы в 1840 г. Попытки посредничества Франции были устранены союзными державами, и постановления трактата 3 (15) июля 1840 г. исполнены.

Франция, принужденная утишать свои возгласы по мере успеха сирийской экспедиции и успеха переговоров между султаном и пашой, благоразумно признала восточные факты, совершенные без ее участия, и впервые приняла великий политический урок за переворотом 1830 г. Вследствие дипломатических своих прегрешений и суетливого красноречия говорунов в палатах и в журналах, увидевши себя без союзников, без народных сочувствий на всем политическом горизонте, оскорбивши самую Испанию объявлением павшего министерства о намерении его занять Балеарские острова,

осужденная при первом открытии войны лишиться африканских своих владений, не доверяя самой себе при разорительном упадке государственного кредита, Франция искала благовидного предлога, чтобы прекратить бесполезный спор по делу Мухаммеда Али, уже покорившегося своей судьбе {При опасениях войны пятипроцентные государственные облигации, коих курс достигал 120 и 121, в несколько дней упали на 100, точно как в эпоху великих народных бедствий. Проект занять Болгарские острова, на которых Испания позволила французам основать военный госпиталь для африканской армии, никогда не состоялся. Уверяют, что один из министров, товарищей Тьера, придумал предлог этот в своей импровизации в палате депутатов 1841 г., чтобы оправдать обратный вызов флота из Леванта.}. По предложению российского кабинета союзные державы пригласили Францию принять участие в заключении конвенции о закрытии обоих проливов Мраморного моря.

Акт этот был подписан в Лондоне [1/13 июля] 1841 г. между Россией, Австрией, Англией, Пруссией, Францией и Османской Портой. Он составляет самый положительный результат всех политических событий Востока и последовавших по их поводу переговоров между европейскими державами. Самые выражения трактата служили к успокоению умов после угроз 1840 г. В нем сказано: великие державы, убежденные, что их согласие служит Европе вернейшим залогом мира – сей вожденной цели их постоянных усилий, – и во знамение взаимного согласия признавали старинное право Османской империи о том, что Дарданеллы с одной стороны и Босфор с другой – недоступны военным флотам; они обязывались сообразоваться с сим правилом, вошедшим в народное европейское право.

Конвенцией 1841 г. вся Европа признала Черное море морем внутренним между Россией и Турцией. По поводу первой сирийской войны Россия в 1833 г. положила в Ункяр-Искелесском договоре благое основание сего права, обязавши Турцию закрыть Дарданеллы военным флотам всех наций {Заметим, что англичане после неудачной попытки адмирала Декуорта (1808г.) были принуждены турками признать проливы закрытыми для военных судов и подписали в этом смысле трактат Константинопольский 5 января 1809 г.

[Под неудачной попыткой адмирала Декуорта Базили имеет в виду военные действия английского флота против Турции в феврале 1807 г. (он ошибочно ставит дату 1808 г.), когда английская эскадра под командованием адмирала Декуорта форсировала Дарданеллы и приблизилась к Константинополю. Англия потребовала от турецкого правительства разрыва отношений с Францией, заключения союзного договора и передачи в ее распоряжение дарданелльских фортов. (Английское правительство опасалось, что Россия, воевавшая с Турцией, займет зону проливов.) Турецкое правительство, затягивая переговоры, спешно укрепляло форты Дарданелл. Адмирал Декуорт, не добившись успеха, отвел эскадру в Средиземное море. – Прим. ред.}]. Срок этого трактата был назначен восьмилетний; едва исходил он, вторая сирийская война и политические обстоятельства Востока и Европы повлекли сами собой другие великие державы к признанию и введению в народное право Европы положенного Россией начала, равно согласного и со здравой политикой, и с вечными законами природы. Сама природа указывает каждому государству, каждому народу границы и пути его деятельности то

течением рек, то хребтами гор, то расположением берегов и морей. Завистливые вопли Запада противу Ункяр-Искелесского акта еще не умолкли, а стяжание России мирное и бескорыстное послужило равномерно к тому, чтобы положить конец тревогам, объявшим Запад и едва не ввергнувшим всю Европу в пропасть неизмеримых бедствий.

Заметим еще одно обстоятельство, которое весьма основательно можно отнести к благим последствиям политического кризиса 1840 г. и заключившего кризис этот европейского акта. Все помнят внутреннее состояние Франции с 1830 по 1840 г., ее десятилетнее тревожение, борьбу партий, ряд заговоров, бунтов и покушений на жизнь семидесятилетнего короля, ряд бессильных министерств, сменявшихся одно другим с быстротой театральных декораций и изнемогавших одно за другим в омуте народных страстей. Нет сомнения в том, что, если бы Франция в этот десятилетний период не имела за собой африканских полей для пролития преизбытка своей воспаленной крови, ни мудрость короля, ни патриотизм просвещенного и благонамеренного класса не спасли бы ее от походов на Рейн и в Италию и от неизбежного затем приговора народной Немезиды. Суровые поучения 1840 г. были спасительны не только для правительства французского, но еще более для инстинкта народного; они упрочили министерство Гизо и охранительные его начала и даровали, после эпохи Наполеона и Бурбонов, третий промежуток благоденствия и мира поколению, осужденному искупать тягчайшими испытаниями период безбожества и ужасов, оксвернивших его колыбель и попривле его отцов в исходе [XVIII] столетия.

Таковы были непосредственные результаты великой драмы, которая с 1832 г. разыгрывалась в виду внимательной Европы на восточных берегах Средиземного моря. Первый ее акт заключился Ункяр-Искелесским трактатом, второй – взаимными обязательствами европейских держав, выраженными нотой 15 (27) июля, а третий – исполнением трактата о Сирии. Эпилогом этой политической драмы можно назвать трактат о проливах. Если в иных ее явлениях мы видели на первом плане нашей сцены английский и австрийский флоты, зато не укроется от взоров всякого внимательного наблюдателя великая мысль, оцепившая этот ряд событий от завязки до развязки, мысль, выразившаяся в эпилоге.

Россия ограничила материальное свое действие одним появлением своего Черноморского флота и десантной дивизии на Босфоре в 1833 г. Но затем по необходимости все восточные события подчинились трактату Ункяр-Искелесскому; военные действия 1839 и 1840 гг. под угрозой того трактата ограничились горизонтом Сирии; не пролито ни одной капли русской крови, не сделано никаких расходов; и когда в 1840 г. весь Запад кипел военными приготовлениями, тратились не миллионы, но миллиарды, заключались займы, и везде упал государственный кредит. Россия со своих безмятежных высот наблюдала за ходом событий, за неподвижностью весов, на которых лежал тяжелый ее меч, а в урочный час укрепила европейским актом свои законные права на Черное море. Стяжание это будет вполне оценено тогда, когда усмирение Кавказа и развитие гражданственности в областях закавказских обратят те благословенные берега в сходный рынок европейской и азиатской торговли, которая по неизменным законам своего периодического движения вновь избрет свой древний путь через Черное и Каспийское моря для сообщений Севера и Запада с внутренней Азией.

Заклучим наблюдения наши любопытным эпизодом о дипломатическом промахе османского министерства вдобавок ко всем тем погрешностям, которыми ознаменован этот период вступления Турции в сферу европейской политической системы. В жару нот, протоколов и конвенций, которыми министры восемнадцатилетнего султана обменивались тогда с Европой, была ими сделана попытка предложения, чтобы Османская империя была обеспечена взаимным поручительством великих европейских держав. Вот что писал им в ответ князь Меттерних 20 апреля [н. ст.] 1841 г.:

«Мысль дивана, основанная на ложном начале, равно несбыточна и в моральном, и в материальном отношениях. Она ложна, потому что никогда государство не должно принимать и тем менее должно оно требовать от других государств такой услуги, которую оно не может в свою очередь взаимно им оказать. Государство, которое в противность этому правилу примет услугу такого рода, теряет в существе лучший цвет своей независимости. Государство, поставленное под поручительством другого, подчиняется воле того, кто принимает на себя обязанность покровителя. Ибо порука, чтобы быть действительной, сопряжена с правом покровительства, а если один покровитель тягостен, то многие в совокупности составят бремя невыносимое. Есть одна только известная форма для достижения цели поручительства с уклонением его неудобств – это оборонительный союз. Того ли хочет диван? Пусть сделает свои предложения; но вряд ли можно надеяться, чтобы предложения такого рода были приняты...»

Глава 17

Выступление египетской армии из Сирии и странные действия турецких генералов. – Упрямство Ибрахима и страшные испытания его армии. – Покушение его на Иерусалим. – Его предсказания туркам. – Его болезнь и переправа в Египет.

Дела политические и последствия сирийских событий опередили в нашем рассказе последний период кампании 1840 г. и отступление египетской армии из Сирии. Впрочем, все стратегические операции этого периода, особенно наступательные действия султанского войска, блуждают в таком хаосе, что едва возможно за ними внимательно следовать. Мы должны сократить этот рассказ, избегая всякого критического обзора происшествий. Заметим только, что при нынешнем направлении войны и переговоров все усилия турецких генералов должны были клониться к тому, чтобы защитить свои прибрежные позиции от сильной армии, которая, будто разбитая параличом, кое-как тянулась вдоль пустынной внутренней полосы, отступая из Дамаска в Египет. По здравому смыслу и по святым законам человечества вместо сопротивления походу египтян надлежало очищать пред ними путь, чтобы скорее и без лишних кровопролитий достигнуть желаемого мира и сократить по возможности волнение сирийских племен, которых анархические наклонности так буйно проявлялись уже в Палестине.

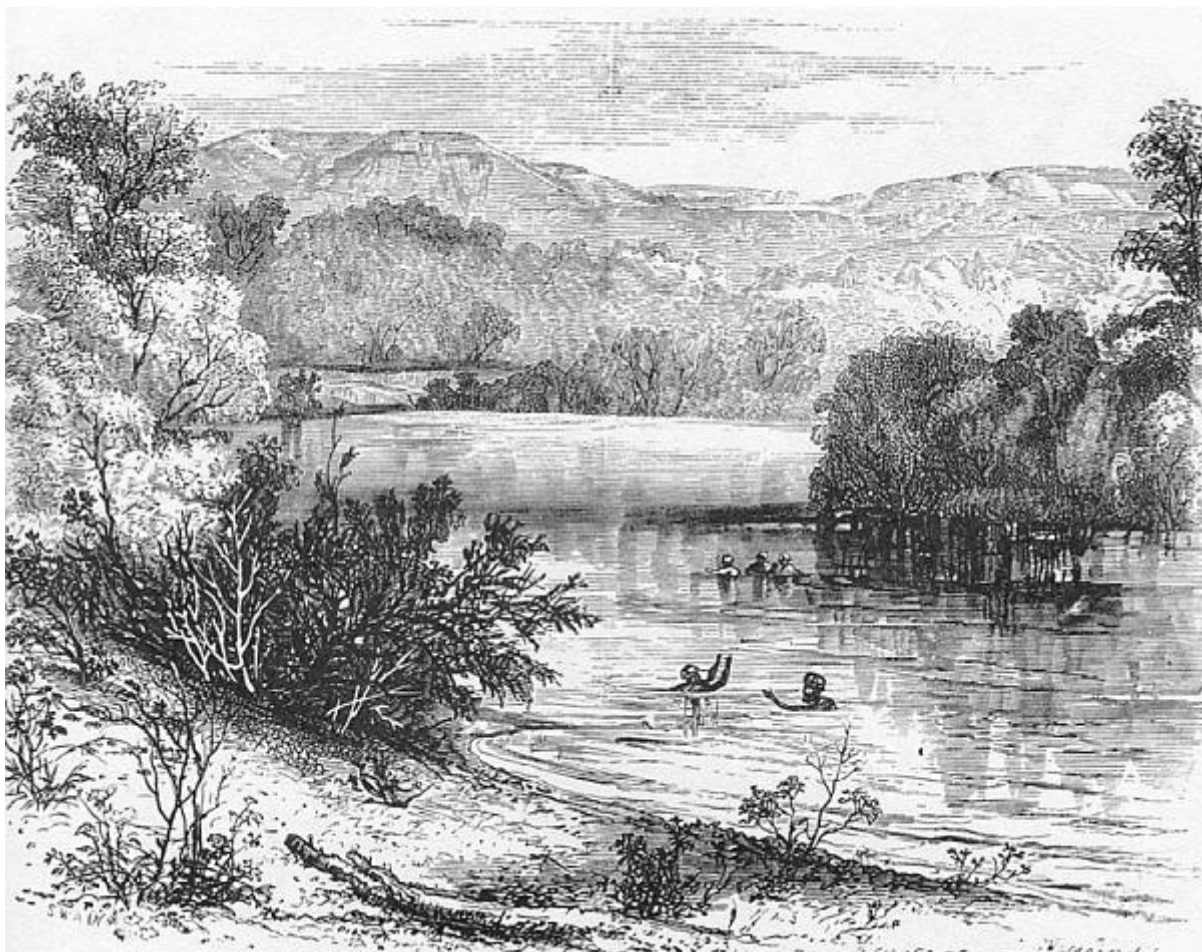
Но в главной квартире отзывались те же страсти и те же надежды, какими был ослеплен константинопольский диван, возмечтавший в это время, как мы видели в предыдущей главе, совершенное уничтожение египетского паши. Воля союзных держав, под знаменем которых была предпринята сирийская кампания, и их образ воззрения на взаимные отношения Порты и Мухаммеда Али были всем известны, а между тем наступательные

действия турецкой армии становились деятельнее и злее по мере успеха мирных переговоров.

Фирманом первых чисел рамадана (в конце октября 1840 г.) начальство над действующей армией вверялось генералу Иохмусу, бывшему дотоле начальником штаба. Удачи сирийской кампании под руководством европейских офицеров внушали Порте новую бодрость к борьбе с религиозными предрассудками своего народа и с самой народностью. В первый раз победоносные войска ислама, мансурие, шли под предводительством христианина на священную войну, ибо под знаменами халифа война всегда почитается священной, служа как бы обрядом веры на основании завета воинственного законодателя ислама. К большому ужасу староверов, это посягательство противу древних уставов духовных и противу народности совершалось в святые ночи рамадана... Мы видели, каким образом бедствия империи внушили султану и вельможам решимость запятнать ересью союза с христианами свою борьбу с правоверным пашой, обвиненным в ереси бунта противу наместника пророка. Когда успех оправдал союз этот в глазах народа, молодой преемник султана-преобразователя стал смелее стряхивать те основные предрассудки, которых отец его не посмел коснуться. С другой стороны, войско, приписывая свои победы присутствию европейских офицеров, которые руководили его движениями, тем охотнее подчинилось нововведению, что сирийский сераскир Ахмед Зекерия-паша в стратегии ничего не смыслил.

Генерал Иохмус пред отступлением Ибрахима из Дамаска занял в декабре со своим штабом Хасбею, чтобы с Антиливанских высот наблюдать за движениями неприятельской армии. Он основывал свои планы на том предположении, что Ибрахим-паша продолжал занимать Сирию с целью поддержать притязания своего отца в переговорах с Портой и обеспечить более выгодные условия относительно Египта. На этом предположении, которое, впрочем, не оправдывалось никакими фактами, турецкий генерал стал грозить отсечением обратного пути египетской армии. Легкие отряды курдов и бедуинов, поспевших охотно под знамена султана, чтобы поживиться египетской добычей, сделали наезд на Мезариб, где стояло депо провианта и фуража Ибрахимовой армии, ограбили и истребили часть его, пока их разогнала египетская колонна. Это было за два дня до выступления Ибрахима из Дамаска. Враждебные ему хауранские племена встrepенулись между тем, и с часу на час отступление становилось труднее. Ибрахим предложил военному совету вопрос: каким путем предпочтительнее отступить – чрез Сирию ли промеж неприятельских отрядов и враждебного народонаселения до Газы или чрез пустыню. Все его офицеры, которым были хорошо известны чувства войска, упавшего духом и готового разбежаться или передаться туркам при первой встрече, советовали предпочесть трудный, но более безопасный путь чрез пустыню. Ибрахим, мучимый болезнью и досадой, хотел, однако ж, во что бы то ни стало встретиться в поле с турками. Он решился прорваться чрез Сирию, укорил офицеров в робости и погрозил отсечь голову роптателям. Решимость его сильно поколебалась на переходе из Дамаска в Мезариб. При первом движении армии, и несмотря на всю строгость надзора, более 2 тыс. дезертиров успели покинуть его знамена. Все-таки попытался он из Мезариба своротить направо, чтобы чрез Галилейское поле проникнуть в прибережную Палестину. Иохмус между тем перешел из Хасбеи чрез верховья Иордана на высоты Сафедские, а турецкая армия, оставивши достаточный гарнизон в Акке на случай движения египетской армии к этому

пункту, медленно спускалась вдоль Кармеля по параллели с неприятелем, готовая встретить его в ущельях Дженина, у подошв Самаринских гор, в случае перехода его чрез Иордан. Когда авангард Ибрахима достиг берегов Иордана, мост Меджаан, чрез который надлежало переправиться, был уже вполнину разрушен по распоряжению турецкого генерала, а насупротив в долине Эздrelонской стояла милиция горцев в числе 7 тыс. человек под предводительством ливанского эмира. Ибрахим переменял план своего отступления. Тогда-то вторая колонна, составленная из всей почти кавалерии под начальством Ахмеда Менекли-паши, направилась чрез пустыню, с тем чтобы обогнуть Мертвое море и достигнуть Газы. Сам Ибрахим, прождав еще несколько дней в Мезарибе со своим арьергардом, последовал по тому же направлению медленными переходами.

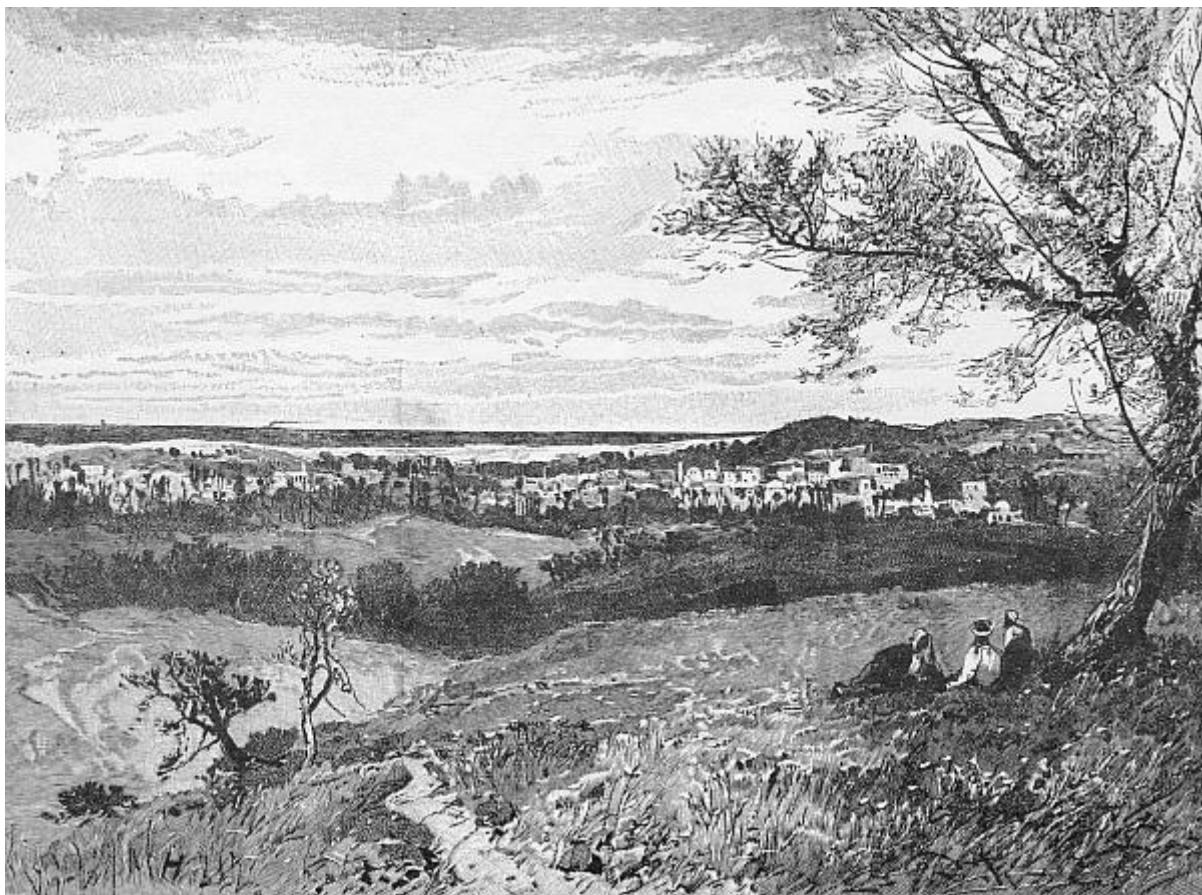

Р

ека Иордан. Гравюра XIX в.

Между тем как он совершал этот многотрудный поход, турецкая армия, в которой считалось в этот период 15 тыс. регулярной пехоты, три эскадрона кавалерии, 30 орудий, 7 тыс. нерегулярной милиции и 2 тыс. сирийских наездников, занимала Палестину между Яффой, Газой и Иерусалимом, имея свою главную квартиру в Рамле. Открылись переговоры с египетскими генералами, которые занимали Газу и едва не рассеяли всего турецкого войска внезапной кавалерийской атакой. Тогда лишь турки при поручительстве английских офицеров, бывших в лагере, обязались прекратить неприятельские действия. Газа была назначена Мухаммедом Али по согласию с английским адмиралом и комиссарами Порты сборным местом для египетской армии, чтобы оттоле могла она сухопутно и морем перейти в Египет. Из Египта был даже доставлен туда провиант.

Мир уже был заключен между султаном и пашой; но турецкие генералы в Сирии не переставали с роковым ослеплением призывать к оружию народонаселение, чтобы утомлять Ибрахима в обратном его походе к Египту. По отступлении его от моста Меджаана Иохмус-паша, потерявши его следы, переходил из Дженина в Иерусалим и наряжал племена Иудейских гор по юго-западной стороне Мертвого моря и кочевья бедуинов для истребления запасов провианта, заготовленных в Маане среди пустыни.

аза. Гравюра XIX в.

Прошло недели две, а никакого слуха не было об Ибрахиме. Вдруг тревога распространилась в союзном лагере неожиданным известием о переходе Ибрахима 4 января чрез Иордан вброд насупротив Иерихона и о движении его к Иерусалиму. Один только батальон занимал этот город, который неминуемо был бы взят египтянами, прежде чем могли поспеть турецкие войска на усиление гарнизона. Но Ибрахим был напуган обнаруженным повсюду враждебным чувством народонаселений. Даже бедная деревушка Эриха, древний Иерихон, встретила его как врага; а хитрые поселяне Иудейских гор, когда попадались в руки египетских отрядов, искавших языка, утверждали, будто условившись предварительно между собой, что в Иерусалиме 15 тыс. регулярного войска, а кругом несметное число вооруженного народа. Столь неблагоприятные признаки заставили Ибрахима отказаться вторично от попытки прорваться в Рамлу и в Газу сквозь турецкую армию. Он сжег Эриху и переправился обратно чрез Иордан. От проливных дождей переправа сделалась трудной; около 500 человек, несколько орудий, часть багажа и казны погибли в реке. Углубляясь в пустыню, он наказал еще жителей Керака, отказавших ему в провианте. Уже вторая колонна под предводительством Ахмеда

Менекли-паши успела обогнуть южную оконечность Мертвого моря; не нашедши запасов в Маане, она была среди пустыни в самом критическом положении, когда со всех сторон ее обступили ватаги вооруженных поселян. С трудом очищала она себе дорогу вперед и питалась лошадиным и верблюжьим мясом. Но в эту пору поспели в турецкий лагерь по настоятельному требованию представителей союзных держав строгие предписания о прекращении всякого военного действия. Турецкий офицер с белым платком в руках в знак мира был послан навстречу к египетскому генералу и с трудом повел его в Газу среди бесчинствовавших поселян. Были равномерно посланы по разным направлениям турецкие и английские офицеры отыскивать Ибрахима, который еще блуждал в пустыне; проводниками служили ему насильственно бедуины, многие из них были последовательно казнены за измену или за незнание дорог в страх другим, заступавшим их место. Большую часть своей артиллерии за падежом вьючного скота он был принужден бросить. Путь был усеян трупами солдат, умиравших от изнурения или изрубленных при попытке к побегу. Египетские бедуины племени ханеди по вражде к сирийским бедуинам аннези были верными Ибрахиму и оцепляли кордоном его армию. Бивуаки часто представляли вид поля сражения под трупами людей, лошадей и верблюдов.

Бедствия, претерпенные этой армией на пути чрез пустыню, превосходят всякое описание. Строгость военной дисциплины, доведенной Ибрахимом до крайних ее пределов, и терпеливый нрав египетского солдата спасли ее от совершенной гибели. Сам Ибрахим страдал тяжким недугом и едва при помощи своих слуг мог держаться на седле. При всем том он не унывал и лично всем распоряжался, продолжая искать в вине поддельных сил к перенесению неслыханных трудов и страданий, какими отплачивал он и вся его армия безумное упорство старого Мухаммеда Али пред волей великих держав.

В таком-то состоянии застал Ибрахим-пашу в пустыне английский полковник Розе, посланный с предложением провести его в Газу. После 34-дневного пути вступил он [Ибрахим-паша] в Газу и слег и постель. Когда к нему представился Омар-паша в качестве комиссара от турецкого правительства, чтобы присутствовать при отправлении в Египет многоиспытанного войска, Ибрахим флегматически его поздравил с завоеванием Сирии и пророчески присовокупил: увидим теперь, как вы управитесь краем после такой суматохи. Затем он стал шутя рассказывать, сколько труда ему стоило унять буйство сирийских племен и ввести то внутреннее устройство, которое поспешили теперь разрушить до основания представители Порты.

Армия египетская, уменьшенная вполовину от бегства всех сирийских рекрутов и от своих страданий в пустыне, вступила в Египет в числе 36 тыс. человек. Заметим, что во всю кампанию и при потере Акки и других поморских городов число убитых едва ли простиралось до 3500 человек. Что же касается до странного явления 75-тысячной армии, отлично устроенной, под предводительством даровитых и храбрых генералов, которая в четырехмесячную кампанию рушится будто под влиянием чар и осуждена обозначить своими костями путь свой чрез пустыню, чтобы бегством спастись из Сирии пред горстью неприятеля, то разрешения этой задачи мы должны искать не в стратегическом искусстве и не в военных подвигах союзной армии, но единственно во вражде народной. В марте 1841 г. Ибрахим, оправившись от своего недуга при пособии английских медиков,

отплыл сам на пароходе в Египет и, как командир разбитого корабля, последний покинул свою роковую добычу – Сирию, столь бесполезно упитанную египетской кровью.

Глава 18

Взгляд на турецкие завоевания. – Их прочность соразмерна их труду. – Историческая задача о Сирии. – Древние ее судьбы – политические и духовные. – Иудейство, христианство и мухаммеданство. – Упадок Сирии. – Попытка англичанина Чеснея к восстановлению древних торговых путей.

Решения великих держав исполнились; тревога, объявляя Восток и Европу при трех последовательных бедствиях, настигших Османскую империю в промежуток двух недель в июне 1839 г. – смерти султана, потере войска, измене флота, – тревога эта благополучно миновала, и потомок Селима Грозного (Яуз-султан-Селим) вступил в законные свои права.

Внутренние элементы края, тщательному исследованию которых мы преимущественно посвятили этот исторический труд, достаточно поясняют быстрый и легкий успех всякого завоевания в Сирии. Таков искони политический характер этого края. Упорная борьба тиро-сидонян против Александра и борьба евреев против Рима – это частные эпизоды, равно как и борьба гостей-сельджуков против крестоносцев. Но нет в истории примера, чтобы Сирия помыслила о своей независимости даже в эпоху своего могущества, когда ее народонаселение было вдесятеро многочисленнее нынешнего, когда гражданственность в ней процветала. После победы, одержанной Птолемеем над Антиохом у южных пределов Сирии, пред городом Рафией, племена сирийские одно за другим спешили покориться египетскому царю. «Таков людской обычай, – говорит Полибий, – но ни одна страна по природным своим наклонностям и по быстроте своих впечатлений не отдается победителю с такой охотой, как Сирия» {Страбон, кн. V, § 86.}.

То же явление повторилось при нашествии османов в 151 [6] г., при нашествии египтян в 1832 г. и в описываемую нами эпоху. Обвинить ли в том племена сирийские или правительства, которым последовательно обречены племена эти? Два коренных элемента – анархический навык и феодальное раздробление – под безнравственным трехвековым владычеством султанов без сомнения упрочились, но они проявляются с первых годов завоевания турецкого. Еще при Селиме I могли бунтоваться назначенные им в Сирию паши, и с той поры уже Сирия служила постоянным бременем для Османской империи.

Подобно всем своим предшественникам и последователям в великом подвиге основания империи, объемлющей лучшую часть всемирного наследия римлян, Селим заботился лишь о материальном блеске завоеваний, о непомерном размахе Османовой сабли и мало помышлял о гражданском подвиге, которым должно упрочиться дело сабли.

Если станем внимательно следить все эти кровью и огнем исписанные скрижали османские от родоначальника Османа до Абдул Меджида, то убедимся в том, что всякое из завоеваний, которыми ознаменованы блистательные дни османской истории, упрочилось впоследствии соразмерно с трудом первоначального приобретения.

Внутренние малоазийские области и Румелия, где каждый шаг был куплен победой, служат и поныне горнилом османских сил. Если в два первых года греческой войны горсть эллинов изгнала осман из Пелопоннеса и Северной Греции и овладела неприступными твердынями этого края, вспомним, что турки также в свою очередь за век с лишком пред тем в две кампании сметали оттуда венециан. Между тем как острова Архипелага, эти цветы, собранные некогда османским флотом в его прогулках по морю, бесспорно отпадали один за другим от Махмудова венца; Кандия, упитанная янычарской кровью, устояла противу геройских усилий христианского ее народонаселения и упорных экспедиций эллинов. Замечание наше еще более подтвердится, если вникнем в степень влияния султанской власти в каждой из областей от Аравии и Бахрейна до Дунайских княжеств. Не жребий войны, не случайности правительственных попыток решают судьбы народов и царств, но политические законы, действующие на мир с неизменным, непреодолимым влиянием законов физических. Если Турция еще в XVI в., в блистательный период своего могущества и гражданственности, когда племя Османа порождало ряд гениальных султанов и государственных людей, не успела упрочить за собой Сирию и извлечь из нее какую-либо пользу, ужели сумеет она теперь искупить гражданским трудом трехвековую неурядицу своего сирийского управления, когда и Турция одряхла, и область, присужденная ей волей великих держав, одичала и обеднела?

Пред судом истории не станем слагать на турок всю ответственность постоянного обеднения края, упадка его торговли и промышленности в течение трех последних веков. Но нет сомнения, что турецкая правительственная система всего более содействовала политическому развращению края, приучила Сирию к постоянным внутренним обуреваниям и разрушила те элементы, которые таились в ней два тысячелетия, от финикийян до турок, и каждый раз после тягчайших испытаний проявлялись быстрым восстановлением внутреннего ее благоденствия в промежутки покоя и мира.

При Селевкидах достигла Сирия высочайшей степени своего развития. Она едва ли не самый блистательный из обломков эфемерной империи Александра. Борения с соседним Египтом и с северными племенами – армянами и парфянами – не переставали тревожить царство, потрясаемое в то же время внутренними враждами потомства Селевка Никатора. Затем, едва отдохнула она под римскими орлами, не прошло и полвека, Сирия является лучшей, богатейшей роскошнейшей провинцией Римской империи и оспаривает у самой Греции пальму эллинического образования, так счастливо привитого в ее почву сподвижниками Александра. При преемниках Константина Антиохия делается второй столицей Востока и школой христианской философии. Новые бедствия настигают ее при нашествиях персов, и вскоре затем делается она добычей полудиких арабов. Покрытая пеплом своих городов, в полвека оправляется она, наделяет арабов сокровищами греческого образования и удивляет мир преизбытком своего благосостояния, блеском халифата и возрожденной наукой. Даже в эпоху крестоносцев, после внутренних борений раздвоенного духовного и гражданского наследия Харуна эр-Рашида и после нашествий диких сельджуков, Сирия, уже лишенная светильника науки, столько раз в ней просиявшего от веков незапамятных, еще цветет торговлей и пышной своей промышленностью в краткие промежутки мира.

При всех обуреваниях последовавшего затем мрачного трехвекового периода торговля и промышленность не перестали процветать в сем краю, так щедро одаренном природой; доказательством тому служат богатства, почерпнутые в нем мореходными республиками Италии. Затем османское завоевание включает Сирию в состав империи, под эгидой которой эта страдальческая страна освобождалась от внешних напастей и внутренних борений.

Османское завоевание подобно римскому должно даровать Сирии новую эру благосостояния и содействовать развитию жизненных ее сил при мощном правительственном деспотизме, способном укротить мелочный деспотизм эмиров и феодальные их распри. Но с того времени Сирия более и более увядает и бледнеет, ее промышленность и торговля приходят в совершенное изнеможение и народонаселение постоянно истощается.

Как ни пагубно турецкое управление и по своим началам, и по своим последствиям, уже усмотренным нами в политических судьбах Сирии, однако мы должны с беспристрастием сознаться, что оно предпочтительнее всем тем правлениям, которые ему здесь предшествовали со времени цветущей эпохи халифата [...] В состав Османской империи вступила она именно в ту самую эпоху, когда гений западных мореходцев открывал торговле новые пути и отнимал у восточного берега Средиземного моря нецененную монополию сношений между Западом и внутренними странами Востока, Индией и Персией. Не сабля Селима, но компас Васко да Гамы положил конец древнему благосостоянию Сирии. Предоставленная самой себе, лишенная тех богатств, которые извне втекали в ее жилы, она три века чахнет и дичает. В наши дни нанесен последний удар ее промышленности соперничеством Запада, вооруженного паровыми машинами противу рукоделия Востока, противу ткацких станков, завещанных Тиром и Сидоном далекому потомству, простых станков классической старины, к которым привязано оно, ибо целых три тысячелетия ими сбирало оно дань с Востока и с Запада.

Но если промышленность края осуждена скорой смерти, если его богатая почва иссохла под дуновением политических ураганов, которые уже столько веков сряду сгоняют народонаселение то в горы, то в пустыню, – все эти бедствия могли бы вознаградиться с избытком преимуществами географического положения Сирии, лишь бы торговля и мореплавание возвратились вновь к древнему своему пути, чему и в наше время были попытки.

Еще в век Соломона и Гомера безземельная республика Тиро-Сидонская делалась центром всемирной торговли, покрывала моря своими флотами, насаждала берега Средиземного моря цветущими колониями, куда изливала она преизбыток собственной жизни. Тир и Сидон превзошли Египет деятельностью своего гения и предшествовали Греции в успехах гражданственности. Не другому чему мы должны приписать это замечательное явление, а географическому положению Сирии. Занимая восточный берег Средиземного моря, этой жизненной утробы древнего мира, она была предназначена провидением на великий подвиг морального и материального влияния Востока, сего первенца человеческого рода, над младшими племенами, заблудившимися в первобытном

состоянии на далекий Запад и предопределенными к наследию тройного луча религии, науки и гражданственности, взлелеянных первоначально Востоком.

Между тем как Центральная Азия чрез Кавказ и северные степи выбрасывала в Европу дикие колонии пелазгов, этрусков и скифов, гражданственность и религия проникали в нее южным путем чрез Сирию и Египет. Египет заблаговременно достигал развития самобытного при религиозном и политическом единстве. Долина Нильская делалась ложем уединенного, таинственного развития племен земледельческих, все жизненные силы этих племен целые тысячелетия расточались на внутреннее их бытие; их эмблемы изрыты в Карнаке и в Абу-Симбеле внутри земной утробы. Сирия, напротив того, по самому образованию своей почвы, своевольно прорезанной горами и обтянутой с трех сторон морем и пустыней, была, кажется, предоставлена всегдашнему движению племен, вольной их жизни, постоянному раздроблению их, а не слитию ни в гражданское, ни в религиозное единство. Здесь было искони как бы перепутье всех религий. Индийская теогония разоблачалась [лишалась] в Сирии своего мистического покрывала; символы Востока, учение халдеев и магов и темные предания первого возраста человеческого оживлялись дуновением западных зефиров, переплывали в Грецию, увлекаясь гением сей страны, и проявлялись в новой их родине то веселыми мифами, то поэтическими аллегориями, будто самородные творения племен эллинических.

Между тем как восточные мифы Вакха индийского, Геркулеса финикийского, Аполлона халдейского и Венеры ливанской сроднились на греческом Олимпе с греко-египетскими мифами, племя Израиля, сохранившее в своем кочевании от верховьев Евфрата до берегов нильских предания о едином истинном боге, спешило сбросить иго фараонов и вырваться от оседлой жизни Египта. Под своим боговдохновенным вождем, которого греки называли жрецом египетским {Страбон, кн. XVI, § 99.}, оно возвращалось в это время к кочевым своим правам, скиталось сорок лет в Аравийской пустыне, и новое его поколение, очищенное от осквернений языческого Египта и внявшее слову древнего откровения, вступало торжественно со Скинией Завета в Сирию, в свое обетованное наследие.

Десять веков продолжало оно здесь упорную религиозную борьбу с окружавшими его племенами, и ряд пророков предостерегал избранное племя Иеговы от заразы языческой среди тройственного влияния учений египетских, индийских и месопотамских, которые обступали Сирию и преобразенные ею проникали в западный мир с торговыми ее колониями. Прозелитизм был чужд преданиям израильского народа. Пребывая верным коренному закону соплеменных ему арабов о чистоте родословной, он чуждался всякого сообщества с побежденными и тщательно закрывал от них врата своего святилища. По этому обстоятельству, если, с одной стороны, Моисеев закон не распространился в Сирии даже в эпоху могущества еврейского народа подобно другим религиям, зато он сохранил свою чистоту, оставаясь недоступным всякому внешнему влиянию.

Но слово Моисеево было искони заронено в Египет; сквозь туманы нильские проникло оно в Грецию, озарило школы Пифагора и Платона и вдохнуло новую жизнь в философию, которую отцы церкви называли впоследствии предчувствием христианства. Когда же времена преисполнились и сама Греция стала отражать на Восток свои

философские учения, первоначально зажженные у таинственных светильников Востока, когда Платоновы теории стали отзываться в самой синагоге, обуреваемой сектами фарисеев и садукеев, и когда наступил предсказанный пророчествами час, то в Сирии, среди гор Иудейских, на скале Голгофе свершилось преобразование древнего мира.

В продолжение трех веков, до самого воцарения христианства в новой столице всемирной империи, Сирия является духовной столицей обновлявшегося мира, освящается кровью святых мучеников и оглашает таинственный Восток исполнением ветхозаветных пророчеств. Она населяет святыми пустынниками египетскую Фиваиду и красноречиво проповедует божественное слово в Греции, где сосредоточивались в эту эпоху умственные силы западного и северного миров. Вместо упорной религиозной борьбы Израилева народа против небольших племен Сирии весь древний мир благоговейно внемлет проповеди, текущей животворной струей по всем направлениям от берегов сирийских. Предания ветхозаветные и беспощадные казни целых племен заменены страдальческим терпением провозвестников Нового Завета, которые не мечом проповедовали слово спасения, но смиренно предавали себя по примеру самого спасителя мечу своих гонителей.

Запад и Север обливались уже лучами света иерусалимского и готовились духовным подвигом преобразования к своим грядущим великим судьбам, а Восток, обуреваемый мрачным предчувствием духовного своего упадка, наводнял Сирию последним потоком язычества. Хосров похищал заветный символ святости иерусалимской, и Сирия делалась театром первой крестовой войны и торжеств царя Ираклия над неверными. Но уже в это время на горизонте Сирии среди жгучих песков Аравии являлся грозный метеор.

Учение, скованное гениальным проповедником Мекки из противоположных элементов древнего завета и учения Зороастрова, морали евангельской и чувственных склонностей южного человека, бурно полилось в заветное перепутье всех религий. Оно избрало Сирию поприщем первых своих подвигов, а саблю – символом и орудием своей проповеди, предоставляя побежденным народам неизбежный выбор между обращением, смертью и рабством политическим, в котором жизнь иноверца выкупается ежегодной данью. Сирия, далекая область обветшалой империи, досталась беззащитной добычей арабским завоевателям и вскоре сделалась горнилом новой религиозной жизни Востока и лагерем фанатических ополчений, которые потекли отселе до Индии, до Центральной Азии и до Пиренеев.

Едва утихла в Сирии буря VII в., и уже элементы гражданственности, завещанные сей стране гением Греции, стали превозмогать дикие инстинкты ее завоевателей. Сирия являет миру единственное зрелище столь быстрого умственного развития. В VIII и в IX вв. халифат, едва воздвигнутый кочевыми племенами Аравии, становится центром умственного труда человеческого рода и великими открытиями в науках и в искусствах, готовит элементы грядущего воспитания Запада, испытываемого в ту эпоху всеми недугами политического младенчества. Тремя веками сирийского халифата заключается духовный и гражданственный подвиг Сирии. Северные племена Азии с обращением своим в воинственный закон Мухаммедов обратились в завоевателей. Север Азии встрепенулся в IV в. хиджры, подобно тому как встрепенулся север Европы в IV в. воплощения, и дикие

орды сельджуков нахлынули на Сирию. В эту эпоху общего треволнения европейские народы совершали свои крестовые походы, миллионами погибали в Азии, напояли поля сирийские преизбытком юной своей крови, а внутренние степи Востока высылали сюда миллионы своих монголов. Опустошенная Сирия оставалась затем жертвой, обреченной всем завоевателям до покорения ее Селимом.

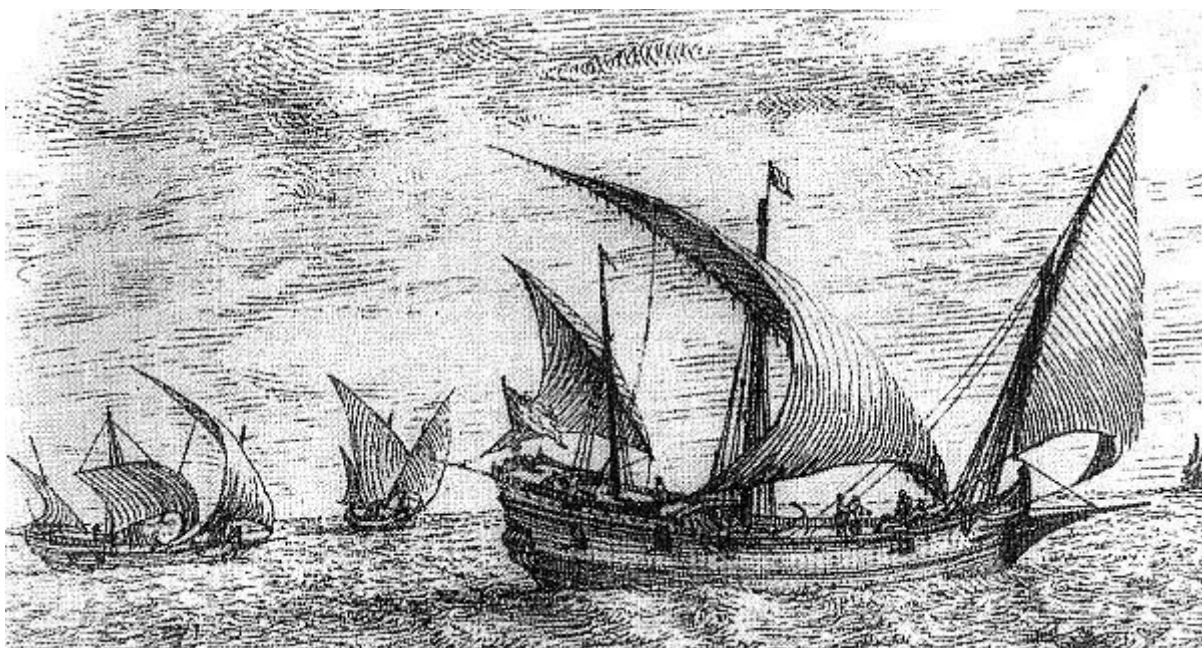
С того времени Сирия, покрытая древней своей славой и смертельными ранами, сходит с политического поприща, влачит страдальческое существование, перемеженное кое-где бурными эпизодами внутренней жизни, этими политическими недоносками или предчувствиями, каковы Фахр эд-Дин и Дахир эль-Омар. В наше время под влиянием внешних деятелей становится она театром новых состязаний Востока и Запада. Среди блестящих утопий, порожденных по поводу сирийских событий, что же сулит этому краю будущее? На пространстве, где некогда теснились до 15 млн жителей, вяло прозябают полтора миллиона, раздробленные преданиями, местностью и религией на множество мелких племен и обществ, исполненных взаимной ненависти и всегда готовых служить орудиями взаимного угнетения в руках наместников Порты. Промышленность лениво доживает предсмертный свой период, торговля ограничивается сбытом произведений европейской промышленности взамен немногих грубых продуктов богатейшей в мире почвы и дедовского серебра и золота, нажитого в эпоху мануфактурной деятельности. От мореплавания давно отвыкли потомки тирян и сидонян, а внутренние сообщения сопряжены с такой тратой времени и денег, с такими опасностями, что вряд ли может Сирия домогаться тех великих преимуществ, какие вновь сулит ей теперь географическое ее положение. В самом деле, европейская торговля, утомленная плаванием кругом мыса Доброй Надежды, обращается теперь к своему древнему классическому пути чрез восточный берег Средиземного моря. След этого пути пролегает поныне чрез чудные развалины Баальбека, Пальмиры, Босры, Джераша и Петры, некогда цветущих и великолепных городов, которых основание приписывают арабы царю Соломону и гениям, бывшим в его власти. Мы можем приписать их основание гению торговли, древнему Гермесу, которого крылатый жезл населял городами пустыню, будто постоянными дворами, для караванов, тянувшихся под его знаменем от берегов Средиземного моря до Евфрата и до Персидского залива.

В 20-х годах [XГХ] века лейтенант английской службы Чесней {Франсис Чесней (1789 – 1872) – английский генерал. В 1829 г. совершил путешествие по Турции, Египту и Сирии. В 1836 г. руководил английской экспедицией, изучавшей условия судоходства по Евфрату, в 50-х годах снова ездил в Сирию во главе экспедиции, исследовавшей долины Евфрата в целях проведения железной дороги. Чесней издал труды о поездках в Сирию и Ирак: «Expedition/or the survey of the rivers Euphrates and Tigris», London, 1850; «Narrative of the Euphrates expedition 1835 – 37». London, 1854 и др. Базили ошибается в датах поездок Чеснея по Ираку. – Прим. ред.} приступил к решению задачи о судоходстве Евфрата. Он построил на этой реке в Биреджике паром, поддерживаемый на воде вздутыми козьими мехами {Этот способ речного плавания, о котором упоминает еще Ксенофонт, сохраняется и поныне на Тигре и даже у нас в границах Персии, на Араксе.}, поставил посредине палатку, а кругом тюки товаров, и с небольшим экипажем из наемных арабов пустился вниз по течению до Багдада. Во все это плавание ему предстояло бороться с препятствиями всякого рода: то садилось на отмели неуклюжее судно, то

бедуины, рыскающие на берегах реки, стреляли по нему. Но Чесней достиг своей цели и представил английскому правительству о тех неоцененных выгодах, каких можно было надеяться от судоходства на Евфрате для сообщений с Индией.

В самом деле, не более 170 верст расстояния по прямой линии отделяют реку от Искендерунского залива, севернее Халеба, где местности легко позволяют устроить шоссе или даже железную дорогу. Затем, по мнению Чеснея, плоскодонные пароходы могли свободно плавать до Багдада и до Басры, откуда большие пароходы или парусные суда доставляли бы товары в несколько дней в Бомбей и в Калькутту. Проект этот казался предпочтительнее сообщения с Индией чрез Египет по той причине, что плавание в Красном море всегда сопряжено с опасностями, а половину года едва сильнейшие пароходы могут бороться в нем с порывами периодических ветров.

Но Чесней, упоенный успехом смелого своего предприятия, упустил из виду важнейшие из препятствий, какие надлежало победить на Евфрате. Во-первых, фарватер реки непостоянен, и ложе ее изменяется наносным грунтом, так что в каждый рейс надо идти вперед ощупью, с опасностью повсюду садиться на мель. Во-вторых, река даже в полноводье представляет весьма часто по фарватеру не более пяти футов глубины, что слишком недостаточно для пароходов, назначенных к перевозу товаров, а в осенние месяцы становится вовсе несудоходной. В-третьих, ее протяжение удваивается по причине извилистого ее течения, а по всему этому пространству оба берега предоставлены кочевым племенам, и нет пристанищ, где бы основать складочные места для угля.

Французское судно, плывущее на восток по Средиземному морю. XVIII в.

Препятствия эти были постигнуты Индийской компанией после сделанного ею в 1841 г. опыта двумя небольшими пароходами (в 5 или в 10 сил), которые поплыли вверх по реке от Басры до Биреджика, помогая друг другу, ибо им предстояло попеременно сниматься с мелей. Один из них даже погиб на возвратном плавании. После этого неудачного опыта компания отказалась от торгового пути в Индию чрез Сирию и деятельно приступила к

устройству правильных сообщений чрез Египет. Таким образом, Сирия лишена и последней надежды новой промышленной эры. Может быть, даже не физические препятствия заставили компанию предпочесть Египет, может быть, политические бури, всегда висящие над горизонтом Сирии, показались опаснее для торговли, чем бури Красного моря. Уже англичане купили важный пункт на Аравийском полуострове – мыс Аден, замыкающий Красное море насупротив африканского материка и служащий складочным местом для угля и окном к жителям полуострова для сбыта мануфактур.

Возникшие в Сирии под султанским правительством смятения лишили этот край лучшего дара египтян – безопасности внутренних сообщений. Благодаря усилиям Ибрахима караваны могли чрез пустыню отправляться из Багдада в Дамаск с индийскими и персидскими товарами и возвращаться с вьюками английских мануфактур, сбываемых в Месопотамии, в Бахрейне и в Южной Персии. В 1845 г. бедуины напали на огромный караван из 3 тыс. верблюдов, следовавший из Дамаска в Багдад, награбили товаров на несколько миллионов, разорили дамасскую торговлю и заставили купцов ограничиться сообщениями с Багдадом чрез Халеб и Мосул путем втрое длиннейшим, но менее опасным, чем прямой путь из Дамаска чрез пустыню.

Глава 19

Восстановление султанских властей в Сирии. – Гонение на христиан. – Разделение Сирии на пашалыки. – Последовательные ошибки турок. – Доходы и расходы. – Введение торговой конвенции 1838 г. – Исторический обзор торговой системы Турции и приложение теории о свободной торговле. – Уничтожение монополий. – Новая система администрации и ее направление. – Влияние реформы и завоевания на моральное развитие сирийских племен.

Мы указали на те важные ошибки, которыми ознаменованы первые действия союзников на сирийском берегу. Вместе с призывом к бунту и с раздачей оружия народу турецкие паши и английские офицеры стали наобум сулить сирийским племенам всякие несбыточные льготы. Так-то при самом восстановлении султанских властей в Сирии разыгрались анархические страсти, которые в продолжение семи лет египетского правления с трудом были обузданы.

Всего прежде выразились они преследованием на христиан во всех тех местностях, где преобладает мусульманская стихия. Мы уже имели случай заметить, что веротерпимость египтян послужила к раздражению фанатизма в массе мусульманского народонаселения. Мы видели, какие бедствия грозили христианам по всей Сирии в эпоху Незибского сражения. Даже теперь, по мере того как появлялись султанские знамена, и несмотря на то, что знамена эти укрывались еще под тенью христианских флагов, мусульмане приветствовали их гонением на христиан и на всех иноверцев. Была пора сходбища мухаммеданских поклонников в Дамаске для следования в Мекку. Дамасская чернь в восторге избавления своего от грозного Ибрахима до того разъярилась правоверной злобой, что даже персидские поклонники, прибывшие сюда в числе 2 тыс., не могли показаться в национальном платье под опасением публичных поруганий и кровавых обид за свой мухаммеданский раскол. Празднуя возврат старинного приволья, Сирия выражала

свою преданность султану анафемой на Ибрахима, на введенное им гражданское устройство и на предписанную им веротерпимость.

Христиане отовсюду прибегали к консульствам, преимущественно к русским. Нерадение и неспособность новых правителей, отчасти даже их желание привлечь к себе сочувствия своих единоверцев участием в страстях, которые волновали народ, вполне оправдывали вмешательство агентов союзной державы в дела по внутреннему управлению, когда предстояла необходимость отвратить грозившие христианам бедствия. Смелые и решительные меры, принятые во многих случаях консульствами, нарушали права законной власти, но вполне оправдывались преступным поведением представителей этой власти. В январе 1841 г. по настоянию русской миссии в Константинополе были изданы фирманы о защите и покровительстве христиан сирийских с подтверждением тех льгот, какими пользовалась церковь под египетским управлением, особенно в Иерусалиме. Воспрещалось всякое взыскание с монастырей и с поклонников. В красноречивом, напыщенном, но неясном слого фирманов паши поняли, что Порта лишь в угоду своим союзникам лишала их лучшей доходной статьи завоеванного края. Они были уверены, и небезосновательно, что порывы правоверного фанатизма нравились правительству халифа, служа порукой ненависти сирийских мусульман к египтянам. Ни Порта, ни представители ее в Сирии не могли понять дознанной Ибрахим-пашой истины, что фанатизм черни, хотя направленный, по-видимому, на иноверцев, питает в ней анархические навыки старины и служит препоной упрочению всякой власти. Консулы, со своей стороны, придерживаясь прямого смысла фирманов, стали решительнее бороться против султанских властей, и с той поры не прекращается в Сирии вмешательство великих держав в дела по управлению, как оно ни предосудительно влиянию султанскому.

ейрут. Гравюра В.Г. Бартлетта, 1820-е гг.

Разрушая египетскую систему управления, которая была отлично приурочена к местностям и к политическому состоянию края, Порта по-старому разделила Сирию на несколько пашалыков, или эялетов. Халебскому были даны прежние его границы; Таврийские округа составили Аданский пашалык; Тараблусский вошел в состав Сайдского эялета, которого столицей сделался Бейрут. Иерусалим и вся Палестина составили особый санджак, управляемый мирмираном (генерал-лейтенантом, или старинным двухбунчужным пашой) под надзором сайдского мюшира (трехбунчужного паши).

Личные качества Эсад-паши халебского, старого истребителя адрианопольских янычар, спасли эту часть Сирии от потрясения. В Дамаск был назначен сперва Хаджи Али-паша и вскоре затем переведен в Джидду для управления Меккой и Мединой, а на его место поступил Неджиб-паша, один из самых образованных и любезных эфенди ев старого покроя, любитель литературы и поэт, служивший дотоле в министерствах, где он не мог приобрести никаких практических дарований в науке управления. К тому же он был напуган воспоминанием о последнем дамаском паше Селиме, растерзанном чернью незадолго до вторжения египтян; он слышал со всех сторон проклятья правоверного народа на Ибрахима за его вольнодумство, которому приписывались все его строгости к мусульманам. Неджиб слыл в столице вольнодумцем; в Дамаске прикинулся он ханжой, в надежде тем привлечь к себе сердца и усилить свое влияние. Но он успел только внушить дамаской черни дерзость и самонадеянность. Когда же в осень 1841 г. при отзыве ливанских междоусобий чернь предалась неистовствам, паша постиг свою ошибку и убедился в истине, дознанной Ибрахимом, что веротерпимость и укрощение фанатизма служат в Сирии лучшими поруками влияния законной власти на умы народа {В ту пору, находясь в Дамаске, объяснялся я с Неджибом в этом смысле, требуя укрощения правоверной черни, которая грозила сжечь церкви в самом Дамаске. Теория Ибрахима о веротерпимости произвела на его ум большое впечатление. Посреди нашего разговора привели к паше христианина, которого побили до полусмерти мусульмане за то, что он показался на базаре в белой чалме, тогда как они хотели возобновить старинное воспрещение ярких цветов христианам. Несчастная жертва фанатизма успела снять преступную чалму и окутать израненную голову черным платком. Когда паша осведомился о причине его несчастья, то в присутствии всего своего двора он велел ему тотчас снять черный платок и надеть белую чалму, а виновных наказал. Один из них в фанатическом исступлении стал тут кричать, что он не узнает своего паши, наместника султанского, в покровителе гяуров. Неджиб приказал отвести его в дом сумасшедших, содержать там в цепях, а по излечении от восторгов дать ему 300 плетей по пятам. Затем паша, по моему требованию, посадил в кандалы старост двух селений, где мусульманская чернь сожгла церкви, и содержал их в тюрьме, пока виновники не возобновили церквей своим трудом и на своем иждивении. Эти примеры произвели самое спасительное действие в Дамаске, избавили христиан от обид, усилили правительственную власть и даже способствовали к успешному сбору податей. Неджиб не имел опытности, но имел тонкий ум.}.

Побережная полоса Сирии – от Латакии до Газы, с Ливаном, с Галилейскими и Иудейскими горами – искони таит в себе зародыш политических волнений, с преданиями о наследственных распрях между племенами, населяющими этот край. Здесь всего более

разыгрались народные страсти в последнюю войну под влиянием внутренних и внешних деятелей. Здесь преимущественно отозвались ошибки новых властей, которые так неосторожно пробивали себе дорогу, раздувая вихрь безначалия и мало заботясь о последствиях. К тому же выбор пашей, которым Порты вверяла Сайдский эйалет и Палестину, был самый неудачный. В продолжение семи лет восемь пашей сменились последовательно в Бейруте и столько же в Иерусалиме.

Турки ни сведений, ни опытности, ни способности достаточной не имели, чтобы по собственным внушениям или по преданиям жалостной старины образовать новое управление Сирии. Они могли извлечь много выгоды себе от опыта, приобретенного египтянами, если бы они поберегли те гражданские постановления, которые согласовались с правилами и видами султанской власти. Напротив того, они поспешили все разрушить, все уничтожить именем танзимат хайрие, т. е. прав, дарованных султаном в Гюльханейском манифесте, хотя права эти существовали только в теории или, вернее сказать, были только обещаны. Прежде чем составить себе какое-либо понятие о финансовых средствах новоприобретенного края, они уничтожили египетскую хозяйственную систему. Не станем уже говорить о злоупотреблениях турецких чиновников при самом занятии Сирии. 70-тысячная египетская армия была всем снабжена на один год; ее магазины достались победителям, а 15-тысячная турецкая армия не нашла в них провианта на полгода. Великолепная антиохийская мыза была расхищена. Из всех хозяйственных обзаведений египтян остались одни нагие здания. Новонаселенные Ибрахимом земли опустели.

При ниспровержении всех гражданских постановлений египтян народ был убежден в том, что уже никаких податей платить не будет, кроме поземельной подати мира, которой искони обложен каждый округ и которая при упадке монеты едва ли соответствует теперь двенадцатой доле первоначальной своей ценности. Этими опрометчивыми мерами Порты хотела приласкать народ и упрочить завоевание Сирии сочувствием ее племен к султанскому правлению. Было вернее достигнуть этой цели прощением недоимок или дарованием податей за полгода или за год, не отрекаясь от законных прав власти.

Когда не стало денег, турки в противность своим обещаниям начали обращаться мало-помалу к египетской системе налогов и по-старинному отдавать на откуп много податных статей. Поголовная подать фирде, о которой мы уже говорили (гл. 7), была восстановлена под именем вергы, с уступкой от казны одной трети противу списков египетского сбора. Народ роптал, а правительство при усилении налогов не могло, однако ж, уравновесить итог приходов и расходов по сирийскому управлению и по содержанию 15– или 20-тысячного корпуса в завоеванном крае. В семь лет Сирия поглотила более 300 тыс. мешков (около 9 млн руб. серебром) из государственной казны. К тому же при слабости управления сумма недоимок с каждым годом усугубляется, а в нынешнем (1847) году достигает уже 140 тыс. мешков. Одни таможи представили при новом финансовом устройстве значительные барыши в сравнении с периодом египетским; но этого не должно приписать усилению торговли и промышленности края – напротив, и торговля, и промышленность значительно ослабели, – но единственно введению нового тарифа на основании торговой конвенции 1838 г., которая уничтожила все монополии по отпускной торговле и все внутренние пошлины с привозных товаров.

Конвенция эта составляет новую эру для торговли Османской империи с европейскими державами и вместе с тем одно из важнейших государственных преобразований; а потому мы должны объяснить здесь ее основания.

В эпоху первоначальных своих торговых трактатов с европейскими государствами Турция обложила внешнюю торговлю общей трехпроцентной пошлиной как по привозным, так и по отпускным товарам без всяких ограничений. Таким образом на Востоке были заблаговременно осуществлены самые смелые новейшие теории о свободе торговли, развившиеся теперь в английском обществе под именем free trade. Всеобщее обеднение государства, столь пышно одаренного всеми богатствами почвы и климата, изнеможение и разрушение древней его промышленности, которая от времен незапамятных делала Европу данницей Турции, красноречиво отвечают на все эти теории, ложные, как все теории безусловные, которых поборники и проповедники упускают из виду обстоятельства края и эпохи и степень и направление промышленного развития общества, страстно оглашаемого учением привлекательным.

Мы не станем приписывать системе свободной торговли упадка земледелия в Турции, убыли народонаселения и продуктов и всех неизбежных последствий турецкой правительственной системы. Но чему другому припишем мы совершенный упадок мануфактурной промышленности, к которой всегда правительство было благоприятно, которая, укрывшись в городах, менее терпит и почти не терпит от политических тревог края? Сирийские города в совокупности имели лет за сорок пред сим до 50 тыс. станков для шелковых, полушелковых и парчовых тканей. Теперь едва их наберется 2500. Прочные и красивые произведения народной промышленности заменены по всей Турции самыми плохими ситцами Манчестера, приновренными по рисунку к местному вкусу. Если положить по малой мере 70 копеек серебром чистой прибыли в рабочий день с каждого станка, то Сирия с потерей этой промышленности лишается более 33 тыс. руб. серебром чистого дохода в день, а эта сумма удвоится, если возьмем в расчет торговый оборот местного товара, заготовление грубых материалов, красок и проч. В Иудейских горах, в Набулусе и на Ливане заготовлялось много бумажной пряжи, и в исходе прошедшего столетия вывозились из Яффы и Акки ежегодно три или четыре груза бумажного холста, который потреблялся в колониях на рубахи для негров. Теперь феллахи продают свою хлопчатую бумагу, которой весь урожай может простираться до полумиллиона рублей, а в Сирию привозится ежегодно на три миллиона бумажной пряжи, холста и ситцев английских. Эти простые цифры кажутся нам красноречивее и отчетливее всяких теоретических толкований о непрременном равенстве итогов между производительностью и потреблением каждой страны и о временных кризисах в каждой промышленности. Они становятся еще выразительнее при виде возрастающего с каждым годом убожества семейств прежних фабрикантов в Халебе и в Дамаске. Проповедники безотчетно вольной торговли советуют разоренным фабрикантам сломать отцовский станок и обратиться к плугу; но сбыточно ли это на опыте? Укажут ли нам хоть один пример, чтобы народонаселение, взросшее в мануфактурной промышленности, преобразилось в земледельцев, разве поколения два или три предварительно обнищают?

На неизменном основании общей трехпроцентной пошлины Турция заключала с каждой державой срочные тарифы, которые изменялись вместе с ценой товаров и достоинством

монеты. Между тем по мере истощения государственных доходов в стране, обреченной прогрессивному обеднению, и по мере возрастающих бед внутренних и внешних правительство нуждалось в деньгах. Сперва размножились таможи по внутренней торговле, и в противность смыслу трактатов взимались пошлины с европейских товаров даже при перевозе из одного порта в другой. Посольства жаловались, но Порты упорствовала в своих притязаниях и по-своему толковала трактаты. С другой стороны, она стала вводить монополии по некоторым продуктам, и мало-помалу система эта до того распространилась, что в последние годы царствования Махмуда почти все предметы отпускной торговли закупались правительством у производителей по назначаемым от правительства ценам, в ущерб производительности. Иногда дозволялось торговле покупать эти продукты у самих производителей, но не иначе, как в силу особенных фирманов с платой пошлин, превосходящих цену товара, сверх положенной по тарифу таможенной пошлины. На этом основании каждый паша облагал по своему усмотрению отпускную торговлю своей области. Государство беднело, земледelec, принужденный уступать свои произведения откупщику или паше за бесценок и большей частью не обретая мзды за свой труд, оставлял поля свои необработанными и довольствовался насущным хлебом. Подобно тому как безотчетная свобода привозной торговли подрывала мануфактурную промышленность, запретительные меры, откупы и монополия на простые продукты убивали самую производительность.

Ни в одной из османских областей система монополий не получила столь общего и строгого применения, как в Египте. Паша мог заставлять силой феллахов возделывать плодородную долину Нильскую. Он удесятерил ее производительность и заблаговременно умножил свои доходы до неимоверной суммы 800 тыс. мешков египетских (около 27 млн руб. серебром).

Уже давно вопияла европейская торговля противу монополий и внутренних таможен. Правительство начало постигать коренной порок системы, убийственной для народной промышленности, обращающей плодородные поля в степи, хотя и служила она источником временных прибылей для казны. Впрочем, убедительнейшим доводом противу монополий послужил тот расчет, что с их уничтожением иссякал главный источник богатств и силы Мухаммеда Али. Это было в 1838 г., в ту пору, когда все помышления Махмуда были устремлены на Сирию. Заключена конвенция первоначально с Англией (5 (17) августа) по поводу периодического возобновления ее тарифа, потом с другими державами. Этой конвенцией отменялись все монополии и все внутренние таможи империи, а взамен того набавлялись таможенные пошлины по 9% с отпускных товаров и по 2% с привозных, но с тем, что товар, однажды очищенный этой добавочной пошлиной, мог свободно переходить с одного рынка на другой или вывозиться за границу. Таким образом, вместо основной трехпроцентной пошлины привозные товары подвергались пяти-, а отпускные – двенадцатипроцентной.

Странной покажется, без сомнения, эта пропорция; всякое государство силится по возможности благоприятствовать сбыту собственных произведений и преимущественно обременяет пошлинами привозные товары. Еще страннее покажется она, когда вспомним, что Турция снабжает теперь другие государства только грубыми продуктами, а получает взамен мануфактурные изделия. Но турки имеют иные экономические понятия, и в

конвенции 1838 г. всего более проглядывает мысль политическая, враждебная Мухаммеду Али, и преобладает внешнее влияние, которому всего более старались угодить турки, чтобы внушить сочувствие к себе и усугубить гнев Европы на египетского вассала. Заметим, что в ту эпоху под опасением банкротства Мухаммед Али не мог покориться фирману об уничтожении монополий.

Мы уже упоминали, что в Сирии Мухаммед Али не вводил монополий, он даже даровал торговле сирийской более свободы отменением прежних запретительных мер. Приноровить сюда закон принужденного труда поселян, подобно Египту, для усиления производительности было невозможно по причинам политическим и по самому свойству сирийской почвы. Оставалось только льготами привлечь народ к земледелию. По этой самой причине введение новой торговой системы здесь не встретило больших препятствий. Оно доставило туркам вчетверо более таможенного дохода, чем под египетским управлением (около 20 тыс. мешков).

Относительно устройства гражданской власти мы уже поясняли в первой главе этой книги откупную систему самого управления областей и округов. Основная практическая реформа нынешнего царствования состоит в том, что паши и муселимы не заведуют теперь ни хозяйственной частью, ни военной силой. Они получают жалованье, вместо того чтобы пользоваться казенными доходами за уплатой условленной суммы в казну. В каждом пашалыке назначается особенный чиновник, дефтердар, от министерства финансов для заведования доходами и расходами. В каждом округе пребывает мухасиль для счетных дел. Но есть еще много округов, где по необходимости продолжается старинная откупная система ильтизамов. Попытки Порты к уничтожению ильтизамов тем менее удачны, что ее сановники, от министров до окружных начальников, продолжают извлекать из них [откупов] значительные прибыли в свою пользу, входя в сделки с откупщиками и разделяя с ними барыши. Порой паши закупают сами ильтизам под чужим именем. Легко представить себе, какие страшные притеснения терпит народ, когда сам правитель области участвует в откупе десятины, например, с полевых продуктов, которая по существу своему и способу ее взимания в Турции всего более дает повод к злоупотреблениям.

Военная сила составляет в Сирии отдельный Аравийский корпус (Арабистан ордусу), один из пяти корпусов империи, и состоит под управлением своего сераскира и в прямой зависимости военного министерства. Гражданские власти обращаются к военным, когда им нужно содействие военной силы, а для градской и земской полиции им предоставлено содержать нерегулярное войско или вооруженных служителей пеших и конных. Из всех османских областей одна только Сирия свободна до сего времени от рекрутских наборов, как будто правительство дает ей оправиться от непомерно тяжелых египетских наборов, как будто старается этой снисходительностью искупить вину своих представителей в Сирии {Рекрутские наборы начались в Сирии в 1851 г.}.

При всем своем стремлении к централизации Порты не отменила доселе старинного правила, в силу коего все чины по гражданскому управлению в областях предоставлены непосредственному выбору и ведению паши. Каждый раз при смене паши его преемник назначает новых лиц из своего штаба или из туземцев по всем подведомым ему округам.

От 30 до 40 округов входят в состав Сайдского эялета. Из них большая часть, особенно страны гористые, предоставлены туземным семействам, которые домогаются прежних своих прав и прежнего влияния, подавленного египетским правлением. Как ни предосудительны их притязания для правительственного благоустройства и для султанской власти, стремящейся к обузданию феодального деспотизма, однако неспособность и безнравственность турецких чиновников, избираемых из челяди пашей, во многих отношениях оправдывает дворянство Сирии и содействует к торжеству его в борьбе то явной, то скрытной, но всегда упорной и деятельной, против нововведений, ему ненавистных. В городах назначаются муселимы-турки из свиты пашей. Можно себе представить постоянную суматоху всего управления при периодической, почти ежегодной смене всех этих кочующих из области в область правителей с каждым новым пашой. Под знаменем политической реформы лихоимство заменило старинные откупы по управлению, а козни дворянства, вражды семейные, борьба партий проявляются почти те же, какими неоднократно мы имели случай их видеть в прежнюю эпоху Сирии. Как бы то ни было, опыт и предания египетского периода и еще более – направление центральной правительственной власти и ограничение прав султанских наместников в областях имеют спасительное влияние в этой анархической стране, несмотря на все неудачи, на все промахи, которыми ознаменованы доселе попытки турок в Сирии. Правительственная власть уже не проявляется в своем прежнем свирепом виде. Нет ни народных опал, ни произвольных казней, ни безотчетных поборов и пеней. Если феодальное самоуправство в союзе с народными навыками еще упорствует в своих бесчинствах, зато теория, по крайней мере, о правах подданных с каждым годом распространяется, и чувство о них проникает мало-помалу во все сословия.

Может быть, человеколюбивые начала, какими теперь руководствуется Порта в управлении Сирией, далеко не соразмерны с нравственным бытом края; может быть, они столько же повредили в народном мнении мысли о ее могуществе и мудрости, как и ошибки ее представителей; но во всяком случае нельзя не видеть в них радостного для человечества успеха. В этом отношении новое турецкое правление в Сирии предпочтительно суровому управлению египтян. Вспомним и то, что гений преобразований, когда даже достигнет естественных своих пределов, всегда по самому направлению своему переступает за них в порыве первоначальной удачи или из опасения, что всякая остановка осудит его роковой реакции.

С 1839 г. Порта направила все свои усилия к тому, чтобы более и более обуздать власть своих наместников. Приписывая самоуправству пашей ослабление империи и опустошение самых цветущих областей, она сама отказалась от произвола в силу эластической теории Гюльханейского акта, а взамен того подчинила султанских наместников в областях и вообще исполнительную власть таким ограничениям, которые осуждают власть эту совершенному бессилию особенно тогда, когда Порта не благоволит к наместникам.

Система эта в свою очередь повела к новому злу, к ослаблению того начала, на котором преимущественно держится власть в государстве. От самого основания боевой империи Османской до наших дней главным элементом внутренней ее силы, ее правительственным промыслом, можно сказать, был страх. Не закон, не доверенность и не любовь народная,

но один только страх султанского имени связывает воедино эти разнородные обломки, из которых она насильственно скована. На том же основании в каждой области наместник султана содержал до наших дней в повиновении народ одним только страхом, и чаще для зрелища толпы, чем по врожденному неистовству пашей, лилась кровь и слышались вопли народные. Этому грозному элементу нанес смертельные удары русский штык со времен Екатерины. Внутренние бедствия, которыми ознаменовано царствование Махмуда, еще более его ослабили. Было необходимо молодому султану искать нового элемента внутренней силы для царства, угрожаемого разрушением, и призвать к себе сердца, чтобы отеческим управлением искупить вековые жестокости, которые именем его предков тяготели над народом. Преобразование это, без сомнения, рациональнее и труднее, чем все то, что совершил его отец.

В таком смысле поняла Европа хатти шериф Гюльханейский. Мы объяснили уже значение этой прославленной реформы и основную мысль, которой руководствовались ее деятели в ущерб султанской власти. Последствия реформы по всему пространству империи и политические кризисы Сирии, о которых остается нам еще говорить, совершенно оправдывают воззрение наше. Мы не боимся упрека в пессимизме, по крайней мере со стороны тех наблюдателей, которые умеют ценить правительственные реформы не по фразам, не по теориям и обещаниям, провозглашаемым во всеуслышание подданных и внешнего мира, но по существующим средствам, по сокровенным пружинам правительственной деятельности, по преобладающим интересам, по настроению общества, по местным элементам и обстоятельствам, по практической стороне дела, не по театральной его обстановке.

Замечания эти нисколько не клонятся к тому, чтобы безусловно осудить направление, принятое реформой 1839 г. Направление это крайне предосудительно для династических интересов Османского царства. Нет сомнения в том, что оно благоприятствует успехам сокрушительного начала, давно уже обнаруженного. Оно осудило бессилию самодержавную власть султанов, которая могла бы возродить царство, следуя тому пути, какой был избран высоким умом и железной волей Махмуда. Но в отношении племен восточных, как ни горестна предстоящая им перспектива новых испытаний, быть может, то направление, которому следует реформа, поведет их к лучшей будущности.

Когда дело идет о Турции и о правительственных мерах этого государства, беспристрастие налагает на нас обязанность строго отличать государственный интерес от интересов общественных. В Турции нет народа в том смысле, как мы понимаем слово народ в отношении к государству. В Турции существуют племена, соприкоснувшиеся к государству одной материальной силой. Посреди их племя, самое грубое, отсталое и ленивое, облечено правом владетельным. Четыре века систематического безотчетного насилия и кровавых оргий противу веры и народности побежденных племен не успели придать владетельному племени другого преимущества, кроме навыка внушать страх и освящения в глазах внешнего мира того права, которое было добыто саблём. Правительство пребыло исключительно турецким или, вернее сказать, мусульманским; а покоренные племена, сохранившие веру своих отцов, пребыли в состоянии рабства.

Наступил девятнадцатый век. Народный элемент, пробужденный в семье христианских государств народными войнами и отголоском идей, восторжествовавших во Франции, стал всюду обнаруживать новые силы и новые требования, а порой восставал из гроба. При усилении торговых и политических связей Запада с Востоком и после вековой борьбы России с Турцией понятие о правах человеческих и народных стало проникать среди страдальческих племен османского Востока. Племена эти восторжеслись. Правительство, не постигая смысла наступившей эпохи и проявившегося нового элемента, продолжало в первую четверть нашего века по-прежнему свирепствовать в борьбе с непреодолимой силой народностей. Но вслед за истреблением янычар Махмуд, уже испытанный в борьбе с собственным племенем, с греками и с сербами, стал лучше понимать значение эпохи и приданное внутренними и внешними обстоятельствами новое направление судьбам Османской империи. Он деспотически стал готовить коренную реформу, о которой мы уже говорили, единственную способную спасти царство и династию обновлением политического здания Востока на христианском начале.

Со смертью Махмуда разрушились задуманные им планы. Гюльханейский заговор министров опутал в свои сети слабого его преемника, и с провозглашением веротерпимости открылась новая эра преследования противу христиан и противу народностей – преследования иезуитского. С той поры более чем когда-либо разлучился в Турции правительственный интерес от общественного и, сделавшись исключительной принадлежностью владетельного племени и касты, обусловился антагонизмом, который по необходимости существует между господином и рабом. Подвластным племенам осталась надежда внутреннего развития, вопреки враждебным умыслам власти. При такой обстановке противодействующих элементов кто вправе порицать подвластные племена греков и албанцев, сербов и болгар, валахов и молдаван, армян и халдеев, курдов и бедуинов, друзов и ансариев, когда хором радуются они всякому бедствию Османского царства и владетельного племени? В Европейской Турции давно уже подвластные племена под влиянием внешних деятелей и благодаря собственной энергии и опыту в бунте ознакомились с понятием о правах человеческих, так безотчетно попорченных на Востоке. Они сохранили воспоминание о прежней своей самостоятельности и надежду на будущее. Но в Сирии, как и в Малой Азии и в Египте, подвластные племена, в особенности христианские, в период двенадцативекового рабства свыклись с мыслью, что жизнь, и честь, и имущество раба предоставлены произволу властелина, что правосудие не входит в обязанность лица, облеченного властью; что османское племя по преимуществам породы владеет краем и племенами края; что паша, муселим или деребей и вся правительственная или феодальная челядь созданы собственно для того, чтобы грабить и губить, точно так, как саранча порождается из земли, чтобы опустошать жатвы.

В таком-то настроении застал сирийские племена Ибрахим в 1832 г. Под его управлением всякое правосудное распоряжение с подвластными возбуждало в народе еще более удивления, чем радости. Новая идея о правах человеческих стала проникать в народные понятия. Турки были изгнаны из Сирии в чалмах и в туфлях. Чрез восемь лет возвратились они в фесках, в узких куртках, в лакированных сапогах и в сопровождении союзников-гяуров. Все-таки сирийские племена узнавали в них коренные навыки своих властелинов. Мы видели уже, как отличалась турецкая десантная бригада, умышленно наряженная Мухаммедом Али в поход против бунтовавших горцев. Но теперь, по

водворении султанских властей, туземцы стали подслушивать смелое вмешательство агентов великих держав в дела правительственные и административные; они поняли, что паши, вопреки собственному чувству и вследствие навязчивого надзора консулов, проповедовали веротерпимость и силились выказать себя правосудными к подвластным.

Затем были обнародованы фирманы, которыми султан по настоянию посольств красноречиво пояснял своим пашам, что жизнь, честь и имущество подданного, без различия вероисповедания, обеспечены законом. Все это произвело в массах глубокое впечатление. С одной стороны, зародыш понятия о человеческих правах стал развиваться, с другой – мысль о всемогуществе Порты и ее агентов и вообще челяди турецкой стала ослабевать. Когда турецкий чиновник, или конюх, или чубухчи из свиты пашей обижал встречного христианина, обиженный мог жаловаться самому паше или прибегать под защиту консула и искать удовлетворение. В старину подобная смелость отплачивалась жизнью. Вот почему говорим мы, что новые распоряжения Порты при пособии местных обстоятельств имели спасительное влияние на судьбы племен, благоприятствуя развитию понятия о правах человеческих, сего краеугольного камня всякого гражданского успеха. Мы говорим о правах человеческих, не о правах гражданских, слишком недоступных до сей поры очерствелым в рабстве и в унижении племенам Востока.

Заметим при этом, что обхождение английских офицеров с турками как во всю кампанию, так в особенности по прекращении военных действий много содействовало к убеждению сирийских племен в упадке могущества турецкого. В союзном лагере в Джунии палатка коммодора Непира занимала центральную позицию на возвышенности, и над нею развивался английский флаг. Гораздо ниже виднелись по обеим сторонам флаги турецкий и австрийский. Туземцы вспомнили, что лет за десять пред тем, когда Англия учредила свое консульство в Бейруте, городская чернь под предлогом, что тень флага, на котором изображен крест, падала на ближнюю мечеть и сгоняла ангелов, почивающих на куполе, заставила консула спустить свой флаг и искать квартиры вдалеке от мусульманского квартала и от мечети. Османский сераскир состоял теперь под начальством коммодора и сносил всякие обиды. Капитаны и поручики английского отряда давали приказания пашам, не щадя нисколько турецкой спеси, одной из деятельнейших пружин могущества турецкого.

Французские агенты, со своей стороны, озлобленные на турок за их союз с англичанами, стали обходиться с ними презрительно и искать предлогов к ссорам, а Порта строго приказывала пашам избегать всего, что могло бы подать повод к жалобам со стороны Франции.

Отношения русского консульства к местным властям были более дружелюбные. Но христиане, подданные султана, прибегали под покровительство русского флага толпами, и паши сносили контроль, вынужденный их нерадением и крайне предосудительный для вверенной им власти. Изданные от сераскира предписания по всем округам с угрозой строгого взыскания за обиды, наносимые христианам и их церквям, были разосланы к местным начальствам чрез русское консульство, и в них упоминалось во всеуслышание о жалобах консульства. Тупоумный паша с той целью делал это, чтобы пред своими единоверцами оправдать самого себя в противодействии их изуверству. Он упускал из

виду, что тем самым узаконялось вступничество агента христианской державы, на которую подданные султана привыкли уповать. Предписания паши были испещрены цитатами из Корана в пользу веротерпимости. Известно, что в Коране заключается решительно все, альфа и омега политики и юриспруденции. [...]

Стоит только с доброй волей приняться за толкование, как это делают стамбульские книжники и фарисеи, когда правительство искренне и строго прикажет. Так бывало при Махмуде. Министерство не смело тогда юридическими кознями противодействовать воле султана при помощи улемов и хитрить пред посольствами, ссылаясь на коренные законы ислама. Но при Абдул Меджиде министры и улемы доказывают невозможность отменить смертный приговор над муртадом, христианином, уличенным ложными свидетельствами, будто он обратился в мухаммеданство, и отрекающимся от Мухаммеда, равно и невозможность принять свидетельство христианина в деле, свидетельствуемом мусульманином. Однако в Коране нет и намека на то или на другое из этих чудовищных постановлений. Угроза войны со стороны христианских держав заставила Порту смягчить закон о муртадах; но другой закон, которого влияние несравненно пагубнее для христиан и для государственного благоустройства, пребывает доселе во всей силе. Так-то при самом вступлении турецких властей в завоеванный край их оплошность и неспособность, с одной стороны, а с другой – неизбежные последствия союза с европейскими державами, влияние Гюльханейского манифеста и изуверство мусульманского народонаселения Сирии послужили по воле провидения к добру, благоприятствуя развитию новых идей, новых чувств в народных массах. Направление это повело к кровавым кризисам, о которых нам остается говорить, и подвергло христиан сирийских горьким испытаниям. Возобновление подобных кризисов в непродолжительном времени не подлежит сомнению. Тем не менее племенам сирийским открывается теперь новая перспектива, а владычество турецкое, служащее препоной гражданственности, начинает уже колебаться и в этой страдальческой стороне, подобно тому как колеблется оно в европейских областях империи.

Глава 20

Исторический эпизод о подвигах Кючук Али-оглу в Паясе и о сыновьях его Дада-беке и Мистик-беке.

Изучая политические судьбы сирийских племен, мы преимущественно обращали внимание на события ливанские. В сих-то событиях и в предприятиях Дахир эль-Омара мы следили народный элемент в различных его проявлениях и периодах. Ливанские горцы во всех отношениях имеют право занимать первый план этой исторической картины; за ними виднеются разнохарактерные племена других сирийских гор и равнин с бесцветными преданиями, с бледной будущностью, а в глубине картины, в песчаной ее перспективе, кочуют бедуины и в наши дни, как и в века ветхозаветные.

Мы присовокупим сюда исторический эпизод, который послужит живейшим выражением степени правительственного влияния и быта народного в северо-западном углу Сирии, там, где преобладает уже не арабский элемент, но туркменский, по соседству Тавра.

Между множеством свежих преданий, которыми преизобилуют все местности Сирии, мы выберем рассказ о подвигах Кючук Али-оглу в сирийских Фермопилах, в древнем Иссусе, ознаменованном одной из тех трех побед, которыми македонский герой решил судьбы Востока в триумфальном своем походе от Фракии до Инда и до крайних пределов известного мира. Это классическое место именуется теперь Паяс {Вероятно, испорченное турецкое слово «беяз» – белый, от близ возвышающихся снежных вершин Тавра, которого последние отрасли замыкают Сирию с этой стороны.}. Тавр, выступая из Малой Азии, вперяется отвесно в самое море, обнимая цепью суровых, снегом увенчанных скал тот просторный залив, которому дано имя от городка Искендеруна, древней Александрии, основанной великим Искендером (Александром) в Сирии взамен разрушенного им Тира. Под влиянием злокачественных эндемических лихорадок, спутниц всякого разрушения, давно уже одичали эти берега, народонаселение постоянно в них убывает. Путь стиснут между скалами и морем, так что местами легко может быть он прорезан валом. Десять удалых стрелков могут остановить здесь целую армию. Между тем путь этот представляет вернейшее и кратчайшее сообщение между Анатолией и Сирией, а в случае его пресечения путнику предстоит огибать Тавр через восточные его отрасли и совершать более десяти переходов по самым трудным горным тропинкам. Городок Паяс расположен во внутренней стороне Искендерунского залива, там, где проход представляет наиболее удобств к защите.

Халиль-бей, пожалованный в паши Селимом III и известный под именем Кючук Али-оглу, провел молодость в средних годах [XVIII] века при своем отце Али в качестве простого разбойника-туркмена в горах над Паясом. В ту пору город этот производил еще некоторую торговлю с Египтом и доставлял туда около 200 вьюков шелку своего урожая. Молодой Халиль беспокоил город смелыми наездами, промышлял разбоем в окрестностях и разорял сады и плантации. Хозяева стали откупаться подарками; обычай вошел в закон; разбойник облагал город и обывателей известной повинностью, которая вносилась от одних натурой, от других – деньгами. Успех усилил средства удальца. Когда шайка его умножилась до пятидесяти человек, он замыслил овладеть самым городом. Изменой погубил он одного за другим всех тех из горожан, кто отличался умом, богатством или влиянием. Оставался один только из приматов мусульман, оберегаемый верными слугами, которого не удавалось умертвить обыкновенными средствами. Халиль заключил с ним союз; дал ему в замужество свою дочь, внушил ему доверие и чрез два месяца зазвал его на пир в свои горы и собственноручно заколол. Вдова осталась беременна. Когда она родила, Халиль посоветовал своим сыновьям удушить ребенка в пеленках. «Мне, – говорил он, – не стало духа задавить в утробе моей дочери крокодиленка, в котором может со временем восстать мститель».

Так-то Кючук Али-оглу сделался владельцем Паяса и той горы, в которой дотоле рыскал для разбоя. Владельцем значило в тогдашнем управлении Турецкой империи [быть] полномочным, безотчетным господином земли и народа, чести, жизни и имущества всякого, кто был под его рукой. Владельцы эти составляли могущественный класс деребеев, которых права, первоначально дарованные султанами для сохранения горных проходов, обратились со временем, при последовательном расслаблении правительственной центральной власти, в самое необузданное тиранство, основанное на сабле, на удальстве и на недоступной местности, где обыкновенно деребей ставил свое

гнездо. Насилиям их над подвластным народом другой меры не было, как разве терпения промышленного класса [крестьян и ремесленников], чтобы он не разбежался тайком; в таком случае иссякал источник дохода. Впрочем, так как вся империя томилась тем же недугом и паши были не лучше деребеев, если даже и сами они не достигали своего звания из разряда деребеев, то народ терпел и чах тем безнадежнее, что с переменой местности и тирана улучшение его участи было еще слишком сомнительно.

Около полувека Кючук Али-оглу неистовствовал здесь, вселяя трепет в народонаселение и в караваны, которым предстоял путь из Анатолии в Сирию и которые составляли главнейшую статью его доходов. Порта то гневалась на него и требовала его головы у соседних пашей, будто голова деребея была в их руках, то объявляла ему свою милость и жаловала бунчуками, узаконяя именем султана те бесчинства, которых унять не могла. И в самом деле, обоюдные выгоды как Порты, так и деребея требовали доброго между ними согласия. Не имея средства его наказать, Порта не иначе могла ему вредить, как воспрещением всем караванам следовать по взморью в Сирию чрез Паяс. Этим она разоряла деребея, лишая его главной доходной статьи – сбора с караванов. Но зато, когда наступала пора шествия богомольцев в Мекку и когда чиновникам Порты и хаджиям (поклонникам) со всей империи приходилось огибать Тавр, ропот распространялся повсюду. На этом основании деребей просил помилования, и Порта охотно признавала его своим усердным вассалом.

Войско его никогда не превышало числа 200 бродяг и головорезов, но он умел ими щеголять и распространять в народе молву о несметных ополчениях, состоящих в его службе. Для этого он приучил своих сорванцов парадировать вдоль дорог и промеж ущелий и кустарников взад и вперед, точно как это делается с войсками на сцене промеж декораций, в виду проезжавших караванов, которые, не понимая обмана, насчитывали сотни небольших отрядов. На вершинах скал, прилежащих к Паясу, построил он из глины и соломы фантастические стены и ряд фальшивых башен и бойниц. Все это, будучи опрятно выбелено наподобие турецких укреплений, пугало проезжих издалека, будто ряд неприступных крепостей. Порой все смывалось проливным дождем, но и самая непрочность декораций входила в расчеты деребея. По основным понятиям всякой дисциплины праздность ведет к бунту, следовательно, предстояла необходимость не давать отдыха ни телохранителям, ни обывателям, а заставляя и тех и других работать то в перестройках фантастических крепостей, то в починках после дождей и бурь.

К возвеличению страха и славы имени своего Кючук Али-оглу соблюдал еще другое правило: каждый раз при проезде больших караванов, особенно Хаджиев, следовавших в Мекку под предводительством сурра эмини, надлежало выставить вдоль дороги несколько человек, повешенных или посаженных на кол. Стамбульского вельможу деребей уверял в том, что единственно из усердия в исполнении своих обязанностей блюстителя безопасности дорог он наказывал разбойников. Толпа правоверных поклонников, привыкшая искони, как все народы восточные, видеть в неистовстве атрибут могущества и власти, смиренно покорялась взысканиям по произвольной таксе страшного деребея с человека, со скота и с вьюка за проезд чрез ущелья, так исправно им оберегаемые; а, с другой стороны, в случае подготовленного им самим разбоя и насильственного побора

сверх положенной платы – новые жертвы на виселицах служили окончательным удовлетворением всем жалобам.

К

араван. Рисунок акварелью, XIX в.

Случилось, уверяют, однажды, что в тюрьме деребея не стало готовых жертв на обычное зрелище казни к проезду каравана. В такую пору всяк из обывателей, кому неудовольствие деребея грозило выбором его, тщательно укрывался. Уже наступал самый день прибытия поклонников, а деребей унывал в недоумении, боясь омрачить славу, заслуженную многолетними казнями, и уронить эффект Паясской дороги на воображение поклонников по недостатку классической ее декорации. «Придется, – говорил он своим приближенным, – повесить одного или двух из моих башибузуков (наездников), примером сказать, хоть тех, что ограбили без спросу проезжих купцов на прошлой неделе». «Виноваты-то они вдвойне, – отвечали ему советники, – что и без спросу ограбили, и в казну-то вашей светлости внесли самую безделицу, да беда в том, что они поделились с товарищами, а потому казнь их породит ропот в молодцах». Кючук Али-оглу призадумался. «Делать нечего, – сказал он, наконец, со вздохом, – как ни больно сердцу моему огорчать старого менялу, христианина Якуба, да уж, видно, кысмет ему, на роду написано поплатиться за других. Правда, бедняк уж столько лет верно мне служит, да и я зато много его миловал, а разве в самую крайность пришлось мне шарить в его сундуках; а вот уже месяца два лежит он в лихорадке, да так исхудал, что ему уже жизнь не жизнь, а мучение; умереть же все равно на подушке ли или на свежем воздухе». В тот же день больной меняла был повешен ко страху проезжих.

Сам сурра эмини, первостепенный вельможа, которому вверяются султанские дары в Каабу, должен был каждый раз огромными подарками покупать свободный проезд, а в случае, если подарки не были по вкусу деребею, они возвращались с почтительной просьбой одарить чем-либо побогаче в награду за усердие и за баранов, представляемых от имени хозяина округа почетному гостю.

Когда Кючук Али-оглу был пожалован в паши, приемы его остались те же, и даже в домашнем быту он не изменил простоте отцовских нравов туркменского пастуха. Костюма турецкого паши он не принял по той причине, что во всех базарах стамбульских не отыскался кавук {Шапка, обвязанная чалмой, которую носили в старину турецкие паши.} по мере огромной его головы. Гарема он не заводил, довольствуясь двумя законными женами, которые вместо того, чтобы оставаться за решеткой взаперти под стражей евнухов, отправляли всю домашнюю службу по обычаю туркменского племени. Пил он без меры по ночам, но поутру всегда вставал с солнцем, чтобы строить и перестраивать свои декорации или надзирать за сельскими работами. Любил он хвалиться

умеренностью и аккуратностью и ставил себя в образец всем деребейам. И в самом деле, он не позволял своей сволочи разбойничать вне пределов округа и ссориться с соседями, а приказывал довольствоваться тем, что милосердный Аллах посылал им в Паяс. Зато внутри округа все допускалось.

В 1789 г. английское судно, сдавши груз в Искендерунском рейде, поплыло оттуда к месту, именуемому столбами пророка Ионы под Паясом, чтобы налиться водой. Тотчас по повелению Халиль-паши Кючук Али-оглу капитан Фоульс, им [судном] командовавший, и весь экипаж были схвачены и посажены в башню. Деребей требовал выкупа под предлогом законных взысканий за право коснуться его владений, и тем настойчивее требовал выкупа, что ни товаров, ни денег не было найдено на судне. Несчастный капитан, который не мог в мирное время, на берегах дружественной державы, под поручительством трактатов ожидать такого приема, будто на заблудшем островке индийских архипелагов, был так напуган видом, речами и приемами Халиль-паши, что, подозревая, вероятно, его в людоедстве, бросился с высоты башни. Из людей его экипажа одни последовали его примеру, другие померли в заточении. Спасся один малолетний мальчик, над ним сжалился изверг и послал его в подарок голландскому консулу в Халебе Массею, с которым он с давних лет вел дружбу.

Спустя два года французское судно с богатым грузом из Марселя в Халеб, по ошибке шкипера, который искал Искендерунского рейда, пристало в самый Паяс. Шкипер съехал на берег со своими бумагами, чтобы явиться в консульство. Его повели прямо к деребею, который смекнул делом, радушно принял гостей, а меж тем как он их угощал кофеем и шербетами, люди его свозили груз во дворец. Затем судно было затоплено, но шкиперу зла не сделали на основании законов восточного гостеприимства, ибо сам он с доверенностью явился к паше. Ему позволил деребей со всем экипажем следовать в Халеб к французскому консулу и даже дал им провизию на дорогу. Груз состоял из тюков сукна и бархата, из часов и галантерейных изделий, сбываемых на Востоке. Он ценился в несколько миллионов. Все халебские европейцы терпели значительные убытки.

Голландский консул Массей, о котором мы уже упоминали, употребил свое ходатайство у деребея в надежде выручить, по уважению старой дружбы, хоть часть захваченных товаров. Он получил от Халиль-паши ответное письмо следующего содержания: «Благороднейший друг наш, достопочтеннейший в христианском народе! Мы получили драгоценный цвет красноречия Вашего, и содержание оного преисполнило душу нашу сладчайшей радостью при известии о вожделенном здравии Вашем. Что же касается до просьбы Вашей о возвращении каких-то тюков с корабля, занесенного морем к нашему берегу, то Вы хорошо ведаете, что по искренности взаимных между нами чувств все блага мира сего и самая даже жизнь – дело второстепенное. Клянусь тебе Аллахом, что для тебя готов я пожертвовать даже достойным моим сыном Дада-беком, но убедительнейше тебя прошу – не требуй от меня невозможного. Сам посуди: я в разладе с моим султаном (да сохранил Аллах его жизнь до окончания века); меня, видно, оклеветали в Стамбуле, отовсюду угрожают великие напасти, и в таких трудных обстоятельствах очевидно милосердие божье, которое нарочно присылает мне корабль с грузом; а ведь отроду не слышано, чтобы к моему берегу заходили суда с грузом. Не грешно ли человеку отвергать дары божественного промысла? Я знаю, что франки станут требовать удовлетворения и

возмездия у блистательной Порты. Того-то я и желаю, авось посчастливится мне при этой оказии исходатайствовать себе прощение. А впрочем, располагай мной без всяких ограничений, и да сохранит тебя милосердный Аллах».

После подобного отзыва купцы потеряли всякую надежду выручить добром свою собственность; они обратились с жалобами в Константинополь. Порта снарядила экспедицию из нескольких военных судов, чтобы в этот раз наказать деребея за все его проказы. Когда флотилия показалась пред Паясом, Халиль удалился в свои горы, а турки стали стрелять по пустым домам и грабить жителей. Прошло недели две-три; не стало провизии; бунтовщик усердно вызвался снабдить суда всем нужным, богато одарил турецких командиров часами и всякими вещами с французского груза, поручил им доставить от него подарки и несколько мешков с золотом капудан-паше и взял с них слово, что сам капудан-паша исходатайствует ему милость у султана. И действительно, он был при этом случае пожалован третьим бунчуком и милостивым фирманом, в котором бесполезно повторялось приказание возвратить захваченные товары. Подобные экспедиции неоднократно наряжались и прежде, и после сего, и морем, и сухим путем, чтобы унять Халиля, а результаты всегда были те же.

В 1800 г. голландский консул Массей возвращался из Константинополя в Халеб, снабженный султанским фирманом. В ту пору деребей был опять в разладе с Портой, но Массей, по старой дружбе, не убоился заглянуть в его вертеп в Паяс. Прежде чем он успел представиться своему приятелю, с которым не один раз он обменивался подарками по восточному обычаю, его схватили и посадили в башню. Пленник думал сперва, что его не узнали, что все это ошибка, недоразумение, но вскоре предстал к нему сын деребея Дадабек и, обливаясь слезами, от имени своего отца объявил, что рок его испытует, что именно в такую пору, когда казна была истощена, вводит в его владения лучшего его друга и поневоле заставляет продержат его в заключении до взноса выкупа, соразмерного высокому званию их обоих.

По всем этим уважениям выкуп не мог быть определен менее 25 тыс. пиастров, что составит по тогдашней цене турецких монет более 20 тыс. руб. серебром. Впрочем, он ему советовал не унывать, возложить упование свое на бога и с твердостью переносить испытания, неразлучные с политическим поприщем. «Я сам, – говорил деребей своему пленнику чрез сына (он избегал личного свидания с ним), – я сам просидел однажды девять месяцев в тюрьме у Абд эр-Рахман-паши беленского, но бог помиловал затем и возвеличил меня». Как ни упрашивал Массей, чтобы по крайней мере сбавили цену выкупа, его душевный приятель деребей на все его просьбы отвечал, что это будет несовместно с его консульским чином, что он по долгу дружбы обязан остерегать его честь и поэтому не мог сбавить ни одного пиастра.

Пленник продал свое имущество в Халебе и внес треть выкупа. Между тем каждый раз, когда под окнами башни терзали или вешали кого-нибудь, паша посылал ему сказать, что это были такие же, как и он, пленники, оказавшиеся несостоятельными для взноса положенного выкупа. Наконец, сжалившись над ним, он сдал его проезжавшему каравану, с которого были насильно взысканы остальные две трети выкупа, с тем, чтобы купцы рассчитались с ним в Халебе.

Несколько лет спустя (1808 г.) разбойник этот умер в великой славе и в звании везира {Титул этот присвоен всем трехбунчужным пашам, которые теперь именуется мяширами.}, завещавши хищный свой нрав и свое могущество сыну Дада-беку. Голландский консул, вспомнивши, что молодой бек оказывал к нему большое сочувствие в эпоху его плена, обратился к нему с просьбой о возвращении денег 25 тыс. пиастров, так беспощадно с него взысканных. Дада-бек отвечал, что это невозможно по двум причинам: во-первых, возвращать взятое его отцом значило бы признать несправедливость его поступка: Аллах ему судья, но сыну не подобает осуждать умершего родителя. Во-вторых, если все те, кои могут иметь притязания к покойнику, станут требовать вознаграждения, то всей Паясской горы, будь она из золота, не достанет на удовлетворение всех.

Дада-бек наследовал хищный нрав и удалство своего отца, но не наследовал искусство его вести дела с Портой, с соседними племенами и с другими ему подобными вассалами. Халиль около полувека разбойничал, грабил народ и оскорблял правительство в качестве деребея и паши, а умер окруженный всякими почестями. Поприще сына его Дада-бека длилось не более восьми лет и заключилось позорной смертью.

Не довольствуясь грабежами на большой дороге, он пускался и в морские разбои, завел у себя вооруженные галеры и предпринимал экспедиции в Искендерунский рейд, откуда захватывал суда, и даже в Мерсин, пристань торгового города Тарсуса. Всего более повредил он себе тем, что не последовал мудрому правилу отца: довольствоваться чем бог послал в свой округ и не касаться соседей. В 1811 г. племена Таврийских округов под начальством юзкатского паши Эмина Чапан-оглу, по повелению Порты, в числе 12 тыс. или 15 тыс. сделали на него нападение, но были отражены. Затем пять лет спустя Мустафа-паша аданский, сын беленского деребея Абд эр-Рахмана, по наследственной вражде к Дада-беку вызвался у Порты его наказать. Он успел в своем предприятии, потому что все окрестные племена охотно к нему присоединились, негодуя на деребея. Бунтовщик был разбит и предстал пленником в Адану. Мустафа, после оскорблений и ругательств всякого рода, отправил голову его в Стамбул, а тело сжег. Скажем несколько слов об этом Мустафа-паше, который совершил одно из самых блистательных поприщ в Османской империи и играл некоторую роль в войне с Россией (1828 – 1829 гг.). По происхождению своему и по роду жизни его отца Абд эр-Рахмана Мустафа был достойным сверстником Дада-бека, его семейство славилось такими же бесчинствами в Белене, как и семейство Кючук Али-оглу в Паясе. По смерти отца Мустафа убил старшего своего брата Мулла-бека, чтобы завладеть округом, но третий брат привлек народонаселение к себе, а братоубийца бежал в Константинополь с казной. Там он сторговал Аданский пашалык, чтобы по соседству пугать младшего брата, в чем и успел. В награду за покорение Белена и Паяса и за наказание деребеев был ему пожалован Эрзурумский пашалык. Затем он переведен в Халев и принял участие в описанном в главе 5 этой книги походе против Абдаллах-паши аккского по повелению Махмуда. Затем он постоянно переходил из одного пашалыка в другой, то в Анатолии, то в Румелии, пока, наконец, подвергся гневу Махмуда по жалобе нашего посольства за его проказы в эпоху Адрианопольского мира и был сослан в заточение в Бурсу.

По смерти Дада-бека в 1817 г. оставался десятилетний его брат Мистик-бек, который спасся от мщения Мустафы бегством к его недругу и соседу марашскому паше Календеру.

Затем по удалении Мустафы из Аданы он возвратился в Паяс и завладел округом, будто законным наследием по отце и брате. Несколько лет бесспорно владел он под руководством своего дяди Зейтун-оглу, а в 1827 г. был атакован каким-то бродягой Хаджи Али-беком, который захватил Адану и ущелья Колек-Богаз безо всяких фирманов и не пропускал в Сирию пашей, наряжаемых туда из Константинополя. Как только завелась ссора между Хаджи Али-беком и Мистик-беком, вышел на ту же сцену еще другой бродяга, туркмен по имени Калага, завладел Гарсусом и, пользуясь отсутствием аданского владельца, занятого войной в Паясе, подступил к Адане. При известии о том Хаджи Али-бек поспешно заключил мир с Мистик-беком и возвратился в свои владения. Он напал на Кал-агу врасплох ночью под Аданой, когда он и вся его шайка лежали замертво после вечерних попок, и тут же отрубил его голову, которую отправил в Константинополь при иламе, свидетельстве духовного суда, что он-то бунтовался против султанской власти, а сам Хаджи Али был усердным слугой султана.

В ту пору Ибрахим осаждал Акку. Порта помышляла лишь о том, чтобы очистить дорогу своему войску в Сирию; а так как Хаджи Али держал в своих руках Колек-Богаз, то Порта охотно согласилась с ним в том, что он действительно был усердным и верным вассалом. Вскоре затем сердари-экрем Хусейн-паша выступил в поход с 50-тысячным корпусом противу Ибрахима, занятого осадой Акки. Хаджи Али-бек, полагаясь на ласковые речи Порты, впустил султанскую армию в свои ущелья и доставил ей вьючный скот для похода в Сирию. Хусейн-паша обласкал таврийского деребея, одарил его шубами и сбруями, а когда ущелья были пройдены, призвал его к себе и после прощальных приветствий показал ему фирман, которым предписывалось отправить его под стражей в Стамбул. Там принят он был ласково. Порта не хотела среди самого кризиса сирийских дел внушать недоверие другим подобным ему удалцам и их шайкам. Вскоре затем он скоропостижно умер, выпивши чашку кофею у военного министра.

Мистик-бек укрылся от Хусейна; когда же несколько месяцев спустя остатки непобедимой армии, разбитой в Белене, кое-как пробирались чрез Паяс, Мистик присоединился к египтянам и наживился турецкой добычей. Ибрахим подтвердил его сперва в паясском владении и на общем основании правительственного устройства всей Сирии назначил ему жалованье взамен произвольных поборов с народа и с проезжих. Молодому беку эти египетские преобразования были не по вкусу, он напроказил по-старому и бежал вторично в Мараш, провозглашая свою преданность султану. Ибрахим, нуждаясь в его влиянии для обуздания тридцати других беков, которые буйствовали по окрестным горам, ласково пригласил опять к себе, отпустил старые грехи и уже сквозь пальцы смотрел на новые.

Когда же египетские отряды в 1840 г. очистили Таврийские округа, отступая к главной квартире, Мистик-бек не упустил случая поживиться египетской добычей, вошел в милость к туркам и украшен орденом Нишан-ифтихара. С того времени Мистик-бек то в большой милости у аданских пашей, которым подлежит его округ, то в разладе с ними. В 1843 г. была даже наряжена на него экспедиция из бродяг, кое-как набранных в самом пашалыке. Он покинул Паяс и вступил в службу халебского паши.

Округ его, равно как и другие окрестные местности, томится по сие время в хаотической борьбе старинного своего феодального устройства с попытками централизации. Борьба эта должна продлиться, пока переведутся мало-помалу люди и семейства, подобные тем, которые здесь нами обозначены. И в самом деле, переводятся они, если не по влиянию реформы, то в силу какого-то физического закона о возрастах каждого племени. Очевидно, по крайней мере, что племя турецкое, породившее в цветущий период своего бытия столько гениальных людей и в последовавший период столько гениальных извергов, теперь истощается. В нынешнем поколении личности измельчали, характеры выровнялись, физиономии стерлись, чиновники заменили деребеев. Правда, народ терпит от чиновников порой столько же, хотя в ином виде, сколько в старину терпел от деребеев, и вздыхает о деребях. Однако ж народ неправ, по близорукости, свойственной массам в делах, касающихся внутреннего их развития.

Глава 21

Состояние края при новом устройстве власти. – Ливанский князь эмир Бешир эль-Касем. – Козни ливанского дворянства и стремления народные. – Замыслы католического духовенства, происки протестантских миссионеров и коварство пашей. – Сейм на Ливане. – Дерзновенная просьба. – Милостыни из Европы. – Бредни горцев. – Протестантское епископство в Иерусалиме. – Появление французского адмирала. – Причины ливанских междоусобий.

Кровопролития, последовавшие за введением султанского управления в Сирии, продлили, усилили и оправдали вмешательство европейских кабинетов во внутренние дела Османской империи. Преобладающие в Европе ложные и пристрастные мнения об этих событиях, об их направлении и последствиях вменяют нам в обязанность изложить самые факты.

Новый ливанский князь представлял собой разительный контраст со своим предшественником. Среди всех членов Шихабова семейства эмир Бешир эль-Касем отличался мирными наклонностями, патриархальным нравом и добрым сердцем. Он пользовался народной любовью и всеобщим уважением в эпоху своего избрания в правители ливанские {Эмир Бешир эль-Касем был утвержден правителем Ливана 3 сентября 1840 г. – Прим. ред.}. Но в том нет никакого сомнения, что если бы в союзном лагере в Джунии знали поосновательнее внутренние дела Ливана и степень влияния лиц и семейств, то повременили бы низложением старого князя или, по крайней мере, выбор в преемники ему пал бы на его сына эмира Эмина.

Новый ливанский князь был человек почтенный и добродетельный, даже храбрый, несмотря на преклонные свои лета, но не был одарен ни одним из качеств, подобающих народоправителю, – ни пронизательностью ума, ни гибкостью нрава, ни опытом в управлении, ни навыком козней, сопряженных с ним во всех азиатских странах, ни сладкой речью, ни щедрой рукой, ни наружным величием. Он не был одарен ни одним из этих преимуществ, которые более чем где-либо ценятся между арабскими племенами и на которых всего более основывалось влияние его предшественника. Он был усердным христианином, предшественник его исповедовал также христианство; но мы имели уже

случай заметить, что тот умел до конца скрывать от мухаммедан свое обращение, соблюдать пост рамадана и клялся своим предком Мухаммедом. Новый князь презрительно отверг эту уловку и стал открыто исповедовать свою веру. Тем навлек он на себя тайное негодование правительства, которому отступничество шихабов, именитых потомков пророка и в то же время наследственных правителей сильнейших горских племен Сирии, казалось и религиозным осквернением, и политическим уроном.

С другой стороны, все племя друзов давно уже негодовало на возраставшие притязания маронитов со времени обращения в их религию владетельного мухаммеданского семейства и эмиров Абу Лама, занимавших первое место в аристократии племени друзов. Влияние старого эмира Бешира, грозное имя Ибрахима, а всего более отсутствие предводителей, ибо князь ливанский успел заблаговременно отделаться казнью и ссылкой от своих могучих вассалов, содержали их дотоле в страхе и в повиновении. Новый князь не умел их приласкать. В палестинской экспедиции, заметивши первые признаки строптивного духа в друзьях, бывших в горском ополчении, он оскорбил шейхов бранными речами и присовокупил угрозу: иншалла, с помощью божьей когда-нибудь отрублю ваши буйные головы!

Между тем шейхи-друзы, скитавшиеся дотоле в изгнании или принужденные служить под знаменами Ибрахима, стали один за другим возвращаться в свои горы. Братья Джумблаты, сыновья знаменитого шейха Бешира, снабженные султанским фирманом о возвращении им отцовских имений и уделов, конфискованных эмиром по убиении их отца, братья Арсланы, спасшиеся бегством по убиении их матери, братья Абу Накиды и Амады – все эти представители феодальных преданий Ливана, жертвы беспощадных и корыстных преследований эмира Бешира в разные эпохи пятидесятилетнего его управления, жертвы постоянной его мысли об уничтожении ливанской аристократии, все они возвратились теперь и домогались своих наследственных прав и уделов. С восторгом были они приняты вассалами своего племени, которые во весь период египетского владычества, под бичом рекрутства и налогов, вздыхали о своих предводителях и приписывали отсутствию их бедствия и уничтожение своего племени. Христианское народонаселение этих самых округов, составлявших наследственные уделы друзов, было в большинстве, но искони состояло у них в подчиненности. Последний период правления эмира Бешира, его благосклонность к христианам и уничтожение аристократии и всего племени друзов, а всего более участие единоверных им христиан в кампании 1840 г. под знаменами султана и христианских государей – все это внушало новую бодрость христианскому народонаселению. Оно с негодованием отвергало феодальные притязания своих прежних властелинов.

Таково было состояние южных отраслей [отрогов] Ливана. В северных округах, где преобладает католический элемент и влияние духовенства, умы были также в брожении. Когда остыл первый восторг освобождения от египтян, когда турецкие отряды ознаменовали свое вступление в Сирию и свой переход из Тараблуса в Бейрут вдоль ливанского берега всякими бесчинствами, когда горцы, участвовавшие в экспедиции противу Ибрахима, вблизи усмотрели турецких пашей, то вместо верноподданнических чувств и признательности к султану, освободившему Сирию от ненавистных египтян, стало обнаруживаться в народе одно лишь чувство неудовольствия.

Земледельческое племя маронитов, чуждое всяких воинственных дарований, стало приписывать своей храбрости поражение Ибрахима, домогалось льгот и возмездий за свои заслуги и суетливо наряжалось в оружие, розданное союзниками или захваченное у беглых египтян. Многочисленные приверженцы сверженного эмира стали повсюду и всеми средствами раздувать народные страсти. Духовенство католическое, напуганное влиянием, приобретенным англичанами на Ливане, и приписывая им замыслы прозелитические, присовокупило свое беспокойство, свой ропот ко всем элементам грозы, которая накоплялась на политическом горизонте Ливана.

О существовании маронитского народа и духовенства Порты в первый раз узнала по поводу экспедиции 1840 г. Это покажется странным тому только, кто не знаком с обычной системой турок относительно подвластных народов. В знак внимания к маронитскому племени султан пожаловал патриарху алмазный знак, наравне с духовными главами других подвластных народов, и предоставил ему право иметь своего поверенного (капы-кеая) у Порты для ходатайства по его делам. Такими ласками правительство не только не привязало к себе маронитского духовенства, но даже внушило ему более смелости к проискам и притязание на сугубое участие в делах по управлению горцев. В синоде маронитском стали рассуждать о том, не грешно ли католическому народу принимать оружие из рук еретиков и не подобало ли испросить на это индульгенции из Рима? {В донесении от 18 марта 1841 г. В.П. Титову Базили сообщал: «Маронитский патриарх, с которым виделся консул Франции в 12 часах езды от Бейрута, заставил объявить приказ о возвращении английских ружей под угрозой отлучения. Никто, впрочем, не думал возвращать оружие» (АВПР. Ф. «Посольство в Константинополе». Д. 718. Л. 65). Базили объясняет требование патриарха французскими происками, направленными на ослабление английского влияния (оружие раздавали английские офицеры). Надо полагать, что маронитский патриарх руководствовался и другими соображениями: опасностью широкого антифеодального восстания. Напомним, что маронитская церковь была крупным феодальным землевладельцем. Патриарх обратился с посланием к населению, призывая его покориться своим господам: «Да будет каждый идти путем любви и повиновения, согласно требованиям религии... да будет каждый подчиняться султану и тем, кто поставлен над ними» (Танус эш-Шидийак. Китаб ахбар аль-айан фи Джебель Любнан, с. 617). – Прим. ред. }

Эти благочестивые опасения были преимущественно внушены католикам происками американских миссионеров, которые уже лет за пятнадцать пред тем водворились в Бейруте {Американские миссионеры прибыли в Палестину в 1819 г., а в 1821 г. утвердились в Бейруте. Деятельностью миссионеров руководил Американский совет иностранных миссий. Эта организация тратила большие средства на подготовку кадров миссионеров, в миссиях было хорошо поставлено преподавание восточных языков; к середине XIX в. совет имел более 30 типографий, печатавших литературу на разных языках; в 1842 г. в помощь миссионерской деятельности было создано Американское ориенталистическое общество. В 1822 г. протестантская миссия создала на о. Мальта арабскую типографию для печатания религиозно-пропагандистской литературы; в 1834 г. эта типография была переведена в Бейрут. К 1840 г. протестантская американская миссия имела свои отделения, кроме Бейрута, в Сайде, Хомсе, Тараблусе, Дейр эль-Камаре, Абайе. – Прим. ред. } и вместо того, чтобы проповедовать христианство неверным, как то

подобает миссионерам, сеяли только раздоры в христианских церквях, чтобы ослабить их влияние, и между тем завлекали в свои училища христианское юношество. На Востоке, где народность обозначается преимущественно религией, американцев всегда смешивают с англичанами. Миссионеры воспользовались этим, чтобы стяжать себе новый вес в глазах народа по поводу принятого Англией участия в делах Сирии. По отплытии английского флота одна рота десантного войска оставалась в Бейруте и при ней около тридцати офицеров, которые объезжали Сирию по всем направлениям для подробнейшего изучения края. Многие из них вместо того, чтобы ограничиться съемкой карт и планов, стали вмешиваться во все дела по управлению и тем докучать туркам. Другие из ревности к своей религии и в надежде подорвать политическое влияние Франции, основанное на преданности единоверных ей маронитов, стали вместе с американскими миссионерами объезжать горы и поддерживать прозелитические усилия этих господ.

Французские агенты в свою очередь, внимательно следя за этими проделками, раздували фанатизм в народе и духовенстве католическом. Патриарх маронитский повелел несколько публичных auto-da-fe, сожжением если не самих еретиков, то по крайней мере книг духовного содержания, изданных на арабском языке миссионерами в Бейруте. Благочестивое его негодование усилилось тем более, что подведомые ему монахи, обокравшие церковную казну или другим чем провинившиеся, находили пристанище и покровительство у миссионеров.

В начале 1841 г. не стало хлеба на Ливане {В первой половине XIX в. сельское хозяйство Ливана специализировалось на производстве шелка-сырца и виноградарстве. Зерновые, возделываемые в стране, удовлетворяли потребности ливанского населения только в течение трех-четырех месяцев в году. Хлеб обычно ввозился в Ливан из внутренней Сирии и Египта. Военные действия 1840 – 1841 гг. затруднили подвоз хлеба. – Прим. ред.}. Жители селений, казненных Ибрахимом во время военных действий, умирали от голода и от суровости зимы. Обильные пособия были розданы французским консульством через духовенство и доставлены безденежно грузы хлеба. По мере того как Франция привлекала к себе вновь народное сочувствие, утраченное ее пристрастием к Мухаммеду Али, маронитское народонаселение издавало вопль на турок и на англичан. Ждали с часу на час появления французского флота для освобождения ливанских племен, хотя над этими племенами другое иго не тяготело, кроме ига собственных его страстей, под влиянием которых каждая партия домогалась своих выгод: шейхи – восстановления феодальных прав, столь ненавистных христианам южных округов; приверженцы эмира Бешира – его возвращения, а маронитское духовенство – основания в горах Ливанских правления теократического на развалинах всех светских властей.

Д

ворец принца друзов. Гравюра В.Г. Бартлетта, 1820-е гг.

Среди такого треволнения внутренних и внешних влияний мог ли устоять и укрепиться новый князь, при ограниченности своих способностей и средств, при явном недоброжелательстве к нему султанских властей?..

Наместником Порты был в это время Селим-паша, награжденный титулом сераскира сирийского за успех экспедиции, в которой он командовал султанской бригадой. Возвеличенный, осыпанный милостями своего правительства и даже удостоенный благосклонного внимания союзных государей, Селим-паша поверил сам в свои дарования, приписал себе победу над Ибрахимом на высотах Бекфеи, где он состоял под опекой англичан и генерала Иохмуса, и обвинял в измене ливанского князя за то, что его милиция не успела тогда занять ущелья с тылу Ибрахима и тем удвоить торжество победителя пленом египетского полководца. Бездарный и безграмотный, злой и тупоумный паша направил тайное гонение и все обычные происки турецкой политики против несчастного ливанского князя и ускорил тем роковой кризис 1841 г.

Весной воспоследовало повеление Порты, чтобы подать с ливанских племен была постановлена не на общем основании финансовой системы, обнародованной незадолго пред тем во всей империи, но постоянной суммой на основании древнего обычая, как того желали горцы. В сравнении с тем, что платили эти племена при египетском правлении, притязания Порты были весьма умеренны, она требовала с Ливана 4 тыс. мешков (около 110 тыс. руб. серебром) ежегодной подати. Она предоставляла князю две трети этой суммы на расходы по управлению и довольствовалась остальной третью в казенный доход. Для совещания по этому делу были созваны депутаты со всех округов в селение Айн-Ануб, в 15 верстах от Бейрута {Совещания в Айн-Анубе происходили летом 1841 г. — Прим. ред.}. Анархические элементы, которые мутили горы со времени изгнания египтян,

сошлись и сняли личину в этом сейме. Епископ маронитский Тобий, уполномоченный от своего патриарха и подкрепляемый сочувствием французских агентов, предлагал не только отказать в уплате податей, но сверх того требовать от правительства наград и возмездий за услуги, оказанные горцами в войне с Ибрахимом, и за все понесенные убытки. Наконец, требовал он уничтожения всех таможенных пошлин нового тарифа и предлагал, в случае несогласия Порты на все это, просить посредничества католических держав – Франции и Австрии.

Эти речи действительно выражали в ту эпоху чувство массы католического народонаселения Ливана. Православные горцы и друзья тогда же отделились от маронитов. Первые под влиянием умного греческого духовенства легко постигли тайные пружины и цель этих опасных проделок. Вторые поджигали своих легковерных соперников, сулили им тайное свое содействие, усердно раздували бурю, среди которой надеялись они сами достигнуть цели своей – восстановления феодальных прав, однако не хотели навлечь на себя негодование правительства.

Марониты представили со своей стороны всеподданническую просьбу, в которой, излагая свои притязания, присовокупляли, что подати вносятся от народа в казну ради покровительства, оказываемого народу от властей; они же не только не нуждались ни в каком покровительстве, но даже были сами в состоянии защищать и охранять других...

Подобные доводы внушены горцам теми самыми доброжелателями из европейцев, которые потом наполняли журналы проклятиями на турок за то, что они допустили бедствия и кровопролития, которыми племя маронитов искупило вскоре затем свои шалости. Вина горцев не оправдывает ни в каком случае преступного равнодушия султанских властей к их бедствиям. Она лишь поясняет внутреннее расположение представителей Порты.

Князь ливанский, который по праву председательствовал в этом анархическом сейме, вместо того чтобы обуздать его направление, успел только выставить на зрелище народу и правительству свое ничтожество. Шейхи-друзы предлагали ему свое вероломное содействие, но с тем, чтобы он подчинился опеке одного из Джумблатов, подобно тому как предшественник его состоял некогда под опекой шейха Бешира Джумблата. Маронитская аристократия его не уважала и не повиновалась ему, стремясь к восстановлению своего старинного анархического влияния, унятого эмиром Беширом. Близкие его родственники, верные классическим преданиям Шихабов, были злейшими его врагами. Владетельный князь, отовсюду опутанный кознями явными или потаенными, пытался привлечь к себе массы народные. Основываясь на предписаниях Порты о равенстве всех подданных пред законом и о раскладке податей сообразно со средствами каждого, он сулил народу всякие льготы, был ласковым, снисходительным, откровенно стремился к избавлению племен ливанских от феодального ига шейхов и эмиров. Но духовенство и влияние Франции двигали народными страстями. Эмир, любимый и уважаемый всеми в эпоху своего избрания, вскоре сделался посмешищем своего народа, который приписывал его ласки и обещания одному лишь бессилию.

По поводу экспедиции 1840 г., в которой участвовал австрийский эрцгерцог, и по поводу преувеличенных рассказов о бедствиях, претерпенных ливанскими племенами, Австрия открыла подписки в пользу своих ливанских единоверцев. С другой стороны, Франция для восстановления политического своего влияния, потрясенного в Сирии событиями 1840 г., посылала также обильные пособия. Духовенство маронитское делало из этих сумм употребление, сообразное со своими видами, а народ более и более баловался, объясняя по-своему участие европейских держав в его судьбе. Он [народ] читал в арабском переводе самые нелепые статьи, которыми шумели в это время французские оппозиционные журналы, и ждал нового крестового похода католической Европы. Поселяне ливанские толковали в своих сходбищах о какой-то стороне во Франкистане, именуемой Швейцарией, стороне гористой, подобно Ливану, не платящей никому податей. Слабоумный патриарх маронитский, делаясь игралищем обступавших его влияний, допускал распространение слуха о сношениях его с католическими державами и о том, что по его просьбе не замедлит показаться французский флот для подкрепления притязаний его племени. Случилось, что к исходу лета французская эскадра, которая крейсировала в Средиземном море под флагом контр-адмирала Ласюса, показалась на Бейрутском рейде. Здесь встретилась она с английскими кораблями, которые не переставали посещать сирийские берега. Марониты, наблюдая со своих высот, ждали с часу на час, что французы сгонят англичан, противу которых после восторгов прошедшего года более и более росла народная ненависть под влиянием фанатической проповеди римского духовенства.

Маронитская женщина. Рис. Роже.

Созревали между тем и замыслы друзей. Оружие и снаряды, розданные союзниками или доставшиеся от египетских отрядов, продавались за бесценок. Друзы с избытком ими запаслись. По примеру своих соперников стали и они домогаться внешней подпоры. В это время Англия и Пруссия основывали в Иерусалиме протестантский храм, и учреждалось там новое епископство англиканское, которого главной целью было обращение евреев в христианство. В глазах ливанских племен этим подтверждались прозелитические замыслы Англии. Сметливые друзы, домогаясь сочувствия английских агентов, стали обнаруживать особенное расположение к протестантским миссионерам и приглашать их к проповедованию своей веры в горах, а в то же время младший брат Джумблатов торжественно сажался на английский фрегат, почетные лица, принадлежащие библейским обществам, приглашали его на воспитание в Лондон. Таким образом, ко всем внутренним элементам раздоров между двумя первенствующими племенами на Ливане присоединился и внешний элемент, основанный на постоянном соперничестве двух западных держав.

Присутствие флотов служило только к тому, чтобы более и более воспламенять страсти в горцах. Среди безначалия, при безнаказанности всех преступлений много крови было пролито в частных мщениях и в семейных спорах. В августе случилась схватка между обывателями – друзом и маронитом – по соседству Дейр эль-Камара за куропатку,

застреленную в чужом огороде. Осталось на месте убитых и раненых более шестидесяти человек с обеих сторон. Правительство на все смотрело сквозь пальцы, и все поминутно ждали общего взрыва. Французский адмирал, который один между всеми своими соотечественниками в Сирии не принял участия в сплетнях ливанских, с грустью отплыл, сознавая в том, что появление его флага послужило лишь к вящему раздражению страстей.

Изображение молодой мусульманки. Рис.

Роже.

Таковы были обстоятельства, подавшие повод к междоусобной войне 1841 г. Она показалась Европе войной религиозной. Религиозная вражда между двумя племенами была не поводом к войне, но ее последствием. На Востоке и преимущественно в Сирии, в этой заветной стороне всех верований, всех сект, религия составляет первенствующий элемент гражданского быта, и по этому самому ее влияние отзывается и в частной, и в общественной жизни, и в политических судьбах, и в чувствах каждого племени. Но на Ливане при вековых обуреваниях его племен то под знаменами иемениев и кайсиев, то под влиянием партий езбекиев и джумблатов, то в борении владетельных князей противу феодальных притязаний вассалов земледельческие племена, населявшие эти горы и искавшие в них вольного приюта от фанатизма мусульман, никогда не обнаруживали чувств взаимных ненавистей религиозных. Нигде на всем Востоке разные христианские исповедания и мухаммеданские секты не наслаждались такой терпимостью и внутренним миром.

В этом отношении обращение владетельного семейства Шихабов в христианство, честолюбивые замыслы католического духовенства и происки протестантских миссионеров составляют роковую эпоху на Ливане. С этого времени борьба древних партий недолговечных и борьба политических направлений, легко обуздываемых первым даровитым правителем, заменились здесь злобной борьбой религиозного чувства, порождающего политические страсти и обретающего в них новую пищу своему фанатизму.

Глава 22

Смуты в Набулусе и в Иудее. – Первая междоусобная война маронитов с друзами. – Торжество друзов. – Свержение князя ливанского. – Прибытие военного министра и его ошибки. – Омар-паша ливанский. – Козни шихабов. – Внутренние и внешние религиозные происки. – Участие европейских кабинетов в делах Ливана. – Арест шейхов. – Новый комиссар Порты и новые ошибки. – Волнение на Ливане. – Бунт друзов. – Торжество Омара-паши.

Между тем как на Ливане накоплялись горючие вещества, в Набулусских горах уже свирепствовала междоусобная война. Шейх Махмуд Абд эль-Хади, усилившийся под египетским правлением и им возвеличенный, был подтвержден турками в правители Набулуса в награду за измену против Ибрахима. Но уже появились в этой стороне шейхи, которые за пять лет пред тем успели бегством спастись от Ибрахима в пору набулусских казней. Народ был снабжен оружием, розданным из союзного лагеря, добытым от египтян в суматоху их бегства или купленным на Ливане. Набулусские горцы воинственнее и свирепее всех сирийских племен. Старые семейные вражды возобновились с возвращением изгнанников. По классическому обычаю Востока, провозглашая свою верноподданническую покорность Порте и именуя себя рабами ее наместников, шейхи составили конфедерацию против семейства Абд эль-Хади и пять лет сряду дрались. Паши в это время назначали правителями то из одной партии, то из другой того, кто был способнее представить казенные подати и лучшие подарки. Они не решались вступить в во внутренние дела края, хотя турецкий гарнизон постоянно занимал город.

Иудейские горы также томились безначалием. Между тамошними племенами наследие двенадцативековой вражды иемениев и кейсиев благоговейно сберегается вместе с феодальными нравами и преданиями арабского мира. Шейхи воспользовались политическим переворотом этой эпохи, чтобы посчитаться между собой старой мезтью после принужденного мира, в котором скучала Палестина под египетским правлением. Кочевья бедуинов со своей стороны хлестали из пустыни опустошительными волнами вдоль всей восточной полосы населенной Сирии и безнаказанно грабили караваны и села. Повсюду и по всем отраслям управления султанские власти под суетными притязаниями умеренности и правосудия, под наружным блеском великолепия и торжественных приемов успели только выказать племенам сирийским свою неспособность и безнравственность и свойственные им гнусные пороки.

Все это благоприятствовало тайным помыслам шейхов ливанских, которым слабый преемник эмира Бешира был тем ненавистнее, что и он по примеру своего

предшественника, хотя иными средствами, стремился к поправлению феодальных прав {Эмир Бешир эль-Касем добивался от турецкого правительства санкции на создание совета под своим председательством, который бы наблюдал за сбором налогов и рассматривал судебные дела, ранее находившиеся в юрисдикции мукатаджей. Он пытался конфисковать земли феодалов, своих противников. – Прим. ред.}.

Бедуинский шейх.

После неудачной попытки народного сейма паша не принял представленного маронитами прошения, но копия с этой смелой исповеди народных чувств была секретно представлена в Порту. В старину Порты повелела бы сжечь несколько деревень, пока народ образумится. Приученная тяжкими испытаниями к терпеливости и уступчивости, она приказала паше во что бы то ни стало устроить дело лаской. Были созваны в Бейруте лица, известные между горцами по миролюбивым своим наклонностям и по преданности правительству. Им розданы деньги, подарки и почетные кафтаны под предлогом наград за услуги в последнюю войну. При этом постановлена подать с Ливана в 3500 мешков (100 тыс. руб. серебром) с тем, чтобы 1200 мешков поступали в казну, а остальная сумма – князю на расходы по управлению. Затем {5 сентября 1841 г. – Прим. ред.}, хотя горцы вовсе не были расположены платить, поведено князю приступить к сбору податей {О настроении ливанского населения, вызванном приказом Порты, можно судить по письму эмира Бешира эль-Касема Селим-паше от 11 сентября 1841 г. Ливанский эмир писал: «Прошу у Вашей светлости разрешения сообщить о том, что документ, о котором мы договорились на заседании в Бейруте в Вашем присутствии и под которым все эмиры и шейхи поставили подписи, произвел плохое впечатление на население Ливана. Оно объявило, что не удовлетворено этим соглашением, потому что его обязали платить пошлину. Поэтому среди христиан и друзей происходят многочисленные собрания. Мы немедленно послали к их вождям, нашим друзьям, предостерегая их против

инспирированных толков... Мы послали также гонцов во все районы, и они нам сообщили, что некоторые шейхи сеют раздоры, подстрекая народ отклонить предложение Высокой Порты и не повиноваться ее приказам. Однако некоторые народные делегаты имели успех, убеждая многих из них повиноваться Вашим приказам. Что касается цели подстрекателей, то это – уменьшение тарифа на шелк и возвращение к прежнему порядку вещей. Сообщают, что многие из тех, кто поставил подписи под соглашением, заключенным в Бейруте, присоединились к возмущающимся и согласились с ними, боясь порицания со стороны остальных людей Ливана». Далее Бешир эль-Касем обращается к Селим-паше с просьбой прислать в Ливан вооруженные отряды для поддержания правительственной власти. – Прим. ред.} – этому главному атрибуту власти на Востоке. Предвидя грозу, эмир просил у паши один или два батальона регулярного войска, но ему было отказано с упреком в неспособности и неусердии. Эмир решился требовать податей сперва от друзей, чтобы в случае сопротивления призвать на их голову гнев правительства. К тому же он надеялся найти опору в христианском народонаселении южных округов, враждебном друзьям.

Когда он прибыл в Дейр эль-Камар, друзья со своей стороны уже готовились его свергнуть по внушению и под влиянием братьев Абу Накидов, бывших лет за тридцать пред тем владельцами округа {Шейхи Абу Накид владели муката Мунасиф (с центром в Дейр эль-Камаре)}. Эмир Бешир лишил их прав на муката и конфисковал имения. После падения власти Бешира шейхи Абу Накид возвратились в Ливан и попытались восстановить свои права на муката Мунасиф, однако натолкнулись на сопротивление населения Дейр эль-Камара. «Народ Дейр эль-Камара, – писал Шидийак, – смотрел свысока на своих шейхов Накидов и отказывался исполнять их приказы». Это послужило причиной враждебных действий шейхов Накид против населения Дейр эль-Камара. Борьба между шейхами и городом продолжалась и в последующие годы. – Прим. ред.}. Вооруженные обыватели сходились в город и по несколько ночей укрывались в домах своих единоверцев. Когда все было готово, драка на площади между маронитом и другом послужила сигналом. Друзья бросились убивать христиан, грабить и сжигать их дома {Столкновения начались 13 октября 1841 г. – Прим. ред.}. Обнявши сетью общего заговора все южные округа, которых христианское народонаселение отказывало в повиновении шейхам, повсюду в тот же день начались преследования на христиан, убийства, пожары, грабежи, и тщательно отбиралось от них оружие.

При известии об этом вострепнулись марониты северных округов {Маронитские крестьяне были вовлечены в столкновения духовенством и феодалами. Маронитский патриарх Юсуф Хбейш (из семьи шейхов Хбейш) приказал всем маронитам явиться на помощь Бешир эль-Касему с оружием в руках. Он выслал в христианский лагерь деньги для приобретения продовольствия, пороха и пуль. – Прим. ред.}. Их ополчение в числе 5 тыс. человек опустилось в Бейрутскую равнину, но вместо того, чтобы поспешить на помощь к эмиру, который был осажден в своем дворце в Дейр эль-Камаре и отчаянно защищался, они предпочли атаковать в свою очередь город Шуафет, населенный друзьями и православными, которые при самом открытии войны условились не принимать в ней никакого участия. Марониты в своем фанатическом порыве поклялись предать грабежу храм Шуафетской божьей матери, чтимой на всем Ливане не только христианами, но и самими друзьями. Замечено, что, когда марониты торжествуют, нет меры их спеси к

другим христианским племенам; в пору народных бедствий они их называют братьями. Православные, которые почитаются самыми храбрыми между христианскими племенами этих гор, в особенности терпят от католического их изуверства.

Эти взаимные несогласия еще более ослабляют христиан, при их природных наклонностях более земледельческих, чем воинских, при внутреннем образовании более патриархальном, чем феодальном, при нраве беспокойном, легкомысленном и говорливым, при предрассудках секты, племени и рода, которых роковое влияние посреди политических кризисов подрывает всякое народное стремление. Все это служит отпечатком народного их воспитания; они выросли в унижении, а власть и военная сила искони были исключительным достоянием друзей.

Племя друзей отличается между всеми азиатскими народами твердостью характера. Видя в религии одну лишь народность и залог политического единства, они нисколько не заботятся о таинственных ее обрядах, но подобно евреям ждут всемирного владычества в законное наследие себе и ненавидят все другие народы. Верование в переселение душ и в бессмертие вещества внушает им суровую бодрость в боях. Льготы, которыми пользовались христиане ливанские особенно под египетским правлением, внушали зависть другим сирийским племенам. Другам оказывают большое сочувствие не только единоверные им племена Антиливана и Хаурана, но и самая масса мусульманского народонаселения, обиженного благосклонностью египетского правления к христианам и вытерпевшего вместе с друзьями беспощадный закон египетских рекрутских наборов. Наконец, христиане ливанские воздают своей аристократии одно лишь наружное, рабское почитание, но им чуждо могучее чувство доверия и преданности дворянству. Друзья видят в потомках владетельных семейств гениев-хранителей своего племени. Вся масса народонаселения проникнута понятиями феодального права. Когда Абу Накиды проливали потоки крови христианской в Дейр эль-Камаре, даже женщины-друзки, бывшие в Бейруте, удивлялись жалобам консулов великих держав на равнодушие турецких властей, утверждая, что шейхи не были ни пред кем в ответе за свои поступки в границах наследственного своего удела. Преимущества эти с избытком вознаграждали друзей за малочисленность их племени в сравнении с христианами.

Знакомый читателю Шибли Ариан {См. главу 8.}, вступивший в службу Ибрахима после кровавых своих подвигов в Ледже и покинувший его знамена пред отступлением египетских войск из Дамаска, состоял в это время в султанской службе и командовал отрядом нерегулярной конницы в Дамасском пашалыке. Как только открылась междоусобная война на Ливане, к нему присоединилась ватага антиливанских друзей. Он приступил к христианскому городу Захла, обозначая свои переходы по долине Бекаа обезглавленными трупами христиан.

Захла замыкает восточные ущелья Ливана. Отселе друзья могли проникнуть в самое сердце христианских округов. Русский консул {Базили имеет в виду свою поездку в Дамаск. – Прим. ред.} был в ту пору в Дамаске для переговоров с пашой о защите христиан. Жители Захлы обратились к нему с жалобным воплем. В сопровождении легкого кавалерийского отряда проскакал консул ущелья Антиливана и внезапно явился в лагерь друзей, обступивших уже город со стороны долины Килисирийской. Угроза

русского имени заставила Шибли Ариана заключить перемирие и отступить. Между тем для защиты города, по настоянию консула, был наряжен храбрый эмир Ханджар Харфуш из Баальбека с дружиной мутуалиев.

Шесть недель междоусобная война кипела по всему пространству южных округов Ливана {О размерах этих столкновений можно судить по следующим данным: более 70 деревень и два города (Захла и Дейр эль-Камар) были полностью или частично разрушены, убито с обеих сторон полторы тысячи человек, сожжено до 4400 домов, разграблено имущества на 117 тыс. мешков у христиан и 2550 мешков у друзов (АВПР. Ф. «Посольство в Константинополе». Д. 718. Л. 240 – 241). – Прим. ред.}. Здесь христиане были обезоружены и покорены шейхами. Между тем многочисленный маронитский отряд бесчинствовал пред Шуафетом, не смея вступить в ущелья на помощь своим единоверцам, а владетельный князь, оставленный даже своими ближними, один с немногими албанцами-телохранителями истощал последние свои снаряды в Дейр эль-Камаре. Он был выручен из рук друзов посредничеством европейских агентов. Друзы ограбили его дом и захватили даже пару богатых пистолетов, пожалованных эмиру от королевы Виктории.

В то самое время как эмир ливанский спасался со стыдом в Бейрут, 700 человек друзов и греков шуафетских разбивали пятитысячное маронитское ополчение в Бейрутской равнине. Северные округа были объаты страхом. Если бы в это время эмир Ханджар Харфуш не отстоял ущелий в Захле, друзы опустошили бы весь Ливан. Патриарх маронитский, которого слабоумие и честолюбивые затеи ввергли горские племена в эти бедствия, спустился в прибрежные селения, готовый спастись на французский корвет в случае нашествия друзов.

Наместник султанский смотрел из Бейрута в подзорную трубу на пожары, которыми обозначались на скате гор военные действия. Дым пожаров ливанских заносило ветром среди ароматического дыма трубок и кальянов, которыми турецкие паши и военные офицеры занимали свои досуги по святым ночам рамадана.

При самом открытии междоусобий консулы России, Англии к Франции представляли паше о необходимости показаться самому с двумя батальонами в горах {8 ноября 1841 г., вернувшись из Дамаска, Базили доносил в Константинополь: «По моем приезде в Бейрут, будучи еще взволнованным всеми ужасами войны, театр которой я только что проехал, я адресовал сильный призыв к Селим-паше по поводу его бездействия, которое компрометирует достоинство правительства. Полк. Розе, консул Франции, агенты Австрии и Пруссии присоединились ко мне» (АВПР. Ф. «Посольство в Константинополе». Д. 718. Л. 182). – Прим. ред.}. Борьба горских племен служила лучшей порукой их повиновения туркам. Но паша тогда только решился действовать, когда христиане были повсюду поражены, рассеяны, обезоружены, когда друзы насытились грабежом и подчинили своей власти все южные округа. Турецкие отряды заняли Захлу и Дейр эль-Камар и были приняты христианским народонаселением как избавители. Вспомним, что месяца за два пред тем появление турецкого войска в горах было бы сигналом к бунту.

Князь ливанский, сверженный бунтом прежде чем Порты произнесла свой приговор, оставался в Бейруте, а для защиты христианского народонаселения южных округов, искупившего потоками крови свои незрелые попытки, был наряжен в Дейр эль-Камар мусульманский сановник. Друзы в упоении успеха вопияли противу обращения Шихабов в христианство и клялись не признавать более их власти.

Так праздновалась на горах осенью 1841 г. первая годовщина падения египетского владычества. Безнаказанность набулусских междоусобий, которые вспыхнули еще прежде, внушила племенам ливанским мысль решить судом оружия народный процесс, которым заключалось владычество Шихабов. Взаимная ненависть племен этих была плодом пятидесятилетнего управления эмира Бешира. Старинное соперничество иемениев и кейсиев было заменено в [XVIII] столетии борьбой двух партий – езбекиев и джумблатов. Мы видели, каким образом борьба этих партий послужила к быстрому усилению влияния шихабов. По умерщвлении и ссылке сперва езбекиев, а потом джумблатов эмир Бешир, уже обращенный в христианство, не изменил основному правилу своих предшественников – сеять раздоры между горскими племенами. Самую религию употребил он в орудие раздора. Таким образом, обращение в христианство владетельного князя, потомка Мухаммедова, сделалось зародышем религиозных ненавистей, которые постоянно растут между горскими племенами. Порты в свою очередь пользуется готовым элементом раздора для усиления своего влияния. Она уловила эпоху и обстоятельства для введения своей любимой системы правительственного единства и для ниспровержения местных элементов власти, основанных на древнем феодальном праве. Между тем как Селим-паша созывал в Бейрут друзей и маронитов для заключения мира, прибыл на пароходах (12 декабря) военный министр Порты сераскир Мустафа Нури-паша, с войском и с полномочиями от дивана для восстановления порядка в горах и для правительственного устройства. Он принял эмира ливанского ласково и с почестями. Мустафа Нури, некогда любимец и статс-секретарь (сер-катиб) Махмуда, был верен преданиям османской политики. Эти ласки были не к добру. Он советовал эмиру отказаться добровольно от правления, которое становилось уже невозможным для него после происшествий ливанских, и предлагал взамен наследственно в его роде христианский округ Джубейль. Эмир не соглашался и требовал суда. 2 января 1842 г. он был арестован и отправлен в Константинополь. Так заключилось владычество Шихабов на Ливане, основанное за 147 лет пред тем и послужившее в этот полуторавековой период козней и смут к постепенному усилению турецкого влияния в горах.

Временным правителем Ливана был назначен Омар-паша, ренегат из офицеров австрийской службы {16 января 1848 г. – Прим. ред.}. Друзы торжествовали. Среди этих переворотов они всего более боялись возвращения старого эмира Бешира, который за несколько месяцев пред тем переехал со своим семейством и казной из Мальты в Константинополь. Между тем как он там предлагал турецким министрам миллионы, а в казну – двойные подати с Ливана, его приверженцы волновали горы под свежим впечатлением бедствий католического народонаселения Ливана, бедствий, приписанных падению старого правителя. Они старались привлечь к нему сердца, воспрепятствовать успеху всякой другой власти на Ливане, утомить правительство и рано ли поздно ли восстановить сверженного эмира или одного из его сыновей.

Католическое духовенство служило усердным орудием этих происков, которые несколько лет сряду тревожили ливанские племена, пролили новые потоки крови и развратили общественные нравы в горах. Французское правительство, обиженное всем, что свершилось на Востоке в 1840 г. вопреки его воле, видело в бедствиях ливанских племен исполнение своих предреканий и искало случая к восстановлению своего влияния. Его агенты деятельно поддерживали усилия партии, которая становилась со дня на день сильнее по мере ошибок и неудач турецкого управления, а в Константинополе посольство усердно ходатайствовало у Порты в пользу притязаний старого эмира.

На Ливане сочинялись слезные просьбы к султану от имени всех христиан «о восстановлении правителя-христианина из рода Шихабов». Чтобы успешнее покрыть эти просьбы тысячами подписей и печатей, просители домогались возмездия от друзей за грабежи и пожары междоусобной войны на сумму 60 млн пиастров (3500 тыс. руб. серебром). Друзья, напротив того, излагали в своих просьбах, что если будет вновь назначен на Ливане князь-христианин, им оставалось покинуть свои горы и искать убежища в пустынном Хауране.

Впрочем, подражая приверженцам эмира Бешира, которых действия опирались на религиозном чувстве народа, друзья взывали со своей стороны к правительству, обещаясь принять ислам и прося у сераскира имамов для мусульманского оглашения их племени. Протестантские миссионеры были при этом случае выгнаны, и сношения шейхов с англичанами прекратились на все время, пока разыгрывалось это явление духовно-политической драмы Ливана.

Заметим здесь, что Мустафа Нури, любимец Махмуда и герой старых оргий сераля, славился в эту эпоху усердием к исламу, старался ханжеством искупить вольнодумство своей молодости, шампанское и ром первого периода преобразований стамбульских. Он легко вдался в обман; он не понял, что самый закон друзей, возлагая духовные обязанности за весь народ на один только класс акалов, или посвященных, разрешает массам народным принимать временно внешние формы какой бы то ни было религии, сообразно с обстоятельствами. Причет имамов был наряжен в горы. Под их руководством народ стал изучать приемы намаза в глазах турецких офицеров. Впрочем, акалы, видя усердие турок к проповеди Корана, стали опасаться, чтобы племя, отчужденное всякого чувства и всякого обряда духовного, не было в самом деле оглашено мусульманством, тогда как его шейхи и духовенство думали только обмануть сераскира. Чтобы предупредить всякое недоразумение в народе, акалы сошлись с шейхами в Мухтаре, в замке Джумблатов, и там в мистическом пиру, по древним своим обрядам, посвятили в высшие степени своей иерархии старшего в роде Джумблатов шейха Наамана.

Достопримечательно, что этот молодой человек слыл до того самым хитрым и предприимчивым шейхом своего племени. С посвящением своим в религию отказался он от всякого участия в общественных делах, даже от управления отцовским имуществом и уделами, предался созерцательной лени, оглупел и поныне, а разве по навету интриганов, выходил порой из обычного своего бесстрастия, чтобы затеять ссору с братом, к которому он был нежно привязан прежде. Если перемену эту должно приписать влиянию религии, то вряд ли, при всех наших изысканиях о ней, открыли мы тайну ее странного закона.

Случилось, что именно в ту пору, когда Мустафа-паша наряжал имамов в горы к друзьям, прибыл в Бейрут новоназначенный в Иерусалим епископ англиканский Александр, окрещенный раввин. Этим еще более подтвердилось в народе мнение о прозелитических видах Англии на племя друзов и усугубилось мнимое торжество сераскира.

Все поведение Мустафы, его помышления, приемы и речи клонились к тому, чтобы возбудить в сирийских мусульманах религиозный фанатизм, заменяющий в восточных племенах чувство народности, преданность государю и любовь к отечеству. Негодуя на христианские племена Сирии, вперявшие свои взоры с любовью и упованием на единоверные им европейские державы, сераскир хотел противопоставить этому чувству изуверство преобладающего в Сирии мухаммеданского народонаселения, и без того уже озлобленного на христиан. Негодуя на доверие, внушаемое христианам единоверными державами в ущерб турецкого влияния, сераскир думал торжественностью приемов, великолепием, бесчисленной свитой и пышными речами восстановить в глазах народа утраченное мнение о блистательной Порте и о пашах. В прибытие свое в Дамаск он между прочим произнес речь собравшимся с поклоном мусульманским приматам, чтобы доказать им, что египтяне были изгнаны вовсе не по решению христианских держав и их оружием, как носился о том слух, но единственно влиянием победоносной кометы султанов.

Между тем и речами, и личным примером проповедовал он усердие к исламу, укорял Ибрахима в пристрастии к гяурам и хотя не принимал сам никаких мер противу христиан, однако обращался с ними презрительно, а генеральным консулам, за вмешательство их в дела по управлению, мстил тем, что по примеру прежних пашей не привставал им, не возвращал визитов и оставлял без внимания их жалобы. Мустафа не подозревал, что поведение его в Сирии наводило тяжкие заботы на его правительство. В самом деле, до его прибытия друзья страшились ответственности за свои злодеяния. Потом, ободренные поведением Мустафы, они возобновили гонение на христиан, феодальные их притязания возросли, и они хотели уже предписывать свой закон Омар-паше, прикрывая свои бесчинства и неповиновение затверженными фразами о преданности Порте и пашам.

Вопли христианского народонаселения, обманутого в своих ожиданиях, нашли отголосок по всей Европе. Союзные кабинеты напомнили Порте данное ею обещание сирийским племенам не касаться местных льгот и прав, освященных временем. Ей советовали отказаться от неудачной попытки введения непосредственного турецкого управления в Ливанских горах. В самом деле, первым результатом этой попытки было восстановление власти шейхов над ограбленным и обгорелым народом. Порта настаивала на своем притязании. Чтобы выиграть время, наряжала она в Бейрут комиссаром Селим-бея, внука знаменитого Али-паши Янинского, с поручением исследовать нужды и желания ливанских племен; а во удовлетворение посольств предписывалось сераскиру и Омар-паше оказывать всякое покровительство христианским племенам и внушать им доверие. Обстоятельства были благоприятны проискам приверженцев эмира Бешира. Франция в это время усердно ходатайствовала за старого эмира. Однако ж Порта, несмотря на приманку умножения дохода, слишком боялась направления семейства Шихабов, не говоря уже о том, что и по религиозному чувству она не могла простить обращения их в христианство.

С другой стороны, союзные кабинеты, под влиянием которых совершился переворот 1840 г., могли ли согласиться на восстановление павшего эмира, тогда как свержение его было первым публичным актом экспедиции на берегу сирийском? Могли ли требовать они восстановления его преемника эмира Касема, которого неспособность подала повод к междоусобию 1841 г.? Но заодно с Францией и другие державы, внимая воплю христиан, настаивали на удалении паши и на восстановлении местных элементов внутреннего управления. Задача состояла в приискании формы восстановления, которая удовлетворяла бы противоположные интересы племен ливанских, Порты и обступающих ее влияний. Последствия указанных ошибок сераскира пособили развитию мудреной задачи. Дерзость друзей не ведала уже границ. Остатки христианского народонаселения Дейр эль-Камара укрылись в Бейрут и в Сайду, покинув город, где шейх Насиф Абу Накид продолжал свои свирепства в глазах паши и гарнизона, занимавшего Бейтэддинский замок эмира Бешира, в двух верстах оттуда. Порта предписывала унять друзей, если не из участия к судьбе христиан, то из уважения к представительству великих держав.

В конце марта (1842 г.) по условленному знаку были арестованы в Бейт эд-Дине созданные туда Омар-пашой на совещание восемь шейхов: братья Джумблаты, Хатар Амад, эмир Ахмед Арслан, Хусейн Тальхук, Насиф Абу Накид, Хусейн эд-Дин и Мухаммед эль-Кади. Из числа шейхов, которые по своим богатствам, по роду или по личным качествам имели влияние в горах, только трое избегли плена: эмир Эмин Арслан, шейх Хамуд Абу Накид, коих братья были задержаны, и шейх Юсеф Абд эль-Малик.

При известии о задержании шейхов все племя друзей востребовалось; но без своих предводителей оно видело себя осужденным бессилию. Омар-паша принял меры предосторожности; изо всех окрестностей отряды войск были сосредоточены в замке, гарнизон усилился до 4 тыс., а сообщения с берегом обеспечены занятием ущелий по дороге в Сайду. Пленники были туда отправлены под сильным конвоем и на пароходе перевезены в Бейрут.

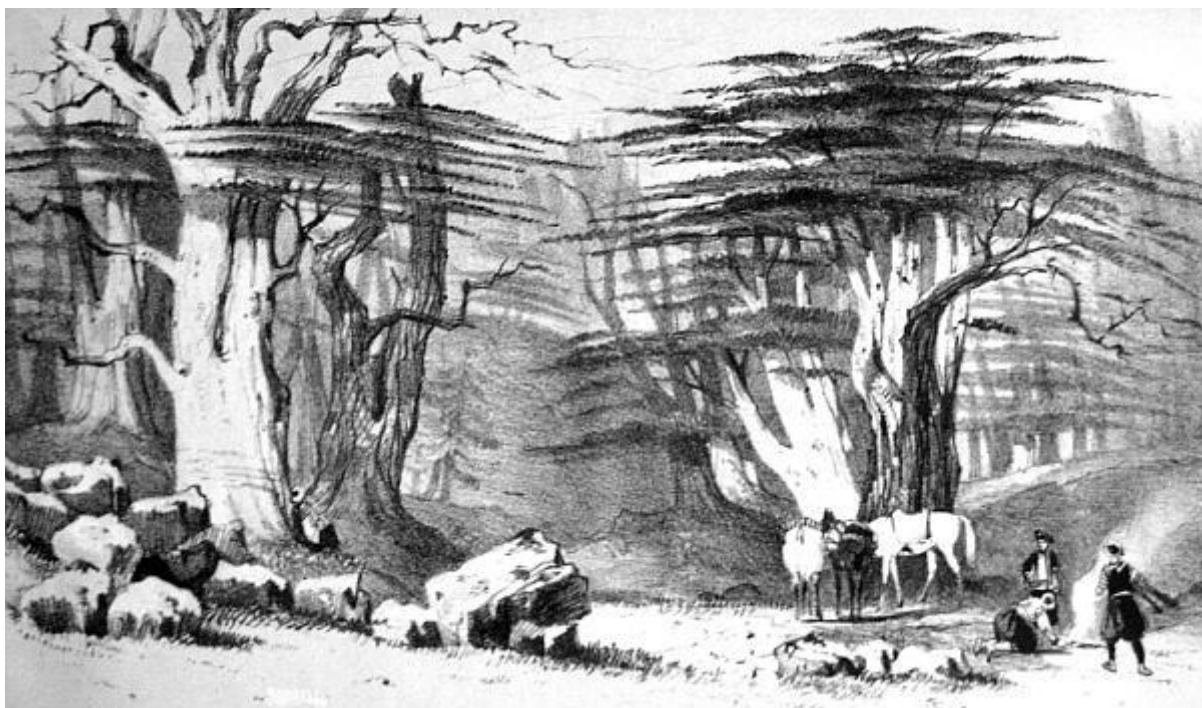
И в этот раз, как и всегда, внутренние распри горцев служили порукой силы пашей в горах и средством обуздания партий одних другими. Христиане ливанские были готовы подняться массой и отомстить друзьям. Таким образом религиозные ненависти, на которых основывал свое грядущее влияние род Шихабов, служили к достижению предположенной Портой цели – к подрыву местных элементов и к усилению турецкого влияния, несмотря на все ошибки Порты и пашей.

Теперь обласканные Портой христиане стали оправляться. Жители Дейр эль-Камара возвратились в свой город и под покровительством паши вступили во владение домами и садами, которые были захвачены друзьями. То же происходило по всему Южному Ливану. Милиция из христиан вступила в службу Омар-паши.

Комиссар Порты Селим-бей объехал летом горы, предлагая жителям безбоязненно выразить свои чувства. Приверженцы Шихабов усугубили происки и усилия своей партии. Вторичное появление французского флота под флагом контр-адмирала Ласюса придавало им новую деятельность. Маронитская аристократия дала флоту зрелище своих семейных преданий новыми братоубийствами между Шихабами в городе Газире {О

причинах и характере этого столкновения Базили сообщал В.П. Титову 30 августа 1842 г. следующее: «В результате ссоры в Газире, в четырех часах от Бейрута, по поводу одного крестьянина, который покинул своего сеньора, чтобы перейти работать к другому, четыре шейха главных маронитских семейств были убиты и много других ранено; отметим, что население не приняло никакого участия в этом деле и что оно не хотело даже взять на себя заботу хоронить трупы» (АВПР. Ф. «Посольство в Константинополе». Д. 736. Л. 229). – Прим. ред.}. Друзы и много христианских общин, между которыми впечатление долголетних угнетений эмира Бешира было сильнее, чем свежие раны междоусобий, просили непосредственного турецкого управления; но большинство католиков возобновляло просьбу о правителе-христианине из рода Шихабов. С обеих сторон было представлено по несколько тысяч подписей и печатей, в том числе множество имен вымышленных и печатей поддельных. Так-то арабские племена, над которыми тяготеет двойное иго феодальных шейхов и турецкого деспотизма, посвящались наобум в представительные формы.

Просьбы, поданные горцами Селим-бею или представленные ими непосредственно в Порту, должны были послужить юридическими документами процесса об устройстве правительственной власти в горах, а в этом процессе по принятому им обороту европейские кабинеты имели голос совещательный. Обстоятельства узаконяли постоянное вступничество европейских кабинетов во внутренние дела державы, которой независимость и неприкосновенность делались с 1839 г. необходимым текстом протоколов и трактатов.

Л

иванские кедры. Литография А. Т. Франция, 1830 г.

Между тем как в Константинополе велись переговоры между Османским кабинетом и посольствами, друзы готовились свергнуть Омар-пашу, которого влияние возросло со дня арестования шейхов. Они стали взывать к чувству, обнаруженному маронитами на сейме в Айн-Анубе, соглашались подчиниться христианскому князю, вознаградить за все

убытки междоусобной войны, льстили в одно время чувству народности и чувству корысти, этим двум могущественнейшим пружинам восточного мира, чтобы только привлечь в свою сторону христианские племена. Опыт прошедшего предостерег маронитов; они хорошо помнили, что хитрые их соперники за год пред тем точно так же ободряли их к отказу подати, чтобы только навлечь на них гнев правительства, а потом так безжалостно их казнили. В предчувствии восстания друзов правительство со своей стороны ласкало христиан, обнадеживало их возмездием за убытки 1841 г., не требовало податей, оставляло безнаказанными все их проступки и всячески старалось содержать их в покое, пока удалось бы разделаться с друзами.

Округ Ихден, в северной оконечности Ливана, населенный одними маронитами, почитается местом святым. Здесь высятся знаменитые кедры ливанские, откуда Соломон брал лес для храма Иерусалимского. По физиологическим исследованиям им приписывается возраст в несколько тысячелетий. В их тени, на снежной вершине, укрываются часовни благочестивых отшельников. Здесь, по народному поверию, был земной рай. Самое имя Ихден, или по произношению западных народов Эдем, наводит благоговейные воспоминания.

Эмир Абдаллах Шихаб, близкий родственник эмира Бешира, во время появления французского флота призывал к бунту маронитов, затем он бежал в Ихден. Была послана за ним погоня. Он успел уверить жителей, что турецкое войско входит в ущелья, чтобы отобрать у них оружие и взыскать подати и контрибуции. 1 октября горцы заняли ущелье, куда неосторожно вступал ночью отряд регулярной пехоты, убили из своей засады человек пятнадцать и принудили остальных отступить в Тараблус.

Трупы низамов были сожжены озлобленными горцами.

Слух о восстании северных округов Ливана заставил друзов поспешить открытием военных действий. Сперва пытались они отрезать водопровод Бейтэддинского замка, но Омар-паша выступил с артиллерией и разогнал их. Ватаги бунтовщиков стали рыскать по большой дороге, ведущей через горы из Бейрута в Дамаск, и, не касаясь торговых караванов и частных лиц, захватывали все конвои правительства. В таких обстоятельствах нельзя было помышлять о наказании Ихдена. Сераскир предал военному суду офицера, командовавшего отрядом, обвиняя его в том, что бесчинства его солдат привели в отчаяние горцев, верных и преданных правительству. В то же время приступала с одной стороны к провинившемуся округу албанская милиция, а с другой – спускался туда из внутренних хребтов Ливана сильный регулярный отряд. Но Мехмет-паше, начальствовавшему этой экспедицией, было поведено ограничиться угрозой и довольствоваться всяким оправданием горцев, тщательно избегая неприятельских действий. Преступные христиане явились с повинной, приняли в свои горы и угостили пашу без войска, засвидетельствовали тем свою покорность, а сераскир охотно всему поверил. Этой обычной тактикой правительственной науки турок была унята буря в северной стороне Ливана, когда бунт загорался по всем южным округам.

В таком-то состоянии дел покинул Сирию Мустафа Нури и вскоре затем был удален от министерства. Эсад-паша халебский, переведенный в Сайдский эйалет, принял наследие

забот, завещанных ему темной политикой сераскира. В самом деле военный министр, наряженный в Сирию с поручением устроить дела Ливана, более прежнего все перепутал, вдался в обман, замыслил прозелитизм в горах, возбудил изуверство мусульман, хитрил с партиями, льстил страстям, уронил достоинство своего правительства, тогда как ему надлежало явиться беспристрастным судьей народной распри и восстановить законный порядок.

В исходе октября по призыву ливанских друзов шейх Шибли Ариан с 3 тыс. своих единоверцев из Антиливана и Хаурана вступил в Ливанские горы и занял мухтарский замок Джумблатов, в 12 верстах от Бейт эд-Дина. Именем всего племени друзов он стал требовать у пашей освобождения шейхов, которые уже столько месяцев томились в заточении в Бейруте. Эсад-паша истощил все усилия, чтобы добром и лаской утишить бурю, и обещал немедленно сменить Омар-пашу, на которого преимущественно вопияли друзы. Из арестованных в Бейруте шейхов трое были отправлены пашой в горы, чтобы уговорить единоверцев, но и они присоединились к бунтовщикам. Оставалось решить дело оружием. Положение Омар-паши и турецкого гарнизона в Бейт эд-Дине становилось критическим. Друзы успели отрезать сообщения с берегом, а продовольствия не было. Омар-паша между тем учил свое войско маневрам среди скал и ущелий, обступающих замок. В 1833 г. он видел в русском лагере на Босфоре эволюции наших егерей и застрельщиков по нотным сигналам в трубу. Эту тактику решил он приноровить к местностям, где всякая эволюция регулярного войска была сопряжена с великими затруднениями. Друзы думали сперва, что он со скуки забавляет низамов. Они приходили любоваться на солдат, которые по звуку труб, передававших одинокую ноту с горы на гору, то бежали врассыпную, то ложились наземь, то исчезали между скал, то вдруг невидимо откуда строились опять в ряды и маршировали мерным шагом. Бунтовщики с высоких скал глазели на маневры и, порой наскакивая по камням, по тропинкам, ныряющим в пропасти, на своих чудных горских кобылицах, издевались над пашой и над низамом.

Наконец, ватаги обступили замок и стали вызывать на бой гарнизон. Омар-паша принял их вызов, и в то же время по условленному с Эсад-пашой плану два батальона под начальством Решид-паши, перевезенные из Бейрута в Сайду на пароходах, неожиданно вступали в ущелья, разгоня картечью засады горцев по дороге в Дейр эль-Камар. Омар-паша, едва слышал пальбу, ударил на мятежников, которые тогда только поняли смысл егерского учения и трубного звука. Они храбро дрались, но не могли устоять. Отступая и отстреливаясь под прикрытием местностей, они вдруг увидели за собой колонну Решид-паши, которая с запасами, с артиллерией и с легким отрядом албанцев уже прошла ущелья. Поражение мятежников было повсеместным. Более тысячи их легло. До поздней ночи их преследовал Омар-паша по разным направлениям и на другой день сожигал замок Мухтарский в наказание за измену Саида Джумблата, одного из шейхов, отпущенных Эсад-пашой в горы для переговоров с мятежниками.

Так окончилось одним решительным ударом восстание друзов в тех самых местах, где за год ровно пред тем они ругались над христианами. Этим успехом турецкого оружия заключился второй год восстановления султанской власти в Сирии. В этом краю, присужденном Порте волей великих держав, эпохи обозначаются не по развитию

гражданского благоустройства и закона, но по междоусобиям племен в угоды пашей, по их бунтам противу пашей, по последовательным кровопролитиям. Турки все это приписывают навыку племен и внешним влияниям. Без сомнения, в нынешнем состоянии края ежечасно отзываются те события, исследованию которых в летописях и в народных преданиях посвятили мы первые главы нашей книги. Самые обстоятельства внутренние и внешние, которыми ознаменовано восстановление султанской власти в 1840 г., завещали Порте долгий и кровный труд в сем крае и тяжкие жертвования вместо выгод, которых она надеялась от своего приобретения.

Но всего прежде должны турки обвинять самих себя и своих пашей, свое колебание между преданиями старины и театральным либерализмом теорий, не соответствующих ни народным, ни правительственным элементам края. Присовокупим к этому, что сама Порта никаких сведений не имеет о внутреннем состоянии далеких областей и разнохарактерных племен, ей подвластных. Беспечность эта была простительнее в ту эпоху, когда полномочия, вверяемые наместникам султана, избавляли центральную власть от всяких забот по управлению областей. Но совместна ли она с нынешними притязаниями Порты, которая забрала в свои руки все власти и без всяких статистических сведений о крае и о племенах диктует наобум своим пашам указы, или «кануны», по выражению турецкой канцелярии, которых исполнение несбыточно?

Как бы то ни было, наказание бунтовщиков внушило народу выгодное мнение о регулярном войске султана. Среди гор, где друзья надеялись продлить безнаказанно свой бунт, как в Ледже, одной блистательной победой турки рассеяли многочисленные полчища горцев и разбили самого Шибли Ариана, героя хауранской войны, Ахилла сирийской эпопеи, прозванного в народе «мечом веры», сейф эд-дин, своего племени.

Не постигая новой правительственной системы, надеясь, что по-прежнему мятежник одного пашалыка найдет верное убежище у соседнего паши, Шибли Ариан после ливанских своих приключений явился в Дамаск. Ахмед-паша дамаский продлил еще на несколько дней эту мечту и в надежде заманить к себе всех его сообщников принял бунтовщика ласково, одарил его шалью и кафтаном. Затем Шибли Ариан был отправлен в Константинополь и посажен в Адмиралтейский острог {В объяснении моем с Шибли Арианом под Захлой в его лагере в 1841 г. я, в присутствии всех его советников и главных сподвижников, предсказывал ему эту участь. Мой драгоман боялся перевести мои слова по-арабски, чтобы буйный шейх не пришел в исступление. Я стал запросто ему объяснять мое предсказание по-турецки (он понимал этот язык) и просил его самого передать по-арабски присутствующим. С улыбкой, с гневом и со вздохом Шибли исполнил мое требование. Картина эта глубоко запечатлелась в моей памяти. Каждая из 60 или 70 физиономий шейхов, меня окружавших, казалась типом, уловленным из полотен Рембрандта или Сальватора Розы.}. Его сообщники, шейх Юсеф Абд эль-Малик и эмир Эмин Арслан, укрылись в доме английского консула в Дамаске и впоследствии прощены. Измена молодого Саида Джумבלата, который по неспособности старшего брата, вступившего в сословие акалов, был в это время главой могущественного дома Джумблатов, представилась Эсад-паше детской шалостью. Он был также прощен и принял вновь управление своих обширных уделов.

Глава 23

Новая система управления на Ливане. – Падение Шихабов. – Два каймакама. – Их обоюдные притязания. – Вопрос о смешанных округах. – Религиозное направление политического процесса Ливана. – Прибытие капудан-паши с флотом. – Заблуждение общественного мнения и его влияние на дела Ливана. – Народный заговор. – Разбой и убийства. – Поезд Эсад-паши в горы. – Его смена. – Отплытие капудан-паши и вторая междоусобная война на Ливане. – Расположения турецких властей и войска. – Бедствия антиливанских христиан. – Последствия прозелитических происков в Хасбее. – Притязания католических держав. – Ссылка старого эмира и отступничество его детей и внуков. – Новые смуты в маронитах по поводу избрания патриарха. – Али-паша дамасский и его индейки. – Злодейства Абу Гоша в Иудее. – Дела бедуинов.

Едва умирился бунт ливанский, спелели из Константинополя новые распоряжения Порты о внутреннем управлении этих гор {7 декабря 1842 г. – Прим. ред.}. Настояния великих держав и неудачи последней попытки заставили Порту отказаться от любимой ее мысли – [назначения] паши ливанского. Она вверяла управление гор местным элементам. Приписывая в то же время все неурядица и мятежи взаимным враждам друзов и маронитов, Порта постановила, чтобы управление горских племен было вверено двум каймакамам из туземцев, наместникам сайдского паши: другу – над друзами, христианину – над маронитами. Семейство Шихабов было навсегда исключено от управления. Европейские кабинеты единодушно одобрили устройство это, равно и приговор, произнесенный Портой над отпавшим владетельным домом. Нота французского посольства торжественно сознавала тогда «les droits imprescriptibles de la Porte» {«Неотъемлемые права Порты» (франц.). – Прим. ред.} в отношении этой меры. Увидим впоследствии, были ли согласны действия французского посольства с принятым таким образом обязательством. Эсад-паше повелевалось приступить тотчас к избранию каймакамов. Каймакамом над христианами был назначен эмир Хайдар, глава семейства Абу Лама, родственного Шихабам, обращенного в христианство вместе с Шихабами и занимавшего после них первое место в христианской олигархии Ливана. Избрание каймакама над друзами представляло более затруднений. Все шейхи были в опале; одни содержались под арестом, другие участвовали в недавнем бунте. Из этих двух категорий паша предпочел заключенных бунтовщикам. Его выбор, по совещании с кандидатами, пал на эмира Ахмеда Арслана, которого родной брат Эмин еще недавно воевал против Омар-паши.

Можно было надеяться, что друзы с восторгом примут решение, лестное для их народности, над которой тяготело доселе ненавистное иго Шихабов и гроза турецкая. Напротив того, они по феодальному устройству их общества, по взаимному соперничеству лиц и семейств, по разделению массы народа на две партии – езбекиев и джумблатов – предпочитали владычество внешнее, при котором каждая партия сохраняла свои права и свое влияние, власти лица, избранного из их среды и которое могло присовокупить к внешней подпоре со стороны османских властей собственное влияние и тем самым могло, по примеру Шихабов, стремиться к поправлению аристократии своего племени.

Вспомним, что и по пресечении древнего владетельного дома Маанов в конце XVII в. шейхи предпочли призвать к себе князя из соседнего Антиливана, чем делать выбор из своей среды. Но теперь свежее впечатление народного бедствия, тюрьма, в которой уже восемь месяцев они томились, опала, висевшая над бежавшими родственниками, – все это заставило их покориться беспрекословно воле правительства и принужденно принять даруемую льготу. Зато в обеспечение своих феодальных притязаний они еще в стенах тюрьмы заключали с новым каймакамом тайные условия, в силу которых он обязывался узаконять только личиной своей власти пред глазами правительства все внутреннее самоуправство шейхов и предоставлял им не только присвоенные ему законные права, но сверх того и часть своего жалованья. Заметим, что древние права владетельных князей ливанских уничтожены при этом, а каймакамам, поставленным в категорию правительственных властей, определено жалованье.

Маронитскому каймакаму предстояло также бороться с происками партии Шихабов, которая, несмотря на произнесенный Портой приговор и на признание этого приговора самой Францией, на которую возлагала она все свои надежды, еще долго не переставала тревожить край, раздувать народные страсти, противопоставлять свойственные азиатам лукавства всякому успеху правительственной власти в горах, чтобы только длить анархию, возбуждать вопль народа, утомлять и Порту, и католические державы жалобами и убедить всех в том, что без Шихабов гражданское устройство Ливана несбыточно.

Под такими-то знаменами открылась система 1842 г., основанная на теории о том, что для прекращения кровавых споров между друзами и маронитами надлежало прежде всего раздвоить внутреннее их управление. Но при этом было упущено из виду одно важное обстоятельство: по всем южным округам Ливана, подчиненным шейхам-друзам, народонаселение состоит пополам из друзов и христиан, последние даже в большинстве. В этих самых округах свирепствовала преимущественно народная вражда между двух племен, здесь был театр недавних междоусобий, и самое междоусобие 1841 г. было последствием попытки христианского народонаселения к свержению ига шейхов. В силу новой системы маронитский каймакам простирает свои притязания на все округа ливанские, ибо повсюду были христиане, а каймакаму-друзу предоставлял он управление одного племени друзов. Христианское народонаселение южных округов, которым со времени проявления этого вопроса присвоено название смешанных (*districts mixtes*), показывая свои раны, вопияло противу шейхов и умоляло об уничтожении всех феодальных прав. После введенных Портой во всей империи ограничений права эти состояли теперь в исполнительной и полицейской власти. Шейхи основывали свои притязания на данном Портой в 1840 г. обещании, что древние их права будут уважены, равно как и местные льготы. Что же касается притязания маронитского каймакама, друз возражал весьма основательно, что два управления в одном округе, в одном селении совершенно несбыточны; а потому, предоставляя маронитскому каймакаму друзов, поселенных в Метене, наследственном уделе эмиров Абу Лама, требовал беспрекословного управления южных округов.

Все эти противоположные притязания и нерешенные вопросы составили новый и самый запутанный народный процесс, в котором, к большому прискорбию Порты, кабинеты великих держав продолжали принимать участие более или менее деятельное, более или

менее основанное на частном воззрении каждого из них, более или менее обидное для турецкого самолюбия. Это благоприятствовало неутомимым проискам Шихабов и на Ливане, и в Константинополе, и в Европе. Их агенты именем католического народонаселения Ливана попеременно искали сочувствия и подпоры в Риме, в Вене, в Париже, наполняли ультракатолические журналы трогательными вымыслами о терпимых ими будто бы за веру гонениях, прикрывали маской религии свои политические затеи и всеми силами старались придать ливанским спорам самый теплый религиозный колорит.

1843 и 1844 гг. проведены в бесплодных попытках к устройству ливанского управления. Неудобства двойственной системы возникали на каждом шагу, а географическое разграничение округов между двумя каймаками было осуждено самой основной мыслью системы. Были, впрочем, предписаны Портой, с одобрения посольств, иные частные меры для отстранения главнейших препятствий. Христианам смешанных округов предоставлено право иметь своих представителей (векиль), избранных из своей среды, независимых от иноверных шейхов округа (мукададжи) и облеченных бюлостительной властью. В случае притеснения народа от шейха векили могли обращаться к христианскому каймаку и искать его заступничества или ходатайства у паши. Город Дейр эль-Камар, бывший дотоле в уделе шейхов Абу Накидов и служивший театром их неистовств в 1841 г., был выключен от их удела и получил права муниципальные, а для обеспечения его жителей от новых напастей турецкий гарнизон продолжал занимать соседний замок Бейт эд-Дин. Наконец, после судебного разбора денежных притязаний христиан за грабительство 1841 г., было обещано им 13 тыс. мешков возмездия. Друзья не были в состоянии уплатить эту сумму, а потому Порта обязывалась выдать из казны 10 тыс. мешков (около 285 тыс. руб. серебром) и только 3 тыс. взыскать с грабителей.

Порта, не получая никаких податей с Ливана, расходуя огромные суммы на содержание войск в горах, на отправление комиссаров, на подарки горцам и пр., терпеливо приплачивала даже за разбои своих подданных, чтобы только окончить как-нибудь это докучное ливанское дело. Халиль-паша, бывший сераскиром в начале царствования Абдул Меджида и переименованный потом в капудан-пашу, был послан с флотом в Бейрут в лето 1844 г., чтобы своим появлением ускорить решение дела.

Но народные страсти уже кипели с новой силой {Рост крестьянского движения начался в 1843 г., когда турецкие власти объявили о сборе налогов за истекшие три года (после 1841 г. Порта не решалась взимать налоги). В ответ на это в мае 1843 г. заволновалось население Кесруана, весной 1844 г. крестьяне района Джиббет-Бшарра отказались платить налоги. В долине Бекаа феллахи после вооруженных столкновений изгнали турецкого откупщика налогов. Слухи о намерении турецкого правительства собрать в Сирии рекрутов вызвали волнения в Тараблусе, сопровождавшиеся отказом населения платить налоги. В июле 1844 г. турецкие власти ввели войска в Тараблус и Джиббет-Бшарра. Однако внутреннее брожение в стране не затихало. В сентябре того же года Базили писал о том, что в Ливане беспокойно и, хотя восстание не вспыхнуло, «всеобщая деморализация населения всего Ливана делает ужасающий прогресс, и со дня на день становится все труднее организовать здесь сколько-нибудь регулярное управление». В Кесруане состоялось большое народное собрание, которое объявило протест против существующего 12-процентного таможенного тарифа. В Южном Ливане созывались

собрания, на которых христиане-феллахи составляли петиции с просьбой освободить их от власти друзских феодалов. – Прим. ред.}. Христианские племена Ливана видели в долготерпении Порты одну лишь робость и слабость. Едва зажили раны первой междоусобной войны, они хотели вновь испытать счастье и решить свой народный процесс с друзьями судом оружия. Всю зиму 1844 – 1845 гг. они провели в приготовлениях к войне. Приписывая испытанные ими в 1841 г. бедствия своему внутреннему неустройству, христиане стали образовывать народное ополчение с десятниками, сотниками и пр. Но ни один шейх или эмир не решался принять начальство над этим ополчением. С одной стороны, народ не питал никакого доверия к своей аристократии, а с другой – маронитская аристократия, которая ближе и вернее понимала дело, чем европейское общественное мнение, обманутое религиозным колоритом ливанского дела, ясно видела анархическое направление своих единоверцев и хорошо постигала, что по ниспровержении власти шейхов-друзов тот же поток опрокинул бы неминуемо и всю маронитскую аристократию. Народ, предоставленный сам себе, дал командирам, назначенным из его среды, прихотливое прозвание «шейхов молодежи» (шейх эш-шебаб).

Центром военных приготовлений был Дейр эль-Камар. Христиане этого города, обязанного прежним своим благосостоянием и промышленным развитием эмиру Беширу, тем усерднее приступали к делу, что новые политические тревоги казались им залогом возвращения Шихабов. В Дейр эль-Камаре заседал тайный комитет с инквизиционными правами над всеми обществами народного заговора, простиравшего свои ветки по южным округам. Он произносил смертные приговоры и содержал на жалованье присяжных исполнителей, вроде сборов Венецианской республики.

Шейхи-друзы, со своей стороны, видя приготовления христиан, сходились на тайное совещание в Мухтару у Джумблатов и обязывались между собой забыть на время свои семейные вражды и действовать заодно при первом восстании христиан {Совещание имело место 2 февраля 1845 г. – Прим. ред.}.

В наступавшем кризисе шаткое, недостроенное здание ливанского управления могло обрушиться над головами каймакамов. Между тем сами они, вместо того чтобы соединить свои усилия для обуздания народного потока, давали горским племенам зрелище постоянного соперничества и мелочного их честолюбия и друг на друга клеветали у пашей. Пашам было поведено от Порты остерегаться всякой крутой меры, а потому в ожидании окончательных распоряжений своего правительства, не видя возможности миролюбивой сделки между племенами, они истощали свои усилия, чтобы только продлить по возможности наружное спокойствие, под которым горел вулкан. Флот отплыл к зиме, а капудан-паша остался в Бейруте в качестве полномочного комиссара. Впрочем, он не имел никаких полномочий. Данное ему поручение служило благовидным предлогом всемогущему в это время сераскиру Риза-паше, чтобы держать вдалеке от столицы вельможу, которого влияние и родство с султаном расстраивали его планы.

В первые месяцы 1845 г. разбои, убийства и злодеяния всякого рода размножились по южным округам Ливана. Обе партии, готовые к войне, обвиняли в том одна другую и попеременно являлись с жалобами к пашам. Друзы старались привлечь к себе турок воззваниями о своей покорности и преданности и тем обеспечить себе их содействие, но

они не соглашались на те уступки, которые предписывала им Порты для удовлетворения притязаний христиан. Христиане хотели только усыпить внимание правительства, выставя себя жертвами самоуправства и корысти шейхов.

Случилось, что в феврале были розданы христианам новые милостыни (около 30 тыс. руб. серебром), собранные в Австрии в пользу жертв междоусобий 1841 г. Раздача производилась чрез маронитское духовенство, и вся сумма послужила к закупке оружия и снарядов. Комитет дейрэлькамарский, с одной стороны, сочинял слезные просьбы к пашам и к агентам великих держав от имени христиан, угрожаемых злым умыслом друзей, а с другой – подстрекал к взрыву новых междоусобий в оправдание своих жалоб. Умы были до того разъярены, что семидесятилетний маронитский священник был задушен на большой дороге своими родными за то, что он в противность приказу, данному комитетом о прекращении всякой связи с друзьями, навистил одного шейха, некогда его благодетельствовавшего. Всего более потворствовала видам заговорщиков безнаказанность всех преступлений, власть каймакамов была совершенно бессильна, а правительство не решалось употребить строгие меры.

По представлению консулов великих держав, Эсад-паша в продолжение февраля посетил сам Дейр эль-Камар, чтобы лично исследовать расположение умов на Ливане и предупредить взрыв. Везде встречали его со знаками покорности и нелицемерного уважения. Народ среди всех своих тревожений умел ценить личные качества, ум, строгий нрав, беспристрастное и бескорыстное правосудие Эсада, благороднейшего, едва ли не последнего типа турецкого вельможи старого времени. Все христианское народонаселение Дейр эль-Камара вышло к нему навстречу в полном вооружении, а при въезде его в город женщины и дети на террасах домов пели песни в его честь, сыпали цветы по пути его и опрыскивали его розовой водой. Старшины положили к его ногам свое оружие, объясняя, что они дерзнули идти к нему навстречу вооруженными, во знамение постоянной тревоги, в которой проводили они жизнь в горах, под страхом злого умысла друзей.

Все это было заучено. Христиане старались теперь выказать себя усердными и верными рабами, чтобы склонить на свою сторону весы турецкого правосудия. Порты не сумела воспользоваться обстоятельствами столь благоприятными для утверждения своего законного влияния в горах. Поездка Эсад-паши в Дейр эль-Камар, его советы, обещанное им правосудное внимание к обоюдным жалобам христиан и друзей произвели спасительное впечатление. Но в это время Порты сменяла Эсад-пашу и предписывала ему ехать немедленно в Бурсу, место, назначенное для его ссылки.

Давно уже все политические и финансовые затруднения по Сайдскому пашалыку, самые даже дела ливанские становились со дня на день невыносимее для Эсада. Его преследовал министр финансов Мусса Савфети-паша, который в это время разделял с Риза-пашой влияние по министерству. Ненависть эта, имевшая столь гибельные последствия, происходила оттого, что старый Эсад, оскорбленный однажды повелительным тоном депеши к нему министра финансов, выразился слишком круто о нем в присутствии одного из своих подчиненных, который, быв впоследствии выгнан из его службы, поспешил в столицу с доносом. Обида была тем чувствительнее для самолюбия министра, что его

отец состоял некогда в службе Эсада и все его семейство было им благодетельствовано. Эсад принадлежит к весьма небольшому числу турецких вельмож: дворянского рода. Он происходит от древнего семейства малоазийских дербеев, сподвижников завоеваний первых султанов. В эпоху истребления янычар он был усердным, но человеколюбивым исполнителем султанского приговора в своем пашалыке в Адрианополе и почитался по своему уму, опытности и преданности одним из лучших слуг султана. В 1827 г. по случаю ультиматума российского кабинета Махмуд секретным письмом спрашивал мнения Эсада: согласиться ли на требования России или предпочесть войну? Эсад откровенно выразил свое мнение о сохранении мира, предлагая даже своему султану все свое состояние в пособие на уплату возмездий, востребованных Россией в пользу купцов наших, разоренных самоуправством Порты в 1821 г., лишь бы сохранить мир, столь нужный для упрочения преобразований Махмудовых. Султан, обманутый льстецами и любимцами, которые без метафоры называли непобедимыми новые его войска, приписал умный совет Эсада его робости. Он принял только предложение его о пожертвовании всего его состояния, но не на уплату долга России, как это разумел Эсад, а на расходы войны с Россией. Последствия с лишком оправдали предчувствия опытного старика; но его богатства никогда не были ему возвращены. В 1826 г., когда государь император участвовал в забалканской кампании, Эсад защищал Шумлу. Девять лет спустя, во время путешествия государя в Закавказском крае, Эсад, бывший в то время пашой в соседнем Эрзуруме, по повелению султана Махмуда являлся в Александрополь с приветствием к его величеству от имени своего государя. Вид, обхождение и речи русского царя сделали глубокое впечатление в его уме, и не один раз в доме моем в Бейруте, с благоговением взирая на императорский портрет, пересказывал он мне малейшие подробности этого свидания. Государь вспомнил, что храбрый защитник балканской твердыни именовался Эсад-пашой, и спросил у своего гостя, он ли сам отстоял тогда крепость. Эсад, воспитанный в турецких понятиях об этикете, рассудил, что утвердительный ответ был бы неприличным; сказать «да» значило бы похвалиться тем, что он дрался против армии, в которой присутствовал сам император. Но он знал также, что пред царем ложь постыдна, он потупил взоры, будто преступник, и не смел отвечать. Государь его понял, обласкал и похвалил за честную службу султану. У удивленного старика навернулись на глазах слезы признательности. Султан Махмуд был в восторге от представленного пашой отчета о его объяснениях с императором, и едва Эсад не сделался первым любимцем этой эпохи. Но, как это всегда бывает в Турции, султанская благосклонность внушила опасения временщикам власти. Эсад был оклеветан и сменен с пашалыка. Затем наше посольство за него заступилось; он вошел опять в милость и был принят в Верховный Совет. Прямота его нрава не позволила ему долго оставаться в столице. Его стали переводить из одного пашалыка в другой подалее от Стамбула. В 1847 г. он, управляя Курдистаном, наказал знаменитого бунтовщика Бедер Хан-бея. Ему теперь под 90 лет, но почитается лучшим поэтом в Турции.

[Бедер Хан-бей, курдский эмир, правитель округа Джебзире, возглавлял восстание курдов против турецких властей, подавленное в 1847 г. – Прим. ред.].}. Надо думать, что гроза, накопившаяся в горах, должна была неминуемо разразиться и при Эсаде; но нет сомнения в том, что умный и правосудный паша, который при самом вступлении своем в должность успел вселить страх в горцев наказанием бунта, а затем внушил доверенность и успел сам изучить край и ознакомиться с делами и с лицами, – нет сомнения в том, что он успел бы

обуздать своевременно горцев после первой вспышки и тем предупредил бы бедствия второй междоусобной войны. Блистательная Порта все это упустила из виду и ради личных страстей, господствовавших в ее советах, осудила страдальческие племена Ливана новым и страшным испытаниям и потрясла собственное свое влияние в Сирии.

Отъезд Эсада и прибытие его преемника Веджиги, управлявшего дотоле Халебским пашальком, послужили будто сигналами к открытию войны. Меж тем капудан-паша, который давно уже унывал в Бейруте и не без причины подозревал, что ему готовили преемника в должности великого адмирала, успел исходатайствовать разрешение ехать обратно в столицу и селся на пароход в тот самый день, когда первые пожары ливанских селений загорались в виду Бейрута.

Никто не станет подозревать доброго и любезного Халиль-пашу в умышленном содействии к достижению такого результата. Чуждаясь всяких происков, он умирал со скуки в Бейруте и не имел другого развлечения, другого занятия, можно сказать, как стрелять из винтовки, ни другого удовольствия, как разбивать кувшины на расстоянии 1200 шагов {10 тыс. пиастров бахшиша было им роздано свите в первый раз, когда кувшин был разбит на этом расстоянии выстрелом его светлости.}. Ответственность лежит на министерстве. Оно будто умышленно роняло величие правительства в народном мнении этим загадочным пребыванием великого адмирала в Бейруте и еще более загадочным его отъездом; оно навлекло на себя справедливый упрек подданных и общественного мнения Европы в тайном желании утомлять горские племена междоусобиями, подрывать турецкими кознями все местные элементы власти и влияния, пока удалось бы поставить в горах своего пашу, вопреки обязательствам, принятым пред христианскими державами.

Неприятельские действия открылись на реке Дамуре, по большой дороге из Бейрута в Сайду {Вначале мая 1845 г. – Прим. ред.}. Там случилась обычная ссора между погонщиками-друзами и маронитами. Отголосок перестрелки поднял на ноги все южные округа. В этот раз христиане были готовы к наступательным действиям. Жители Джеззина, богатого и живописного округа, населенного почти исключительно маронитами, ворвались в соседний округ Шуф, сожгли много селений, разбили и рассеяли другов и уже приступали к Мухтарскому замку, где защищался ненавистный им шейх Саид Джумблат. В то же время христиане Метена, пограничного округа между друзами и маронитами, поднимались массами на поселенных между ними друзов, жгли, грабили и умерщвляли безо всякой пощады.

В один и тот же день все свирепства, все ужасы злейшей междоусобной войны объяли южные округа Ливана. В каждом селении дрались христиане с друзами, а победители жгли дома побежденных. Была пора урожая шелковичных червей. Шейхи-друзы, чтобы отвлечь своих вассалов от занятий по хозяйству и заставить их идти на защиту своего племени, стали сами сожигать и шелковичных червей, и коконы. С другой стороны, они зывали о защите у пашей и у войска турецкого, занимавшего Бейт эд-Дин.

Около недели продолжалось торжество христиан. По всему Метену, в Джеззине и в половине селений округа Шуфа не осталось ни одного друга; одни пали, другие спасались в соседние округа, их имущество было разграблено, дома сожжены. Затем одолели друзы,

в свою очередь стали и они губить христиан, грабить и сжигать, так что в промежуток двух недель этой неистовой оргии в семидесяти живописных, цветущих, богатых селениях Ливана не осталось ни одного дома. Из Бейрута можно было следить глазом за ходом войны, днем – по облакам дыма, клубившимся попеременно над вершинами гор, ночью – по пламени, бежавшему из одного селения в другое по скату гор. И это было среди весеннего праздника полуденной природы! Жизненные соки растительного царства, разогретые майским солнцем, покрывали изумрудом плантации и золотом зрелых жатв поля и пригорки, а в человеке свирепели страсти, и он метался хищным зверем среди благ, дарованных ему щедрой природой, и с зажженным факелом в руках, с бешенством в сердце жаждал только крови и истребления.

С одной стороны бейтэддинский гарнизон, а с другой – Веджиги-паша с войском и артиллерией выступали в горы между двух разъяренных племен, чтобы их разнять. Но турки шли ощупью по горам, опасаясь, чтобы оба племени вдруг не восстали противу них и чтобы междоусобие горцев не обратилось в общий бунт. Опасения эти были еще менее основательны теперь, чем в первую междоусобную войну, по мере сугубой злобы, которой в сей раз были одушевлены обе стороны одна против другой. Можно было опасаться, что если бы марониты восторжествовали, то анархические их стремления направились бы впоследствии противу правительства, подобно тому как друзья подняли оружие на пашу в 1842 г. вслед за своей победой над маронитами. По законам человеколюбия и здоровой политики и по соображению всех внутренних и внешних обстоятельств туркам надлежало во всяком случае соблюсти строжайшее беспристрастие между двумя воюющими племенами. Достаточно было повелеть, чтобы все ватаги рассеялись по своим селениям под страхом наказания всякого горца, встреченного с оружием вне своего селения. Патрули регулярных войск могли бы обходить горы по всем направлениям и без труда рассеять обе партии. Но турки всего более опасались за свое войско. Опасения эти служили личиной коварного расчета. Они равно были озлоблены и на друзов, и на христиан ливанских. По их мнению, оба племени были не довольно истощены в залог своего повиновения.

Дивизионный генерал Дауд-паша объявил, что он не раздробит своих колонн по горам, где тропинки, и ущелья, и чувства жителей повсюду таили измену. Было положено в военном совете, чтобы каждая колонна была не менее полубатальона в комплекте и чтобы два лагеря с артиллерией оставались резервными центральными пунктами в Метене и в Бейт эд-Дине, куда могли опираться подвижные колонны. Эти стратегические предосторожности обнаружили горским племенам опасения турок и внушили им новую дерзость.

Вместо того чтобы соблюсти строгое беспристрастие, паши решились искать подпоры в одной из двух воюющих партий. Весы, очевидно, клонились опять на сторону друзов. Коренное олигархическое их устройство и даже народный их нрав представляли более надежные поруки, чем буйные страсти, господствовавшие в христианском лагере. Шейхи и эмиры были чужды этого народного стремления христиан, грозившего потопом всему феодальному дворянству и руководимого тайными происками маронитского духовенства и приверженцев отпавшего княжеского дома. Что же касается незрелой попытки шейх эш-шебабов, предводителей христианской молодежи, все это устройство рушилось при

первой военной тревоге. Комитет дейрэлькамарский мог управлять происками, но не военными действиями. К тому же марониты под роковым влиянием безначалия не замедлили навлечь на себя гнев пашей. Между тем как сами они вопияли к туркам о защите, был ими захвачен провиант, отправленный под конвоем из Бейрута в лагерь Веджиги-паши, а в перестрелке с друзьями в селении Курнайле убит ими вахмистр турецкого отряда, поспевшего туда, чтобы рассеять обе партии. Это преступление или, может быть, этот случай раздражил все войско турецкое противу христиан и обеспечил друзьям сверх благосклонности паши, основанной на политическом расчете, сочувствие войска, основанное на религиозном негодовании против гяуров за измену войску, посланному с мирным словом.

Шейхи-друзы воспользовались ошибками своих соперников. Паша приглашал в лагерь всех шейхов и эмиров обоих враждебных племен. Марониты не являлись, одни – по недоверию к туркам, другие – по сочувствию собственного бессилия на массы своих единоверцев. Друзы, напротив того, предстали к паше и под благовидным предлогом содействия к прекращению междоусобий стали из турецкого лагеря направлять движения своего племени.

Обстоятельства эти поясняют странное явление этой эпохи – роковой для христиан союз турецких властей и войск с друзьями, которые еще недавно восставали общим бунтом в горах противу османской власти, тогда как христиане, оказавшие усердие к султану в 1840 г., ничем иным, можно сказать, не провинились пред правительством, как разве легковверными речами и легковверными надеждами на сочувствие Европы. Притом же основная мысль, которая одушевляла массы христианского народонаселения, мысль об уничтожении феодальных прав, вполне согласовалась с видами османского правительства. Что же касается происков о восстановлении падшего владетельного дома, то всякий беспристрастный наблюдатель мог убедиться в том, что для народной массы, чуждой пронырствам партий, имя Шихабов, этих бичей ливанской олигархии, служило более знаменем ее стремления, чем целью.

Благоприятствуемые турками друзы продолжали повсюду карать злополучных христиан. Сайда и Бейрут наполнились жертвами ливанских междоусобий. Маронитский патриарх умер со страха при известии о приближении ватаги друзов к Кесруану. Между тем в знак своего беспристрастия и в удовлетворение жалоб консульств великих держав паша повелевал в один и тот же день казнить в Бейруте друга, пойманного в зажигательстве христианских домов, а на горах в лагере – христианина, обвиненного в упомянутом нами убийстве турецкого вахмистра. Виновника нельзя было отыскать в толпе сражающихся, но зрелище казни было необходимо для удовлетворения озлобленного войска. Казнили первого, кто попал.

Кровопролития ливанские отозвались и на Антиливане. Округа Рашеи и Хасбеи, населенные православными христианами и друзьями, состоят и теперь, как в старину, под управлением младшей линии Шихабов, пребывающих в мусульманском законе. Эмир Саад эд-Дин в Хасбее и эмир Эфенди в Рашее, лишены феодальных своих прав под египетским владычеством, были с того времени облечены властью мусульмов, или окружных начальников, и в этом звании утверждены турками в награду их восстания

противу египтян. В 1843 г. слабоумный Али-паша дамасский сменил хасбейского правителя и отдал округ на праве откупном какому-то курду. По поводу новой раскладки податей случилась распря между хасбейскими христианами. Шейхи-друзы из семейств Шамс и Кейс, которые здесь никогда не имели политического веса, как шейхи на Ливане, раздражали обе партии в надежде, подобно шейхам ливанским, подчинить своей власти цветущий христианский округ, обязанный своим благосостоянием отеческому правлению эмира Саад эд-Дина, но потрясенный переменой власти. Они призвали на помощь себе американских протестантских миссионеров, которых прозелитическая тактика в Сирии состоит преимущественно в том, чтобы порождать ссоры в общинах и в семействах, мутить воду и в ней рыбу ловить, по пословице.

Господин высшего происхождения. Рис. Де Ламборда.

Мы уже имели случай видеть участие, принятое миссионерами в волнении народных страстей на Ливане. Опираясь на влияние английского имени и на сочувствие английских агентов, суля своим последователям всякие блага, льготы от податей, денежные пособия, они успели привлечь к себе недовольных в числе 500 душ, открыли школы и стали проповедовать свое учение. В Турции духовное начальство подвластных племен участвует в делах по управлению. Ссора за раскладку податей весьма легко обратилась по проискам друзов и миссионеров в ссору с церковью. Произошли смятения; народные страсти, призвавшие раскол, злее разгорались под его влиянием. Миссионеры, которые уже двадцать пять лет подвизаются на всем Востоке и другого успеха не обретают, кроме раздоров в племенах и в семействах других христианских вероисповеданий, торжествовали мнимым обращением ста с лишком православных семейств. Правда, семейства эти перестали посещать свою церковь, но миссионерам предстояло еще обращение прозелитов строгим надзором, чтобы лампада не зажигалась пред домашними образами и чтобы не соблюдались посты; а прозелиты исполняли втайне от своих

учителей все обряды отцовской веры. Престарелый Антиохийский патриарх Мефодий успел ходатайством у правительства отменить те финансовые меры, которые породили распрю в его пастве, и возратить правление любимому народом эмиру. Сам престарелый владыка среди зимы переехал чрез снежный хребет Анти-ливана и успел, наконец, примирить обе партии, над которыми начинало тяготеть корыстное влияние шейхов-друзов. Протестантские миссионеры, принужденные укрыться от негодования народа, покинули Хасбею. Отступление это необходимо для пояснения тех бедствий, которые постигли злополучную Хасбею по поводу ливанских междоусобий. Знакомый читателю шейх Насиф Абу Накид, палач дейрэлькамарских христиан, бежавший затем из-под ареста, был исключен, по настоянию консульств великих держав, от амнистии, дарованной Эсад-пашой друзьям. С того времени он рыскал в Хауране и в кочевьях бедуинов. Как только открылись новые ливанские междоусобия, друзья антиливанские призвали к себе этого знаменитого злодея и обещали ему свое пособие на Ливане с тем, чтобы он им предварительно помог казнить хасбейских христиан и подчинить их власти шейхов. Свирепый Абу Накид набрал шайку более 3 тыс. друзов хауранских, курдов, бедуинов и всякого сброда. Он обнародовал султанский поддельный фирман, которым повелевалось всем правоверным восстать на побиение христиан. Предшествуемый ужасом своего имени, налетел он, как коршун, на Хасбею. Эмир Саад эд-Дин посоветовал христианам спасаться бегством. Они отступили со своими семействами по дороге в Дамаск, чтобы просить защиты у паши, но друзья хасбейские, присоединившись к ватаге Абу Накида, обступили христиан в одной из антиливанских долин, где были они расположены на ночлег, отрезали им дорогу в Дамаск и ударили на них. Отчаяние вселило храбрость в несчастных, они долго защищались, несколько сот пали, другие успели спастись в Захле. Неподалеку оттуда был расположен лагерь Веджиги-паши. Абу Накид со своей ватагой и с хасбейскими друзьями, насытившись грабежом в покинутом христианами городе и в целом округе, осквернили церкви, закололи священников у алтарей, превзошли свирепствами ливанских своих единоверцев.

Господин высшего происхождения. Рис. Де Ламборда.

Что же, после всех этих злодейств Абу Накид был ласково принят Веджиги-пашой, одет в почетный кафтан и, будто загладивши новыми своими преступлениями те преступления, за которые Эсад-паша два с половиной года не позволял ему ступить ногой на Ливан, получил теперь всепрощение от преемника правосудного Эсада. Приписать ли это ослеплению паша или, может быть, дележу хасбейской добычи? Всем своим поведением в междоусобиях ливанских племен наместник Порты оправдал самые черные предположения народной молвы, а что еще хуже – внушил убеждение, что и Порта радовалась бедствиям горцев. Порта оправдывалась пред посольствами великих держав, слагая всю вину на происки Шихабов. Чтобы разрушить влияние старого эмира Бешира, который из столицы путал ливанские дела и наводил на правительство новые хлопоты, отправляли его в ссылку со всем семейством в Кастан-Болу, в Малую Азию. Тогда-то сыновья и внуки эмира, и прежде всех эмир Эмин (Эмин значит Верный), на которого преимущественно возлагали свои упования приверженцы Шихабова дома, один за другим отреклись от новой своей веры, в которой даже иные из них были рождены. Шихабы возвращались теперь к вере своих предков, чтобы тем угодить правительству, точно так как лет за тридцать пред тем принимали они в горах крещение, чтобы обрести в христианских племенах Ливана опору противу своих буйных вассалов. Кчести старого эмира Бешира скажем, что он не осквернил своих седин отступничеством. Он доселе пребывает в христианском законе и смиренно живет в Бурсе, куда он был впоследствии переведен для перемены климата {Эмир Бешир умер в христианской вере в Бурсе [29 декабря 1850 г.]}.

На Ливане между тем друзья продолжали губить христиан в глазах пашей и войска, а Веджиги делал в своем лагере артиллерийское учение, чтобы громом холостых зарядов разогнать их полчища. На горькие упреки и на настойчивые жалобы генеральных консулов он отвечал напыщенной исповедью о своем беспристрастии, о своем человеколюбии, о чистоте своих намерений. Он обвинял христианских старшин и самого каймакама в том, что они не соглашались явиться к нему в лагерь для переговоров с друзьями, и потому предлагал консульствам великих держав быть посредниками и дать свое поручительство в безопасности и неприкосновенности старшин христиан и друзей для съезда их в Бейрут на заключение перемирия.

Таким образом открылись переговоры в Бейруте при поручительстве агентов великих держав в конце мая, и мало-помалу были уняты неистовства в горах. Но основной вопрос об управлении так называемых смешанных округов, два раза бывших театром междоусобий, не мог быть решен. По крайней мере все согласились остаться в покое и ждать новых распоряжений Порты.

Едва прекратились междоусобия друзей с маронитами в южных округах Ливана, произошли смятения в северных округах по поводу избрания нового патриарха маронитского. Смятения эти служили выражением внутренней борьбы между олигархическими притязаниями шейхов и новыми наклонностями в народе.

Аристократия домогалась в пользу кандидата своего племени сана маронитского патриарха, дабы затем все прибыльные должности по управлению церковным имуществом достались на долю духовным лицам из дворянского рода и послужили бы источником обогащения ленивых шейхов. Церковь маронитская богата, но масса духовенства пребывает в нищенстве и, обрабатывая собственными руками монастырские уголья, едва снискивает себе насущный хлеб {В одном донесении от 2 сентября 1845 г. Базили описывает положение низшего маронитского духовенства в Ливане: «...злоупотребления маронитской олигархии в отношении монастырей и имущества церкви были кричащие... Маронитские монахи были тружениками, в поте лица они создавали виноградники, растили шелковицы и оливки. Они своими собственными руками заставляли не обрабатываемые ранее земли приносить доходы. Пожертвования увеличивали богатства церкви. Однако эти богатства проматывались небольшим числом епископов, аббатов, а низшее духовенство, обрабатывающее землю, одевалось в грубую шерстяную ткань и питалось только ячменным хлебом. Масса маронитского духовенства находится в нищете, тогда как маронитская церковь является без преувеличения наиболее богатой христианской церковью в Сирии» (АВПР. Ф. «Посольство в Константинополе». Д. 799. Л. 234). – Прим. ред.}. Злоупотребления эти всегда существовали, они сделались ощутительнее по мере политического влияния, приобретенного духовенством в последовательных переворотах горских племен. Все лето бушевали марониты, духовенство и миряне. Собор епископов выдерживал осады противу мирян и монахов, вооруженных дубинами, пока, наконец, олигархия успела провозгласить своего кандидата из рода шейхов Хазен при содействии французских агентов и римских булл. Не менее того нанесен этой борьбой сильный удар патриархально-аристократическим преданиям маронитов, подобно тому как междоусобия южных округов, несмотря на торжество шейхов-друзов в 1841 и 1845 гг., служат предзнаменованием неминуемого их падения.

Господин высшего происхождения. Рис. Де Ламборда.

Недолго спустя по усмирении Ливана скончался Али-паша дамаский. Уверяют, что бедствия хасбейских христиан отравили последние его дни и ускорили его смерть. При всех своих пороках и при своей глупой лени Али-паша имел сердце доброе и человеколюбивое. Как бы то ни было, он до конца более заботился о своей кухне, чем о целом пашалыке, и охотнее рассуждал со своим поваром о приправах к соусам, чем со своими чиновниками об устройстве запущенных дел по управлению. Господствующие страсти наместника Порты в Дамаске были вино и индейки. Вину он посвящал свои ночи, к великому соблазну правоверных жителей святого града, Шам-эш-Шерифа, предместья и запаха Мухаммедова рая; а утро проводил среди своих трехсот отборных индеек, не доверяя никому, разве своему начальнику штаба, присмотра за этим любимым стадом. Меж тем хасбейские христиане скитались без хлеба и без крова, а в Хомсе, одном из городов Дамасского пашалыка, свирепый муселим терзал на распятии христианина, окружного казначея, ограбленного нерегулярным войском паши, и допрашивал архиерея, какие еще другие истязания терпел мессия от иудеев. Так-то соблюдались наместниками султана в областях торжественные обязательства Гюльханейского манифеста пред подвластными племенами и пред Европой.

Н

азарет. Гравюра XIX в.

За исключением Халебского пашалыка, где в это время стоял Аравийский военный корпус, вся остальная Сирия томилась в анархическом омуте под влиянием ливанской бури. Племена мутуалиев в Баальбекской долине раздирались семейной враждой древнего владетельного их дома эмиров Харфуш. Их повиновение пашам ограничивалось платежом подати, а платеж был только тем обеспечен, что эмиры, разделенные на две враждебные партии, поочередно являлись в Дамаск искать друг против друга покровительства у паши. Другие племена мутуалиев, населяющие живописные долины и покатости последних отраслей [отрогов] Ливана между Сайдой и Суром, заразились духом своих ливанских соседей и составили между собой конфедерацию, с условием платить пашам положенную подать, но не допускать никакого вмешательства во внутренние свои дела. Никогда их шейхи, потомки знаменитого Насифа Нассара, о котором мы упоминали в эпоху Джаззарову, не являлись в города; никогда не принимали они внутрь своего округа ни чиновников Порты, ни турецкого войска. Многочисленные шайки разбойников обегали Галилею. Изуверство мусульман заставляло все христианское народонаселение Назарета бежать в Акку. Мехмет-паша Кюпрузли, комендант крепости, воспитанный в Париже, до того уронил правительственную власть, что собственные его наездники, вместо того чтобы укрощать разбои в подведомственном округе, отказались от службы, стали грабить селения, а когда паша успел захватить и посадить в тюрьму некоторых из них, остальные среди дня бросились в крепость и их выручили.

Бедуин. Рис. Де Ламборда.

В Самарии (в горах Набулусских) междоусобная война Абд эль-Хади и Токанов продолжалась с 1841 г. и становилась с каждым годом злее и кровопролитнее. В Иудейских горах классическая вражда древних партий кейси и иемени имела своих представителей в шейхах Самхан и Абу Гош. Шейх Мустафа Абу Гош, знакомый всем нашим [российским] поклонникам страж ущелий, ведущих в Иерусалим, бунтовался и умерщвлял двух муселимов, назначенных от иерусалимского паша. В Великой пустыне была засуха; несметные рои бедуинов прилетели искать пастбищ у южных пределов Палестины и там дрались между собой и прерывали сухопутные сообщения Сирии с Египтом, пока, наконец, Мухаммед Али египетский принял меры для их удаления. С восточной стороны Сирии по всему пространству Великой пустыни от Хомса до Галилеи прикочевали на рубеж населенных округов другие племена бедуинов, вытесненные засухой от берегов Евфрата и от Аравийских степей. За два года перед тем турецкий паша, который вел караван в Мекку, поправши законы гостеприимства, вероломно умертвил в своем лагере шейха одного кочевья. С того времени вся пустыня кипела негодованием на турок и грозила пресечь сообщения между Дамаском и Меккой. Затем турки успели посеять раздоры между кочевыми племенами и выставить молодого и предприимчивого шейха Мухаммеда Духхи и конфедерацию многих племен, признавших его своим главой, против другого шейха, шестнадцатилетнего Насифа Шилаан, который до того времени был облечен правом конвоя над караваном Мекки. Враждебные племена расположились в числе, может быть, полумиллиона душ по соседству Дамаска и там воевали между собой, грабили селения и питались сами и их стада незрелыми жатвами.

Таково было состояние Сирии под турецкими пашами после пятилетнего бесспорного владычества. Повсюду отзывалось пагубное влияние ливанских смут и бессильных или коварных попыток Порты к устройству правления горских племен.

Глава 24

Опасения Порты. – Прибытие в Бейрут министра иностранных дел Шекиб-эфенди. – Вступление военного корпуса в горы. – Арест шейхов. – Отобрание оружия у горцев. – Сходство Сирии с Европой Средних веков и с краем Закавказским. – Смена каймаками друзов. – Окончательное устройство ливанского управления. – Учреждение советов. – Заслуга Шекиб-эфенди. – Восстановление спокойствия в Сирии. – Важность ливанского дела относительно международного права. – Заключение.

Отступничество семейства старого эмира Бешира имело решительное влияние на дела Ливана. До того при всяком кризисе обе католические державы то гласным ходатайством о восстановлении Шихабов, то тайным противодействием успеху двойственного принципа ливанского управления вызывали новые несогласия между союзниками. Англия со своей стороны усердно ходатайствовала в пользу друзов, а Порта, основывая свои расчеты на этих столкновениях, не отказывалась от надежды поставить пашу на Ливане вопреки сопротивлению держав, которое в этом отношении было единодушно. Отступничество Шихабов заставило Францию и Австрию отказаться от мысли католического княжества в Сирии. Согласие восстановилось таким образом между союзниками Порты, а так как ливанское дело уже докучало всем и все хорошо понимали расчет Порты, то посольства заговорили в Константинополе решительным тоном и дали почувствовать Блистательной Порте, что дело может быть разрешено и без ее согласия. Со дня на день принимало оно размеры европейского политического вопроса под влиянием общественного мнения, раздраженного воплем сирийских христиан.

Вступничество держав не было основано на святых правах человечества; в таком случае оно долженствовало бы распространиться на внутреннее управление всех христианских племен Востока. Оно было вынуждено необходимостью отстранить упрек и ответственность за бедствия, постигшие сирийских христиан по восстановлении султанского правительства в этом краю согласно решению христианских держав. Посольства настойчиво требовали искреннего применения того двойственного принципа, который был предложен Портой и признан ее союзниками в 1842 г. Меж тем сама Порта и все ее представители в Сирии всяческими пронырствами старались доказать неприменимость двойственного принципа и в надежде ввести непосредственное турецкое управление в горы периодически обливали Ливан кровью и пламенем.

Расположения кабинетов грозили протоколами по делу Ливана. Порта призадумалась. Она весьма основательно возненавидела протоколы после данного ей урока в Наварине на основании протоколов. Наступило время положить конец оговоркам и ухищрениям, которые становились уже пошлы и опасны, и приступить к исполнению обязательств, принятых в 1842 г.

Для этой цели Порты положила нарядить в Сирию не вельможу, не любимца, которого удаление из столицы было нужно для другого вельможи и любимца, как это водится обыкновенно в Турции, как это было уже дважды испытано сераскиром Нури Мустафой и великим адмиралом Халиль-пашой, но человека делового, владеющего опытом и познаниями. Выбор пал на Шекиб-эфенди, министра иностранных дел. Дело ливанское по принятому в нем участию великими державами подлежало министерству иностранных дел. Инструкции и полномочия, которыми был снабжен новый комиссар Порты, сообщены были в виде дипломатической ноты (от 23 реджеба) посольствам великих держав и ими одобрены.

Так как все несогласия сосредоточивались в вопросе о правах шейхов-друзов над христианским народонаселением их уделов, то главным предметом этой ноты было ограничение прав удельных шейхов (мукададжи) и определение прав представителей христианского народонаселения (векиль) в каждом уделе. В то же время Порты объявляла свое намерение занять войском Ливан для охранения спокойствия при введении новой системы управления.

Все эмиры и шейхи, облеченные властью, друзы и марониты вместе с каймаками обоих племен были созваны Шекиб-эфенди в замок Бейт эд-Дин для объявления им воли султана о предании забвению кровавых распрей ливанских племен, о беспрекословном исполнении предписанных правительством ограничений прав удельных шейхов-друзов над христианами и о признании друзами прав христианских представителей. Вместе с тем было поведено отбирать у горцев оружие, розданное им в 1840 г. и послужившее только к междоусобным кровопролитиям. Для этой цели собственно Аравийский корпус под начальством Намик-паши вступил в горы пред самым прибытием полномочного комиссара и последовательно занял важнейшие стратегические пункты. Военные отряды, не встречая нигде сопротивления, стали обходить горы по всем направлениям и отбирать оружие. Меж тем эмиры и шейхи, созданные в Бейт эд-Дин, содержались в почетном аресте или, как выражался Шекиб-эфенди, были его гостями. Турки хорошо постигали, что массы, предоставленные самим себе, без предводителей, могли шуметь, местами оказать сопротивление, но бунтоваться не могли.

Мы приступаем к окончанию нашего труда, мы обозрели сирийские события в три последние века и тщательно исследовали начало и развитие феодального общества горских племен, продливших политический быт арабского элемента в сем краю под турецким владычеством. Мы усмотрели также первые признаки муниципального направления народных масс и влияние правительственных преобразований Османской империи на направление это, равно подчиненное повсюду законам естественного развития гражданских обществ. Мы видели борьбу этих двух начал и едва ли не последние торжества феодального права в ливанском обществе, предшествующем в гражданственности другим племенам огромной арабской семьи. Изучая эти современные факты, не один раз мы переносились мыслью во внутреннюю гражданскую жизнь европейского общества XV в. и поясняли себе летописи Германии и Северной Италии нравами политической и частной жизни маронитов и друзов. Стоит разбить призму важного исторического рассказа, очарованную призму поэзии и романа, чтобы короче ознакомиться с предками баронов и графов западных, погостивши у шейхов и у эмиров

ливанских, изучивши их домашний быт, семейные предания, направление и пружины политического их влияния {Подробное исследование этого любопытного предмета не входит в пределы настоящего труда. Замечу мимоходом, что лучшая школа для пояснения темной и загадочной истории среднего века Европы есть, по моему мнению, Закавказский край и Сирия. Много исторических предрассудков о Средних веках будут разрушены до основания, если при исследовании событий западного мира от IX до XVI в. будем иметь в виду современный нам общественный и частный быт племен Закавказья и Сирии. Каждое племя порознь может по нынешней степени своего гражданского развития служить отражением известной эпохи этого великого периода, в которой кроется начало новейшего западного общества. Исследование это тем любопытнее, что им всего более обнаруживается существенная разность политического развития славянских племен от всей остальной Европы. В самом деле, феодальное право совершенно чуждо всем славянским племенам и лишь насильственно и ненадолго могло водворяться по временам у некоторых из них, как, например, в Польше. Никто не станет в русской истории смешивать княжеских уделов от Ярослава до Ивана III или водворившееся впоследствии крепостное право с феодальным устройством Западной Европы. Право общинное или муниципальное, которого коренное начало, хотя и искаженное, с одной стороны, введением рабства, с другой – непомерной административной централизацией, сохранилось, однако ж, в законодательстве нашем от волостного правления до дворянских выборов, пребывает в совершенной гармонии с народным чувством правительственного единодержавия. Начало это служит драгоценным достоянием всех славянских племен от Адриатики до Волги, от Балтики до Балкан, обеспечивая их в грядущем от тех потрясений, которым подвергаются обыкновенно народы, вскормленные феодальным началом. }.

Шекиб-эфенди один среди всех своих предшественников и последователей в Сирии постиг, что притязания Порты свергнуть феодальную олигархию Ливана и в то же время препятствовать развитию прав муниципальных и заменить все местные элементы власти правительственной бюрократией – вещь несбыточная. Он благоразумно направил свои усилия к тому, чтобы при ограничении феодальных прав подчинить законному порядку проявляющееся право муниципальное.

Подвиг Шекиба составляет важную эпоху в последовательном гражданском развитии ливанских племен и может послужить мерилom перехода многих восточных обществ от феодального устройства в муниципальное.

Он не встретил больших препятствий ни в народных массах, ни в дворянстве, потому что предпринятое им преобразование было своевременным и соответствовало существенной потребности. Но по поводу обезоружения горцев Шекиб навлек на себя жалобы иных из агентов союзных держав, хотя мера эта для каждого беспристрастного наблюдателя была необходимым условием успеха.

Бросим обратный взгляд на внутреннее состояние ливанских племен. Нет сомнения в том, что египтяне лучше турецких пашей постигали в Сирии науку правления. Под ними впервые край познал правильное устройство гражданской власти. После вековых внутренних обуреваний горцы успокоились под патриархальным деспотизмом своего

эмира, платили огромные подати, но благоденствовали. Эмир успел, как мы видели, обуздать произвол шейхов. Заметим однако ж, что эти благие начинания современны отобранию оружия у горцев Ибрахимом. С той только поры власть эмира упрочилась и отказалась от бесчеловечных средств, от изуверчений, от народных опал, от истребления жатв и плантаций, от тех страшных мер, какими в прежние времена и он, и все его предшественники содержали в повиновении народ и наказывали измену своих ближних.

Призыв к оружию горцев в 1840 г. был необходим, судя по малочисленности султанской армии, и произвел сильный моральный эффект распространением бунта во имя законного государя противу похитителя. Впрочем, ополчения горцев никакой деятельной заслуги в войне не оказали. События кампании в Ливанских горах и в Палестине, равно как и обе междоусобные войны горцев, достаточно опровергли предрассудок о воинственных доблестях ливанских христиан. Не храбрость их, одни их скалы обеспечивали горцев в старину от непосредственного турецкого управления. Между тем каждый раз, когда паши хотели проникнуть в горы, они сопротивления не находили. По тому самому, что племена эти не были воинственны, доставшееся им оружие послужило к собственному их вреду, а оружие досталось им в таком количестве, что они снабдили им и Набулусские горы взамен хлеба, доставленного оттуда в голодный 1841 г. Восьмилетние мальчишки пасли стада с тяжелым солдатским ружьем на плече.

С того времени на Ливане и в Набулусе никакая власть не могла упрочиться. Всякая ссора между двумя поселянами обращалась в ссору семейства, касты, племени и исповедания. Различие племен и религий на Ливане и особенные права, присвоенные горским племенам, придали этим ссорам размеры борьбы политической и религиозной и борьбы двух начал, феодального и муниципального. В Набулусских горах, напротив того, мы видим народонаселение одноплеменное при единстве религиозном. Среди 25 тыс. мусульманских семейств, населяющих этот округ, небольшое христианское народонаселение (около одной тысячи семейств) непричастно политической жизни; ему предоставлено только терпеть от междоусобий мусульман, хотя не принимает оно никакого участия в этих междоусобиях. Феодальное начало сохраняет еще здесь всю свою силу.

Набулус упрямо боролся против египетских преобразований. Усмиренный, обезоруженный и лишенный своей буйной аристократии, он наслаждался принужденным миром, пока партии Абд эль-Хади, Джерара, Токана и Беркауи восстали вновь стоглавой гидрой в переворот 1840 г.; вооружились избытком ливанского оружия и под слабым надзором пашей много лет сряду вели самую злую междоусобную войну. Но по тому самому, что феодальное начало здесь сильнее, чем на Ливане, борьба проявляется в другом виде: партии сражаются, осаждают одна другую в своих замках, льется много крови, но не жгут селений, не истребляют жатв, не касаются женщин, стариков и младенцев и, не ожидая никакого пособия извне, не обнаруживают никаких революционных прихотей.

В Набулусе, как и на Ливане, те же деятели произвели те же последствия, с различием необходимого влияния местных элементов на их проявление. Прежде чем смуты ливанские приняли характер политической борьбы, насилия и убийства распространились

по горам и проникли в лоно семейств. После спокойствия, дарованного Ливану деспотизмом эмира Бешира и египетского правления, племена эти пять лет сряду праздновали свои кровавые сатурналии, а вражды религиозные и феодальные послужили только взрывами анархического потока, объявшего горы. Всякий из этих взрывов более и более потрясал моральные основы гражданского управления, раздражал страсти и развращал народ. Едва утихла междоусобная война 1845 г., марониты, столь горько испытанные в ней, потеряли всякое уважение к власти, и – дело неслыханное на Ливане – горцы публично оскорбляли супругу своего князя, урожденную княжну Шихаб, бранными песнями в городе Зуке, под окнами того дома, где она укрывалась от нашествия друзов. Затем анархическая зараза проникла в маронитское духовенство, и по поводу избрания патриарха более 3 тыс. монахов и 10 тыс. поселян бушевали несколько месяцев сряду по северным округам Ливана.

При таких признаках внутреннего состояния гор, чтобы с успехом приступить к правительственному устройству в них, было необходимо предварительно обезоружить горцев. С другой стороны, участие, принятое великими державами в правительственном устройстве гор, и обязательство Порты предоставить Ливану народное управление после неудачной попытки непосредственного своего управления указывали на необходимость предохранить в будущем льготы, дарованные горцам, от злого умысла пашей и от новых попыток самой Порты к нарушению принятых ею обязательств.

Мы видели, каким образом бездарный сераскир Селим-паша направил по своему произволу междоусобия 1841 г. и погубил последнего из князей Шихабов в урагане народных страстей по личной к нему вражде. Для избавления горских племен от анархии, их истязавшей целых пять лет, было необходимо усилить по возможности постановленную власть. Материальная сила правительственной власти должна быть соразмерна с теми средствами, какими могут располагать партии. Среди народа вооруженного один только военный деспотизм может обеспечить законную власть. На Ливане средство это более чем где-либо опасно, судя по взаимным отношениям двух каймакамов, и сверх того оно слишком несоразмерно с доходами края.

Турецкая бригада отбирала оружие в маронитском округе Кесруане. По поводу ссоры бригадного командира с французским консулом за обиду, нанесенную арабу, состоявшему под консульским покровительством, французский фрегат «Belle-Poule» подступил к турецкому лагерю, оскорбительными для турецкого самолюбия угрозами внушил дерзость горцам и раздражил фанатизм турецкого войска. Дотоле оружие отбиралось без больших строгостей, почти без насилия. Затем турки излили свою месть на маронитов за оскорбление, претерпенное от единоверных им французов. Церкви были ограблены, священники поруганы, секли народ немилосердно, пока сераскир лично поспешил туда из бейтэддинского замка, чтобы унять свое войско и наказать виновных офицеров. Впрочем, все попытки горцев к сопротивлению были тщетны. В северном округе Джиббет-Бшарра, который по своему местоположению может похвастаться неприступным, несколько сот маронитов заняли ущелья, чтобы не допустить в свои селения турецкого войска, но при его появлении, при первом залпе, едва было ранено два-три человека, остальные разбежались, и эти ливанские Фермопилы, как их называли французы, смиренно сдали свое оружие.

20 тыс. ружей было таким образом отобрано у ливанских племен в продолжение октября и ноября. Без сомнения, много еще оружия – еще столько же, может быть, – укрылось от искательств; но не менее того мера эта была спасительна и по впечатлению, произведенному на народные умы во всей Сирии, и потому что на будущее время право носить оружие подлежало некоторым полицейским ограничениям.

Бейтэдинские гости Шекиб-эфенди были освобождены и вслед за ним, исполненные признательности к нему за его ласки и правосудие, перешли в Бейрут, где было тотчас приступлено к решению многих вопросов относительно внутреннего управления Ливана. Счастливый эффект успеха в отобрании оружия изгладил все те препоны, которые дотоле казались непреоборимыми в практическом введении системы 1842 г. Давно уже вопияли на каймакама друзей эмира Ахмеда Арслана за его крутой нрав, скупость и грубое обхождение. Он был сменен Шекиб-эфенди, а на его место поставлен родной его брат эмир Эмин, человек с тонким умом и мягким нравом.

Представители христианского народонаселения в округах, подведомых шейхам-друзам, были избраны по общему согласию обеих сторон, утверждены их права и постановлены их отношения к народу, к шейхам и к каймакамам. Определены все расходы по внутреннему управлению Ливана, не выходя из пределов постановленной Портой суммы 3500 мешков налога, из которого только 1200 мешков поступало в казну. Постановлено правило о равномерной раскладке налога, без всяких личных, или семейных, или поместных льгот. Разграничены округа обоих каймакамов. Наконец, Шекиб-эфенди довершил преобразование учреждением при каждом из каймакамов совета, в котором все исповедания ливанские имеют своих представителей и который облечен судебной властью, раскладкой налога и контролем его сбора. Постановлением этим обуздано, с одной стороны, феодальное самоуправство, а с другой – уравниены права всех исповеданий и племен, над которыми искони тяготело первенство двух владычествующих племен друзей и маронитов.

Но самое важное из новых постановлений, то именно, на котором основан весь их состав, было отстранение пашей от внутренних дел горских племен. Только в случае споров между двумя каймакамами и в случае нарушения ими предписанного порядка предоставлено заместителю Порты право разбирать спорное дело или жалобу, но не по своему произволу и не по указаниям Порты, а только в смысле приложения местного права.

Заметим, что учреждения эти по принятому в них участию союзных держав не могут быть нарушены без их согласия и содействия. От сего проистекает право оппозиции со стороны держав в случае произвольных толкований местных льгот и, следовательно, обязанность постоянного надзора и вступничества. Эта гарантия вводит льготы ливанские в область международного европейского права. Она не выражена, впрочем, ни в одном официальном акте, потому без сомнения, что она несовместна с недавним обеспечением целостности и независимости Османской империи.

Предоставим времени указать практические выгоды и невыгоды гарантии пяти держав по делу, подверженному всяческим случайностям: то вспышкам новых междоусобий и

новых восстаний народа противу феодального дворянства, то проискам Порты и капризам и корыстолюбию пашей. Кто поручится в постоянном или в продолжительном единомыслии держав? В случае их разногласия Порты может отвечать на требования каждой из них, что в деле международном всего прежде поручители и советники должны быть согласны между собой. По крайней мере вопрос о праве получил решение благоприятное для развития самобытности племен, неспособных за нее бороться противу нынешних средств османского правительства, которое затмило старинные бесчинства и насилие коварством систематическим. В этом отношении ливанское дело имеет политическое значение несравненно более важное и более благородное, чем вопрос о Египте, решенный пятью годами прежде. В Египте великие державы обеспечили права одного семейства, а на Ливане – права народные, по примеру России, которая гораздо прежде обеспечила права народа трех Дунайских княжеств, не права владетельных семейств. Как бы то ни было, и в Египте, и на Ливане, как и на Дунае, державные права султанов подчинились формальным ограничениям ко благу человечества.

Весной 1846 г. все сословия с признательностью и благословениями провожали Шекиба, когда он садился на пароход для обратного пути в Константинополь. По религиозному обряду мусульман бараны были принесены в жертву на бейрутской пристани, и толпа по собственному движению молилась, желая ему счастливого пути. Чувства эти были нелицемерны. Все знали, что Шекиб-эфенди уже впал в немилость и лишился портфеля. Но сирийские племена ценили его заслуги.

Счастливое заключение ливанского дела возымело самое благое влияние на весь край. Набулусские междоусобия были прекращены одним появлением того самого Мехмет-паши Кюпрузли, который из Акки был переведен в Иерусалим и который во время управления Аккским санджаком не мог управиться со своими башибузуками, потому что в ту пору под влиянием ливанской неурядицы правительственная власть не внушала никакого страха. В присутствии враждебных партий, Абд эль-Хади и Токанов, Мехмет-паша с двумя батальонами стал ломать феодальный замок Арраб, который со времен Джаззара служил гнездом бунта. Город Халиль-Рахман (ветхозаветный Ефрон, или Хеврон), равно чтимый иудеями, христианами и мухаммеданами по хранящимся в нем гробницам древних патриархов, со времени отступления египтян был во власти шейхов Амр, которые безнаказанно бушевали в Южной Палестине, взымали подати с народа и вели связи с племенами Великой пустыни. Мехмет-паша взял приступом Халиль-Рахман, наказал бунтовщиков и восстановлением султанской власти на этом рубеже Великой пустыни обезопасил Палестину от хищных бедуинов. Вскоре затем знаменитые Абу Гоши, эти неугомонные стражи палестинских ущелий, были схвачены и сосланы в заточение. Повсюду правительство стало с успехом взыскивать накопившиеся в течение шести лет казенные недоимки.

Таково было непосредственное влияние успеха ливанского дела. Но Порты была озлоблена на своего комиссара и против его воли назначила его послом в Вену, чтобы лишить его всякого участия в дальнейшем ходе постановленного им порядка по согласию и по совещанию с агентами великих держав. По мнению Порты, он уронил достоинство османского правительства и пожертвовал государственным интересом в угоду держав, участвовавших в решении дела. В особенности тем была недовольна Порты, что ее

комиссар подвергнул обсуждению генеральных консулов в Бейруте составленный им проект, будучи совершенно убежден, что в случае противодействия со стороны иностранных агентов горские племена, привыкшие питать более доверия к агентам союзных держав, чем к пашам и к комиссарам турецким, стали бы неминуемо противодействовать со своей стороны. Порта была весьма расположена сделать в проекте значительные изменения в смысле вящего вмешательства пашей во внутренние дела Ливана. Но проект Шекиба был в полном его составе одобрен консульствами в Бейруте и посольствами в Константинополе, а Порта поневоле долженствовала в свою очередь одобрить.

Все-таки не теряла еще она надежды перепутать опять дело и подорвать обычными происками льготы, дарованные горским племенам. С этой целью назначила она султанским наместником в Бейруте Кямиль-пашу, личного врага Шекиба {Вражда между ними существовала вот по какому случаю: Кямиль в 1843 г., будучи пашой белградским, перепутал дела в Сербии и навлек на Порту негодование русского двора. Шекиб-эфенди, назначенный комиссаром в Сербию, обличил все поведение Кямиля, который хотя и действовал по внушению самой Порты, однако не сумел с достаточным искусством скрыть своих происков. Он был смнен по обвинению Шекиба, и Порта оправдалась, свалив всю вину на Кямиля.}, с поручением наблюдать за ходом нового управления и нового порядка вещей на Ливане. По назначении своем Кямиль не замедлил выказать свои расположения. По примеру своих предшественников он искал повода к вмешательству в дела Ливана и под предлогом недоразумений в постановленном порядке или затруднений, встречаемых в практическом его приложении, он стал доказывать необходимость пояснений и изменений. Но агенты великих держав строго следили за неприкосновенностью льгот ливанских, и их жалобы заставили Порту сменить Кямиля.

В 1847 г. место его заступил знаменитый Мустафа-паша скодрыйский, бывший некогда удалим бунтовщиком против Махмуда, последний вассал, побежденный Махмудом в продолжительной борьбе султанского единодержавия против правительственного феодализма. Султан, принося дань новым политическим началам своего царствования, не потребовал головы его к вратам серальским, помиловал и даже обласкал его, довольствуясь конфискованием его имущества. Выбор нового наместника доказывал, что Порта отказалась, на короткое время по крайней мере, от той мысли, которой руководилась она до сей поры, и отложила до обстоятельств более благоприятных ее видам нарушение льгот ливанских. Мустафа неспособен к проискам. Он не принадлежит к разряду нынешних государственных людей Османской империи и сохраняет независимый нрав албанского своего происхождения. Он строго руководствуется правилами, постановленными Шекибом, о невмешательстве пашей в дела Ливана и внутренне убежден, что государственный интерес Османской империи предписывает добросовестное исполнение принятых обязательств, дабы избегать повода к новому вступничеству держав во внутренние дела империи.

Помилованный и обласканный Махмудом бунтовщик албанский оказал в этом случае существенную услугу сыну Махмуда. По собственному рассказу об обстоятельствах бунта, предпринятого им в Албании, когда он обладал наследственно Скодрой, корыстолюбие и происки любимцев той эпохи были главными тому причинами; а если в

ту эпоху, когда имя султана внушало трепет правительству, бюрократия стамбульская имела столь пагубное влияние в областях, нужно ли удивляться проискам правительства, которое успело оградить себя гюльханейской присягой от произвола своего повелителя?

Пора бунтов пашей невозвратно прошла. Последним актом этой двухвековой драмы были подробно описанные нами предприятия египетского паши. Правительственная феодальная организация рушилась в наши дни. Порте предстоит еще бороться против подвластных племен и феодального их устройства, против их попыток, созрелых или недозрелых, к самостоятельному существованию и к независимости, против стремления их к равенству по крайней мере с владычествующим племенем. Но с наместниками султана не предвидится борьба. Их слабость служит порукой верности. Сама природа благоприятствует Порте в этом отношении. Османское племя, видимо, чахнет в наш век. Оно не порождает уже ни Али-паша Тепеленского, ни Джаззара, ни Мухаммеда Али, ни Кючук Али-оглу даже и подобных ему дербеев-разбойников. То же явление поражает и в государственных людях Турции. Прошла пора везиров, подобных тем, какими были Кеprüлю; нынешнее поколение вряд ли даст государству даже таких людей, какими были при Махмуде Пертев и Хозреф.

После 1840 г. существование Османской империи было обеспечено взаимными обязательствами великих держав по случаю борьбы султана с последним из бунтовавших вассалов. Распространяется ли обеспечение это на неизбежно предстоящие борьбы противу подвластных племен? Порта в том уверена по крайней мере, и потому переносит она со стоическим терпением все доуки, все уничижения, которым подчиняет ее непрерывное вмешательство держав во внутренние ее тела, в этот нескончаемый процесс между правительством и подданными. Подробно изложенный нами ход ливанского дела с 1841 по 1846 г., действия и притязания Порты, поведение ее пашей и ее комиссаров в Сирии, расположение, выказанное горскими племенами, их навык обращаться с жалобами на свое правительство к агентам европейских держав, деятельное участие кабинетов в развитии и в решении вопроса, исключительно подлежащего внутреннему управлению государства, которого независимость была пред тем обеспечена великими державами, — все это в совокупности представляет весьма мудреную задачу международного права и еще более мудреную задачу в отношении ныне образуемого государственного права Османской империи.

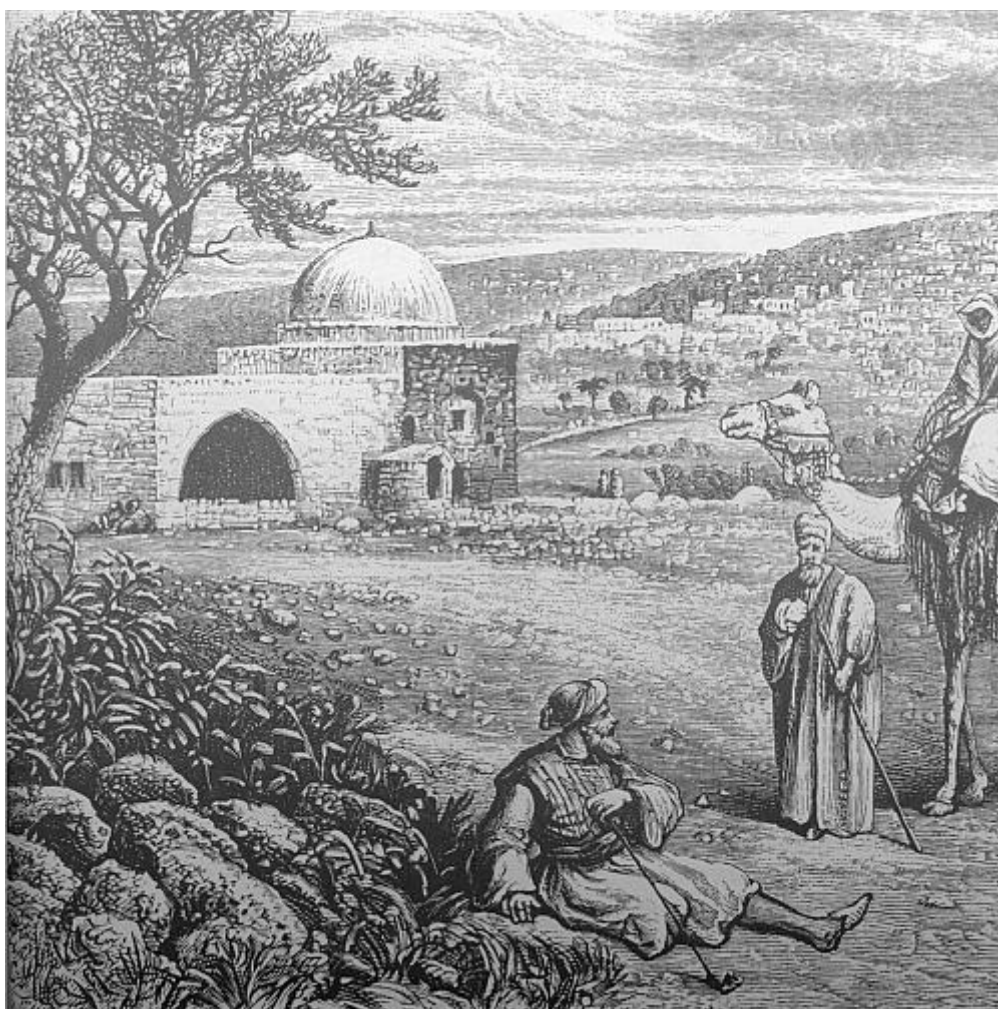
Мы с беспристрастием сознали преимущества, доставленные или предстоящие племенам, подвластным султану, при теперешней правительственной системе в сравнении с прежним их бытом. Уже с некоторых лет внутреннее развитие этих долговечных племен османского Востока поражает наблюдателя. Равно замечательно и то любопытное явление, что само правительство османское при всех своих усилиях препятствовать развитию народностей осуждено по принятому с 1839 г. политическому направлению благоприятствовать прогрессивному их развитию.

Таково, по убеждению нашему, влияние притеснений и гонений, терпимых подвластными племенами с той поры, как старинное самоуправство заменилось судом и расправой безнравственными и нелепыми, но всегда пристрастными к владычествующему племени. С 1839 г. османское правительство поставило себя в необходимость

провозглашать вслух Европы и подвластных племен несбыточные теории о равенстве и такие обещания, которых осуществление было бы равносильно правительственному отречению, судя по тому, что равенство прав между племенами, как и равенство между сословиями, несовместны с предоставлением власти одному племени или одному сословию. Не менее того проповедь о праве стараниями самого правительства, упорствующего в борьбе противу права подвластных племен, распространяется между этими племенами и развивает в массах чувство новое. Для стяжания права самым необходимым условием служит предварительное понятие о праве.

Как бы то ни было, предстоят в этом пути горькие испытания. Если исчислить все бедствия, испытанные ливанскими племенами с 1841 по 1845 г. под знаменем официального человеколюбия правительства и ласкового обращения пашей с горцами, нет сомнения, что в эти пять лет пролилось на Ливане более крови и произошло больше истребления и злодейств, чем в тридцатилетний период свирепого Джаззара.

Статистические заметки о племенах сирийских и духовном их управлении

Исследование о происхождении племен, населяющих ныне Сирию, не входит в пределы нашего труда. Заметим только, что страна эта искони была населена народами, равно чуждыми между собою по происхождению, языку и религии. Если с одной стороны нравственный и физический их облик еще более испещрялся от непрерывных нашествий,

коих история насчитывает более двадцати от Сезостриса до турок, зато – влияние климата и политические перевороты, совокупно действуя на разнохарактерные племена, способствовали к слиянию их в одну массу, каковую представляются теперь сирийские жители, нося на себе только те отличительные отпечатки, какие наложили на них местность, политическое состояние с нею сопряженное и, всего более, религия. Арабский язык, сделавшийся общим языком сириян со времени арабского завоевания, еще более способствовал к слитию племен, или совершенно затерявших свои коренные языки, или сохранивших только их письменные памятники в своем богослужении.

Таким образом, основанием разделения сирийских племен можно принять: 1-е – политический и физический их быт; 2-е – религию. В первом отношении племена сего края разделяются на:

- 1-е. Кочевых обитателей пустыни, бедуинов.
- 2-е. Полукочевых жителей стран плодородных, курдов и туркменов.
- 3-е. Горцев.
- 4-е. Оседлых жителей равнин.
- 5-е. Жителей городов.

Ни одна страна, может быть, не представляет столько разительных противоположностей, проистекающих от физического ее образования и отражающихся в гражданском и нравственном быту ее жителей.

1-е. Бедуины, или бедеви. Под этим именем, соответствующим наименованию арабов в Ветхом Завете, известны многочисленные племена, кочующие на пространстве более двух миллионов квадратных верст, от Персии до западной оконечности Африки. Они гордятся происхождением своим от Измаила, сына рабыни, и почитают необузданную, дикую свою свободу законным наследием их рода. В пустыне Сирийской число их простирается до миллиона душ. Среди всех политических переворотов Сирии они остались тем, чем были при Магомете; и, вероятно, этот полудикий, полупатриархальный их быт длился почти без изменений со времен Авраама. Даже магометанство не произвело значительного преобразования между ними. Этот духовный и политический переворот, объявший полмира, был произведен только племенами хеджаса и иемена; между тем как другие родственные им племена бедуинов при самом начале исламизма заслужили упрек в неверии и пребывают в таковом же состоянии доселе. Все их религиозные понятия ограничиваются верою в единого Всевышнего Творца, Ветхое и Новое откровение – их не огласили, а закон Магомета, сковавший в новую народность соплеменных им арабов, не имеет между ними достаточно влияния, чтобы побороть врожденное маловерие. Чувство религиозного фанатизма совершенно им чуждо. Хотя по соседству с мусульманами и принимают они внешний вид исламизма, однако ни мечетей, ни Корана, ни имамов у них нет, и религиозных обрядов они не исполняют. Все усилия Порты для возбуждения в них религиозной ревности к султану, как духовному главе ислама, остались доселе тщетными.

Проявившаяся в начале прошедшего столетия секта ваххабитов, или пуритан исламизма, совершенных деистов, отвергающих всякий обряд и всякое поклонение, служит признаком, что в этих племенах таится еще зародыш духовного переворота; но нравственное их развитие так чуждо успехов, так недоступно внешнему влиянию, что это состояние, представляющее переход от дикого быта к гражданскому, продлится, вероятно, еще много веков. Самая природа, кажется, осудила их на этот быт, уделив им бесплодные и почти безводные степи, где они круглый год заняты переходами для снискания скудной пищи своим стадам и верблюдам – единственному средству существования. Только по соседству с населенною полосой Сирии они имеют сношения с правительством и с жителями городов и селений; но равно чуждаются и политических властей, и гражданских уз, и трудов земледельческих, предпочитая всему этому приволье пустыни. Там мир совершенно чуждый миру нашему; там есть племена большие и малые, соответствующие большим и малым государствам. Нет понятия о поземельной собственности, этой основы гражданского быта. Ведут войну, заключают оборонительные и наступательные союзы; иногда большие племена раздробляются; иногда малые входят в состав больших; иные совершенно теряются в политических переворотах пустыни; новые проявляются. Дедовские обычаи служат законами, в патриархальном правлении племен сливаются воедино права монархические, аристократические и демократические.

Бедуин. Рисунок акварелью, 1830-е гг.

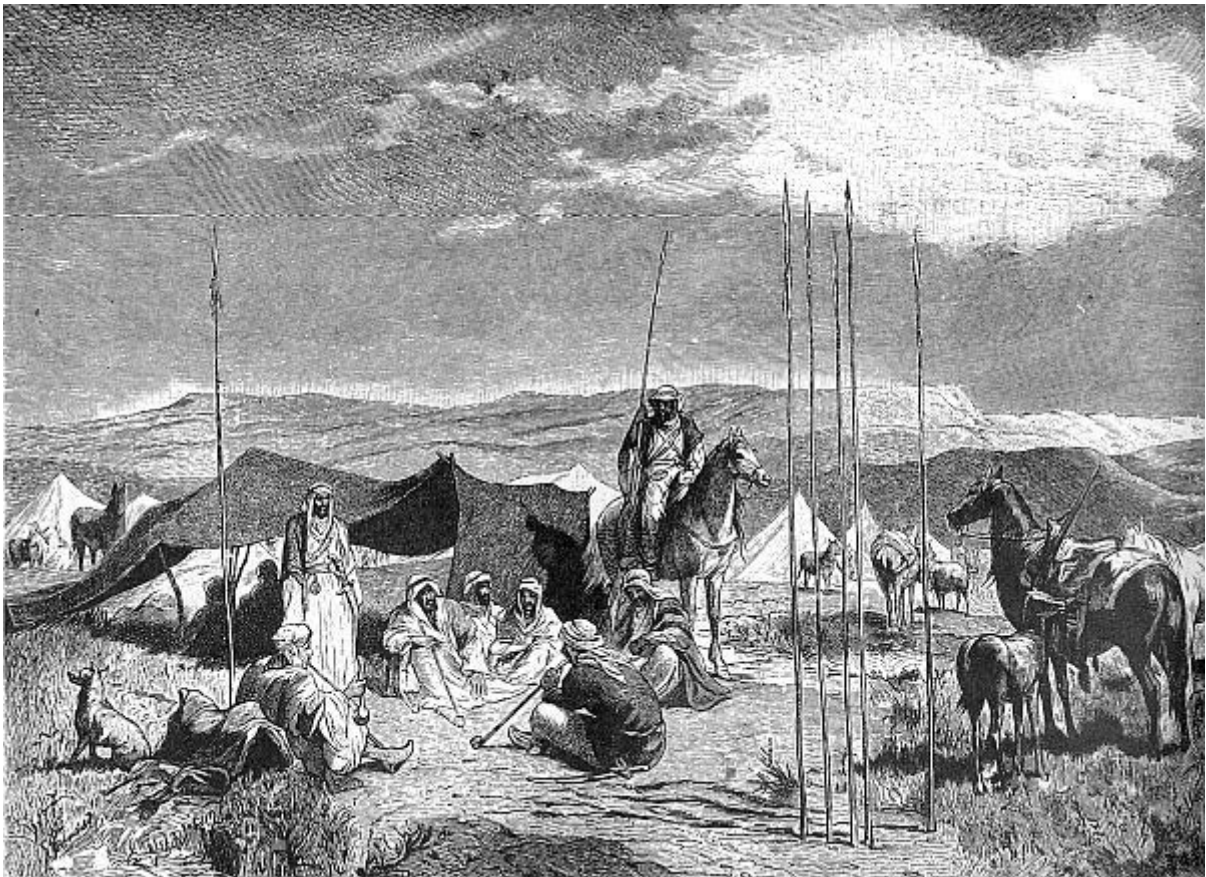

Бедуинка. Рисунок акварелью, 1830-е гг.

Бедуин на верблюде. Гравюра

XIX в.

бедуинская деревня. Гравюра XIX в.

Б

2-е. Полукочевые жители плодородных стран, курды и туркмены, имеют в характере много общего с бедуинами.

Курды с некоторого времени значительно размножились в Сирии. Они переходят сюда из своей гористой родины Курдистана, кочуют со своими стадами в пашалыке Алеппском и постоянно занимают в нем горы между Бейланом и Килисом. Живут частью в палатках, частью в домах; чуждаются земледелия, грабят караваны при всяком удобном случае и дают много забот правительству, представляя собой племя в существе независимое и свободно бродящее по государству для промысла скотом и разбоем. Число их в Сирии может простираться по временам от 30 до 50 тыс. душ обоего пола. Хотя и почитают их магометанами, однако в существе они или не имеют положительной религии, или боготворят змия, или поклоняются дьяволу, сохраняя, может быть, еще древние верования Зороастровой секты о двух началах добра и зла, об Аримане и Ормузде. Курды стали с некоторого времени селиться в городах. Поводом к сему послужило то, что при прежнем порядке вещей в Турции паши набирали из среды их телохранителей, которые постоянно при них пребывали. И теперь каждый раз, когда понадобится правительству или начальнику какой-либо партии нерегулярная кавалерия, обыкновенно приглашают курдов. В Дамаске считается их более тысячи семейств. Поселившись в городах, курды сливаются мало-помалу с мусульманами. Бунтовщик Бедерхан-Бей, который замыслил бороться против нововведений султанской власти и правительственной централизации, успел в наше время привязать к своим знаменам много племен курдов за Тигром. В 1842 и 43 годах можно было подумать, что народ этот помышлял о политической самостоятельности. Вместе с тем Бедерхан-Бей являлся преобразователем, усердно обращал в мусульманство своих последователей, а мусульманство служит здесь первым выражением гражданственности. Политические замыслы рушились с падением бунтовщика; но предпринятое им дело внутреннего гражданского и духовного преобразования курдов успешно продолжается ныне представителями султанской власти. Туркмены более курдов и бедуинов сближаются с гражданским бытом. Они пасут свои многочисленные стада в Малой Азии, в долинах Тавра и по северному побережью Сирии, снабжая скотом города. Они не столь преданы разбою; между ними более благосостояния; и хотя религиозных обрядов и мечетей и имамов у них нет, однако в существе они мусульмане. Число туркменов, кочующих в Сирии, может простираться от 10 до 15 тыс. душ.

3-е. Горцы. В северную часть Сирии врезываются отрасли Тавра; между Антиохию, Хамою и Латакию возвышается Джебель Кельбие (Гора Собачья), древний Кассион; по побережью от Триполи до Сура раскинут Ливан; параллельно и смежно с ним бежит от севера к югу хребет Антиливанский до Тивериады; на взморье выступает из Галилеи утесистый Кармил, а в пустыню врезаются вулканическим лабиринтом ущелия и скалы Гауранския. По восточному берегу Иордана высится хребет Аджелунский. Насупротив южных подошв Антиливана и одинокого Фавора установлены пригорки Самарии, образующие потом хребет Палестинский, отрезанный Иорданом и Мертвым морем от восточных своих отраслей и вместе с ними спускающийся потом в Аравийскую пустыню рядом отлогих ущелий, бегущих до залива Акаба в Чермное море. Сирийские горы перемежаются плодородными долинами; самые их хребты, при трудолюбии, свойственном племенам горским, покрываются цветущими плантациями. Горы

относительно населены более, чем равнины, или, лучше сказать, народонаселение равнин, подверженное всем бедствиям войны и насилия в продолжение 15 веков, постоянно убывает, между тем как горцы менее доступны войне, и насилию. В промежутках сирийских хребтов или между ними и морем, с одной стороны, и пустынею, с другой, раскинуты просторные равнины. Таково поле Антиохийское, долина Оронта от Хамы до Сура, равнина Эсдралонская, долина Акки, поля Гаурана, Яффы и Аскалона. Но в Сирии земледелие, первая степень гражданственности, укрылось в горы, а поля одичали. Соседняя пустыня накидывает мало-помалу свой песчаный саван на страны некогда плодородные, ныне покинутые одушевлявшим их земледелием; бегло проходят облака над обнаженными степями, которым небо отказывает в дожде, и Сирия, эта роскошная провинция Рима, питавшая в цветущие свои времена до 15 миллионов жителей, часто получает хлеб из Египта.

В нраве, характере, в очерке физиономии, в степени умственного развития, в чувстве религиозном горца и жителя равнин видны следы тех противоположных деятелей, под могущественным влиянием которых выросли поколения.

Поток магометанского учения, разлившись в Сирии, не мог проникнуть в горы; в них сохранилось христианство; туда укрылись и остатки древних религий, и религии новые, порожденные в первые веки ислама.<

> Горские племена Сирии отличаются от горцев Европейской Турции и Кавказа мирными и земледельческими наклонностями, хотя в Европе и привыкли придавать им воинственный характер других горских племен Востока. Причиною сего явления есть, может быть, почва сирийских гор, большею частью плодородных, и самое стечение обстоятельств, при которых политические перевороты края, потоки завоеваний и беззащитность равнин от хищничества соседних бедуинов, заставляли племена земледельческие укрываться в горы. Несмотря на вековую анархию Сирии, мы не встречаем в ее летописях ни одного племени горского, которое бы боролось с наместниками Порты за свою независимость, подобно майнотам, албанцам и сербам. Возникавшие от времени до времени бунты имели целью освобождение от случайных насильственных мер правительства, от податей, от рекрутства. Еще недавно Джаззар-паша аккский, которого вся сила состояла в наборе вооруженных бродяг, сменил по своей прихоти ливанских князей и надбавлял дань на ливанские племена. То же явление мы видим и в отношениях пашей ко всем другим горским племенам. Между тем с своих неприступных вершин эти племена озирают пустыню, которой кочевья не только сохраняют свою дикую независимость, но даже взимают дань с правительства. Религиозные чувства сирийских горцев представляют также разительную противоположность беззаботливости кочевых жителей в отношении к вере. Узы религии тем могущественнее для горных племен Сирии, что ими хранится народность и политические права каждого из них, особенно в тех местах, где несколько разных племен, обыкновенно враждебных между собою, живут в соседстве или вкупе, как на горе Ливане. Даже моральное влияние духовенства несравненно ощутительнее на горах, где власть правительственная встречает столько препон, особенно там, где правительство или опытом убедилось, что выгоднее назначить начальниками туземцев немусульман, или

обстоятельствами принуждено признавать и поддерживать власть, основанную на феодальном образовании горских обществ.

Все христианские исповедания, равно и другие религии, пользуются полною свободою богослужения на горах. Есть монастыри древние и богатые, оставшиеся неприкосновенными во все бурные перевороты сего края. Многие из них пользуются давними льготами в повинностях, платимых с церковного имущества.

4-е. За сим число оседлых жителей равнин, состоящих в непосредственном управлении Порты, представляет едва ли четвертую часть сирийского народонаселения. Между ними нет племен отдельных. Это большею частию мусульмане-сунниты и христиане православные. Распрей между ними нет; потому что христиане, при сознании своей слабости, терпеливо переносят обиды, и при том те и другие вместе равно подвержены насильственным мерам пашей или тех мелких тиранов, которые берут на откуп казенные доходы. Между прочими характеристическими чертами жителей горных племен и жителей равнин замечательно и то, что первые вообще владеют наследственною поземельною собственностью, а земля последних принадлежит казне или богатым помещикам, так что они и повинностями огромными обложены, и насилиям подвержены. В таких обстоятельствах нравственное их уничтожение есть необходимое следствие политического их быта. Если феллах египетский терпит от тяжелых налогов и от монополий всех произведений, зато он, по крайней мере, обеспечен от войн, бунтов, разбоев, привык жить своим насущным хлебом, без собственности, без забот о будущем урожае; заботы о нем лежат на правительстве; словом сказать, привык к отеческому деспотизму владетеля Египта и не ведает другой власти над собою, кроме власти правительства, тягостной, взыскательной, но попечительной. Сирийский поселянин подвержен угнетениям разного рода. С самой эпохи раздробления Халифата и до наших дней сирийский поселянин не ведает отдыха. Сперва эмиры, затем мамлюки, затем паши попеременно бунтовали против верховной власти, или сменялись друг другом, или вели между собою войну, и никогда в эту восьмивековую суматоху удалые правители края не переставали грабить свой народ. Разбой только в восьмилетний период египетского правления был укрощен, и были положены пределы злоупотреблениям шейхов, этих пиавиц народонаселения. Но все усилия Ибрагим-паши для искоренения злоупотреблений чиновников правительства были тщетны. По следственному делу в Акке открылось, что один из этих чиновников, по шестимесячном заключении в крепости, успел в самый тот день, когда поутру получил пятьсот плетей по пятам, взять с одной деревни, угрозами и обещаниями, 5000 пиастров в подарок. Таким образом, житель равнин сирийских взрос в непрерывной тревоге, воспитан в насилиях; нрав его одичал, а характер унизился и развратился. Гражданственности в равнинах Сирийских несравненно менее, чем на горах. Чувство религиозное слабее; у христиан оно поддерживается только усилиями духовенства и благодушным перенесением гонений от мусульман. Церковь и ее священнослужители бедны.

рисунка П. Вильямса, XIX в.

Житель ливанских гор. С

5-е. Жители городов. В Сирии более чем во всякой другой стране разительна разность между поселянином и городским жителем. Разность проявляется в самой физиономии городских жителей, представляющей облик более греческий, чем арабский. Обстоятельство это поясняется их происхождением. Со времени Македонского владычества до самого Арабского завоевания, целых десять веков, в стране сей преобладал греческий элемент и греческое образование. Сельские жители оставались недоступными этому внешнему влиянию и смеси с просвещенными гостями, которые могли населить одни города и насадить, будто оазисы, свои цветущие колонии чрез пустыню до самого Евфрата. Период этот в политическом отношении представляет три разных эпохи: греко-македонскую при Селевкидах, римскую и константинопольскую при императорах; но в отношении гражданственности по справедливости может похвастаться единым последовательным развитием предприимчивого гения Греции, объявшего всю округность Средиземного моря и всюду проявлявшегося то под дробным влиянием колоний, то по следам македонской фаланги и римских легионов. Если на западе классическая древность придала Сицилии и Южной Италии наименование Великой Греции, то еще справедливее может быть присвоено наименование это всему восточному берегу Средиземного моря, от Византии до Александрии, всем берегам Эвксинского понта и Пропонтиды. Малочисленное греческое племя не могло населить просторных стран, завоеванных его гением и открытых им новому гражданскому, промышленному и

торговому развитию. Но во весь цветущий этот период эллинские выходцы не переставали селиться в городах; эллинский язык был повсюду языком просвещенного общества. Просвещенный класс разноязычных племен подчинялся влиянию гостей и усыновлялся ими не только в народах, лишенных внутреннего элемента гражданственности, каковы были тогда племена черноморские и малоазийские; но и в самой просвещенной Сирии, и в мудром Египте, и даже в племени Израилевом, которое благоговейно чуждалось всякого общества с язычниками {Иосиф Флавий писал на греческом языке не только современную историю Римской войны, но и занятные древности своего племени.}.

Под влиянием сих могущественных деятелей города сирийские принимали успешно и гражданский, и физический облик греческих переселенцев и их потомства, и можно предполагать, что в эпоху арабского нашествия города эти были более греческими, чем сирийскими. Полудикие выходцы Аравийского полуострова обрели в них готовые элементы того дивного преобразования, которое так быстро завершилось в первые три века Эгиры, в этот цветущий период халифата, оставивший миру столько памятников своего творческого гения в науках и в искусствах. Потомство Селевкидов лишилось в этот блистательный, но бурный период своего языка, своих преданий и самой религии, придавшей новую жизнь греческому племени в пору разрушения древнего его гения. Исламизм наводнил греко-сирийские города, более доступные влиянию завоевателей, чем горы и пустыни. Но и доселе, чрез 12 с лишком веков, чрез 60 поколений, наблюдатель легко заметит в облике городского народонаселения, и особенно в Алеппе, в Дамаске, в Триполи и в Латакии, черты греческой физиономии: высокий лоб, большие глаза, классический профиль, белый цвет лица, вовсе не свойственный ни арабам, ни туземным племенам Сирии.

Города сирийские населены мусульманами, христианами православными, униатами, евреями, весьма немногими армянами, маронитами и латинами. В больших городах, в Алеппе и в Дамаске, мусульмане славятся своим фанатизмом и буйством, а вообще христиане – жители городов – своею безнравственностью и всеми пороками, которые впечатлеваются в характере массы порабощенной, необразованной и лишенной средств к образованию от соприкосновения с людьми, которые окружают гражданское управление Сирии, издавна известное как самое безнравственное во всей Турции. Городские жители грабят край то в качестве закупателей произведений и ростовщиков, то в качестве писцов разных управлений или сборщиков податей. Самые почетные из христианских семейств в Сирии принадлежат к классу писцов у пашей и у местных правителей.

После шейхов и турков это без сомнения величайшая язва сего края. Сношения с европейцами, живущими в городах, немало также способствуют с некоторых лет к вящему развращению жителей. Место скудного наследия прародительских добродетелей заступает зараза пороков, коими отличаются левантийские европейцы.

Замечательно, что города сирийские заключают в себе более четвертой части всего народонаселения края. Это легко поясняется бедственным состоянием сельского жителя и беззащитностью его от опасных соседей и от грабительства чиновников.

В Турции гражданское управление как владетельного, так и подвластных народов, основано на религиозном их разделении. Народом называется здесь совокупность всех подданных империи одного исповедания. Таким образом, турецкое название греков, рум, – равно присвоено и сербам, и болгарам, и малоазийским грекам, и православным арабам, словом, всем подданным православного исповедания, которых политическим представителем у Порты служит Вселенский патриарх. Этим правилом, основанным на муниципальном управлении, которое свойственно краю и его жителям и заблаговременно принято турецким правительством, будем руководствоваться при исследовании каждого из сирийских племен.

На сем основании народонаселение Сирии представляет следующие разделения и подразделения.

А. Магометане (мухаммеди).

1. Мусульмане (сунниты).

2. Мутуалии (шия).

3. Друзы.

4. Ансарии.

5. Исмаилиты.

В. Христиане (насара) {Собственно – назаряне. Известно, что до введения в употребление имени христианин язычники называли назарянами последователей нового учения.}.

6. Православные.

7. Латины.

8. Марониты.

9. Греко-униаты.

10. Халдеи-несториане.

11. Сириане-яковиты.

12. Халдеи-католики.

13. Сириане-католики.

14. Армяне (к ним причислены копты и абиссины).

15. Армяно-католики.

16. Протестанты.

С. Евреи.

17. Талмудисты.

18. Самаритяне и карайты.

В политическом отношении все католические секты должны составлять один народ; но марониты недавно признаны Портою за отдельную нацию; за тем, по случаю раздоров между алеппскими греко-униатами, пребывающими в Константинополе, армянским униатским патриархом и латинами, признаны новые нации под именем латиниэ-раясы и рум-католикиэ, т. е. латин и греко-униатов. Рождающаяся секта протестантов недавно признана равномерно Портою по настоянию Англии. Еврейские секты самаритян и карайтов оставлены правительством без всякого внимания, а друзы, ансарии и измаилиты, по принятому ими правилу выдавать себя за магометан и по верованию их в Магомета в числе множества других пророков, входят вместе с мутуалиями в состав господствующего племени под общим именем мухаммедии.

Оседлое народонаселение всей Сирии и Палестины, со включением Аданского пашалыка, может простираться до 1 500 000 душ. Кочевые или полукочевые племена состоят вне всякого статистического исследования, и посему не будем более о них упоминать.

Ныне делаются в Оттоманской империи первые попытки народной переписи, на которые, впрочем, нисколько нельзя полагаться доселе. Предписано вести списки рождающихся и умирающих; но исполнение этого распоряжения Порты повело только к путанице. Народонаселение самих городов неизвестно в точности: нет средства приискать никаких положительных данных для определения числа народонаселения. Предположительно принятое нами число согласно с самыми достоверными местными показаниями и подтверждено мне свидетельством высших египетских сановников и турецкого управления по счетной и финансовой части; а это единственный надежный источник для сведений сего рода. Хотя и не было произведено описи народонаселения, однако списки для сбора податей содержались при египетском управлении с особенным тщанием, и можно полагаться на приблизительную их точность. Для племен горских, пользующихся особенным управлением, может равномерно служить доводом к определению числа народонаселения выставляемое ими войско в случае всеобщего вооружения.

Нет никакого сомнения в том, что народонаселение Сирии постоянно убывает. Обстоятельство это свидетельствуется как местными преданиями, так и верными признаками: запустением многих селений, упадком цены домов в городах, целыми плантациями плодородных деревьев, теперь одичалых, жалобами почти всех общин на взимание поголовных и поземельных податей по старым спискам, между тем как иные семейства вымерли, иные удалились; множеством развалин не только древних, но и времен новейших.

Главнейшие причины сего явления суть следующие.

1-е. Продолжительная анархия, кровопролитные междоусобия, злоупотребления пашей; наконец, все политические бедствия, которых Сирия служит постоянным театром со времени раздробления халифата.

2-е. Многоженство мусульман и мутуалиев, составляющих с лишком половину народонаселения. В христианских домах в Дамаске часто встречается по 8 и по 9 детей от одного брака; в мусульманских редко более 2 или 3 от многих жен и невольниц. Это, впрочем, относится преимущественно к жителям городов; в селениях редкий мусульманин имеет более одной жены. Присовокупим к этому, что детоубийство – вещь самая обыкновенная в мусульманском мире. Не только беременная жена, но и супруг ее запросто требует у медиков, точно как бы шло дело о лекарстве от зубной боли, средств для выкидывания. Повивальные бабки, при родах, спрашивают у матерей, нужно ли остановить кровотечение в ребенке. Бедность и лень оправдывают пред мусульманскою совестью детоубийство, не воспрещенное никаким законом, духовным или гражданским. Писатели, которые превозносят мораль, проистекающую из Корана, по случаю встречи с честным мусульманином, вовсе не упоминают о подобных явлениях, потому что они слишком обыкновенны в мусульманском мире.

3-е. Несоразмерное с числом народонаселения черное духовенство в католических племенах. Марониты, коих все народонаселение не превосходит 140 тысяч душ обоего пола, имеют более двух тысяч монахов.

4-е. Чумная зараза, часто опустошающая Сирию, при других болезнях, каковы проказа и оспа. О привитии оспы теперь только стало заботиться правительство, а опустошительные действия чумы приостановлены, кажется, учреждением карантинных в эти годы.

5-е. Непомерные рекрутские наборы, произведенные Ибрагим-пашою. Более 30 000 рекрутов было им набрано в Сирии в немногие годы с одних магометан, и до 100 000, может быть, бежали в Кипр, в Анатолию, в Мосул, в Диарбекир, чтобы избавиться от набора. Как те, так и другие составляли отборную часть народонаселения. Для вознаграждения этой убыли Ибрагим-паша приложил все усилия, чтобы обратить кочевья бедуинов в оседлую жизнь; дал им превосходные земли, льготы, даже денежные пособия. Если порою и удалось ему пересилить кочевой инстинкт этих детей пустыни, зато в последовавший переворот ошибки Порты и ее представителей успели все это разрушить, и еще недавно опустели 30 деревень в одном Гауране, частью за Евфрат.

В Турции ни в каком случае не исчисляется народонаселение подушно. Правительство, заботясь единственно о своих доходах, обращает внимание только на лица, обложенные податью, т. е. на мужской пол между 18 и 60-летним возрастом, или же ведется счет семействам и домам. В том и другом случае для приискания общего числа народонаселения число домов или лиц, обложенных податью, почти всегда тождественное в итоге, должно помножить на $4 \frac{1}{2}$, и к произведению прибавить по крайней мере 5 на 100 для духовенства и лиц льготных, каковы шейхи, эмиры, люди на службе правительства состоящие.

Таким образом, принятое нами число соответствует 330 000 семейств, рассчитанных приблизительно на основании следующей таблицы.

180 000	Семейств	Мусульман
10 000	"	Мутуалиев
18 000	"	Друзов
27 000	"	Ансариев
800	"	Исмаилитов
28 000	"	Христиан православных
1000	"	Латин
28 000	"	Маронитов
8000	"	Греко-униатов
50	"	Халдеев-несториан
100	"	Сириан-яковитов
100	"	Халдеев-католиков
2500	"	Сириан-католиков
18 000	"	Армян-григориан
800	"	Армяно-католиков
20	"	Протестантов
8000	"	Талмудистов
1000	"	Самаритян и караитов

Итоги представят более 235 000 семейств магометан противу менее 100 000 всех других народов в совокупности.

Ансарии сосредоточены в горах северной прибрежной полосы от Сафиты до Скандерунского залива; марониты на горе Ливанской; друзы занимают часть Ливана, от Бейрута до Сайды, Гауран и Антиливанские округа Хасбеи и Рашеи, повсюду вкуче с христианами. Мутуалии живут по южным отраслям Ливана между Сайдою, Суром и Сафетом, а на севере у Баальбека и в окрестностях приморского городка Джейбея. Униаты обитают большею частию на Ливане и в городах; армяне в Аданском пашалыке и в северных округах Алеппского. Евреи в палестинских городах, в Алеппе и в Дамаске; латины в окрестностях Иерусалима и в городах. Основною же массою народонаселения по всему краю служат мусульмане и православные.

А. Магометане (мухаммедии)

1. Мусульмане

Потомство арабских завоевателей, которые под знаменами Абу-Обейдаха и Халеда, Аллахова меча, покорили Сирию при Халифе Абу-Бекре, смешалось постепенно с туземными сирийцами, обращенными в магометанство. Быстрый успех обращения выказывается тем, что уже в эпоху крестовых походов, четыре века спустя по завоевании, число христиан было незначительно в Сирии. Как только остыл фанатизм, преобразивший аравийских пастухов в завоевателей, роскошь Дамаска, Багдата и Куфы и изнеженный климат Сирии возымели свое необходимое влияние на потомство воинственных проповедников ислама. В продолжение упорной борьбы с полчищами Запада поток

свежей северной крови, притекшей с вершин Кавказа и из Средней Азии, влил в сирийских магометан новую жизнь; но и она истратилась в бурное правление мамлюков и эмиров, так что Селим покорил без труда обширную область, которой народонаселение в ту эпоху было по всем вероятностям втрое многочисленнее нынешнего.

Уже с лишком три века Сирия принадлежит туркам; но турецкое племя доселе не укоренилось в ней, а завоеватели покорились сами влиянию местностей, арабского элемента и языка, принимая постепенно нравы и физиономию покоренного племени.

Замечательно, впрочем, что по северным округам, более подчиненным элементу оттоманскому и приливу иноплеменной крови, народ представляет уже первую степень перехода от собственно арабского характера к той смеси племен, которою испещрена Малая Азия. В Южной Сирии и физическая, и нравственная физиономия народа сохранила свой арабский тип и более сходства с Египтом и с Аравийским полуостровом.

Одни только потомки янычар и спахиев, поселенных султанами в северной стороне Алеппского пашалыка на праве феодальном, для несения военных повинностей, сохранили доселе в употреблении язык турецкий. В остальной Сирии язык этот совершенно чужд народу; им пишут только в канцеляриях турецких пашей, а во всем остальном делопроизводстве принят арабский язык.

Арабы в традиционных
одеждах. Рисунок акварелью У. Вильда, 1830-е гг.

Изучением арабского языка ограничивается все воспитание сирийских мусульман. Во всех городах, даже во многих селениях, при мечетях, служители религии обучают детей грамоте по Корану. Нынешние арабы мало понимают язык своего богослужения; самый выговор значительно изменился, так что правильное чтение и просодия Корана требуют уже долгого изучения и усовершенствования, которого немногие достигают. За исключением Корана и его толкований, на которые тратят свой век ученые арабы, древние памятники литературы никому не доступны, никто о них не помышляет, и, можно сказать, они в Сирии не существуют. Светлый век халифов давно прошел и, кроме изнеженности нравов, другого следа не оставил в потомстве. Сирийские арабы и теперь по мягкости нрава, по близости к тем местам, где некогда процветала их литература, по богатству и по красотам своего языка и даже по природным способностям доступнее образованию, чем турки; но, с одной стороны, они лишены тех средств, которые доставляются правительством в Константинополе турецкому народонаселению, и того поощрения, которое оказывали многие султаны национальной литературе; с другой – непрерывные политические волнения Сирии всего менее благоприятны наукам. Ни одной типографии не имеют мусульмане во всей Сирии; других печатных книг на арабском языке не знают,

кроме тех, которые изданы в Каире по повелению Мухаммеда Али, и те мало находят читателей между мусульманами.

Трапеза во дворце шейха.

Рисунок акварелью У. Вильда, 1830-е гг.

Таким образом, хотя наука Корана более распространена в народе сирийском, чем в остальной Турции, и хотя здесь встречается более людей низшего сословия, знающих читать и писать, однако существенного образования в Сирии менее, чем в Египте и в Европейской Турции. Замечательно притом, что из Сирии и Египта менее, чем из всякой другой турецкой области, вышли люди государственные; а это более приписать можно отстранению арабов от государственной службы, по причине различия языка и племени, чем недостатку в них способностей. В массе сирийского народонаселения более природных дарований, чем в других племенах империи. Самое физическое и гражданское

образование края, раздробленного на маленькие общества, более или менее самостоятельные, благоприятствует развитию правительственных способностей, заменяющему на Востоке в государственных людях всякое теоретическое познание. Отчужденные от поприща государственной службы и поставленные наряду с подвластными народами, арабы направили свой природный ум к утонченности в обращении; наследственное красноречие, свойственное гению арабского языка, обратилось у них в усугубленное выражение таких учтивостей и приветствий, которые в переводе показались бы иронией, но составляют существенную часть разговоров и переписки всех сословий и неизбежны даже в семейном кругу {Встречный поселянин не скажет сам: «здравствуйте», а что-то причудливое и предлинное: о, драгоценный путник, да будет день сей для вашего благородия (или сиятельства, или светлости) преисполнен всяких наслаждений!

Я каждый год переезжал в летнюю пору на Ливан в православную обитель Пр. Илии. В приезд мой маронитские монахи соседнего монастыря выходили мне навстречу при звоне колоколов. Надо было их звать в свои покои и подчивать лимонадом и кофеем. Однажды я, шутя, им сказал, что скала, на которой построены обе обители, казалась мне с каждым годом отвеснее и выше; одно из двух, прибавил я, или гора растет, или я старею и с каждым годом труднее мне подниматься. Тут же безграмотный монах пресерьезно отвечал: Ваша светлость (Саад ак) с каждым годом становитесь моложе и бодрее; но гора наша и монастыри наши действительно растут вверх при каждом из ваших посещений.

Если в горах Ливанских говорят таким языком, предоставляю читателю судить – какие фразы можно слышать в обществе образованных эфендиев в Иерусалиме и в Дамаске. Учтивые гиперболы у арабов всех сословий почитаются такою же необходимостью, даже в разговоре отца с сыном, какою почитается у нас формула: покорнейший слуга, и обязывают не более. }.

Арабские женщины в традиционной одежде.

Рисунки акварелью У. Вильда, 1830-е гг.

Соответственное тому направление приняла и единственная наука, в которой исключительно упражняется арабский гений с того времени, как он отказался от математики и от медицины и от всего ученого наследия халифата. Мусульманское богословие, упроченное заблаговременно гением арабов, в противность основной мысли о простоте Мухамедова закона, не состоит уже в исследовании таинств религии и откровений ислама, но в толковании эпитетов Божества и метафизического их значения. В сих-то отвлеченностях, сопряженных с потаенными сокровищами грамматики древнего языка (на́ху), логики и риторики, заключается весь круг воспитания в высших училищах мусульман. Поэтому неудивительно, что чем выше ступени общества, тем превратнее понятия их морали. Искусство духовных законоучителей, которым равномерно предоставлено практическое судопроизводство в делах гражданских и уголовных, состоит не в том, чтобы исследовать запутанное дело и решить на основании закона, но в том, чтобы софизмом приноровить закон, чуждый обстоятельствам, к тому решению, какое заблагорассудится подкупному всегда в Турции правосудию. В сем отношении сирийские кадии и муфтии отличаются своим искусством во всем исламе.

Замечания эти послужат к тому, чтобы оценить в настоящей мере преобладающее мнение о чрезмерном фанатизме и набожности сирийских мусульман и лучше понять отношения их к христианам. Если возьмем в соображение моральное и гражданское развитие сего племени, в сравнении с остальными мусульманами, не совсем справедливым покажется приписывать ему безусловно фанатическую ненависть к христианам. Сирия была первым и кровопролитнейшим полем борения двух религий. Стены Дамаска, равнины Хамы и Антиохии орошены кровию героев-мучеников ислама. За тем целых два века длилась в Сирии беспощадная война между христианским дебелим рыцарством и полчищами мусульман. Еще в исходе прошлого века герой Запада

взволновал своим походом эту страну, которая видела в Наполеоне преемника памятных ей крестовых вождей. Наконец, чрез Сирию лежит путь всем набожным мусульманам Турции, России и Северной Персии, которые идут ежегодно на поклонение в Мекку. Эти впечатления и воспоминания должны, без сомнения, питать фанатизм в сирийских мусульманах. Впрочем, не доверяя рассказам путешественников и гиперболическим жалобам сирийских христиан, беспристрастный наблюдатель удостоверится в том, что в Сирии менее фанатизма, чем в большей части других турецких областей. В турецком племени изуверство грубее и постояннее, чем в арабском. В арабском все чувства пылки, но вскоре истощаются. Если даже сравнить завоевания арабские с турецкими, которые равномерно служили проповедью закона, то в первых встречаем черты терпимости, чуждой туркам. Проявляющееся и ныне по многим местностям Сирии изуверство должно исключительно приписать усилиям правительства {Таково было суждение мое в 1847 году. С прискорбием присовокупляю, что оно не изменилось нисколько по поводу дамасских кровопролитий 1860 года, в которых правоверная чернь служила орудием пашей и чиновников турецких.}. Турки домогаются укрепить религиозным чувством вялые политические узы завоеванного края. Повсюду, где тождество гражданских обстоятельств сблизило христиан с мусульманами, как в Акъаре, в Аджелуне, в Гауране, в Кераке, два народа живут в добром согласии между собою. Краткий период египетского правления служит доказательством влияния, какое может иметь правительство на народ в Сирии относительно веротерпимости. Тогда христиане пользовались в Сирии такими правами, каких не ведают подданные султана ни в одной турецкой области.

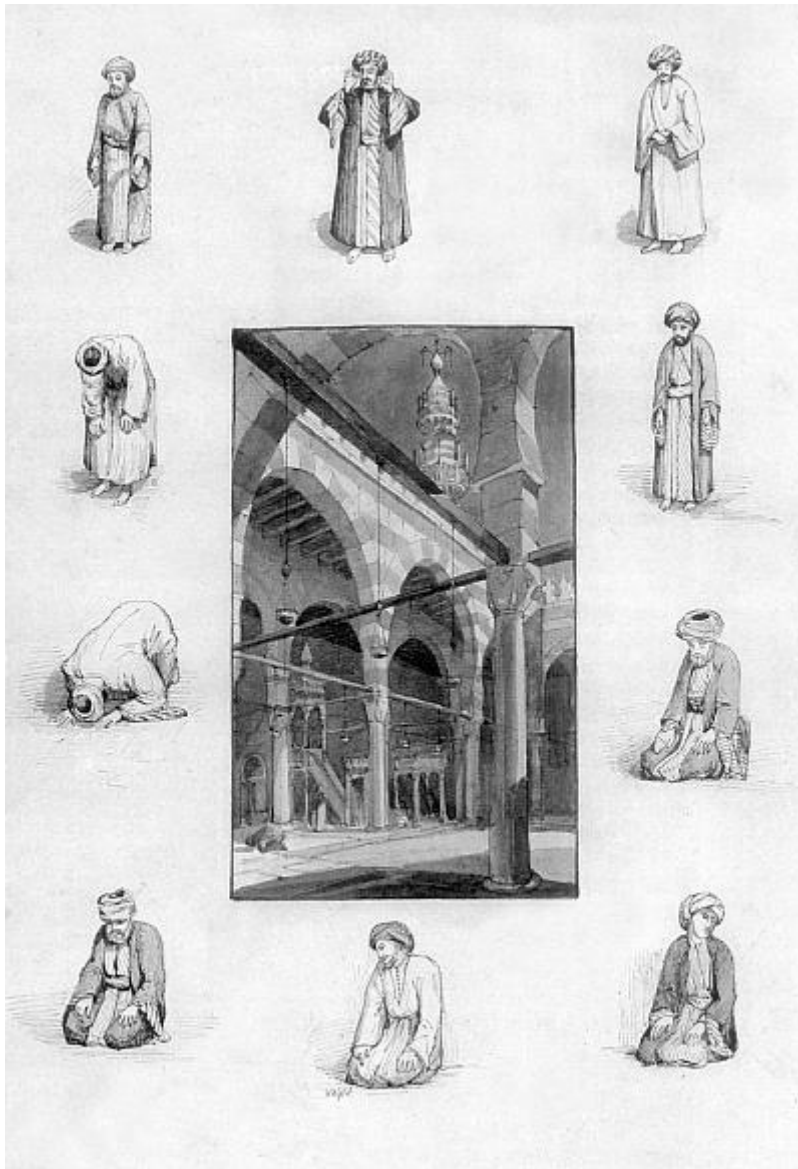
Духовная жизнь проявляется сильнее в восточных племенах, чем на Западе, и имеет несравненно более влияния на политические судьбы народов. Почитая основою народности не происхождение, не племя, но единственно религию, сирийские мусульмане не видят во владычестве иноземцев-оттоман никакой обиды для своего края. Турецких чиновников они не любят за их безнравственность и спесь, но питают много привязанности к своему султану, и есть еще много людей в Сирии, которые верят в его всемогущество и почитают его верховным владыкою мира и раздавателем венцов всем земным царям. Торжество малочисленной турецкой армии над огромными силами Ибрагима в 1840 году укрепило в народе эту мысль, а присутствие англо-австрийского флота убедило в том, что султан силен по своему произволу употреблять, в случае надобности, полки и корабли других государей как данников. Турецкие паши усердно взлелеяли эти народные поверия арабов. Загнанные Ибрагимом дервиши-бродяги и нагие чудодеи, с копьями в руках, с погремушками на шее, с вдохновенными бреднями, показались вновь в сирийских городах и продолжают услаждать народ всякими отвратительными зрелищами. Ни один паша не посмел отказать им в приеме и даже в угощении; разве святоша состоит в разряде тех, которые живут без пищи. Несмотря на их наготу – им доступны гаремы и даже нередко брачное ложе с ведома мужа {Зять нынешнего султана Саид-паша в пребывание свое в Дамаске губернатором сажал этих нагих и грязных святошей на свои роскошные диваны.}. Иные верхами проезжают по улице, умощенной телами верующих, и вера так сильна в народе, что вместо боли в боках или на спине, под копытом раскованной лошади, страдальцы чувствуют усладу. Этих суеверий в арабском племени несравненно более, чем в турецком, по мере силы воображения и природной склонности арабов ко всему чудесному. Где нет живого святоши, хранится, по крайней мере, благоговейное предание о ком-либо умершем, и

гробница его, где порою зажигают лампаду, и дерево, под которым он отдыхал и к которому больные привешивают всякие тряпки для своего излечения. Таков южный человек. Мухаммед проповедовал чистый деизм, с воспрещением всякого поклонения твари, и порицал символическое наружное благопочитание христиан. Но в борьбе с наследственными суевериями своего народа он сам был принужден действовать более на воображение, чем на ум, чем на чувство своих последователей, и сам проложил ту стезю, по которой подвизаются и ныне отвратительные бродяги {Дамаск особенно славится и числом, и необыкновенными качествами своих чудодеев. За несколько лет пред сим умер там старый шейх, который по народному поверию совершал постоянно по пятницам воздушное путешествие в Мекку. Он имел большое влияние на ум одного из прежних пашей и по ненависти к евреям много вредил богатым банкирам этой нации в Дамаске. Евреи придумали средство приобрести его дружбу. Они поднесли паше отборные жемчужные четки, в которых, однако ж, недоставало верхней жемчужины. Евреи пояснили, что по каким-то обстоятельствам жемчужина была у одного купца в Мекке и что тот купец на днях отправился в Индию. Это было накануне пятницы; паша вспомнил о приятеле святоше и поручил ему во что бы то ни стало доставить из Мекки жемчужину к субботе. Святоша понял хитрость евреев, вошел с ними в переговоры, обещал им свое покровительство и получил жемчужину, нарочно на сей конец отложенную. Тем еще более утвердилось общее мнение о чудесных его поездках в Мекку, отстоящую на 30 дней пути от Дамаска.}.

акварелью У. Вильда, 1830-е гг.

Араб в позе молитвы. Рисунок

Двор мечети и позы мусульманской молитвы. Рисунок акварелью У. Вильда, 1830-е гг.

Составляя более половины всего народонаселения Сирии, мусульмане почти в равной пропорции поселены по всему краю, за исключением гор Ливанской и Ансарийской, где их весьма мало. Вот приблизительное исчисление мусульманского народонаселения в семи пашалыках Сирии и Таврических округов, на основании нынешнего разделения края.

В городе Алеппе можно считать семейств мусульманских до 10 000.

В Алеппском пашалыке с городами и округами: Айнтаб, Антакия (Антиохия), Суэдия (Селевкия), Килис, Идлип и пр., до 50 000.

В пашалыке Аданском, с городами: Аданою, Тарусом, Паясом и пр., до 22 000 семейств.

В пашалыке Триполийском, с городами: Триполи (Шам-Тараблус), Латакиею и с северными отраслями Ливана, подведомыми сему пашалыку, до 7000.

В городе Дамаске до 25 000.

Дервиш. Гравюра XIX в.

В пашалыке Дамасском, с городами: Хамою, Хомсом, с округами Баальбека, Антиливана, Гаурана и страню Заиорданскою, до 23 000.

В пашалыке Саидском, с городами: Бейрутом, Сайдою, Суром и немногими мусульманскими деревнями у подошв Ливана, до 4000.

В пашалыке Аккском, с городами: Аккою, Кайфою, Назаретом и прилежащими округами Галилейских гор, до 4000. В пашалыке Иерусалимском, с городами: Иерусалимом, Яффою, Рамлою, Газою, Халиль-Рахманом (Хевроном), с Иудейскими горами, с Набулусом и Самариею, до 35 000.

В Халиль-Рахмане, в горах Иудеи и Самарии мусульманское народонаселение пребывает почти без примеси других племен и славится буйным своим нравом. В остальных округах оно более или менее перемешано с христианами. Главная его

промышленность – земледелие. В городах Алеппе и Дамаске мусульмане наравне с христианами занимаются также рукоделиями, и есть много ремесел, не дозволенных христианам и почитающихся исключительным достоянием мусульман. Мы уже подробно говорили о судьбах сирийского рукоделия, равно и о состоянии земледелия. Мусульмане еще более обеднели, чем другие сирийские племена, от упадка промышленности сего края, и вряд ли предвидится улучшение их судьбы. В Алеппе и Дамаске есть предприимчивые купцы и значительные капиталы между мусульманами.

Торговец коврами. Рисунок

акварелью У. Вильда, 1830-е гг.

> Законы турецкие не предоставляют никаких гражданских преимуществ дворянству; не менее того арабское племя имеет свое родовое дворянство и сохраняет под турецким непосредственным управлением явные следы своего древнего патриархального и аристократического образования. В мусульманском народонаселении Сирии считается до 50 древних семейств, которые и поныне, обитая частью в городах с почетным именем аянов, частью в округах, наследственно ими управляемых, имеют значительное влияние на дела правительственные. Иным из них присвоены звания эмиров, беков и шейхов. Таковы эмиры Шихаб на Антиливане, беки Токан в Наплузе, шейхи Амр в Халил-Рахмане, семейства Рустем-Заде и Катар-Заде в Алеппе и пр. Сверх этой родовой аристократии есть еще сельские шейхи, назначаемые по выбору от общества, с подтверждения гражданской власти, для заведывания земскою полициею и делами о податях. Они представляют существенный элемент муниципального управления, свойственного арабскому племени, и соответствуют нашим старостам; но в то же время они составляют некоторым образом низший класс дворянства наследственного, будучи всегда почти назначаемы из среды известных семейств. Уважение к роду есть главная отличительная черта арабского племени. Есть целые общества поселян, гордящихся происхождением своим от древних аравийских племен; как, например, хассаниты, живущие в окрестностях Иерусалима и ведущие свой род от аравийских хассанитов, известных в истории Мухаммеда. Весьма много также шерифов (потомков Мухаммеда по матери) и сеидов (потомков по отцу); но это многочисленное племя пророка не более пользуется уважением народа здесь, как и в остальной Турции {Город Алепп разделен на две партии: енкерие – потомков янычарских, и эмирие – шерифов и сеидов. Последние гораздо многочисленнее. Наследственная вражда никогда между сими партиями не прекращается, и не раз вели они кровопролитные войны в самом городе. Енкерие благоприятствуют христианам.}.

Духовенство магометанское в Сирии довольно многочисленно, особенно в городах Дамаске и Иерусалиме; но так как духовные и юридические училища находятся в большом упадке, то оно не достигает тех высших степеней иерархии, которые даются в училищах Константинополя и Каира. Мало заботясь о своем усовершенствовании в бесконечной науке Корана, при твердой вере, впрочем, что в этой книге заключается альфа и омега всех человеческих познаний, они довольствуются обильными доходами с имущества, приписанного мечетям (вакф), и прибыльною юриспруденциею, составляющею в Турции отрасль богословских наук.

В силу преобладающей ныне в Турции мысли о централизации, правительство приняло в свое ведение управление вакфов, определив содержание мечетям, которые по каноническому праву мусульман не должны получать никакой платы с прихожан за духовные требы. И действительно была пора положить пределы бесконечным по этой части злоупотреблениям. При огромных своих доходах с имущества, приклоненных к мечетям под разными видами и назначенных дарователями на содержание имаретов (домов призрения) и медресе (духовных училищ), все это пришло с некоторых лет в неимоверное запущение как в материальном, так и в духовном отношении. Паши турецкие приписывают все это зло египетскому правлению и безверию Ибрагима. Они упускают из виду, что до египтян анархия была нормальным злом Сирии по всем частям управления. Дамаск, город ханжества, заветный город ислама, наполнен обветшалыми

или опустелыми мечетями, которых развалины, испещренные всеми красами арабского зодчества, свидетельствуют о древнем блеске религии. Доходы с имуществ, вместо первоначального своего назначения на дела богоугодные, послужили, при ослаблении правительственного надзора, на обогащение аянов (приматов) и улемов. Мера, принятая ныне правительством, соответствующая описи в казну церковного имущества, могла бы и состояние мечетей улучшить, и казне доставить значительный доход. Но доселе мало пособила она злу; многие почетные семейства завладели наследственно правом содержать на откупе, без контроля, эти имущества за бесценок. На Востоке обычай имеет силу закона, особенно когда злоупотребление обычаем обращается в пользу лиц и семейств могучих... И в самом деле, искоренение зла способно возбудить опасное для правительства неудовольствие всех высших сословий {Высшие сановники Порты, прося у меня совета по этому делу, показывали по своим описям деревни, приносящие 50 000 пиастров чистого дохода и состоящие на откупе за 1000 пиастров.}. С другой стороны, сами турецкие чиновники хлопочут только о том, чтобы заменить старые злоупотребления новыми и присвоить себе источники обогащения туземного дворянства. По этой части, как и по всему, зло в Турции нисходит обыкновенно от высших правительственных слоев в низшее управление, на основании старинной, но всегда верной турецкой поговорки «в рыбе порча начинается с головы», балук баштан кокар. И в самом деле, хотя теперь чиновникам производится жалованье от казны, и притом весьма достаточное, однако должности подобного рода почитаются в Константинополе наградой министерским тварям за услужничество или средством к уплате долгов и к обеспечению куска хлеба на старость лет. Поэтому ропот местной знати на отменение того, что она почитает своим наследственным правом, не совсем безоснователен.

Вильда, 1830-е гг.

Мечеть. Рисунок акварелью У.

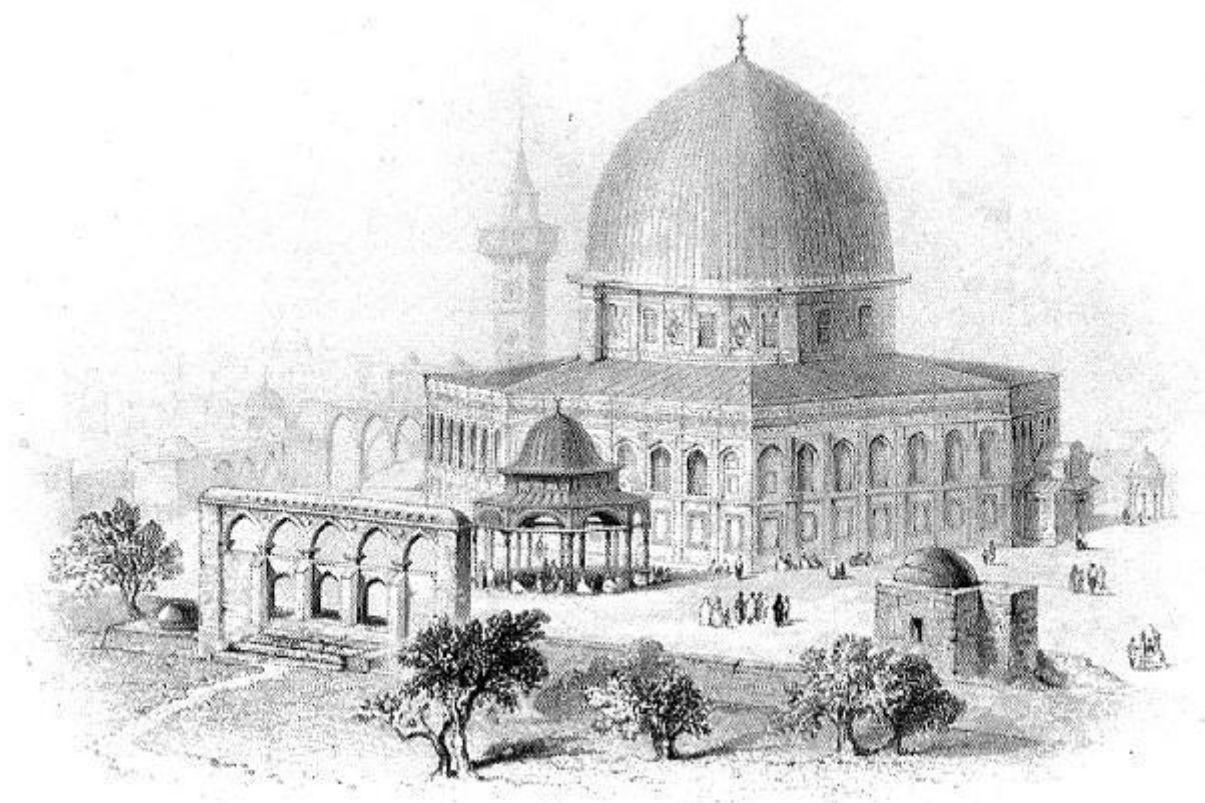

В

ход на Храмовую гору. Рисунок акварелью У. Вильда, 1830-е гг.

Если предпринятое правительством новое устройство вакфов приведет в лучший порядок дела мечетей, то можно будет, опираясь на народном мнении, искоренить давнишнее зло и даже обеспечить значительный доход в казну Мусульмане по всей Сирии с глубоким прискорбием видят запущение храмов и богоугодных заведений ислама, обозначающее с каждым годом новыми признаками разрушения религиозного заветные города ислама, Дамаск и Иерусалим, между тем как в сих самих местах другие исповедания, убогие, слабые и презренные, успешно стремятся к благолепию своих храмов, училищ, больниц.

В Иерусалиме правительство сделало в последние годы некоторые починки в здании знаменитой Омаровой мечети, которая почитается второю по Мекке святынею ислама, как по благоговению к памяти Соломонова храма, на месте коего она построена, так и потому, что Пресвятая Богородица провела в тех местах свой детский возраст {От сего последнего обстоятельства происходит и нынешнее мусульманское наименование Омаровой мечети Харем-Шериф, святая обитель. О почитании мусульманами Пречистой Девы, Матери Мессии, излишним будет припоминать читателю.}. Обновлен равномерно и древний храм, построенный над тою пещерою, где было жилище в Иерусалиме святых праведных Иоакима и Анны по народному преданию, храм, обращенный в мечеть после крестоносцев и обрушенный землетрясением за полтора века перед сим {Внутри мечети, в пещере, видел я в 1842 году, когда приступали к работам, остатки писанных на стене образов. Паша обещался мне не касаться этой живописи и даже допускать на поклонение в пещеру христианских богомолков с нарочно приделанной боковой двери. Впрочем, подобные снисхождения весьма непрочны, завися более от народного духа и от прислужников мечети, чем от гражданской власти.}.

Мечеть Омара. Гравюра XIX в.

Кафедра в мечети Омара.

Гравюра XIX в.

Дамаск, Алепп и Иерусалим, как первостатейные города в духовном и политическом отношениях, имеют первоклассных судей молла, назначаемых на годичный срок от султана по представлению шейх-уль-ислама. Каждый из них определяет в города своего

юридического округа кадиев и накибов из туземцев, взимая с каждого сумму, соразмерную важности места. Эта продажа судейских мест производится не по злоупотреблению, но на основании закона. Судья имеет законные свои доходы, получая известные проценты с дел, с наследств, с бумаг, предъявляемых на скрепу, и пр. Это прямой налог, соответствующий косвенному налогу гербовой бумаги и назначенный на содержание судебных мест, не получающих никакого жалованья от казны. В простоте нравов аравийского кочевья, зачатка политического общества мусульман, такая система согласовалась с теорией основных начал правосудия. Теперь она способствует всяким злоупотреблениям. Кандидат набавляет цену своего взноса и по мере возможности итог присвоенных ему доходов, законных и незаконных. Судебная власть, проистекая от султана как духовного главы ислама, совершенно независима от гражданских властей. Впрочем, египетское правление положило пределы ее злоупотреблениям тем, что, кроме дел по наследству и браку (в турецком законодательстве, как и в французском, брак есть дело чисто гражданское), почти все процессы разбирались в меджлисах, или в муниципальных советах, а молле иерусалимскому производилось от казны Мухаммеда Али жалованье, для того только, чтобы он не брал взятки с монастырей, составлявших главную его доходную статью. С восстановлением султанских властей меджлисам предписано основывать свои приговоры на духовном законе. Таким образом, заседающий в них кадий ворочает всем по своему усмотрению, а в то же время, на основании же духовного закона, свидетельство христианина против мусульман ни в коем случае не принимается. Злоупотребления, от сего проистекающие, неисчислимы.

Доходы поименованных нами судей весьма неопределительны, зависят от обстоятельств времени, от важности процессов, а всего более от случаев смерти зажиточных людей. В Иерусалиме же доход моллы зависит преимущественно от процессов между монастырями. Доходы моллы Дамасского, за содержанием чиновников его ведомства, могут простираться от 20 до 30 000 рублей серебром в год. В Алеппе и в Иерусалиме в половину менее; разве случится в Иерусалиме такой процесс между монастырями, за который поднесут молле 30 или 40 тысяч рублей в один прием. Мы уже заметили, что судьи назначаются на год и ни в каком случае не могут быть вторично утверждены в той же должности. Каждый из них должен запасть в этот годичный срок достаточным капиталом, чтобы провести потом несколько лет без дела в Константинополе, в ожидании очереди между кандидатами для производства в высшую должность. Этот краткий срок и беспрестанные смены верховных судей усугубляют коренное зло турецкого законодательства.

Муфтии, которых обязанность состоит в выдаче фетв, или юридических мнений в руководство кадиям по каждому делу, назначаются всегда из туземных известных домов, которым звание это наследственно, можно сказать, присвоено.

2. Мутуалии

Взаимная ненависть двух женщин, ветреной любимицы пророка Айше и дочери его Фатмы, супруги его любимца и сподвижника Алиа, породили над смертным одром Магомета тот политический и духовный разрыв, который долго обуревал халифат, пролил много мусульманской крови и разделяет поныне народы магометанские на две секты,

известные под именами сунни и шия. И та, и другая исключительно присваивают себе имя мослем – правоверных; первая господствует в Турции, вторая в Персии.

В Сирии считается до 10 тыс. семейств последователей Алиевой секты. Арабы называют их мутуалиями. Это слово, как и турецкое наименование шия, означает раскол. Сами же они именуют себя адлиэ, т. е. правосудными, в знаменование того, что они признают законным преемником Мухаммедовым Алию, отвергая первых трех халифов и называя их похитителями. Сия-то исключительная привязанность к Алию и к имамам его племени и фанатическая ненависть к его предшественникам, равно как и к халифам Моавиева дома, составляют главнейшую разницу между двумя исповеданиями, которые тем более ненависти питают одно к другому, что в догматах совершенно тождественны, а в обрядах их едва заметны различия. Суннитские богословы упрекают персидских своих собратий в чрезмерном возвеличении святости Алию, и даже в богохульстве за то, что ставят его почти на равную степень с Мухаммедом и тем дают повод народу простирать еще далее свое суеверие (ибо и заблуждения человеческие имеют свои степени) и предпочитать Алию самому Мухаммеду. Зато ежегодный траур и неистовый народный плач персиян по Хассане и Хусейне, сыновьях Алиевых, и поклонение гробам их в Кербеле поддерживают в массах ненависть к суннитам.

Из всех областей Оттоманской империи только в Сирии и в Месопотамии находятся последователи персидского раскола. Месопотамия, Багдад и Моссул долго принадлежали персидским шахам, и в ту эпоху Алиева секта была там владычествующею. В Сирии же неизвестно: заброшено ли сюда небольшое племя мутуалиев в позднейшие времена, среди исповедания ему враждебного, или составляет оно остаток сектаторов, обуревавших этот край в эпоху Моавии и его преемников. Может быть, краю этому, испытанному всеми расколами – от синагоги, раздвоенной в цветущие ее времена, и до современных нам ваххабитов, – предоставлена провидением льгота сберечь и увековечить в своих горах, будто в приюте веротерпимости, все остатки ересей, древних и новых, иудейских, христианских и магометанских.

Тщательно сберегая религиозную свою народность, сирийские мутуалии чуждаются мусульман и их духовных властителей. По неимению в Сирии училищ для духовного и юридического образования своего племени, некоторое число мутуалиев получают ученые степени по каноническому праву у своих единоверцев в Кербеле и занимают потом места имамов и кадиев в своих обществах. Кадии, по ходатайству народа, подтверждаются правительственными властями, дабы их приговоры по делам между единоверцами имели законную силу. Приверженность к религии, свойственная всем восточным племенам и особенно племенам, покоренным иноверной власти, проявляется в народном быте мутуалиев тем, что нет примера жалоб от них ни в гражданские власти, ни в мусульманский суд на решения своего духовного суда.

Впрочем, мутуалии часто бывают принуждены скрывать свою религию, особенно там, где опасно раздражать господствующее исповедание. В Дамаске имеют они свою мечеть и занимают отдельный квартал по соседству с христианами; но изуверство мусульманской черни заставляет их выдавать себя в народе за суннитов.

Блистательная эпоха мутуалиев в Сирии была при знаменитом Дагер-эль-Омаре. Затем настали для них времена бедственные. Испытанные свирепым преследованием Джаззара, мутуалии ослабели и перестали играть деятельную роль в волнениях сирийских племен. В настоящее время они не составляют уже самостоятельного племени, подобно другим ливанским их соседям. Они разделены на маленькие общества; но сохраняют во внутреннем своем управлении много следов своего народного аристократического устройства и тщательнее всех других сирийских племен оберегаются от вмешательства турок во внутренние их дела.

Из показанного нами числа мутуалиев около 1000 семейств обитают в Дамаске; вдвое столько в стране Баальбекской и в округе Джибейля. Затем остальные 7000 семейств составляют массу народонаселения южных отраслей Ливана, между Сайдою и Суром, и горы Сафетской. Городок Сур населен также сим племенем.

Баальбекские мутуалии состоят под управлением древнего дома их племени, эмиров Харфуш, ослабленных от своих семейных козней. Ливанские округа мутуалиев, Набатия и Блед-Бшарри, состоят также под управлением двух шейхов, Хуссейн-Сельмана и Хамед-эль-Бека, внуков знаменитого Насиф-Нассара. Им вверяются от правительства эти округа на праве отступном. Хотя и не предоставлено сим шейхам никаких особенных прав, однако влияние их, основанное на внутреннем народном элементе и на ненависти мутуалиев к мусульманским властям, так сильно, что вопреки новых законов империи они тайно от правительства произносят даже смертные приговоры, особенно по делам, касающимся семейной части, соблюдая при этом, однако, согласие родственников провинившейся девицы и супруги.

С некоторого времени проявляются признаки семейной вражды между двумя отраслями потомства Насиф-Нассара. Благодаря этому наследственному недугу всех сирийских аристократических домов правительство, вероятно, не замедлит подорвать совершенно их влияние и заменить шейхов муселимами на общем основании.

3. Друзы

По общепринятому мнению, основание религии друзов относят к первым годам пятого века эгиры. В Египте царствовал двенадцатилетний Халиф Хакем-эль-Бамра из рода Фатимитов, известный в восточных летописях по своему безумию. Однажды сжег он пол-Каира, чтобы насладиться зрелищем пожара. Между прочим, он возмечтал быть богом. Нашелся пророк именем Мухамед-Ибн-Измаил-эль-Дорзи, который стал проповедовать новую религию во имя этого земного божества. Вскоре и пророк, и божество его сделались жертвами народного возмущения. Гонимые их последователи перешли в Сирию, в классический приют всякого раскола, и поселились в Гауране и на горах Ливанских и Антиливанских. Название друзов (единственная форма по-арабски – дорз, множественная – друз) приняли они от имени помянутого проповедника Мухаммеда Дорзи {О религии друзов можно найти много любопытных подробностей в книге Сильвестра де Сасу *La religion des Druses*.}

Впрочем, почтенные и достоверные шейхи сего племени относят начало своего отпадения от мусульманского закона к эпохе самого Мухаммеда. По их сказанию, один из учеников пророка, по имени Шейх-Сулейман-эль-Фарси, был послан на проповедь к курдам и другим горцам по берегу Тигра. Чистота горских нравов заставила проповедника сладострастной религии аравитян отменить закон о многоженстве, о наложницах, о разводе. Этим положено начало религиозного разрыва. Если верить сему сказанию, легко пояснить гонениями, претерпенными от владычествующей секты, вкравшиеся последовательно в раскол новые догматы или сохранение старых верований и преданий халдейских и других противных самой основной мысли Мухаммедова закона. Затем, по сказанию шейхов, сектаторы Сулеймана-эль-Фарси были принуждены бежать от гонений багдадских халифов, перешли в Сирию и дали впоследствии в своих горах убежище другим сектаторам, бежавшим из Египта с новою верою Мухамеда-эль-Дорзи. Тогда только мусульманские племена, в укоризну за союз с нечестивыми боготворителями Хакем-эль-Бамры, придали всем им без различия именование друзей.

Они верят в десятикратное сошествие божества на землю в виде человеческого, в разных странах, под разными именами. Десятое было в лице Хакем-эль-Бамры; а одиннадцатого и последнего его сошествия ждут к тому времени, когда христиане возвеличатся над мусульманами. В сей раз Хакем должен покорить своим мечом всю землю друзьям и доставить им совершенное блаженство на земле; ибо в будущую жизнь они не верят. Кроме десяти олицетворений божества, друзья признают многих пророков, между которыми встречаются имена Адама, Ноя, Пифагора, Соломона и Мессии. Хамзу почитают они основателем их религии. Он есть, по всем вероятностям, лицо идеальное; ибо его же именуют Ангелом Гавриилом и причисляют к сонму пяти визирей, которые держат трон божества.

Д

рузы. Гравюра XIX в.

Основным догматом их веры можно почесть переселение душ и очищение их испытаниями на земле в телах бессловесных, более или менее благородных, от коня и льва до червя и до мухи, смотря по заслугам испытываемой души. Этим поясняется, может быть, довольно странная встреча с именем Пифагора в числе других пророков горского племени Сирии.

Жители здешние, как мусульмане, так и христиане, обвиняют друзов в идолопоклонстве. К этому обвинению подали повод неоднократно найденные в их молитвенных домах медные изображения тельца. Христиане называли друзов потомками обоготворявших тельца самаритян. Иные путешественники, зная о египетском происхождении друзов, стали догадываться, что они сохраняют древнюю религию Аписа. Все это кажется совершенно неосновательным. Хотя есть еще в религии друзов тайна, исследованию недоступная, однако ни в одной из четырех или пяти духовных книг, которые до сего времени попались в руки христиан, ни в образе мыслей народа и духовного его сословия, ни в народном характере нет малейшего признака идолопоклонства. Гораздо вероятнее кажется, что эти небольшие медные тельцы суть какие-либо эмблемы или даже талисманы, охраняющие плодородие окрестных полей.

Разительная черта религии друзов есть совершенная беспечность массы народа о ее законе. Народ делится в отношении к вере на два разряда: на мудрых (окал) и невежд (джохал). Разряд окалов, весьма немногочисленный и доступный также женскому полу, составляет касту духовную, с правами и обязанностями почти наследственными. Масса народа всех сословий принимает название невежд, совершенно не заботится о религии,

предоставляя и таинства ее, и исполнение ее обязанностей за весь народ классу окалов. Масса народа чужда даже молитве, сему всемирному утешению рода человеческого. Есть примеры, что эмиры и народоправители были посвящаемы в звание окалов. Джохал, утомленный действительною жизнью или проникнутый глубокою скорбью, предается изучению таинственной религии, проводит свое время в сообществе окалов, которые посвящают мало-помалу профана в свои таинства и принимают его в свое сословие. Другого обряда при сем не соблюдается, кроме пиршества, в котором старшие окалы разделяют с оглашенным некоторое блюдо, род пилафа. Подобно мусульманским улемам, окалы подразделяются на несколько классов. Высшие степени налагают обязанность безбрачной жизни, созерцательного уединения и воздержности от вина. Высшую иерархию составляют три лица, набираемые из среды окалов и носящие почетное титуло шейх-эль-окал. Из них один пребывает в Шуфе, другой в Аркубе, округах Ливанских, третий в Хасбее, на Антиливане. Сей последний заведывает гауранскими друзьями. По правилам религии – окал ни в каком случае не должен принять ни денег, ни подарка, ни даже угощения, ни одной ягоды от человека, живущего на казенном жалованье, и вообще от такого лица, которое не трудом рук своих снискивает себе пропитание; ибо, по верованиям друзей, все подати, платимые народом в казну ли или своим правителям, суть несправедливое стяжание.

Кроме отчуждения массы народной от религии, которым объясняется, впрочем, сохранение ее в тайне, другой не менее любопытный закон друзей есть воспрещение принимать прозелитов и верование, что одному их потомству, не по праву догмата, но по праву племени, предоставлено чаемое на земле совершенное блаженство. Закон, освобождающий своих последователей от всяких религиозных обязанностей, простирает свою снисходительность еще далее: народу дозволено, смотря по обстоятельствам и по временным своим выгодам, принимать внешний вид другой религии. Под правлением египетским несколько сот семейств друзей, чтобы только избавиться от рекрутских наборов, приняли открыто крещение от греко-униатского Бейрутского епископа; затем ни один из них не остался христианином. В 1841 году друзья обнадеживали американских миссионеров и англичан готовностью своею принять протестантство; затем в 1842 году, с переменою обстоятельств, просили военного министра Мустафа-пашу нарядить к ним в горы имамов для мусульманской проповеди. Последствия удостоверили сераскира, что это была только хитрость, допускаемая законом друзей.

Описанные нами события последних годов и беспристрастный взгляд на дела ливанские достаточно опровергают существующий в Европе предрассудок о религиозной ненависти друзей против христиан. Может быть, в целом мире нет народа, менее склонного к фанатизму и к религиозным преследованиям. Друзья питают даже много уважения к христианству; особенно женщины, которые нередко идут в церковь слушать Евангелие вместе с христианами.

Каждый раз, когда друзья вооружаются против христиан, можно быть уверенным, что их подстрекают турки, на основании коренного их правила: казнить племена одно другим и видеть в распрях вернейший залог правительственного влияния.

Около 10 000 семейств друзов обитают по южным отраслям Ливана, между Бейрутом и Сайдою, в округах Метене, Джурде, Мнассефе, Аркубе, Аклиме, Шуффе, Джебзине. Почти везде есть посреди их христиане, и иногда даже в большинстве. За обращением в христианство старейшего в их аристократии дома эмиров Булема, ливанская аристократия друзов состоит в домах эмиров Реслан и шейхов Джумблат, Абу Накид, Амад, Абд эль-Малик и Тальхук.

В Антиливанских округах, под управлением младшей линии Шихабов, считается около 2000 семейств сего племени. Между ними известны шейхи Шамс и Кейс. Затем в Гауране число друзов может простираться до 4000 семейств; но значительных шейхов нет между ними, ни между остальными обществами друзов, поселенных в горах Акки и в Алеппском пашалыке. В Палестине вовсе нет друзов. Это племя повсюду занимается исключительно земледелием и скотоводством, и ни в одном сирийском городе не найдется жителя из друзов. Даже в собственных их селениях торговля и ремесла почти всегда предоставлены христианам.

Племя это, испытанное долгим рядом политических обуреваний на Ливане и в горах Гауранских, видимо убывает, слабеет и клонится к совершенному упадку, уступая христианам свое место на Ливане.

4. Ансарии {Это множественная форма слова насайри, чего не должно смешивать с множественным насора (христиане), от насрани (назарянин), происходящего от Насра, арабского названия Назарета.}

Друзы называют ансариев отступниками от их веры. В самом деле есть много сходства между верованиями этих двух племен. Обе религии родились под влиянием тех же деятелей в эпоху брожения умов на Востоке, среди обломков древних религий, темных отголосков индийской феогонии, верований халдейских, укоренившихся в стране за Тигром, ересей христианских, сект иудейских и появления духа богословских прений в Мухаммедовом законе.

Обе эти религии включены нами в состав магометанства не столько потому, что они сопричисляют аравийского законодателя к своим пророкам, не следуя, впрочем, его закону, не исполняя предписанных им обрядов, сколько на основании политического разделения племен Оттоманской империи, о чем уже было объяснено. Сами же мусульмане, имеющие какое-либо понятие о верованиях друзов, ансариев и измаилитов, чуждаются, даже гнушаются их и причисляют в духовном отношении к племенам, не ведающим откровения, т. е. к язычникам; тогда как христиане и евреи, хотя и не признали того откровения, коим, по мнению мусульман, довершены древние откровения, однако верны своим законам, Аллахом дарованным.

Основание веры ансариев, которые называют сами себя мюмен, верующими, относят к исходу IX века по Р. Х. Имя дано ей от деревни Ансар, в окрестностях Куфы, где она первоначально появилась. Она проповедует таинственную пятерицу и семь воплощений каждого из пяти лиц божества, между которыми встречается «Слово» будто отголосок Иоаннова Евангелия, и Хуссейн, сын Алиа, напоминающий о персидском расколе. В ряду

воплощений, подобных тем, о которых проповедует религия друзов, перемешаны имена Адама, Авеля, архангелов, Ноя, Иосифа, Иакова, Иессея, Моисея, Асафа, Соломона, Иисуса, Иоанна, Павла, Петра, Матфея и пр. В истории этих воплощений проявляется Зороастров закон о вечной борьбе двух начал, добра и зла. При каждом из своих воплощений таинственная пятерка боролась со своими врагами, каковы были: Каин, индийский царь, змея, павлин (эмблема гордости), фараон, Немврод, Ирод и пр. Подобно друзам, ансарии верят в переселение душ и строго содержат в тайне свою религию. Они имеют также духовный класс шейхов, которым исключительно предоставлено изучать закон и молиться за народ, и также народ не заботится о своей вере и иногда принимает наружный вид исламизма. Подобно окалам духовенство ансариев удаляется общества и любит созерцательную жизнь в эрмитажах или уединенных молитвенных домах, именуемых хмери. Примечания достойно, что ансарии особенно благоговеют к памяти Св. Георгия и к греческому монастырю во имя сего великомученика, Мар-Джуржос-Хмери, на южной стороне Ансарийских гор.

Племя это населяет гористую страну на севере от Ливана, за рекою Нахр-эль-Кебир до Антиохии. Оно управляется своими шейхами, между которыми почетнейшие носят титул мукадемин, и никогда не достигало ни благосостояния, ни политической важности племен ливанских.

Уверяют, что ансарии подразделяются на несколько сект, из которых одна боготворит Захру, планету ли Венеру или дочь Магомета Фатьму, которой равномерно придается это имя, – неизвестно. Другая секта, именуемая шамсие (от шамс – солнце), поклоняется светилу дня, говоря, что божество, по воплощении своем в Али-Абу-Талебе, зяте Магометовом, и в двенадцати имамах его племени, переселилось в солнце со смертью последнего имама Мехди. Горы, обитаемые ансариями, именуются Кельбие, Собачьими; это заставило думать, что многие из них боготворят собаку. Вообще чрезвычайно трудно удостовериться в истине всех этих сказаний. Ни с друзами, ни с ансариями, ни с измаилитами невозможно завести речь о религии. Жители здешние, и христиане, и мусульмане, весьма нелюбознательны или же наудачу рассказывают всякие басни, со всею болтливою изобретательностью арабского гения.

Ансарии почитаются самым отсталым в гражданственности из сирийских племен. За уплатою подати в известные сроки, они живут независимо в одичалых своих горах, куда редко заходят и чиновники правительства, и путешественники. Правительство почитает их совершенно покорными, когда они не идут на разбой по большим дорогам, а о внутреннем их устройстве нисколько не заботится. Два туземных семейства, шейхи Шамсин и Реслан, попеременно назначаются начальниками округа. Их обязанности – вносить своевременно подать, с правом взимать с народа по мере своего влияния и по соображению с обстоятельствами. Подобно друзам, племя ансариев исключительно предано земледелию и в городах никогда не обитает.

Из показанного нами числа (28 000 семейств) ансариев 25 тыс. населяют горы между Антиохиею, Хамою и морским берегом. Остальные живут небольшими обществами в горах Аданского пашалыка.

5. Исмаилиты

Остается говорить о самой чудовищной из этих покрытых мраком сект. Исмаилитов смешивают иногда с ансариями; это несправедливо и подает только повод к тому, чтобы приписывать многочисленному племени ансариев те невероятные бредни расстроенного воображения, которые встречаются только в небольшом обществе исмаилитов. Исмаилиты не имеют, можно сказать, никакой религии. По их верованию человек рождается от женщины и обречен земле. На сем основании боготворят они начало и конец и совершают свои моления пред женщиной, простершись наземь. В известные дни года мужчины и женщины сходятся в ночные собрания, подобно древним гностикам, и не только в этих омерзительных оргиях, но и в общежитии кровосмешение, даже в первой степени, допускается между ними.

Исмаилиты составляют не более 800 или 1000 семейств, обитающих у подошвы горы Кельбие, на западе от Хамы. Главнейшее их селение Кефтун. Внутренним устройством они не отличаются от ансариев. Племя это много претерпело от преследований турецких и от опустошительных набегов ансариев. Оно, видимо, клонится к разрушению и безвестно теряется.

По мнению иных историков, исмаилиты происходят от тех страшных сектаторов, которые некогда вселяли ужас и крестоносцам, и султанам своими убийствами, под направлением таинственного своего вождя, известного в крестовых хрониках под именем Горного Старца, *Vieux de la Montagne*. Сектаторы эти завещали западным языкам слово *assassin*, прозвано у арабов хашишин, от имени травы хашиш {Хашиш собственно значит трава. Форма хашишин, из которой по итальянскому выговору составлено слово *Assassino*, есть множественная. Слово это соответствует, кажется, русскому выражению отрава, отравленный и принимается в смысле опьянения.}, заменяющей и теперь в Египте опиум и производящей тоже опьянение. К этим сектаторам равно прибегали и христиане, и мусульмане, чтобы кинжалом их отделаться от врага ли или от соперника. Как ни баснословны кажутся рассказы о фанатическом их остервенении, однако все это основано на неопровержимых исторических данных {См. *Histoire des Croisades par Michaud* в прибавлениях ко II тому (шестого издания), письмо Г. Журдана.}. Впрочем, суть ли нынешние исмаилиты потомки тех сектаторов – это еще загадочно, и нельзя дознаться, сохраняют ли они в своей религии восторженность опьянения. Я не слышал, чтобы племя это было предано хашишу. Но личным наблюдением, особенно над африканцами, преданными хашишу, я удостоверился, что пьянство, производимое этим растением, сопровождается видениями и ощущениями, несравненно более увлекательными, чем те, которыми упоются любители опиума.

В. Христиане

6. Православные

Православие было господствующею верою в Сирии от времен Константина Великого до времен Магомета. Этот трехвековой период, которому предшествовали и за которым последовали кровавые внешние гонения, был ознаменован внутренним недугом ереси и

раскола. В стране, провидением Всевышнего предопределенной на тяжкий подвиг духовной жизни, как мы подробно о том излагали в XVIII главе нашей книги, раскол и ересь никогда не переставали волновать народы окрест заветной колыбели христианства. Если взять в соображение тогдашнее состояние церкви, когда раскол порою, даже под эгидою константинопольского императорского двора и при неоднократном отступничестве от православия самих патриархов {Напр., Нестория и др.}, одолевал и преследовал православие; если вспомнить страшный напор мухаммеданства, равно и то, что в последовавший за тем период крестовых нашествий западное духовенство фанатически повсюду преследовало восточную церковь; если вникнуть в значение мухаммеданского политического закона, двенадцать с лишком столетий обрекающего все немухаммеданские исповедания лишению гражданских прав и потворствующего взаимному их борению, то одному лишь Божественному промыслу и непобораемой силе внутренней жизни восточного православия мы можем приписать чудесное сохранение церкви до наших дней в этой страдальческой стороне. Вместо укоризны духовенству и народу за то бедственное состояние, в котором ныне пребывает церковь в Сирии и Палестине, мы воздадим им, по философском исследовании исторического и политического быта церкви, благоговейную дань хвалы и удивления за великий подвиг сбережения чистоты догмата и чина церковного среди тягчайших испытаний, какие только может представить весь объем бытописаний мира. Вместо легкомысленной укоризны в невежестве, в нерадении, в людских слабостях мы должны признать и народ этот, и ряд святителей, кем спасена скиния Нового Завета, поколениями избранных тружеников и рядом угодников Божиих, продливших до наших дней святой подвиг воинствующей древле церкви.

Указывая читателям на эту утешительную точку зрения, ради исторического исследования предмета нашего, в опровержение суетных восклицаний, основанных на незнании прошедшего, ограничимся здесь статистическим изложением нынешнего состояния греко-арабской православной церкви и паствы в Сирии и Палестине. Она управляется двумя патриархами, Антиохийским и Иерусалимским. Первому подлежит собственно Сирия с частью Малой Азии и Курдистана; второму Палестина. Черта, проведенная от Белого Мыса (Раз-эль-Нахора) на Средиземном море до верховий Иордана, служит границею двух престолов. За Иорданом Антиохийская епархия простирается несколько далее к югу, объемля Гауран почти до Мертвого моря. В Малой Азии она объемлет Таврические округа Адану и Тарсус, древнюю Киликию, а на Востоке часть Диарбекира, где недавно просияло православие над христианами, отпавшими в унию в бедственные времена церкви. Далее сих пределов, в Месопотамии и за Тигром, нет вовсе православных христиан. На севере Феодосиопольская епархия (Эрзурум) подлежит и ныне, как в древности, Антиохийскому престолу. До мухаммеданского потока его пределы были несравненно обширнее. Ему подлежала вся Азия за исключением Малоазийского полуострова, подведомственного Константинопольскому патриарху; ему подлежали Армения, Иверия (Грузия и Имеретия) и Месопотамия до Багдата. От Антиохии, прозванной в первые времена христианства оком восточной церкви, проникали лучи веры в языческую Персию. Иерусалимский престол лишился равномерно большей части своих заиорданских епархий, которых затеряны самые имена. Недавно открытые колоссальные развалины Джераша (Герасос) среди греческого Декаполиса (Десятиградия) свидетельствуют о цветущем некогда состоянии сих опустелых стран; а изо всех

аравийских епархий сохранилось одно только Синайское епископство, где вера укрылась в священных скалах монастыря, будто в возвышенном духовном оазисе среди потопа магометанского.

1) Престол Антиохийский

Антиохийский патриарх, третий в православной иерархии по отпадении Римского Папы, носит титул Блаженнейшего патриарха Божьего града Антиохии и всего Востока, при котором надписывает в официальных бумагах, подобно другим верховным пастырям на Востоке, Божиею милостию. В пении многолетия ему придается торжественное титуло: «Блаженнейшего, Божественнейшего и Святейшего Патриарха Великого Божьего Града Антиохии, Сирии, Аравии, Киликии, Иверии, Месопотамии и всего Востока, Отца отцов, Пастыря пастырей, тринадцатого из Апостолов, Господина и Владыки».

При соблюдении согласия Антиохийского синода и почетных мирян города Дамаска, он назначается от Константинопольского синода и Вселенского патриарха. Сие отменение древних прав церкви, которой глава искони не подлежал ни избранию, ни подтверждению Вселенского престола, было следствием политических обстоятельств края, а всего более происков римского двора к покорению Антиохийского престола своему церковному единодержавию, и успехов пропаганды между бедным и уничиженным духовенством Сирии.

Политические права патриарха Антиохийского излагаются в берате и фирманах Порты, при подтверждении его выбора. Так как Константинопольский патриарх признан турецким правительством за главу всех подданных православного исповедания, то в сем отношении ему подведомы дела других патриархов и самостоятельных епископов. Впрочем, Антиохийский патриарх имеет в Константинополе, наравне с пашами, своего поверенного (капы-кеая) для хождения по делам и для представительства прав его престола.

В делах церковных и по церковному имуществу патриарх есть полный судия и властитель. Он может наказать тюрьмою и ссылкой подведомых ему христиан, не зависит от пашей и судилищ и подлежит суду только Высокой Порты. Но политические обстоятельства края, привыкшего к вековой анархии, а еще более смесь вероисповеданий и всегдашняя готовность унии заманить в свои сети всех недовольных, вместе с церквами и церковным имуществом, подрывают эти права патриаршего престола в Сирии. Здесь власть патриарха есть только власть блюстительная и должна проявляться силою кроткого увещания, основываясь единственно на личных качествах патриарха, на привязанности к нему паствы и на добровольном повиновении подчиненных. В тяжebных делах, как между православными, так и православных с иноверцами, патриарх произносит свой приговор только по обоюдному согласию тяжущихся; но приговор его не имеет законной силы пред гражданскими властями. В сем отношении тягчайшая из обязанностей патриарха есть разбирательство дел брачных. Страсти и наклонности людей не всегда согласны с наследственными понятиями арабов о праве родственников над невестами своего рода и племени. Нужна величайшая осторожность, чтобы предупреждать отступничество девиц, вступающих в брак не по своему выбору, не по указанию даже своих родителей, но по

приговору самой дальней родни, которая, по понятиям арабов, имеет право требовать невесты из своего племени. За тем надо предупреждать кровавую месть в самой родне, по поводу подобных браков. Сему-то обстоятельству должно преимущественно приписать те семейные вражды, которым Уния обязана своими успехами в продолжении прошедшего века между православными арабами.

Совершенный упадок престольного града Антиохии и необходимость отстаивать у властей права церкви и народа заставили Антиохийских патриархов избрать постоянным местопребыванием своим Дамаск. Не раз терпимые церковью гонения от мусульман, или обуревавшие ее внутренние бедствия, или убожество заставили патриархов отлучаться надолго в Константинополь, в Дунайские княжества, в Россию.

Доходы Антиохийского патриарха простираются до 3000 руб. серебром в год. Половина этой суммы поступает с двух монастырей, принадлежащих престолу в Дунайских княжествах. Доход от паствы состоит в нурии, или ежегодном сборе с епархии в пользу епископа. Каждое семейство вносит, по своим средствам или усердию, от 2 до 40 пиастров (от 10 к. до 2 1/2 руб. серебром). Епископ обязан сам однажды в год посещать все дома своей епархии для сего добровольного сбора, и только глубокая старость или другие важные препятствия дают ему право послать за себя другое лицо. Патриарху принадлежит нурия с Антиохийской и Дамасской епархий. От епископов, подведомых престолу, патриарх, по древнему обычаю, получает взнос весьма умеренный, как при назначении их (от 50 до 150 руб. серебром), так и ежегодно (от 3 до 6 руб. серебром). Впрочем, некоторым из своих митрополитов сам патриарх оказывает пособие ежегодно, по бедности их епархий. Случайные доходы от обеден, похорон и проч. в Сирии весьма ограничены. Взнос на особенные церковные служения митрополитов бывает обыкновенно от одного до двух рублей; патриарху – вдвое.

При доходах столь ограниченных патриарх должен окружать себя некоторою пышностью, для поддержания своего сана как пред гражданскими властями, так и в глазах своей паствы. В Сирии, среди арабских племен, более чем где-либо судят о человеке и о сане его по внешнему благолепию, по числу служителей, по гостеприимству. Мы имели уже случай заметить, что успех действий патриарха ради пользы церковных всего более зависит от личного его влияния. Сверх того он обязан раздавать значительные милостыни в стране, столь часто испытываемой народными бедствиями.

Назначение епископов в епархии, игуменов в монастыри и священников в приходы менее зависит от патриарха и от архиереев, чем от народного выбора. Малейшее неудовольствие в пастве дает доступ унии. Часто проступки священников и злоупотребления игуменов остаются совершенно безнаказанными, чтобы только избегнуть раздоров с семействами, которым они принадлежат.

Перемещение епископов из одной епархии в другую, столь обычное в Константинопольском престолу и столь предосудительное по своему корыстному основанию, по своим последствиям и по своему влиянию на нравственность духовенства, здесь совершенно неизвестно. Смена патриарха – дело неслыханное в Антиохийском

престоле. Пастыри живут и умирают при одной пастве; разве глубокая старость подаст повод к добровольному, искреннему отречению.

Из 200 епископов, вмещавшихся некогда в пределах Антиохийского престола, ныне осталось только четырнадцать. Все они состоят в степени митрополий. Старшинства между ними нет; при соборе нескольких митрополитов старшинство принадлежит летам или заслугам и личным достоинствам.

Предлагаем список епархий:

Антиохийская и Дамасская, составляющие епископство самого патриарха;

Тиро-Сидонская;

Виритская;

Селевкийская;

Илиупольская;

Епифанийская;

Эмесская;

Аркадийская;

Триполийская;

Лаодикейская;

Аданская;

Амидийская;

Феодосиопольская;

В прошедшем столетии их считалось восемнадцать {См. Хрисанфа, патриарха Иерусалимского, – Синтагматон, или описание епархий и чинов всея Восточныя церкви, составленное в первой половине прошедшего века и изданное в Венеции в 1773 г.}; из них Веррийская (Алепп) перешла в ведение Константинопольского патриарха; Акисская (Ахалцих) вошла в состав Российской империи, а остальные две: Вострийская (в Гауране за Иорданом) и Пальмирская в Евфратской пустыне, упразднены. По стесненному положению своих финансов церковь вверяет одному епископу бдение за несколькими древними епархиями, если в них порознь число православных слишком слабо, чтобы содержать особенные престолы архиерейские.

Первопрестольное Антиохийское епископство лежит между Лаодикейскою, Аданскою и Веррийскою епархиями; гористая его часть занята ансариями; много курдов и туркменов

кочуют по богатым пастбищам Антиохии. Большую часть народонаселения составляют ансарии и мусульмане. Православных христиан считается 600 семейств. Округи Килис, Бейлан и Айнтаб, подведомые сему престолу, населены разными магометанскими племенами и значительным числом армян. Состояние христиан здесь бедственнее, чем во всей остальной Сирии, по причине буйного фанатизма мусульман. Из трехсот храмов древней Антиохии, обращенных в мечети или лежащих в развалинах, христиане не имели доселе ни одного алтаря в ограде нынешнего города и исполняли свои духовные требы в убогой церкви, в пустынной стороне. Недавно, при содействии нашего консульства, успел патриарх Мефодий соорудить небольшую церковь, под именем молитвенного дома, в самой Антиохии {Под именем молитвенного дома или дома священника (Папас эвы) допускает турецкий закон основание небольшой церкви, не соблюдая тех судебных обрядов, которые нужны для основания новой церкви и которых исполнение встречает иногда сильное препятствие в чувствах мусульманского народонаселения.}.

В Дамасской епархии, простирающейся от Эмесской до пределов Палестины Заиорданской, между Антиливаном и пустынею, вместе с упраздненной Вострийскою, которой подлежал Гауран, считается до 1500 православных семейств. Из сего числа половина в самом городе Дамаске. Из гауранских православных христиан около 200 семейств давно уже отторгнуты в унию, а бывшие в сей стране сириане-яковиты обращены все в сириан-католиков под египетским правлением. Величайшим бедствием для дамасских христиан и для самой церкви был постепенный и конечный упадок мануфактур сего города, о чем уже имели мы случай упоминать. Христиане дамасские землю не владеют, и не дозволено им приобретать земли; многие ремесла, многие отрасли городской промышленности им равномерно недоступны, по завистливому приговору правоверной черни Дамаска. Вся их деятельность была направлена к изделию шелковых тканей; а с упадком этой промышленности масса христианского народонаселения города впала в крайнее обеднение.

Древний великолепный собор Св. Иоанна обращен в мечеть. Патриаршая церковь Св. Николая, здание ветхое, убогое, составленное из разных пристроек, недавно обновлена в подобающем благолепии щедротами государя императора и сбором подаяний в России {Собор этот сожжен мусульманскою чернью в 1860 году.}.

Подведомые Антиохийскому престолу ставропигиальные монастыри в Сирии суть следующие.

1-е. Успения Пресвятыя Богородицы, именуемый Бельменд (вероятно, от имени какого-нибудь крестоносца Бельмонда, имевшего там свой замок). Он расположен на горе над морем, в пяти верстах от Триполи. В 1839 году пожалована сей обители возобновленная древняя грамота русского царя Алексея Михайловича на ежегодное пособие по 35 рублей серебром. В нем обитает тридцать братий. Доход его простирается от 30 до 50 000 пиастров, смотря по урожаю масличных плантаций монастыря. Патриарх другого дохода с этого монастыря не получает, кроме двух кулей сарачинского пшена ежегодно, по древнему постановлению. За несколько лет пред сим патриарх приступил к основанию в этом монастыре духовного училища; но разные обстоятельства тому воспрепятствовали.

2-е. Монастырь Св. Георгия, именуемый Мар-Джур-джос-Хмери, в Аркадийской епархии, у подошвы горы Кельбие. В статье об ансариях мы упоминали о благоговении сего племени к памяти великомученика. При обстоятельствах более благоприятных обитель эта может послужить маяком слова Божия среди племен, томящихся в лабиринте полумухаммеданского язычества.

Доход монастыря может простираться до 100 000 пиастров (около 6000 рублей). Главным, единственным, может быть, источником дохода, ибо монастырь поместьями не владеет, есть добровольный взнос от ансариев. Стяжая своим семействам и стадам покровительство великомученика, эти сектаторы записывают своих детей, при самом рождении, в невольники монастырю, с правом выкупа впоследствии; даруют равномерно в монастырь половину, четверть или полчетверти заболевшего скота, с тем, чтобы впоследствии вносить ежегодную плату за право товарищества в собственности, по обычаю арабов.

Впрочем, монастырь сей, находясь на большой дороге между Алеппом и Триполи, обременен гостеприимством, на которое тратится большая часть его дохода. Патриарху обязан он, по древнему обычаю, взносом двух пудов воска. Церковь тесна и ветха. Монахов считается здесь пятнадцать, а служителей и послушников до сорока. При умном управлении он мог бы собственными средствами получить лучшее устройство.

3-е. Обитель Св. пророка Илии на Ливане, в шести часах от Бейрута (Мар-Ильяс-Шуер), смежная с маронитским монастырем того же имени. В ней монашествуют восемь братьев. Доходы с поместий этой обители едва простираются до 1000 руб. серебром; однако ж при хорошем управлении она с некоторых лет процветает. Патриарх не получает отсюда никакого дохода; разве игумен поднесет несколько ведер вина с своих виноградников.

4-е. Женский монастырь Пресвятыя Богородицы, именуемый Сайденая, лежит в округе сего имени на север, в шесть часов расстояния от Дамаска. Это одна из древнейших в мире обителей. Основание ее относят к VI веку. Здесь хранится одна из икон, приписываемых св. евангелисту Луке. Окрестные пригорки замечательны по видимым в них развалинам десяти или пятнадцати разных монастырей. Некоторые из них известны и теперь под именами Св. Фомы, Св. Сергия, Св. Иоанна, Св. Саввы, Св. Софии, Святых Петра и Павла, Пр. Илии и Св. Георгия. Этот уединенный округ, на рубеже великой пустыни, был в цветущие века церкви Антиохийской сирийскою Фиваидою и освящен кровию многих тысяч своих мучеников в пору мусульманского завоевания. Одинокая, ветхая, полуразрушенная обитель Пресв. Богородицы, под сению которой приютились убогие христианские деревни, обступленные отовсюду изуверством завоевателей и ватагами пустынных наездников, наводит умиление на посетителя, указывая на окрестные развалины, будто на летопись прошедшего горя и на угрозу грядущих испытаний. В пределах Антиохийского престола нет другого православного женского монастыря. Сайденаяская обитель бедна и поместий не имеет, кроме небольшого масличного сада, купленного за 800 руб. серебром милостынею из России. Около сорока монахинь, здесь укрывающихся, должны своими трудами и рукоделием стяжать скудный насущный хлеб; ибо благочестивые приношения обедневших христиан дамасских едва достаточны на

содержание церкви и здания. Патриарх вместо дохода с монастыря обязан ежегодно пособием ему.

5-е. Монастырь Св. Феклы на севере от Сайденаи, в Селевкийской епархии. В сей небольшой древнейшей обители пребывают два монаха и пять прислужников.

Ее доходы ограничиваются 8000 пиастров и едва достаточны на содержание. Патриарху поступает три руб. серебром ежегодного взноса.

Таково нынешнее состояние ставропигиальных монастырей Антиохийского престола. Осмотрим епархии.

У пределов Палестины, на берегу морском, лежит епархия Тиро-Сидонская, обнимая в своих пределах южные отрасли Ливана и хребет Антиливанский. Поморская ее полоса есть древняя Финикия, с городами Сурой и Сайдою, сохранившими от своей языческой славы только искаженные свои имена {По мнению ученых лингвистов, имя Сура, или Дсура, есть древнейший корень, который греками был обращен, по их выговору, в Тир.}. Безобразные развалины Сура, обставленные рыбацкими хижинами, страшно свидетельствуют о буквальном исполнении пророчеств, наложенных на гордого царя морей. Здесь сохранилась небольшая бедная церковь, с двумя семействами прихожан православных и одним священником, который едва добывает трудом свое пропитание. Народонаселение состоит в нескольких семействах униатских и 2000 душах магометан Алиевой секты. Такова ныне одичалая столица Финикии, прославленная, и по упадке древнего своего величия, многими местными соборами в борениях церкви с ересью, и в продолжение крестовых походов, когда она была одним из важнейших военных пунктов христианских владений в Сирии. Сайда, древний Сидон, поныне красивый городок с роскошным прозябанием своих садов и полей, был долго столицею поморского пашалыка Сирии и имел еще недавно до 30 000 душ народонаселения. Теперь едва ли осталась пятая их доля. Православных семейств считается здесь до ста; столько же униатов, весьма немного маронитов и евреев, а остальные – магометане. Из показанных нами ста православных семейств семьдесят недавно лишь воссоединились, быв долго в унии. В ту пору, когда уния преобладала, православные были принуждены, по неимению униатскаго храма, дозволить униатам служить свою литургию в одном из приделов древнего собора, за небольшую плату, которая вносилась униатами в роде найма. Затем, когда униаты вышли из-под зависимости греческого духовенства, плату перестали вносить, а в храме остались на праве владетелей и поныне отправляют в нем свои требы вместе с православными. Ссорам и соблазну между двумя исповеданиями нет меры. При таких обстоятельствах митрополит Тиро-Сидонский редко навещает свои престольные города, а имеет свое пребывание большею частию на Антиливане. Там православные горцы, пользуясь свободою богослужения, эту драгоценную льготою всех горских племен Сирии, состоят в совокупности с друзьями под управлением младшей линии эмиров Шихаб, пребывающих в мусульманском законе.

В недавние годы происки протестантской пропаганды подвергли страшным испытаниям мирную Хасбею. Город этот живописно раскинут среди оливковых плантаций и виноградников на скате Антиливанском. У подошв горы бьет из-под корней оливкового

дерева один из двух источников той реки, которой искупительная струя омыла Адамово племя в лице Богочеловека. Местоположение носит особую печать мира и благочестия. Можно подумать, что и самые мусульмане и друзы не чужды его влиянию. Под залогом вековой веротерпимости православные горцы благоденствовали в этом приюте до наших дней, среди постоянного треволнения сирийского. В XXII главе книги нашей мы упоминали о бедствиях, настигших это племя в 1845 году, вследствие прозелитических подвигов американских миссионеров {1860 году новые кровопролития испытало злополучное племя антиливанских христиан.}. С той поры епархия еще не оправилась; народонаселение обеднело, а церковному и семейному миру постоянно грозит семя раздоров, зароненное в народные страсти.

Православных семейств в Тиро-Сидонской епархии считается до 2500. Впрочем, церковь бедна, и митрополит едва снискивает самонужнейшие свои расходы.

Бейрутская, или, по греческому произношению, Виритская епархия, на север от предыдущей, простирается по берегу до Трипольской, объемля главный хребет Ливана. Основное ее народонаселение – марониты, которых считается здесь до 16 000 семейств. Число друзов полагают до 7000; православных до 5000; униатов около 2500 семейств, а мусульмане, числом до 500 домов, сосредоточены в городе Бейруте. В этой епархии, населенной ливанским, на особых правах состоящим племенем, можно назвать владычествующею верою христианство. По крайней мере, здесь признано Портою в горском управлении совершенное равенство христиан с магометанами в политическом отношении. В эпоху владетельных князей Шихабов, особенно же со времени обращения их в христианство по маронитскому исповеданию, православные горцы терпели на Ливане от католического изуверства преобладающего племени и от тайных козней латинских монахов еще злее гонения, чем от мусульман в странах, подведомых непосредственному управлению турецкому. Гонение это было тем обиднее, что под видом совершенной свободы богослужения оно преимущественно направлялось на духовные средства церкви. Так, например, строжайше воспрещалось основание православного училища, хотя бы в нем ограничивались обучением грамотности.

Ныне, при более либеральном устройстве горского управления, православное племя, как и другие племена горцев ливанских, всего более страдают внутренними враждами и неспособностью пользоваться политическими льготами им дарованными. Этот моральный недуг становится ощутительнее при явной злобе турецких пашей на льготы ливанские. При таких элементах церковь, несмотря на свободу богослужения, подвержена здесь вящим опасностям под влиянием народных страстей. Доказательством тому служит долгое борение партий по смерти митрополита Вениамина, тридцать с лишком лет управлявшего бейрутскою паствою.

В последнее десятилетие значительные улучшения были введены по церковному устройству. Престолу Бейрутскому подчинены пять небольших монастырей ливанских. Из дохода этих монастырей содержится теперь училище в Бейруте. Сверх того при Бейрутской митрополии основана прекрасная типография, единственная в арабской православной церкви {Впоследствии учреждена вторая арабская православная типография при Иерусалимском патриаршем престоле.}. Она снабжает церковь книгами и

руководствами духовно-назидательными для воспитания юношества. Изданный в ней арабский перевод пространного христианского катехизиса Преосвященнейшего Митрополита Филарета произвел благое впечатление на единоверные нам племена сего края и служит лучшим духовным оружием трем восточным престолом, Антиохийскому, Иерусалимскому и Александрийскому, противу постоянного напора западных проповедников. Примечания достойно, что типография, бывшая некогда при Бейрутской митрополии, разрушена нашим флотом при бомбардировании Бейрута в семидесятых годах. Теперь типография восстановлена нашим консульством, при пособии Святейшего Синода Всероссийского. Собор Бейрутский, красивое здание прошедшего века, ныне обогащен и распространен ради умножившегося народонаселения. Он имеет достаточный доход из приписанных ему имений и состоит в ведении не митрополита, но граждан.

Две епархии, Селевкийская и Илиупольская, простираются от Дамаска до северных отраслей Ливана, объемля древнюю Кили-Сирию. Новопосвященный за несколько лет пред сим митрополит Илиупольский был наряжен в Москву для сбора милостыни в 1842 году. Собранные им в России благочестивые подаяния послужили уже на основание Николаевского дамасского собора, о котором мы упоминали. За тем устроил он в Москве дарованное Святейшим Синодом Антиохийскому престолу подворье Вознесенско-Ипатьевское.

По отсутствию епископа Илиупольская епархия состоит ныне в управлении Селевкийского владыки. Обе сии смежные епархии населены большею частию мутуалиями. По обычаю греческой церкви сохраняют они свои древние, классические именованья, по бывшим престольным городам Илиополису (Баальбеку) и Селевкии. Селевкии этой не должно смешивать с другим древним городом сего имени у устьев Оронта, который именуется теперь Суэдиею. Баальбек, древний город солнца, известен своими великолепными колоссальными развалинами, каких нет даже в Древнем Египте, этими десятисаженными скалами, сдвинутыми в помост солнца храма или вытесанными в легкие колонны коринфского ордена. Народ здешний приписывает все эти чудеса зодчества царю Соломону, и гениям, бывшим в его услужении, и влиянию таинственного кольца, символа мудрости и власти у восточных племен, невозвратно утраченного для потомства. Сказание это мусульман и христиан сирийских основано на Книге Царей, где упоминается о великолепии ливанского дворца Соломонова. Зодчество развалин принадлежит веку Адриана и Аврелия; однако нельзя сомневаться в том, что основание храма, неоднократно восстановленного и украшенного, принадлежит весьма глубокой древности, как и самая религия солнца, преобладавшая на Востоке.

Среди племени мутуалиев, занимающего ныне Баальбек, живут немногие христиане униатского исповедания с своим епископом. Православных здесь нет; но город Захле, лежащий у подошв Ливана в 30 верстах и принадлежащий Илиупольской епархии, имеет до 500 православных семейств.

Селевкия Кили-Сирийская и развалин по себе не оставила. Место ее обозначено нынешним местечком Малула, где имеет свое пребывание митрополит. Кроме магометан Алиевой секты, составляющих главное народонаселение обеих епархий, в них считается

до 1000 семейств православных, несколько более униатских, 600 маронитских, около 100 сириан-католиков и до 500 друзов.

Епархия Эмесская и Епифанийская занимают Оронтскую долину вдоль великой пустыни, до пределов Алеппа. Их престольные города – Хомс, коему дано греками название Эмесос, и Хама, арабский город неподалеку от развалин древней Епифании, где ныне деревня Медиан. Эти обширные и плодородные равнины населены мусульманами. Православных домов считается до 800 в Эмесской епархии и около 2000 в Епифанийской. Других христиан почти нет, за исключением 20 семейств, отправших в унию лет за 40 пред сим в Хомсе, и немногих сириан-яковитов в окрестностях Хамы. Над земледелием тяготеет здесь двоякая кара, произвол турецких властей и набеги бедуинов. Промышленная деятельность городских жителей пришла в совершенный упадок с того времени, как Восток наводнился английскими мануфактурами.

Северная оконечность Ливана, именуемая по-арабски Акъар, а по капризам греческой эвфонии прозванная Аркадиею, южные отрасли Кельбийской горы и пролегающая меж этих двух хребтов долина, от Оронта до Средиземного моря, составляют Аркадийскую епархию. Она населена по большей части ансариями. Мусульман здесь немного, а христиан считается до 4000 семейств. Они принадлежат православной церкви, за исключением весьма немногих маронитов. Церковь и народ пользуются здесь льготами горского управления. Семейство православных шейхов Дерхам облечено искони феодальными правами. Народ благоденствует и не лишен воинственных наклонностей, благоприятствуемых местностью. Семейные и феодальные распри ансарийских шейхов Шамсин и Реслан, на соперничество которых опирается влияние турецких властей для сбора податей с этих племен, обуревают по временам край, и еще недавно феодальная гроза Кельбийской горы разразилась над христианским городком Мешта. Аркадийский митрополит проводит лето в своей гористой епархии, а зимою гостит в Триполи.

Триполийская епархия занимает западный скат Ливана и морской берег между Бейрутскою и Аркадийскою епархиями. В ней половину народонаселения составляют мусульмане. В горах живут они в добром согласии с христианами, а в городе славятся своим изуверством. Из остальной половины считается до 2500 семейств православных и несколько более маронитов.

Попытки унии, чтобы сюда проникнуть, доселе безуспешны, несмотря на раздоры между православными приматами и на происки латинского духовенства. Престол Триполийский беден. С епархии и четырех небольших монастырей ливанских едва поступает 15 000 пиастров дохода, слишком недостаточного на содержание архиерея.

Лаодикийская епархия с престольным городом Латакиею, древнею Лаодикиею, обнимает западные отрасли Кельбие, простираясь на север до Врат Сирийских, замыкаемых Тавром, и до епархии Аданской. Горы населены племенами ансариив, равнины – мусульманами и православными. Число последних, вместе с городскими жителями, простирается до 1700 семейств. Сверх того по северным округам обитают около 200 семейств армянского исповедания.

Таврические округа Аданы и Тарса (Тарсус) составляют епархию Адано-Паясийскую, коей второе наименование происходит от бывшего престольного города Паяса, ныне опустелой деревни на Скандерунском заливе. Здесь народонаселение принадлежит уже не арабскому, но малоазийскому племени, и употребительный язык не арабский, но турецкий. Весьма немногие из христиан знают греческий язык, на котором отправляется церковное служение. Около 2000 семейств православных и до 500 армян-григориан составляют христианское народонаселение края. Мусульман считается до 4000 домов, и столько же курдов, туркменов и ансариев, рассеянных по ущелиям Тавра. Православный епископ имеет свое пребывание в Тарсусе, древнем городе времен Соломоновых. Тарс имел несколько периодов благоденствия благодаря местоположению своему внутри ограды Тавра, отсекающего этот плодородный угол от малоазийского материка. В наше время Тарсус восстает опять из своих развалин под живительным влиянием торговли. Ходатайством нашего посольства разрешено теперь основание храма в Тарсусе.

Алеппская епархия носит наименование Веррийской по древнему византийскому имени престольного города Алеппа. С половины прошедшего столетия она перешла в ведение Константинопольского патриарха, по тому случаю, что Антиохийский престол не был уже в состоянии отстаивать в ней небольшие остатки православия и самый собор противу натиска унии. До того времени она была самою цветущею в Сирии, и даже патриархи Антиохийские, вытесненные изуверством мусульман из своего престольного города, желали предпочтительно иметь свое пребывание в Алеппе, потому что самое мусульманское народонаселение этого города, по своей образованности и мягкости нрава, отличалось терпимостию. Это домогательство Антиохийских патриархов было поводом к разрыву с митрополитом Алеппским и к отпадению его и паствы его в унию. Алеппская епархия, объемля округи Орфу и Мараш, простирается до Диарбекира. Но в этих обширных пределах православных семейств едва ли начтется до 300. Кое-где встречаются остатки яковитов и несториан, за обращением массы этих сектаторов в католическое исповедание. Народонаселение армянского племени здесь значительно; и в нем, преимущественно между городскими жителями, католическая пропаганда преуспела. Теперь по ее следам преуспевает и протестантство теми же путями и теми же средствами – льготою политического заступничества у властей, деньгами, а всего более раздражением народных страстей, ссорами семейства и общины, а не проповедию догмата. Из 3000 христианских семейств в самом Алеппе считается не более ста православных, и то самые бедные. Униатов – до 1000 семейств, и столько же маронитов. Православный митрополит Алеппа, по неимению почти никакого дохода из своей епархии, получает содержание от Вселенского престола.

О феодосиопольской епархии, так именуемой в церковном чине по византийскому имени престольного города Эрзурума, хотя и подлежит она Антиохийскому престолу, не будем говорить; она вне пределов страны и предмета нашего.

Амидийская епархия (Диарбекир) отпала в полном составе в унию в прошедшем столетии, вслед за Алеппом. Теперь православие восторжествовало вновь. Униатский ее епископ с половиною паствы своей, по собственному убеждению, стал ходатайствовать в Дамаске и в Константинополе о своем принятии в лоно матери церкви и, не страшась угроз и преследований униатского духовенства и его поборников, предпринял сам путь в

древнюю столицу православия, где воссоединение его и его епархии запечатлено духовным чином и гражданским порядком. За тем был наряжен в Диарбекир от патриарха Антиохийского способный проповедник и богослов из арабов {Пресвитер Спиридион, ныне преподаватель богословия в иерусалимском духовном училище, недавно учрежденном.} для устройства церковного порядка и для духовного оглашения паствы.

Пределы епархии сей слишком неопределительны. Она объемлет обширную страну Курдистана и весь край за Тигром, где, кроме преобладающего полудикого племени курдов, сосредоточены также бодрые массы несторианского племени и исповедания.

От сих крайних пределов православной церкви на Востоке, если взойдем вверх по течению Евфрата и Тигра чрез Ванский пашалык, то среди преобладающего армянского народонаселения, и магометан, и полуязыческих, малоизвестных сект этого края встречаются слабые православные общества до самой границы русской. На Восток за горами курдов – царство Персидское. На юг, по течению Тигра, и в Месопотамии до Персидского залива, есть еще много несториан и якобитов, между которыми деятельно и с успехом подвизаются католические миссионеры; но православия и следов не осталось со времени борьбы византийских императоров с Хозроями за эти обширные степи, искони осужденные волнением ересей. Восточные престолы слишком ныне утомлены, слишком скудны средствами материальными, слишком озабочены самосохранением, при натиске западной пропаганды, чтобы помышлять о племенах, отпавших от церкви в самый цветущий век Византийской империи, когда гонимые ереси стекались отовсюду в пограничные горы и степи, благоприятствуя успехам персидских завоевателей сперва, потом – проповеди магометанского нашествия.

2) Престол Иерусалимский

За Антиохийским патриархом четвертое место в иерархии православной церкви занимает Блаженнейший патриарх Св. града Иерусалима и всея Палестины. Официальные грамоты надписывает он также «Божию милостию», а титул его при пении многолетия провозглашается так: «Блаженнейший, Божественнейший и Святейший Отец и Патриарх Святаго Града Иерусалима и Всея Палестины, Сирии и Аравии за Иорданом, Каны Галилейской и Святаго Сиона Господин и Владыко» {В путешествии к святым местам А.Н. Муравьева сказано, что восточные патриархи носят титул князей. Это кажется не совсем точным переводом слов *Αὐθέντης καὶ Δεσπότης* (греч.). Первое из них есть слово азиатского корня (в Персии ахунд, в Турции эффенди), несмотря на то, что ориенталист г. Сенковский производит наоборот слово эффенди от *Αὐθέντης* (греч.), чуждого греческому языку даже по звуку. Оно встречается в первый раз в Восточной империи в ту эпоху, когда с размножением чинов истощились все титулы греческих и латинских словарей, и всегда значит господин. Владетельных князей подданные называют *Αὐθέντης* (греч.), точно так, как турки, говоря о своем султани, даже о пашах, употребляют выражение эффендимыз, а арабы – аффендина – господин наш. *Δεσπότης* (греч.) по значению, корню и употреблению совершенно соответствует славянскому владыко; в женском роде *Δεσπότης* (греч.) – владычица. В последний период Византийской империи владетельные князья Пелопоннеса и Эпира носили титул деспотов, владык. Но владыка не значит князь. Слова князь нет в греческом языке, как равно нет и слова граф, потому что в Греции не

было ни князей, ни графов. В византийской литературе приняты с латинского языка слова Πρίγγιψ (греч.) и Κόμης (греч.).}

Греческий православный священник. Рисунок акварелью У. Вильда, 1830-е гг.

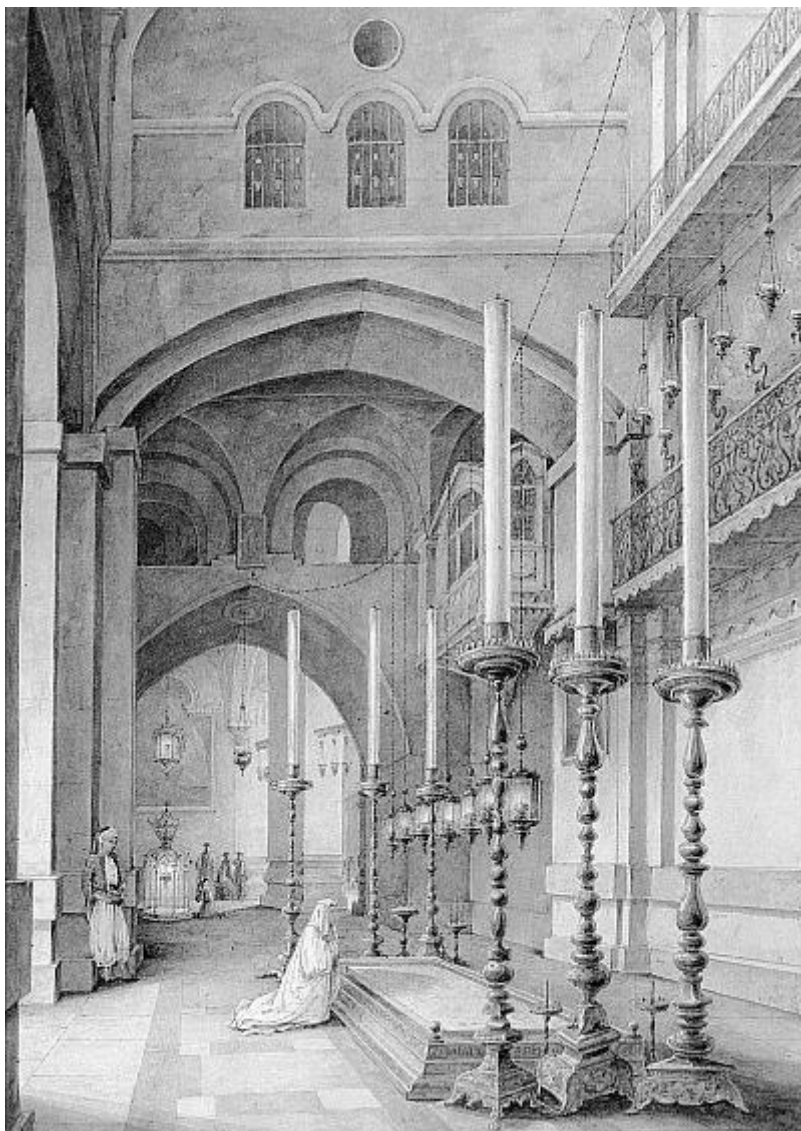
Хранение святых мест и казны Гроба Господня, огромные суммы, проходящие чрез руки иерусалимского духовенства, отношения его к местным властям, к поклонникам и к иноверному духовенству поставляют престол Иерусалимский в особенные обстоятельства, под влиянием которых сохранилась его самостоятельность и древнее право избрания и посвящения патриарха из среды Святогробской братии, без всякого в том участия Вселенского престола. По кончине патриарха Афанасия, в 1844 году, Константинопольский патриарх и его синод и приматы греческие стали домогаться, в противность соборных правил, избрать и посвятить патриарха в Иерусалим и тем самым подчинить престол сей влиянию и надзору столичному, подобно тому как уже подчинен влиянию Вселенской церкви престол Антиохийский. Но заступничеством посольства нашего права церкви ограждены. Избрание преемника было сделано Святогробским духовенством из его среды, собором в самом Иерусалиме, согласно древнему церковному уставу.

Политические права патриарха Иерусалимского те же, что и других патриархов, и подобно им в сношениях своих с правительством он прибегает к посредничеству Вселенского патриарха, имея также своего поверенного в столице для ходатайства по делам престола, с правом входить в непосредственные от своего имени представления в Порту.

В глазах мусульман льготы духовенства Святогробского освящены тою грамотою, которая была пожалована патриарху Софронию от халифа Омара, первого

мусульманского завоевателя Иерусалима. Известно, что предусмотрительная и на мудром политическом расчете основанная благосклонность завоевателя к греческому духовенству простиралась до того, что, даже находясь в храме Воскресения в час мусульманской молитвы, он не исполнил в нем обряда своей веры, но вышел вон, чтобы тем поставить в закон своим преемникам не обращать церквей в мечети. На расстоянии ста шагов от христианской святыни совершил завоеватель свой намаз, а на том месте высится ныне минарет. Подлинная грамота Омара, известная под именем Ахтинаме, хранится как святыня у султанов, а духовенству Гроба Господня выдана скрепленная копия, записанная в актах судебных в мехкеме (духовном судилище). Латины при своем нашествии изгнали греческое духовенство из Иерусалима и постановили свой церковный чин и своих патриархов у Гроба Господня. Затем Салах эд-Дин, благоговев к памяти и примеру Омара, по взятии Иерусалима предоставил христианам заветные их поклонения; но не латинянам, а православным, арабам, которых обладал он, умно домогаясь сочувствия туземных христианских племен в своей борьбе с полчищами Запада. С того времени, при всех обуреваниях Сирии, арабское духовенство вместе с греческим и грузинским оставались единственною стражею святыни иерусалимской; но пришельцы иноземные, как греки, так и грузины, были тщательно отстраняемы от епископства. По иерусалимским преданиям это был бедственный для церкви период. Патриархи служили в ризах полотняных; трикирии были железные; духовенство, епископы и сами патриархи трудами рук своих, ремеслом, тканьем, снискивали хлеб насущный. К этому времени относится отдача внаймы и затем уступка иноверным разных обителей. С водворением греков у Гроба Господня и на патриаршем престоле состояние церкви улучшилось. Это было в начале XVI века. Сказывают, что греческий монах Германос, изучивши в совершенстве арабский язык в Египте, поступил диаконом в монастырь Святогробский, где принимали его за природного араба. Даровитый монах достиг епископства и, наконец, был избран в патриархи. Тогда стал он посвящать в епископы уже греков, а не арабов, а со смертью последних членов Синода из арабов постановил за правило преемникам, чтобы никогда арабу не вверялось епископство в палестинской церкви. Правило это столь строго соблюдается поныне, что арабов не посвящают даже в иеромонахи и не вверяют им никаких хозяйственных должностей монастыря. Действительно, туземцы, окруженные роднею, более способны к злоупотреблениям, чем греки, которые, поступая с молодых лет в монастырь, прирастают, так сказать, к вверенной им святыне и становятся чуждыми и миру внешнему, и родине, и родне. По смерти каждого из них, от патриарха до последнего послушника, в самом ли монастыре или в дальнем краю, на подворье Святогробском, все наследство, без изъятия, поступает в монастырскую казну. Если при ком есть родственники, то под проклятием они не должны касаться наследства, а только по распоряжению Синода выдается им часть в виде милостыни. В буйные времена султанов египетских, эмиров и мамлюков Иерусалимская церковь испытала всякие напасти. Тогда-то ввелось обыкновение произвольных поборов и пеней, от которых до нашего времени продолжали наживаться турецкие паши. Патриархи были обязаны предпринимать странствия в края отдаленные для сбора милостыни, чтобы откупать святыню. Льгота, дарованная Омаром и Салах-Эддином, оставалась мертвою буквою в грамотах завоевателей. Наконец, патриарх Феофан, посвященный в 1608 году, поселился в Константинополе по завоевании Иерусалима Селимом Грозным. Его преемники не только последовали его примеру, но даже с половины прошедшего века вовсе перестали посещать свою епархию. Обстоятельства времени поясняли это отступление от соборных

правил. Патриархи служили в столице ходатаями пред правительством и вельможами за свою церковь, могли жаловаться на злоупотребления местных властей Палестины, а главное – отыскивали в богатой столице Оттоманской и у православных единоплеменных вельмож и князей греческих источники доходов для убогого своего престола на уплату сумм, потребных для охранения святых мест от притязаний ли других исповеданий или от расхищения и осквернения их мусульманами.

Камень помазания в храме

Гроба Господня. Рисунок Н.Г. Чернецова, 1843 г.

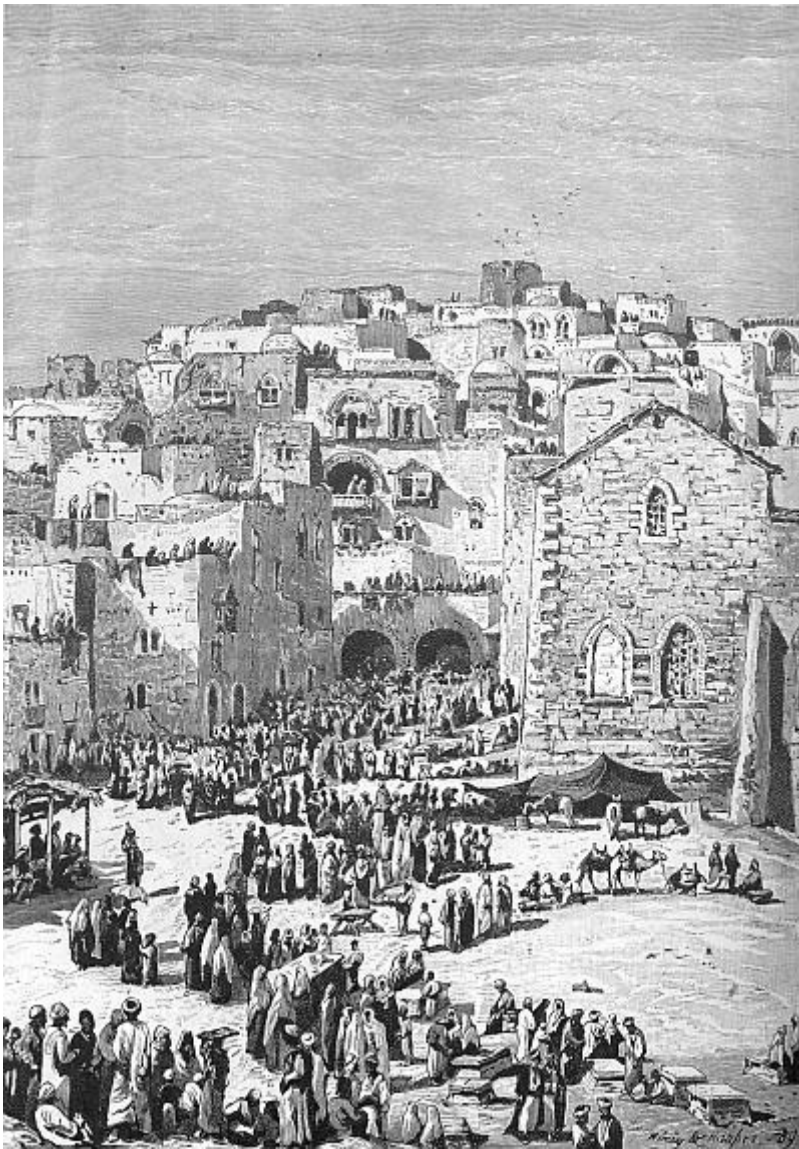
Выше упомянуто об уступке другим исповеданиям разных обитателей в период духовного первенства арабов в Иерусалиме. С усилением армян и латин кругом Гроба Господня православные лишились многих прав своих и были последовательно вытеснены из многих святых мест. Латинское духовенство, благоприятствуемое дипломатическими сношениями французского двора с Египтом, после несчастного крестового похода Людовика ГХ, и затем трактатами Франции с Портою, не только успело в этот долгий промежуток водвориться вновь у Гроба Господня, но даже вместо того, чтобы довольствоваться равными преимуществами с православным исповеданием под мусульманским владычеством, упорно стремилось к совершенному изгнанию греков из Иерусалима, как это было при крестоносцах. Оно воспользовалось уничтожением арабов и

тревогами всего православного Востока в первый, страшный период турецкого завоевания, чтобы завладеть многими из мест святых поклонений и даже лишить православных служения в часовне Гроба Господня.

При таких обстоятельствах пребывание греческого Иерусалимского патриарха в столице было нужно для охранения прав церкви от конечного торжества латинского духовенства, при возрастающем влиянии Франции в великий век Людовика XIV. Россия в те времена ничем иным могла выражать свои сочувствия к страдальческой церкви Востока, как разве подаяниями из скудных своих доходов и редкими паломниками, которые тайком, чрез все опасности, приключения и труды такого странствия, приносили от времени до времени дань народного благоговения к иерусалимской святыне. Но о ходатайстве и заступничестве за святыни и за веру на Востоке, за степями и за морями ей недоступными, она была бессильна и помышлять. Патриархи Иерусалимские, одни, геройским трудом отстаивали свои права против надменных притязаний французского двора. С XVIII веком открылся на Востоке исполинский подвиг Петра и его преемников. Этот ряд блестящих войн, по влиянию их на духовные судьбы Востока, независимо от политического их значения для России и для Европы, мы вправе назвать крестовыми походами нашего отечества; и даже не ради суетной гордости, а в смиренном сознании заслуги, промыслом Вышнего указанной и благословенной последовательным, прочным успехом, мы вправе поставить подвиг этот выше и благороднее всех рыцарских трехвековых походов западных племен в Сирии, и их походов под знаменем креста для меркантильных и корыстных целей, и их нашествия на восточный оплот христианства, и грабежа тысячи церквей, совершенного христианскими рыцарями. Когда Восток огласился нашими победами и начали его племена разгадывать пророчества, хранившиеся в святых обителях, будто духовное их наследие, Порта в порыве злобы стала народными опалами укрощать эти народные сочувствия к великому единоверному племени севера. Но во всяком случае злоба и опасения ее были менее пагубны для народа и для церкви, чем та презрительная невнимательность, с которою дотоле нарушала она, в угоду католикам, льготы, дарованные православной церкви первыми завоевателями. С того времени Порта стала внимательнее к ходатайству духовных и политических представителей подвластного народа, и не только прекратились похищения латин, но даже греки успели исходатайствовать фирманы на возвращение им некоторых из святых мест, отнятых латинами. Так, они в 1787 году вошли опять во владение Вифлеемским храмом, из которого были вытеснены латинами за 114 лет пред тем (1673). В 1808 году сгорел храм Воскресения, в ограде которого заключаются Голгофа, Гроб Господень, пещера Св. Креста и много приделов страстей Господних, с особыми церквями для греков, латин и армян. Во утверждение древних своих прав над сими святыми местами греческое духовенство решилось на исполинский подвиг возобновления храма собственными средствами. Народное благочестие восточных племен с усердием вяло гласу церкви. Всюду открылись подписки, а правительство оттоманское даровало грекам вожделенное право возобновления народной святыни в прежнем виде, с сохранением прежних прав других исповеданий. Миллионы израсходованы на эту колоссальную постройку. Заметим, что мастеровые, леса, мрамор, все, даже известь, высылались из Константинополя. Если взять в соображение скудость местных средств и трудность сообщений, то успех греков в двухгодовой срок доказывает, что и в наше время, и в сих краях, где вера более тысячи лет угнетена, не перестает она творить чудеса. Кроме расходов на постройку, были выданы

миллионы турецким вельможам, в судебные места для получения иламов и других законных актов, пашам Дамаска и Акки, муселимам, старшинам и шейхам палестинским; словом, статья эта – можно утвердительно сказать – удвоила итог расходов.

Иерусалимский престол, всегда убогий от поясненных нами причин, вошел тогда в огромный долг. Но так как милостыни не прекращались и самый успех предприятия, отрадней для народа, благочестиво одушевлял восточные племена и привлекал сугубое число поклонников, то духовенство могло уплачивать проценты своим заимодавцам. Обстоятельство это в такой стране, где нет никаких кредитных постановлений, подало повод к тому, что много мертвых капиталов было вверено Иерусалимскому престолу, не от одних православных, но и от армян, от мусульман и от евреев. Суммы, которыми располагало духовенство Святогробское от сего источника, давали ему средства усиливать свою деятельность и влияние, окружать вверенные страже его поклонения подобающим благолепием и даже содержать больницы и училища народные. Но при первом кризисе не замедлили обнаружиться пагубные последствия системы, слишком несовместной там, где пред взором всех святых Господня. Наступал памятный славою и страданиями для греческого народа 1821 год. Незадолго пред тем успели греки исходатайствовать право богослужения внутри Святого Гроба. Ревнуя последовательным своим успехам и не предвидя политической грозы, висевшей над христианским Востоком, иерусалимское духовенство предприняло постройку огромного монастыря в Вифлееме, расходуя опять миллионы на здание и на турецкие власти для исходатайствования соизволения их. Дотоле финансовые операции сосредоточивались в руках патриарха в Константинополе, а в Иерусалиме получался непосредственный доход только от поклонников. При самом открытии греческой войны поклонникам был пресечен путь в Палестину, а обстоятельства столицы пресекли все источники дохода Святогробского. Иерусалимское духовенство прибегло к местным займам, платя огромные проценты, лишь бы достать денег на содержание монастыря и на свою разорительную постройку в Вифлееме. Меж тем гроза турецкая достигла далекого Иерусалима. В 5 главе книги нашей описаны ее проявление и ее последствия.

Рождество в Вифлееме.

Гравюра XIX в.

Иерусалимское духовенство испило до дна чашу испытаний. Все драгоценности были распроданы; не оставалось в храме ни серебра, ни золота, а долг, которым был обременен престол в Константинополе и в Палестине, доходил до двух миллионов рублей серебром по тогдашнему курсу пиастра. Заимодавцы, мусульмане и евреи, требовали у правительства продажи с публичного торгу монастырей и всего имущества, принадлежащего церкви Гроба Господня.

В 1829 году война с Россией и мир Адрианопольский просветили ум султана Махмуда и внушили ему новую политическую систему в отношении подвластных ему христианских племен и церкви. Милостивым султанским фирманом было поведено, чтобы заимодавцы довольствовались ежегодною платою десятой доли по Святогробским заемным письмам, не считая никаких процентов, для совершенного погашения долга в десятилетний срок. Приписывая в своем фирмане расстройство финансов Святогробских неопытности духовенства в делах хозяйственных, умалчивая, впрочем, о тех злоупотреблениях гражданских властей, о пенях, налогах и грабительствах всяческих, от которых стонала церковь палестинская, султан в первый раз выражал свою благосклонность к

православным своим подданным, после восьмилетней кровавой опалы. Но законов практической веротерпимости нельзя было ожидать в ту пору от султанского правительства, особенно в далекой, анархической стороне. Султан не воспрещал тех местных злоупотреблений, которые потому только приутихали тогда, что грабителям решительно нечего было уже грабить. По крайней мере, воздадим хвалу султану-преобразователю за благое впечатление, произведенное в народе милостивым распоряжением и теоретическою проповедью веротерпимости, и за то, что он, в подкрепление примером своим этого впечатления, сам даровал в Святогробскую казну полмиллиона пиастров, торжественно провезенных чрез улицы столицы из серая к патриарху Иерусалимскому. Правда, милостыня эта была в следующую ночь обратно внесена в султанскую казну, по собственному движению патриарха, который выразил от имени всего народа признательность султану, объясняя, что впечатление, произведенное его милостивым вниманием, дороже миллионов. И действительно, церковь ободрилась с той поры; власти стали внимательнее к ее жалобам, а фанатизм владетельного племени более укрощен примером султана, чем всеми красноречивыми хатти шерифами царствования Абдул-Меджида. Меж тем начались по всему православному миру милостынные сборы для уплаты долга Святогробского. В Россию был наряжен архиепископ Фаворский. Он собрал в несколько лет более 300 000 руб. серебром. Народ сербский внес более 10 000 червонцев. Западные ветви славянского древа и церкви православной принесли также свою дань общей святыне; около 80 000 руб. серебром было собрано в православных церквях Австрийской империи. В пределах Оттоманской империи, кроме добровольных взносов, все православные общины обложили сами себя поголовным сбором для Иерусалима.

Мы говорили уже, что султанское правительство не было в состоянии приступить к искоренению местных злоупотреблений, которые были готовы возобновиться в Иерусалиме при первых признаках возрождавшегося благосостояния церкви. То, чего не мог сделать законный государь в этой анархической стороне, сделал бунтовщик Ибрахим-паша, о заслугах которого в этом отношении мы неоднократно имели случай говорить. Насильно установленная им веротерпимость в покоренной области всего более благоприятствовала не только успешной уплате долгов, но и постепенному улучшению по содержанию монастыря и рвению духовенства к восстановлению утраченного благолепия кругом святыни. С успехами административного устройства края притекли от всех концов православного мира поклонники ко Гробу Господню. Нельзя не упомянуть здесь об отставных солдатах и урядниках казачьих, которые из Кяхты, из Камчатки и из Томска совершили поход этот с посохом поклонническим.

При восстановлении султановой власти в Сирии благие учреждения Ибрахима были подтверждены по ходатайству русского посольства и при постоянной заботе наших агентов. Местные начальства удостоверились в том, что старый источник незаконных доходов иссяк и что святыня христианская не будет уже предоставлена их произволу. Под сими знаменами долги были сполна уплачены к 1844 году, и тогда же начались огромные починки по зданиям Святогробским и другие необходимые улучшения.

Мы упоминали о тех обстоятельствах, которые заставили патриархов Иерусалимских переселиться в Константинополь. Во весь период отсутствия патриархов церковь была

управляема от их имени наместниками, по их назначению, из членов Иерусалимского синода. Когда же обстоятельства изменились благоприятным устройством хозяйственных дел и воспрещением пеней и произвольных поборов, отсутствие владыки Иерусалимского уже было не только без цели, но даже предосудительно для прямых и существенных польз его престола, особенно когда западная пропаганда стала, после войны 1840 года, усиливать свои средства в этой стороне оттоманского Востока. Для поддержания подобающего блеска Иерусалимского престола и прав его и православной паствы палестинской было необходимо присутствие самого патриарха. По смерти патриарха Афанасия и среди происков столичных, о которых мы упоминали, церковь Иерусалимская стяжала и ту выгоду, что по поводу избрания соборным чином в патриархи, в самом Иерусалиме, бывшего наместника Кирилла, архиепископа Лиддского, новый владыка остался на постоянное жительство в самом Иерусалиме {Таково было решение патриарха Кирилла, когда писалась эта книга. Вскоре за тем блаженнейший Кирилл, под разными предложениями, переехал на жительство в Константинополь. По крайней мере, он навещает от времени до времени престол.}.

Этот краткий исторический обзор показался нам необходимым для пояснения нынешнего состояния Иерусалимской церкви. Начнем с хозяйственной стороны, дабы вернее оценить стяжаемый ныне успех духовный и меру законных ожиданий наших в будущем.

Ни патриарх Иерусалимский, ни епископы палестинской церкви, за исключением Птолемаидского, не получают никаких доходов от своих епархий. В них число православных христиан весьма ограничено, и то люди бедные, более нуждающиеся в пособии от церкви, чем способные доставить духовенству доход. От казны Гроба Господня содержится духовенство, святые места и, можно сказать, вся церковь палестинская, и самое православие в сей стороне, заветной его колыбели. По своим судьбам, по святине и по чувству, внушаемому сладким именем Иерусалима во весь мир христианский, город этот имеет право на благочестивые подаяния племен, озаренных светом, нисшедшим от неба на его скалы и преобразившим мир.

Доход казны Святогробской можно разделить на три разряда.

1-е. От имуществ (вакф), приписанных ко Гробу Господню на известных условиях, или безусловно подаренных, или завещанных, или купленных духовенством в разные эпохи в разных странах.

2-е. От поклонников, посещающих святые места.

3-е. От добровольных взносов и вкладов.

Во всех почти больших городах Оттоманской империи есть подворья Святогробские (метохии). В Москве существует также с давних времен подворье Иерусалимское, а в Бессарабии и в Грузии, когда вошли области эти в состав империи, права бывших там Святогробских подворий и имуществ утверждены нашим правительством. В Греции, по усилении в правительстве народной стихии (1843 г.), бывшие там под турецким

владычеством подворья Святогробские возвращены духовному их ведомству. В совокупности число подворий, больших и малых, простирается, таким образом, до 150.

Каждое из них заведывается домами, садами, землями и деревнями, приписанными Гробу Господню в его округе. Эта часть управления пребывает доселе не в цветущем состоянии, и надлежащее ее устройство требует много времени и трудов, а главное – способностей и бескорыстия, какие редко встречаются в совокупности. Усилия, приложенные нынешним патриархом для составления даже простой описи недвижимого имущества престола, по всем его подворьям, остались доселе безуспешны; а опись точная и подробная есть первое и необходимое условие для введения лучшего порядка. Главное к тому препятствие возникает от самого духовенства. Заметим мимоходом, что возданная нами неоднократно добросовестная хвала иерусалимскому духовенству относится к лицам, постоянно пребывающим в самом Иерусалиме и которых мы тщательно отличаем от тех, которые заняты более хозяйственными делами по имениям. Настоятели, которым вверяется подворье и имущество, полюбили старинный порядок, в силу коего они, при назначении своем в эти должности, вносят некоторую сумму, а затем обязаны ежегодную платою в казну Святогробскую, будто на праве откупном. Отчета же никакого не дают они по своему управлению. Поэтому весьма естественно они не желают доставить своему начальству сведения, нужные для описи и для приведения в ясность дохода. Надзор за ними, отчетность и контроль, по дальности расстояния и по неимению нужных местных сведений духовным начальством – невозможны. Принятые нынешним патриархом частные меры ввели некоторые улучшения, и доход умножился; но еще далеко и трудно достигнуть удовлетворительного устройства.

В Валахии и Молдавии обширные поместья принадлежат престолу Иерусалимскому. В разные эпохи, преимущественно в период греческих господарей и пребывания патриархов в Константинополе, много земель было подарено князьями и боярами в церковь Гроба Господня. При бедственном состоянии, в котором томились Дунайские княжества в старину, когда турецкое правительство забирало оттуда по произволу пашей и комиссаров все продукты, когда ватаги вооруженных бродяг топтали и грабили эти богатые области, а устья Дуная были закрыты торговле, доходы Иерусалимского престола с имений, ему принадлежащих в княжествах, были ничтожны. Война 1828 – 29 года открыла новую эру благоденствия и промышленного развития для Дунайских княжеств. Известно, что менее чем в пятнадцать лет удесятился доход поземельной собственности в обоих княжествах. Святогробский монастырь стал получать значительные суммы с поместий и подворий, которыми он владеет в княжествах, хотя управление этих имуществ пребывает по-прежнему в хаотическом состоянии. Бояре и правительство в обоих княжествах с досадою и завистию смотрят на вывозимые из края суммы. Заметим, что и другие православные престолы и многие монастыри на Востоке, особенно Афонские обители и гора Синайская, на том же основании владеют поместьями в княжествах и что чуть ли не десятая доля поземельной собственности края принадлежит, таким образом, греческой церкви. Но не все эти имущества были подарены или завещаны князьями и боярами. Искони поземельная собственность в княжествах была лучше обеспечена, чем в других областях оттоманских, и потому греческая церковь, лишенная всего своего имущества по завоевании Востока турками, как только могла впоследствии располагать какою-нибудь суммою, старалась приобретать собственность в Валахии и в Молдавии для получения

постоянного, хотя бы самого умеренного дохода. Даже частные лица, богатые греки в Константинополе и в провинциях, когда хотели обеспечить постоянное пособие основанной ими церкви в родной стороне, или монастырю, или училищу, или больнице, покупали недвижимое имущество в княжествах.

Православный паломник. Рисунок акварелью У.

Вильда, 1830-е гг.

Первым ощутительным плодом суетливых успехов просвещения и вторжения новых нравов в княжества была непомерная роскошь, или, вернее сказать, мотовство самое бестолковое. Молодой боярин, наряженный в парижские моды вместо отцовской шубы и промотавший в Вене или в Париже будущие доходы с заложенного дедовского имения, может ли теперь равнодушно смотреть на часть того имения, записанную на помяну дедом или прадедом во Гроб Господень, когда она приносила червонцев двадцать дохода, а ныне откупается она арендатором у Святогробского монаха за 500 червонцев или за 1000? Притязания бояр покрываются личиною благочестивого попечения о местных духовных пользах, о богоугодных заведениях в самом краю, и выражаются жалобами на духовенство, будто бы оно не заботится о приходах и церквах, ему присвоенных, в самих княжествах, на запустение обителей. Нам неизвестно, насколько в этом отношении доводы бояр основательны, особенно по тем имуществам, которые были приписаны греческой церкви под условием, выраженным в дарственной грамоте или в духовном завещании дарителя. Само собою разумеется, что бояре и правительство, которые стремятся к тому, чтобы конфисковать церковное имущество, хотят все подвести под категорию условных приношений. Духовенство с своей стороны силится освободить себя от всякого контроля по управлению. Это спорное дело длится с 1830-х годов, и нельзя еще предвидеть, когда оно кончится.

По вышеизложенным сведениям очевидно, что даже приблизительно нельзя определить доходов Иерусалимского престола с имуществ, преклоненных Святому Гробу. Можно предположить, что в настоящее время доход простирается до полутора миллионов пиастров (около 90 000 руб. серебром) со всех подворий, заведывающих недвижимым имуществом {Напоминаем читателю, что сведения эти относятся к 1846 – 47 годам. К 1860 году доход с имуществ Святогробских, по всей вероятности, превышал сумму 300 000 руб., судя по прогрессивному и повсеместному возвышению всех ценностей. Значительная часть дохода употребляется, впрочем, на содержание самих подворий, заведывающих поместьями.}. Доход этот может быть значительно усилен при надлежащем устройстве и хорошем управлении. В самом Иерусалиме более пятидесяти домов принадлежит монастырю, но дохода с них нет; они отводятся для поклонников в случае большого их стечения, или помещаются в них бедные туземные православные семейства.

Русский проскититарий «Описание Иерусалима» с изображением храма Гроба Господня. 1748.

Доход от поклонников соразмерен их числу, а число их зависит от политических обстоятельств края, от удобств сообщений и пр. Бывает до пяти и до шести тысяч

поклонников в год; бывает и ни одного. Средним числом можно определить с 800 поклонников 150 000 пиастров ежегодного дохода. Заметим, что не все поклонники приносят подаяние ко Гробу Господню. Меж ними много бедных, иногда сотни бедных, которые получают безденежно помещение в монастырях, пищу и харчи и милостыню на обратный путь. Главный доход от поклонников состоит в записывании имен их для помин в присутствии собора; причем каждый из них, по мере средств и усердия, приносит свой вклад. Это составляет собственно доход Святогробской казны; затем при посещении монастырей и святых мест каждый поклонник оставляет что-либо монахам, к оным приставленным. Этот частный доход обращается на содержание сих самих поклонений и монастырей. От поклонников и епископы Иерусалимского синода получают также некоторый доход при исповеди, на том основании, что право исповеди поклонников в Иерусалиме предоставлено одним епископам. Этот единственный скудный доход (от 100 до 250 рублей серебром для каждого епископа) доставляет почтенным старцам одежду и обувь; ибо от монастыря и того не получают они, в предупреждение расточительности {Да не упрекнет читатель за эти мелочи; да не найдет их излишними. Сердцу русского православного читателя не должны казаться пустословием никакие подробности о Гробе Господнем. Бог сподобил нам быть ныне первенствующим племенем в семье православной. Материальным и моральным влиянием России и мудрыми действиями правительства нашего открылась новая эра для православия на Востоке. В этом простом статистическом изложении мы тщательно избегаем всякого восторженного выражения, даже говоря о стране и о памятниках чистейших восторгов христианских. В сем отношении укажем читателю на путешествия наших предшественников и приятелей гг. Муравьева и Норова. Но случилось нам слышать много жалоб на Святогробскую братию, много всяческих суждений о хозяйственном управлении монастыря, об употреблении благочестивых подаяний, из России приносимых к святыне иерусалимской, о тех суммах, в которых милостыня богача и вельможи сходится с лептою вдовы и инвалида. Слышали мы горькие жалобы от соотечественников наших за то, что в монастыре Иерусалимском, куда стекаются миллионы, было им отказано во французском вине. Не станем никого осуждать; но жалеем о том, что люди, посетившие Иерусалим, так мало успели вникнуть в дела по управлению Святогробскому, а за тем по неведению грешат неправедною хулою. Скажем откровенно: заслугами Святогробского духовенства вправе утешаться в наш век православная церковь, а заслуги эти оценит тот только, кто вникнет в смысл политических и хозяйственных обстоятельств восточной церкви в эти трудные времена, когда гений разрушения так злобно силится всюду проникнуть. Вместо всяких похвал и восторгов, вместо всяких литературных прикрас, но с убеждением в точности и полноте сведений наших о предмете, излагаем те подробности, которыми преимущественно объясняется сущность дела. }.

Наконец, последняя статья Святогробского дохода – взносы, вклады и приношения добровольные, еще неопределительнее. Мы упоминали уже о чрезвычайных пожертвованиях на возобновление храма после пожара и на уплату долгов. В настоящее время можно предположить до 20 000 руб. серебром в год дохода от сих приношений и от сбора милостыни для Гроба Господня. Две трети сей суммы составляют учрежденный в России благочестивыми заботами правительства нашего кружечный сбор для Гроба Господня.

Итак, все доходы Иерусалимского престола или казны Святогробской простираются до 120 000 руб. серебром. Как ни велика покажется эта сумма, стоит вникнуть в нужды престола, чтобы убедиться в скудости средств палестинской церкви. Но упомянем предварительно о богатстве святых поклонений в настоящее время, в сравнении с тем, что было до 1821 года. Мы имели уже случай говорить, что в пору турецкой опалы около 2 000 пудов серебра и до сорока пудов золота было обращено в слитки. В исходе этого зловещего периода ничего уже не оставалось от прежнего богатства и благолепия кругом святых поклонений, за исключением риз, шитых жемчугом, подаренных в прошедшем столетии от грузинских царей, да немногих алмазов, сохраненных патриархом в Константинопольском подворье от старых митр и посохов. Те несметные сокровища, которые, по народным повериям, хранились в тайниках Святогробских, сами собою рушились пред фактами нагрянувших бед и нищеты. Ныне, благодаря отдыху церкви и обстоятельствам, а всего более благочестию русских, постепенно украшающему святыню, можно оценить в 200 000 руб. серебром лампы, подсвечники, оклады, драгоценные камни, ризы и все эти приношения, служащие к благолепию церкви и богослужения во всех поклонениях палестинских. Богатство это, составляющее во всех отношениях существенную необходимость церкви, особенно в Палестине, постепенно умножается стараниями патриарха; хотя монастырь Святогробский вряд ли обеспечен от кризисов, подобных тому, в который не одни лампы, но и святые сосуды и образные оклады были обращены в слитки для сбережения святыни Святогробской от осквернения. Вряд ли обеспечен самый храм от покушений правоверной черни Иерусалима и его окрестностей, которая при всяком политическом волнении расположена ограбить святые поклонения.

Мы объясняли уже, что до 1844 года главною статьею расходов Святогробской казны было погашение долга. Меж тем заживали мало-помалу язвы турецкой опалы, и под благодетельным влиянием льгот, дарованных церкви египетским пашою, улучшалось состояние монастыря. Быстрое умножение доходов позволило духовному начальству, за срочными платежами по старым долговым обязательствам, употреблять значительные суммы на обновление зданий, распадавшихся от ветхости и запущения, равно и на духовное попечение о пастве. Не менее того соблюдалась строжайшая бережливость по содержанию монастыря. Только наместники и лица, имевшие особые должности, пользовались столом, а остальным отпускалась скудная порция, епископам и монахам, которая обходилась круглым числом около четырех руб. серебром в месяц. Пребывание нового патриарха в самом Иерусалиме всего более споспешествовало, после 1844 года, к водворению нового хозяйственного устройства по монастырю, равно и к усилению духовных забот о пастве. В настоящее время расходы Иерусалимского престола едва покрываются доходом, на следующем основании. Расход можно разделить на три отрасли.

- A. Материальное содержание монастырей и святых поклонений.
- B. Духовные потребности паствы палестинской.
- C. Ходатайство о правах и преимуществах православной церкви в борьбе с притязаниями других церквей.

Более миллиона трехсот тысяч пиастров потребно на первую из сих статей. Сюда относится:

1-е. Содержание Святогробского монастыря, епископов, в нем пребывающих, всего духовенства и двух монастырских церквей, равно и патриаршего двора, самого владыки и всего причета, в том числе и турецкой почетной стражи (кавасов), столь и одеяние с лишком трехсот лиц духовных и прислуги. Отчетность монастырская слишком неустроена, чтобы в точности можно было определить расход этот. Он доходит до 600 000 пиастров.

2-е. Затем бывший в Константинополе патриарший дом, ныне подворье, в котором пребывает наместник патриарший с причетом для ходатайства по делам престола в столице, обходится около 150 000 пиастров.

3-е. Храм Воскресения, со всеми святыми поклонениями, в ограде его стоящими, воск и масло, духовенство, безвыходно пребывающее внутри храма, турецкая стража и проч. требуют не менее 150 000 пиастров ежегодного расхода.

4-е. Другие поклонения вне храма и монастыри, которых частный доход слишком недостаточен, в том числе Вифлеем и Саввинский монастырь, получают пособия из казны Святогробской около 100 000 пиастров круглым числом.

5-е. Наконец, починка зданий монастырских, храмов и святых поклонений требует и поныне по крайней мере 300 000 пиастров ежегодного расхода. Далее укажем на произведенные починки и на предстоящую необходимость еще значительных пожертвований на сей предмет. Здесь ограничимся замечанием, что на постройки и починки, равно и на некоторые покупки домов и мест по соседству монастырей, израсходовано с 1833 года по сие время (1847 г.) более миллиона рублей серебром, или семнадцати миллионов пиастров; а это было необходимо, ибо столько веков лежало на этих двенадцативековых зданиях воспрещение всякой починки, что многие из них были уже в развалинах, а другие грозили разрушением. Вспомним, что поправка разбитой ставни или починка кровли от течи служили поводом к разорительному преследованию от местных турецких властей, а исходатайствование каждый раз фирманов было сопряжено с трудами и расходами невероятными. Что касается до покупки домов и мест в самом Иерусалиме, то в сем отношении нам представляется излишним распространять недвижимое имущество церкви Гроба Господня, и притом не для выгоды какой, не для дохода или удобства, а только из состязания с армянами или латинами. Иерусалимские мусульмане и в этом случае извлекают свои выгоды от соперничества вероисповеданий; хозяева сбывают свои дома, предлагая то тем, то другим и уступая тому, кто надбавит более.

Под именем духовных потребностей паствы мы разумеем те расходы, которые обязан принимать на себя Иерусалимский престол собственно в пользу народа. По соображению с духовным и политическим состоянием края они состоят в следующем.

1-е. На пособие епархиальным и сельским церквам, на постепенное украшение их, на поддержание священников и их семейств в малолюдных приходах, на починку или постройку от времени до времени сельских церквей, на снабжение их утварью и служебниками патриарх обязан жертвовать ежегодно до 100 000 пиастров.

2-е. Столько же платится ежегодно за разные подати и повинности народа правительству. За всех православных жителей Иерусалима, по бедности их и по праву, обычаем введенному, казенные повинности уплачиваются монастырем. Многим сельским обществам предоставлена та же льгота, и вообще по всем местностям Палестины за неимущих христиан, при раскладке податей, значительная доля платится церкви. Латины и армяне соблюдают то же правило, и в случае отказа православным в этом притязании латинство готово их заманить. Заметим здесь, что и в самую бедственную для палестинской церкви эпоху, когда братия подвергалась всем лишениям и всем испытаниям, это бремя всегда лежало на монастыре, и хотя не в таком количестве, как ныне, однако и тогда уплачивались подати за бедных христиан. Если поклонения охранены от притязаний других исповеданий, равномерно и паства спасена от прозелитизма.

3-е. Существеннейшую потребность духовной жизни в Палестине составляет содержание училищ. Около 150 000 пиастров расходуется ежегодно от казны Святогробской на сей предмет {В 1853 году расход этот достигал 500 000 пиастров.}. Училища здесь имеют двоякую цель: охранение паствы от западного прозелитизма и воспитание духовенства. Известно, что самым действительным орудием в руках миссионеров латинской церкви и протестантских обществ служит на Востоке воспитание юношества всех сословий, от феодальных семейств до земледельческих общин. Не здесь место разбирать последствия этого вторжения науки, или, лучше сказать, плохой грамоты, и его влияние на судьбы обществ и на благосостояние человека и сельского его быта. Ограничимся нашею точкою зрения. Церковь всего прежде должна заботиться о сбережении своей паствы. Миссионеры не только в городах, но и в селах учреждают свои школы, безденежно снабжают детей книгами, и в эту тревожную пору всех умственных влияний на Востоке сулят народу воспитание и всякие блага. В отвращение наносимых ей ударов это же оружие должна употреблять церковь, часто даже против собственного убеждения в пользу содержимых ею училищ. Более двадцати пяти школ основано таким образом в последнее десятилетие. В них обучают детей арабской грамоте, молитвам, чтению псалтыря и посланий. Сверхжалованья наставникам патриарх обязан все учебные пособия безденежно посылать из Иерусалима, а всего прежде – строить здание училищное из Святогробских денег. В трех значительнейших городах престола, в Иерусалиме, в Яффе и в Акке, эти народные училища преуспевают и приносят существенную пользу воспитания горожанам. Затем в самом монастыре Святогробском содержится духовное училище для молодых послушников, грядущих служителей палестинской церкви. Круг учения объемлет греческую литературу, богословие, толкование отцов церкви, географию и историю. По этой части остается еще многого желать {В 1852 году в Крестовой обители основана духовная академия; затем патриарх Кирилл учредил типографию греческую и арабскую.}.

Чрез длинный ряд веков, испытавших греческую церковь всеми напастями, она не отлучилась от древнего наследия науки. Когда рушилась профессорская кафедра в повсеместном политическом треволнении Востока, наука укрылась в свое законное пристанище, в церковь, и келейным воспитанием переходила в духовные поколения служителей алтаря. В этом ряду писателей, проповедников и ученых святителей Иерусалим являет великие имена Досифея, Хрисанфа и других мужей, которых энциклопедическая ученость непостижима, судя по скудости средств келейных, где почерпнули они науку. Переворот 1821 года и затем гражданские преобразования турецкой империи не возымели доселе благого влияния на духовное образование Востока. Все это слишком тревожно объемлет народные умы; повсюду суетливо учреждаются училища; число полуграмотных без счета размножается; но в существе учености менее теперь, чем когда-либо, и нельзя без грусти озирать перспективу духовного быта восточных племен. Теперь доживают свой век в Святогробском монастыре два ученые старца Иоиль и Анфим, обер-секретарь правления Святогробского, под руководством которых в скромной келии получили образование их послушники {Архимандрит Никифор, послушник и воспитанник преподобного Анфима, умершего в глубокой старости, занял впоследствии его место.}.

Нынешний патриарх, равно как и предшественник его Афанасий, приложили ревностное попечение и сделали значительные пожертвования для водворения науки внутри Святогробской обители и для доставления средств к образованию молодым послушникам и диаконам монастырским, которых число простирается до сорока. Но всегда главною тому препоною был недостаток в преподавателях и трудность приискать наставников духовного звания, даже за большое содержание. Этим подтверждается сделанное нами замечание о впадении духовного образования в современном Востоке. Патриарх Афанасий решился даже послать, на монастырском иждивении, в афинские школы и в Германию несколько молодых людей, обязавшихся посвятить себя служению престола. По возвращении их пришлось только жалеть об учиненных расходах без проку и без пользы для монастыря.

В текущем году (1847) патриарх Кирилл предпринял дело, которого успех может направить к результатам благим для престола и для паствы. Сверх помянутого нами духовного училища внутри обители, он пригласил в Иерусалим весьма способного наставника и проповедника из арабов, с тем, чтобы вверить ему воспитание пятнадцати священнических детей, предназначенных в духовное звание. Таким образом надеется он заменить нынешнее необразованное и уничиженное арабское духовенство новым поколением пресвитеров образованных и способных преподавать слово Божие арабам.

4-е. К духовным потребностям паствы мы должны сопричислить милостыню, которая раздается из монастыря в самом Иерусалиме, равно как из подворья Святогробского в Константинополе, и гостеприимство монастырское. Все убогие семейства православные в Иерусалиме (в числе около 1000 душ) получают пищу из монастыря. Им выдаются ежедневно порция хлеба, супу и постного масла. Большая часть их помещаются в домах монастырских. Много бедных поклонников получают также безденежно помещение в монастырях и пищу. Самым убогим дается на зиму одежда. А вообще для всех православных жителей Иерусалима и для всех поклонников выдаются безденежно все

лекарства из монастырской аптеки, и врач, состоящий при монастыре на жалованье, обязан всех пользоваться и даже посещать другие местности Палестины для пособия православным жителям, особенно в случае повальных болезней. Сверх того по субботам круглый год, а в Великий пост ежедневно, по вечерам, раздается много хлеба нищим всех исповеданий у монастырских ворот. Это милостыня в первобытном патриархальном виде. Затем монастырь оказывает много пособий почетным православным арабским семействам не только Палестины, но и вне пределов престола, в случае крайних бедствий {Во все время пребывания моего в Сирии, когда случались народные бедствия в Дамаске, в Алеппе, на Ливане, иерусалимское духовенство никогда не отказывало в пособии.}.

По мере того как хозяйственные дела монастыря Святогробского восстанавливались в последнее десятилетие, умножились и притязания паствы, которая по близости своей к святым местам привыкла искони почитать себя привилегированным племенем и с первых веков христианства привыкла получать милостыню извне и всякие льготы и пособия. Отказ монастыря и равнодушие к бедным и болящим охладили бы народ, тем более что латинское духовенство усердно печется о своей палестинской пастве и делает значительные пожертвования.

Прием гостей всякого звания, от почетного путешественника до палестинского поселенца, идущего в Иерусалим хлопотать по своим делам, составляет также значительный расход для монастыря. Из Константинопольского подворья выдается ежегодно, по распоряжению патриарха, значительная сумма в пособие народным больницам, училищам и бедным семействам.

Все эти статьи в совокупности, в том числе содержание врача, аптеки и аптекаря и поездки врача по епархии, представляют в итоге не менее 200 000 пиастров {В 1853 году статья эта доходила до 500 000 пиастров.}.

Нам остается говорить о третьей отрасли расходов Святогробской казны, по ходатайству о правах и преимуществах православной церкви.

В силу запретительных мер оттоманского законодательства против церкви христианской, а еще более по поводу взаимных состязаний христианских исповеданий кругом заветных поклонений Палестины, расходы эти весьма значительны и представляют в ежегодном итоге по крайней мере 250 000 пиастров. Сюда относим:

- 1) периодическое исходатайствование фирманов в подтверждение ли древних прав церкви или для предстоящих строений и починок;
- 2) расходы судопроизводства;
- 3) обычные подарки.

Ныне запретительные меры законодательства относительно церкви несколько смягчились в Турции, а главное – злоупотребления местных властей по этому предмету обратили на себя внимание правительства, и исходатайствование фирмана уже незаметно, если не предстоит состязания других исповеданий и потребность

судебного разбирательства. Вспомним, что в старину фирманы оплачивались вельможам столичным сотнями тысяч, а препятствия местных влияний по исполнению фирманов устранялись также сотнями тысяч. В 1848 году издан султанский фирман на имя патриарха Вселенского о сокращении делопроизводства по починкам и обновлениям христианских храмов. Таким образом, веротерпимость, вошедшая в политическую систему Порты после Адрианопольского мира и после бедственных для нее последствий тех чудовищных преследований на церковь и тех кровавых опал, которыми было ознаменовано предшествовавшее семилетие, обозначается последовательными успехами как в проявлении правительственной власти, так и в понятиях народных и в самом законодательстве. Но в Иерусалиме зло прежней системы так укоренилось, что и теперь превозмогает оно порою столичные предписания, а потому самое исполнение по фирманам никогда почти не обойдется без значительных расходов. Сверх того иламы, или судебные свидетельства, на основании которых издаются фирманы, обходятся не даром. Самые кешвы, или следственные дела при выдаче илама, причиняют значительный расход.

Все это делопроизводство становится и много сложнее, и несравненно дороже, когда предстоит спорное разбирательство между правами двух исповеданий по какому бы то ни было делу. Судопроизводство в оттоманском законе обложено значительными пошлинами, как и в европейских государствах, с тою разницею, что пошлина эта поступает не в казну, а в карман судей. Об этом упоминали мы в статье о мусульманских судилищах. Ограничимся здесь замечанием, что по турецкой системе интерес судии благоприятствует запутанности дела. Есть еще правило в турецком законодательстве, совершенно противоположное нашим юридическим теориям: все расходы процесса лежат не на виновном, а на том, который выигрывает процесс. В простоте аравийского кочевья – этого зачатка гражданского общества мусульман – законодатель мог, из участия к осужденному, освободить его от уплаты расходов; но легко себе представить, к каким безнравственным последствиям ведет теперь это правило. Должник волен уклоняться от своего обязательства, а когда прибегнете к суду и принудите его заплатить, то всего прежде суд учтет свои проценты. В процессах по делам Святогробским между разными исповеданиями это разорительно. При постоянной, жалостной вражде между греками, латинами и армянами за обладание святыми местами самая безосновательная попытка одного из исповеданий противу законных, неоспоримых прав другого не только остается безнаказанною, но сверх того доставляет зачинщику спора удовольствие разорять соперника судебными расходами. Теперь, при возрастающем благосостоянии греческого монастыря, армяне, а в особенности латины неоднократно из одной зависти доставили себе подобное удовольствие. То откроют иск по своему ли капризу или по наущению судей и писцов иерусалимских, то заведут ссору в Вифлееме по пустякам. Наряжается следствие; из Иерусалима поднимается весь причет судебный, иногда и сам паша, а греки обязаны уплачивать то 10, то 20 000 пиастров на расходы за эти многолюдные поездки. Очевидно, такие дела несовместны с духом религии, во имя коей они совершаются ее служителями у порога святейших ее памятников. Но, вместо упрека на духовные общества того или другого исповедания, справедливее будет, когда вникнем беспристрастно в те обстоятельства и в те взаимные отношения, в которых общества эти поставлены, жалеть о них, рыдать по христианскому чувству о Иерусалиме, как рыдают о нем евреи, во исполнение пророчеств.

И в самом деле, кто из посетителей Святого града, не исключая даже и самых образованных и самых беспристрастных, не произнес укоризненного приговора над этими обществами? Разница в том, что если не из религиозного рвения, то по чувству народного самолюбия мы осуждаем латинское духовенство Иерусалима, католики осуждают греков, а протестанты тех и других. Между тем добросовестное, подробное исследование края, законов, обычаев, прав, местностей, самих предметов, привлекающих благоговение наше в Иерусалиме, словом, всех тех условий, в которых поставлены представители трех первенствующих церквей у Гроба Господня, убедит нас окончательно в том, что не людей мы вправе винить в изуверстве, в невежестве, в корысти, в ябеде, во всех пороках, так безотчетно приписываемых то тем, то другим, но именно те условия, те обстоятельства, в которых поставлены труженики разных исповеданий христианских, окрест предметов нашего почитания, под судом и расправою мусульман.

Таково личное убеждение наше; чтобы передать его читателю, надлежало бы представить здесь полный устав о правах, обычаях и притязаниях каждого исповедания, с толкованием о значении каждой лампы, и о том, какую важность представляет в турецком законодательстве право сметать пыль, например, с такого-то угла. Этим пояснились бы странные процессы между исповеданиями, разорительные процессы по предметам самым маловажным, восходящие до самого султана и требующие дипломатического ходатайства европейских посольств. Поленилось бы и то, каким образом оплошность какого-нибудь пономаря и шалость заезжего поклонника подают иногда повод к этим процессам. Но предмет скучен и не входит в пределы моего труда. Ограничиваюсь следующим замечанием. Права христианских исповеданий на святые места можно разделить на три категории: 1) права исторические, 2) права приказные, 3) права существующего обычая или факта.

Каждое исповедание почерпает в своей истории права и притязания на исключительное владение святыми местами. Греки говорят: все это воздвигнуто нашими императорами Константином, Еленою, Юстинианом. Латины отвечают, что те императоры были латинского закона. Армяне в свою очередь уверяют, что императоры исповедовали григорианское учение. Греки присовокупляют: по завоевании Иерусалима мусульманами нам и патриарху нашему Софронию были исключительно дарованы святые места. Латины возражают – а потоки западной крови, а меч крестоносцев не нам ли, не одним ли нам, завещал хранение святыни? Армяне сознаются, что предки их не дрались за владение святых мест; но, присовокупляют они, никогда цари их не переставали посылать милостыню в Иерусалим.

В

ид Иерусалима с Масличной горы. Литография А. Т. Франция, 1830 г.

Правами приказными мы называем те права и притязания, которые основываются на судебных приговорах, на фирманах и на хатти шерифах султанских. Тут еще более запутанности и недоумения. Каждая из состязающихся сторон владеет сотнями противоречащих документов сего рода; каждая из них когда-либо выигрывала свой процесс на владение святыми местами. Хотя не все эти фирманы и судебные приговоры были приведены в исполнение, однако не менее того документ существует; и так как по обычаю турецкой канцелярии новейшее правительственное распоряжение не отменяет предшествовавшего, противоположного решения, и так как нередко, в одно почти время, правительство даровало и той и другой стороне те же права и преимущества, то воспоследовал хаос юридический, в котором каждое притязание, каждый иск могут при пособии ябеды почерпать доводы неопровержимые.

Казалось бы, что если принять за основание ныне существующее право и факт подтвердит все это вопреки всяких возражений и притязаний, при подробном и мелочном определении круга действий каждого из вероисповеданий, отдельно и в совокупности или в соприкосновенности с другими, с тем, чтобы всякое посягательство против постановленного таким образом права было тщательно укрощаемо, то можно бы надеяться водворения спокойствия и благочиния кругом святыни, равно и прекращения тяжб между вероисповеданиями. Но в таком случае кому быть блюстителем и исполнителем? Ужели турецкому чиновнику вверит верховный суд и расправу над тремя патриархами, греческим, латинским и армянским? Трудно ли предвидеть неминуемые последствия подобного преобразования? Знаем, что воззрение наше грустно для каждого христианина; вдвойне грустно оно потому, что мы приписываем исследованные нами явления не лицам, но фактам. С переменою лиц, с улучшением умственного и морального их быта можно бы достигнуть желанного преобразования; но пока существуют факты, сопряженные с вековыми политическими судьбами Иерусалима, духовные поколения могут сменяться одно другим на страже святыни, а влияние фактов равно будет тяготеть

над ними. Там, где все исповедания должны были сугубо восчувствовать высокое значение проповеди о едином стаде и едином пастыре, распятом на Голгофе, взаимная терпимость водвориться не может.

Это невольное отступление лучше послужит к объяснению Святогробских дел, чем возгласы о том благоговейном чувстве, которое наполняет сердце, когда представим себе стечение кругом общей святыни разноплеменных людей, которые на разных языках, разными обрядами, по разным догматам, согласно славословят Смерть и Воскресение Сына Божия.

Рассмотрим теперь духовное управление Иерусалима. Сверх патриаршей епархии считается ныне в пределах Иерусалимского престола шесть митрополий, семь архиепископств и одно епископство.

Митрополии суть: Кесарийская, Скифополийская, Петра-Аравийская, Птолемаидская, Вифлеемская, Назаретская.

Архиепископства – Лиддское, Газийское, Синайское, Иоппейское, Неапольское, Севастийское, Фаворское.

Епископство – Филадельфийское.

Из сего числа только Птолемаидская и Вифлеемская епархии управляются теперь своими митрополитами, в них пребывающими. Затем Кесарийская, Скифополийская, Лиддская, Иоппейская – вакантны. Епископы Синайский и Фаворский пребывают в Константинополе; первый по введенному давно обычаю и на основании особых прав своего престола, второй временно, в качестве наместника патриаршего {Бывший Фаворский архиепископ Иерофей, о котором здесь упоминается, возведен в 1849 году на Антиохийский престол. Новопосвященный Фаворский архиепископ состоит членом синода Иерусалимского (1861).}. Таким образом, пять архиереев пребывают в самом Иерусалиме, в монастыре Святогробском. Они вместе с тремя архимандритами и обер-секретарем, драгоманом и казначеем составляют при патриархе синод, который заведывает как всеми хозяйственными делами престола, так и делами по епархиям в совокупности. Дела же духовные, равно как и внутреннее управление монастыря, и чин церковный, и сношения с гражданскими властями или с духовенством других исповеданий предоставлены одному патриарху и избираемому им наместнику, который служит не только представителем его, но и советником, облеченным всяким полномочием от братии для участия во все внутренние и внешние распоряжения патриарха.

В первопрестольной, собственно Иерусалимской епархии считается 1500 семейств православных. Из сего числа 350 в самом Иерусалиме и 180 в городе Рамле; остальные по деревням. Сельские жители, между коими христиан других исповеданий нет, живут большею частью врознь от мусульман. Из 80 деревень, лежащих в пределах сего престола, только в восьми или девяти есть христиане; остальные населены одними мусульманами, коих народонаселение в сих пределах простирается до 6000 семейств, не считая в том числе более тысячи шатров бедуинов заиорданских, постоянно здесь кочующих. Христиан

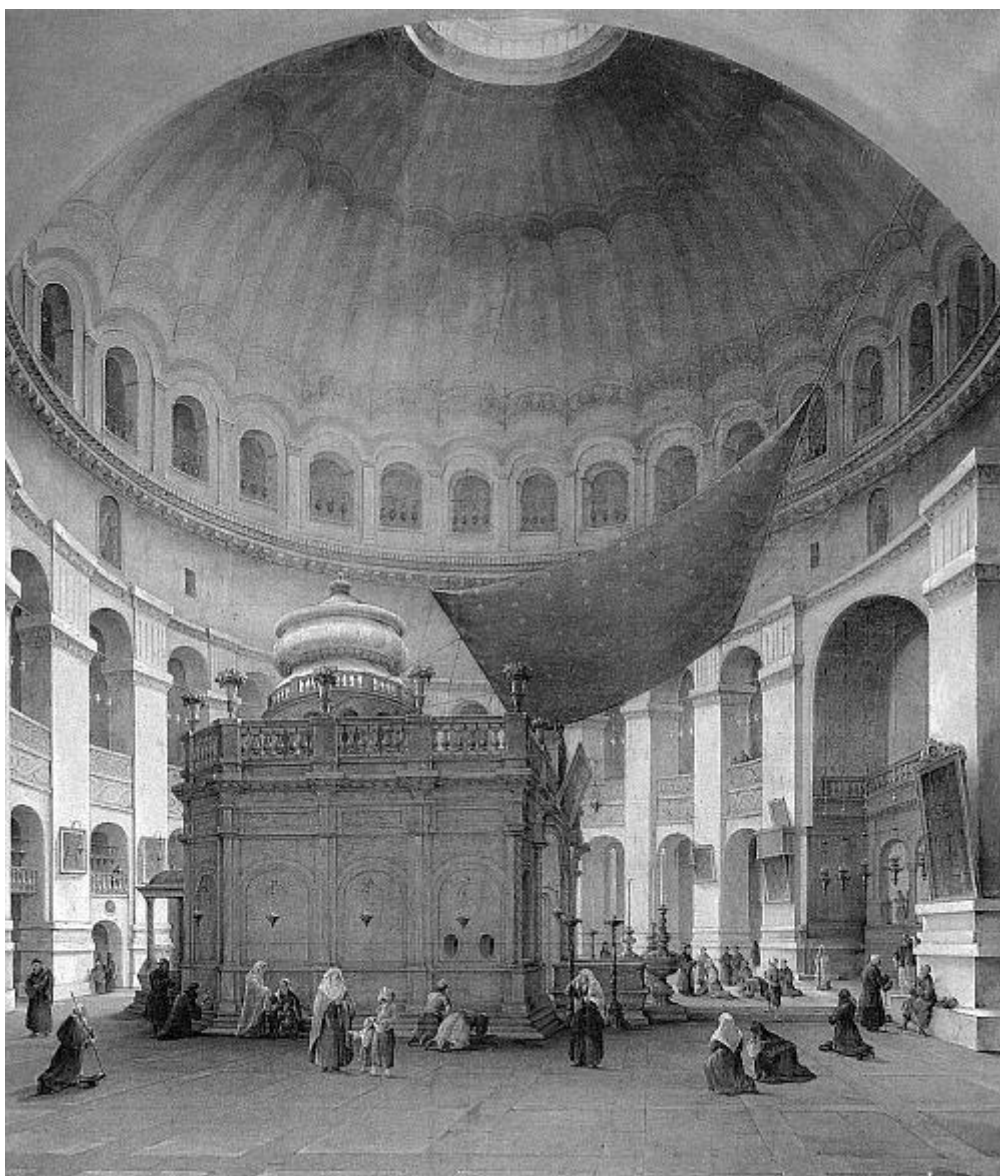
других исповеданий считается в самом Иерусалиме 160 семейств латинских, более ста армянских, 10 сириан и 40 коптов. Затем около 1000 семейств евреев дополняют итог постоянного народонаселения Святого града до 15 000 душ, а в пору большого стечения поклонников, не только христиан, но и мусульман, идущих туда с разных местностей Палестины ради торговли или любопытства, всего же более для поклонения месту, почитаемому у них гробницею Моисея, народонаселение Иерусалима удвоится. Судя по местностям, которые и поныне совершенно соответствуют древним описаниям, трудно понять, каким образом в эпоху величия еврейского города сей мог вмещать более полумиллиона, по крайней мере, постоянного народонаселения, а в Пасху два миллиона и более, по свидетельству Иосифа Флавия.

Из 17 монастырей, состоящих в пределах патриаршей епархии, 14 находятся внутри Иерусалима.

Монастырь Св. Гроба, в котором, как вы уже заметили, сосредоточивается все управление палестинской церкви, прилежит к храму Воскресения. При обновлении храма, после пожара 1808 года, греческое духовенство успело открыть дверь из монастыря своего в храм на хоры и иметь внутреннее сообщение. Внутренность монастыря представляет вид городка с улицами, дворами и садами. Это не одно здание, но совокупность небольших домов, которые были постепенно приобретаемы, и много всяких построек. Здесь по несчастию много строений деревянных, отчего неоднократно случаются пожары. Две небольшие церкви, Царя Константина и Св. Феклы, заключаются внутри монастыря. Первая из них пристроена к самой ротонде храма Воскресения и имеет туда окна насупротив Св. Гроба. Это собственно патриаршая церковь, в коей по всей строгости древнего чина совершается служба церковная, ежедневно и еженощно, в присутствии всего духовенства и владыки. Только болезнь тяжкая или важные занятия по должности освобождают от обязанности присутствия. Поклонники и никто чужой сюда не впускаются, покоя ради и благочиния. Поклонники в свою очередь обязаны сходить в церквах тех самых монастырей, где они обитают, а только в положенные дни и торжества причет Святогробского духовенства спускается в храм Воскресения совокупно с поклонниками. О размере хозяйственных обзаведений внутри монастыря можно судить по тем обязанностям, кои лежат на сей обители и о коих упоминали мы в статье о финансах. Особенного внимания заслуживает библиотека монастырская, менее по числу книг (около четырех тысяч томов) и по старинным изданиям греческих духовных писателей, чем по двум или трем византийским рукописям редкой красоты. О благом начинании нынешнего патриарха учреждением семинарии внутри монастыря мы уже упоминали и надеемся, что заведению этому будет дано подобающее развитие. Аптека, о которой также упомянуто, находится равномерно внутри монастырских зданий.

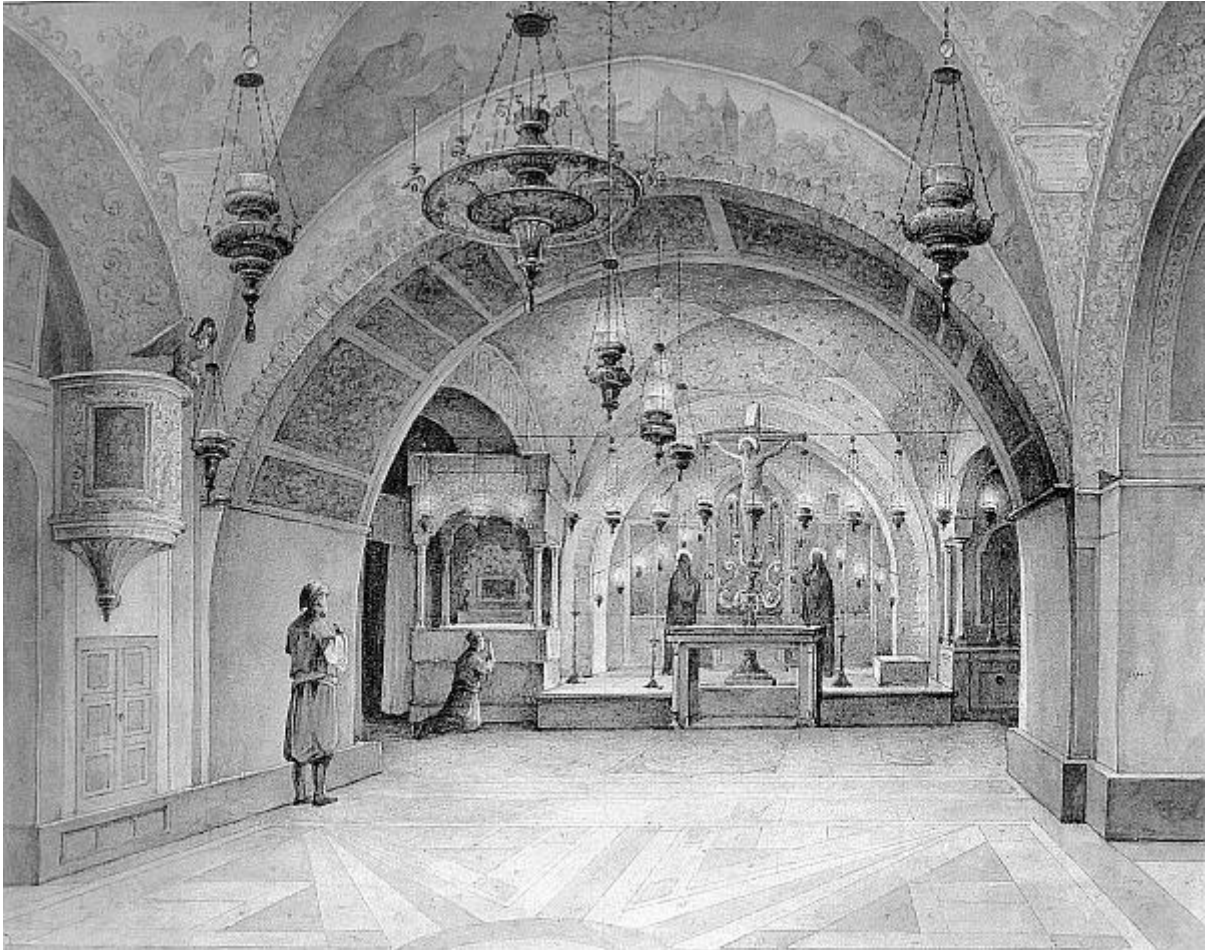
Дом, лежащий чрез улицу насупротив монастыря и назначенный прежде для приема почетных путешественников, обращен теперь в патриарший дворец и отделан с приличием и благолепием. Многие части монастыря, зал синодального присутствия, приемный зал для поклонников и келии архиерейские приведены равномерно в лучшее устройство благодаря разрешению строиться и чиниться после векового запущения. Около полутора миллионов пиастров израсходовано на сей предмет в последнее десятилетие.

Храм Воскресения, или Святогробский, составляет особенную отрасль управления по хозяйственной части, покрывая часть своих расходов вкладами поклонников. В нем безвыходно пребывает пожизненно хранитель ризницы, из простых монахов, с правами настоятеля над братиею, также безвыходно пребывающею положенный срок внутри храма, в жилых покоях, нарочно для сего устроенных. Это необходимо для потребностей постоянного служения и бдения над святыми местами. Иные по собственному обету, иные по распоряжению духовного начальства, при вступлении своем в чин Святогробской братии, обязываются провести положенный срок испытания в этом затворничестве. В старину хранитель ризницы был равномерно хранителем казны Святогробской, сберегавшейся в тайниках, устроенных в самом храме и ему одному известных. Тайники существуют и поныне; но в них хранятся не суммы, а лишь драгоценности церковные, золото и алмазы. Съестные припасы доставляются в храм из монастыря чрез внутреннее сообщение, о котором мы упоминали.

Ротонда храма

Гроба Господня. Рисунок Н.Г. Чернецова, 1843 г.

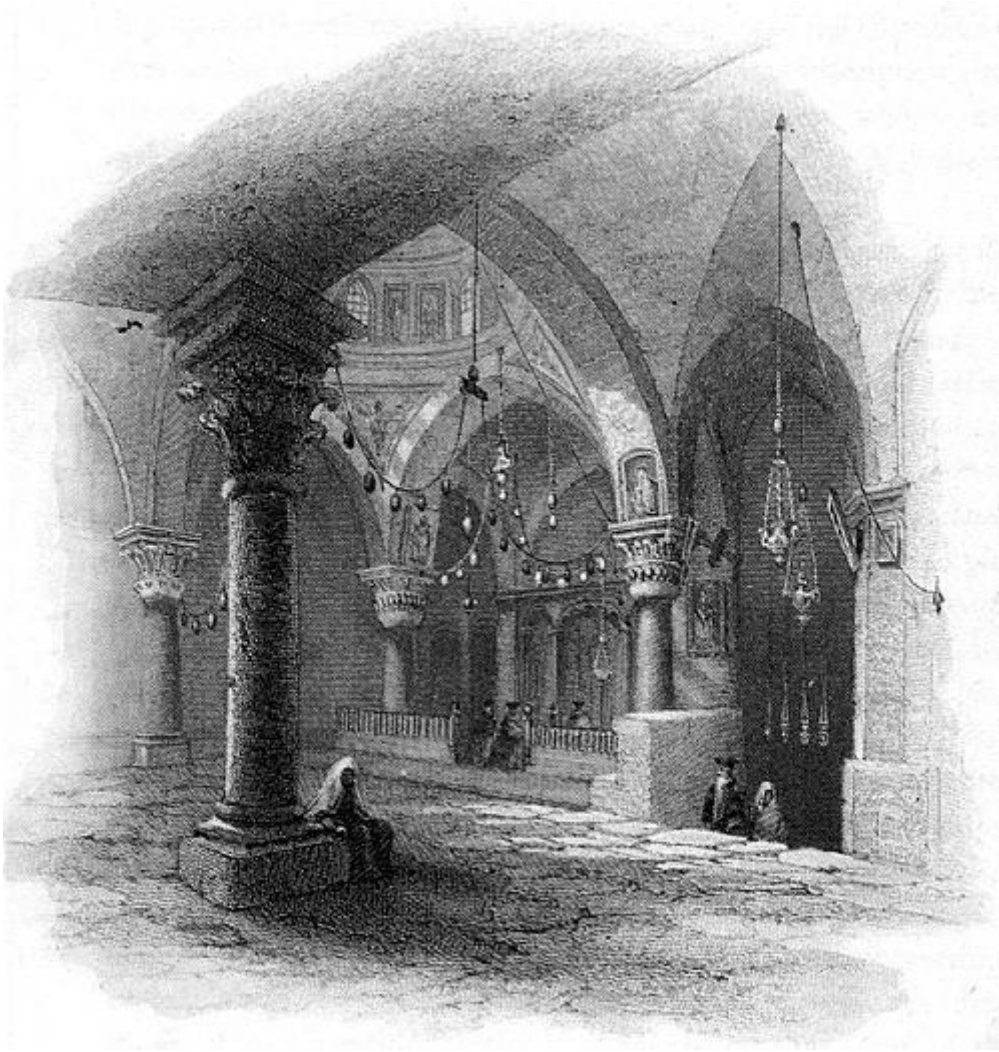
Г

реческая часть Голгофы. Рисунок Н.Г. Чернецова, 1843 г.

План Иерусалимского храма в подробности известен из описаний гг. Муравьева и Норова. О первобытном виде храма можно иметь довольно верное понятие из знаменитого памятника, воздвигнутого в России патриархом Никоном и освященного именем Нового Иерусалима. Здание патриарха Никона, построенное наподобие Иерусалимского храма, изобличает те изменения, которые по невежеству и безвкусию или же по обстоятельствам времени введены во многих частях древнего здания, и даже в самой пещере Св. Гроба, при возобновлении храма, сгоревшего в 1808 году.

Основною мыслию строительницы, первой венценосной поклонницы иерусалимской святыни, была просторная ротонда под отверстым куполом, как в римском Пантеоне, посреди которой стоит часовня Св. Гроба. Очевидно, что гроб сей, подобно другим гробам иерусалимским, не стоял первоначально одинокою скалою посреди площади, но был высечен на скате того утеса, на котором ныне стоит церковь Константиновская. Для построения храма и ротонды утес был выдолблен кругом, и местность приняла настоящий вид. Затем просторная, неправильной формы ограда обняла скалу Голгофы и пещеру Обретения креста, а внутри ограды устроены различные приделы в память страстей Господних, алтари и церкви. Насупротив самого отверстия Св. Гроба, на востоке от ротонды, патриаршая соборная церковь Воскресения принадлежит грекам. По северной стороне, смежной с ротондою, древние приделы Пресвятой Богородицы и Св. Марии Магдалины составляют нынешнюю церковь латин. Армяне имеют свою церковь на хорах ротонды, а каждому из трех исповеданий присвоены жилые покои и ризницы поблизости

их церковей. Кроме того, небольшая дощатая часовня коптов пристроена к западной стене часовни Св. Гроба, а сириане-яковиты владеют другою часовнею насупротив коптов, под сводами ротонды. На Голгофу ведут две лестницы, одна неподалеку от входа в храмовую ограду, насупротив того места, где лежит камень Помазания тела Спасителя, а другая изнутри алтаря греческого собора. У подошвы Голгофы лежали до пожара гробницы королей иерусалимских Готфрида и Балдуина. В пожар мрамор гробниц истлел, и самые местности изменились. Латины обвиняют греков в посягательстве на святые права гробов и истории за то, что при возобновлении храма они не возобновили заветных памятников западного рыцарства. Упрек этот воспламеняет воображения путешественников; но греки небезосновательно отвечают, что внутри ограды Спасителя Гроба и мест, освященных страданиями Богочеловека, могилы людские, хотя бы они были памятниками геройских подвигов, неуместны и суетны. Скала Голгофы с своим искусственным помостом, под тяжелыми сводами, разделена надвое между греками и латинами; первым принадлежит место водружения Креста, над коим стоит самый алтарь. Часовня Святой Елены, где по преданию обитала она в пребывание свое в Иерусалиме, пристроена извне к самой Голгофе и принадлежит теперь латинам. Позади полукруглой ограды греческого алтаря симметрически расположены три придела: Поругания, Разделения риз и Лонгина Сотника. Приделы эти составляют ниши в большой храмовой стене, а промеж них лестница ведет в просторное подземелье, присвоенное армянам, внутри которого еще глубже укрыта пещера Обретения креста.

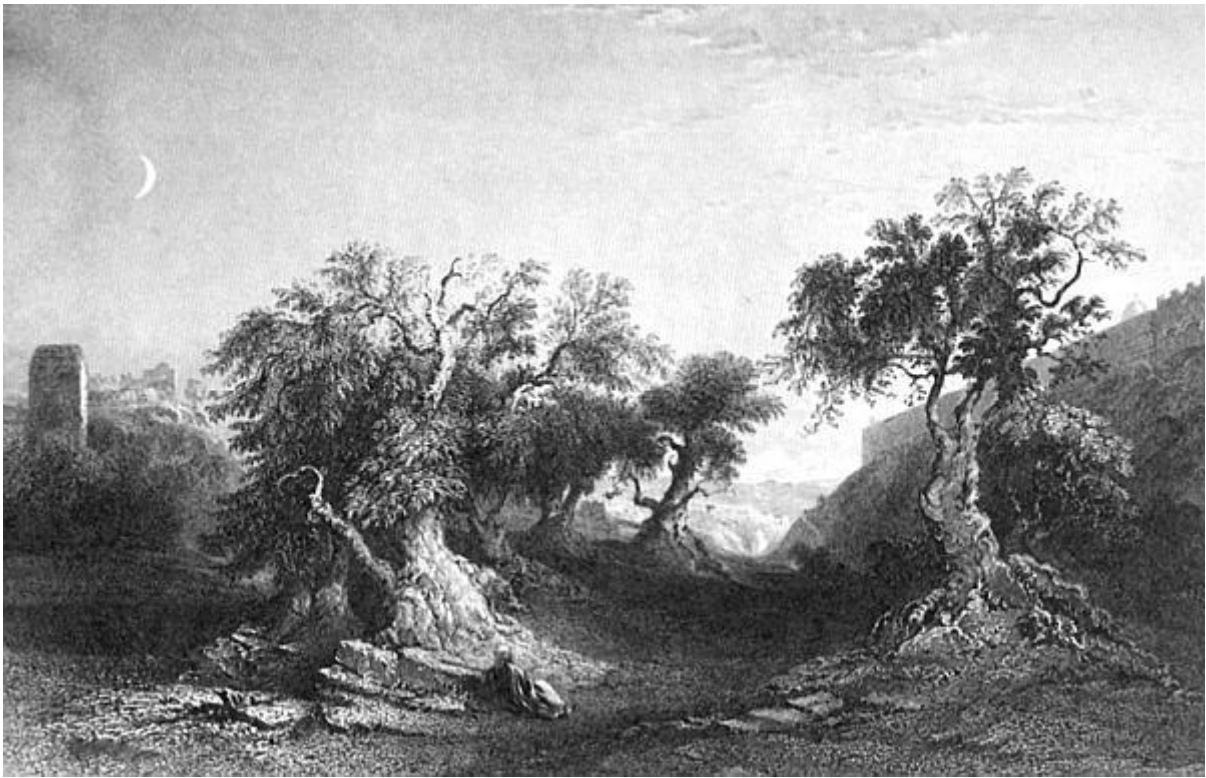
Часовня Святой

Елены. Гравюра XIX в.

Мы вкратце указываем здесь на главные местности Иерусалимского храма. Это не храм в том смысле, как мы разумеем это слово, но совокупность в общей ограде многих церквей, поклонений и жилищ. Очевидно, что при постройке руководствовались более местностями и потребностями благочестия, чем архитектурными соображениями. Так и затем политические судьбы края и пребывание внутри храма в совокупности служителей и стражей исповеданий, разделенных между собою догматом и людскими страстями, последовательно ввели существующий ныне порядок, или, вернее сказать, тот плачевный беспорядок, источник зла и соблазна, о чем мы имели уже случай говорить. Первое его проявление поражает благочестивого посетителя при самом вступлении в храм зрелищем турецких стражей, обитающих внутри храма и курящих свои вечные трубки в галерее, налево от ворот, насупротив камня Помазания.

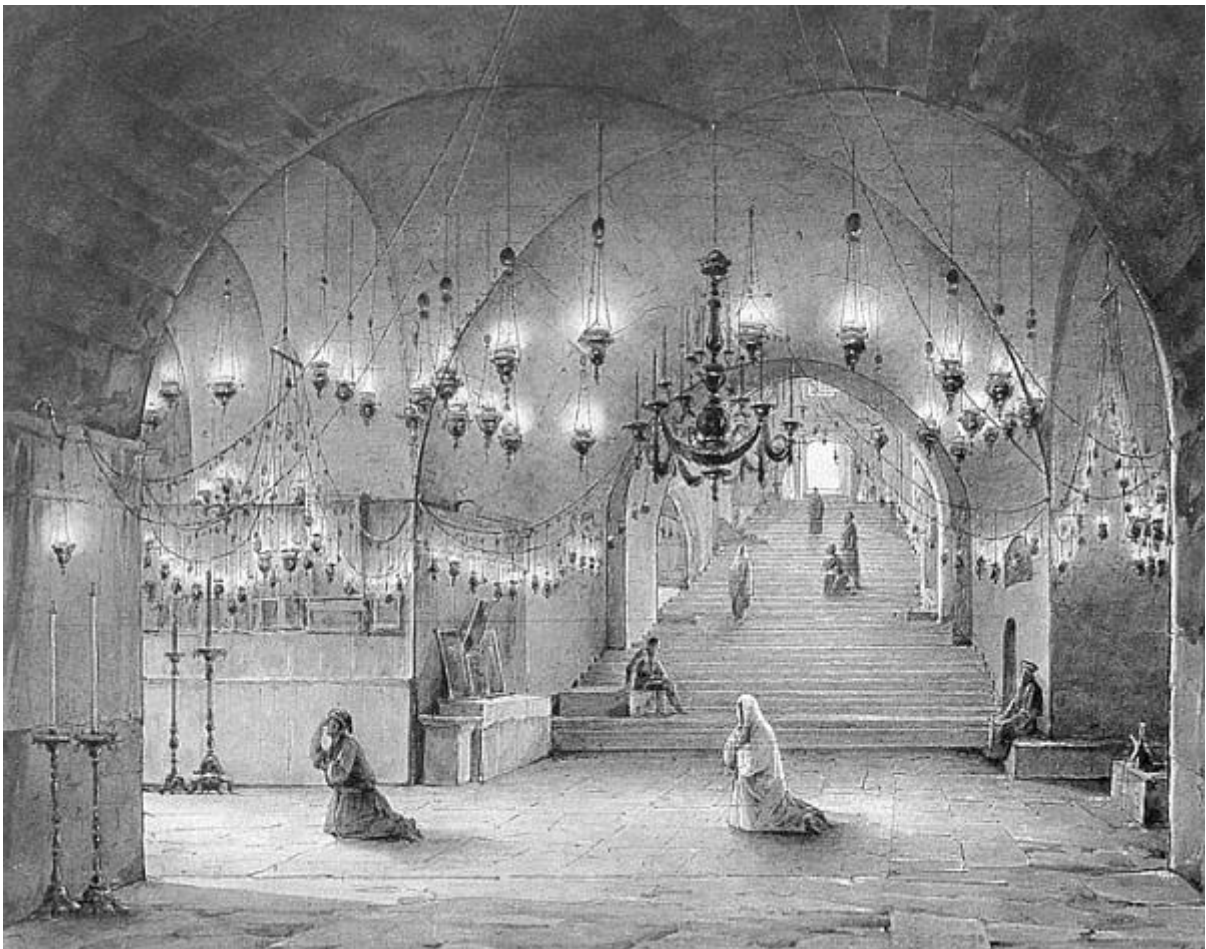
Но как ни прискорбно присутствие турецкой стражи, постоянно живущей внутри храмовой ограды, – оно необходимо. Всего же более становится оно необходимым по причине исключительных притязаний латин завладеть всем и вытеснить другие исповедания.

Укажем на другие иерусалимские поклонения и монастыри.

Г

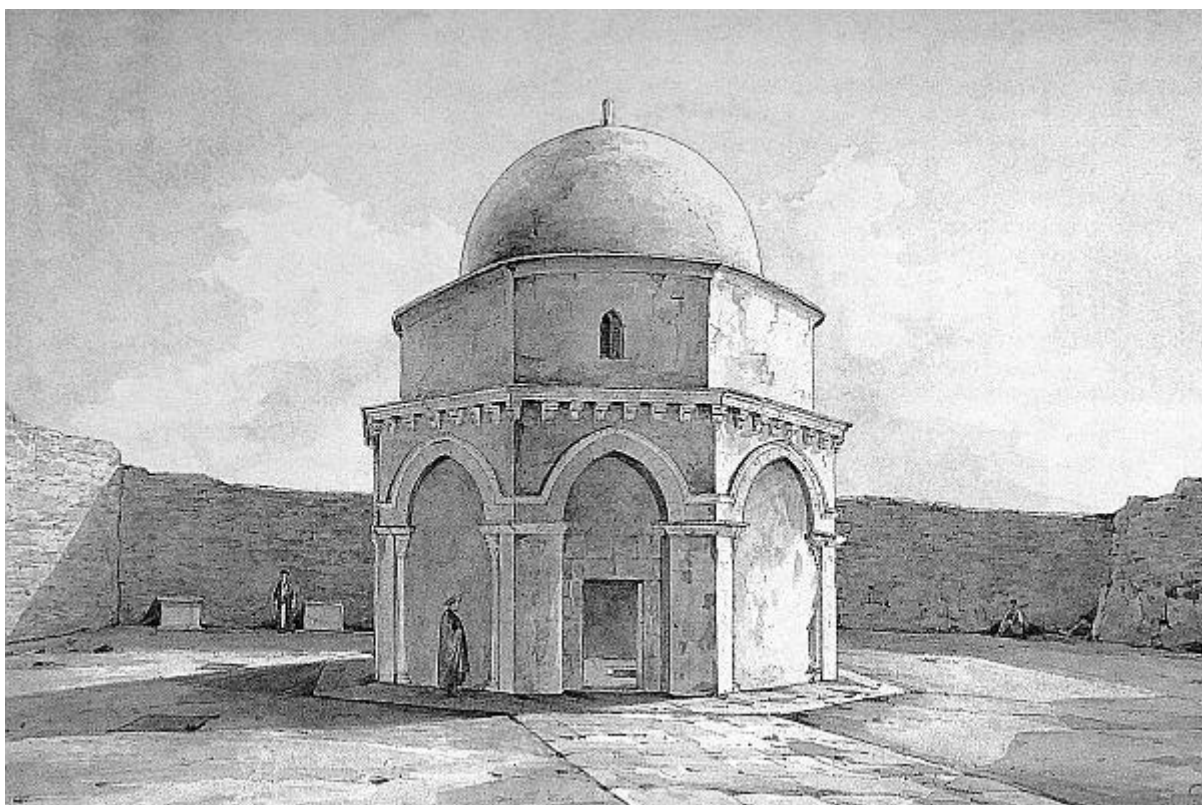
ефсиманийский сад. Гравюра В.Г. Бартлетта, 1820-е гг.

Г

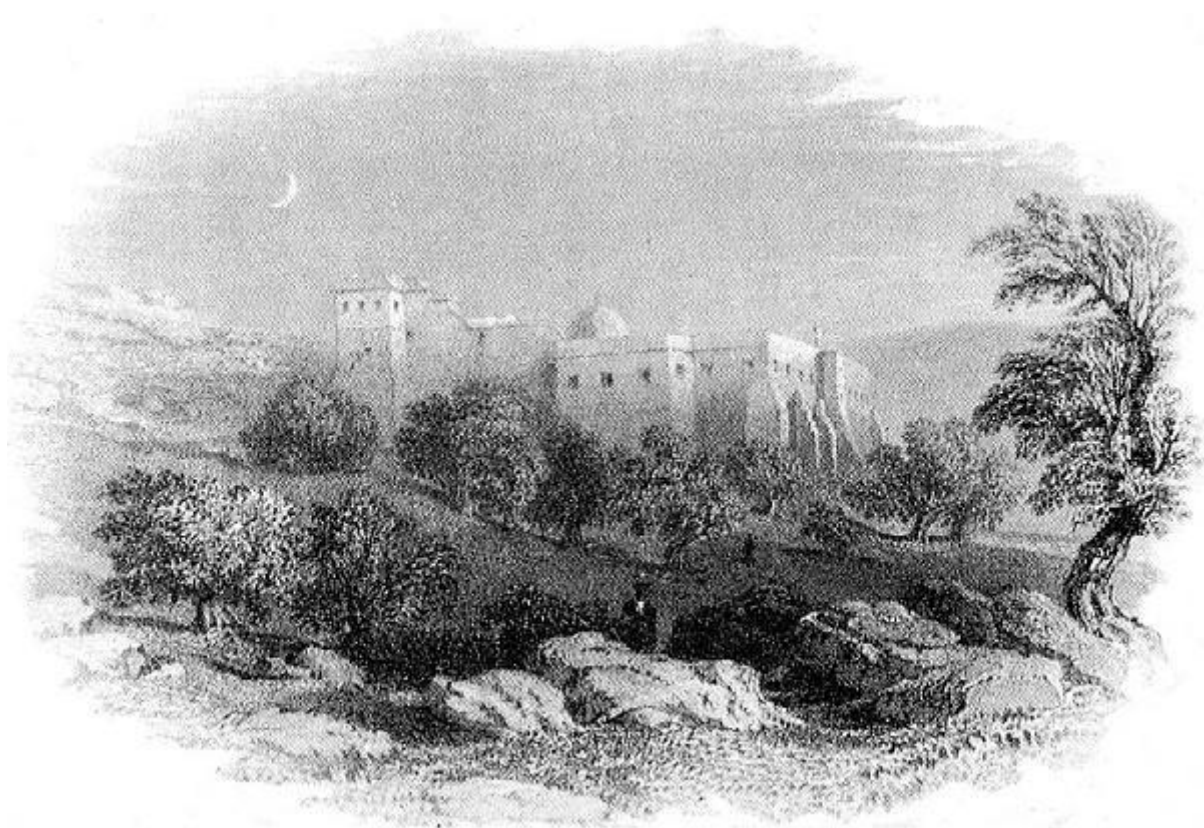
ефсиманийская пещера. Рисунок Н.Г. Чернецова, 1843 г.

Гефсиманийская пещера, где поклоняются Гробу Богородицы и ее родителей, находится близ сада Гефсиманийского, в овраге, образующем Кедронский поток. Пещера эта составляет просторный подземный храм, величественный природного красотою. Она принадлежит грекам и армянам. Священнослужители обоих исповеданий постоянно там живут взаперти, получая съестные припасы из своих монастырей, а ключи от крепких железных врат, защищающих подземную обитель от хищничества арабов, хранятся в греческом монастыре. В 1843 году греки успели построить на площади, насупротив входа в Святогробский храм, небольшое красивое подворье Гефсиманийское.

часовня Вознесения. Рисунок Н.Г. Чернецова, 1843 г.

За Гефсиманиею, по ту сторону Кедрона, высится гора Елеонская (Масличная), увенчанная местом Вознесения Спасителя. Место это было некогда обстроено красивым открытым храмом; посреди стоит часовня над тем камнем, откуда вознесся Воскресший; кругом – приделы Св. Апостолов. Все это теперь в развалинах, от войн, запущения, землетрясения и воспрещений мусульманских, или, вернее сказать, от невозможности благого согласия между христианскими исповеданиями для возобновления святыни. В 1837 году армяне успели без ведома греков и латин исходатайствовать у Порты позволение возобновить небольшой придел для своего служения, с жилыми покоями для духовенства. Под этим предлогом они завладели всею оградою и не давали доступа другим исповеданиям. По жалобам греков и латин армянские постройки были разрушены в 1839 году, и место осталось открытым, под надзором служителей местной мечети полуразрушенной. Заметим, что мусульмане, веруя в Вознесение Христа, Мессии на небо, поклоняются этому месту, как равномерно оказывают они большое благочестие и к Вифлеемским святыням.

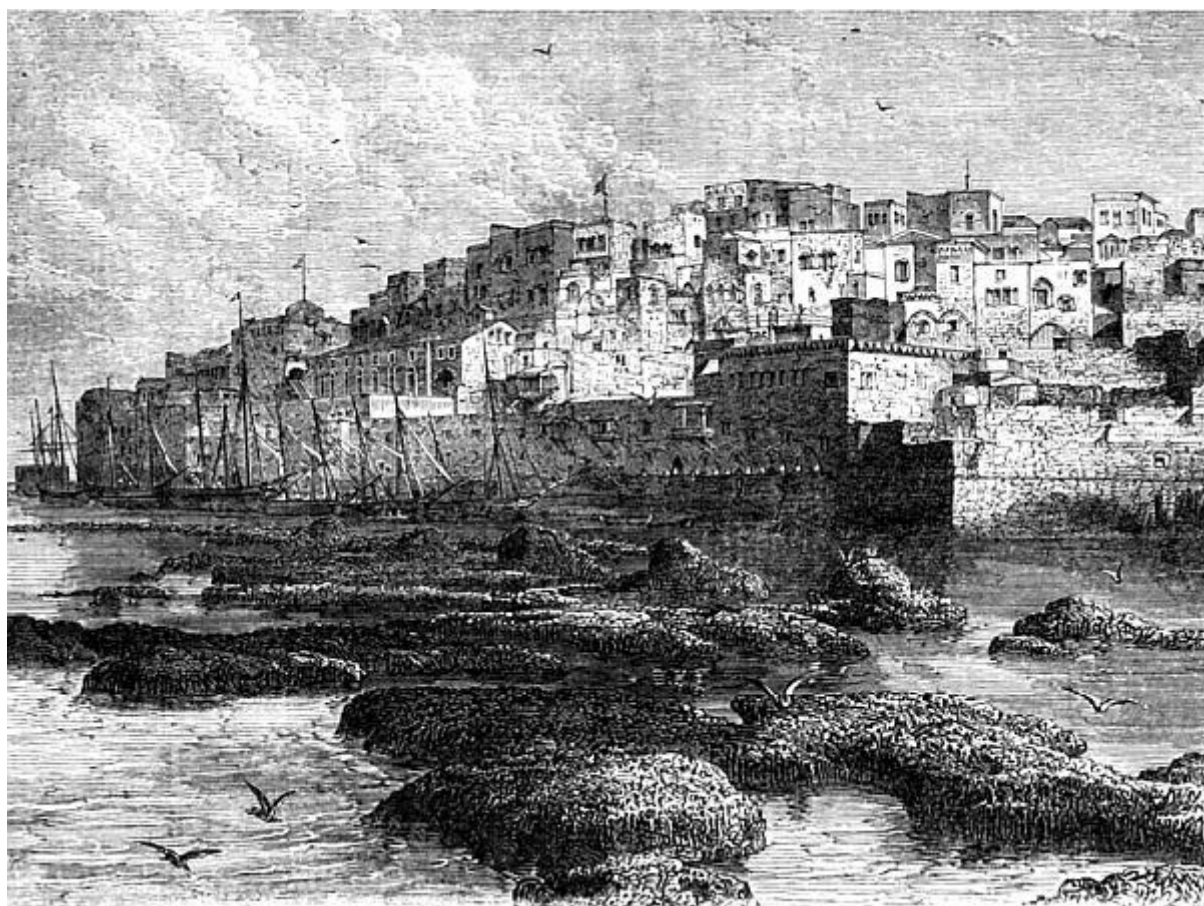
К

рестовый монастырь. Гравюра XIX в.

В самом Иерусалиме грекам принадлежат монастыри во имя: Авраама, смежный с храмом Воскресения; Иоанна Предтечи, Св. Николая, Св. Дмитрия, Святых Феодоров, Св. Георгия, Архангелов (подворье обители Св. Саввы) и еще Св. Георгия в еврейской части города и пять женских: Св. Василия, Св. Мелании, Пресв. Богородицы, Св. Евфимии и Св. Екатерины. Последний служит исключительным пристанищем для русских поклонниц; в остальных женских помещается от 50 до 60 монахинь гречанок, болгарок и сербок. Монастырь Св. Архангелов отведен в настоящее время для русского духовенства и духовных воспитанников, прибывающих в Иерусалим. Затем прочие семь по имени только и по церквам могут называться монастырями. Это собственно гостеприимные дома для поклонников и их семейств, проводящих пост или всю зиму в Иерусалиме. В остальное время года в них обитают одни настоятели и сторожа. Все исчисленные нами здания весьма древней постройки. Прочность спасла их от совершенного разрушения, при вековом воспрещении всякой починки. Начало починок было предпринято в 1841 году, по внушению русского консульства, сперва в двух обителях, назначенных для приема русских поклонников и поклонниц; затем нынешний патриарх усердно приступил к починке всех других монастырей и израсходовал на это несколько миллионов пиастров.

Верстах в трех от Иерусалима, в уединенной долине стоит Крестовый монастырь, в том месте, где по преданию росло древо Животворящего Креста. Это древняя грузинская обитель, вмещавшая сотни братьев, теперь опустелое жилище игумена, родом грузина {Крестовый монастырь возобновлен впоследствии для помещения в нем духовной академии.}. Затем далее, по дороге к Вифлеему, стоит одинокая обитель во имя Пророка Илии, в таком же запустении. Наконец, в пустыне Мертвого моря, верстах в 15-ти от Иерусалима, вдоль Кедронского потока, среди безводных скал, лишенных всякого следа

прозябения и жизни, величественно возвышается обитель Св. Саввы, будто духовный оазис и надгробный памятник тысяч отшельников, населявших эту палестинскую Фиваду в VI и VII веке и побиенных арабами. Взор путника поражается здесь диким величием природы, видом Мертвого моря и обступающих его туманов и гор, а слух отраднo внeмлет звуку колокола, оглашающего пустыню. От 30 до 40 братьев русских, болгар и греков обитают ныне в Саввинской обители, где сохранен по всей строгости устав основателя. Это единственная в Сирии обитель истинно отшельническая, чуждая всякой мирской суете и корысти. В летописях иерусалимских упоминается о неоднократном разграблении обители кочевьями хищных бедуинов и о ее запустении. Саввинская обитель получает от патриархии припасы и все нужное, по неимению особых доходов, а бедуины довольствуются подаванием и хлебом, отпускаемым им от обители, и редко нарушают ее покой. Просторные ее здания и висячие над пропастями ее стены много потерпели от времени и запустения. Недавно произведены и здесь значительные починки.

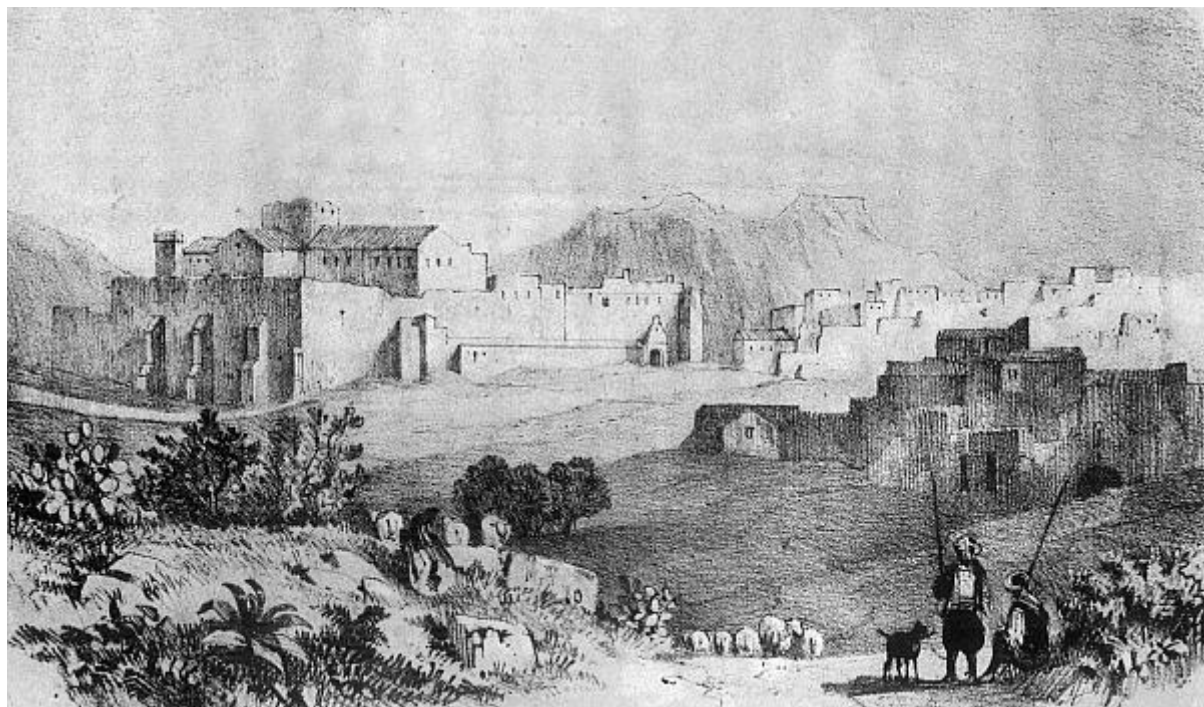
ффа. Гравюра XIX в.

Город Рамла состоит в пределах патриаршей епархии, а потому в дополнение списка монастырей сей епархии мы должны упомянуть о Георгиевском монастыре в Рамле, значительно распространенном в недавнее время и служащем для ночлега поклонников на пути из Яффы в Иерусалим.

В Яффе обширный Георгиевский монастырь древней постройки {Монастырь этот служил чумным лазаретом для Бонапартовой армии в поход 1799 г.}, служащий равномерно для приема поклонников в этой пристани Иерусалима, почитается

метрополию Яффы; но престол Яффский давно упразднен и управляется наравне с другими епархиями синодом Иерусалимским чрез монастырского настоятеля Яффы.

Исчисляя епархии Иерусалимского престола, мы упоминали, что одни только престолы Птолемиады и Вифлеема управляются своими митрополитами, в них пребывающими. Ограничимся отдельными заметками о сих двух кафедрах, чтобы потом общим взором осмотреть всю палестинскую паству.

В

ифлеем. Литография А.Т. Франция, 1830 г.

Городок Вифлеем, живописно расположенный среди оливковых плантаций Иудейских гор, верстах в двенадцати от Иерусалима, возведен на степень метрополии по заветным его святыням. Великолепный храм, воздвигнутый Юстинианом над пещерою Воплощения, никогда не был окончательно отстроен, ибо вскоре нахлынул на Палестину опустошительный потоп ислама. Храм принадлежит грекам, за исключением северного придела, которым успели лет за 40 пред сим завладеть армяне, домогающиеся ныне совокупного с греками обладания всем храмом. По беззащитности Вифлеема, неоднократно святилище это подвергалось нападениям арабов и служило для пригона скота, как древле пещера Вифлеема. До 1841 года храм был в величайшем запущении. Затем греки израсходовали около миллиона пиастров на починки; помостили мрамором; предохранили от конечной порчи остатки мозаической живописи и даже поставили над оловянного его кровлею пять крестов, обласкав подарками мусульман, нигде в Турции не терпящих торжественного знаменья Христова в воздушной высоте. По трем сторонам храма пристроены к нему монастыри: греческий, армянский и латинский, и каждый из них имеет внутреннее сообщение с храмом и пещерою. В пещере ясли исключительно присвоены латинам; а алтарь Воплощения принадлежит в совокупности грекам и армянам. Разные отделения пещеры, служившие в первые века скитами угодников, исключительно принадлежат латинам; но они не перестают домогаться полного обладания и храмом, и пещерою, как это было с 1673 по 1787 год. А для достижения этого, по

обычной тактике Иерусалима, нужно предварительно вступить в совокупное владение и затем улучшить время, чтобы изгнать совладельцев.

Н

азаретская церковь. Рисунок Н.Г. Чернецова, 1843 г.

Паства вифлеемского митрополита состоит в 400 православных семействах, жителей Вифлеема и близлежащей деревни пастырей. Из сего числа около 60 вифлеемских семейств за несколько лет пред сим обратились в православие из латин. Затем в Вифлееме считается еще 350 семейств латин, 15 армян, 10 коптов и до 50 мусульманских. В бывшем некогда епископстве Хевронском, в древней столице Израиля, под вифлеемскою митрополиею, не осталось ни одного христианина; лишь видны развалины христианских храмов.

Птолемайдская епархия занимает северную прибрежную Палестину, с престольным городом Аккою. Греческое духовенство сохраняет этому городу классическое имя Птолемеев. Церковь и пристроенная к оной митрополия бедны и ветхи. Паству составляют около тысячи семейств православных, большею частью сельских жителей; 200 семейств воссоединены к церкви из числа отпавших в унию в прошедшем веке. Еще столько униатов остается в пределах этой епархии, среди преобладающего магометанского народонаселения. Птолемайдскому митрополиту, кроме его паствы, поручено еще бдительство над галилейскими епархиями, Назаретом, Фавором и Скифополиею, по отдаленности их от Иерусалима.

В Назарете христиан считается до 1200 семейств и столько же магометан. Две трети христиан принадлежат церкви православной; из остальной трети 150 латинской, 180 греко-униатской, 50 маронитской и 20 коптской. Православная церковь назаретская

построена за городом, над тем источником, у коего по местному преданию случилось благовещение. Латины имеют здесь великолепный монастырь, построенный крестоносцами; в нем заключается жилище Иосифа, где протекало детство Спасителя.

Архиепископство Фаворское, простираясь по северным пределам Галилеи до Иордана и Тивериады, обнимает в своих пределах уединенную Фаворскую гору. В сем малонаселенном крае считается не более 60 православных семей, в двух селениях.

К

есария. Гравюра В.Г. Бартлетта, 1820-е гг.

Побережье Иордана и северные отрасли Самаринских гор составляют древнюю епархию Скифополийскую. Престольному ее городу, ныне убогому селению, возвращено арабами ветхозаветное его имя Бизан (Вифсан) вместо греческого названия Скифополии. Этот одичалый край, подверженный хищничеству бедуинов, населен большею частию мусульманами. Православных семейств считается здесь до 160; других христиан нет.

На юге от описанных епархий горы Самарийские, промеж Иудеи и Галилеи, составляют архиепископства Неапольское и Севастийское. В самом городе Неаполе, древнем Сихеме или нынешнем Набулусе, построенном при Юстиниане, после странного явления бунта самаритян против империи, христиане имеют тесную церковь, между тем как великолепные древние храмы обращены в мечети. Севастия, построенная Иродом в честь Августа Кесаря {Греческое слово Σεβαστος соответствует латинскому Augustus.}, на месте древней Самарии, сохраняет только развалины своих дворцов и великолепного храма, воздвигнутого Юстинианом над тою подземною темницею, где Иродиада отсекала главу Предтечи и где была его гробница. Среди развалин воздвигнута мечеть, и мусульмане окружают особым благоговением гроб Мученика-Пророка. Около 250 христианских

православных семейств рассеяны по селениям этих двух епархий, где особенно преобладает мусульманская стихия.

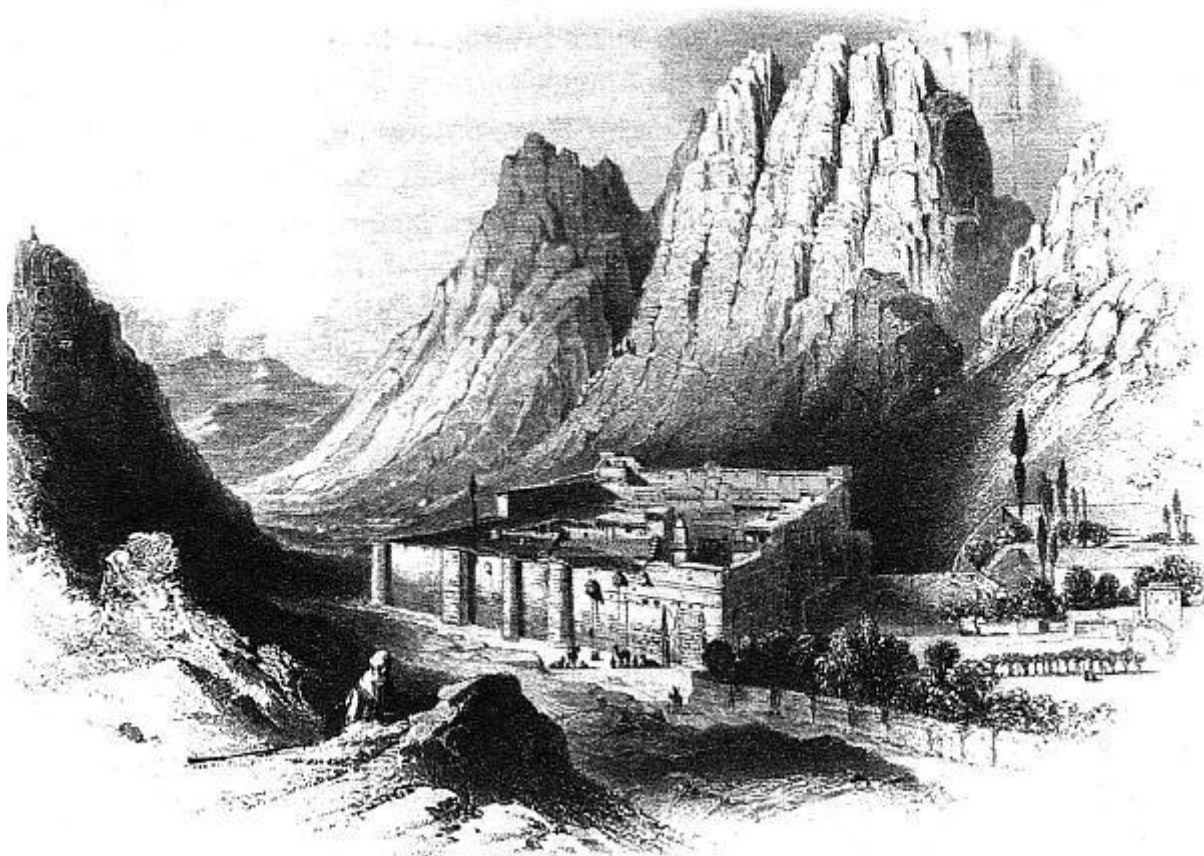
Прибрежная полоса Палестины составляет епархии Кесарийскую, Лиддскую, Иоппейскую и Газийскую.

Первопрестольная Кесария, знаменитая духовными своими училищами, обозначена развалинами у Палестинского взморья. Немногие жители одичалого края исповедуют магометанство, а титул кесарийского митрополита принадлежит обыкновенно нареченному преемнику патриарха Иерусалимского.

Около 500 семейств православных обитают епархии Лиддскую, Иоппейскую и Газейскую. Бывший престольный град Лидда, ныне бедная деревушка, замечательна по развалинам собора во имя Св. Георгия, ее уроженца. В Яффе (Иоппее) латин и греко-униатов считается до 130 семейств. Армяне подобно грекам и латинам имеют здесь монастыри для приема своих поклонников. Остальное все народонаселение мусульманское, за исключением 250 домов евреев. В Газе замечателен древний великолепный собор.

Заиорданская Палестина вмещала некогда в своих пределах много престолов и значительное число христиан. Край этот одичал в течение двух последних столетий и предоставлен теперь наездам бедуинов Великой пустыни. Оседлое его народонаселение сосредоточено в городе Кераке, на восток от Мертвого моря, и в горе Аджелунской, по левому берегу Иордана. Число христиан во всей этой стороне едва простирается ныне до 500 семейств. С некоторого времени иерусалимская церковь особенно печется об этих остатках христианства заиорданского, строит им храмы и учреждает училища. В развалинах престольного града Петры Аравийской рыскают стада газелей, гиены и ватаги бедуинов. В городе Кераке считается 300 православных семейств и столько же оседлых мусульман. Они живут в добром союзе между собою, ради общей защиты от бедуинов, а правительственной власти над собою почти не признают и податей не платят. Туда спасалось православное духовенство Иерусалима в пору нашествия крестоносцев и западного духовенства. Полагают, что в этом месте была древняя столица моавитов. Когда крестовые ополчения стали переходить за Иордан, Керак сделался передовым их постом против арабов. Замок, построенный здесь Болдуином, ныне полуразрушен.

По ходатайству митрополита Мелетия Петры-Аравийской, заместника патриарха Иерусалимского, и благочестивыми заботами графа Н.В. Адлерберга была сделана в 1846 году в России подписка на сооружение храма в Кераке. Пожертвованиями Отечества нашего не только церковь основана, но и училище, и сверх того обеспечен постоянный доход для оглашения слова Божия в сем отрадном оазисе, где чудесно сохранилось христианство чрез 12-вековую бурю, свирепствующую неугомонно за Иорданом.

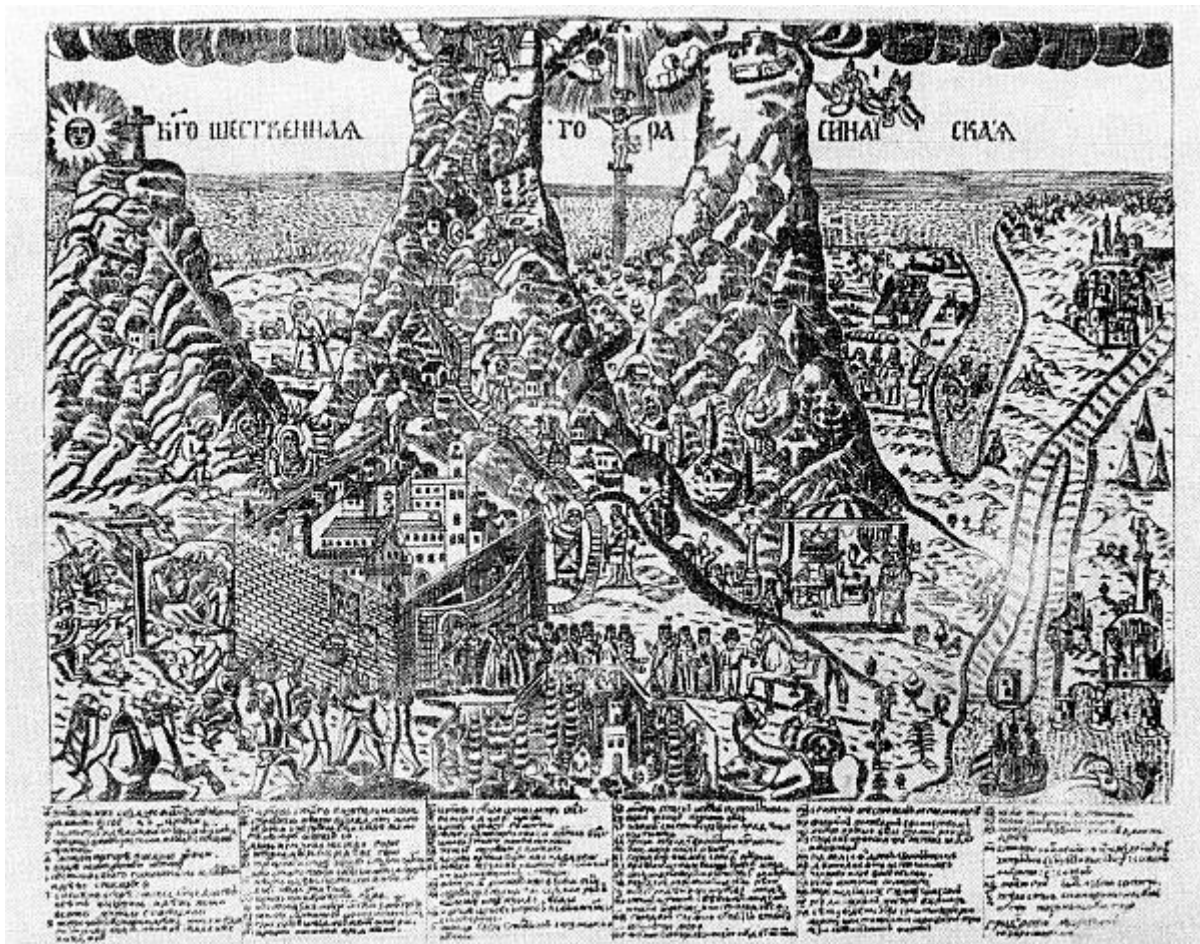
С

инайская обитель. Гравюра XIX в.

Патриарх Кирилл со своей стороны возобновил церковь престольного града Филадельфии, основанного Птолемеем Филадельфом, когда Палестина принадлежала греко-египетской династии, в ныне убогом арабском селении Сальте, и основал там училище.

Знаменитая Синайская обитель, на Аравийском полуострове, издревле пользуется правами самостоятельности, хотя иерусалимское духовенство и сопричисляет ее к своим епархиям. Иерусалимский престол основывается в сем случае на акте 1520 года между патриархами Дионисием Константинопольским и Германом Иерусалимским, по случаю введенных тогда разных преобразований по церковному управлению. Подчиненность Синая Иерусалимскому престолу ограничивается, впрочем, обычаем ежегодного взноса в Иерусалим корзины фиников и груш из искусственных садов, возделываемых трудами братии на скалах древнезаветной горы Откровения. Судьбы Синайской обители и чудесное ее сохранение, среди потопа магометанского и политических бурь Аравийского полуострова, составляет один из любопытнейших фактов восточной истории, выражающих силу духовной заповеди над племенами чувственными и страстными, каковы арабы. В самом деле, чрез столько веков злейшей борьбы ислама с христианством от Ярмукской битвы, где пало сто тысяч воинов и которая прозвана в арабских летописях днем слепотным, от множества арабов, ослепленных стрелками царя Ираклия, с той эпохи и до похода Наполеона в Аравию, при всем разгаре народного фанатизма и фанатизма духовного, одинокая беззащитная обитель христианская, на скале Синайской, осталась неприкосновенна. Среди миллионов вооруженных кочевых племен, живущих грабежом, она и до сего времени окружена их благоговением, по преданию о льготной заповеди

Мухаммедовой. Заметим еще, что не правительственная власть защищала обитель Синайскую в сей стране, недоступной ее влиянию, но чувство, проникнувшее в самое сердце народа, в эти полудикие кочевья бедуинов. Соседние племена арабов наследственно со времен Мухаммедовых обложены службою монастырю, от которого, впрочем, получают они пособие хлебом в неурожайные годы.

инайская обитель. Гравюра из русского проскинитария, вторая половина XVIII в.

Обитель управляется епископом самостоятельным, избираемым братиею; но по давно введенному обычаю епископ пребывает в Константинополе, где он заведывает доходами с имуществ, преклоненных Синаю в Дунайских княжествах и других местностях, и многими подворьями, ему приписанными в разных городах. Число всей братии синайской простирается ныне до 150 человек. Впрочем, не более 15 или 20 иноков отшельничают в самом монастыре; другие живут по подворьям или управляют имуществом, к ним приписанным. Внутренним управлением обители заведывает совет старейших. При обстоятельствах более благоприятных Синайская обитель могла бы послужить для оглашения веры Аравийскому полуострову. Примечания достойно, что в самой Калькутте синайская братия основала единственную во всей Индии православную церковь, о которой, впрочем, никаких положительных сведений не имеем.

В пределах обозренных нами двух престолов Антиохии и Иерусалима число православных простирается до 140 000 душ (около 110 000 под Антиохийским и не более 30 000 под Иерусалимским). В антиохийских епархиях считается монахов, иеромонахов и

епископов ПО, священников 290, монастырей 17, церковей 250. В иерусалимских епархиях черного духовенства 200 лиц (не включая синайской братии), из коих, впрочем, едва ли половина пребывает в Палестине; священников 70, монастырей 20, церковей 50.

7. Латины

Латинское духовенство, которое наводнило Сирию и Палестину в крестовые походы, явило Востоку вместо доблестей, приличных церковному сану, постыдное зрелище своих козней и суеты мирской. Оно было изгнано вместе с крестоносцами. Под угрозой смертной казни мусульманские завоеватели запретили ему посещать Иерусалим. Впоследствии договоры, заключенные Францией с Оттоманским правительством, обеспечили латинскому духовенству те преимущества, которыми оно поныне пользуется на Востоке.

В XVII столетии Восток, и преимущественно Сирия, открыли новое поприще деятельности могущественного тогда иезуитского ордена. Иезуиты основали монастыри в Алеппе и на горе Ливанской. Шейх Абу Нофель, из рода маронитских дворян Хазен, оказал свое покровительство западным миссионерам, даровал им земли и дома. В награду за то Папа пожаловал его кавалером, а французский король назначил этого шейха своим консулом в Бейруте, тогдашней столице Ливанского княжества. Между тем как францисканские монахи, возвратившись в Палестину, домогались святых поклонений, при дипломатическом ходатайстве Франции, иезуиты со своей стороны удачно подвизались против древних церковей Востока, посещая всю страну от побережья Сирийского до Курдистана и до Багдата, всюду ласкаясь к местному духовенству, снискивая любовь народа, изучая язык и край, порою принимая вид духовенства восточного и готовя таким образом элементы прозелитизма, обнаружившегося в XVIII столетии между армянами Малой Азии, православными арабами и яковитами в Сирии и в несторианах заевфратских. По уничтожении иезуитского ордена буллою Климента XIV, монастыри его в Алеппе и на Ливане были переданы лазаристам, которые исключительно занимаются теперь на Востоке католическим воспитанием юношества. В двадцатых годах иезуиты вновь стали посещать Восток. Так как прежние их заведения остались за лазаристами, то они стали вновь приобретать земли и строить монастыри и училища, располагая значительными суммами из Европы.

По всем сирийским городам, где только есть хотя несколько европейских поселенцев, существуют приходские церкви и подворья капуцинские или францисканские. С размножением западных выходцев размножаются и подворья католические. На горе Кармиле были в старину две убогие обители, греческая и латинская. В эпоху восстания Греции Абдаллах-паша Аккский, между прочими гонениями на церковь, разрушил эти здания, под предлогом, будто христиане намеревались там укрепиться, при пособии греков морейских. Он конфисковал место и выстроил себе летнее жилище. Впоследствии латины успели войти к нему в милость и получили позволение строиться вновь. Этим воспользовались они, чтобы завладеть мало-помалу и бывшим имуществом греков, и даже домом изгнанника Абдаллаха. Сбором подаяний из Европы они основали здесь великолепнейший на всем Востоке монастырь католический, израсходовавши на это

здание более полутора миллионов франков и обеспечивши ему доход из домов, магазинов и подворий, приобретенных или построенных ими в разных сирийских городах.

В 1845 году иезуиты выписали из Италии в пособие себе женский орден сестер Св. Иосифа, сопричисленный к братству иезуитскому, для вящего усиления прозелитического дела воспитанием девиц и тайным действием в лоне семейств. Лазаристы со своей стороны успели вскоре затем основать в Бейруте обширное заведение сестер милосердия, подведомых лазаристскому ордену, с училищем народным, девичьим пансионом, богадельнею и госпиталем. По этому случаю сестры Св. Иосифа, которых молодость и приемы возбудили в Бейруте негодование маронитского духовенства, были переведены в Иерусалим, для основания там девичьего училища.

Из приведенной нами таблицы сирийского народонаселения видно, что число христиан, принадлежащих собственно латинской церкви, ограничивается во всей Сирии и Палестине тысячею семейств, и то большею частью переселенцы или гости из Запада. Между туземцами только в Палестине есть общества латинского догмата. Между тем духовенства латинского считается в сей стране до 300 лиц, а именно: иезуитов 25, лазаристов от 30 до 40, капуцинов 20, францисканов около полутора, до 40 кармелитов, сестер милосердия 10 и столько же сестер Св. Иосифа. Все это духовенство не только исполняет безвозмездно все церковные требы, но даже оказывает значительные пособия туземцам, раздает милостыни бедным семействам, не говоря уже о том, что безвозмездно пользуется бедных и везде обучает детей грамоте или содержит школы и пансионы, где за ничтожную плату или без платы воспитываются дети почетных семейств. Никаких доходов местных оно не имеет, разве с присвоенного ему имущества, или от добровольных взносов поселенных здесь европейцев или путешественников, или же от обычных лотерей в пользу больниц и т. п. Между тем латинское духовенство располагает огромными суммами, всюду строится, окружает свои алтари подобающим благолепием и сверх милостыни народу оказывает пособие другим католическим церквям. До 1830 года латинские монастыри, как в Сирии, так и в Палестине, не имели и половины нынешних своих размеров и нуждались часто в насущном хлебе. В настоящее время пособия, поступающие к латинскому духовенству сего края из Запада, должны простираться до 2 000 000 франков ежегодно. Источники этих доходов неопределительны и непостоянны. От французского правительства выдается около 100 000 франков в виде пособия на поддержание латинских церквей и приходов в тех городах, где учреждены французские консульства, или же в виде стипендий на училища. От Лионской пропаганды, учрежденной понедельным сбором по полторы копейки с миллионов подписчиков низших сословий во Франции, Бельгии, Сардинском королевстве и католических странах Германии, высылаются в Сирию то постоянные пособия, то чрезвычайные дачи, смотря по обстоятельствам. Испания доставляла прежде постоянные милостыни от двора, особенно в Иерусалим; ныне от времени до времени собираются там милостыни народные. Римский двор доставляет также значительные суммы. Но главный источник дохода – пожертвования частных лиц, по собственному ли призыванию дарителей и завещателей или посредством сбора, производимого посланцами латинского духовенства самой Сирии. Деятельность и способность монахов, наряжаемых для этих сборов, средства, искусно употребляемые ими, чтобы добыть денег не у одних благочестивых жертвователей, но даже у лиц, чуждых всякого усердия к вере или же не принадлежащих

католической церкви, превосходят всякое вероятие. Так, например, помянутые нами полтора миллиона франков на постройку Кармилевского монастыря собраны в продолжение нескольких лет безграмотным кармелитским монахом Фра Жан-Баттистом по всем европейским государствам. Из России даже получил значительные суммы Фра Жан-Баттист, хотя сам в Россию не ездил, а только списывался с другими лицами, возбуждая усердие дарителей своими рассказами, журнальными статьями, всякими небылицами. Когда обитель была отстроена, Фра Жан-Баттист убедил французского литератора Александра Дюма описать живейшими красками в журналах те опасности, которым подвергаются будто бы путники на горе Кармиле, когда по ночам идут просить гостеприимства у монахов. Дюма рассказал небылицы о хищных зверях, львах, тиграх и гиенах, рыскающих под стенами обители, которая не имела средств обстроиться забором. Этою смелою выдумкою добыто еще тысяч сто франков, из которых купили монахи доходное имение для обители. Сестры милосердия в прибытие свое в Бейрут в 1846 году имели с собою не более 40 000 франков капитала, а доход, обеспеченный им от Лионской пропаганды, едва ли простирался до 10 000 франков в год. С полным доверием в свои грядущие средства они тогда же приступили к делу в самых обширных объемах, купили просторное место, выстроили великолепное здание, основали училище, пансион, больницу, а на все это израсходовано до сего времени не менее 300 тысяч франков. Если, с одной стороны, утешительно видеть, что среди преобладающего на Западе безверия чувство религиозное выражается столь щедрым усердием народов к своей церкви, зато прискорбно видеть направление самого духовенства латинского на Востоке, с того времени как усиление и распространение его деятельности служит уже не к самосохранению, еще менее к проповеди христианства между неверными, но единственным орудием к распространению на Востоке влияния Папы Римского. Очевидно, что средства духовные и материальные, которыми располагает латинская церковь в Сирии, далеко превосходят всякую соразмерность с нуждами паствы. Зато латинское духовенство здесь, как и по всему Востоку, обнаруживает двоякую деятельность: с одной стороны, служит оно центром разных католических сект, приобретенных пропагандою Рима, усиливая постепенно меж ними влияние Папы и направляя духовное их развитие сообразно с видами Рима, а с другой – подвизается оно против восточных церквей, усиливается подкапывать внутреннюю их дисциплину и их влияние на народ и стремится, не разбирая средств, к конечному их разрушению и к покорению христианского Востока духовному единовластию Рима. Это направление латинского духовенства и плоды его вековых усилий будут оценены точнее при обзоре самих католических сект Сирии. Ограничимся покамест кратким изложением внутреннего устройства сего духовного ополчения Запада в той стороне Востока, на которую преимущественно устремлены виды римского первосвященника и теперь, как и в эпоху крестовых войн. Каждый из помянутых орденов зависит собственно от своего генерала, пребывающего в Риме, и вместе с тем они в совокупности подведомы коллегиям пропаганды. Местный надзор за их действиями вверен двум представителям папской власти – делегату, пребывающему на Ливане, который вместе с тем служит блюстителем над туземными католическими сектами, ходатаем и посредником в возникающих между ними спорах, и новоназначенному от Папы латинскому патриарху Иерусалима. Эти многосложные пружины подчиненности и надзора представляют ту выгоду, что непосредственное действие папской власти проявляется только в случаях крайней

важности по части церковного управления и дисциплины, и поощряют свободное соревнование между орденами в сфере деятельности, указанной каждому из них.

Монастырь кармелитов.

Гравюра XIX в.

Приходы латинские и духовные требы паствы исключительно предоставлены капуцинам и францисканам, которые вместе с тем пекутся и о воспитании детей в тех местностях, где нет других католических училищ. Лазаристы занимаются собственно воспитанием католического юношества высших сословий. Они имеют большой и хорошо устроенный коллегийум в Антуре, на горе Ливанской, и другой в Алеппе, бывший иезуитский. В этих двух коллегийумах около сорока воспитанников, большею частию из детей туземных почетных семейств, содержится на счет французского правительства. Иезуиты в недавние годы основали обширный коллегийум в Бейруте и другие три на Ливане. Это народные училища для детей всех сословий, возрастов и исповеданий; но в существе воспитание небрежно, служа только предлогом и приманкою в этих центрах всяческих происков, откуда распространяется влияние иезуитское на семейства и общины. Между тем иезуиты прикупают земли, обзаводятся обширным хозяйством, пользуют больных, обучают жителей разным отраслям сельского хозяйства и земледелия, вкрадываются в доверие аристократических семейств края и, владея всяческими практическими сведениями, становятся людьми необходимыми. Кармелиты монашествуют в своем прекрасном монастыре и в разных его подворьях, живут роскошно и, под благовидным предлогом гостеприимства странников, угощают богатых путешественников, а бедным странникам дают ночлег и хлеб трое суток. Главное их занятие – хозяйство и умножение дохода.

Францисканы. Рисунок

маслом, XIX в.

Палестина исключительно предоставлена ордену францисканов, и потому орден этот на Востоке именуется орденом Святой Земли (Terra-Santa). Устройство его в Палестине представляет некоторый отпечаток эпохи крестовых походов; самые лица, можно сказать, сохранили если не рыцарские доблести тех времен, то, по крайней мере, совершенное невежество, изуверство, сварливый нрав и беспокойный характер крестоносцев, все грубые пороки, так живо проглядывающие сквозь романтические покрывала, набросанные на ту эпоху временем и поэзией. Они именуют себя потомками крестоносцев и их преемниками у стражи Святогробской. Впрочем, так как на мусульман францисканы не могут обращать свои воинственные наклонности, то к ним они стараются приласкаться, чтобы успешнее действовать против ненавистных соперников, православных и армян. Проистекающие от сего народные ненависти, тяжбы и всякие бесчинства у святых поклонений палестинских известны всему миру, и мы имели уже случай о них упомянуть. Сказанное в статье о греческом Святогробском духовенстве отстранит от нашего образа воззрения всякий упрек в пристрастии к тому или другому; но нельзя не приписывать всего более латинам преобладающего в Иерусалиме духа несогласия и раздора. Какие бы то ни были постановлены начала для водворения порядка и благочиния в храме

Святогробском и других поклонениях, где разные исповедания соприкосновенны, они будут бессильны, пока не водворится если не братское, подобающее между ними согласие, то по крайней мере терпимость взаимная. А чувство терпимости так чуждо всем понятиям латин, что почитается противным основному догмату католической церкви о духовном единодержавии Папы. По своей католической теории они без обиняков объявляют, что Римская церковь никогда не может согласиться на уравнивание прав своих над святыми поклонениями с другими исповеданиями и даже никогда не признает какого-либо права другим исповеданиям. Мир с другими исповеданиями они считают ересью; но перемирие готовы заключить на том основании, чтобы другие удовлетворили их всякими уступками, а взамен они оставят процесс открытым об остальных своих притязаниях и отложат до времени наступательные свои действия, пока удастся вытеснить окончательно из Палестины греков и армян. В подкрепление такой теории они говорят, что Папы доселе не отказываются от притязаний своих на Авиньон. Не нам, говорят они, принадлежат святыне поклонения, но Спасителю и апостолам. Наместник Спасителя и преемник апостолов не имеет никакого права уступать другому предмету, вверенный его страже, но не ему принадлежащий. Когда софизм доходит до такого цинизма, то можно ли ожидать мира и согласия между исповеданиями? С одной стороны, они оглашают Запад воплем на греков и называют их похитителями святыни, а с другой – жалуют встречных путешественников в рыцари Св. Гроба за 50 червонцев (на это есть такса) и надевая им так называемые шпоры и шпагу короля Готфрида, приводят их к присяге внутри Гроба Господня на преследование схисматиков. Церковь же наша ежедневно молится о соединении всех.

Мы уже упоминали, что с некоторого времени почетным представителем Папы в Иерусалиме служит новопоставленный латинский патриарх Валерга. Его послал римский двор на Восток в порыве преобразований, предпринятых Пием ГХ, когда он и нунция посылали к султану и окружными письмами призывал восточные племена к соединению с Римом, вместо того чтобы охранять собственный престол и церковь от внутренней напасти и от пародии Римской республики. Восточные попытки Пия ГХ вели более к суетному эффекту, чем к существенной какой-либо цели. Нельзя не удивляться тому легкомыслию, с которым глава одной из церквей обращается не к церкви, не к духовенству с предложением о воссоединении, или, точнее сказать, о подчинении их догмату, ими осужденному, но к массам народным и призывает массы народные к восстанию против духовной их власти. Если, с другой стороны, основание латинской патриаршей кафедры в Иерусалиме имело целью усиление внутренней дисциплины церковной и наступательных средств против греков и армян, то вряд ли кроме наружного блеска можно ожидать от этой меры других результатов. Пока францисканский орден Св. Земли сохраняет нынешнее свое внутреннее устройство, патриарх пребудет более почетным гостем, чем главою своего духовенства. Сам он состоит на папском жалованье, а духовенство зависит от своего орденского начальства и не допускает ничего вмешательства во внутренние его дела, в монастырское и хозяйственное управление. По старинному учреждению им начальствует иеромонах, посылаемый на трехлетие из Рима с титулом реверендissima и стража Св. Земли. Этому иеромонаху предоставлены епископские почести, перстень и митра. Он должен быть природный римлянин. Власть его ограничена местным влиянием братии, постоянно здесь пребывающей. Сверх того при нем состоит викарий, итальянский уроженец, наряжаемый также из Рима; но ни тот, ни

другой не могут ничего предпринять без согласия прокураторов, избираемых братиею, и казначея бессменного, равно избираемого братиею. В монастыре бывшем Иоанна Богослова, ныне Спасском, сосредоточивается управление францискан. Число братий простирается в нем до 50. Они имеют внутреннюю богатую церковь и ризницу, в которой хранятся изящные и богатые дары разных католических королей. Они же идут служить в принадлежащую им пещеру Гефсиманийской долины, где укрывались апостолы во время предательства, равно и в придел Св. Елены, пристроенный извне к храму Воскресения, и во вновь выстроенную церковь, где была темница Христова и коей место даровано им по ходатайству принца Жоэнвиля, посетившего святыя места под египетским владычеством. Кроме сего до 10 братий пребывает безвыходно в самом храме Воскресения, где игуменствуют по очереди испанец и итальянец. В Иерусалиме других монастырей францисканы не имеют; поклонников своих принимают в особый дом, а несколько других домов, им принадлежащих, служат для безвозмездного помещения бедных семейств латинского исповедания. Так как число латинского народонаселения в Иерусалиме и во всей Палестине весьма ограничено, то монастырь раздает значительные милостыни и вообще платит за всех казенные повинности, не употребляя, впрочем, на эту статью и трети тех расходов, какими обременен греческий монастырь в пользу паствы.

В древнем Вифлеемском монастыре, пристроенном к храму и принадлежащем францисканам, пребывает 15 или 20 братий итальянцев и испанцев. Игумен избирается по очереди той или другой нации, а хранитель ризницы (sacristano) всегда испанец. В Горней, в двух часах от Иерусалима, им принадлежит древний монастырь Св. Иоанна Предтечи; там пребывает 10 братий, а игумен всегда испанец. В Назарете, в великолепном монастыре Благовещенском, воздвигнутом на том месте, где стоял дом Иосифа, игуменствует француз, а братия считается до 15. Наконец, в Яффе и в Рамле есть значительные францисканские монастыри, во имя Св. Петра и Богородицы; игуменствуют испанцы, а братии считается в них до 20 человек разных наций.

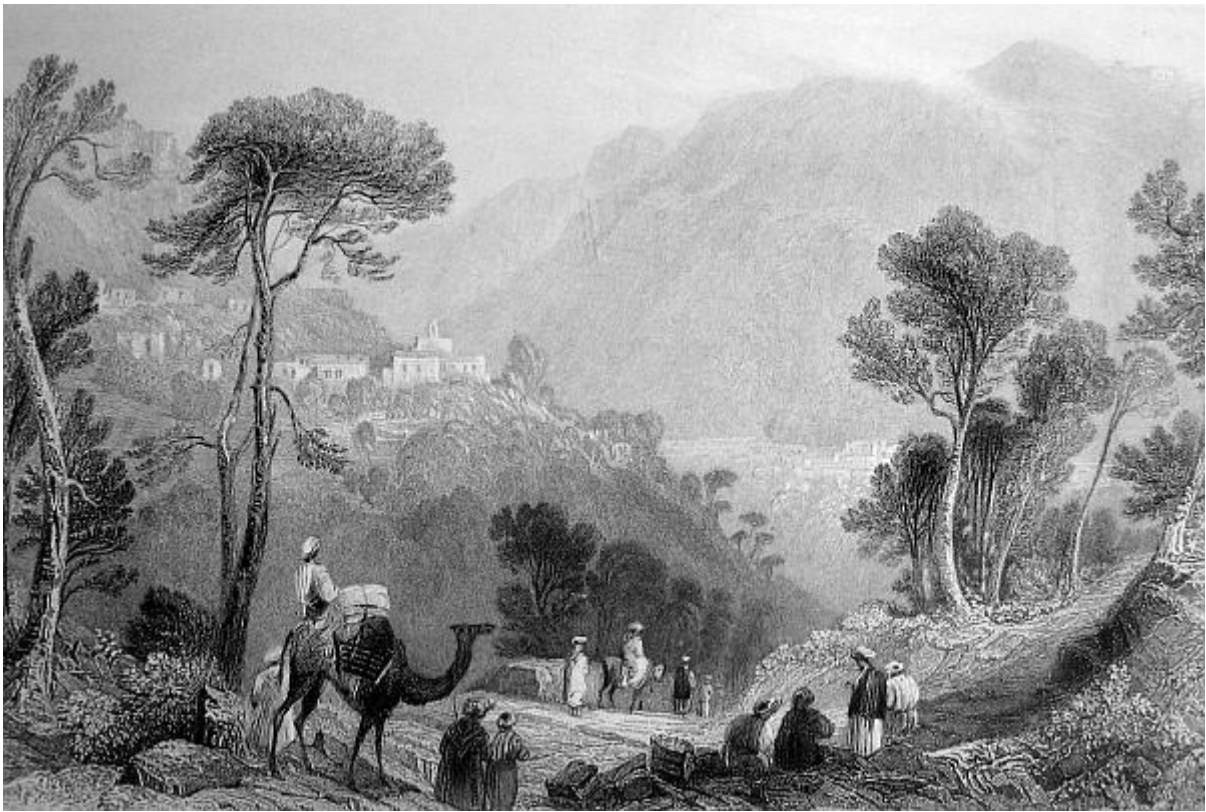
Все исчисленные нами францисканские монастыри обязаны гостеприимством странникам, имеют некоторое доходное имущество и получают пособие от ордена. Впрочем, жизнь в них скудна. Только немногие из устаревших в них монахов пребывают бессменно; остальные переводятся из одного в другой и часто заменяются другими пришлецами из Европы, пробывши положенный срок в Палестине.

В политическом отношении все монастыри, подворья и церкви латинские подлежат ведомству французских консульств, и все латинские монахи, к какой бы они нации ни принадлежали, состоят на правах французских подданных. Льготы и права, трактатами обеспеченные подданным европейских государств в Оттоманской империи, были до преобразований Махмудовых единственною порукою существования европейцев среди анархического хаоса и произвольного деспотизма местных властей. Франция в благородном соревновании к вере, в пору своего величия, при Людовике XIV, стяжала неоспоримую славу, обеспечив свободу богослужения своим восточным единоверцам, обеспечив их храмы и святыя поклонения от насилий и от произвольного конфискования. Когда, благодаря успехам преобразований на Востоке, миновалась всякая опасность со стороны властей оттоманских, охранительные начала трактатов Людовика XIV обращаются латинским духовенством в орудие возрастающих его исключительных

притязаний против других христианских церквей, а французские представители, домогаясь религиозным влиянием укрепить политическое влияние на Востоке, суетно поддерживают самые прихотливые домогательства своих единоверцев и наступательные их действия против христианских церквей. С другой стороны, влияние французских консульств на духовенство ограничивается правом заступничества; но унять неправильные его действия или присудить виновного к законному наказанию консулы не могут, по самостоятельности духовного управления. Легко себе представить, какую смелость внушает предприимчивому латинскому духовенству это странное льготное состояние, ему предоставленное, эта уверенность лиц и обществ найти всегда покровительство от чужой обиды, при совершенной безнаказанности обид, с таким удалством наносимых соперникам.

8. Марониты

Статистические исследования наши о племенах сирийских расположены по вероисповеданиям их не только потому, что гражданское управление на Востоке руководствуется сим началом, но по своему коренному развитию народности восточных племен на духовном начале. Среди ересей, обуревавших Сирию под влиянием противоположных учений Евтихия и Нестория, возникло ложное верование о единой воле в Спасителе. Шестой Вселенский собор осудил монофелитов. Неподалеку от нынешней Хамы (Епифании), на берегах Оронта отшельничествовал сирийский монах Марун при императоре Маврикии. Воспламененный догматом монофелитов, отшельник сделался красноречивым проповедником ереси между соседними племенами. Вот начало маронитского племени, которое причислило ересиарха к лику святых, именуя его защитником православия против монофизитов и несториан и храня предание о духовных его сношениях с Иоанном Златоустом. По смерти Маруна скит его обратился в огромный монастырь, вмещавший до 800 братий. Он был разрушен впоследствии императором Юстинианом II, который обращал на гонение ересей всю деятельность, нужную на защиту империи от неверных. Нашествие арабов заставило маронитов, преследуемых от константинопольского двора, искать убежища на горах Ливанских, коих племя искони было известно под именем мардаитов, что означает на сирийском языке буйных, по непокорности их императорской власти. С того времени имена маронитов и мардаитов сделались тождественными, особенно в византийских историках, а те сирийские христиане, которые остались верными православию и покорными императорам, стали именоваться мельхитами, то есть приверженцами царскими. Сего-то последнего наименования стали домогаться в наше время сирийские греко-униаты, секта новая, о которой далее будем говорить.

Маронитская деревня в ливанских горах. Английская гравюра, 1820-е гг.

Переселенцы вскоре слились с ливанским туземным племенем, отстояли с ним свои горы против нашествий арабских завоевателей и, заключив союз с князем соседнего Джибейля (др. Библоса), простирали свои набеги до Дамаска и Иерусалима. Греческий двор, вместо того чтобы употребить их передовыми стражами империи, пожертвовал ими при заключении мира с халифом Абд эль-Маликом и тем усилил еще враждебные чувства горцев к Константинополю и духовное их отчуждение. В то время церковное и политическое управление этого племени соединилось в руках даровитого инок Иоанна Маруна, который занял монастырь Канобин, основанный Феодосием Великим близ знаменитых Кедров Ливанских и поныне служащий престольным патриаршим монастырем маронитов. Преемники Иоанна Маруна приняли впоследствии титул патриархов Антиохийских. По соединении их с Римом, папская булла признала их в этом сане. Из крестовых летописей видно, что соединение их с западною церковью совершилось Алимериком, третьим латинским патриархом Антиохии в 1182 году. Но церковные летописцы маронитов силятся доказать, что их предки никогда не были монофелитами, не отступали от православия и пребыли в постоянном духовном общении с Римом. Должно думать, что не только прежде указанной нами эпохи соединения с Римом, но и после впадали они в ересь; ибо в актах Флорентийского собора упоминается опять о воссоединении их {Появление на Флорентийском соборе представителей восточных сект монофелитов, евтихиан, несториан и пр. можно почесть драматическою выдумкою пап для усугубления их торжества. За исключением патриархов Антиохии и Иерусалима вряд ли кто из сирийских христиан слышал тогда о Флорентийском соборе. Исторические подробности, нами приводимые, служат к пояснению не только неизменных правил римской политики относительно восточных христиан, но и самих связей духовных и политических Рима с католическими сектами Востока.}. То же явление

повторяется на местных соборах, созванных под влиянием римского двора для укрепления духовенства и народа в покорности Папе. В 1600 году нунций папский был на Ливане, и созванный им собор объявил, что «церковь маронитская пребудет неразлучною от римской, хотя бы вместе с оною была осуждена в „ад“». В половине прошедшего века был другой собор такого рода, и им постановлено нынешнее церковное управление маронитов. Приняв основные догматы Запада и большую часть обрядов, разрешение брачных союзов даже до третьей степени родства включительно и юлианский календарь, марониты сохранили в своем богослужении древний сирийский язык, которого, впрочем, никто почти не понимает, даже в высшем духовенстве, равно и каноническое правило восточной церкви о брачной жизни священников, которое было самоизвольно отменено западною церковью, по видам Григория VII.

С самого своего основания маронитская церковь пользуется неоцененною на Востоке свободою богослужения, благодаря местностям и политическому состоянию Сирии. Союз с друзьями, запечатленный с XI века заветом терпимости и общей защиты гор, и, наконец, обращение владетельных семейств Шихаб и Булема в христианство по маронитскому исповеданию придали постепенное политическое развитие сему горскому племени, ныне первенствующему на Ливане. Римский двор сугубо о нем печется и доставляет средства воспитания его духовенству учреждением 30 стипендий маронитских в коллегииуме пропаганды. Но доселе маронитское духовенство наравне с народом пребывает в черством невежестве. Главным предметом римского воспитания есть затверждение папских прав, и очевидно, что это умышленно, дабы духовным уничижением обеспечить подчиненность этого племени дальнему и чуждому церковному главе. Приведенный в книге Вольнея эпизод о похождениях маронитской монахини Хендиэ живо изображает степень умственного образования маронитов.

Маронитский патриарх избирается и посвящается собором своих епископов, а затем утверждается папскою буллою. К титулу своему Блаженнейшего патриарха Антиохийского он присовокупляет почетное звание папского викария в Сирии. Он посвящает двенадцать епископов; из них пять управляют ливанскими епархиями, а остальные состоят *in partibus* с титулами престолов Акки, Иерусалима, Дамаска, Кипра и пр., пребывая на Ливане, где сосредоточено племя маронитское. Двое из них постоянно находятся при патриархе помощниками и советниками для отправления дел. Число маронитского духовенства может простираться до 1000 женатых священников и до 2000 лиц черного духовенства. Белое духовенство родом жизни мало отличается от поселян. В каждой деревне есть несколько церквей; и нет мызы, можно сказать, на Ливане, где при двух или трех семействах обывателей не было бы церкви и священника. Если доход его слишком скуден, то он прибегает к епархиальному епископу и к патриарху, которые обязаны ему оказывать пособие из сумм, поступающих к ним на помины, полагая по три пиастра за литургию. Если, например, по смерти богатого мирянина поступит к епископу три тысячи пиастров на помины, то эти деньги разделяются на неимущих священников, которые обязаны отслужить каждый известное число литургий. Таким образом каждый священник получает до 1000 пиастров ежегодного дохода, и источник этот, которым обязано духовенство западному догмату о чистилище, столь обилен, духовные требования паствы столь обширны, что при значительном числе духовенства деньги часто хранятся без употребления, и тот, кому поручена раздача, долго отыскивает священника или

иеромонаха, который не забрал бы вперед денег на огромное число литургий. Каждый священник и иеромонах ежедневно совершает сие таинство или в церкви, или в своей келий, или в жилом покое у гостей; и это так строго соблюдается, что и больной, если только умственные его способности в здоровом состоянии, лежа в постели священнодействует.

гравюра, XIX в.

Одеяния маронитов. Немецкая

Глава маронитской церкви в Иерусалиме. Из паломнической книги 1646 г.

<

> Черное духовенство маронитское следует чину Св. Антония, разделяясь по внутреннему управлению на три разряда: беладиз, туземцев, халебиэ, выходцев с Алеппской стороны (это, вероятно, знаменует оронтских переселенцев, о которых мы упоминали), и собственно антонианиз, монахов Св. Антония. Каждый из этих разрядов имеет своего главу реиз-эльам, избираемого на трехлетие братиею из своей среды, независимо от епископской власти, и заведывающего хозяйственным управлением подведомых ему монастырей.

Маронитских монастырей считается более полутора; но из сего числа пятьдесят самостоятельных, а остальные состоят в зависимости от первых, коими они основаны для ближайшего присмотра за поместьями, поступившими от времени до времени в церковное ведомство. Главные обители сосредоточены в северной стороне Ливана, населенной исключительно маронитским племенем.

Доходы маронитской церкви и духовенства вообще должны простираться до 700 000 руб. серебром – суммы огромной в отношении к числу и богатству народонаселения. Две трети этой суммы поступают с поместий. Пятая или шестая доля, по крайней мере, плодородных земель Ливана принадлежат маронитской церкви. Поместья эти обрабатываются самими монахами и обывателями монастырскими на праве товарищества. Впрочем, содержание монастырей чрезвычайно скудно. Монахи трудолюбивы и сами для себя готовят все нужное, занимаясь кто земледелием, кто ремеслом в пользу обители; есть между ними и сапожники, и портные, и плотники, и каменщики; чинят свои здания собственными средствами, и однажды в неделю вся братия идет в хлебопекарню готовить хлеб на всю неделю. Обет бедности так строго соблюдается между ними, что монаху не позволено владеть ничем ценным, ни вещию, ни деньгами выше 5 пиастров; а у кого найдется более при смерти, того не хоронят на монастырском кладбище. Гостеприимство маронитских обителей ограничивается скудным черствым хлебом нищему. Очевидно, что обильные доходы с монастырских имуществ обращаются злоупотреблениями духовного начальства в пользу родни, а потому дворянство маронитское, посвящая некоторых из своих членов в духовное звание, домогается доставить им прибыльные должности по церковному управлению. Доходы епископов состоят в добровольном взносе от мирян, и главное – в наследстве после умирающих. Епископ забирает четверть или треть с наследства, если нет детей у умершего, и довольствуется 7-ою или 10-ою долею при детях. К чести маронитской церкви заметим, что она исключительно печется о воспитании и духовенства, и мирян. Как ни односторонно и ограничено воспитание это, оно поддерживает и народность горского племени, и благое в нем влияние духовных начал. В тридцати с лишком монастырях духовные лица изучают сирийский и арабский языки и догматы своей веры, а дети мирян язык арабский, который доставляет им места писцов по разным управлениям и сопряженное с сим влияние. С некоторых лет введено правило подвергать испытанию лица, вступающие во священство, так что все новое поколение маронитских пресвитеров обязано систематическим воспитанием в духовных училищах. Явление это ново на Востоке и обещает усилить умственный элемент маронитского племени и влияние западных догматов, к которым духовенство маронитское несравненно более привязано, чем другие католические секты Востока.

Маронитское духовенство носит платье длинное азиатское и черную рясу. Белое духовенство надевает на голову высокий клобук темно-синий, обвязанный огромною чалмою того же цвета, а монахи накрывают голову только низким капюшоном. Епископы надевают сверх капюшона монашеского клобук белого духовенства.

Менее всех католических сект Востока марониты домогаются прозелитизма; но во всяком случае потворствуют обращению греков в унию. Униатов хотя они и не любят за беспокойный их нрав, однако по религии почитают братьями и входят с ними в родство.

Кроме новообращенных эмиров – мусульман и друзов, о которых мы упоминали неоднократно, марониты имеют несколько дворянских семейств, шейхов, каковы: Хазен, Хбеш, Дагдах, Кераме, Гандур и другие менее почетные. Дворянство это угнетает народ, упорствуя в своих феодальных притязаниях; но при надлежащем устройстве центральной власти на Ливане оно бессильно, ибо тратит свое влияние на семейные козни, и большею

частью нищенствует по порочным своим навыкам, равно и потому, что имения делятся на ровные доли между наследниками.

Из показанного нами числа 28 000 семейств сего племени с лишком 25 000 населяют ливанские горы, составляя половину всего их народонаселения, и в сем-то сосредоточении состоит политический их вес. Остальные живут в Алеппе, в Дамаске и по разным городам и округам Сирии, равно и на острове Кипре. Это старые переселенцы, выброшенные из своих гор внутренними их смятениями. Кипрские марониты состояли прежде в заведывании греческого митрополита, и строго воспрещалось им от властей всякое сношение с латинским духовенством. Теперь они пользуются полною свободою богослужения, не завися более от греческого духовенства. По всей Палестине считается не более 100 семейств маронитов.

9. Греко-униаты

Когда на Флорентийском соборе Папа насильственно предписывал свои догматы восточным церквам и морил голодом злополучных святителей, пока не подписывали они акта о подчинении церкви римскому догмату, было совершенно упущено из виду, что церковь на Востоке не была исключительным достоянием одного духовенства или мирских властей, но святым достоянием племен, ею вскормленных; что подписи духовенства и мирских властей не могли быть обязательны для народной совести. Под мусульманским игом самостоятельные догматы сделались ковчегом народности для восточных племен. Подкупные или вынужденные подписи актов флорентийских остались мертвою буквою. Церкви, испытанные в упорном натиске всего западного рыцарства, когда Запад трехвековыми гонениями истязал христианство восточное под знаменем креста, когда епархии (кроме Никеи) были вверены латинскому духовенству, не могли без сомнения покориться толкованиям богословов Флорентийского собора. Официальное соединение основывалось на том самом начале, которое за четыре с лишком века пред тем подало повод к разрыву; а именно на догмате о подчиненности церкви римскому епископу. Это совершалось в ту самую пору, когда злоупотребления духовные и мирские папской власти переполнили меру народного терпения даже на Западе, готовя реформу XVI века. Впрочем, как ни суетным оказалось торжество флорентийское по своим непосредственным результатам, Папы с упорством стали домогаться водворения своей духовной власти на Востоке и тщательно следили политические события этих стран, чтобы улучшить пору осуществления своих домогательств. Соединение православной Литвы с Польшею, отторжение от России западной ее полосы и одиночество славянских племен между Карпатами и Адриатикою благоприятствовали прозелитическим усилиям Рима на Севере. Известно, какими насильственными политическими мерами было вооружено пронырство иезуитов в их посягательстве на славянские православные церкви для введения в них унии. Греко-славянские племена Оттоманской империи были ей недоступными. На Востоке православие почерпало новые духовные силы в тех гонениях, коими испытывало его оттоманское владычество. Ни одна униатская церковь не была основана не только в тех странах, где мусульманские завоеватели с равным презрением или ненавистью смотрели на оба христианские вероисповедания, но даже там, где длилось вековое владычество итальянских республик, где римско-католическая церковь бесспорно господствовала, как, например, в Кандии, в Архипелаге, в Морее, на островах Ионических

и в Кипре. Заметим еще, что вскоре по падении венециан и генуэзцев, остатки или потомки владетельных гостей по большей части вошли в православную церковь.

В Сирии ни одного прозелита не обрела сперва уния в православной церкви. Но мы имели уже случай заметить, что ранние политические напасти сего края, вслед за обуреваниями древних ересей, заблаговременно истомили церковь антиохийскую. Сношения ее с цареградским православным центром и по народности здешних племен, и по языку были не довольно деятельны в течение восьмивекового тревожения духовно-политического. С самого XVI века римский двор вошел в сношения с антиохийскою церковью; писались письма к патриархам и архиереям, посылались дары и денежные пособия; иезуиты усердно навещали край. Изучая арабский язык, принимая костюм и обычаи здешних жителей, пользуя болящих, пособляя страждущим, благодетельствуя убогие церкви, они до того успели вкратиться в доверенность духовенства и народа, что даже проповедывали в церквях, в Дамаске, в Сайде и в Алеппе. Посещая города, они обыкновенно останавливались у епископов, состоя под их покровительством, выдавая себя за православных, умалчивая о догматах западных, упоминая о Папе, как о некоем покровителе и благотворителе всех церквей, и ожидая, чтобы созрела вожделенная жатва прозелитизма. Бедность и необразованность арабского духовенства, природная склонность арабов к прениям, суесловию и софизмам, самостоятельность Антиохийского престола, соседство католического племени маронитов – все благоприятствовало успеху иезуитов.

В 1725 году возник раздор между патриархом Афанасием и митрополитом Алеппским Герасимом по поводу желанья патриарха поселиться на жительство в Алеппе и назначить наместником своим в Дамаске Герасима. Родной брат сего епископа, обращенный смолоду в магометанство, был главным медиком султана, могучим вельможею Хеким-баши. Имея такую подпору в столице, Герасим отложился от Антиохийского патриарха и при посредничестве иезуитов признал Римского Папу. В обрядах церкви не сделал он никаких изменений, так что народ ничего не заметил. Умолчание патриаршего имени на эктении было приписано ссоре двух владык. Тиро-Сидонский епископ принял сторону Герасима и последовал его примеру. Лет двадцать спустя, когда мало-помалу пронырством иезуитов была приуготовлена сильная партия в духовенстве и в почетных жителях Алеппа и Сайды, отпечатан молитвенник, в который включены в символ веры слова «и от сына», однако ж в скобках, в виде пояснения, а не прибавки.

Заметим, что Алепп и Сайда были единственными городами Сирии, в которых имели тогда свое пребывание французские консулы и негоцианты. Много туземцев пользовались их покровительством, и на основании прежней торговой системы Турции были снабжены бератами от французского и венецианского посольств. Известно, что бераты эти, с ведома Порты, составляли в подвластных племенах класс людей привилегированный от иностранных держав и, следственно, к ним привязанный {В XIX главе нашей книги помещены некоторые замечания о прежней и нынешней торговых системах Турции. Для читателя, мало знакомого с причудами турецкого законодательства, присовокупляем здесь пояснение о бератах.

По заключении торговых трактатов с другими державами Порты не могла произвольно обременять их подданных новыми налогами. Все бремя нововводимых налогов падало на туземцев, а иностранцы составили класс привилегированный. Этого мало: посольства и консульства в силу трактатов оказывали свое покровительство турецкоподданным, под предлогом, будто они состояли в службе при посольствах и консульствах. Таким образом все богатые купцы турецкоподданные вошли в привилегированное сословие, а привилегия признавалась султанским бератом. В начале этого столетия турки постигли наконец зло, проистекавшее от такой чудовищной системы. Они стали выдавать бераты своим подданным непосредственно от правительства. Само собою разумеется, что бераты выдавались за деньги. Напоследок посольства согласились с Портою уничтожить бераты.}. Так как богатейшие из купцов принадлежали к этому классу, то узы торгового покровительства распространяли те же чувства в многочисленных клиентах. В сих-то городах зародилась уния и усилилась, едва не вытеснив православия, тогда как в остальной Сирии она в массе народа не обрела сочувствия.

По кончине Афанасия избрание преемника его Сильвестра подало повод к раздорам в православной пастве, а иезуиты, сбросивши уже личину, воспользовались этим обстоятельством, чтобы привлечь новых прозелитов в духовенстве и в народе. Между тем отпавшие епископы посвятили из своей среды патриарха, с титулом православных патриархов Антиохии и с подтверждением выбора папскою буллою. На горе Ливанской, где издревле преобладала католическая секта маронитов, две знаменитейшие обители православные – Спасская Дер-Мхалас и Иоанновская Дер-Мар-Хана-Шуэр – отпали в унию. Патриарх Сильвестр прибегнул к насильственным мерам для утешения зла. Соборная церковь алеппская была возвращена православию, но осталась безлюдною. Униаты как в Алеппе, так и в других городах, где новых церквей не позволялось строить, стали служить литургию по домам, со всем упорством гонимого раскола. Не раз правительство, уведомленное о том, подвергало духовенство тюремному заключению и налагало пени на христиан в совокупности. Нередко сам патриарх и епископы православные, единственные представители народа пред правительством, подвергались взысканию за униатов. Видя невозможность искоренения зла силою власти, они, вместо гонения, стали оказывать отпадшим свое покровительство пред турецким начальством и заключили условия с униатами, чтобы ходатайствовать по делам, подведомым духовной власти в гражданском управлении Турции. Православное духовенство обязалось выносить на кладбище покойников, ибо униатского духовенства турки не признавали, включая униатов в составе православных обществ.

Безначалие Сирии в продолжение целого XVIII века благоприятствовало успехам унии. Сам патриарх Анфим, преемник Сильвестра, должен был бежать в столицу от гонений Джаззара. Во все это время народ видел в унии только раздор между духовенством; о Папе ничего не слышал; нововведений в догматах не подозревал при сохранении православных обрядов, а потому, всегда чуждаясь и латинской, и маронитской церкви, легко впадал в униатский раскол при первой ссоре с православным духовенством, даже при первой семейной вражде, точно как бы оставлял один приход, чтобы вступить в другой. Но в духовенстве уния сделала существенные успехи воспитанием молодых послушников в Риме и учреждением духовных училищ на Ливане и типографии в обители Мар-Хана. Арабскому духовенству предстояла также перспектива епископства и

патриаршего сана с того времени, как православная церковь приняла за правило вверять патриарший престол Антиохии, и большую часть епархий природным грекам, а не арабам, не столь благонадежным в этой упорной борьбе.

Уничтожение иезуитского ордена Папою Клементом XIV и политические дела Европы, в исходе прошедшего столетия, приостановили успехи унии в Сирии, а деятельностью греческого духовенства наступательные ее действия были обузданы. Без внешнего содействия уния была бессильна. Самые ее последователи усердно опровергали латинские догматы. По смерти ученого униатского епископа Германоса на Ливане найдены его рукописи, служащие оправданием восточной православной церкви против западных догматов и даже против притязаний папских иметь верховный суд над восточными пастырями. Многие поколебались; сильная партия и в духовенстве, и в народе убоялась своих заблуждений и уже помышляла о воссоединении. Алеппский православный митрополит Герасим, завлеченный необдуманною ревностью, вместо миролюбивых мер для возвращения отпавшей паствы прибегнул к строгостям, всегда опасным в делах духовного убеждения. Он испросил хатти шериф султанский об изгнании из Алеппа униатских священников. При исполнении этого фирмана толпа униатов мятежно ворвалась в собор, и жизнь митрополита была в опасности. Пospели турецкие власти, и по обычаям того времени, без дальней расправы, одиннадцать человек униатов были казнены за буйство. Народ усмирился; но злоба его против православного духовенства усилилась.

Немного лет спустя возникла греческая народная война, а с нею гонения на православную церковь по всей Оттоманской империи. Патриарх и митрополиты, подверженные опале, не могли помышлять об утшении внутреннего раздора церкви. Униатское духовенство стало действовать смелее, а униаты в первый раз стали выказывать себя народом, отдельным от православных и непричастным тем замыслам возмущения, которые существовали в подозрительном воображении дивана и в донесениях пашей, искавших предлога к пеням, конфискованиям и казням.

В эти времена тяжких испытаний скончался патриарх Антиохийский. В Константинопольском синоде, при избрании нового патриарха, все предложенные кандидаты отказались. Только святительские убеждения и церковные угрозы могли заставить престарелого митрополита Анкирского Мефодия, мужа опытного в делах церковных и политических, воспринять тяжкий жезл антиохийской паствы. В Дамаске ожидала его тюрьма и денежные поборы. Но мало-помалу успел он утишить гнев пашей и изуверство черни. Успешным заступничеством христиан, без различия исповеданий, он приобрел любовь и доверенность не только своей паствы, но и униатов. Уже почетнейшие дома Дамаска и треть христиан принадлежали унии. Умными мерами пастыря прозелитизм приостановился, и вражда между православными и унией приутихла.

По истомлении православных подданных империи казнями и пенями настала очередь армяно-католиков. На Западе приписали эту опалу проискам армяно-григорианского духовенства. Гораздо вернее то, что Порты, нуждаясь в деньгах, когда уже не стало тучных жертв между греками, сама приискала предлог описать в казну имущество и капиталы богатых банкиров армяно-католиков. Знаменитая нота Пертев-паши по сему делу высказывает многое, но умалчивает о плодах изобретенной старым его турецким

гением финансовой меры. Патриарх Антиохийский мог бы призвать тогда опалу турецкую на сирийских униатов; но подобное направление не согласовалось ни с христианскими его правилами, ни с опытностью его, оправданною последствиями. Немного спустя (1827 г.) армяно-католики, по ходатайству Франции, восторжествовали, и диван признал их отдельным от армян народом, с правом иметь свои церкви и своего патриарха. Эта мера распространялась на всех католиков – подданных султана, и таким образом сирийские униаты отделились в гражданском управлении от православных и составили особый народ под именем рум-католикиэ, греко-католиков. Представителем их у Порты сделался новый армяно-католический патриарх, признанный от правительства главою всех католических сект Востока.

Около этого времени собором униатских епископов на Ливане был избран в патриархи Максим. В молодости он принадлежал к униатской оппозиции, к последователям Германоса, у коего он служил некогда секретарем. Подозревая его в склонности к православию, римский двор долго не соглашался его подтвердить. Максим прибегнул к хитрости: чрез доверенное лицо он предложил патриарху Мефодию воссоединение церквей. Когда начались переговоры, он отправил в Рим самое письмо Антиохийского патриарха, который предлагал подвергнуть дело разбирательству местного собора. Это заставило Папу поспешить признанием Максима патриархом греко-католическим Антиохии, Александрии и Иерусалима. За то Максим впоследствии дал римскому двору явные доказательства своей преданности фанатическою проповедью против православия и строгим розыском рукописей Германоса, которые по требованию Папы посылались в Рим на всеожжение.

Период египетского владычества в Сирии ознаменован новыми наступательными действиями унии против православной церкви и вящим раздражением народных страстей. Не довольствуясь веротерпимостью и разрешением строить соборные церкви в Дамаске, в Алеппе и в других городах, где дотоле униатское духовенство скрытно отправляло духовные требы по домам, Максим напыщенною проповедью воспламенял народные страсти, софистически упрекал греческую церковь в отступлении от православия и называл себя законным преемником Златоуста, Григория, Кирилла и других древних отцов восточной церкви. В это же время появились опять в Сирии иезуиты, а влиянием в гражданском управлении униата Бахри-бея, о коем мы имели случай говорить, униаты стали повсюду одолевая православных, отняли у них несколько сельских церквей и по местам обращали народ в унию.

С первой поры наступательных действий Максима патриарх Антиохийский убедился в необходимости отличительного клобука для униатского духовенства; ибо простой народ, не видя никакого внешнего отличия, легко вдался в обман, веряясь униатам, которые выдавали себя за истинных представителей православия. По тем же соображениям Максим упорствовал в сохранении одеяния и клобука, присвоенного греческому духовенству и принятого униатами с того времени, когда они были признаны Портою, меж тем как прежде носили они в городах черную чалму. Открылся процесс между двумя патриархами по поводу клобука. Процесс этот длился лет двенадцать; много фирманов Порты и даже хатти шериф, предписывавший униатам принять четвероугольный клобук армяно-католического духовенства, остались без исполнения. Патриарх Мефодий провел

года три в Египте, домогаясь правосудия у Мухаммеда Али. Максим со своей стороны в угождение туркам предлагал, чтобы все спорные вопросы между двумя исповеданиями были предоставлены суду и решению мусульманских законоучителей Каира. Затем ездил он в Италию и во Францию, собрал значительные милостыни и наполнил Запад воплем на терпимые будто бы преследования от греков, тогда как на Востоке подведомое ему духовенство прилежно искало повода к ссорам с греческою церковью и к соблазну в народе. Сохраняя в старости беспокойную деятельность, кою было ознаменовано все его поприще, он провел еще несколько лет в Константинополе, пока наконец этот долгий спор о костюме духовенства был решен при посредничестве посольств российского и французского, установлением восьмиугольного клобука новой формы для униатского духовенства.

Впрочем, еще до решения вопроса этого, которого важность постигнет тот, кто хорошо знаком с внутренним управлением народов в Оттоманской империи и с образом народных мыслей, дерзость унии была унята при самом падении египетского владычества; церкви, похищенные ею в период египетского владычества, были возвращены православию, утихла вражда между двумя исповеданиями. За тем Диарбекирская униатская епархия воссоединилась с церковью. В епархиях Сидонской и Птолемаидской значительное число униатов перешли в православие.

Моральное состояние униатских обществ в Сирии служит мерилom пагубных последствий прозелитизма, когда прозелитизм есть плод не духовного убеждения, но происков, козней и раздоров, какими секта эта была основана в прошедшем столетии иезуитами. Чрез три или четыре поколения по отпадении своем от церкви униатские общества сохраняют отпечаток тех страстей, которыми ознаменовалось начало их отпадения. Это самые безнравственные и самые беспокойные между всеми сирийскими христианами, и не только с православными обществами, не только с другими католическими сектами не могут ужиться, но и между ними вражды никогда не прекращаются. Их природные способности и воспитание, коим обязаны они западному духовенству, приняли самое беспутное направление. Прилежно изучая арабский и турецкий языки, они всего более домогаются секретарских должностей при гражданском управлении, служат орудиями турецких сановников и навлекают на себя ненависть народа. Духовенство униатское, едва стяжало политическую самостоятельность, впало во всякие соблазны. Беспорядки женских обителей обратили на себя внимание римского двора. Едва кончился процесс с православною церковью по делу о клобуке, возникла новая тяжба между патриархом униатским Максимом и некоторыми из его епископов по внутренним делам церковного управления. Папские делегаты в Сирии очевидно стремятся к тому, чтобы подобные тяжбы никогда не прекращались, дабы тем заставить обе стороны прибегать к суду папской власти и тем усиливать влияние Папы на восточные секты.

Вековые усилия римского духовенства к распространению западных догматов в сирийских униатах имели доселе мало успехов; в существе мирян можно считать православными и весьма приверженными к своей церкви, но отложившимися от греческого духовенства. В чистилище они не веруют; о римском первосвященнике имеют невыгодное понятие и вовсе не признают его главою церкви; индульгенций не уважают; латинской церкви чуждаются, стремление духовенства к безбрачию и старание епископов

заменять постепенно женатых священников иеромонахами порождает неудовольствие в народе. Неоднократно уже предписывал Папа введение нового календаря, давно уже принятого другими католическими сектами на Востоке; но греко-униаты упорно придерживаются старого календаря и всех обрядов греческой церкви, утешая себя мыслью, что они не отступают от веры своих предков. В самом духовенстве существует еще разрыв, произведенный книгами Германоса.

Церковь униатская в Сирии устроена по образцу православной, с тою разницею, что в противность основных соборных правил патриарх униатский управляет тремя престолами: Антиохийским, Иерусалимским и Александрийским. Епископов посвящает он от 10 до 12. Из сего числа Бейрутский, Сидонский, Тирский, Аккский, Яффский и Захлейский (на Ливане) живут в своих епархиях. Диарбекирский обращен в православие вместе со своею паствою. Другие имеют епархии *in partibus*, без паствы, как, например, Триполийский и Латакийский.

Черное духовенство униатское силится уподобить внутреннее свое образование римскому и потому вводит разделение на ордена, не основанное, впрочем, ни на предании, ни на особом каком-либо учреждении, а единственно на управлении монастырском. На таком основании оно составляет три ордена или, вернее сказать, три отдела: беладиз, туземцев, коих управление сосредоточивается в обители Мар-Хана-Шуэр; халебиз, алеппских выходцев, занимающих обитель Мар-Джуржиос-эль-Гарб; и мхалсиэ, по имени их главного монастыря Дер-Мхалас Спасского. Сии три обители управляются самостоятельно, подобно маронитским монастырям. До десяти других обителей, в том числе две женских, подведомы им или епископам униатским на Ливане. Сверх того года за два пред сим успели униаты основать новый монастырь в Иерусалиме. Число черного духовенства униатского в совокупности простирается до 300 человек, из коих половина только живет в монастырях, а другая половина расставлена по приходам. Белого духовенства считается не более 50 священников.

Показанное нами народонаселение униатское в Сирии расположено следующим образом: в городе Алеппе 1000 семейств; в епархии Дамасской 1000 семейств; на горе Ливанской с городами Бейрутом, Сайдою и Суром 4250 семейств; в Птолемаидской епархии 1000 семейств; в Назарете, Яффе и Рамле 250 семейств. Затем до 500 семейств униатов, сирийских выходцев, обитают в Египте и в Константинополе.

10-15. Несториане, сириане-яковиты, армяне, копты и абиссины и уния сих сект

Это остатки тех ересей, коими церковь была обуреваема на Востоке несколько веков, доколе магометанское иго, духовное и политическое, положило конец богословским спорам.

Исследование об их начале и развитии принадлежит церковной истории. Ограничимся замечанием, что не заблуждения Нестория, Евтихия, Диоскора, Иакова Барадея и других ересиархов разделяют теперь их последователей на разные секты, но более соперничество духовенства и народность, основанная в Турции на вероисповедании. Народ слишком очерствел под вековым невежеством, чтобы рассуждать о догматах веры. Духовенство

ограничивается исполнением церковных треб, смиренною верою в догматы, осеняющие древнюю народность, и заботою о вещественных выгодах своих и своей паствы. Этим поясняются успехи западных миссионеров между несторианами и монофизитами, тем блистательнее, чем невежественнее духовенство побораемых сект.

Темные последователи несторианской ереси переняли имя халдеев от другого древнего народа, который предшествовал в образовании грекам и египтянам. Халдейский язык сохранился в их богослужении. Они составляют основу христианского народонаселения за Тигром, между курдами и магометанами того края, простираясь до полумиллиона душ в турецких границах.

Ересь Нестория, состоящая в том, что Пресвятая Дева почитается Матерью не Бога, но человека – Христа, с которым впоследствии соединилось Божество, за святость Его жизни, – преобладала в Сирии до Юстиниана. Блистательная ее эпоха наступила вскоре после гонений, которым она подверглась со стороны императоров и которые внушили персидским царям мысль оказывать ей свое покровительство для привлечения в Персию промышленного народонаселения Сирии и Месопотамии. Между тем как Юстиниан Великий мог хвалиться, что ни одной несторианской церкви не оставалось в пределах империи, ересь отторгала от Антиохийского престола весь восточный мир за Евфратом, открывала путь персидскому оружию в древнюю Вавилонию, проникла в Индию и в Среднюю Азию и даже в Китай, основывая тысячи церквей, пока магометанство не остановило ее успехов. Несториане и впоследствии воспользовались ласкою мусульманских завоевателей, по ненависти своей к православным престолом Константинополя и Антиохии. Когда же долгая борьба против империи кончилась торжеством магометанства на Востоке, то и несториане разделили судьбу остальных христиан и их уничижение.

Учение Нестория ввергло не только его последователей, но и самих его противников в заблуждение.

В жару догматических опровержений противная сторона впала в другую крайность, смешав воедино два естества Богочеловека. Догматы монофизитов, которые заставляют страдать на кресте самое Божество и потому названы также феопасхитами, были осуждены на Халкидонском соборе, созванном против Евтихия. Они преобладают в церквях сириан-яковитов, армян, коптов и абиссинян. Общества эти не составляют церкви единой, но и не чуждаются духовного между собою общения, а закоренелая ненависть разделяет их вкуче от несториан. Ненависть эта переходит из поколения в поколение двенадцать с лишком веков, и до сей поры она сильнее действует, чем общая ненависть этих сект к церкви православной. Даже между сектами монофизитов раздоры не прекращаются; по поводу соперничества в духовенстве возжигаются и богословские прения, и взаимные укоризны в заблуждениях; так, например, сириане упрекают армян в мнениях докетов, которые не верили в вещественность и в действительность человеческого тела в Спасителе; копты армяне и сириане обвиняют в иконоборстве, по тому поводу, что иконы в их церквях ставятся высоко и к ним народ не прикладывается. Абиссинян называют иудействующими, по сохранившемуся у них обряду обрезания обоих полов.

И несториане, и монофизиты сохранили в своих обрядах и в церковном чине много сходства с православною церковью, особенно же сириане-яковиты. За исключением армян, отправляющих свою литургию на опресноках и на вине без примеси воды (в знамение единой природы), другие секты монофизитов, равно как и несториане, употребляют в таинстве богослужения квасный хлеб и вино с водою. Подобно армянам сириане присовокупляют к тресвятой песни одно из слов: родшийся, распныйся, воскресший, вознесшийся за нас, – судя по дню, празднуемому церковью, присваивая таким образом Троице земные испытания Богочеловека. Известно, что это нововведение монофизитов произвело бунт в столице при императоре Анастасии. Копты и абиссины сих слов не прибавляют.

Древняя икона из яковитской церкви в Иерусалиме.

Яковиты относят основание своей церкви к апостолу Иакову; впрочем, название яковитов им дано от Иакова Барадея, или Ганзала, последователя евтихиевой ереси и отпавшего от православия в эпоху прений о существах в Спасителе, при императоре

Зеноне. Хотя и между патриархами и императорами нашлись последователи сей ереси, она, однако, не долго существовала в столице. Она наводнила Сирию, где считалось до 50 епископов яковитов, и потому самая церковь яковитская названа сирийскою. После армянства и несторианства это было чувствительнейшею язвою и для церкви, и для государства, и много крови пролито в гонениях, коим ересь монофизитов подверглась при восстановлении православия в Антиохийском престоле. С той поры ересь укрылась за Евфрат, по соседству враждебного ей, равно выгнанного из пределов империи несторианства. Яковиты имеют четырнадцать литургий, под именами: Иакова Брата Божия, Двенадцати Апостолов, Св. Петра, Матфея-пастыря (одного из 72), евангелиста Иоанна, Св. Дионисия Ареопагита, Иоанна Златоуста, Св. Василия, Св. Григория, Кирилла Александрийского, Евстафия Антиохийского (монофизита), Епифана Кипрского, Сикста Римского и Климента Римского. Впрочем, ежедневно служат они литургию Св. Златоуста, а остальные в положенные дни и случаи. Посты наблюдаются у них на том же основании, как и в православной церкви, с тою разницею, что рождественский продолжается 25 дней, а Св. Апостолов неизменно 12 дней. Таинства православной церкви сохранены сектами монофизитов, а несториане заменяют исповедь публичным покаянием в церкви.

В Месопотамии и поныне масса христианского народонаселения, в числе около 600 000 душ, принадлежит яковитской церкви, отделенной Тигром от несториан. Внутри Сирии мало осталось последователей обеих сект, за обращением в унию около 2500 семейств яковитов гауранских. Впрочем, не излишним кажется, для полноты и ясности нашего изложения, присовокупить некоторые сведения о сих древних малоизвестных ныне церквах, против коих усердно подвизаются католические и протестантские миссионеры.

Первосвятитель несторианской церкви принимает титул патриарха Антиохийского и католикоса. Правительство признает его главою кыльданского (халдейского) народа и снабжает его бератом султанским. Патриарший сан наследственно присвоен одному семейству, и потому выбор соборный падает иногда на отроков. Сам нынешний патриарх был посвящен на 12-м году от роду. После кровавых гонений, претерпенных им и его племенем от бунтовщика курда Бедер Хан-бея, наказанного Портою в 1845 году, он провел несколько лет в Мосуле, под покровительством пашей. Он посвящает до 30 епископов в подведомые ему епархии, в Диарбекире и по всему пространству от Вана до Багдата, вдоль персидской границы или в самой Персии. В пределах Ванского пашалыка есть племя несториан, населяющих неприступную гору Гекери, и управляемых самостоятельным епископом. В Сирии давно уже несториане не имеют ни епископов, ни церквей. По временам наряжаются духовники от патриарха для посещения немногих семейств сего исповедания, обитающих в Алеппе и Дамаске. Католические миссионеры стараются присвоить теперь наименование халдеев (кыльдан) тем несторианам, кои подчинились папской власти и приняли унию и католический символ, сохранивши, впрочем, если не догматы несторианские, им неведомые, то по крайней мере все обряды своей секты. Их считается уже более восьми тысяч семейств в Месопотамии, в стране за Тигром и в Персии. Даже в закавказской России есть немного халдеев-униатов между турецкими выходцами. За несколько лет пред сим римское духовенство стало с новою деятельностью посещать те страны. В Багдате постоянно пребывает назначаемый из Рима епископ с титулом Вавилонского. Там же находится и халдео-униатский патриарх, имеющий под своим ведомом пять или шесть епископов.

Не столь успешно, хотя гораздо деятельнее трудятся протестантские миссионеры над обращением несториан. Примечания достойно, что хотя секта сия отличается изуверством и предрассудками между всеми христианскими церквами – что легко поясняется тысячелетним ее одиночеством среди полуязыческих племен за Тигром, равно и претерпенными в древности гонениями со стороны восточных императоров, – однако протестантские богословы наиболее ей сочувствуют, обретая в ее догматах сходство с протестантскими понятиями о Богочеловеке и Его Матери. И в самом деле учение Нестория, отвергающее католический догмат о Пресвятой Богородице и признающее не воплощение Слова в утробе Девы Марии, но сошествие Божества в Человека-Спасителя в минуты крещения Его, более согласны с богословием протестантов, чем принятый ими Символ веры. После поэтических толкований докетов и софистических тонкостей ариан несторианство можно почесть третьим и последнюю попытку к коренной догматической реформе христианства. Реформа XVI века, вынужденная злоупотреблениями церковной власти, вместо того чтобы ограничиться богословским исследованием тех догматов, на которых опирались злоупотребления пап, отвергла непогрешимость самих Вселенских соборов, на том же основании, как она отвергла сперва западный догмат о непогрешимости Папы. Тем самым она опрокинула единственную подпору собственного подвига, осудив себя суетному труду богословских прений, коим так мудро, так предусмотрительно налагала от времени до времени заветные границы Вселенская церковь своими соборами. Направление, принятое таким образом последователями Лютера, ведет их обратно к догматам и понятиям то докетов, то ариан, то несториан. Вне же сих трех попыток к преобразованию или опровержению основной мысли христианства все прочие ереси, коих при Св. Епифании Кипрском считалось семьдесят две (ныне числа им нет, судя по тому, что происходит в Америке, в Англии и в Германии), вряд ли заслуживают какого-либо внимания христианского философа, разве как признаки постоянной, болезненной попытки ума человеческого, в продолжение семнадцати веков от гностиков до методистов, к попранию границ, Творцом ему поставленных.

При всем догматическом сочувствии протестантских миссионеров к несторианам, сия секта оказывает к ним еще более ненависти, чем к католикам, и несколько миссионеров были умерщвлены в ее диких гнездах.

Яковитская церковь устроена правильнее несторианской. В ней нет наследственного звания самоуправного патриарха, как в несторианской, и сопряженных с тем смут народных. Патриарх яковитский носит титул Антиохийского и имеет свое местопребывание в древнем величественном монастыре Дер-Зафране, близ Мосула. Он избирается собором своих епископов, из коих четыре составляют при патриархе постоянный синод, ограничивающий его власть. Подведомые ему епархии в Сирии, в Месопотамии, за Тигром и в Египте суть: Орфа, Диарбекир, Мардин, Мосул, Джебзире, Тур-Абдин, Эйрун-Шерван (в Северной Месопотамии), Алепп, Хама и Хомс, Дамаск, Иерусалим и Кипр. Собственно сирийские епархии: Алепп, Хама, Хомс и Дамаск упразднены в текущем столетии, по отпадении паствы в унию. Индийские яковиты составляют особенные епархии, управляемые синодально митрополитом, наряжаемым от патриарха, и четырьмя епископами, там посвящаемыми. Язык употребляется в богослужении как здесь, так и в Индии древний сирийский, которого народ вовсе не

разумеет; даже в духовенстве немногие владеют сим мертвым языком, разве научаются машинально читать по церковным книгам.

После патриарха первое место в яковитской иерархии занимает мафриан; титул это присвоено епископу полудикой горы Тур-Абдина, населенной независимым племенем яковитов, посреди курдов и йезидов. Это святая гора яковитов, усеянная множеством монастырей и пустынь, между коими наиболее славятся по своей древности Мидад, Дер-Эсейде, Дер-Мар-Метте. Сан мафриана сопряжен с правами гражданского управления над горским племенем, коего главное ополчение состоит в нескольких тысячах вооруженных монахов и пресвитеров. В Иерусалиме сириано-яковиты владеют древним монастырем во имя Пресвятой Богородицы, в коем убого пребывает их епископ с двумя или тремя священниками и диаконом. Церкви, коими они владели в остальной Сирии, перешли вместе с паствою в унию, которая в наши дни окончательно одолела сию церковь в пределах Сирии; но доселе не перестает патриарх яковитский требовать обратно своих церквей и судится с сириано-униатами в столице. Неоднократно обращался он к православной церкви с просьбою о содействии и заступничестве против наступательных действий миссионеров.

Иезуиты в начале прошедшего столетия положили основание сириано-униатской и халдео-униатской церквам теми же средствами, какие послужили им в Сирии против православия. Поссорив одного из яковитских епископов с патриархом, они отвлекли его в Рим, откуда спустя несколько лет он возвратился с титулом патриарха сириано-католического. Затем каждый раз при избрании патриархов яковитских иезуиты скрытно посеивали раздоры и успевали привлекать недовольных в унию. Ученый датский путешественник Нибур сам был свидетелем, в половине прошедшего века, кровопролитий, причиненных между яковитами по проискам миссионеров, и гибели многих почетных семейств.

Сириано-католический патриарх имеет ныне свое местопребывание в Алеппе и носит титул Антиохийского, подобно сириано-яковитскому. Он имеет два монастыря в горах ливанских, в этом оплоте католических сект Востока, Дер-Шарфи и Дер-Рухб, в Кесруане, и посвящает пять или шесть епископов, в Дамаск, в Мар дин, в Мосул и на Ливанскую гору. Прозелитизм за Евфратом успешно продолжается католическими миссионерами поныне, при политическом содействии французского консула в Мосуле.

Армяно-григорианское народонаселение сосредоточивается в Аданском пашалыке и в северных округах Алеппского. В остальной Сирии и в Палестине встречается немного армян – городских жителей. По церковному управлению алеппские и аданские армяне подлежат патриарху Сизскому (в древней Киликии), который в духовной иерархии занимает второе место после католикоса Эчмиадзинского. За ним третье место принадлежит патриарху Иерусалимскому, а четвертое Константинопольскому, облеченному от правительства званием главы и представителя своего народа, на том же основании, как Вселенский патриарх служит представителем православных подданных. Как при Сизском, так и при Иерусалимском патриархах пребывает по несколько епископов, составляющих постоянный синод. За исключением епархий, прилегающих к Тавру, где преобладает армянское народонаселение, в других городах Сирии пребывают

не епископы, но иеромонахи с званием вартабетов, или блюстителей. В Алеппе считалось прежде 1000 семейств армян; более половины их перешло в унию, которая преследует григорианскую церковь в столице и по всей Малой Азии. В Сирии вообще армяне живут в добром согласии с православными. В Палестине соперничество по владению святыми местами подает непрестанные поводы к ссорам.

В продолжение последних двух веков армянское духовенство постепенно усиливается в Иерусалиме, завладевши некоторыми из святых поклонений и получив над другими равные права с греками и латинами. Впрочем, жителей армянского исповедания не более 150 семейств обретается по всей Палестине, в городах Яффе, Рамле, Иерусалиме и Вифлееме. Успехи армян должно приписать возрастающему богатству сей нации в Турции и по всему Востоку и влиянию богатых столичных банкиров, которые забирают в свои руки все капиталы.

Армянское Святогробское духовенство не перестает домогаться распространения своих прав над святыми местами. Должно отдать ему справедливость в том, что при равной с греками ревности и настойчивости оно ввело много похвальных улучшений по внутреннему своему устройству, хотя средства его более ограничены; оно соблюдает строгую бережливость и несравненно более дисциплины, чем другие. Монастыри и поклонения, принадлежащие ныне армянам, достались им большею частию от православных грузин, имевших некогда обширные духовные заведения в Палестине, или же от коптов и абиссин, которые по своей слабости и бедности давно состоят под покровительством армян в Иерусалиме, ради тождества догмата. Духовное управление армян сосредоточивается в прекрасном монастыре Св. Иакова Зеведея, который нанимали они некогда за годичную плату у грузин, а потом удержали в залог за долги, когда бедствия Грузии, под персидскою и лезгинскою карою, заставили грузинское духовенство по недостатку пособий покинуть Палестину. В сем монастыре находится древнейшая и прекрасно сохранный церковь, в которой показывают место истязания Св. Иакова. В нем же пребывает патриарх и пять епископов, составляющих его синод, и до 100 других духовных лиц. Сверх того есть внутри оно типография для богослужбных книг и духовное училище, а здание так обширно, что в нем же помещаются все армянские поклонники, хотя число их доходит иногда до 4000 человек. Хозяйственное управление армян могло бы служить образцом для греков. Впрочем, в пору беспутства турецких властей, по поводу гонений на греков, поплатились пенями и армяне и нажили значительный долг, который был уплачен впоследствии на том же основании, как и греческого монастыря долг, в силу султанского фирмана. По всем этим делам армянский монастырь много обязан уму и влиянию бывшего Константинопольского армянского патриарха Богоса, который после торжества армяно-католиков удалился на жительство в Иерусалим.

Иерархи армянской церкви.

Рисунок акварелью У. Вильда, 1830-е гг.

Других монастырей в Иерусалиме не имеют армяне, кроме одного женского, именуемого Дер-Зейтун, Масличным, в коем отшельничают 22 монахини. Внутри Святогробского храма они имеют несколько жилых покоев для пребывающего там безвыходно хранителя ризницы и духовенства, ежемесячно сменяемого у стражи поклонений, ему присвоенных. В Гефсиманийскую пещеру, принадлежащую армянам в совокупности с греками, равно как и в женский монастырь идут ежедневно по очереди служить литургию иеромонахи из Иаковского монастыря.

Армянская керамика из монастыря Св. Иакова. XVIII в.

За городом, на горе Сионе, принадлежит армянам так называемое Место петуха, где хранятся гробы патриархов и епископов и устроена богадельня для старцев.

В Вифлееме армяне владеют древним монастырем Абиссинским, пристроенным к храму Рождества и имеющим внутреннюю церковь во имя Пресвятой Богородицы и внутреннее сообщение с храмом, коего северный придел принадлежит теперь армянам. Без всякой существенной пользы, из одного состязания с греками, армяне затеяли несколько лет тому назад процесс, упорно домогаясь ключа от больших врат храма. С обеих сторон много денег израсходовано доселе за процесс этот; латины наблюдают и ждут решения, с тем, чтобы в свою очередь получить третий ключ. Кажется бы, дело не стоит спора, судя по тому, что и армяне, и латины имеют внутреннее свободное сообщение с храмом. Но несомненно то, что если получают они ключи от больших врат наравне с греками, то, с одной стороны, пойдут бесконечные процессы за право внутреннего владения, за лампы, за часы молитвы и прочее, а с другой – воспоследует необходимость приставить к вратам Вифлеемского храма турецкую стражу и вверить турецким кавасам полицию внутри храма, как это водится в Иерусалиме. В Вифлееме пребывает армянский епископ и при нем человек пятнадцать причета. В Рамле и в Яффе есть также армянские монастыри, служащие для приема поклонников. Имущество армянской церкви в Палестине состоит в 50 домах в Иерусалиме и Яффе, с коих доход весьма невелик, ибо в них помещаются большею частью бедные семейства, и в нескольких сотнях масличных деревьев в Гефсимании и на Елеонской горе. Доход от поклонников равняется той же статье дохода греческого монастыря, и подобно грекам армяне имеют много Святогробских подворий по разным городам Турции и в Армянской области, равно как и в Персии, и в Индии. По временам поступают в Иерусалим значительные милостыни от зажиточных армян из Багдата, Тегерана, Босры, Бомбея, Калькутты. В итоге доход армян в Иерусалиме может равняться половине греческого; но так как армяне не обременены теми расходами, какие лежат на греках, и сверх того бережливее и отчетливее греков, то нет сомнения, что значительные суммы хранятся в их монастыре.

Армяно-католического народонаселения нет в Сирии, кроме нескольких сот городских жителей, отторгнутых от народной церкви происками миссионеров. Впрочем, армяно-католический патриарх пребывает на горе Ливанской в своем монастыре Дер-Бзумаре, одном из двух монастырей, построенных в начале сего столетия на Ливане пожертвованиями константинопольских банкиров Дуз-Оглу. Он носит титул Киликийского григорианского патриарха и присваивает себе преимущества, посвящая епископов Ливанского, Мосульского, Алеппского, Диарбекирского и Константинопольского. Последний из них признается от правительства главою армяно-католической церкви и почетно именуется патриархом.

Коптов и абиссин жителей собственно нет в Сирии, за исключением немногих переселенцев из Египта, и преимущественно коптов, вызванных под правлением египетским для счетных дел, к коим они имеют наследственные способности. О них упоминаем по духовному их представительству в Иерусалиме. Иерусалимское духовенство коптов зависит от патриарха сего племени, пребывающего в Каире. Абиссины также высылаются сюда из далекой полудикой их родины и живут в Палестине подаяниями от армян, в силу условия, заключенного между ними при уступке армянам поклонений, бывших дотоле во владении абиссин внутри храма, и даже церковного имущества в Иерусалиме. И копты, и абиссины присоединяются к армянам в церковные торжества.

На паперти Воскресенского храма имеют копты свой древний монастырь, именуемый Иль-Султан, с церковью во имя Св. Апостолов. В нем обитают два женатые священника. В другом коптском монастыре, во имя Св. Георгия, пребывает обыкновенно епископ, посвящаемый от Каирского патриарха. При нем состоят пять иеромонахов и диаконов, из коих двое по очереди пребывают внутри храма. Там имеют они часовню.

В Иерусалиме есть абиссинский монастырь, в котором пребывают, по особым отделениям, монахи и монахини сего народа, числом до 15 душ. Внутри храма есть большой притвор абиссинский; но давно уже они не совершают литургии, ибо по церковным их постановлениям должны для сего присутствовать семь иереев и четыре диакона. Литургию у них совершают копты по духовному между ними общению. И копты, и абиссины оказывают уважение и сочувствие к обрядам греческой церкви и желают сподобиться общения с нею. В тех местах, где армянской церкви нет, они слушают литургию у православных, но к таинствам не допускает их православное духовенство, предварительно требуя от них законного присоединения.

Обе эти древние церкви доселе мало доступны попыткам католических миссионеров. Попытка, сделанная иезуитами в Абиссинии в начале XVII века, не имела того успеха, какого можно было ожидать по блистательным ее началам. Излишняя ревность миссионеров вскоре разочаровала прозелитов. Но с некоторого времени иезуиты начали вновь посещать тот край, и, судя по нынешней их опытности над восточными племенами, римский догмат не замедлит проникнуть в африканские церкви.

Наблюдая современное состояние древних восточных церквей, неоднократно имели мы случай указать на средства, коими поборают их западная пропаганда, и на плоды ее усилий

в течение двух с лишком столетий. Под блеском стяжаемых ею успехов не укроется от глаз беспристрастного наблюдателя явление грустное: старые вражды народные и схоластические умствования, под совокупным влиянием коих раскол и ересь томили восточную церковь, подобно тому, как в XVI веке под влиянием вторжения науки в темный Запад тревожение умов потрясло западную церковь, — эти вражды и эти умствования утихали на Востоке, при общих испытаниях его племен, со времени мусульманского нашествия. Племена эти многоиспытанные и долговечные готовились на обновление духовной их жизни под знаменем взаимной терпимости и Евангельского учения о Едином Пастыре-Искупителе. Но светское честолюбие римского двора и деятельность его агентов, вооруженных политическими и умственными успехами Запада, против христиан восточных, униженных и истомленных под иноверным игом, произвели новую духовную тревогу на Востоке и воспламенили новою силою народные вражды и догматические распри. Когда же султаны оттоманские предприняли новые правительственные начала относительно подвластных народов и Восток ждал отдыха после толиких бурных испытаний, народных опал и преследований на церковь, то Рим спешит извлечь новые выгоды себе из преобразований оттоманских и, усиливая восточное свое ополчение, торжественно призывает к народам сего края; не к церквам, но к народам, на разрушение церквей. Таково направление и самая форма окружного послания, которым Пий IX ознаменовал восшествие свое на престол папский.

Воздадим должную хвалу тем западным миссионерам, которые по заповеди апостольской и с апостольскою ревностью идут с крестом и Евангелием на оглашение язычников; но не станем смешивать с ними, как это делается умышленно на Западе, в заблуждение общественного мнения, той ватаги посланцев римских, которые идут на соблазн христиан с проповедью не Евангелия, но догмата о непогрешимости Папы, о духовном его самодержавии. Печать Запада тщательно умалчивает о их подвигах против христианских церквей Востока и осеняет их лавром тех благих подвигов евангельской проповеди, коими неоспоримо может хвалиться Рим. Что касается до средств, употребляемых римскою пропагандою на Востоке, то они ознаменованы тем разрушительным началом, что для цели благой допускаются всякие средства. На этом-то безнравственном начале миссионеры посягают даже на семейный мир христиан восточных, обольщают ум детей и жен, посевают раздоры между братьями, развращают семейные и общественные нравы, чтобы среди волнения страстей успешнее отторгать прозелитов от восточных церквей.

Стяжают ли они, по крайней мере, существенный успех, направляют ли свои действия к великой цели духовного единогодержавия Рима?.. Римская проповедь на Востоке вместо того, чтобы слить воедино разные церкви и церковным единогодержавием усилить власть духовную, успела до сего времени потрясти лишь духовные узы племен восточных, ослабить дисциплину церковную и чувство религиозное и подала повод к нововведениям и к мысли о церковном преобразовании. Тем она открыла путь протестантству, против коего вооружается теперь, будто предчувствуя наступающую борьбу с ним на древнейшем поприще богословских прений. Очевидно, что нынешнее состояние католической церкви на Востоке не есть нормальное, но представляет какой-то переход. Древние церкви рушатся, верования отцов колеблются, семейные предания опровергаются, вековые здания, потрясенные в своих основаниях, грозят падением, и

никакая человеческая сила не воссоздаст из разнородных их обломков чего-либо стройного и целого. В нынешнем своем состоянии католическая церковь на Востоке не может пребывать в мире. Ей нужно движение для самого ее существования, движение наступательное или оборонительное; ей нужны народные процессы; ей нужно поддерживать те самые страсти, действием коих она основана, ибо как только деятельность ее утихнет, то она сама собою разрушится, и местное духовенство само собою отложится от папского единодержавия и возвратится к прежней самостоятельности. Направление это тем очевиднее, что доселе одно только духовенство признает духовную власть Рима, а народ или не ведает об ней, или чуждается ее, будучи проникнут какою-то инстинктивною недоверчивостью к западному духовенству. В одной только Ливанской горе католицизм упрочен на основаниях более надежных. Секта монофелитов была искони слабейшею из всех ересей Востока; затем политические ошибки константинопольского двора в отношении к маронитам, мусульманское завоевание, одиночество горского племени, вне всякого влияния кроме римского, самое географическое положение Ливана на берегу, издревле привлекавшем завоевателей и купцов и законоучителей Запада, – все здесь содействовало успехам Рима, и в продолжении восьми веков Рим не щадит ни усилий, ни пожертвований в пользу небольшого и бедного горского племени и предоставляет всякие льготы его духовенству. В настоящее время Ливан с своими двумястами монастырями латинскими, маронитскими, греко-униатскими, армяно-униатскими и сириано-униатскими служит горнилом римской проповеди на Востоке. За пределами Ливана в одном только городе Алеппе преуспел католицизм. На север от Ливана он находит сильную препону в православном и григорианском народонаселении таврических округов, меж тем как армянское народонаселение по той стороне Тавра, в Малой Азии, уже колеблется под влиянием успехов католицизма в самом Константинополе. На юг от Ливана оплотом православия служит святыня Святогробская и приобретенное греческим духовенством местное влияние.

Из Сирии римская проповедь стремится к Востоку. Под египетским владычеством, в тридцатых годах, она разлилась по полям Гаурана обращением в унию сириано-яковитской церкви и уже полтора века подвизается против яковитов и несториан в Месопотамии и за Тигром. В Абиссинии имела она успехи более блистательные, чем прочные, а ныне предпринимает новый подвиг против христиан западного берега Чермного моря учреждением иезуитских миссий в Зензибаре. Но в эти два века труда своего на Востоке, в пределах Оттоманской империи, ни одного магометанина, ни одного еврея, ни одного язычника, курда, йезида, исмаилита, ансария, друза, за исключением двух семейств Шихабов и Булема на Ливане, не огласила она словом Евангелия.

16. Протестанты

В первые годы греческой народной войны, когда внимание Европы устремилось на события Востока и на будущие судьбы народов, подвластных Порте Оттоманской, протестантские общества Соединенных Штатов выразили в свою очередь бывший в ту пору модою филэллинизм отправлением миссионеров в Грецию, на острова Архипелага, в приморские города Малой Азии, на остров Кипр и в Бейрут. Политические обстоятельства той эпохи, волнение умов, гонения на духовенство, всеобщее упование христиан на

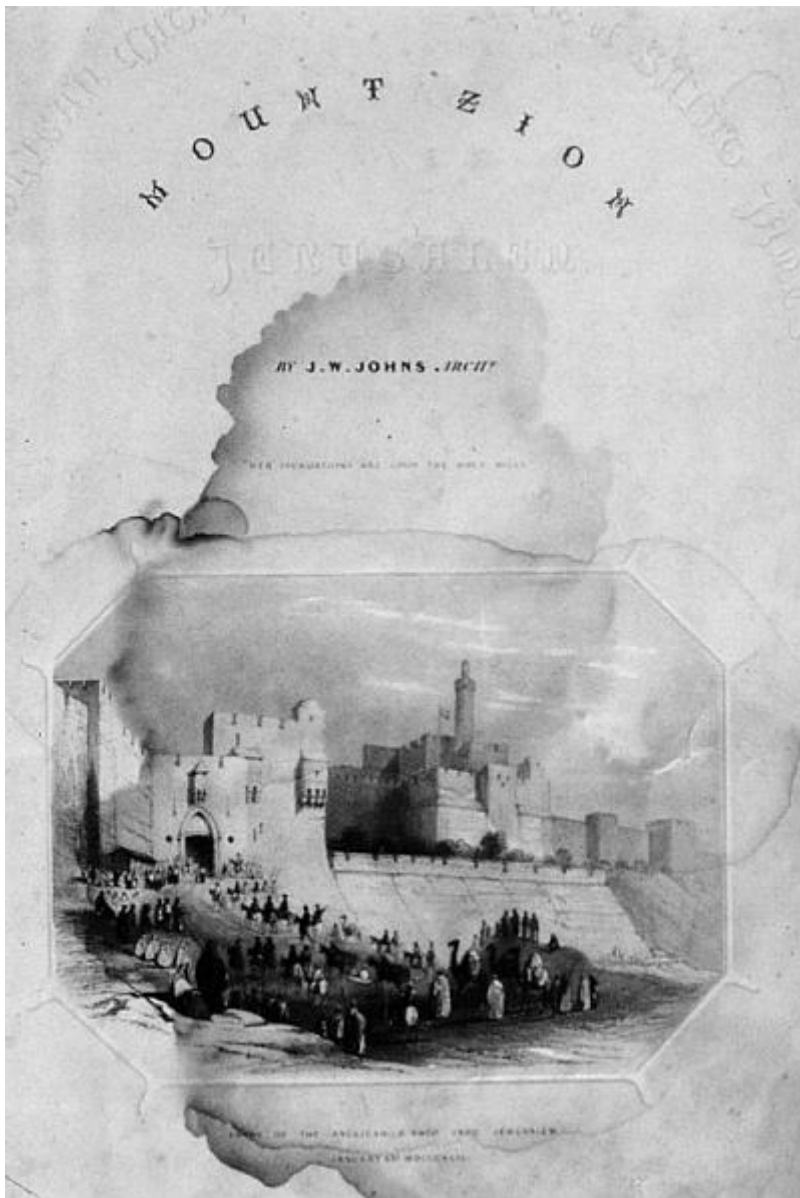
Европу – все тогда благоприятствовало миссионерам, в коих народ видел духовных сподвижников человеколюбия и наставников детских, а духовенство восточное еще не разгадывало их направления. Как только в Греции был восстановлен порядок, народ по собственному движению изгнал законоучителей, посягавших на его церковь. Вселенский престол с своей стороны окружными грамотами обратил внимание епископов и паствы на сети миссионеров и воспретил издаваемые ими книги, содержащие многообразные хулы против догматов и обрядов православных.

В Сирии смесь вероисповеданий, духовная тревога, произведенная католическою пропагандою, о чем мы упоминали, и бедственное состояние православной церкви способствовали основанию протестантских школ, которые вскоре наполнились детьми всех вероисповеданий. Затем запрещения, читанные в церквах, и основание училищ греческих и маронитских заставили родителей быть осторожнее. У миссионеров остались большею частью сироты, мальчики и девушки, воспитываемые на их иждивении в протестантском законе. В Иерусалиме они равномерно пытались основать свои училища, как и в других палестинских городах; но влияние духовенства не допустило к ним паствы. Сосредоточив свои усилия в Бейруте, американские миссионеры основали здесь свою типографию для безденежного распространения в народе всяких учебных книг, в коих между обыкновенными повестями для детей осуждаются верования и предания древней церкви, и открыли свою церковь в доме американского консула, левантийца, коему общества американские назначили содержание для деятельного политического содействия миссионерам. Столкновение с католическими миссионерами научило здесь американцев употреблять те же средства, что и они, для успеха своей проповеди. Между ними заметна та только существенная разница, что римский монах во всем жертвует своею личностью для достижения своей цели и находит мзду в исполнении собственного обета; тогда как дитя промышленной Америки обращает свое миссионерство в ремесло, получает огромное содержание от обществ, легко доверяющих его рассказам, а между тем живет со всевозможным комфортом. Первым прозелитом американских миссионеров в Сирии был один из армянских епископов Иерусалима Мутран-Якуб (епископ Иаков), который обокрал монастырскую казну, бежал из Иерусалима, долго скитался с места на место, преследуемый от своего духовного начальства, был отвергнут маронитами, когда просил у них покровительства в горах, и наконец прибегнул к миссионерам, вступил под покровительство американского флага, назвался Якуб-Агою, женился и из украденных монастырских денег построил дома в Бейруте. Несколько других прозелитов, бежавших от своих обществ за преступления или поссорившихся с своим духовенством и с роднею, и до 20 молодых людей обоего пола, сирот, воспитанных миссионерами, получающих жалованье и пользующихся политическим заступничеством американского консульства среди беспутного сирийского управления, составляют ныне американо-протестантскую паству сего края. Между тем можно приблизительно полагать до 50 000 руб. серебром ежегодного расхода американских обществ на содержание миссионеров в Сирии, а для народа положительного и расчетливого, каковы граждане Соединенных Штатов, довольно странно, что расход столь значительный производится уже столько лет сряду для цели, столь мало соответствующей размеру пожертвований. Нечего и говорить уже о существенном направлении протестантской проповеди, не обретающей отголоска в восточных племенах, не внушающей никакого религиозного чувства, а ведущей лишь к безверию. Она распространяет мысли о сомнении в таком обществе, коего степень

образованности не ведает середины между смиренною верою, при исполнении обрядов наружного благочестия, и наглым безверием, каковым отличаются ныне слушатели американских законоучителей. Описывая ливанские междоусобия 1845 года, мы имели случай заметить участие, принятое американскими миссионерами в бедствиях, постигших христиан хасбейских. Последствия этого дела, когда хвастливые донесения миссионеров оказались ложными, встревожили общества, платящие огромное содержание своим агентам. Был наряжен на следствие в 1846 году доверенный человек, который заставил бейрутских миссионеров переменить систему действий. С того времени вместо училищ, которые они содержали дотоле, распространя зачатки ложного образования преподаванием физики и математики людям безграмотным, они сосредоточили свои усилия на систематическое образование 15 молодых людей из туземцев, которые, очевидно, предназначены в звание миссионеров, судя по заключенному с родителями условию не отвлекать впоследствии детей от их призвания. Заведение это устроено на Ливане, в селении Эбее, в стороне, где преобладают друзы; ибо в христианских округах Ливана происки миссионеров против церквей внушили народу самые враждебные к ним чувства. С другой стороны, учредили они в Бейруте общество, в еженедельных заседаниях коего разбираются порою общественные вопросы, порою читаются лекции с учеными притязаниями. Если бы миссионеры ограничивались этими притязаниями, диссертациями, например, о двойных звездах, пред слушателями, едва доучившими четыре правила арифметики, и о колониальной и торговой системе Древнего мира, когда в публике, не исключая и членов ученого общества, вряд ли кто слышал об имени финикийян или Александра и Кесаря, – это было бы только смешно, как и всякое шарлатанство. Но нельзя без прискорбия видеть другую сторону деятельности этой академии, как ее называют. Миссионеры предлагают молодым своим слушателям-арабам на разбор нравственные и общественные диспуты, как это делалось в пору схоластических стяжаний науки. Арабы и без того склонны к софизму и лжеумствованию; что может более развращать их ум, как эти споры о том, полезна ли наука женскому полу или вредна, и т. п., особенно когда по наказу председателя один из членов должен защищать тезу, а другой опровергать ее своими доводами?.. Таковы успехи и нынешнее направление американских миссионеров в Сирии. Собственно церкви они не составляют, но служат к соблазну других церквей, подрывая всякую дисциплину в них, посеивая безверие и суемудрие в христианских племенах; иноверного же прозелита не обрели они доселе ни одного.

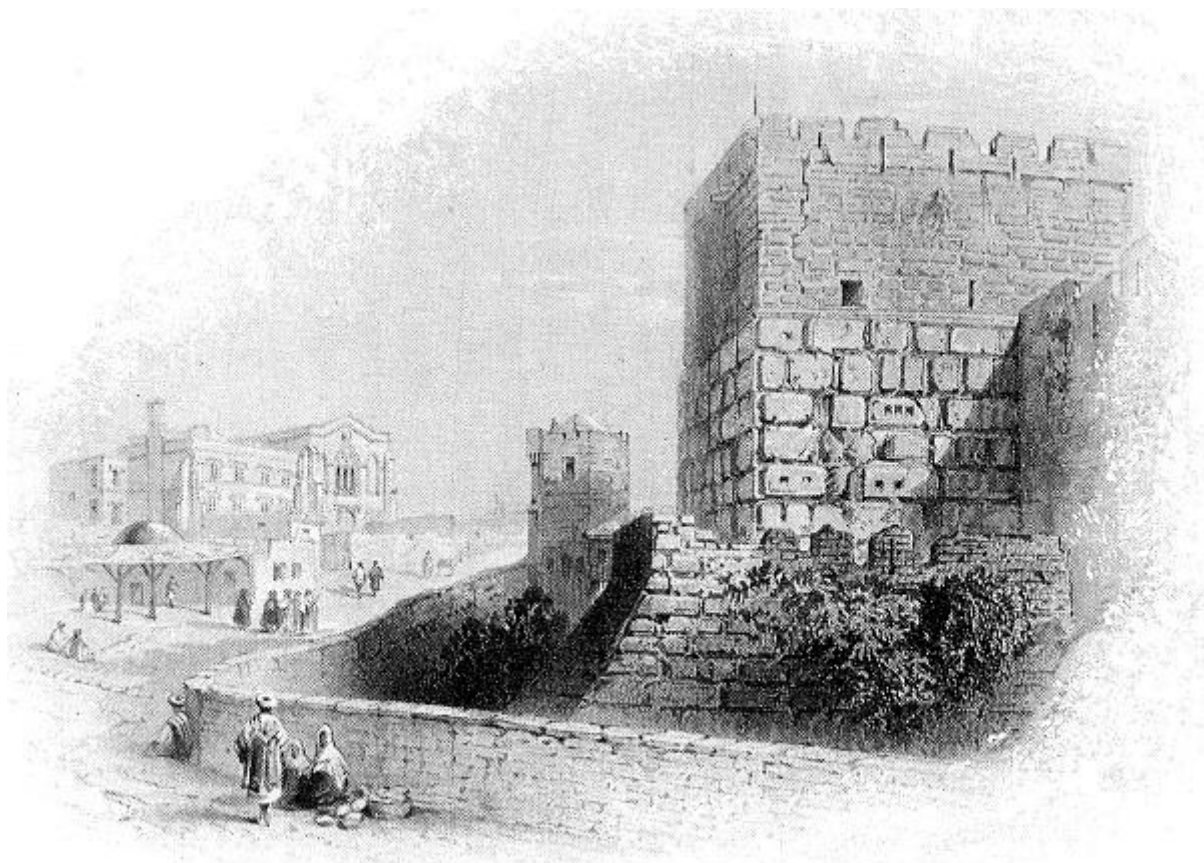
С 1841 года англиканская церковь назначила своего епископа в Иерусалим. До того английские общества содержали там одного или двух миссионеров для проповеди христианства евреям на самом месте святых событий и воспоминаний. Это должно приписать обнаружившемуся в еврейском народе на Западе вниманию к Палестине и постепенному переселению в обетованную землю многих евреев. Образ действий миссионера Николайзона оправдывает это предположение. Не домогаясь нисколько обращения христиан в протестантство, он ограничивался евреями, впрочем, безуспешно. Учрежденное к 1838 году в Иерусалиме английское консульство не перестало заботиться о евреях, заступаясь за них у местных властей и внушая им доверие к себе. Дела 1840 года придали новую силу на Западе и мечтам евреев, и домогательствам ревнителей их обращения в христианство в самой Палестине. Между тем духовная миссия и консульство приобретали покупкою места в Иерусалиме, учреждали больницы, училища, распространяли свой круг действий и приступали к сооружению храма, богадельни,

аптеки, библиотеки, типографии и проч. Число прозелитов ограничивалось двумя или тремя евреями, состоявшими на жалованье у миссионеров. Прибытие в Иерусалим англиканского епископа произвело сильное впечатление в духовенстве других исповеданий и заставило подозревать, что под предлогом проповеди евреям будто бы скрывали англичане посягательство на христианские церкви. Тогда к постоянным элементам давних несогласий между господствующими исповеданиями в Иерусалиме присоединилась новая пища для фанатизма и для нареканий. Латинское духовенство в этом случае, как и всегда, преимущественно выказывало свое усердие фанатическою проповедью против протестантов, хотя никакой попытки не было с их стороны на христианские церкви. Францисканы, заблаговременно вооружившись церковными отлучениями, стали еженедельно посещать дома своей паствы для розыска: нет ли сношений какого бы то ни было рода с заморскими проповедниками, и читать очистительные молитвы в тех домах, куда хотя случайно зашла нога протестанта. Англиканская миссия, в предчувствии расположений католиков, с самого прибытия в Иерусалим тщательно избегала всяких сношений с ними. Напротив, она ласкалась к грекам и к армянам, которые с своей стороны отвечали соблюдением приличий и холодною учтивостию. Первопрестольный англиканский архиепископ Кентерберийский снабдил даже посвященного им в Иерусалиме епископа печатными окружными рекомендательными грамотами к греческому духовенству, прося его расположения к представителю англиканской церкви на Востоке и называя греческую церковь матерью всех церквей. Он намекал даже на то, что представителя англиканской церкви не должно смешивать с миссионерами разных протестантских обществ и сект на Востоке. Подобные начинания англиканской церкви были без сомнения правильнее и благоразумнее, чем появившийся впоследствии, при назначении латинского патриарха в Иерусалиме, призыв от Папы к восточным христианам. По крайней мере нет сомнения, что основная мысль назначения англиканского епископа в Иерусалим не была направлена на нарушение церковного мира восточных племен, но на оглашение евреев. Затем не станем разбирать, основательна ли мысль эта, сбыточно ли и надежно ли обращение евреев в самом Иерусалиме; соответствует ли цель размеру средств и пожертвований; подобает ли достоинству англиканской церкви приобрести в Иерусалиме паству из сброда тамошних евреев, жалостных переселенцев из Германии и из других стран Европы; приноровлены ли к предположенной цели самые средства оглашения, согласны ли они с человеколюбивыми началами, коими должно преимущественно руководствоваться всякое духовное предприятие? Заметим только, что выбор первого епископа Александра, новоокрещенного еврейского раввина, был весьма неудачен, ибо самое это обстоятельство усугубляло враждебные к нему чувства прежних единоверцев его, хотя оно еще более подтверждает в мысли, что целью англиканской церкви было обращение евреев.

англиканского епископа в Иерусалим. 1842 г.

Прибытие первого

А

англиканская церковь и консулия. Гравюра XIX в.

Мусульмане палестинские и самое правительство турецкое с неудовольствием смотрели на духовные попытки англичан. С одной стороны, народ возымел весьма невыгодное понятие о вероисповедании протестантов. Отсутствие всяких обрядов от их богослужения и то холодное любопытство, с которым посещают англичане святые места, окруженные благоговением христиан, мусульман или евреев, не творя нигде намаза (молитвы с преклонением), заставили мусульман сравнить протестантство в христианском законе с учением ваххабитов в магометанстве, отвергнувших обряды и осквернивших святыню Мекки нечестивою войною. Самое правительство, уже оскорбленное притязаниями англичан, после содействия, ими оказанного в войне против Мухаммеда Али, подозревало политические домогательства в этом духовном начинании. Епископы в Турции служат, как мы заметили неоднократно, главами и представителями паствы пред гражданскою властью. Англиканский епископ не был признан от Порты. Строение храма было воспрещено; ибо по основным законам империи строение христианских храмов подлежит судебным обрядам и утверждению высшей власти, а это не было своевременно соблюдено строителями. Лишь года три спустя английское посольство исходатайствовало разрешение от Порты на окончание храма. Это небольшое готическое здание, тщательно отделанное, обошлось около 13 000 фунтов стерлингов (90 000 руб. серебром). Вдвое более этой суммы расходуется на постройки, о коих мы упоминали. Так что около 300 000 руб. серебром собрано из добровольных пожертвований на этот предмет, а правительство обеспечило с своей стороны содержание епископа и его причета. Особенный капитал подарен на сей предмет от прусского короля, с тем, чтобы назначение епископа по

очереди принадлежало ему и английской церкви, хотя епископ всегда должен принадлежать исповеданию англиканскому.

С самого своего основания в Иерусалиме англиканская церковь явила признаки внутреннего недуга, коему осуждено протестантство в силу основной идеи опровержения всех преданий и соборных канонов. Епископ Александр принадлежал к секте методистов и пребывал в ней, хотя при посвящении своем принял догматы англиканского исповедания. При нем капеллан был пусеист и до того простирал свое усердие к древним обрядам, что он ходил слушать литургию православную и клал земные поклоны пред иконами. Другие члены миссии строго держались англиканского устава, так что в церкви единой появилось несколько сект, произошли ссоры, и капеллан Вильямсон, ученый и даровитый пресвитер, поспешил удалиться в Англию. Епископ Александр скончался в 1847 году. Ему наследовал, по назначению от прусского короля, новый епископ Гоббат, родом швейцарец, бывший миссионером в Абиссинии, на иждивении английских обществ. Единство в исповедании догматов не утвердилось, впрочем, до сего времени в этой церкви. Что касается до успехов ее проповеди, то в настоящее время (1848 г.) число обращенных евреев едва простирается до 30 душ. Все они живут на содержании самой миссии, которая обязана платить им пенсии и затрудняется приискать им какое-либо занятие; а в том нет сомнения, что все эти прозелиты отпадут опять в свою народную веру, как только будут прекращены пособия, коими теперь пользуются.

С. Евреи

17-18. Талмудисты, самаритяне и карайты

Небольшое еврейское народонаселение Палестины и Сирии едва ли можно почитать остатком древнего царственного народа первой из этих областей. Миллионы евреев или погибли под мстительным мечом римлян при Веспасиане, после фанатического своего восстания, или рассеялись по лицу земли во исполнение пророчеств. Долго самый пепел Иерусалима был недоступен их племени под страхом смертной казни. За сим последним явлением иудеев в политической истории мира синагога укрылась в Яффу и в Тивериаду. Духовное покорение Востока евангельским словом еще более вытеснило евреев из стран, где живые воспоминания страстей Спасителя и кровь мучеников так сильно раздражали христиан, что и императорские эдикты не всегда могли защитить евреев от гонений. Мухаммед еще в Мекке выказал жестокость свою к евреям; а его преемники по завоевании Палестины и Сирии не перестали гнать это злополучное племя, которого страдальческие остатки едва ли не исчезли в этих странах в бурю крестовых походов. Только в Аравийской пустыне между кочевьями бедуинов есть племя иудеев, известных под именем рехибитов, которые или остались там со времени странствия Моисеева, отделившись от своего народа, по сказанию нынешних иерусалимских раввинов, или обратились в кочевую жизнь под римскою опалю. Известно только, что они усердно сохраняют Моисеев закон и не смешиваются с другими бедуинскими племенами, хотя по языку, по нравам и по образу жизни ничем от них не отличаются. Нынешние евреи Сирии и Палестины переселились сюда из Европы и из Африки. Это потомки другого поколения изгнанников, принужденных покинуть западный полуостров Средиземного моря от гонений католических государей и искать приюта у мусульман, вдоль разбойничьего

берега Африки. Путем этим возвращались они к тому восточному берегу, который был некогда дарован их дедам Иеговою и который не престаёт чрез тридцать веков почитаться идеальной родиною скитальческого потомства. В наше время переселение евреев в Палестину усиливается. Ежегодно приезжают сюда на постоянное жительство евреи из других турецких областей, из варварских владений, из Германии, из России. Удобства сообщений и слух о веротерпимости и гражданском благоустройстве на Востоке тому благоприятствуют. Заметим еще, что журнальные рассказы о каких-то небывалых переговорах между султаном и богатыми банкирами Израилева племени об уступке им Палестины оживили мечтательные надежды о восстановлении Иудейского царства и о возобновлении Храма. Едва ли со времен отступника Юлиана и причудливого его призыва к еврейскому народу и троекратной попытки против Божиих судеб к возобновлению разрушенного храма, едва ли мечтательные эти ожидания, сопряженные с духовными надеждами Израиля, были когда-нибудь так живы, как в наше время.

1830-е гг.

Одеяние евреев. Рисунок акварелью У. Вильда,

Из числа 4000 семейств, населяющих ныне Иерусалим и другие палестинские города, преимущественно Табарю (древнюю Тивериаду), Саффет и Халиль-Рахман (древний Ефрон), едва ли начтется сто или двести, которых деды родились бы в сей стране. Переселенцы европейские и евреи турецкоподданные составляют два общества, отдельные одно от другого, и имеют особые синагоги и особое управление. Турецкоподданные, за исключением тех, кои давно поселены в Сирии и уже приняли в разговоре язык арабский, употребляют между собою, как и все их единоверцы в Турции и Африке, испорченный испанский язык. Европейские переселенцы принимают уже костюм

восточный, но сохраняют свой испорченный немецкий язык. Первые управляются своим раввином, который служит и политическим представителем народа у властей, имея титул хахам-баши; вторые признают духовным своим главою раввина, назначаемого от амстердамской конгрегации, особенно пекущейся о восточных евреях. Вообще евреи много терпят в Иерусалиме, как и во всей Турции, от нерасположения к ним мусульман и других народов. Гонениям от властей они не подвержены благодаря презрению к ним турок и своей бедности. Меж тем как поклонники других народов шумно празднуют в Иерусалиме свою Пасху, евреи, старики и старухи, собираются на плач в уединенной улице Иерусалима, где по народному поверию сохранились обломки Храмовой стены.

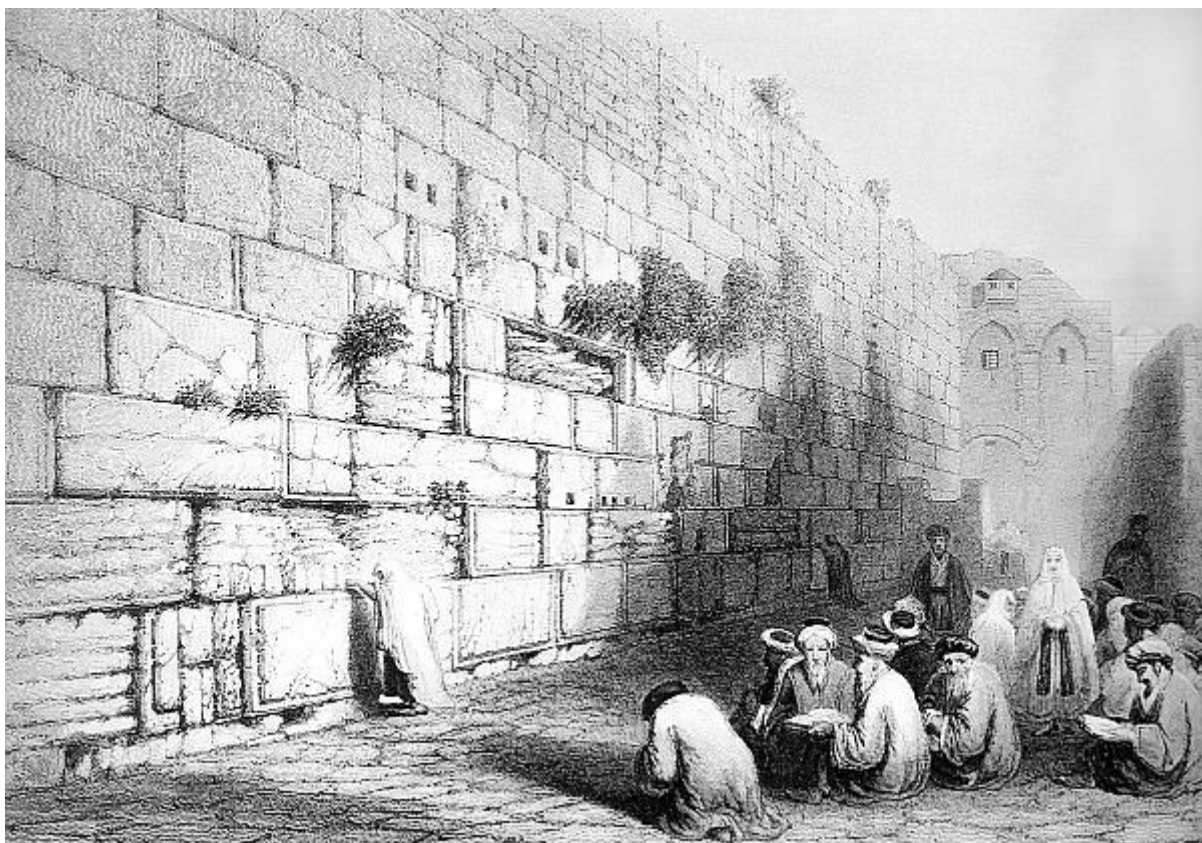

Е

еврейская семья в Иерусалиме. Гравюра из книги П. Лорта, 1884.

Палестинские евреи живут почти все пособиями от родственников, пребывающих в Европе, и милостынею. Предположительно можно думать, что около 25 000 руб. серебром доставляется им из России чрез поклонников и раввинов, наряжаемых на сбор. При суммах препровождается записка с назначением, сколько следует внести в казну синагоги и на училища и сколько каждому лицу поименно. Из Западной Европы деньги доставляются векселями при строжайшей отчетности, особенно с того времени, как маркиз Монтефиоре, зять Ротшильдов, навестил дважды своих единоверцев палестинских и назначил пособие на синагогу, на богадельню, на содержание врача для еврейского народа, дабы тем предостеречь их от благотворений англиканской миссии и от проповеди. Заметим, что палестинские евреи, при всей скудости своих средств, особенно пекутся о своем духовном воспитании. Воспоминание о знаменитой тивериадской синагоге, где 1000 молодых тружеников слушали толкование закона у великого раввина Гилеля, прозванного новым Моисеем, которая процветала по падении царства, в эпоху, известную в Талмуде под именем Западного плена, воспоминания эти привлекают теперь много

евреев в Табарию (древнюю Тивериаду). Сафдет, расположенный на ближних горах, населен также почти одними еврейскими переселенцами. Под египетским владычеством оба эти города были постигнуты сугубым бедствием: жители окрестные, мусульмане и друзья, прельщенные возрастающим благоденствием еврейских колоний, внезапно напали на них и ограбили 700 или 800 беззащитных семей. Несколько недель спустя страшное землетрясение погубило много несчастных под развалинами ограбленных их жилищ. Так как в числе жертв было много русских евреев, то по настоянию нашего консульства Мухаммед Али забрал с грабителей около миллиона пиастров для раздачи ограбленным евреям. В Яффе, которую раввины по падении Иерусалима называли рассадником закона, по бывшим в ней синагоге и Синедриону, теперь едва укрывается несколько бедных евреев, равно как и в Кайфе и в Акке; но ни в одном селении нет еврея-земледельца. Это непреодолимое отвращение еврейского племени повсюду, и в самой стране, почитаемой заветным его наследием, от земледельческого труда, сей основы гражданского общества, сей заповеди, выраженной в первом откровении, было, кажется, совершенно упущено из виду мечтателями о восстановлении Иудейского царства.

тена плача. Гравюра В.Г. Бартлетта, 1842 г.

Г

ора Сион. Гравюра В.Г. Бартлетта, 1820-е гг.

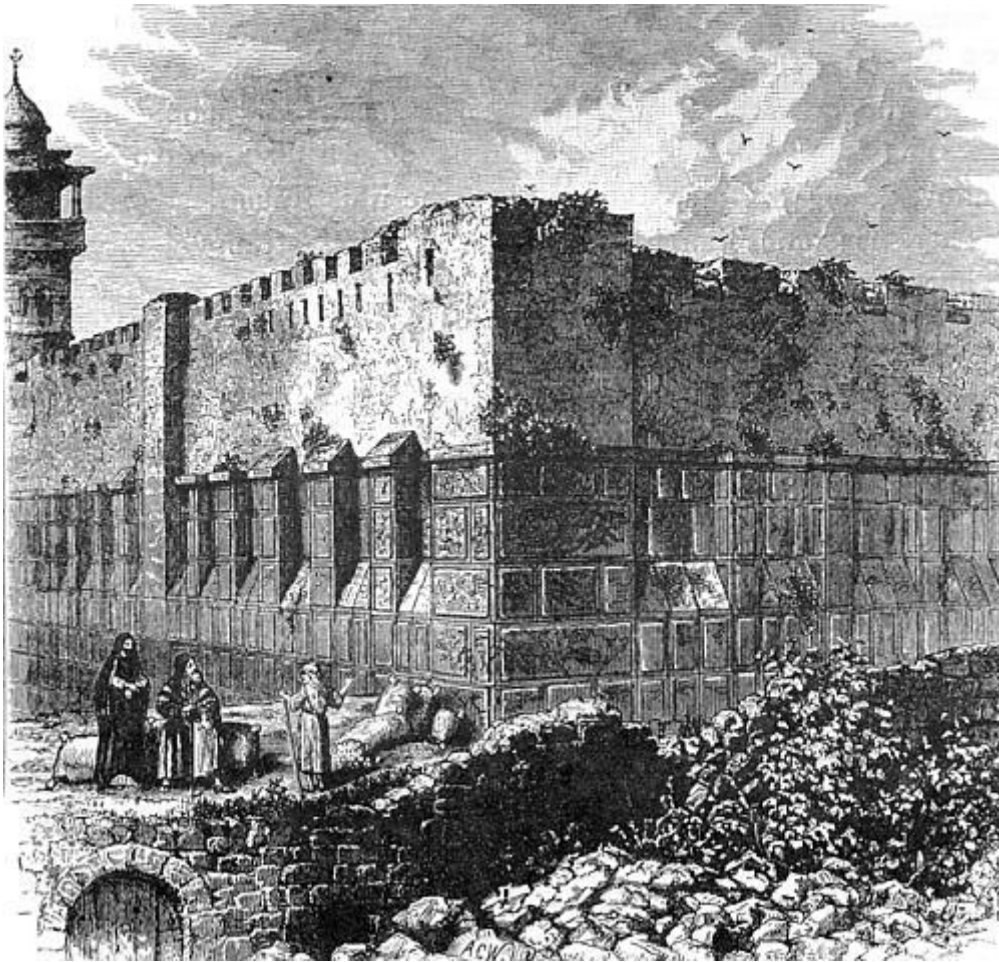
В Дамаске считается 600 семейств еврейских, в Алеппе еще более. Их можно назвать туземными по давности пребывания их рода в Сирии. По языку и по образу жизни они слились с арабами, сохранивши только наследственную печать физиономии и характера, которыми отличаются евреи от всех племен земного шара и которые не покоряются влиянию ни климата, ни гражданского быта и упорны, как и религия этого удивительного народа. В помянутых двух городах есть между евреями богатые банкиры и купцы. В начале 1840 года великое бедствие постигло богатых евреев Дамаска: пропал без вести капуцин отец Фома. Подозрения толпы пали на евреев; вспомнили старое поверие о крови, взимаемой евреями с христиан для каких-то обрядов религиозных. Французский консул прибегнул к турецкому правосудию. По его настоянию почетнейшие между дамасскими евреями подверглись жесточайшим пыткам, и составлено следственное дело с целью юридическим образом доказать истину страшной тайны крови. Дело это возбудило много прений в журналах и в законодательных собраниях Англии и Франции.

В догматическом отношении восточная синагога тщательно ограждает себя от тех влияний, коим подчинилось иудейство в Германии и в Западной Европе, с того времени как сфера народного воспитания вышла из пределов, Талмудом очерченных в эпоху схоластического направления ветхозаветной учености, отлученной от пророческого света и мертвой ожиданием в будущем тех таинственных событий, кои уже сбылись. На Востоке роковое влияние мистических бредней Талмуда пребывает во всей силе, и в них-то черпает народ свое изуверство и свою ненависть ко всем другим племенам. Порою появляются лжепророки, порою раввин, увлекаясь кабалистическим толкованием строк Талмуда, коих смысл умышленно загадочен, определяет эпоху пришествия Мессии, и тогда по всем центрам синагоги, в Константинополе, в Салонике, в Палестине заметно

необыкновенное движение. Не далее как в 1842 году стекались евреи в Тивериаду, на встречу Мессии, «идущего по волнам Галилейского моря».

робницы пророков. Рисунок акварелью, XIX в.

Хеврон.

Могилы праотцев. Гравюра XIX в.

Древняя секта самаритян, неизвестная в Европе, сохранилась до сего времени в Палестине, в воспоминание отделения от иудеев десяти колен Израиля, при Ровоаме, сыне Соломоновом, основавших самостоятельное царство в Самарии. Сохранению небольшого племени (шестидесяти или семидесяти семейств) самаритян, едва ли не единственного в мире следа сего народа, и постоянному их пребыванию в Набулусе, древнем Сихеме, их столице, под сению священной горы Гаризина, тем более должно удивляться, что народ этот никогда не был одушевлен духовною твердостью иудеев, впадал в идолопоклонство, заслуживал от фарисеев упрек в безверии и в скептицизме или, может быть, сохраняя в душе ветхозаветную веру в единого Бога, приносил, однако, публичные жертвы римским божествам. Меж тем он постоянно подвергался тяжким гонениям, то от иудеев, то от других наций. Бунты его наказаны потоками крови и при восточных императорах, и при магометанах. Но доселе пребывает он одиноким, беззащитным и бедным, гордясь своим народным палладиумом – рукописью Пятикнижия, коей приписывается глубочайшая древность. Это сверток пергаментный, хорошо сохраненный, писанный весьма четким и красивым письмом. Самаритяне уверяют, что это единственный памятник древнего еврейского письма, изменившегося в книгах евреев после вавилонского плена. Хотя и нельзя верить, чтобы рукопись эта была древнее вавилонского плена, как толкуют самаритские раввины, однако глубокая ее древность несомнительна.

Ненависть между этой сектой и евреями, о коей свидетельствует Евангелие, длится доселе во всей силе. В прошедшем столетии много претерпели самаритяне от гонения, воздвигнутого на них евреями для насильственного их обращения в синагогу.

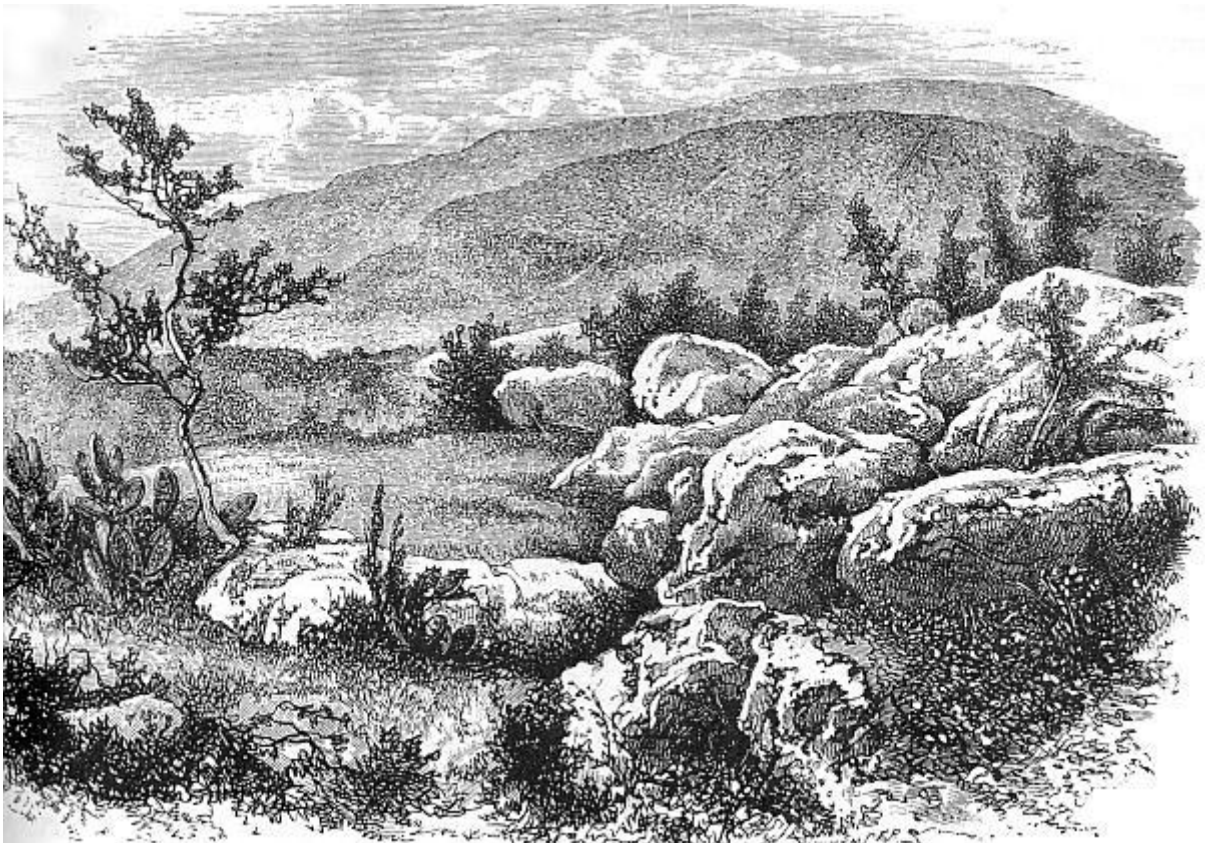

Самаритянин со свитком

Торы. Гравюра XIX в.

Догматическая разность самаритян от иудеев состоит в том, что первые в богослужение свое принимают одно Пятикнижие Моисеево, а большую часть книг Ветхого Завета уважают только как книги исторические, отвергая совершенно Талмуд. Самаритяне ждут также Мессии, покорителя мира, из своего медленно угасающего племени. Христианам говорят они, что Иисуса Христа почитают одним из величайших мужей Завета, которого по злобе за упреки на синагогу распяли иудеи. В окрестностях показывают они колодец Иакова, где самаритянка утолила жажду Спасителя.

Есть еще другая малоизвестная на Западе еврейская секта карайтов. Лжемудрие гностиков и докетов, порожденных философией синагоги в христианской церкви, недолго устояло пред светом евангельского догмата, меж тем как ученый скептицизм саддукеев оставил и поныне в еврейском народе следом своим небольшую секту карайтов, которых можно назвать протестантами синагоги.

Г

ора Гаризин. Гравюра XIX в.

Караиты признают все книги Ветхого Завета, принятые и нашею церковью, но отвергают Талмуд и все предания. Пагубное влияние Талмуда на иудеев доказывается тем, что и караиты, и самаритяне несравненно выше талмудистов в моральном отношении и не питают к другим религиям той наследственной вражды, коею одушевлены фарисеи всех веков.

Немногие семейства караитов рассеяны по разным городам Сирии. Синагоги они не имеют, а столицею своею в этом мире почитают, кажется, Бахчисарай в Крыму, где есть красивое предместье Чуфут-Кале, населенное их племенем.

Прибавление I

Доходы и расходы по управлению египетским пашалыком {Этот официальный документ был представлен Порте и кабинетам великих держав, когда предстояло установить подать с Египта в оттоманскую казну. Факты, в нем изложенные, и постепенное развитие итогов финансовой системы Мухаммеда Али послужат к пояснению многих явлений, которые мы вправе назвать загадочными в удивительном поприще этого человека.}

Египетский пашалык был пожалован в 1806 году Мухаммеду Али с условием, чтобы он доставлял султану ежегодную подать, в виде подарка, четыре тысячи мешков. Сумма эта по тогдашнему курсу составляла около полутора миллионов рублей серебром.

Египетский пашалык обнимал тогда Средний Египет (Белед-Маср) и Дельту. Верхний же Египет (Саид) был разделен на много бейлыков, управлявшихся беями из мамлюков. Александрия с побережьем до западного рукава Нила составляла особенный пашалык.

Недолго спустя Порты в награду за услуги, оказанные Мухаммедом Али в 1807 году, по случаю высадки англичан в Египет, пожаловала ему и Александрийский пашалык.

Доходы обеих областей состояли тогда:

1) в поземельной подати мири, взимаемой с феллахов за те обработанные земли, которые не зависели от беев;

2) в таможенных пошлинах по привозу и отпуску товаров в Суэйце, Каире, Дамьате, Рашите (Розетте) и Александрии;

3) в таможенных сборах с караванов Сеннаара, Дарфура и Кордофана;

4) в харадже, поголовной подати с раиев.

Никаких положительных данных нет относительно итогов по тогдашним доходам и расходам египетского паши, впрочем, Мухаммед Али уверяет, что в его казну едва поступало до 35 000 мешков и что сумма эта едва доставала на расходы по управлению, на скудное содержание войск и его самого, на уплату подати в Порту и на удовлетворение других столичных притязаний.

Для улучшения своих финансов он думал возвысить поземельную подать мири; но тому воспротивились все улемы (законники) и все владельцы, опираясь на фирмане султана Селима, который при самом завоевании Египта постановил неизменную поземельную подать. Мухаммед Али был принужден отказаться от этой мысли; присутствие мамлюков казалось слишком опасным при нововведении, ненавистном народу.

По истреблении мамлюков, в 1811 году, Мухаммед Али занял Саид, прося у Порты утверждения за ним сей области и предлагая умножение подати. Порты согласилась, с тем, чтобы подать была установлена в 12 000 мешков, что по тогдашней ценности пиастра составит опять около полутора миллионов руб. серебром. {Напоминаем читателю, что турецкий пиастр (куруш) постоянно упадет в цене. В первых годах текущего столетия он равнялся рублю серебром; в 30-х годах – 10-ти копейкам; в 40-х годах – 5-ти копейкам; в настоящее время (1861 год) – 3-м копейкам.}

Действуя решительнее, когда не стало мамлюков, Мухаммед Али, по согласию с улемами и основываясь на постепенном упадке ценности пиастра, значительно умножил поземельную подать и сборы по внутренним таможенным. Доходы его утроились.

Сверх того он завладел большею частью недвижимого имущества саидских мамлюков и описал в казну много частных собственности, которых купчие крепости (ходжет) оказались несходными с порядком, им установленным за несколько недель до обнаружения сей меры.

Расходы его простирались до 125 000 мешков, а доходы значительно превосходили эту сумму. Порта, проведав о цветущем состоянии финансов его, изъявила желание разделить барыши. Ее комиссар Сатиф-паша потребовал умножения подати в султанскую казну; но Мухаммед Али уклонился под предлогом, что война в Аравии с ваххабитами его разоряла. Сатиф-паша, по навету коего была сделана попытка умножения подати, публично казнен в Каире, под предлогом заговора.

В 1824 году Порта возобновила свои притязания. Мухаммед Али вторично и наотрез отказал; в сей раз Морейская экспедиция поглощала его казну. Между тем доходы его возрастали; в это время они простирались до 240 000 мешков; зато они не покрывали его расходов при возрастающем итоге основанного им флота и регулярного его войска. Тогда он придумал множество монополий и откупных статей, по которым соблюдалась величайшая строгость.

В 1830 году (1245 г. эгиры) султан пожаловал ему Кандию. Подати при этом не было постановлено, потому что остров был совершенно разорен от войны и не покрывал собственных расходов. Назначенный туда правителем от Мухаммеда Али Мустафа-паша получал два миллиона пятьсот тысяч пиастров годового содержания из доходов Кандии.

Таким образом, несмотря на это приобретение, несмотря на упадок пиастра в одну четверть прежней его ценности, несмотря на чрезмерное умножение доходов египетских, подать в султанскую казну оставалась та же (12 000 мешков).

В 1830 году доходы были	493 791 мешок.
« - » расходы « - »	<u>444 872 « - »</u>
Остаток доходов	48 919 мешков.

В 1833 году в первый раз составлен систематический бюджет Мухаммеда Али; в нем показаны:

Доходы около	15 000 000 руб. серебром.
Расходы около	<u>11 500 000 « - »</u>
Остаток доходов	500 000 руб. серебром.

Не знаем, существенный ли бюджет это или только предположительный; ограничимся присовокуплением перевода с оногo.

Положительно то, что сирийская война поглотила более трехсот тысяч мешков и что в казне Мухаммеда Али в конце 1248 г. (1833 г.), по сознанию самого казначея, вместо избытка приходов, согласно с официальными итогами бюджета, было 165 000 мешков долгу. С того времени Мухаммед Али не хотел более бюджетов, приостановил выдачу жалованья войску и чиновникам и объявил даже, что не был в состоянии платить подать султану.

По заключенным 2 (14) мая условиям Мухаммед Али обязался платить за Египет по-прежнему, а за Сирию, Адану и Кандию платить то самое, что платили до того паши сих областей, а именно:

Египет	12 000 мешков
Кандия	2000 « - »
Сирия и Адана	<u>18 000 « - »</u>
Всего	32 000 мешков

По растущему курсу (1840 г.) это составит около 950 000 руб. серебром, так что Мухаммед Али платит 550 000 руб. серебром. Менее, чем то, что он платил первоначально за один Египетский пашалык, когда он не владел еще ни Верхним Египтом, ни Александриею, когда он не мог умножать поземельную подать, ни устанавливать монополии, введенные им с таким искусством и с такою жестокостью. По его собственному сознанию, все эти прямые и косвенные налоги в Египте, в Сирии и в Кандии доставили ему в 1838 году 900 000 мешков.

Мы не имеем точных подробностей о разных статьях сего огромного дохода, ни о расходах, им покрываемых. Достоверно то, что, несмотря на уверения Мухаммеда Али, будто в настоящем 1840 году он получил 197 000 мешков чрезвычайного дохода против сметы, он не мог удовлетворить жалованьем своей армии, покрыть расходы по комиссариату, по флоту и по гражданскому управлению. Армии причитается выслуженного жалованья за 16 месяцев и за полтора года, флоту 11 месяцев, гражданским ведомствам 13 месяцев, а подать в султанскую казну не уплачена за 1839 и 1840 годы. Долги эти в совокупности простираются до 500 000 мешков (около 12 миллионов руб. серебром).

Мы полагаем, что если Мухаммед Али установит налоги египетские и таможенные пошлины в соответствии с правилами Гюльханейского хатти шерифа и нового торгового трактата, доход его может простираться до 400 000 мешков. С другой стороны, уменьшение армии и флота в соразмерности с будущим положением Мухаммеда Али, прекращение арсенальных работ, секретных расходов и разорительных заказов в Европе для экипировки войска и для крепостных потребностей приведет расходы Мухаммеда Али в сумму 100 000 мешков, так что избыток доходов будет простираться до огромной суммы 300 000 мешков, что составит около семи с половиною миллионов руб. серебром.

Это не произвольный расчет, ибо поземельная подать мира, взимаемая ныне с 3 856 226 федданов, составляет 225 000 мешков; между тем есть еще 3 157 000 федданов невозделанных полей, коих две трети легко были бы покрыты жатвами и обложены законным налогом по прекращении рекрутских поборов и разных казенных работ, которые, сверх отнятия рук у земледелия, причиняют еще бегство народа, более предосудительное для земледелия, чем рекрутские наборы. От 120 до 130 000 мешков поземельной подати может прибавиться таким образом.

Присовокупим к этому таможенный доход привозной торговли (европейских и азиатских мануфактур, вин и проч.) и вывоза предметов, не подлежащих монополии, каковы: мануфактурные произведения Египта, индиго, сахар, гумми и проч., с которых таможенный сбор теперь откупается за 20 000 мешков; таможенную хлебных зерен, подлежащих монополии, каковы: пшеница, ячмень, рис, бобы, чечевица, белый маис и проч., которых вывоз простирается ежегодно средним числом от 6 до 700 000 ардебов {Ардеб почти равняется нашей четверти.} и которые по новому коммерческому трактату обложены девятипроцентною пошлиною; статья эта составит 18 000 мешков.

Хлопчатая бумага	10 000 « - »
Транзитная пошлина с кофе, слоновой кости, страусовых перьев, золотого песку и других произведений Африки и Аравии	6000 « - »
Лен и льняное семя	1200 « - »

Итак, очевидно, что Мухаммед Али может уничтожить все прочие поборы, налоги и пошлины, освободить земледелие и промышленность от тяготеющего над ним бременем, привести в большую простоту поземельную подать и таможенную пошлину и тем придать своей администрации ход твердый, правильный и человеколюбивый .

Нет никакого преувеличения в показанных нами цифрах доходов. Сам Мухаммед Али уверял, что поземельная подать и таможенные пошлины с одного Египта, при надлежащем возделании почвы, как он намеревался это устроить, когда пройдет пора воинственных его приемов, могли бы дать ему чистого дохода более 200 000 мешков, за уплатою всех расходов по управлению и проч.

При предстоящем установлении подати с Египта в султанскую казну не излишним будет иметь в виду вышеприведенные данные.

Бюджет доходов и расходов Египта в 1833 году

1-е. Доходы

	<i>Турецкие пиастры</i>
Мири (поземельная подать)	112 500 000
Поголовная подать, фирде	35 000 000
Харадж с христиан и евреев	320 000
Проценты с наследства (бейт аль-маль)	609 000
Сбор с рогатого скота в бойнях	1 000 000
Сбор с постоялых дворов и базаров в Верхнем Египте	182 000
Сбор с танцовщиц, музыкантов и скоморохов	240 000
Сбор с работы серебра и галунов	225 000
Сбор с финиковых деревьев	2 000 000
Сбор с рыбной ловли в озере Мензале	1 000 000
Сбор с соли, с барок и с рыбной торговли	1 752 000
Пошлина с хлебных зерен	10 000 000
Таможни и рыночные пошлины	12 282 000
Откуп крепких напитков	1 384 000
Откуп растения сене (александрийского листа)	130 000
Откуп рыбной ловли в озере Керуне и рыночные пошлины в округе Фаюм	290 000
Доходы с перепродажи правительством хлопчатой бумаги, индиго, опиума, сахара, вина, риса, меду, воска, краски хенне, розовой воды, семян: льняного, кунжутного, латучного, желтяничного, шелку, сафрану, селитры, извести, камней, натрону, соды и нашатыря	48 000 000
Прибыль от чеканения монеты	1 500 000
Выручка с продажи полотен с казенных фабрик	6 000 000
То же с шелковых тканей	4 800 000
То же с кож	3 500 000
То же с циновок	400 000
Сумма	243 105 000

2-е. Расходы

	<i>Турецкие пиастры</i>
Подать в султанскую казну	6 000 000
Содержание армии	60 000 000
Жалованья по военному министерству	20 000 000
Содержание нерегулярной турецкой конницы	3 248 000
Содержание бедуинов	2 600 000
Артиллерия и снаряды	7 300 000
Рационы и содержание мулов и верблюдов при армии	1 248 000
Военная школа	800 000
Содержание флота	30 000 000
Постройка военных судов	7 500 000
Постройка верфи для барок в Булаке	1 648 000
Содержание фабрик и жалованье фабрикантам	11 000 000
Жалованья по гражданскому ведомству	10 000 000
Порции по оному	2 500 000
Пенсии	1 760 000
Пенсия арабам	3 000 000
Расходы на постройки дворцов, мостов, фабрик и плотин	9 000 000
Поставка из Европы машин для фабрик	7 500 000
Содержание дворца Мухаммеда Али	5 000 000
Кухня его светлости	2 000 000
Покупка шалей, парчи, алмазов и проч.	7 000 000
Расходы в пользу поклонников, идущих в Мекку	1 000 000
Сумма	200 104 000

Прибавление II

Доходы и расходы по управлению сирийскими пашалыками и таврическими округами

В предыдущей записке о финансах Мухаммеда Али показана в совокупности сумма налога, которым были обложены пашалыки сирийские под прежним управлением турецких пашей. Когда Сирия была уступлена египетскому паше, в силу Кютахийского договора налог в султанскую казну остался неизменным; но паша, как мы уже видели, совершенно изменил финансовую систему края и усилил казенный доход в свою пользу. Представим здесь несколько таблиц доходов и расходов по управлению сею областью как под египетским пашою, так и ныне, на основании новых оттоманских учреждений. Принятые нами цифры основаны на отчетах турецких канцелярий. Впрочем, так как с каждым годом бывают изменения, а сверх того с каждым годом итог казенных недоимок усиливается, то наши цифры приблизительны. Заметим еще, что самое исчисление доходных статей по разным пашалыкам и округам не подходит под одну и ту же систему, потому что правительство не успело до сего времени ввести единообразие в систему налогов, а приравнивается к старинным формам. Много округов по-старинному состоят на откупе, платя положенную сумму подати гуртом, а не по казенным податным статьям.

Эйалет Сайдский в настоящих его пределах, за исключением санджаков Газы и Иерусалима, не входящих прежде в состав сей области, доставлял египетскому правлению более двадцати миллионов пиастров дохода по следующим статьям и округам:

ОКРУГИ	Казенное имущество	Взносы натурою	Поземельная подать мири	Фирде	Харадж	Суммы
<i>Турецкие пиастры</i>						
Санджак Акки	800 000	1 163 500	1 835 000	640 000	52 500	4 491 000
Белед Бшари (страна мутуалиев)	« - »	450 000	1 507 000	253 000	23 500	2 233 500
Город Сайда	40 000	400	16 300	115 000	4800	176 500
«-» Сур	25 200	«-»	8800	36 500	4000	74 500
Город Бейрут	170 000	«-»	47 500	167 000	14 500	399 000
Санджак Триполийский	642 000	404 000	873 000	843 000	101 500	2 863 500
«-» Латакийский с горою ансариев	211 000	164 000	1 477 000	925 000	26 000	2 803 000
Княжество Ливанское (общий налог)	«-»	«-»	«-»	«-»	«-»	6 500 000
Таможни, подлежа особенной отчетности при частных изменениях дохода, в 1839 году дали в итоге около	«-»	«-»	«-»	«-»	«-»	2 000 000
Суммы	1 888 200	2 181 900	5 764 600	2 979 500	226 800	21 541 000

Заметим, что под первую статью казенных имуществ подразумеваются все поля, не имеющие частного владельца и которые уступаются каждому лицу или обществу для возделывания на известных условиях, и сверх того соленые озера, сады, постоянные казенные дворы, в городах бани, кофейни и т. п. казенные здания, отдаваемые на откуп. Статья эта именуется в турецком канцелярском слоге мали-арзи-ве-аклам. Взносы натурою состоят в известном количестве хлеба, коим обложены иные округа сверх обыкновенных налогов и которое должно или представить натурою, или уплатить по справочным ценам. Налог этот подает повод ко всяческим злоупотреблениям.

О поземельной подати мира мы имели уже случай говорить. Она остается поминально-неизменной в каждом округе, на том основании, как было первоначально постановлено; а постановление мира большею частью восходит ко времени оттоманского завоевания. С того времени турецкая монета понизилась: пиастр нынешний равняется двадцатой доле старого турецкого пиастра; следовательно, в существе подать эта представляет двадцатую долю того, чем земля была первоначально обложена. Поголовные подати, фирде и харадж, изменяются с числом народонаселения. О подати фирде, первоначально постановленной египтянами, а потом принятой Портою под названием вергы, мы подробно объясняли в VII главе. Известно, что поголовным окладом харадж (по-армянски джезиэ) обложены все подданные не магометане, на основании духовного закона. Все подданные не магометане должны ежегодную платою откупаться от смертной казни, которой, по толкованию законов, подвержены они за неверие.

Сайдский эйалет в нынешних его пределах, с включением санджаков Газы и Иерусалима, доставляет Порте следующие доходы:

ОКРУГИ	Казенное имущество	Взносы натурою	Поземельная подать мира	Фирде или вергю	Харадж	Таможни	Суммы
<i>Пиастров</i>							
Санджак Акки	888 000	1 493 000	1 651 500	427 600	52 500	700 000	5 212 000
Белед-Бшари	«-»	513 000	1 356 500	168 000	23 500	«-»	2 061 000
Город Сайда	109 000	400	14 700	76 600	4800	291 000	496 500
«-» Сур	56 300	«-»	7900	24 400	3900	291 000	383 500
«-» Бейрут	558 900	«-»	42 600	111 500	14 500	2 877 500	3 605 000
Санджак Триполлийский	741 500	233 500	785 000	562 000	101 500	579 500	3 003 000
«-» Латакийский	222 800	148 000	1 329 000	616 500	25 700	238 000	2 580 000
Санджаки Газы и Иерусалима (отданы на откуп)	«-»	«-»	«-»	«-»	«-»	«-»	3 913 500
Гора Ливанская (на особых правах)	«-»	«-»	«-»	«-»	«-»	«-»	1 750 000
Суммы	2 576 500	2 387 900	5 187 200	1 986 000	226 100	4 977 000	23 004 500

Расходы гражданского управления того же Сайдского эйалета, как-то: содержание пашей, чиновников Порты, каймакамов и нерегулярной милиции, состоящей в ведомстве гражданского начальства, простираются до 6 000 000 пиастров. Заметим, впрочем, что

остаток 17 000 000 пиастров по этим итогам, равно и остатки, какие показаны будут по другим сирийским областям, далеко не покрывают в совокупности содержания регулярного войска, занимающего Сирию. Гражданские власти обязаны передавать военному ведомству все суммы, какие к ним поступают, за уплатою расходов по управлению. Затем много сумм доплачивается из столицы, откуда равномерно доставляется обмундировка, амуниция, снаряды и проч. Сверх того мы повторительно должны заметить, что недоимки в получении податей, откупных сумм и проч. весьма значительны. Так, например, шейх Мустафа Саид, взявший на откуп Иерусалим и Газу за показанную в таблице сумму, оказался несостоятельным; он не внес и половины подати по обязательству, так что в одно трехлетие недоимки по этой части простираются до 8 000 000 пиастров; а эта сумма навсегда потеряна, хотя откупщик насчитывает две трети ее на сельские общества, обвиняя самих поселян, что они не вносили повинностей.

По Дамасскому эйалету недоимки еще значительнее. Номинальные доходы этой области простираются до 21 500 000 пиастров на следующем основании:

	<i>Пиастров</i>
По городу Дамаску поголовная и поземельная подать, откупные статьи, таможи и проч.	4 000 000
По округу Дамасскому	3 400 000
Доходы от земель дамасских, приписанных Кеабе в Мекке и Омаровой мечети в Иерусалиме	740 000
По округу Хамы, общий доход	3 660 000
«-» Хомсу	1 500 000
«-» Баальбеку	1 260 000
По Антиливанской долине (Бекаа)	1 700 000
По горе Анджлуну за Иорданом	830 000
По округу Кунетра	380 000
По Гаурану	1 980 000
С антиливанских горных округов	755 000
С северной части Ливана, Хосн-Эль-Кура	700 000
Подать с бедуинов скотом (никогда не взносимая)	275 000
Сумма	21 180 000

Затем расходы по гражданскому управлению Дамасским пашалыком составляют более 14 000 000, а именно:

На содержание нерегулярной милиции	5 000 000
Милостыни на шейхов, святош и бедных	1 000 000
Содержание паши, его штаба и прочих чиновников	3 500 000
Расходы на караван поклонников в Мекку	5 000 000

В старину Дамасский пашалык ничего не платил в султанскую казну, или почти ничего, а разве посылалась какая-нибудь сумма в подарок от паши султану и вельможам. За то паша дамасский был обязан на своем иждивении вести поклонников в Мекку. Часто всех его доходов не доставало на исполнение этого долга, сопряженного с его званием; ибо

стекаются порою тысячи бедных, на которых правительство отпускает кормовые и проездные деньги, да сверх того конвой стоит очень дорого, и значительные суммы расходуются на подарки бедуинам. Султаны оттоманские по своему званию духовных глав ислама, будучи обязаны делать все эти пожертвования, возложили главную заботу проводов каравана на дамасских пашей, предоставивши им безотчетно все доходы пашалыка и право укрощать войною бедуинов или вести с ними переговоры и заключать условия для безопасности пути через пустыню. Египетский паша с своей стороны был обязан уплачивать расходы каравана западных мусульман, идущих в Мекку чрез Египет, а паша триполийский, по соседству с дамасским, поставлял провизию на обратном пути каравана и выходил на встречу дамасскому паше с своими милициями до Мезариба. При всех введенных ныне преобразованиях правительственного и финансового устройства империи, дамасский паша облечен всегда званием эмир-хаджия, проводника поклонников, а доходы пашалыка, при огромных недоимках, едва достаточны на прикрытие расходов в пользу каравана.

Алеппский пашалык доставлял египетскому паше более 17 000 000 пиастров. Из этой суммы на гражданское управление расходовалось не более полутора миллионов; ибо ни паши, ни одного высшего сановника в нем не было, а вся область состояла под ведением дамасского паши, как мы уже объясняли. В первые годы турецкого управления, при размножении высших сановников, доход понизился до 10 000 000, из коих едва добывалась половина за недоимки. В 1849 году номинальные доходы возвысились до 12 000 000. Начет старых недоимок остается огромным; но по крайней мере теперь подати собираются почти сполна, и не один раз бедуины были наказаны за набеги, и отнято у них много скота, распроданного на уплату подати, которую они обложены.

Вот расписание доходов в совокупности по округам и городам Алеппского пашалыка.

	<i>Пиастров</i>
Город Алепп (поголовная и поземельная подати, откупные статьи, таможи и проч.)	5 276 500
Округ Алеппский	1 928 500
Округ Айнтаб	1 114 000
Округ Антиохии	1 412 000
Округ Килис	1 391 500
Округ Идлеп	128 000
Округ Шогр	14 000
Округ Рихха	31 000
Подать с бедуинов за пастбища	693 500
Подать с туркменов	232 000
Сумма	12 221 000

На гражданское управление расходы простираются до 5 000 000 пиастров, а именно:

	<i>Пиастров</i>
На содержание пашы, его штаба, членов совета, окружных начальников и проч.	3 500 000
На содержание нерегулярной милиции (около 800 наездников по спискам, налицо же их менее)	1 200 000
На пенсии и милостыни	120 000

Итак, по показанным нами итогам, за вычетом расходов по управлению, государственный доход из трех сирийских пашалыков должен простираться до 30 000 000 пиастров. Содержание армии, занимающей эту область и составляющей четвертый корпус регулярного турецкого войска, поглощает весь этот доход, хотя в корпусе считается солдат налицо не более 12 000 вместо 30 000 комплекта; а так как за недоимки вместо тридцати миллионов едва поступает наличием миллионов двадцать, то Сирия вместо дохода в государственную казну приносит в существе ущерб, и ежегодно требуются значительные суммы из Константинополя на прикрытие расходов армии. Заметим еще, что Сирия до 1849 года рекрутов не давала, а весь занимающий ее корпус, хотя и именуется Аравийским, составлен из рекрутов румелийских, малоазийских и курдов.

В Аданском пашалыке регулярного войска нет, и потому он приносит дохода, за уплатою гражданского управления, около 7 500 000 пиастров. Доходы его можно подвести под следующие статьи:

	<i>Пиастров</i>
Поголовная подать вергы	3 500 000
Поземельный сбор	5 000 000
Харадж с христиан и евреев	75 000
Таможни	1 300 000
Разные откупные статьи, табак, свинец, порох, квасцы, крепкие напитки, соль и проч.	170 000
Сбор с туркменов за пастбище	3000
Сбор с ансариев, живущих в горах	5000
Сбор с проезжих в ущельях Тавра	70 000
Сумма	10 123 000

Расходы по управлению простираются до 2 500 000 пиастров, а именно:

Содержание пашы и его штаба, около	1 200 000
Содержание других чиновников и членов совета	300 000
Содержание милиции	1 000 000

Из самого наименования доходных статей по разным пашалыкам видно, какой хаос царствует в нынешнем финансовом устройстве империи. Впрочем, если вспомним, что при прежней системе управления каждая область подлежала особым правилам и что все это было основано на каких-то старых хартиях султанских, пожалованных при самом завоевании, а затем каждый паша толковал права и обязанности свои по своему разумению или облагал по своему капризу подвластные ему племена, то нельзя не признать, что по этой части сделаны значительные успехи если не в пользу

государственной казны, то по крайней мере в пользу податных сословий. Заключим наши замечания тем, что при нынешнем устройстве финансов и управления доходы государственной казны умножились, может быть, всемеро против прежних итогов; но в существе казна значительно обеднела; ибо, сосредоточив администрацию и военную силу в своих руках, она едва покрывает государственный расход, тогда как прежде из казначейства содержались только янычарская милиция и султанский двор.

Прибавление III

Действия русского флота у сирийских берегов

Когда писалась эта книга, в 1846 году, автор в изложении действий нашего флота у сирийских берегов никаких других источников не имел, кроме книги Вольнея, арабской современной летописи, хранившейся в семействе Бустрос в Бейруте, ливанской хроники Шихабов и изустных преданий в Бейруте и на Ливане. Автор располагал по возвращении в Россию обратиться с просьбою в адмиралтейство для отыскания официальных документов в архивах о действиях нашего флота в Средиземном море в семидесятих годах. Между тем в 1849 году было издано весьма подробное и отчетливое описание той знаменитой кампании, составленное из официальных и частных документов, хранящихся в архивах морского министерства. Этот весьма любопытный рассказ помещен в VII томе Записок Гидрографического департамента морского министерства, издаваемых с высочайшего разрешения (1849 г.). В дополнение рассказа нашего выписываем здесь те подробности, кои, собственно, относятся до действий флота нашего у сирийского берега; а предварительно заметим, что в эту пору (в начале 1772 года), полтора года спустя после Чесменской битвы, главная армия наша под начальством графа Румянцева удерживала за собою левый берег Дуная и временно вторглась на правый берег; вторая армия под начальством князя Долгорукова занимала весь Крым, а флот, усиленный отрядами и судами, последовательно высланными из Балтийского моря, имел главную квартиру на острове Парос в Архипелаге, порою блокировал Дарданеллы и делал смелые и удачные экспедиции в разные точки европейского и азиатского берега Турции и на те из островов, где турки удерживались еще в своих крепостях. Турки стали договариваться о мире, но до мира было еще далеко. Предлагаем самые выписки из упомянутого описания относительно действий наших отрядов у сирийского берега.

Генерал-адъютант Ризо занимал свою станцию у Негрепонта до половины апреля. Тогда присоединился к нему лейтенант Псаро с шебекою «Греция» и одною полугалерою, и вся эта флотилия послана к берегам Сирии. Это была первая посылка к тем берегам, после повторявшаяся много раз, и всегда чрезвычайно удачно.

Подходя к Кайфе, Ризо был встречен посланным от египетского паши Али-бея {Али-бей пашою не был; мы видели начало его власти, его силу и его замыслы. Все это описание поясняется обстоятельствами, изложенными в нашей книге. Не один раз сирийские племена смешиваются с турками в этом описании.}, с просьбою зайти к нему, что и исполнил. Али-бей, тогда разбитый турками, стоял здесь с 8000 войска и был в крайнем положении: 30 000 турецких и союзных им войск держали в осаде Сидон и ежеминутно угрожали разбить остатки египетской армии. По просьбе Али-бея Ризо отрядил к Сидону

три поляки, командуемые греками Стефанополи, Калига и Вальзамати, которым поручено: выгнать из-под крепости стоявшие там одиннадцать судов, с десантом и артиллерией, и потом стрелять по турецкому лагерю. Али-бей обещал в то же время напасть на турков с сухого пути. Так и сделали: поляки прогнали суда из-под крепости, а одно, ставшее на мель, зажгли и стали стрелять по лагерю; турки смутились; Али-бей ударил по ним, и они побежали, потеряв до 10 000 (?) своего войска. По окончании этого дела наши поляки пошли к Бейруту, в надежде сыскать ушедшие из-под Сидона суда. Они нашли их там; но только что приблизились, чтобы атаковать, как с крепости открыли сильный огонь и заставили удалиться. Между тем Ризо и Псаро, с особенною почестью принимаемые Али-беем, получили от него богатые шубы, запаслись в Сидоне провизией и соединились с поляками. По соединении всей эскадры положили атаковать Бейрут и отмстить за учиненное сопротивление. После нескольких выстрелов с наших судов из крепости выслали парламентаря, и Ризо потребовал годовую контрибуцию, платимую городом султану, дав двадцать четыре часа срока. По миновании этого срока, так как ответа никакого не было, снова открыли пальбу и на другой день выслали десант из 500 албанцев. Осажденные сделали вылазку, но были отбиты; их форштат и все стоявшие у крепости суда сожжены. У нас убито 4, ранено 26. К ночи взяли десант обратно, а на рассвете крепость сдалась. Жители согласились на требуемую контрибуцию и дали обещание: впредь «всякому российскому судну чинить послушание и в нужде вспоможение». 19 июля эскадра Ризо возвратилась в порт Аузу (на острове Парос), овладев на пути еще двумя купеческими судами.

Еще 15 мая в главной армии графа Румянцева было заключено перемирие с турками. Слухи об этом стали приходить на флот с начала июня; 18 получено официальное известие от графа Румянцева, а 20 июля заключено и здесь перемирие.

9 марта (1773 г.) кончилось перемирие, и главная армия Румянцева стала готовиться к переходу на правый берег Дуная... 18 апреля главнокомандующий граф А.Г. Орлов и контр-адмирал Грейг уехали в Ливорно на корабль «Победа»; начальство над флотом принял адмирал Спиридонов.<

> Граф Орлов на походе в Ливорно отрядил к берегам Сирии сопровождавшую его эскадру мелких судов, два фрегата «Св. Николай» и «Слава», одну шебеку «Забияка» и четыре полугалеры, под начальством майора графа Ивана Войновича. Почти в то же время Спиридонов получил просьбу от Али-бея о помощи против турок и послал к тем же берегам другую эскадру из двух фрегатов, пяти поляк и двух полугалер, под командою капитана Кожухова... В начале мая граф Войнович подошел к Кипру и разослал крейсеров к берегам Египта и Сирии; потом крейсеровал по северную сторону Кипра и наконец, видя, что здесь уже все жители встревожены и на добычу остается немного надежд, пошел к берегам Сирии. 12 июня он стал на якорь у Сура, куда собрались и другие суда эскадры, порядочно обогатившиеся призами. Здесь находился еще фрегат «Накция», пришедший по следующим обстоятельствам: состоя в отряде фон Дезина, он был послан к о. Родосу; на пути погнался за одним неприятельским судном, догнать не мог, а между тем далеко подался к югу и для возвращения имел свежий противный ветер. Поэтому – или просто в видах корсарства – он пошел к Дамиэте, а оттуда к берегам Сирии, в Яффу и, наконец, в Сур, захватив на пути несколько призов.

Али-бея уже не было (он убит незадолго пред этим). Его преемник в Сирии Дагер-Омар помирился с друзскими князьями, доселе державшими сторону турок, и теперь просил Войновича (через сидонского правителя) помочь друзьям овладеть Бейрутом. Бейрут принадлежал друзскому князю Иосифу Шехаби (Шихабу); но когда он отделился от султана, губернатор этого города Ахмет-бей-Эль-Джаззар не захотел повиноваться и, соединясь с пашами дамасским, алеппским и триполийским, стал воевать против Шехаби. Войнович согласился помочь друзьям и тотчас же послал для блокады Бейрута шебеку и галеру; а между тем вел переговоры об окончательных условиях.

15 июня пришел в Акру (Акку) капитан Кожухов, с эскадрою из двух фрегатов «Надежда» и «Св. Павел», пяти поляк и двух полугалер. Он принял главную команду, и 25 числа того же месяца обе эскадры, также и фрегат «Накция» пришли в бейрутский рейд. Всего теперь было здесь пять фрегатов, четыре поляки, одна шебека и шесть полугалер, а именно:

Фрегаты:	{	42 пуш. Надежда.....	кап. Кожухов.	
		26 «-» Св. Николай.....	майор И. Войнович.	
		26 «-» Св. Павел.....	лейт. П. Алексиано.	
		16 «-» Слава.....	«-» М. Войнович.	
		22 «-» Накция	«-» Корели.	
Поляки:	{	12 «-» Стикс	мичм. Паликути.	
		20 «-» Св. Алексей	«-» Вальзамати.	
		18 «-» Св. Екатерина	«-» Куппа.	
		20 «-» Св. Анна	«-» Паламида.	
		12 «-» Лондра	«-» Ан. Алексиано.	
Шебека		18 «-» Забияка	«-» Кудин.	Полугалеры, числом шесть, были командуемы тоже греками.

Переговоры с друзьями тянулись до 17 июля. Тогда они подписали условия, которыми обязывались: признавать над собою покровительство России; воевать с турками, доколе мы будем воевать с ними; отрядить к Бейруту пять или шесть тысяч войска, которому действовать совокупно с нашим; нашему войску на штурм не ходить, чтобы, по сходству союзников с неприятелями, не сделать замешательства; «а для возмездия российским войскам за обыкновенный грабеж, которого в оном случае им делать запрещается, князья и начальники друзские обязываются заплатить в руки господина командующего российского триста тысяч пиастров». Сверх того нам отдавались суда, стоявшие у города, все мелкое оружие, как-то: ружья, пистолеты, сабли, ножи, также барабаны, флаги и все другие воинские трофеи, какие будут найдены в городе.

19 июля Войнович взял атаманов, а 23 свезли десант в числе 787 человек регулярных и нерегулярных; последние под начальством майора Дуси и поручика Ивана Войновича, а первые под командою подпоручика Баумгартена {Г. Баумгартен находился в Сирии еще прошлого года. Он был послан от графа Орлова за лошадьми, захворали потому не мог возвратиться. По убиении Али-бея он заключил от имени главнокомандующего союз с Дагер-Омаром и вообще принимал деятельное участие во всех переговорах.}. В то же

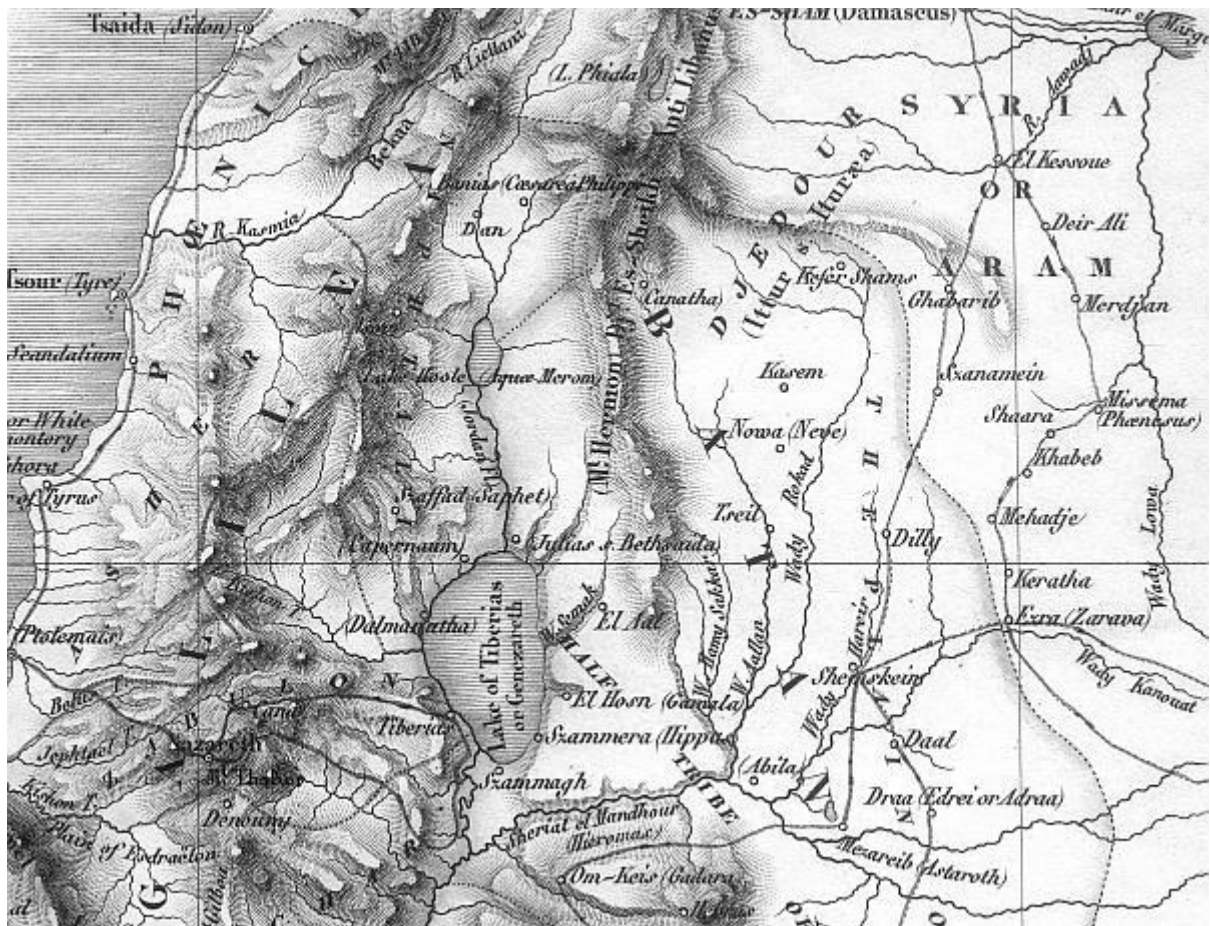
время все фрегаты, шебеки и одна поляка «Св. Екатерина» приблизились к городу и открыли пальбу. Неприятель отстреливался и делал вылазки против десанта. Десант расположился на северо-западную сторону города; там поставил батарею о двух 12-фунтовых пушках и к 28 июля пробили брешь, достаточную для прохода фронтом 60 человек. Дали знать об этом друзьям, стоявшим в отдалении; но они требовали, чтобы мы сделали еще другую брешь. Тогда поставили новую батарею о двух 6-фунтовых пушках, и к 31 числу пробили другую брешь, почти такой же величины, как и первая, а первая между тем была увеличена. Опять предложили друзьям идти на штурм; но они опять отказались. Кожухов уже соглашался в противность условиям – чтобы впереди шли наши войска, а друзья только б не отставали; но они и от этого отказались. На другой день приехал к нам князь Иосиф Шехаби и объявил, что он в плачевном состоянии: войска не повинуются, и большая их часть уже разбежалась. Теперь у него было 1400 человек; но спустя четыре дня осталось только 400, и тогда он совершенно отказался вспомоществовать штурму, предложил, чтобы наши войска переехали на суда и ожидали подкрепления от Дагер-Омара, из Акры, а сам пошел в горы и обещал запереть неприятеля с той стороны. 5 августа десант был перевезен, и эскадра оттянулась от крепости. Во все это время в десанте убито 10 человек, в том числе поручик Войнович, и ранено 55, в числе которых 4 офицера. На фрегате «Надежда» убито 2 матроса, ранены лейтенант Кадников и прапорщик Савенков, которые вскоре умерли, и нижних чинов 10 человек.

Между тем в городе открылся недостаток в провизии, и комендант стал переговариваться о сдаче: он не хотел отдавать город друзьям, но обещал действовать против турок, союзно с Дагер-Омаром. На это не согласились. 18 и 24 снова свезли десант, уже на северо-восточную сторону города, где и укрепились. Неприятель делал иногда сильные вылазки, но был отбиваем. 4 сентября комендант прислал просить освобождения одиннадцати пленных женщин: ему отвечали, что прежде надобно говорить о сдаче города, а уж потом о женщинах. Он просил объяснить наши мысли; ему объявили, что «наши мысли – получить город». Снова начались переговоры. 16 опять сделана сильная вылазка из города, но после пятичасовой упорной битвы неприятель был прогнан. Комендант в тот же день просил извинения за сделанную вылазку, уверяя, что он не давал на это приказа; ему отвечали, что «все это делу не мешает». Дело о сдаче города подходило к концу: друзья, соединясь с Дагер-Омаром – доселе занятым своими войнами, – разбили алеппского пашу, шедшего на помощь Бейруту, и собрались осадить этот город. Джаззар-бей поехал на нашей полугалере в Сидон, где находился Дагер-Омар, дружские князья и наш поверенный граф И. Войнович. Там условились о сдаче города и 27 сентября подписали капитуляцию; город сдан друзьям, а войско поступило к Дагер-Омару {Не надолго однако ж: не прошло месяца, как Джаззар отошел от Дагер-Омара.}. Поэтому мы не воспользовались обещанными «трофеями» и получили только две полугалеры о 8 и 9 пушках и около 1000 ядер, 14 пушек, 9 фальконетов, 1 мортира и немного снарядов, найденных в городе, оставлены настоящему владельцу. Жителей было 3000; гарнизона выведено 1200; 800 считали убитыми.

На другой день мы заняли крепость и потом передали ее друзьям. Во все время осады на судах и в десанте мы имели 34 убитыми и 96 ранеными.

Теперь оставалось получить с друзей следуемые по условию за вспомоществование 300 000 пиастров. Выплачивание шло медленно: по 31 декабря мы получили 250 000, а остальные 50 000 отсрочили до будущего года. Всю полученную сумму Кожухов разделил командам, согласно морскому Уставу {Дележ был сделан так: 10-я доля (25 000) главному командиру над флотом (Орлову?); 10-я доля оставшегося (22 500) командиру эскадры (Кожухову); командирам фрегатов и поручику Баумгартену 7-я доля (28 928); остальные 173 572 пиастра офицерам и нижним чинам, по окладам их жалованья. (Пиастр в ту пору равнялся рублю серебром.)}. 8 января 1774 года обе эскадры снялись отсюда, а в начале февраля пришли ко флоту.

В порывах благодарности за возвращение города друзский князь Иосиф Шехаби изъявил желание вступить в наше подданство. В письме графу Орлову (1 января 1774 года) он говорит, что еще с детства имел это желание; что и он, и его предки всегда покровительствовали христиан; что он был привлечен ко двору оттоманскому многими политическими причинами и только искал случая отложиться; что теперь «кажется, сам Господь, непостижимым своим Провидением, привел русских для выполнения этих замыслов и что отныне полагаю всю надежду на помощь Божию, силу и власть Креста Христова, который ношу на груди моей, как многие из ваших офицеров видели, и на победоносное оружие Императрицы Всероссийской, к которому я прибегал и всегда прибегать буду!.. Снимаю с себя все достоинства над моими людьми и над моею землею, и Ее Величество да располагает оными по Ее соизволению; и для наибольшего доказательства моего подданства посылаю Ей сей белый лист, подписанный моею рукою и запечатанный моею печатью, дабы Ее Величество предписала мне законы по Ее соизволению, которые готов я принять со всем усердием и наблюдать на веки, хотя б и с ценою моей крови». Но тут же объясняет, обращаясь как сын к отцу, как кающийся к исповеднику, «что имеет нужду в помощи для своего освобождения от турок, без опасения совершенной гибели моей и моего рода и всех христиан моего владения. И хотя ежечасно нахожусь в состоянии, без затруднения, поставить 30 000 воинов, но со всем тем не полагаюсь много на моих людей, по причине невежества их в воинском искусстве и весьма малого числа артиллерии», что большая часть его владения состоит в неприступных горах, и эти горы не изобилуют богатствами; что страна многолюдна и может поставить более 60 000 войска, но «более половины его владения суть христиане, а другая половина есть неверные, называемые дрозы, и начальники земли также большей частью суть дрозы, кои более доброжелательствуют туркам, нежели христианам; сии начальники по древнему обычаю откупают у начальствующего князя большую часть владения и потому сделались весьма сильны. Оное владение окружено весьма сильными неприятелями, т. е. дамасским, алеппским и триполийским пашами, кои в сем случае, моего соединения к союзу с Российским, еще более против меня озлятся и не преминут склонить на свою сторону вероломных начальников...»

Р

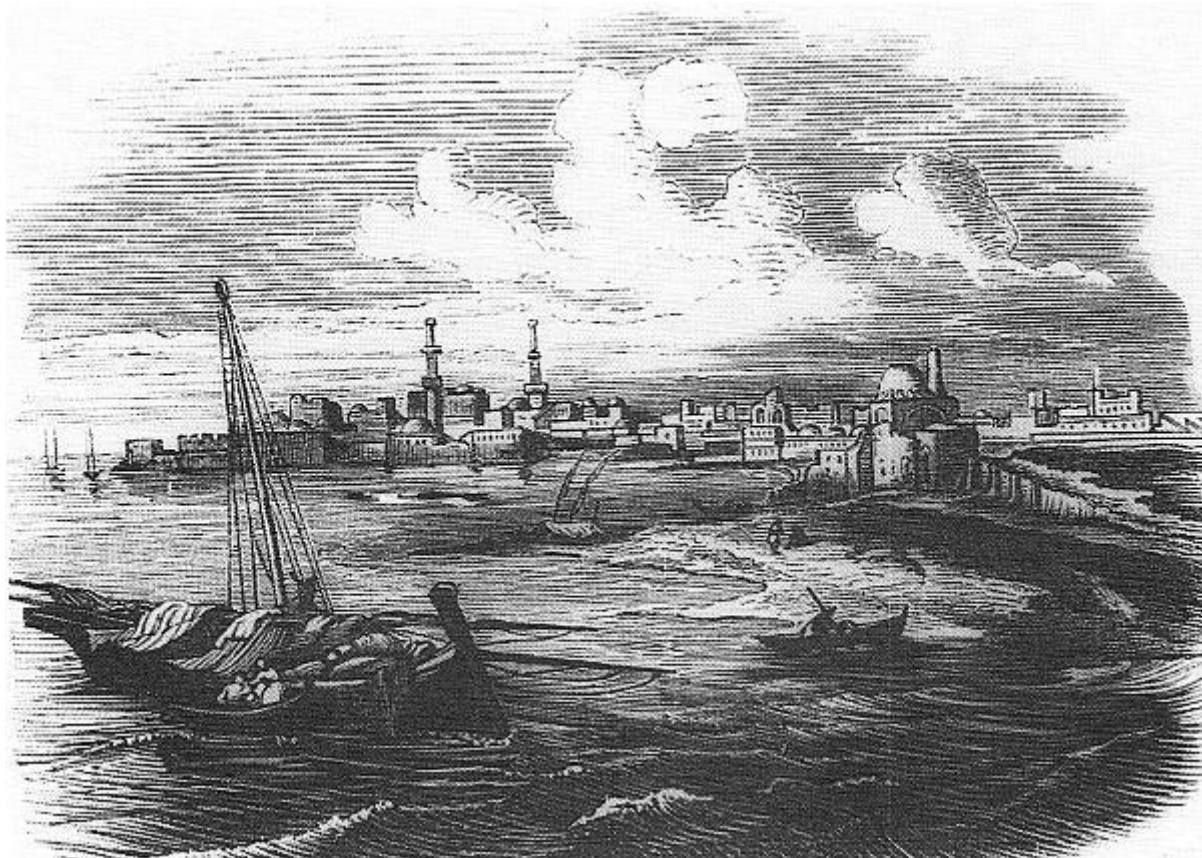
азумеется, мы отказались от такого подданства.

Это была последняя экспедиция к берегам Сирии. Нельзя не обратить внимания, что почти все посылаемые туда командиры были из греков и славян, «которые для своих прибылей, как мы и заметили, – пишет Спиридов, – гораздо храбрее, нежели как из одного только жалованья, служат» (письмо Елманову 26 февраля 1774 года). Поведение этих корсаров не всегда бывало приличным; вот два примера: бывший на эскадре Ризо капитан Пано в ноябре прошлого года овладел турецкою шебекою, на которой взял богатый приз: везенных для турецкого султана девять мальчиков и пять девушек-грузинок. Празднуя эту победу, Ризо вздумал потребовать к себе пленников и пленниц «для лучшего исследования», как он доносил потом главнокомандующему. Пано отказал, объявив, что он сам доставит пленных к эскадре. Ризо сперва грозил, потом стал упрашивать и наконец, выведенный из терпения упорством подчиненного, велел одному из своих офицеров арестовать его. Действие происходило в каюте у начальника: офицер подошел к капитану Пано, чтобы принять (или отнять) шпагу; но тот выскочил на шканцы и закричал на свое судно двоюродному брату, чтоб приготовили батарею. Ризо тоже изготовился к бою. Однако ж успели схватить ослушника и увести в каюту. Другой случай был с майором Войновичем в этом (1774) году. На возвратном пути из Сирии мичман Паликути овладел одним призом, потом уступил его, и этот приз был перехвачен Войновичем. Завязался спор, кому принадлежит добыча. Войнович хотел оставить дело до прихода к порту – тогда находились у Кафель-Росса; но Паликути тотчас же снялся с якоря и повел приз за собою. Войнович послал в погоню гребные суда и отнял приз. Тогда Паликути приехал к нему на фрегат «в ярости» и наговорил «много грубых и вредных и

других трогаящих слов, которых из благопристойности здесь не включаю». Его арестовали.

Мир заключили 10 июля в палатке главнокомандующего при Кючук-Кайнарджи.

Приложения

Сочинения К.М. Базили

Архипелаг и Греция в 1830 и 1831 гг. СПб., 1834, 2 ч.

Стамбульские оригиналы. – «Библиотека для чтения», т. X, 1835, отд. I.

Очерки Константинополя. СПб., 1835, 2 ч.

Статьи в «Энциклопедическом лексиконе», СПб., 1835 – 1838; в т. II – «Антология»; т. III – «Аттика», «Афинея», «Афины»; т. IV – «Базары азиатские», «Балтаджи», «Балтаджи-Мехмед», «Бани у древних», «Бани восточные»; т. V – «Беоция», «Библиогнозия», «Библиография и библиология», «Библиомания, библиоман и библиотаф», «Библиотека», «Библиотекарь»; т. VI – «Боболина»; т. VII – «Белград константинопольский», «Бюст»; т. VIII – «Ваза», «Вакханалия», «Вак ханки и вакханты», «Вакхическая стопа», «Вакх»; т. IX – «Василико», «Венеция», «Венецианская республика»; т. X – «Виктория, богиня победы»; т. XI – «Волумний Тит, римский всадник», «Волумний Публий, товарищ Брута».

Босфор. – «Сын отечества», 1836, CLXXV.

Константинопольские библиотеки. – «Журнал Министерства народного просвещения», 1836, ч. IX, отд. IV; ч. X, отд. IV.

Коринф. – «Журнал Министерства народного просвещения», 1836, ч. IX, отд. IV.

Босфор и новые очерки Константинополя. СПб., 1836, 2 ч.

Статьи в «Военном энциклопедическом лексиконе», 2 изд., т. I, СПб., 1852; «Агамемнон», «Агис», «Аколуф», «Акроболисты», «Албанцы», «Андриско», «Антиох», «Апобаты», «Арат», «Агрироспиды», «Аристид», «Аристокдем», «Аристомен», т. II, СПб., 1853; «Балтаджи», «Балтаджи-Мехмед», «Боболина», «Буша».

Lettre sur l'état de la Turquie et la crise actuelle. Paris, 1853.

La guerre d'Orient ses causes et ses conséquences. Par un habitant de l'Europe continentale. Bruxelles, 1854.

Письмо в Париж о нынешнем состоянии Турции и о политическом кризисе на Востоке. СПб., 1854.

L'Autriche et l'Allemagne dans la question d'Orient, Janvier 1856. Bruxelles.

L'Autriche dans les principautés danubiennes. Paris, 1858.

Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. Одесса, 1862; СПб., 1875.

Рассказ об обращении в христианство владетельных князей Ливанских, эмиров Шагабов, именитых потомков Магомета. – Прибавление к*сensored*сонским епархиальным ведомостям. Одесса, 1862. Ч. V.

L'Empire ottoman 1839 – 1877. L'Angleterre et la Russie dans la question d'Orient. Par un ancien diplomate. Paris, 1877.

Questions du jour (Janvier – Février 1878). Odessa, 1878.

По поводу приобретения Англией острова Кипр. – «Одесский вестник», 1878, № 152, 153.

По поводу сетований и нареканий князя Мещерского и иных. – «Одесский вестник». 1878, № 152, 153.

О чумной заразительности и о предохранительных средствах. Одесса, 1879.

Записка по еврейскому вопросу земского гласного Одесского уезда т[айного] с[оветника] К.М. Базили (доклад Одесской уездной земской управы Одесскому уездному собранию, переданный сессии 1881 г., по еврейскому вопросу). Одесса, 1881.

Беседа о конституции и о применении представительных начал в государственном управлении. Одесса, 1881.

Записка о внешней торговле Сирии. (Публ., вступ. ст. и коммент. И.М. Смилянкой.) – Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. М., 1991, с. 236-269, 340-345.

Торгово-экономические обзоры. (Публ. и коммент. И.М. Смилянкой.) – Там же, с. 270-276, 345.

О мануфактурной промышленности в Сирии. (Публ. и коммент. И.М. Смилянкой.) – Там же, с. 276-278, 345.

Обзор Оттоманской армии в Сирии. (Публ., вступ. ст. и коммент. Е.И. Зеленева.) – Там же, с. 278-309, 345-350.

Донесение К.М. Базили от 7/19 октября 1852 г. (Публ., вступ. ст. и коммент. М.И. Якушева.) – Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 2. М., 2004, с. 417-436.

Из эпистолярного наследия К.М. Базили

Письма К.М. Базили к Н.В. Гоголю. – Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. М., 1897.

Письма К.М. Базили к А.С. Стурдце и П.А. Вяземскому. (Публ., вступ. ст. и коммент. Н.В.

Мартыновой.) – Неизвестные страницы отечественного востоковедения. Вып. 2. М., 2004, с. 400-414.

Переписка Константина Михайловича Базили и Андрея Николаевича Муравьева. (Публ., вступ. ст. и коммент. И.Ю. Смирновой.) – «Православный палестинский сборник». Вып. 103, М., 2005.

Основные работы по истории Сирии, Ливана и Палестины XVI – первой половины XIX вв.

Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.

Беляев Е.А. Мусульманское сектантство (Исторические очерки). М., 1957.

[Бинос] «Путешествие игумена Биноса (1778) чрез Италию в Египет, на гору Ливанскую, в Обетованную землю и Иерусалим», пер. с нем. СПб., 1793.

Вайнштейн О. Л. Французские торговые колонии на Леванте при старом порядке и в эпоху революции. – «Новый Восток», 1929, кн. 25, 26 – 27.

[Вольней] «Путешествие Волнея в Сирию и Египет, бывшее в 1783, 1784 и 1785 годах», пер. с нем., ч. I – II. М., 1791 – 1793.

Восток в новое время. Экономика. Государственный строй. (Сост. и ред. Г.Г. Котовский и И.М. Смилянская.) М., 1991.

[Вяземский П.А.] «Путешествие на Восток князя П.А. Вяземского 1849 – 1850 г.». СПб., 1883.

Государственная власть и общественно-политические структуры в арабских странах. История и современность. (Ред. И.М. Смилянская, И.П. Иванова, М.Б. Пиотровский.) М., 1984.

[Григорович-Барский] «Пешеходца Василия Григоровича-Барского-Плаки-Албова, уроженца киевского, монаха Антиохийского путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году, им самим писанное». СПб., 1778.

Данциг Б.М. Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965.

Данциг Б.М. Изучение Ближнего Востока в России (XIX – начало XX в.) М., 1968.

Ал-Джабарти, Абд ар-Рахман. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798-1801). Пер. с араб., предисл. и примеч. И.М. Фильштинского. М., 1962.

Дулина Н.А. Изменения в местном управлении в период танзимата (40-50-е годы XIX в.). – Государственная власть и общественно-политические структуры в арабских странах. История и современность. М., 1984.

Еремеева Т.В. Заключительный этап египетского кризиса 1831 – 1833 гг. и великие державы. – «Ученые записки по новой и новейшей истории», вып. 2, 1956.

Жантиев Д.Р. Традиция и модернизация на Арабском Востоке: реформы в сирийских провинциях Османской империи в конце XVIII – начале XX века. М., 1998.

Зеленев Е.И. Эволюция османского провинциального управления в Сирии в XIX – начале XX в. – Восток в новое время. Экономика. Государственный строй. М., 1991.

Зеленев Е.И. Государственное управление, судебная система и армия в Египте и Сирии (XVI – начало XX века). СПб., 2003.

Зеленой А. Общее географическое описание территории Сирии (по иностранным источникам). – «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. IV. СПб., 1883.

Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. 1516-1574. М., 1984.

История Востока в шести томах. Т. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени, XVI-XVIII вв. М., 1999.

История Востока в шести томах. Т. IV. Восток в новое время. Кн. 1. М., 2004; Кн. 2. М., 2005.

«История дипломатии». Т. I, изд. 2. М., 1959.

Клейнман Г.А. Армия и реформы. Османский опыт модернизации. М., 1989.

Кобищанов Т.Ю. Христианские общины в арабо-османском мире (XVII – первая треть XIX в.). М., 2003.

Крачковский И.Ю. Восточный факультет Университета Св. Иосифа в Бейруте (из отчета о командировке). СПб., 1910.

Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М. – Л., 1950.

Крымский А.Е. Из бейрутской церковной летописи XVI – XVIII в. – «Древности Восточные», т. III, вып. I. М., 1907.

Крымский А.Е. История арабов и арабской литературы, светской и духовной (Корана, фыкха, сунны и пр.). – «Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков», вып. XV, ч. 1 – 3. М., 1912 – 1913.

Крымский А.Е. История новой арабской литературы XIX – начала XX века. М., 1971.

[Кюине В.] «Сирия, Ливан и Палестина по В. Кюине», вып. I – V. СПб., 1899 – 1903.

[Лависс и Рамбо] «История XIX века», т. 1 – 4. М., 1938.

Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (Новое время). М., 1972.

Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006.

[Лузиньян] «История о возмущении Али-бея против Оттоманской Порты с различными новыми известиями о Египте, Палестине, Сирии и Турецком государстве, також о путешествиях из Алеппа в Бальзору», пер. с нем. М., 1789.

[Лукиянов И.] «Путешествие в Святую землю священника Лукиянова». – «Русский архив», вып. 1 – 5, 1863.

Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М., 1965.

Мартенс Ф.Ф. Сборник трактатов и конвенций, т. XIII. СПб., 1902.

- Мейер М.С. Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991.
- Миллер А.Ф. Мустафа-паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века. М. – Л., 1947.
- Муравьев Н.Н. Русские на Босфоре в 1833 году. М., 1869.
- Муравьев Н.Н. Турция и Египет в 1832 и 1833 годах», т. I – IV. М., 1869.
- Наполеон Бонапарт. Египетский поход. СПб., 2000.
- [Норов А.С.] «Путешествие по Святой земле в 1835 г. Авраама Норова», т. 1 – 2. СПб., 1838 – 1854.
- [Норов А.С.] «Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток А.С. Норова», СПб., 1878.
- [Оссон д’] «Полная картина. Оттоманские империи в двух частях. Труды господина д’Оссона», т. I. СПб., 1795.
- Петкович К.Д. Ливан и ливанцы. – «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. XIX. СПб., 1885.
- Петкович К.Д. Ансари. – «Православный палестинский сборник», т. VII, вып. I. СПб., 1889.
- [Плещеев С.] «Дневные записки путешествия, из архипелагского России принадлежащего острова Пароса, в Сирию и к достопамятным местам в пределах Иерусалима находящимся с краткою историею Аблибеевых завоеваний российского флота лейтенанта Сергея Плещеева в исходе 1772 лета». СПб., 1773.
- Позняков В. «Хождение купца Василия Познякова по Святым местам Востока». – «Православный палестинский сборник», т. VI, вып. 3. СПб., 1887.
- Пономарев С. Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах. – «Сборник Отделения русского языка и словесности ИАН», т. XVII, вып. 2. СПб., 1877.
- Рафалович А.А. Записки русского врача, отправленного на Восток. – «Журнал Министерства внутренних дел». 1847, № 6, 7, 9, 10, 11, 12; 1848, № 6, 9, 10, 11.
- Панченко К.А. Османская империя и судьбы православия на Арабском Востоке (XVI – начало XIX века). М., 1998.
- Панченко К.А. Проблема религиозных гонений в османо-православных отношениях в Сирии и Палестине (1516-1831). – Вестник Московского университета. Серия 13. 1995, № 4.

Панченкова М.Т. Политика Франции на Ближнем Востоке и сирийская экспедиция 1860-1861 гг. М., 1966.

Родионов М.А. Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья. М., 1982.

Розен Д.Г. История Турции от победы реформы в 1826 г. до Парижского трактата в 1856 г., ч. 1 – 2. СПб., 1872.

Салиби К.С. Очерки по истории Ливана. М., 1969.

Сайранян Б.Г. Эволюция социальной структуры стран Арабского Востока. М., 1991.

Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. (Сост. М.Р. Рыженков и И.М. Смилянская.) М., 1991.

Смилянская И.М. К.М. Базили – российский дипломат и историк Сирии. – Очерки по истории русского востоковедения. Т. IV. М., 1959.

Смилянская И.М. Крестьянское движение в Ливане в первой половине XIX в. М., 1965.

Смилянская И.М. Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени. (На материалах Сирии, Ливана и Палестины.) М., 1979.

Смилянская И.М. Османское провинциальное управление и общественные институты в Сирии XVIII в. – Государственная власть и общественно-политические структуры в арабских странах. История и современность. М., 1984.

Смилянская И.М. Городской бунт. (Сирия и Египет XVIII – начало XIX в.) – «Восток», 1991, № 2.

Смилянская И.М. Еще раз о генезисе капитализма в арабских странах. (К вопросу о соотношении эндогенных и экзогенных факторов становления капитализма в Сирии в XIX – начале XX в.) – Восток в новое время. Экономика. Государственный строй. М., 1991.

Смилянская И.М. Восточное Средиземноморье в восприятии россиян и в российской политике (вторая половина XVIII в.). – «Восток», 1995, № 5.

Смилянская И.М. О политике Екатерины II в Средиземноморье и первых российско-арабских контактах. – Анналы. ИВ РАН. Вып. V-VI. М., 1996.

Смилянская И.М. Сценарии политической жизни Сирии и Египта XVIII в. – Политическая интрига на Востоке. М., 2000.

Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI – XVII вв., т. I – II. М., 1946.

Соколов И. Земельное податное обложение в Турции до Танзимата. – «Новый Восток», 1925, № 8 – 9.

Соколов И. Земельные отношения в Турции до Танзимата. – «Новый Восток», 1924, № 6.

[Н. Ст-н] «Путевые заметки о Сирии и Палестине 1844 – 1847 гг.». – «Библиотека для чтения», 1850, июль.

[Суханов Арсений] «Проскинитарий Арсения Суханова». – «Православный палестинский сборник», т. VII, вып. 3. СПб., 1889.

Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769 – 1774. М. – Л., 1945.

Татищев С.С. Восточная политика императора Николая I. СПб., 1889.

Тверитинова А.С. Аграрный строй Османской империи XV–XVII вв. Документы и материалы. М., 1963.

Тикадзе М.И. Левантийская торговля и города Сирии в XVI–XVIII вв. – История и экономика арабских стран. М., 1977.

Убичини А. и П. де Куртейль. Современное состояние Оттоманской империи. Статистика, правление, администрация, финансы, армия, общины не-мусульман и пр., пер. с франц. СПб., 1877.

[Уманец А.] «Поездка на Синай с приобщением отрывков о Египте и Святой Земле А. Уманца», ч. I – II. СПб., 1850.

Усама ибн Мункыз. Книга назидания. М., 1958.

Шеремет В.И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. Из истории Восточного вопроса. М., 1975.

Abdel Nour A, Introduction à l'histoire urbaine de la Syrie ottomane. Beyrouth, 1982.

Adel I., Histoire du Liban du XVII-e siècle à nos jours, t. I, Le Liban au temps de Fakhred-din II (1590-1633), Paris, 1955.

Adel I., Histoire du Liban du XVII-e siècle à nos jours, t. IV. Redressement et déclin du féodalisme libanais (1840-1861), Beyrouth, 1958.

Aouad I., Le droit privé des maronites au temps des emirs Chihab (1697-1841), Paris, 1933.

Armagnac, baron d', Souvenirs d'Orient de 1833 à 1841 (Nezib et Beyrouth), Paris, 1844.

[Arvieux. le chevalier d'J «Mémoires du chevalier d'Arvieux, envoyé extraordinaire du Roy à la Porte, Consul d'Alep, d'Alger, de Tripoli, et autres échelles du Levant», t. 1-6, Paris, 1735.
[Aucher-Eloy] «Relations de voyages en Orient de 1830 à 1838, par Aucher-Eloy revues et annotées par m. le comte Jaubert», vol. I – II, Paris, 1843.

Barbié du Bocage J. G., Description de la vüle de Hhaleb, – «Recueil de voyages et de mémoires publié par la société de géographie», t. II, Paris, 1825.

Barbir KK, Ottoman Rule in Damascus.1708-1758. Princeton, New Jersey, 1980.

Belin, Du régime des fiefs militaires dans l'islamisme, – «Journal Asiatiques», t. XV, 1870.

Blondel Ed, Deux ans en Syrie et en Palestine (1838-1839), Paris, 1840.

Bodman H.L., Political Factions in Aleppo, 1760-1826. Chapel Hill, 1965.

Bouron N., Les Druzes. Histoire du Liban et de la montagne Haouranaise, Paris, 1930.

Bowring J., Report on the commercial statistics of Syria, 1838, London, 1840.

[Brun C.J «Voyage au Levant, par Corneille le Brun, nouvelle édition (revue par l'abbé Banier)», vol. 1-5, La Haye, 1732.

Burckhardt J. L., Travels in Syria and the Holy Land, London, 1822.

Cadalvène E, de et Barrault E., Histoire de la guerre de Méhémed-Ali contre la Porte Ottomane en Syrie et en Asie-Mineure (1831-1833), Paris, 1837.

Cadalvène E. de et Barrault E., Deux années de l'histoire d'Orient 1839-1840, faisant suite à l'histoire de la guerre de Méhémed-Ali en Syrie et en Asie-Mineure (1832-1833), Paris, 1840.

Carali Paolo P., Fakhr Ad-din II principe del Libano, I.II – II, Roma, 1936.

Catafago J., Histoire des emirs Maan, qui ont gouverné le Liban depuis l'année 1119 de J. C jusqu'à 1699. – «Journal Asiatique», 1864, № 2.

Charles-Roux E, Les échelles de Syrie et de Palestine au XVIII-e siècle, Paris, 1928.

Chateaubriand F. A. de., Itinéraire de Paris à Jérusalem et de Jérusalem à Paris en allant par Grèce, et revenant par l'Egypte, la Barbarie, et l'Espagne, t. 1-3, Paris, 1811.

Chebli M., Fakhreddine II Maan – prince du Liban, Beyrouth, 1946.

Chebli M., Une histoire du Liban à l'époque des emirs (1635-1841), Beyrouth, 1957.

Chevalier D., La Societe du Mont Liban a l'epoque de la revolution industrielle en Europe. Paris, 1971.

Churchill, Mount Lebanon a ten years' residence from 1842 to 1852, describing the manners, customs, and religion of its inhabitants with a full and correct account of the Druze religion and containing historical records of the mountain tribes, t. II III, London, 1853.

Churchill, The Druzes and the Maronites under the Turkish rule from 1840 to 1860, London, 1862.

Cohen A., The Guilds of Ottoman Jerusalem. Leiden, 2001

«Correspondance de Napoléon I-er, publiée par ordre de l'empereur Napoléon III», Paris, 1860.

Cuinet, Syrie, Liban, Palestine, Paris, 1898.

[Dandini T.] «Voyage du mont Liban, traduit de l'italien du R. P. Jerome Dandini...», Paris, 1675.

Denis A., Etudes politiques et diplomatiques sur le Liban, Paris, 1844.

Depping G. B., Histoire du commerce entre le Levant et l'Europe, vol. I – II, Paris, 1830.

Domes D., Justice and Oppression. Ottoman Rule in the Province of Damascus and the District of Hama, 1785-1841. Nijmegen, 1994.

Douwes D., The Ottomans in Syria. A History of Justice and Oppression. London– New York, 2000.

Edwards R., La Syrie. 1840-1862: histoire, politique, administration, population, religions et moeurs, événements de 1860 d'après des actes officiels et des documents authentiques, Paris, 1862.

Engelhardt Ed., La Turquie et le Tanzimat ou histoire des réformes dans l'Empire Ottoman depuis 1826 jusqu'à nos jours, t. I – II, Paris, 1882-1884.

Farah C.E., The Politics of Interventionism in Ottoman Lebanon, 1830-1861. London-New York, 2000.

Fawaz Leila Tarazi., Merchants and Migrants in Nineteenth Century Beirut. London, 1983.

Fawaz, Leila Tarazi, An Occasion for War – Civil Conflict in Lebanon and Damascus in 1860. Berkley-Los Angeles, 1994.

Guys H., Relation d'un séjour de plusieurs années à Beyrouth et dans le Liban, t. I – II, Paris, 1847.

Guys H., Statistique du pachalik d'Alep, Marseille, 1853.

- Guys H., Voyage en Syrie. Peinture des moeurs musulmanes, chrétiennes et israélites, Paris, 1855.
- Guys H., Esquisse de l'état politique et commercial de la Syrie, Paris, 1862.
- Hammer J. von., Geschichte des Osmanischen Reiches, bd I – X, Pest, 1827-1835.
- Harik I.F., Politics and Change in a Traditional Society Lebanon, 1711 – 1845. Princeton, 1968.
- [Hasselquist F.J. «Voyages dans le Levant dans tes années 1749, 50, 51 et 52... par Frédéric Hasselquist», Paris, 1769.
- Hitty Ph. K., History of Syria including Lebanon and Palestine, New York, 1951.
- Hitty Ph. K., The origins of the Druze people and religion with extracts from their sac red writings, New York, 1928.
- Hitty Ph. K., Lebanon in history from the earliest times to the present, London, 1957.
- Hopwood D., The Russian Presence in Syria and Palestine 1843-1914. Church and Politics in the Near East. Oxford, 1969.
- Hourani A., Arabic Thought in The Liberal Age (1798-1939). London, 1962.
- Hourani A., A History of the Arab Peoples. Cambridge, Massachusetts, 1991.
- Houry C. B., De la Syrie considérée sous le rapport commercial, Paris, 1842.
- Hunter W. P., Narrative of the expedition to Syria under the command of admiral the Hon. Sir Robert Stopford, comprising an account of the capture of Gebail, Tripoli and Tyre; storming of Sidon; battle of Calat-Meidan, bombardment and capture of St. Yean dAcre etc., vol. I – II, London, 1842.
- Jonquiere de la, Histoire de l'Empire Ottoman depuis les origines jusqu'à nos jours, vol. I – II, Paris, 1914.
- Ismail Adel, Histoire du Liban de XVII siecle a nos jours. T I. Beyrouth, 1955; T IV Beyrouth, 1958.
- Issawi Ch., The Fertile Crescent, 1800-1914. New York/Oxford, 1988.
- Juchereau de Saint-Denys, Histoire de l'Empire Ottoman depuis 1792 jusqu'en 1844, I-IV, Paris, 1844.
- [Laborde A. de) «Voyage en Orient (Asie Mineure, Syrie, Palestine), par Alex. de Laborde (1828 – 1829), rédigé par L. de Laborde, vol. I – II, Paris, 1837-1838.

- Lammens H., *La Syrie. Précis historique*, vol. I – II, Beyrouth, 1921.
- Laoust H., *Les gouverneurs de Damas sous les mamlouks et les premiers ottomans (658-1156/1260-1744) traduction des annales d'ibn Tulun el d'ibn Gum'a*, Damas, 1952.
- Laurent A., *Relation historique des affaires de Syrie, depuis 1840, jusqu'en 1842; statistique générale du Mont-Liban*, I.I, Paris, 1846.
- Leeuwen R. van. *Notables and Clerge in Mount Lebanon. The Khazin Sheikhs and the Maronite Church (1736-1840)*. Leiden/New York/Koln, 1994.
- Lockroy Ed, *Ahmed le Boucher. La Syrie et l'Egypte au XVIII-e siècle*, Paris, 1888.
- Ma'oz M., *Ottoman Reform in Syria and Palestine, 1840-1861. The Impact of the Tanzimat in Politics and Society*. Oxford, 1968.
- Marcus A., *The Middle East on the Eve of Modernity. Aleppo in the Eighteenth Century*. New York, 1989.
- Masson P., *Histoire du commerce français dans le Levant au XVIII-e siècle*, Paris, 1611.
- Maundrell H., *Voyage d'Alep à – Jérusalem à Pâques en l'année 1697*, Utrecht, 1705.
- Michaud J. F. et Poujoulat J. E, *Correspondances d'Orient*, vol. I-VII, Paris, 1833– 1835.
- [Monconys] «*Journal des voyages de monsieur de Monconys, conseiller du Roy en ses Conseils d'Etat... publié par le sieur de Liergues, première partie voyage de Portugal, Provence, Italie, Egypte, Syrie, Constantinople et Natolie*», Lyon, 1665.
- Nahoum (Haim Effendi), *Recueil des firmans impériaux ottomans adressés aux valis et aux khédives d'Egypte. 1006-1322 H (1597-1904)*, Le Caire, 1934.
- Napier Ch., *The war in Syria*, vol. I – II, London, 1842.
- Neale F. A., *Eight years in Syria, Palestine, and Asia Minor, from 1842 to 1850*, vol. I – II, London, 1851.
- Ohsson, M d', *Tableau général de l'empire ottoman*, t. 1-7, Paris, 1788-1824.
- Pellé Cl. et Galibert L., *Voyage en Syrie et dans l'Asie Mineure, illustré par cent-vingt magnifiques gravures sur acier...*, Paris, 1840.
- «*Pièces communiquées à la chambre des députés sur les affaires du Liban pendant les années 1843, 1844, 1845*, Paris, 1846.
- Perrier F., *La Syrie sous le gouvernement de Méhémet-Ali jusqu'en 1840*, Paris, 1842.

[Pockocke R.] «Voyages de Richard Pockocke, membre de la société royale, et de celle des Antiquités de Londres etc. en Orient, dans l’Egypte, l’Arabie, la Palestine, la Syrie, la Grece, la Thrace, etc.», t. 1-6, Neuchatel, 1772-1773.

Poliak A.N., Feudalism in Egypt, Syria, Palestine and the Lebanon, 1250-1900, London, 1939.

Polk W.R., The Opening of South Lebanon, 1788-1840. A Study of the Impact of the West on the Middle East. Cambridge, 1963.

Poujade E., Le Liban et la Syrie 1845-1860, Paris, 1867.

Rabbath (Le père Antoine) et Toumebize (Le père François), Documents inédits pour servir a l’histoire du Christianisme en Orient. (XVIe-XIXe siècle), vol. 1-6, Beyruth, Paris, 1905-1921.

Rafeq A.K., The Province of Damascus, 1723-1783. Beirut, 1966.

[Raguse, maréchal] «Voyage du maréchal due de Raguse en Hongrie... dans quelques parties de l’Asie-Mineure, en Syrie, en Palestine et en Egypte», vol. 1-5, Paris, 1837-1839.

Robinson G., Voyage en Palestine et en Syrie, vol. I – II, Paris, 1838.

Roque de la, Voyage de Syrie et du Mont-Liban, I.I – II, Amsterdam, 1723.

Rousier L., Voyage à la Terre-Sainte, Monuments moeurs, usages de l’Egypte, de la Sy rie, de la Palestine, Paris, 1844.

Röhrich R., Bibliotheca geographica Palaestinae. Chronologisches verzeichniss der auf die Geographie des Heffigen Landes Bezüglichen Literatur von 333 bis 1878, Berlin, 1890.

Sabry M., L’Empire égyptien sous Mohammed-Ali et la question d’Orient (1811-1849), Paris, 1930.

Salle E. de, Pérégrinations en Orient ou voyage pittoresque, historique et politique en Egypte, Nubie, Syrie, Turquie, Grèce pendant les années 1837-38-39, vol. I – II, Paris, 1840.

[Salvator Lusingnan] «A Genuine voyage to Smyrna etc., a minute detail of the present state of Jerusalem made during a three years’ residence in that city with a relation of the pilgrim’s journey to the Holy land by S. Lusingnan», vol. 1-2, London, 1801.

Schatkowski-Schilcher L., Families in Politics: Damascene Factions and Estates in 18-th and 19-th Centuries. Stuttgart, 1985.

Scholl H. F., Abriss der Geschichte des Krieges 1840-41 in Syrien, Wien, 1866.

Temperley H., England and the Near East, The Crimea, London, 1936.

Testa J. (baron de), Recueil des traités de la Porte Ottomane avec les puissances étrangères depuis le premier traite conclu en 1536... jusqu’à nos jours, vol. 1-4, Paris, 1892-1894.

[Thévenot J. de] «Relation d'un voyage fait au Levant... par M. de Thévenot», vol. I – II, Paris, 1664.

Thévenot J. de, Suite du voyage de Levant, Paris, 1674.

Tibawi A.L., British Interests in Palestine, 1800-1901. Paris, 1961.

Ubicini M.A., Lettres sur la Turquie ou tableau statistique, religieux, politique, administratif, militaire, commercial, etc. de l'empire ottoman, depuis le Khatti-Cherif de-Gulckané (1839), p. I – II, Paris, 1853-1854.

Urquhart D., The Lebanon (Mount Souria). A history and a diary, vol. I – II, London, 1860.

Verney N. et Dambmann G, Les puissances étrangères dans le Levant en Syrie et en Palestine, Paris, 1900.

Vingtrinier A., Soliman-Pacha-colonel Sève-Généralissime des armées égyptiennes ou histoire des guerres d'Egypte de 1820 à 1860, Paris, 1886.

Volney F., Voyage en Syrie et en Egypte, vol. I – II, Paris, 1787.

Widenmann Ed., Acht Wochen in Syrien. Ein Beitrag zur Geschichte des Feldzuges 1840, Stuttgart, 1841.

Wood A.C., A history of the Levant company, Oxford, 1935.

- أبو شقرا (عارف) – الحركات في لبنان إلى عهد المتصرفية، بيروت ١٩٥٢
[باز رستم] مذكرات رستم باز، بيروت ١٩٥٥
بليبل ادمون – تاريخ لبنان العام (6.C.)
الحلو يوسف خطار – العاميات الشعبية في لبنان ١٨٢٠ – ١٨٢١ – ١٨٤٠
صفحات مطوية من التاريخ اللبناني، بيروت ١٩٥٥
داود بركان – ذكرى البطل الفاتح ابراهيم باشا، القاهرة ١٩٣١
الدمشقي مخائيل تاريخ حوادث الشام ولبنان من سنة ١١٩٨ إلى سنة ١٢٥٧ هجرية (١٧٨٢ – ١٨٢١ مسيحية) بيروت ١٩١٢
إخالدي احمد – لبنان في عهد الامير فخر الدين الثاني، بيروت ١٩٣٦
رستم اسد – الاصول العربية لتاريخ سوريا في عهد محمد علي باشا، بيروت ١٩٣٠ – ١٩٣٤
رستم اسد – بشير بين السلطان والعزيز ١٨٠٤ – ١٨٤١، بيروت ١٩٥٦ – ١٩٥٧
سليمان عزالدين – ابراهيم باشا في سورية، بيروت ١٩٢٩
الشدياق طنوس – كتاب اخبار الاعيان في جبل لبنان، بيروت ١٨٥٩
الشهابي حيدر – لبنان في عهد الامراء الشهابيين، بيروت ١٩٣٣ – ١٩٣٦
طرازي فيليب – تاريخ الصحافة العربية، بيروت ١٩١٣
كرد علي محمد – كتاب خطط الشام، دمشق ١٩٢٥
فائز خليل همام – ابو سمران غانم او البطل اللبناني، القاهرة ١٩٠٥
مجموعة المحررات السياسية والمفاوضات الدولية عن سوريا و لبنان من سنة ١٨٤٠ إلى سنة ١٩١٠، دمشق ١٩١٠
مزهر يوسف – تاريخ لبنان العام، بيروت ١٩٥٨

Терминологический словарь

Ага-паша (тур.) – начальник янычарского корпуса.

Акал (от араб. акыл – умный, знающий) – религиозные руководители друзов. Акалы считались людьми «посвященными» и обладающими религиозным «знанием».

Аман (араб.) – покровительство, оказываемое мусульманским правителем или крупным феодалом населению (чаще христианскому).

Ансарии – нусайриты, также алавиты – шиитская секта.

Арабистан-ордусу, Арабистан-ордусы* – Аравийский корпус.

Аян (араб.) – знатные лица, феодалы.

Бакалум (тур.) – «посмотрим!»

Бакшиш (перс.) – «чаевые».

Башибузуки – название отрядов иррегулярной турецкой пехоты, получавшей от правительства оружие и продовольствие и не состоящей на жалованье.

Бей (тур.), бек (араб.) – правитель санджака Османской империи. В XIX в. этот титул давался старшим офицерам и чиновникам.

Бейлик (тур.) – административная единица в Османской империи.

Бейликчи (тур.) – чиновник в султанском диване, подведомственный Министерству иностранных дел Османской империи.

Бейт аль-маль (араб.) – управление по выморочным имуществам.

Без (тур.) – белый.

Бунчук – конский хвост на пике; у турок знак власти и сана пашей (однбунчужный, двухбунчужный и трехбунчужный паша).

Буюрульды (тур.) – распоряжение, приказ Порты или губернатора.

Вакф (араб.) – имущество, завещанное на благотворительные цели, движимое и недвижимое имущество, освобожденное от налогов, доходы с которого поступают в пользу мусульманского духовенства.

Валиде-султанша (тур.) – титул матери султана.

Ваххабиты (веххабиты) – последователи религиозно-политического учения, возникшего в Неджде в конце XVIII в.

Везир (арабо-перс.) – высший правительственный сановник в Османской империи и других странах Ближнего и Среднего Востока.

Векиль (араб.) – доверенное лицо, выбираемое христианским населением; в его обязанности входила защита интересов своих единомышленников.

Великий везир – глава государственного управления в Османской империи.

Верги (тур.) – подушный налог, введенный в Сирии в начале 40-х годов XIX в., взимаемый со всего населения независимо от вероисповедания; с 1858 г. превратившийся в налог, взимаемый с движимого и недвижимого имущества.

Гази (араб.) – мусульманский «борец за веру».

Гяур (тур.), арабский синоним «кафир», – в мусульманских странах презрительное название немусульманина.

Дели (тур.) – название иррегулярных кавалерийских частей в турецкой армии, выполнявших функции сторожевых войск.

Дервиш (перс.), арабский синоним «факир», – мусульманский монах, приверженец суфизма.

Деребей (тур.) – феодальный владетель.

Дефтердар (тур.-перс.) – чиновник финансового ведомства в Османской империи.

Джахил (араб.) – рядовые дружки и светские феодалы, не пользующиеся религиозным авторитетом (в противоположность акалам).

Джереме (тур.) – штраф, взимаемый феодалом или чиновником за различные провинности.

Джизья (араб.) – подушная подать, позже – поземельный налог.

Джирде – повинность с населения Сирии, заключающаяся в поставке продовольствия для каравана паломников.

Диван (перс.-араб.) – правительственное учреждение.

Диван-машвара (араб.) – орган городского управления.

Драгоман (араб.) – переводчик при дипломатическом или консульском представительствах.

Друзы – члены мусульманской секты в Сирии и Ливане.

Енчарие – феодальная группировка в Халебе, связанная с ремеслом и торговлей.

Зу-ль-када, Зиль-каде* (араб.) – название одиннадцатого месяца мусульманского года.

Илам (араб.) – официальный документ, содержащий постановление суда.

Ильтизам (араб.) – откупная система сбора податей в Османской империи.

Имам (араб.) – служитель мусульманского религиозного культа; в теократических (преимущественно в шиитских) государствах – верховный правитель, государь.

Иншалла, Иншаллах* (араб.) – «если будет угодно Аллаху».

Исмаилиты – члены широко распространенной шиитской секты.

Йезиды (езиды) – религиозная секта курдов Ирака и Сирии.

Кааба, Кеаба* (араб.) – мечеть в Мекке. Объект паломничества мусульман.

Кавас (араб.) – низший полицейский чин в Османской империи, приставлявшийся к дипломатическим агентам и к турецким сановникам в качестве телохранителя.

Кавук (тур.) – старинный турецкий головной убор пашей, представляющий шапку, обвязанную чалмой.

Кади (араб.) – мусульманский судья, ведущий дело по шариату.

Каймакам (араб.) – в армии чин полковника. В Ливане между 1842 и 1861 г. – правитель каймаками (округа).

Канун (араб.) – закон, издаваемый султаном.

Капиджи (тур.) – один из младших придворных чинов в Османской империи.

Капудан-паша, капитан-паша* – командующий флотом в Османской империи, адмирал.

Капы-кеая (тур.) – староста; управляющий; чиновник, назначавшийся на службу при санджакбеях, а также в управление патриаршества.

Катиб, киатиб* (араб.) – должность в провинциальных управлениях в Османской империи.

Каффар – дорожная пошлина, взимаемая с христиан.

Кизляр-ага (тур.) – начальник евнухов.

Курбан-байрам (тур.) – праздник жертвоприношения; главный праздник мусульман-суннитов.

Куруш – денежная единица, принятая в Османской империи; в разные годы курс менялся.

Кысмет (тур.) – судьба, доля.

Левенди – название иррегулярных частей морской пехоты в Османской империи.

Мабеин (тур.) – приемный зал во дворце султана или сановника.

Магрибин, мотребин* (араб.) – житель Магриба (Северной Африки).

Мали арзи ве аклам (тур.) – канцелярия податного ведомства в санджаке, вилайете или казе.

Мамлюк, мамлук* (араб.) – раб-воин тюркского или кавказского происхождения в Египте.

Мансурие – «победоносные войска ислама».

Махмаль, махмил* (араб.) – богато украшенный паланкин, в котором перевозилось покрывало (кисва) для Каабы. Махмаль ежегодно доставлялся в Мекку с кара ваном паломников.

Меджлис (араб.) – одно из названий органов городского управления.

Медресе (араб.) – мусульманское училище.

Мехкеме (араб.) – мусульманский суд; иностранцы и немусульмане ему не были подсудны.

Мешок – денежная сумма в 500 пиастров.

Мири – форма государственной земельной собственности и поземельный налог в Османской империи.

Мирмиран (тур.) – двухбунчужный паша, начальник вооруженных сил округа.

Мудир (араб.) – глава провинции.

Мукаддам (араб.) – начальник, правитель округа; в армии – чин майора, на флоте – капитан. В дервишских орденах мукаддам являлся главой ордена или настоятелем монастыря.

Муката (араб.) – в Ливане – феодал. С 1861 г. – административная единица, округ.

Мукатаджи – владелец феодала. С 1861 г. – правитель округа. В Турции – чиновник финансового управления.

Мулазим (араб.) – младший офицер.

Муртад (араб.) – вероотступник, отрекшийся от ислама.

Муселим (тур.) – правитель уезда или города.

Мустешар (араб.) – советник великого везира.

Мугуалии – шииты, называющие себя адлие.

Муфти (араб.) – главный судья шариатского суда или представитель высшего мусульманского духовенства.

Мухасиль (араб.) – сборщик податей.

Мухасиллык (араб.) – должность сборщика податей, а также место (округ и т. д.) сбора податей.

Мушир (араб.) – титул турецких трехбунчужных пашей; командующий корпусом.

Мюжде (тур.) – вознаграждение, даваемое за радостную весть.

Наиб (араб.) – помощник судьи.

Накиб (араб.) – старшина, глава, председатель.

Намаз (тур.) – обрядовая молитва мусульман.

Низам (араб.) – название регулярной турецкой армии.

Нишан (араб.) – орден, знак отличия.

Нишан-ифтихар – турецкий орден, введенный султаном Селимом III для иностранцев, оказавших услуги Турции.

Паша (тур.) – титул военных и гражданских сановников в Османской империи. До середины XIX в. он давался везирам, правителям провинций и областей. После танзимата этот титул стал присваиваться только министрам и генералам.

Пашалык (тур.) – административная единица (провинция, область) Османской империи, находившаяся под управлением паши.

Пиастр – см. куруш.

Райя, рая* (араб.) – собирательное название податного населения в Османской империи. До XVIII в. этим термином называли как христиан, так и мусульман, впоследствии стало применяться лишь к немусульманам.

Рамадан, рамазан* (араб.) – девятый месяц мусульманского лунного года, в течение которого мусульмане соблюдают пост.

Реджеб (араб.) – седьмой месяц мусульманского лунного года.

Редиф (араб.) – солдаты турецкой регулярной армии, прошедшие строевую воинскую службу и зачисленные в запас.

Рупия, рубие* – денежная единица, монета, имеющая хождение в Индии и Юго-Восточной Азии.

Рюшфет (тур.) – взятка.

Саадатак (араб.) – «ваше превосходительство».

Садр-азам (араб.) – титул великого везира.

Санджак (тур.) – название административного округа в Османской империи, во главе которого стоял санджак-бей или мутасариф (губернатор). Санджак делился на уезды (каза), а несколько санджаков образовывали провинцию (вилайет).

Санджак шериф (тур.) – «знамя пророка», «священное знамя».

Сарраф (араб.) – меняла, сборщик податей в Египте.

Сеид (араб.) – титул, распространенный в мусульманских странах и принадлежащий лицам «благородного» происхождения. Кроме того, «сеид» – «потомок пророка», т. е. ведущий свое происхождение от Мухаммеда.

Сер-катиб, сир-киатиб* (перс.-араб.) – главный письмоводитель в канцеляриях дивана.

Сераль – резиденция турецкого султана и провинциальных пашей.

Сераскир (перс.-араб.) – главнокомандующий войсками в Османской империи.

Сердари экрем (перс.-араб.) – титул верховного главнокомандующего, давался великому везиру, когда он находился в действующей армии.

Сипахи, спахи* (перс.) – мелкий феодал, кавалерист в феодальном ополчении или в регулярной гвардии, состоявший на жалованье в Османской империи.

Спахилик (перс.-тур.) – феодальное владение сипахи.

Сунниты – мусульмане основного или ортодоксального направления в исламе.

Сурра-эмини (араб.-тур.) – чиновник, сопровождавший ежегодные дары султана в Мекку.

Танзимат хайрие – период буржуазных реформ в Османской империи в 1839 – 1870 гг.

Тевджихат (тур.) – султанский манифест.

Туман, или томан, – иранская золотая монета, находившаяся в обращении с XVIII в. до 30-х годов XX в. и равная 10 серебряным кранам (1 кран равен 4,1427 грамма чистого серебра).

Улемы (араб.) – сословие мусульманских богословов и законоведов в странах Ближнего Востока.

Фетва (араб.) – мнение мусульманского законоведа (муфия) о возможности совершения мероприятия или действия с точки зрения Корана и шариата.

Фирде – подушный налог, введенный Мухаммедом Али в Сирии в первой половине XIX в., взимаемый со всех подданных независимо от религиозной принадлежности.

Фирман (перс.) – приказ, исходящий от султана, в Османской империи.

Хаджи (араб.) – почетный титул мусульманина, совершившего хадж в Мекку.

Хаким, хакем* (араб.) – правитель области или округа; в области судопроизводства – судья, стоящий ниже кади.

Хакимбаши (тур.) – главный придворный лекарь.

Харадж (араб.) – поземельный и подоходный налог в мусульманских странах, взимаемый с немусульманского населения.

Хатти шериф, хат-шериф* (тур.) – «священная грамота», султанский манифест.

Хеджин (араб.) – название быстроходного верблюда.

Хиджра (араб.) – переселение Мухаммеда и первых мусульман из Мекки в Медину в 662 г. Мусульманское летосчисление по лунному календарю.

Чубухчи – мастер, изготавливавший трубки, а также слуга, приготавливавший кальян или трубку для курения.

Шараб-эмини (араб.) – виночерпий.

Шейх эль-бияд (араб.) – староста в деревне. В период мамлюков – комендант города Каира и фактический правитель Египта.

Шейх уль-ислам (араб.) – глава мусульманского духовенства.

Шейх эль-харим (араб.) – титул правителя мусульманской «священной области» (харам) в Хиджазе.

Шейх эш-шебаб (араб.) – предводитель отрядов христианского населения в Центральном Ливане в 40-х годах XIX в.

Шербет (араб.) – восточный прохладительный напиток.

Шериф (араб.) – почетное звание мусульманина, ведущего свое происхождение от Мухаммеда через его внука Хасана.

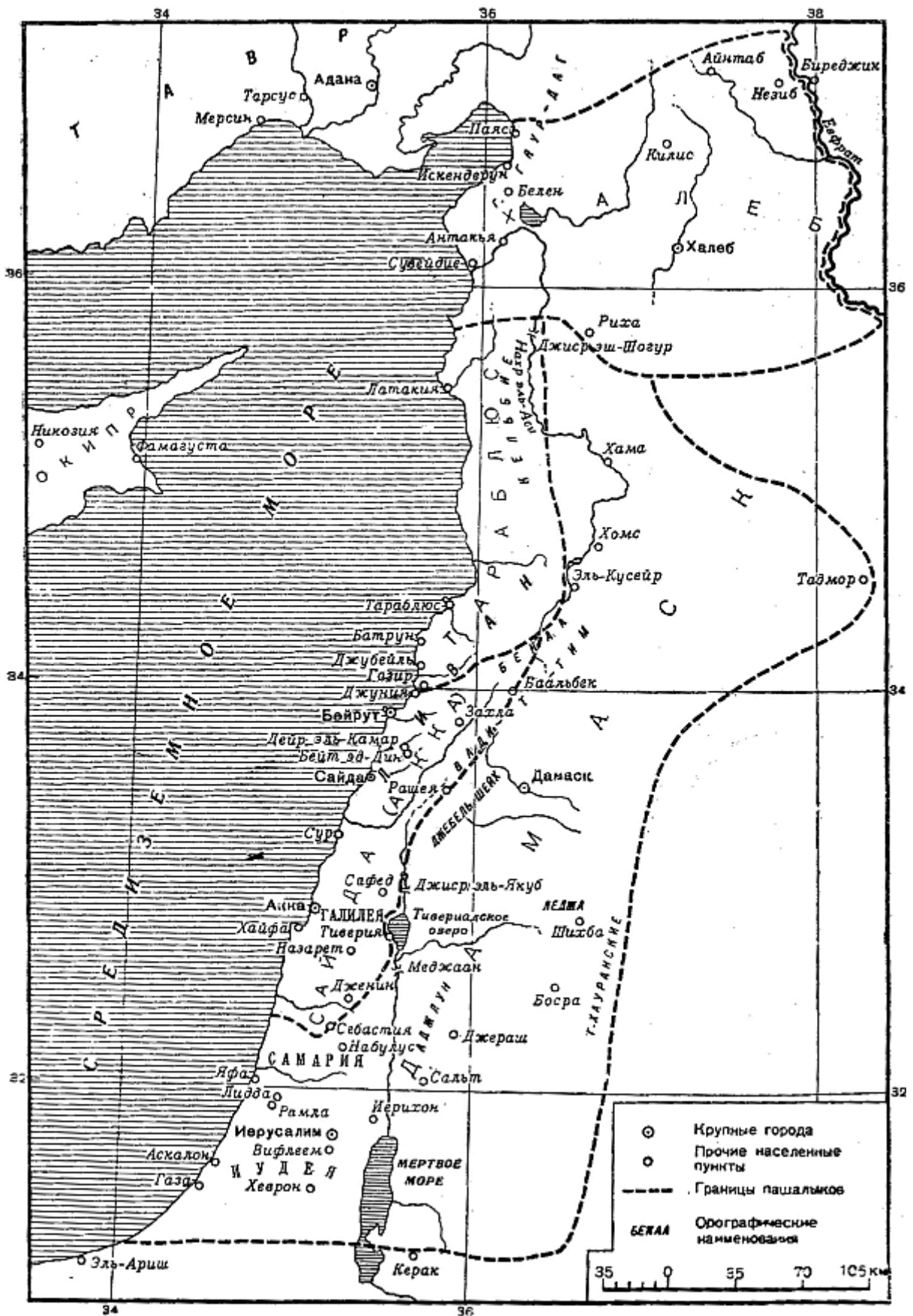
Шия, шииты (араб.) – последователи шиизма, одного из двух основных направлений в исламе.

Эйалет – наименование административно-территориальной единицы в Османской империи.

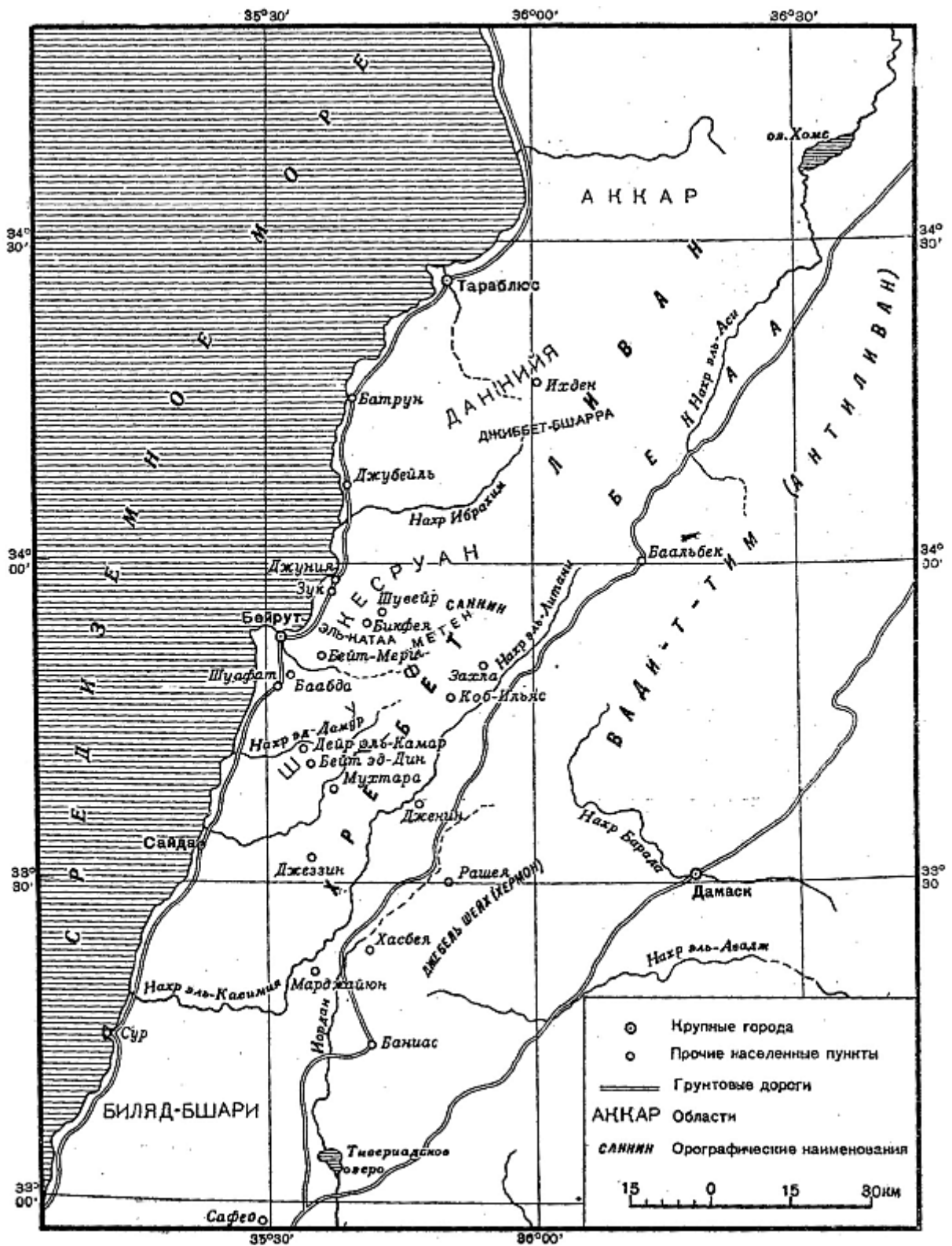
Эмир хаджи (араб.) – название начальника каравана паломников, отправлявшихся ежегодно в Мекку. Этот титул присваивался дамасскому паше.

Эмирие – феодальная группировка в Халебе, связанная с вакфным землевладением.

Янычары (тур.) – название регулярной пехоты в Османской Турции.

иван в начале XIX века

Административная карта Сирии в начале XIX века